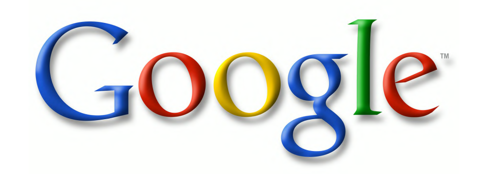

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

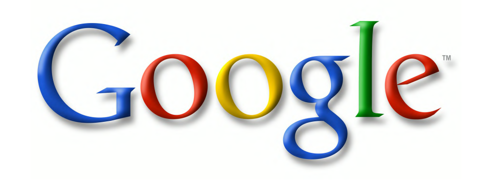
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

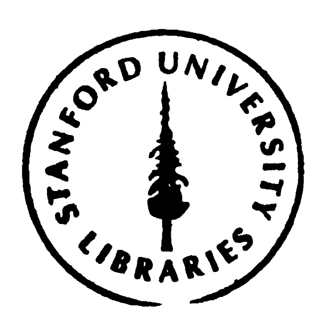
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Shafranov, S. - 380.

РУССКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ

ВЪ

УЧИЛИЩАХЪ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

Составили

СТАРШІЙ УЧИТЕЛЬ РИЖСКОЙ ГИМНАЗІИ

С. ШАФРАНОВЪ

и

СТАРШІЙ УЧИТЕЛЬ МИТАВСКОЙ ГИМНАЗІИ

И. НИКОЛИЧЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе третье книги пересмотрѣнной и увеличенной.

ПРОЗА.

Ревель,

изданіе Франца Клуга.

1872.

Дозволено цензурою. — Ревель, 8-го февраля 1872-го года.

PG2117
S5
v. 1

Печатано въ типографіи наслѣдниковъ Линдфорса въ Ревелѣ.

Предисловіе къ первому изданію.

Предлагаемая хрестоматія принаровлена исключительно къ условіямъ преподаванія русскаго языка въ дерптскомъ учебномъ округѣ, именно въ трехъ высшихъ классахъ гимназій и въ соотвѣтствующихъ имъ классахъ другихъ училищъ.

Такъ какъ риторика и піитика въ здѣшнихъ гимназіяхъ преподаются на нѣмецкомъ языкѣ, то обязанность — знакомить учениковъ съ образцами всѣхъ родовъ и видовъ словесныхъ произведеній, прозаическихъ и стихотворныхъ — лежитъ непосредственно на нѣмецкихъ хрестоматіяхъ, и сообразно съ тѣмъ, по первоначальному плану предполагалось помѣстить въ этой книгѣ только статьи, имѣющія литературно-изящное и обще-русское — народное (по возможности художественно-народное) значеніе. Статьи же писателей съ языкомъ устарѣлымъ, или имѣющимъ только историко-литературное значеніе собственно не могли войти въ составъ этой книги, которая должна служить руководствомъ къ практическому изученію современнаго русскаго языка и слога. Но по предписанію дерптскаго учебнаго комитета составители хрестоматіи помѣстили въ ней образцы произведеній стихотворцевъ прошедшаго столѣтія и образцы стихотворныхъ переводовъ, однако, съ цѣлію удержанія первоначальнаго плана, сдѣлали это въ видѣ особыхъ приложеній (Приложенія 2-е и 3-е). Встрѣчающіеся въ этихъ образцахъ архаизмы языка и слога указаны въ примѣчаніяхъ, каковыми снабжены и всѣ другія статьи хрестоматіи, съ цѣлію облегчить ученику уразумѣніе такихъ выраженій и оборотовъ, объясненія которыхъ онъ не нашелъ бы въ русско-нѣмецкихъ словаряхъ.

Относительно выбора статей, по ихъ объему и содержанію, считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ отдѣлъ духовнаго краснорѣчія не вошли образцы словъ спеціально-догматическихъ, а выбраны лишь отрывки объ общихъ нравственныхъ задачахъ, но такъ, что каждый отрывокъ представляетъ законченное цѣлое, съ возможно-меньшимъ количествомъ церковно-славянскихъ текстовъ, вездѣ впрочемъ объясняемыхъ по-русски. Три слова „о

зимѣ“ помѣщены вполнѣ, ради обще-доступности ихъ содержанія и по ихъ поэтическому колориту. Статьи свѣтскаго краснорѣчія избраны такія, которыя, сверхъ своего достоинства по формѣ, служатъ, по содержанію своему, дополненіемъ къ краткому очерку исторіи русской словесности, приложенному къ концу стихотворной части. Историческія статьи трехъ родовъ: а) изображеніе характеровъ извѣстнѣйшихъ историческихъ лицъ, не въ видѣ готовыхъ, голословныхъ выводовъ изъ разсказа о событіяхъ, не вошедшаго въ хрестоматію, но въ объективномъ представленіи такого событія, въ которомъ характеръ исторической личности рѣзко обозначился одною или нѣсколькими сторонами. Таковы статьи: Митрополитъ Московскій Филиппъ, Князь Андрей Курбскій, Святославъ въ Греціи и другія. б) Цѣльное (съ началомъ и концомъ) изображеніе историческаго событія, таковы: Убіеніе Князя Андрея Боголюбскаго, Гибель Лже-Димитрія 1-го, Осада Риги Шереметьевымъ и проч. с) Полныя историческія картины, напр. Стрѣлецкій раскольническій мятежъ въ Москвѣ, Прутскій походъ и 4 картины изъ войны 1812-го года, изъ которыхъ каждая есть самостоятельное цѣлое, а всѣ четыре, взятыя вмѣстѣ, напечатлѣваютъ въ душѣ полное и ясное представленіе объ этой величайшей эпохѣ во всей нашей исторіи. Обширность ихъ есть непремѣнное условіе какъ для произведенія цѣльнаго впечатлѣнія, такъ и для сообщенія понятія объ историческомъ изложеніи.

Одну изъ особенностей предлагаемой хрестоматіи составляютъ образцы устной, народной словесности, въ такомъ количествѣ и такимъ образомъ сопоставленные, что изображаютъ въ нѣкоторой связи внутренній бытъ народа. Не считая нужнымъ распространяться о важности, какую предметъ этотъ имѣетъ самъ по себѣ, мы укажемъ лишь на ту пользу, какую здѣшнее юношество можетъ получить отъ ознакомленія съ языкомъ устной народной словесности. Въ произведеніяхъ ея, какъ бы въ самородныхъ кристаллахъ, совмѣщены всѣ существенныя свойства и красоты нашего языка, ручающіяся за его блистательное развитіе въ письменности. Искренность и простота, ясность, сила и краткость рѣчи благодѣтельно подѣйствуютъ на учениковъ, которые вообще имѣютъ привычку выражаться изысканно, запутанно, вяло и растянуто. Кромѣ того практическое ознакомленіе съ устной народной словесностью можетъ хотя нѣсколько восполнить въ нашихъ воспитанникахъ недостатокъ того запаса живой рѣчи, какой во внутреннихъ губерніяхъ дѣти приносятъ съ собою въ училище изъ домашней жизни, и тѣмъ самымъ облегчить имъ пониманіе произведеній новѣйшей русской словесности, въ которой очевидно стремленіе сблизить какъ можно тѣснѣе письменную рѣчь съ разговорною, народною.

Къ хрестоматіи приложенъ систематическій очеркъ исторіи русской словесности, съ цѣлію дать ученикамъ руководство, которое и самымъ объемомъ своимъ соотвѣтствовало бы условіямъ преподаванія здѣсь этой науки. Впрочемъ не только ученики 1-го класса, которымъ эта наука преподается,

но и прочіе, смотря по своей охотѣ, а наконецъ и всѣ, домашнимъ образомъ занимающіеся русскимъ языкомъ, могутъ исподоволь ознакомиться съ главнѣйшими дѣятелями отечественной словесности. Служа пополненіемъ для хрестоматіи, очеркъ исторіи русской словесности самъ значительно ею восполняется, потому что занимающійся найдетъ въ той же самой книгѣ фактическое подтвержденіе научныхъ положеній учебника, а также сужденіе извѣстныхъ нашихъ ученыхъ о главнѣйшихъ явленіяхъ русской словесности въ статьяхъ свѣтскаго краснорѣчія (Шевырева, Погодина и др.) *).

Книга снабжена удареніями, потому что хотя при особенно старательномъ и искусномъ учителѣ ученикъ со временемъ можетъ конечно привыкнуть къ употребленію большею частію правильнаго ударенія и безъ помощи книгъ, снабженныхъ удареніями; но при употребленіи таковыхъ должна значительно сократиться трата усилій и времени. Для занимающагося же домашнимъ образомъ книга съ удареніями есть сущая необходимость. Ударенія не выставлены въ стихотворной части по той причинѣ, что въ стихахъ самый размѣръ указываетъ на мѣсто ударенiй; въ очеркѣ исторіи русской словесности потому, что онъ назначается преимущественно для учениковъ высшаго класса. Кромѣ того ударенія не означены и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ съ тою цѣлію, чтобы учитель могъ увѣриться, до какой степени ученики привыкли къ правильному помѣщенію ударенія.

---

*) Особенною признательностію обязаны составители заслуженному профессору Степану Петровичу Шевыреву, научными изысканіями котораго они въ своемъ трудѣ преимущественно пользовались.

Предисловіе ко второму изданію.

При пересмотрѣ книги для втораго изданія удержано прежнее ея направленіе, соотвѣтственно съ ея назначеніемъ, но нѣкоторыя статьи, оказавшіяся на опытѣ неудобными къ употребленію, выпущены, другія, по той-же причинѣ, значительно сокращены; въ замѣнъ того помѣщено до 30 новыхъ статей новѣйшихъ писателей, или такихъ, которые достойно оцѣнены только въ послѣднее время. Сверхъ того и въ первую часть введенъ новый отдѣлъ: народная русская словесность, съ цѣлію, достаточно объясненною въ предисловіи къ первому изданію. Еще одно замѣчаніе о встрѣчающемся въ книгѣ орѳографическомъ разнообразіи. Въ послѣдніе годы въ русской орѳографіи произведены многія перемѣны, отчасти съ цѣлію ея упрощенія; но какъ онѣ еще не повсемѣстно приняты, то въ статьяхъ, удержанныхъ отъ перваго изданія, оставлена прежняя орѳографія, какая встрѣчается еще въ большей части учебниковъ и въ оффиціальной письменности.

Предисловіе къ третьему изданію.

По предложенію почтеннаго издателя книги, она вновь пересмотрѣна для третьяго изданія. При семъ отдѣлъ духовнаго краснорѣчія, по указанію учебнаго опыта, сокращенъ на пять статей, одна историческая переводная статья замѣнена оригинальною и вновь помѣщена одна статья въ описательномъ родѣ. Кромѣ того книга снабжена, въ потребныхъ мѣстахъ, ссылками на учебники русскаго синтаксиса, употребляющіеся въ большинствѣ училищъ прибалтійскаго края. Наконецъ во всей книгѣ введено однообразное, господствующее теперь правописаніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. ПРОЗА.

I. Краснорѣчіе.

а) Духовное краснорѣчіе.

Филарета Митрополита Московскаго:

b) *Сказки.*

c) *Пословицы.*

III. Рѣчь описательная.

IV. Письма.

Объясненіе нѣкоторыхъ, употребленныхъ въ хрестоматіи сокращеній.

Ц. слав. значитъ Церковнославянская форма.

Прст. нар. или **прстр.** = простонародно.

Неуп. = неупотребительно.

Малоуп. = малоупотребительно.

Устар. = устарѣлое выраженіе.

Св. = святой. **Св. писаніе** = Священное писаніе.

т. е. = то есть.

вм. = вмѣсто.

Снт. Ш. = Синтаксисъ (русскій) Шафранова.

Нкл. Снт. ст. = Николича синтаксисъ, статья.

Прим. = Примѣчаніе.

А. Проза.

I. Красноречіе.

а) Духовное краснорѣчіе.

1. О смиреніи.

Изъ слóва Митрополúта Филарéта мáрта 25-го дня 1848.

Éсли нѣтъ ничегó протúвнѣе Бóгу, какъ гóрдость, потомý что въ ней скрывáется обоготворéніе себя́; то, по противоположности, всегó пáче [1]) должнó быть пріятно Бóгу смирéніе, котóрое, вмѣня́я [2]) себя́ за ничтó [3]), вся́кое блáго, честь и слáву вописýетъ [4]) Бóгу. Гóрдость не пріéмлетъ [5]) благодáти, потомý что наполнена собóю: смирéніе удóбно пріéмлетъ благодáть, потомý что упразденó какъ отъ себя́ [6]), такъ и отъ вся́кой твáри. Éсли гóрдость áнгеловъ съ нéба низрúнула во адъ; то, по противоположности, надлежúтъ заключúть, что смирéніе отъ сáмаго áда, тó есть, отъ сáмой глубины́ грѣхá, мóжетъ возвестú на нéбо. Éсли высшая изъ добродѣтелей, *любóвь*, по слóву Апóстола, *долготерпúтъ, не завúдитъ* [7]), *не превознóсится, не раздражáется, николúже* [8]) *отпадáетъ* (1 Коринѳ. 13, 4—8): то э́то потомý, что её поддéрживаетъ и ей споспѣшествýетъ смирéніе.

Смирéніе есть сóль добродѣтелей. Какъ сóль придаётъ пúщамъ вкусъ: такъ смирéніе сообщáетъ добродѣтелямъ совершéнство. Безъ сóли пúща удóбно повреждáется: безъ смирéнія добродѣтель удóбно растлѣвáется гóрдостію, тщеслáвіемъ, нетерпѣлúвостію и погибáетъ.

Есть смирéніе, котóрое человѣкъ стяжавáетъ [9]) своúмъ пóдвигомъ, познавáя свою́ нéмощь, недостóинство, ничтóжество, тáйно укоря́я себя́ за своú погрѣшности и недостáтки, не позволя́я себѣ́ судúть блúжнихъ, укрощáя себя́ трудóмъ и послушáніемъ, избирáя во всёмъ простóе и неизъúсканное. И есть смирéніе, въ котóрое вводúтъ человѣ́ка Богъ судьбáми своúми, попускáя емý испытывать оскорблéнія, укорéнія, уничижéніе, лишéнія.

Съ надéждою подвизáйтесь дѣятельно[10]) смирять сáми себя, возбуждáя себя словáми Апóстола Іáкова: *смирѝтеся предъ Гóсподемъ*[11]) *и вознесéтъ вы*[12]) (Іак. 3, 10). Съ довѣріемъ предавáйте себя смиряющему Бóгу, внимáя увѣщáнію Апóстола Петрá: *Смирѝтеся подъ крѣпкую рýку Бóжію, да вы*[12]) *вознесéтъ во врéмя* (1 Петр. 5, 6).

[1]) Пáче Ц. слав. — бóлѣе, сравнител. степень отъ пáки — опять. [2]) вм. считáя. [3]) вѣрнѣе: ни во что. [4]) восписýетъ Ц. слав. = приписываетъ. [5]) пріéмлетъ Ц. слав. — принимáетъ. [6]) упразднено́ отъ себя́ = не зáчято собóю. [7]) Ц.слав. не завѝдуетъ. [8]) Ц.слав. никогдá не. [9]) Ц слав. пріобрѣтáетъ. [10]) упражняйтесь въ смирéніи самѝхъ себя. [11]) Ц.слав. Гóсподомъ. [12]) Ц слав. васъ.

---

2. О роскоши.

Изъ слóва Митрополѝта Филарéта въ день 15. áвгуста 1847.

Какъ мнóго у мнóгихъ поглощáетъ вниманія[1]), какъ мнóго похищáетъ врéмени, какъ мнóго средствъ истощáетъ усѝленная страсть къ блéску и пріятностямъ нарýжной жѝзни, въ жилѝщѣ, въ одéждѣ, въ пѝщѣ, въ питіи[2]), въ увеселéніяхъ! Сіи мнóгіе дýмаютъ, или и говорятъ: какáя въ томъ бѣдá, что мы ѝщемъ своегó удовóльствія[3])? Жáлкое для дѣятельности разýмнаго и нрáвственнаго существá оправдáніе, что отъ нея нѣтъ бѣды! Не заключáется ли въ семъ оправдáніи обвинéніе, что въ сей дѣятельности нѣтъ добрá, нѣтъ пóльзы, нѣтъ достóинства? Но éсли для исправлéнія вáшей дѣятельности непремѣнно нáдобно указáть на рóзгу грозящей бѣды: то посмотрѝте, какъ, по мѣрѣ разлѝва рóскоши, уменьшáется довóльство, и до чрезмѣрности увелѝчивается на днѣ óбщества отсѣдъ[4]) нечѝстой и тунеядной нищеты; какъ пристрáстіе къ блéску, переходя отъ богáтыхъ къ небогáтымъ, производѝтъ неразбóрчивость въ срéдствахъ удовлетворять óному[5]), и повреждáетъ нрáвственность чáстную и общéственную, а съ нéю и порядокъ и безопáсность; какъ привычка утѣшáться благовѝдностями нарýжной жѝзни прокрáдывается въ жизнь духóвную и повреждáетъ нрáвственное чýвство; сдѣлавшаго дóброе дѣло оставляетъ недовóльнымъ, доколѣ онó не напечáтано и не провозглашенó; оказáвшему заслýгу не даéтъ успокóиться въ сознáніи заслýги, но мýчитъ егó жáждою отлѝчія внѣшняго.

Остережёмся, чтóбы не погрѣшáть въ опредѣлéніи сравнѝтельной цѣны нарýжнаго и внýтренняго, чтóбы не промѣнять злота на мѣдь и серебрá на óлово, чтóбы, останáвливаясь на нарýжномъ, не погрязнуть въ суетѣ. Не внýтреннее существýетъ для внѣшняго, но внѣшнее для внýтренняго, внѣшнія вѝдимыя блáга для тѣла, тѣло для душѝ, душá для Бóга и цáрствія Бóжія: а *цáрствіе Бóжіе*, по

слову Господню, *внутрь* [6]) *васъ есть* (Лук. 17, 21), если вы не поработились наружному и не потерялись въ немъ.

Занимайтесь и пользуйтесь наружнымъ соответственно потребности, съ умеренностію; но всегда поспешайте обращаться ко внутреннему.

Скажи украшенной храмине [7]): ты не чертогъ Небеснаго Жениха. Чертогъ Его — непорочное сердце. Онъ *веселяется верою въ сердца* (Еф. 3, 17).

Скажи изящнымъ одеждамъ: ни одна изъ васъ не годится быть *одеяніемъ брачнымъ* (Матө. 22, 12), въ которомъ входятъ на царскій бракъ, и безъ котораго извергаются во тьму кромешную. Сего одеянія не выткутъ на стане, и не принесутъ изъ чужой земли: оно частію подается свыше, частію вырабатывается собственными подвигами каждаго, по реченному [8]): облецытеся [9]) Господемъ [10]) нашимъ Іисусъ [11]) Христомъ (Рим. 13, 14); облецытеся во утробы щедротъ [12]), благость, смиренномудріе, кротость и долготерпеніе (Кол. 3, 12).

Скажи роскошному пиру: не сюда придетъ небесный гость, хотя онъ и обещалъ *внити* [13]) и *вечеряти* [14]) со всякимъ, кто Ему отверзетъ двери (Апок. 3, 20). У него иная пища: *не о хлебе единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголе, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Матө. 4, 4).

Скажите помысламъ тщеславія и корыстолюбія, когда они приближаются къ вашимъ добрымъ деламъ: удалитесь *лисы, губящія винограды* (Песн. 2, 15); мы хотимъ сохранить Господу винограда никемъ не [15]) тронутый плодъ.

[1]) Снт. III. § 76. Нкл. Снт. ст. 78. [2]) Ц. слав. — въ питье. [3]) Снт. III. § 41. 5) г). Нкл. Снт. ст. 79. [4]) неуп. — осадка. [5]) Снт. III. § 41. 5). Нкл. Снт. ст. 70. [6]) Ц. слав. — внутри [7]) Ц. слав. домъ, а также горница. [8]) .. какъ сказано, т. е. въ Свящ. писаніи. [9]) Ц. слав. облекитесь. [10]) Ц. слав. Господомъ. [11]) Ц. слав. Іисусомъ. [12]) милосердіе. [13]) Ц. слав. войти. [14]) Ц. слав. ужинать. [15]) Снт. III. § 38. 9). Нкл. Снт. ст. 34.

---

3. 1-е Слово о зиме.

После прочихъ временъ года наступило наконецъ и последнее — у насъ зима! Какая противоположность во всей видимой природе съ темъ [1]), что было летомъ [2]), и особенно весною [3])! Тогда все и везде кипело жизнію [4]); теперь повсюду оцепененіе и смерть! Замерли поля, лишившись и природнаго, и искуственнаго разнообразія своего, и окутавшись на всю зиму белымъ саваномъ снега; замерли воды, сокрывшись, какъ въ гробе, подъ толстою корою льда, не сгибающагося подъ самыми великими тяжестями; за-

мерли древá, и, сбрóсивъ лúстья, стоя́тъ неподвúжно, какъ сухíе, водружéнные въ зéмлю скелéты; зáмеръ сáмый вóздухъ, не оживля́емый бóлѣе ни всераздирáющими мóлніями [5]), ни всесотрясáющими звýками грóма, ни слáдкимъ пѣ́ніемъ птицъ, ни благоухáніемъ цвѣтóвъ. Сáмое сóлнце, хотя́ всеóбщій истóчникъ жúзни и движéнія, что ни день [6]), то бóлѣе клóнится съ нéба на зéмлю и какъ бы оскудѣвáетъ свѣ́томъ. Изъ живóтныхъ инíя удалúлись въ тёплыя стрáны, инíя прекратúли свою́ дѣ́ятельность и сокры́лись въ нѣ́дра землú; а инíя, не удаля́ясь отъ нáшихъ взóровъ, погрузúлись въ сонъ, похóжій на смéрть. Одúнъ человѣ́къ остáлся по прéжнему на безсмѣ́нной стрáжѣ трудá и гóрестей. Но врéмя зимы́ и для негó есть врéменемъ [7]) нѣ́котораго бездѣ́йствія и невóльнаго óтдыха. И [8]) плугъ, и веслó, и косá, и серпъ стоя́тъ тепéрь прáздны [9]): длúтся тóлько однá безконéчная борьбá человѣ́ка съ я́ростію стихíй, котóрыя при наступлéніи кáждой зимы́ вúдимо ожесточáются снóва. — Гóре томý, кто потерáлъ на пóлѣ путь среди́ вьюги! Гóре и томý, кто сидúтъ хотя́ и въ хúжинѣ, но не имѣ́етъ, чѣмъ [10]) прикры́ть наготы́ своéй [11]), или возгнѣ́сти́ [12]) огня́ [13]) въ своёмъ очагѣ́!

Таковá зимá! Врéмя гóда угрю́мое, непривѣ́тливое, усыпля́ющее, мертвя́щее! Какúмъ óбразомъ вошлá онá въ кругъ временъ гóда? Введенá ли первоначáльно рукóю Творцá, или пришлá пóслѣ тогó, такъ грѣ́хъ возмутúлъ порядокъ прирóды? При молчáніи о семъ Слóва Бóжія дерзновéнно бы́ло бы покусúться на рѣшéніе сегó вопрóса, дáбы неизмѣ́нной прóповѣди евáнгелія не подвéргнуть премѣ́нчивой судьбѣ́ урóковъ мýдрости человѣ́ческой, котóрая устáми одногó отвергáетъ то, чтó утверждáется устáми другáго. Въ замѣ́нъ сегó горáздо полéзнѣе бýдетъ примѣ́тить и сказáть, что éсли зимá тепéрь такъ тяжелá для человѣ́ка и враждéбна емý, то потомý, что въ слѣ́дствіе преступлéнія зáповѣди Едéмской онъ съ высоты́ богоподóбія и независúмости ниспáлъ подъ несвóйственное емý, и потомý разрушúтельное для негó влады́чество грýбыхъ стихíй. Будь [14]) человѣ́къ неприкосновéнъ для хлáда (а онъ былъ бы таковы́мъ, оставáясь въ состоя́ніи первобы́тнаго совершéнства): то зимá, éсли бы и существовáла въ настоя́щемъ ея́ вúдѣ, не окáзывала бы на негó тогó губúтельнаго влія́нія, какóе окáзываетъ тепéрь. Тогдá, вмѣ́сто изнурúтельной забóты о непрестáнной защúтѣ отъ хлáда, вся́кій изъ насъ могъ бы покойно предавáться своúмъ дѣлáмъ и поучúтельному созерцáнію нóвыхъ явлéній въ прирóдѣ, кóи представля́ются зимóю, и кóихъ нѣ́тъ у прóчихъ времéнъ гóда.

При ны́нѣшнемъ нáшемъ, по выражéнію Апóстола, порабощéніи стихíями мíра (Гал. 4, 4) намъ потомý сáмому, очевúдно, не такъ легкó и удóбно примѣчáть тепéрь въ устрóйствѣ зимы́ велúчіе и благость Десни́цы Твóрческой; но съ другóй стороны́, úменно по при-

чинѣ сегó печáльнаго и несвóйственнаго намъ порабощéнія, для насъ ещé нужнѣе вникáть въ э́то, дабы примири́ться скóлько нибу́дь съ свои́ми у́зами и престáть [15]) смотрѣть на цѣлое врéмя гóда, какъ на враждéбное нáшему благосостоя́нію. — Нѣтъ, зимá при всей сурóвости внѣшняго ви́да своегó, подóбно всѣмъ прóчимъ временáмъ гóда, есть не врагъ и губи́тель, а другъ и помóщникъ нашъ; онá испóлнена таки́хъ явлéній и карти́нъ, кои кáждаго внимáтельнаго зри́теля невóльно заставля́ютъ благоговѣть предъ Творцóмъ лѣтъ и времéнъ.

Для убѣждéнія въ семъ сдѣлаемъ, сообрáзно настоя́щему врéмени гóда, хотя́ крáткое обозрѣніе зи́мнихъ явлéній въ прирóдѣ, подражáя Псалмопѣвцу, котóрый не почитáлъ чу́ждымъ дáже своегó прорóческаго достóинства [16]), обращáться отъ созерцáнія тайнъ цáрства благодáти къ разсмотрѣнію градовы́хъ тучъ и бурь зи́мнихъ.

Сошéствіе къ намъ зимы́ рѣдко не сопровождáется бу́рями и мрáкомъ, напоминáющими собóю тотъ первобы́тный хáосъ, изъ кóего изведéнъ нѣкогда весь міръ настоя́щій. Кто бывáлъ въ подóбное врéмя нá-полѣ, или среди́ волнъ морски́хъ, тотъ знáетъ всю лю́тость подóбныхъ мину́тъ. Это годи́на у́жаса и разрушéнія!

Мóжно ли пóслѣ сегó ожидáть въ семъ хáосѣ какóго-либо соображéнія [17]) и поря́дка? Мéжду тѣмъ въ продолжéніе подóбныхъ бурь не пáдаетъ съ нéба ни однóй снѣжи́нки [18]), котóрая не былá бы во пéрвыхъ осмóтрѣна, при́брана и дáже укрáшена со всѣмъ тщáніемъ, и кóей, во вторы́хъ, нé было бы укáзано на лицѣ земли́ своегó мѣста и отношéнія къ други́мъ подóбнымъ áтомамъ.

Для убѣждéнія во всéмъ э́томъ вамъ слѣдуетъ тóлько улови́ть бéрежно нѣсколько снѣжи́нокъ, летя́щихъ въ э́той тьмѣ миллíонами [19]) и подвéргнуть ихъ разсмотрѣнію въ увеличи́тельное стеклó: — онѣ изумя́тъ васъ прáвильностію и вмѣстѣ изя́щностію своегó ви́да. Разнообрáзіе въ подрóбностяхъ до безконéчности; но глáвная и сущéственная фóрма всегдá однá и та же: э́то видъ звѣзды́, кóея [20]) основáніемъ слу́житъ однá на среди́ну другóй полóженная ли́нія, — или крестъ! — Мóжно ли пóслѣ сегó отрицáть бытіé нѣкоей [20]) всехудóжественной Десни́цы, изъ кóей во врéмя вьюгъ и бурь кáждый разъ сы́плется на насъ изъ облакóвъ э́то ди́вное многокрéстіе звѣздное? Въ такóй, многознаменáтельной для христiани́на фóрмѣ здѣсь, по ви́димому, нѣтъ никакóй ну́жды (и́бо кто обращáетъ внимáніе на видъ и состáвъ пáдающихъ снѣжи́нокъ, крóмѣ мáлаго числá естествоиспытáтелей?). Но всемогу́щая Десни́ца Творцá таковá, что изъ ней ничтó не мóжетъ выходи́ть безъ мы́сли и значéнія; — и вотъ кáждая снѣжи́нка имѣетъ видъ не тóлько прáвильный, но дáже изя́щный, и мóжно сказáть свящéнный; да тѣ, кои, обуя́въ [21]) лженау́кою, не хотѣли бы ви́дѣть тáинствъ христiáнскихъ дáже въ еван-

геліи, принуждены́ бу́дутъ срѣта́ться [22]) съ напомина́ніемъ объ нихъ въ са́мыхъ обыкнове́нныхъ явле́ніяхъ того́ же міра стихі́йнаго, ко́имъ оні́ привы́кли ограни́чивать свои́ изслѣдованія.

По́слѣ сего́ вы уже́ нево́льно ожида́ете, что и по оконча́ніи бурь и вьюгъ, въ упа́вшемъ съ не́ба снѣ́гѣ предста́вится не безпоря́докъ, а что́ либо та́кже досто́йное внима́нія [23]). — И дѣйствительно, прими́те трудъ въ э́то вре́мя вы́йти на како́е уго́дно [24]) по́ле, и посмотри́те со внима́ніемъ на э́тотъ но́вый бѣлоснѣ́жный покро́въ, облега́ющій собо́ю всю пове́рхность земли́: всё па́давшее съ не́ба, какъ ни [25]) кружи́лось въ во́здухѣ, какъ ни спо́рило другъ съ дру́гомъ, упа́ло наконе́цъ въ поря́дкѣ, улегло́сь дружелю́бно и соста́вило мно́жество разли́чныхъ фигу́ръ, изъ ко́ихъ ка́ждая сто́итъ внима́нія. — Ско́лько тутъ ли́ній прямы́хъ, ло́маныхъ, кругообра́зныхъ! Здѣсь вся геоме́трія! И не смотря́ на хладъ и безжи́зненность зи́мнюю не то́лько всё на своё́мъ мѣ́стѣ, но ничто́ не [26]) лишено́ вку́са [27]) и благолѣпія. Примѣча́ете ли, какъ изя́щно преобразо́ванъ снѣ́гомъ вотъ э́тотъ гру́бый и безобра́зный овра́гъ? Како́й пра́вильный и то́нкій карни́зъ надъ нимъ! Какі́е игри́вые сги́бы внутрь! Кака́я чистота́ въ отдѣ́лкѣ! Это мра́моръ изъ-подъ рѣзца́ ва́ятеля! И ско́лько таки́хъ мра́моровъ, тако́го ва́янія! Всё э́то изя́щество и вся э́та худо́жественность въ отдѣ́лкѣ грома́дъ снѣ́жныхъ оста́нутся незамѣ́ченными не то́лько тамъ, гдѣ нѣтъ человѣ́ка, но и тамъ, гдѣ онъ есть: ибо мно́гіе ли захотя́тъ любому́дрствовать о снѣ́гѣ? Но Тво́рческой Десни́цѣ нѣтъ никако́й ну́жды въ томъ, есть ли, или нѣтъ зри́теля для ея́ произведе́ній: производя́ всё вѣ́сомъ, число́мъ и мѣ́рою, она́ удовлетворя́етъ само́й себѣ́ [28]) и не мо́жетъ производи́ть и́наче, какъ сообра́зно своему́ досто́инству, т. е. благоизмѣ́ренно и великолѣпно.

Къ подо́бнаго же ро́да мы́слямъ и чу́вствамъ прихо́димъ, обраща́я внима́ніе на замерза́ніе воды́. Подъ коне́цъ зимы́ для васъ бу́дутъ съ поспѣ́шностію лома́ть лёдъ на рѣкѣ́ безъ вся́кихъ пра́вилъ и броса́ть его́ гру́быми глы́бами въ ва́ши ледники́: но зна́ете ли, ско́лько зако́новъ наблюдено́ бы́ло при его́ образова́ніи о́сенью? Тутъ въ ма́ломъ ви́дѣ то, что происходи́ло нѣ́когда съ огро́мными хребта́ми горъ при образова́ніи въ нихъ э́тихъ ужа́сныхъ грома́дъ ка́менныхъ, на ко́и нельзя́ посмотрѣ́ть безъ удивле́нія и стра́ха.

Всё сі́е и мно́гое друго́е доста́точно убѣжда́етъ ка́ждаго, что суро́вая и тя́жкая оде́жда, кото́рую зима́ съ появле́ніемъ свои́мъ набра́сываетъ на пове́рхность земли́ для защище́нія ввѣ́реннаго нѣ́драмъ ея́ отъ изли́шняго хла́да и сме́рти, говорю́, что оде́жда сія́, хотя́ по ви́димому составля́ется какъ нельзя́ случа́йнѣе [29]), упада́етъ изъ облако́въ въ ра́зныя време́на и по частя́мъ, но въ цѣ́ломъ соста́вѣ своёмъ устро́яется вся́кій разъ Десни́цею многохудо́жественною, по

предопредѣлённому образцу̂ въ надлежа́щей соразмѣрности и со всѣми возмо́жными украше́ніями.

Хотите ли ви́дѣть изя́щество э́той оде́жды во всей лѣпотѣ ей? Ступа́йте въ любу́ю ро́щу во вре́мя и́нея. Въ э́то вре́мя зима́ ви́димо спо́ритъ въ изобрѣта́тельности и изя́ществѣ съ весно́ю. Побѣда трудна́; ибо у весны́ мно́го кра́сокъ, а у зимы́ оди́нъ цвѣтъ — бѣлый. Но здѣсь изъ одного́ цвѣта выдѣлывается едва́ ли не бо́лѣе, не́жели тамъ изъ мно́гихъ! Эти роско́шныя за́вѣсы, покрыва́ющія отъ ко́рней до ве́рха и больші́я и ма́лыя дере́вья! Это мно́жество же́мчугу и бриллья́нтовъ, сверка́ющихъ при свѣтѣ со́лнца и луны́! Этотъ недви́жный, вели́чественный видъ расте́ній, какъ бу́дто вы́точенныхъ изъ слоно́вой ко́сти! Это многознамена́тельное безмо́лвіе и тишина́! Этотъ полумра́къ днемъ и полусвѣтъ но́чью! Очеви́дно, что безъ э́тихъ зи́мнихъ карти́нъ амфитеа́тръ приро́ды потеря́лъ бы одно́ изъ лу́чшихъ свои́хъ украше́ній. И ско́лько ихъ въ ка́ждой ро́щѣ и дубра́вѣ, въ ка́ждомъ саду̂ и алле́ѣ? Какъ бы дорожи́лъ человѣкъ подо́бнымъ явле́ніемъ, е́сли бы умѣлъ произвести́ его́? Но для худо́жника небе́снаго оно́ ничего́ не зна́читъ. Повѣялъ ю́жный вѣтръ — и ро́скошь исче́зла, и всё обнажи́лось! Че́резъ день налети́тъ опя́ть вѣтръ сѣверный, — и опя́ть то́-же великолѣ́піе и ро́скошь!

Отъ того́, что соверша́ется зимо́ю на пове́рхности земли́ и бо́льшею ча́стію да́же подъ стопа́ми человѣка, устреми́мъ тепе́рь взоръ и мы́сли на зи́мнее не́бо, кото́рое, какъ мо́жно предполага́ть зара́нѣе, не отста́нетъ отъ земли́ въ обнару́женіи предъ человѣкомъ Творческаго всемогу́щества и бла́гости всепромысли́тельной. Въ продолже́ніе лѣта и да́же о́сени, возду́шное не́бо на́ше, какъ извѣстно, представля́етъ изъ себя́ нерѣдко са́мыя гро́зныя и поучи́тельныя для человѣка карти́ны свои́ми дождя́ми, грома́ми и мо́лніями: зимо́ю не раздае́тся съ не́ба э́тихъ всепотряса́ющихъ гла́совъ [30]) Іеговы́, но вмѣсто ихъ явля́ются другі́я бо́лѣе кро́ткія и безмо́лвныя зна́менія, но тѣмъ бо́лѣе говоря́щія для его́ взо́ра и размышле́нія. — Въ са́момъ дѣлѣ, когда́ увидите вы на́-небѣ, какъ не среди́ хла́да зи́мняго, то два, то три со́лнца, и сто́лько же или бо́лѣе лунъ? — Свѣти́ло дня какъ бы чу́вствуетъ, что его́ одного́ ма́ло и недоста́точно для сраже́нія [31]) съ мра́зомъ и хо́лодомъ, мертвя́щимъ зе́млю, и умножа́етъ свой ликъ; луна́ слѣдуетъ его́ примѣру [32]). Каки́я пра́вильныя, вели́чественныя и въ то же вре́мя знамена́тельныя фигу́ры окружа́ютъ иногда́ сі́и свѣти́ла зимо́ю! Осо́бенно когда́ между̂ ни́ми явля́ется крестъ! Тутъ не то́лько простолюди́ны, но и естествоиспыта́тель, е́сли онъ не обезчу́вственъ [33]) отъ кичли́вости ума́, гото́въ быва́етъ, оста́вивъ вся́кое мудрова́ніе, летѣть благоговѣ́йною мы́слію къ сему̂ нерукотворе́нному зна́менію всемі́рнаго спасе́нія и облобыза́ть его́ въ дyхѣ вѣры и любви́.

Но вотъ нóвое чýдное явлéніе нá-небѣ, кóего начáло, значéніе и цѣль, какъ нѣкоторыхъ сíмволовъ пророческихъ, досéлѣ не разгáданы никѣмъ. Мы хóчемъ [34]) сказáть о такъ называéмыхъ сѣверныхъ сіяніяхъ, такъ называéмыхъ тóлько сѣверныхъ; ибо онѝ равнó бывáютъ и на ю́жномъ краю́ землѝ, тóлько невидимы для насъ, кóи живéмъ на сѣверѣ. Видáлъ ли кто ихъ? Среди [illegible] нóчи вдругъ является на сѣверѣ, въ сáмомъ концѣ нéба, тёмный полукрýгъ, котóрый вскóрѣ опоясывается свѣтомъ, похóжимъ на сáмую лýчшую зарю́ ýтреннюю. Изъ среды́ сегó полукрýга проторгáются потóмъ вверхъ и по сторонáмъ потóки лучéй и свѣта, кóи нерѣдко образýютъ изъ себя́ рáзныя, примѣчáтельныя фигýры горъ, лѣсóвъ, чертóговъ, хрáмовъ, дáже подóбія живы́хъ сущéствъ и сражáющихся вóинствъ. Въ инóе врéмя средотóчіе сегó чýднаго свѣта представляется въ вйдѣ нѣкоего престóла съ рáдужнымъ повéрхъ егó вѣнцéмъ, такъ что, кто знакóмъ съ Св. Писáніемъ, тотъ при семъ невóльно припоминáетъ таинственное явлéніе Слáвы Бóжіей, какъ онó изображенó у Пророка Іезекíиля (1, 26) и въ чýдномъ апокáлипсисѣ Іоáнновомъ (Апок. 4, 3).

Откýда происхóдитъ и что знáчитъ э́тотъ свѣтъ безъ сóлнца, э́ти полунóщныя озарéнія полнéба и полземлѝ! Въ отвѣтъ на сіé наýка досéлѣ ничегó [35]) не мóжетъ сказáть достовѣрнаго. — Мéжду тѣмъ для всякаго, и не учёнаго зрителя бываетъ я́вно, что э́то какъ бы нѣкій поры́въ землѝ, среди долгомѣсячныхъ ночéй у пóлюсовъ, замѣнѝть для себя́ свѣтъ сóлнца и окружѝть себя́ независимымъ отъ негó сóбственнымъ сіяніемъ. Возмóжно-ли э́то! Не тóлько возмóжно, но и непремѣнно должнó быть нѣкогда. Ибо въ Слóвѣ Бóжіемъ рѣшительно обѣщáется для землѝ нáшей, по ея́ бýдущемъ очищéніи и перетворéніи огнёмъ (2 Пет. 3, 13), такóе состояніе, въ кóемъ онá для освѣщéнія себя́ не бýдетъ ужé имѣть никакóй нýжды въ ны́нѣшнемъ сóлнцѣ (Апок. 21, 23). — Но всё э́то ещé въ бýдущемъ, мóжетъ быть, весьмá отдалéнномъ: слýжатъ ли, спрóсятъ, къ чемý либо сіи́ явлéнія ны́нѣ? — Слýжатъ, и не для мáлаго: посрéдствомъ сихъ сіяній весьмá благотвóрно умѣряется мракъ ночéй на сѣверномъ и ю́жномъ концѣ землѝ, тѣхъ ночéй, кóи, продолжáясь непреры́вно по нѣскольку мѣсяцевъ, безъ таковы́хъ повремéнныхъ озарéній, бы́ли бы невыносимы для всегó живýщаго, тѣмъ пáче [36]) для человѣка. — Не нóвое ли посемý побуждéніе возблагоговѣть предъ всепромыслительною блáгостію Творцá, о котóромъ и въ семъ слýчаѣ нáдобно сказáть словáми Св. Давида: *я́ко* [37]) *тма не помрачи́тся отъ Тебé, и нощь, я́ко день, просвѣти́тся; я́ко тма ея́, тако и свѣтъ ея́.* (Псал. 138, 12).

Отъ велйкаго и отдалённаго, а посемý хотя́ и величественнаго, но для мнóгихъ изъ насъ недовѣдомаго [38]) явлéнія желáете ли

перейти къ самому близкому, весьма малому, но тѣмъ не менѣе примѣчательному и поучительному явленію зимнему? Спустимся для сего съ высотъ воздушныхъ, оставимъ края земнаго шара, обратимся къ нашимъ жилищамъ и войдемъ въ первый на встрѣчу домъ, не богача, но если угодно, самаго послѣдняго изъ простолюдиновъ.

Что это здѣсь на полуразбитомъ стеклѣ? Какіе-то рѣдкіе и недовѣдомые искусству узоры! Матеріялъ видимо самый простой, — снѣгъ и лёдъ! но мастерство въ работѣ необыкновенное! Кто же этотъ невидимый хитрецъ [39]), который умѣетъ такъ искусно строить изъ ничего? Если спросить о всёмъ этомъ у науки, она скажетъ, что тутъ внѣшній холодъ боролся съ внутреннимъ тепломъ, и что эта борьба отразилась на стеклѣ узорами — хорошо: но почему отразилась такою живописью? Внутреннее тепло, продолжаетъ наука, въ видѣ влаги осаждалось на стеклѣ; а холодъ внѣшній, сгущая его, облекалъ въ разныя формы. Почему въ такія, а не въ другія? Откуда сходство этихъ формъ съ существами изъ разныхъ царствъ природы? Наука молчитъ. — Посмотримъ на самую живопись. Нѣкоторые слои — нижніе — настланы такъ, какъ пески на предгорныхъ долинахъ, какъ иногда облака на-небѣ. Но вотъ надъ ними уже подобіе камней! Вотъ цѣлые ряды кристалловъ! Какъ эти виды съ отдалённыхъ горъ появились на семъ стеклѣ! — Поверхъ камней, а иногда ещё на ряду съ ними, являются растенія, большія и малыя: откуда они?

Не сущность ли это травъ и цвѣтовъ, кои росли подъ вашимъ окномъ лѣтомъ? Но между сими растеніями есть такія, коихъ нѣтъ не только въ вашемъ огородѣ, но и въ вашей странѣ, — кои растутъ только въ другой, нерѣдко самой отдалённой части земнаго шара. Какимъ чудомъ, изъ такой дали перенеслись они въ вашъ домъ, на ваше стекло! Сколько ни разсуждай [40]), а нельзя наконецъ не сказать въ отвѣтъ, что въ семъ явленіи, не смотря на его малость и незначительность, даётъ видѣть себя дѣйствіе той всезиждительной силы, которая и въ маломъ, также какъ и въ великомъ, превышаетъ наше умопостиженіе, для коей нѣтъ ни разстояній, ни препятствій, у коей вездѣ и всегда готовы образцы для всякаго рода произведеній.

Такимъ образомъ, куда ни обратишься мыслію, горѣ [41]) ли, къ свѣтиламъ небеснымъ, или долу [42]), къ тому, что подъ стопами нашими, на край ли земнаго шара, куда не достигла еще отвага человѣческая, или въ первую, попавшуюся на пути хижину, зима явленіями своими вездѣ представляетъ предметы, пробуждающіе въ душѣ нашей мысль о той Десницѣ, которая извлекла нѣкогда всё изъ ничтожества, доселѣ не престаетъ являть повсюду стольже неисчерпаемое, какъ и неизслѣдимое для ума человѣческаго богатство своей

си́лы Тво́рческой. По́слѣ сего́ нисколько не удиви́тельно, когда слы́шишь [43]), какъ Свят. Псалмопѣ́вецъ призыва́етъ *градъ, снѣгъ, го́лоть и духъ бу́ренъ* хвали́ть и́мя Госпо́дне, и называ́етъ ихъ творя́щими сло́во Его́ (Псал. 148, 8). Скорѣ́е на́добно удивля́ться тому́, какъ человѣ́къ, бу́дучи существо́мъ разу́мнымъ, ча́сто не ви́дитъ въ сихъ явле́ніяхъ ничего́, кромѣ́ мёртваго движе́нія вещества́ и слу́чая. Нѣтъ, въ мі́рѣ Бо́жіемъ нѣтъ мѣ́ста слу́чаю: здѣ́сь всё взвѣ́шено, измѣ́рено, опредѣлено́! Времена́ го́да, я́ко [44]) имѣ́ющія столь вели́кое и разнообра́зное влія́ніе на судьбу́ человѣ́ка и всѣ́ существа́ одушевлённыя, тѣ́мъ па́че не могли́ быть предоста́влены неразу́мному тече́нію силъ приро́ды, тѣ́мъ па́че зима́, я́ко вре́мя осо́бенно суро́вое и могу́щее быть па́губнымъ для человѣ́ка. Посему́ то, раскрыва́я Свяще́нное Писа́ніе, мы гдѣ ни нахо́димъ [45]) изображе́ніе зимы́, вездѣ́ нахо́димъ её предста́вленною [46]) какъ непосре́дственное произведе́ніе си́лы Бо́жіей. „*Повелѣ́ніемъ Госпо́днимъ*,“ говори́тъ прему́дрый Сира́хъ, „*потща́ся снѣгъ. Я́ко пти́цы паря́щія, сы́плетъ его́, и я́коже пру́зи садя́щіися спаде́нія его́; и сла́ну я́ко со́ль на зе́млю сы́плетъ и смёрзшися быва́етъ на концы́ остра́; студе́нъ вѣ́тръ сѣ́верный возвѣ́етъ, и смёрзнетъ лёдъ отъ воды́, и а́ки въ бро́ню облечётся вода́* (Сир. 43, 14—22) [47]). А въ кни́гѣ Іова самъ Госпо́дь, въ показа́ніи своего́ всемогу́щества и человѣ́ческаго безси́лія, такъ вопроша́етъ пра́ведника: *Прише́лъ ли еси́ въ сокро́вища снѣ́жная, и сокро́вища гра́дная ви́дѣлъ ли еси́? Изъ чі́его́ чре́ва исхо́дитъ ледъ? Сла́ну же на небеси́ кто роди́лъ?* (Іов. 38) [48]). То есть, какъ бы такъ вѣща́лъ Госпо́дь: мо́жешь ли ты не то́лько низвести́ зи́му съ не́ба на зе́млю, но да́же поня́ть, какъ я сто́лько вѣко́въ ежего́дно посыла́ю её въ уро́чное вре́мя для ва́шего бла́га?

Руководи́мые си́ми указа́ніями сло́ва Бо́жія, постара́емся возвы́ситься, бра́тіе [49]) мои́, до и́стиннаго взо́ра [50]) на приро́ду, насъ окружа́ющую, и зима́ содѣ́лается [51]) для насъ тѣ́мъ, чѣ́мъ она́ должна́ быть по намѣ́ренію Творца́, то есть, суще́ственною ча́стію того́ же вели́каго зерца́ла [52]) приро́ды, въ ко́емъ, по свидѣ́тельству Св. Па́вла, *неви́димая Бо́жія, отъ созда́нія мі́ра творе́ньми помышля́ема, ви́дима суть* (Рим. 1, 20) [53]) для на́шего поуче́нія, утѣше́нія и руково́дства! Ами́нь.

[1]) вѣрнѣ́е: тому́. [2]) Снт. Ш. § 14. 2). Нкл. Снт. ст. 89. [3]) Снт. Ш. § 14. 2.) Нкл. Снт. ст. 89. [4]) Снт. Ш. § 42. Примѣч. 4. Нкл. Снт. ст. 82. [5]) Снт. Ш. § 43. 3. Нкл. Снт. ст. 83. [6]) Снт. Ш. § 35. 1.) 2.) Нкл. Снт. ст. 35. [7]) Неправи́льно, вм. вре́мя. Нкл. Снт. ст. 28. [8]) Снт. Ш. § 88. 14. Нкл. Снт. ст. 110. [9]) Стари́нный о́боротъ, вм. пра́здные. Снт. Ш. § 15. 3.) а.) [10]) Снт. Ш. §. 35. 1.) а.) [11]) Непра́вильно, вм. наготу́ свою. [12]) Употреби́тельнѣе развe̍сть ого́нь. [13]) Снт. Ш. § 41. 7.) а) Нкл. Снт. ст. 71. [14]) Снт. Ш. § 65. 3.) Нкл. Снн. ст. 154. [15]) — переста́ть. [16]) Снт. Ш. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [17]) Снт. Ш. § 41. 2.) Нкл. Снт. ст. 71. [18]) Снт. Ш. § 47. 5) б) Нкл. Снт. ст. 73. [19]) Снт. Ш. § 14. 5.) Нкл. Снт. ст. 87. [20]) Ц. слав. вм. коей. Нкл. Этим. § 163. Пр. 4. [21]) Вм. одура́ченные. [22]) Ц. слав. вм. истрѣча́ться. [23]) Снт. Ш. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [24]) — любо́е. [25]) Снт. Ш. § 88. 24. 2.) Нкл. Снт. ст. 35. [26]) Снт. Ш.

§ 38. 9). Нкл. Снт. ст. 34. [27]) Снт. Ш. § 41. 2.) Нкл. Снт. ст. 79. [28]) Снт. Ш. § 41. 5) Нкл. Снт. ст. 70. [29]) Снт. Ш. § 75 2). [30]) Снт. Ш. § 47. 5.) 6.) Нкл. Снт. ст. 73. [31]) — для борьбы́. [32]) Снт. Ш. § 42. 3.) [33]) Неуп. вм. лишёнъ чу́вствованій. [34]) Прст. нар. вм. хоти́мъ. [35]) Снт. Ш. § 41. 6. Нкл. Снт. ст. 73. [36]) Ц. слав — бо́лѣе. [37]) Ц. слав. что, какъ.. [38]) — неудобопоня́тнаго. [39]) — худо́жникъ. [40]) Снт. Ш. § 65. 4. § 64. 9. Нкл. Снт. 35. [41]) Ц. слав. — вверхъ. [42]) Ц. слав. — внизъ. [43]) Снт. Ш. § 47. 4 а. [44]) Ц. слав. — такъ какъ, какъ. [45]) Снт. Ш. § 88. 24. 2. Нкл. Снт. ст 35. [46]) Снит. Нкл. ст. 51. [47]) Ц. слав. спѣши́тъ па́дать снѣгъ. Какъ пара́щія пти́цы сы́плются снѣжи́нки и виспада́ютъ, бу́дто саранча́ сади́тся на зе́млю; и какъ со́ль сы́плетъ на зе́млю и́ней, кото́рый смёрзшись быва́етъ остроконе́ченъ.. (а́ки т. е. бу́дто). [48]) слав. быва́лъ ли ты тамъ, гдѣ роди́тся снѣгъ и вида́лъ ли, отку́да прихо́дитъ лёдъ. [49]) Ц. слав. вм. бра́тья. [50]) вм. взгля́да [51]) Ц. слав. вм. сдѣлается. [52]) Ц. слав. вм. зе́ркала. [53]) Ц. слав. неви́димое Его́, Его́ вѣ́чная си́ла и Божество́, отъ са́маго сотворе́нія міра ви́димо тва́рямъ чрезъ разсма́триваніе.

---

4. Слово 2-е о зимѣ.

И такъ зима́, какъ мы ви́дѣли въ проше́дшій разъ, представля́етъ собо́ю не одну́ карти́ну у́жаса и всео́бщаго оцѣпенѣ́нія, а и тако́е зрѣ́лище, въ ко́емъ, для имѣ́ющихъ о́чи ви́дѣть [1]), ощути́тельно проявля́етъ себя́ вели́чіе и прему́дрость Десницы Тво́рческой, та́къ прито́мъ, какъ мы не мо́жемъ ви́дѣть того́ въ други́я времена́ го́да. При всёмъ э́томъ зима́ не престава́ла [2]) бы предста́влять собо́ю удручи́тельную тя́гость для человѣ́ка, е́сли бы она́ угрю́мости [3]) и хла́да своего́ не вознагражда́ла како́ю-либо значи́тельною по́льзою для человѣ́ка и для про́чихъ тва́рей. И по́льза сія́ такъ всео́бща [4]) и такъ очеви́дна, что для показа́нія ея́ ненужно прибѣга́ть ни къ каки́мъ тру́днымъ и отдалённымъ соображе́ніямъ, а дово́льно обрати́ться къ о́пыту, кото́рый вня́тно говори́тъ ка́ждому, какъ неоходи́ма зима́, во пе́рвыхъ, для на́шего здоро́вья, во вторы́хъ, для на́шего пропита́нія.

Вся́кій, ду́маю, замѣча́лъ бо́лѣе или ме́нѣе, что чѣмъ да́лѣе отъ весны́, тѣмъ во́здухъ начина́етъ быть [5]) ме́нѣе лёгокъ и благотво́ренъ для дыха́нія; подъ коне́цъ лѣ́та, въ а́вгустѣ наприм́ѣръ, онъ уже́ тяжёлъ у уду́шливъ; о́сенью стано́вится какъ бы испо́рченнымъ и вре́днымъ. Это — необходи́мое послѣ́дствіе накопле́нія въ во́здухѣ земны́хъ и водяны́хъ испаре́ній, ко́и быва́ютъ тѣмъ тяжелѣ́е и неблаготво́рнѣе для дыха́нія, чѣмъ бо́лѣе расте́ній увяда́етъ о́сенью и начина́етъ предава́ться гніе́нію. Тепе́рь, суди́те, что́ бы́ло бы, когда́ бы хладъ зи́мній не поспѣва́лъ на по́мощь человѣ́ку и не осажда́лъ изъ во́здуха всего́, что но́сится въ нёмъ отъ лѣ́та и о́сени тлетво́рнаго. Бу́дучи прину́ждены́ дыша́ть тяжёлымъ и полуиспо́рченнымъ во́здухомъ, мы немину́емо подве́рглись бы отъ того́ ра́знымъ болѣ́знямъ. И вотъ, Провидѣ́ніе, милосе́рдуя объ насъ, посыла́етъ, въ слѣдъ за осе́ннею сы́ростію и тума́нами, благодѣ́тельные моро́зы и бу́ри, ко́и стремя́тъ [6]) до́лу [7]) и осажда́ютъ изъ во́здуха всё, что́ въ нёмъ есть вре́днаго, очища́ютъ его́ и дѣ́лаютъ благотво́рнымъ для на́шего дыха́нія. Посему́-то, когда́ о́сень быва́етъ сли́шкомъ продолжи́тельна, подъ коне́цъ ея́ всегда́ начина́ютъ свирѣ́пствовать ра́зные

недуги, и врачи́ ждутъ тогда́ зимы́ [8]), какъ са́мой наде́жной помо́щницы своему́ иску́сству. Долговре́менное отсу́тствіе ея́ всегда́ слу́житъ неблагопріятнымъ при́знакомъ для здра́вія [9]) обще́ственнаго.

Огражда́я здра́віе человѣка отъ угрожа́ющихъ ему́ неду́говъ, зима́ исцѣляетъ хла́домъ [10]) свои́мъ и пита́тельницу его́ — зе́млю отъ иску́дѣнія въ си́лахъ, и тѣмъ сно́ва благодѣтельствуетъ ему́ са́мымъ дѣйстви́тельнымъ и незамѣтнымъ о́бразомъ. Въ са́момъ дѣлѣ, кто не замѣча́етъ подъ коне́цъ лѣта во всей окружа́ющей насъ приро́дѣ како́го-то ослабле́нія и истоще́нія въ си́лахъ? для земли́, очеви́дно, стано́вится ну́жнымъ поко́й и о́тдыхъ. Всё э́то приво́дитъ съ собо́ю зима́. Осенью земля́, побужда́емая оста́нкомъ [11]) лѣтней теплоты́ въ во́здухѣ, всё ещё употребля́етъ уси́лія дава́ть ростъ, и да́же цвѣтъ, тому́, что мо́жетъ рости́ и цвѣсти́ подъ осе́ннимъ не́бомъ. Подо́бныя уси́лія истощи́ли бы её наконе́цъ во́все: но прихо́дитъ зима́, связу́етъ [12]) мра́зомъ [13]) всю расти́тельную си́лу земли́, набра́сываетъ на неё тяжёлый покро́въ изъ льда и снѣга, и она́ нево́льно засыпа́етъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и во вре́мя сна освѣжа́ется въ си́лахъ и дѣлается спосо́бною къ но́вому плодоноше́нію на бу́дущую весну́. Кро́мѣ того́, что вла́га отъ снѣга проника́етъ зе́млю гора́здо глу́бже всѣхъ дождевы́хъ, лѣтнихъ и осе́ннихъ пото́ковъ, хладъ [14]) и вью́га дѣйствуютъ благотво́рно на са́мый вну́тренній соста́въ пове́рхности земно́й, сообща́я ему́ но́вую бо́дрость и си́лу.

Въ семъ слу́чаѣ съ землёй происхо́дитъ то́же, что врачи́ дѣлаютъ съ тѣломъ человѣческимъ, когда́ хотя́тъ исцѣли́ть его́ отъ разслабле́нія и вя́лости, т. е. погружа́ютъ его́ въ холо́дную во́ду. Посему́-то землѣдѣлецъ не ра́достно смо́тритъ на свои́ поля́, когда́ ви́дитъ, что *они́* не успѣли покры́ться пло́тно снѣгомъ: о́пытъ научи́лъ его́, что безъ предвари́тельнаго убѣле́нія э́тихъ поле́й руко́ю зимы́ тру́дно забѣлѣть имъ лѣтомъ отъ цвѣто́въ и плодо́въ.

По́слѣ сего́ мо́жно ли взира́ть на зи́му, какъ на врага́ человѣку [15]) и на вре́мя зловре́дное?

Если есть въ ней что либо тя́гостное для человѣка, то сія́ тя́жесть произошла́ отъ него́ же самого́, — отъ того́, что онъ, какъ мы замѣтили пре́жде, въ слѣдствіе преступле́нія во́ли Бо́жіей въ Эде́мѣ ниспа́лъ съ высоты́ богоподо́бія подъ влады́чество гру́быхъ стихі́й. — Безъ сего́ зима́ была́ бы для него́ то́лько но́вымъ зрѣлищемъ [16]) всемогу́щества, прему́дрости и бла́гости Тво́рческой. „Но тепе́рь по кра́йней мѣрѣ,“ ска́жешь [17]), „мно́гіе по необходи́мости страда́ютъ отъ зимы́, не имѣя возмо́жности ни прикры́ть доста́точно наготы́ своего́ тѣла, ни напо́лнить хи́жины своéй, при всей ма́лости ея́, во́здухомъ тёплымъ.“ То́чно страда́ютъ таки́мъ о́бразомъ мно́гіе, — но отъ кого́ и какъ? Вникни получше въ дѣло и увидишь, что э́то страда́ніе происхо́дитъ не сто́лько отъ зимы́, ско́лько отъ вза-

и́мнаго человѣ́ческаго недоброжела́тельства и жестокосе́рдія, или, е́сли уго́дно, и отъ зимы́, но не той, кото́рая снару́жи и на дворѣ́, а той, кото́рая внутри́ насъ — въ душѣ́ и се́рдцѣ на́шемъ. Ибо прему́дрость и бла́гость Бо́жія, посыла́я ежего́дно на лице́ земли́ зи́му, еще изнача́ла [18]) пригото́вила для человѣ́ка въ избы́ткѣ всё, что ну́жно для его́ защи́ты отъ хла́да зи́мняго. На земно́мъ ша́рѣ и тепе́рь еще сто́лько живо́тныхъ для доставле́нія оде́жды человѣ́ку, сто́лько лѣсо́въ для отопле́нія его́ жили́щъ, что е́сли бы весь э́тотъ запа́съ раздѣля́ть ме́жду людьми́, хотя́ не по́ровну (и́бо э́то невозмо́жно), но сообра́зно и́стиннымъ потре́бностямъ ка́ждаго, то никто́ не понужда́лся [19]) бы ни въ тёплой оде́ждѣ, ни въ тёплой хи́жинѣ, и слѣ́дственно никто́ не имѣ́лъ бы пра́ва жа́ловаться на суро́вость зи́мняго вре́мени.....

Да пробудя́тся же отъ нечу́вствія [20]), и да воспря́нутъ для любви́ христіа́нской и дѣлъ благотворе́нія тѣ изъ насъ, кои́, облада́ютъ въ избы́ткѣ сре́дствами для огражде́нія себя́ отъ хла́да зи́мняго: да вразумя́тся и поспѣша́тъ съ по́мощію къ тѣмъ, кои́ не имѣ́я, чѣмъ согрѣ́ть хи́жину свою́ и прикры́ть наготу́ тѣ́ла, сто́нутъ тепе́рь и трясу́тся отъ хла́да! Таки́мъ о́бразомъ настоя́щее вре́мя го́да обрати́тся для нихъ на по́льзу ещё но́вымъ, вы́сшимъ о́бразомъ, доставля́я имъ слу́чай замѣни́ть свое́ю любо́вію для несча́стныхъ собра́тій свои́хъ какъ бы са́мый про́мыслъ Бо́жій. Ибо е́сли ты, по вы́ходѣ изъ сего́ хра́ма, нынѣ же внеза́пно я́вишься въ како́й либо бѣ́дной хи́жинѣ, гдѣ бѣ́дный оте́цъ семе́йства лежи́тъ на болѣ́зненномъ одрѣ́ и терза́ется сугу́бо и неду́гомъ, и невозмо́жностію зарабо́тать для своего́ семе́йства хлѣ́ба и дровъ [21]), е́сли, говорю́, внеза́пно я́вишься и изба́вишь э́то семе́йство отъ гла́да [22]) и хла́да; то оно́ не и́наче бу́детъ взира́ть на тебя́, какъ на а́нгела, по́сланнаго отъ самого́ Бо́га. И какъ отра́дно бу́детъ въ э́ту мину́ту се́рдцу твоему́! Гора́здо отра́днѣе, не́жели среди́ шу́мныхъ собра́ній и среди́ са́мыхъ весё-лыхъ зрѣ́лищъ. Ступа́й же, возлю́бленный, неме́для, е́сли дорожи́шь [23]) вѣ́чнымъ бла́гомъ души́ твое́й. А для насъ послу́житъ не въ ма́лое утѣше́ніе уже́ и то, что мы имѣ́ли слу́чай напо́мнить тебѣ́ о семъ, и указа́ть путь къ спасе́нію бѣ́дной души́ твое́й, кото́рое ничѣ́мъ такъ удо́бно не достига́ется, какъ дѣла́ми любви́ и милосе́рдія. Ами́нь.

[1]) вм. чтобы видѣть. [2]) вм. переставала. [3]) Снт. III. § 41. 6. Нкл. Снт. ст. 73. [4]) неуп. въ разговорѣ и обыкновенной прозѣ. [5]) начинаетъ быть — весьма неловкое выраженіе, натяжка вм. становится. [6]) малоуп. вм. устремляетъ. [7]) Ц. слав. — внизъ. [8]) Снт. III. § 41. 5, г. Нкл. Снт. ст. 79. [9]) Ц. слав. вм. здоровья. [10]) Ц. слав. вм. холодомъ. [11]) Ц. слав. вм. остаткомъ. [12]) Ц. слав. вм. связываетъ. [13]) Ц. слав. вм. морозомъ [14]) Ц. слав. вм. холодъ. [15]) Снт. III. § 12. 1. [16]) Снт. III. § 42. 4. Нкл. Снт. ст. 82. [17]) Снт. III. § 47. 4 а. [18]) Ц. слав. — въ началѣ, сначала. [19]) Неуп. въ разговорѣ и обыкновенной прозѣ въ смыслѣ: не сталъ бы нуждаться; не имѣлъ бы нужды. Настоящее значеніе гл. понуждаться равняется страд. формѣ быть понуждаемымъ. [20]) Неуп. вм. безчувственность. [21]) Снт. III. § 41. 7. Нкл. Снт. ст. 71. [22]) Ц. слав. вм. голода. [23]) Снт. III. § 42. 4. Нкл. Снт. ст. 84.

б) Свѣтское краснорѣчіе.

5. Пётръ Великій и Ломоносовъ.

....Едвá ли есть другóе лицó въ истóріи, котóраго жизнь въ течéніе столь крáткаго врéмени достúгла бы такúхъ миѳическихъ предáній, какъ Пётръ Велúкій. Онъ представляéтъ намъ двойнóй ликъ [1]): есть Пётръ изображённый инострáнцами; Пётръ существýющій въ ýстныхъ предáніяхъ Рýсскихъ, возсóзданный мнѣ́ніемъ нарóднымъ, воспѣ́тый Ломонóсовымъ, идеáлъ царя́-просвѣтúтеля нóвой Россíи, котóраго идéя водворúлась въ егó нóвой динáстіи. Оба э́ти лúка представля́ютъ двѣ противоположности, въ котóрыхъ выражáются два мнѣ́нія о Петрѣ́ Велúкомъ, и котóрыя, вѣроя́тно, соприсýтствовали въ нёмъ самóмъ. Разсмóтримъ же егó съ обѣ́ихъ сторóнъ въ дѣ́лѣ релúгіи, въ дѣ́лѣ нарóднаго образовáнія, въ дѣ́лѣ языкá и словéсности.

Въ дѣ́лѣ релúгіи Пётръ уничтожáетъ патріáршество, запрещáетъ постригáться въ монáшескій санъ рáнѣе 50-лѣ́тняго вóзраста, отбирáетъ въ кéльяхъ пéрья, бумáгу и чернúла, намѣ́ренъ отня́ть у нихъ [2]) имѣ́нья, не велúтъ стрóить лúшнихъ церквéй [3]), переливáетъ колоколá въ пýшки, прикáзываетъ перевестú порýсски аугсбýргское исповѣ́даніе и прóчее. Но тотъ же сáмый Пётръ, по предáніямъ нарóднымъ, 10-ти [4]) лѣтъ защищáетъ вѣ́ру прóтивъ раскóльниковъ; плóтничаетъ въ Амстердáмѣ и пúшетъ оттýда къ патріáрху, что онъ подóбно Адáму трýдится для пріобрѣ́тенія морскáго путú, чтóбы напáсть на врагóвъ Христóвыхъ и освободúть гробъ Христóвъ; съ э́тою же цѣ́лью завóдитъ вóйско и начинáетъ войнý съ Тýрціею; перенóситъ мóщи Алексáндра Нéвскаго изъ Владúміра на Невý, чтóбы освятúть свой нóвый гóродъ и связáть егó бытіé съ релúгіозными предáніями дрéвней Рýси; самъ нáбожно исполня́етъ всѣ обря́ды правослáвной цéркви; лю́битъ осóбенно учáствовать во всѣ́хъ церкóвныхъ торжéственныхъ хóдахъ; самъ всегдá читáетъ апóстолъ [5]) и поéтъ на клúросѣ съ прúчтомъ церкóвнымъ; пéредъ вы́ѣздомъ изъ Парúжа остаётся вѣ́ренъ э́тому обы́чаю; знáетъ наизýстъ всё евáнгеліе и изъ апóстола осóбенно Пáвловы послáнія; не сочýвствуетъ католицúзму, ненавúдитъ Іезуúтовъ, издѣвáется надъ обря́дами пáпскими и смѣ́ется надъ предáніями о Лю́терѣ въ Вúттенбергѣ; покровúтельствуетъ Стефáну Явóрскому, стрóгому протúвнику лютерáнскаго учéнія, и въ мѣстáхъ правúтельственныхъ даéтъ емý пéрвенство надъ Ѳеофáномъ Прокопóвичемъ; преслѣ́дуетъ суевѣ́ріе, но почитáетъ úстинную релúгію пéрвою настáвницею нарóда; воспúтываетъ дѣтéй своúхъ въ дýхѣ нáбожности дрéвней и передаéтъ её любúмой дóчери своéй, Елисавéтѣ.

Въ дѣлѣ нарóдности: Пётръ уничтожáетъ фóрмы дрéвней рýсской жизни, преслѣдуетъ рýсское плáтье и бóроду, пародúруетъ обычаи дрéвніе въ свáдьбахъ въ боярской рóскоши, перенóситъ свою резидéнцію изъ дрéвняго средотóчія рýсской жизни въ странý, намъ тогдá чýждую, любитъ инострáнцевъ и покровúтельствуетъ имъ. Но тотъ же Пётръ питáетъ благоговѣніе къ дрéвней рýсской истóріи; 12-ти лѣтъ, выражáетъ негодовáніе своé за то, что библіóтека патріáршая въ безпорядкѣ; рáдуется кенигсбéрскому списку Нéсторовой лѣтописи; пéрвая мысль о собрáніи и издáніи дрéвнихъ áктовъ, исполняемая тóлько тепéрь, принадлежúтъ емý; резидéнція егó въ Петербýргѣ, но Москвá продолжáетъ быть при немъ столúцею úстинно нарóдною: всѣ побѣды своú торжествýетъ онъ въ ней; велúтъ немéдленно провестú сáмую прямýю дорóгу междý нéю и Петербýргомъ: другáя велúкая мысль Петрá, приводúмая въ исполнéніе тепéрь; любитъ инострáнцевъ, но всѣ пéрвыя государственныя мѣстá отдаётъ Рýсскимъ; пéрвыми андрéевскими украшéніями [6]) украшáетъ Рýсскаго Головúна и Малорóсса Мазéпу; изъ пéрваго рýсскаго сукнá шьётъ себѣ кафтáнъ къ прáзднику; учреждáя акадéмію, приглашáетъ мужéй учёныхъ изъ чужúхъ краéвъ, но велúтъ быть при кáждомъ инострáнцѣ двоúмъ Рýсскимъ для водворéнія наýкъ междý своúми соóтчичами.

Въ дѣлѣ рýсскаго языкá и словéсности: Пётръ, изъ Рýсскихъ пéрвый, понёсъ винý въ томъ, что отрекáлся отъ своегó роднáго языкá въ пóльзу инострáнныхъ. Извѣстна егó страсть къ голлáндскому. Онъ далъ и себѣ, и нóвому своемý гóроду именá инострáнныя. Хотѣлъ насúльственно наложúть изучéніе голлáндскаго языкá на своú нарóдъ посрéдствомъ издáнія евáнгелія на языкáхъ славянскомъ и голлáндскомъ. Никогдá не пестрúлся такъ языкъ рýсскій словáми инострáнными, какъ при Петрѣ, котóрый самъ пéрвый подавáлъ къ томý примѣръ. — Не смотря на всё это, Пётръ является пéрвымъ писáтелемъ рýсскимъ. Хотя языкъ егó и обúленъ словáми инозéмными, но сúнтаксисъ егó совершéнно рýсскій, безъ примѣси славянскаго, и вы встрѣчáете у негó такíе кореннúе рýсскіе оборóты и выражéнія, какúхъ не встрѣтите ни въ однóмъ писáтелѣ до негó, крóмѣ Іоáнна Грóзнаго. Живáя ýстная рѣчь Петрóва такъ и [7]) слышнá подъ перóмъ егó. Егó лúчность, егó харáктеръ скáзывается въ ней открыто. Всякое письмó егó, всякій укáзъ отмѣченъ осóбенными чертáми слóга, тóлько емý принадлежáщаго: какъ по стрáстному пóчерку, такъ и по слóгу вы вездѣ узнаéте Петрá. Да, это пéрвый рýсскій писáтель съ *своимъ*, оригинáльнымъ слóгомъ, въ котóромъ скáзывается егó сóбственная лúчность. На нёмъ въ пéрвый разъ сбывáется въ истóріи рýсской словéсности остроýмное, хотя и одностороннее францýзское изречéніе: le style c' est l'homme. Замѣчáтельно влiяніе, какóе имѣлъ Пéртъ Велúкій на слогъ Θеофáна

Прокопо́вича. Сличи́те пе́рвыя про́повѣди, говорённыя имъ въ Кіевѣ, съ тѣми, кото́рыя говори́лъ онъ гора́здо по́слѣ [8]), какъ вы́званъ былъ Госуда́ремъ изъ Кіева. Въ пе́рвыхъ изоби́луетъ схоласти́ческая стихі́я, какъ въ содержа́ніи такъ и въ языкѣ́; въ послѣ́днихъ вездѣ́ трепе́щетъ жизнь совреме́нная — и въ са́момъ выраже́ніи слы́шенъ человѣ́къ, кото́рому ча́сто диктова́лъ Пётръ Вели́кій свои́ ука́зы, пи́сьма, учрежде́нія.

Въ нача́лѣ но́ваго періо́да исто́ріи ру́сской слове́сности необходи́мо разсмотрѣ́ть мно́гія осо́бенныя черты́ ли́чности Петра́ Вели́каго, потому́ что онѣ́ отража́ются да́лѣе и развива́ются въ исто́ріи оте́чественнаго образова́нія и литерату́ры. Во мно́гихъ дѣ́йствіяхъ Петра́ ви́дны заро́дыши бу́дущаго, наме́ки на послѣ́дующее разви́тіе ру́сскаго ума́; въ немъ ка́ждый изъ насъ мо́жетъ найти́ ма́лую часть самого́ себя́, какъ Ру́сскаго въ но́вомъ періо́дѣ на́шей жи́зни.

Пе́рвая черта́ въ ли́чности Петро́вой, столь извѣ́стная и столь просла́вленная, есть на́ша ру́сская многосторо́нность, отку́да и вели́кая си́ла ру́сскаго ума́ и вели́кій его́ недоста́токъ. Пётръ былъ пе́рвый ру́сскій ма́стеръ, спосо́бный на всё: созда́ть ли [9]) но́вое во́йско, вы́лить ли иглу́ на заво́дѣ, одержа́ть ли Полта́вскую побѣ́ду, уразумѣ́ть ли высо́кую мысль Ле́йбница, вы́бить ли по́лосу желѣ́за, вы́точить ли паникади́ло, покры́ть ли фло́томъ мо́ре — его́ на всё ста́ло, онъ во всёмъ нашёлся [10]).

Пётръ Вели́кій былъ пе́рвый ру́сскій учёный, дѣ́ятельный членъ Пари́жской акаде́міи на́укъ. Согла́сно съ потре́бностями совре́менной ему́ ру́сской жи́зни, онъ занима́лся бо́лѣе на́уками практи́ческими. Отсю́да мо́жно бъ бы́ло заключи́ть, что онъ допуска́лъ на́уку то́лько въ примѣне́ніи къ дѣ́лу жи́зни; но э́то бы́ло бы несправедли́во. Онъ сочу́вствовалъ высо́кимъ отвлечённымъ мы́слямъ Ле́йбница; онъ не то́лько пе́рвый изъ Ру́сскихъ, но оди́нъ изъ пе́рвыхъ въ Евро́пѣ отгада́лъ, что разви́ть на́уку въ по́лномъ смы́слѣ предоста́влено бы́ло Герма́ніи. Въ его́ рѣ́чи къ това́рищамъ выра́жена глубо́кая, отвлечённая мысль о коловра́тномъ движе́ніи на́укъ въ Евро́пѣ, о необходи́мости ихъ [11]) возврати́ться че́резъ Россі́ю въ Гре́цію и Азію: мысль бога́тая, плодотво́рная, гото́вая въ филосо́фію исто́ріи, связу́ющая [12]) проше́дшее бытіе́ человѣ́чества съ бу́дущимъ че́резъ на́шу Россі́ю. Одна́ э́та мысль Петра́ Вели́каго свидѣ́тельствуетъ, что его́ умъ спосо́бенъ былъ восходи́ть къ глубо́кимъ отвлечённымъ созерца́ніямъ на́уки, но не остава́ться въ нихъ, какъ остаётся умъ герма́нскій, а обраща́ть ихъ въ дѣ́ло жи́зни.

Хотя́ практи́ческія заня́тія отвлека́ли Петра́ Вели́каго отъ иску́сствъ изя́щныхъ; но онъ имѣ́лъ глубо́кое къ нимъ сочу́вствіе и призва́ніе. Еди́нственное худо́жество дре́вней на́шей Ру́си, рѣзно́е и точи́льное на ко́сти, кото́рымъ сла́вились архангелогоро́дцы, Пётръ

себѣ усвоилъ совершенно, и лучшее произведеніе своё въ нёмъ посвятилъ церкви. Многаго лишились изящныя искусства въ Россіи отъ того, что мятежи внутренніе отвлекли Петра Великаго отъ поѣздки въ Италію. Развитіе ихъ тѣмъ замедлилось много. Въ Парижѣ, Лондонѣ и особенно въ Амстердамѣ Пётръ любилъ посѣщать мастерскія художниковъ и бесѣдовать съ ними...

Наклонность Петра Великаго къ художественной жизни мы видимъ ещё въ тѣхъ великолѣпныхъ торжествахъ, которыя учреждалъ онъ въ Москвѣ для празднованія побѣдъ своихъ. Онъ постигалъ здѣсь государственное и народное назначеніе искусства, въ произведеніяхъ котораго слава царя и народа живётъ лучшею, прекраснѣйшею своей стороною. Безобразныя были тѣ силлабическія вирши [13]), которыя заиконоспасская [14]) академія сочиняла для торжествъ Петровыхъ, онъ не дожилъ до оды Ломоносова, но предсказалъ ея торжественный и государственный характеръ.

Рядомъ съ этою любовью ко всенародной торжественности является другая черта въ Петрѣ Великомъ: это его насмѣшка, его иронія. Зародышъ этой черты народнаго характера глубоко таится въ русской пѣсни, въ русской пословицѣ, въ русскомъ бытѣ. Всѣ народы съ призваніемъ важнымъ въ жизни любятъ шутку: Русскіе сходятся въ этомъ съ древними Римлянами. Греки, въ самую грустную и трагическую минуту жизни своей, создали комедію. Пётръ первый изъ Русскихъ началъ вводить комизмъ въ своихъ пародіяхъ, и предсказалъ намъ особенную сатирическую и комическую стихію нашей поэзіи, которая сопровождала всё ея развитіе начиная отъ Кантемира до Гоголя, и отозвалась такъ рѣзко въ полуторжественной, въ полушутливой одѣ Державина. Онъ же предсказалъ намъ Крылова и всё развитіе нашей басни, которая такъ пришлась къ Русскому уму, что не было почти ни одного русскаго писателя, который бы не написалъ басни, вплоть до того, кто чуднымъ мастерствомъ своимъ отбилъ у другихъ охоту къ этому роду поэзіи. Пётръ отгадалъ особенное сочувствіе русскаго ума къ баснѣ: устроивая народное гульбище въ своёмъ Петербургѣ, онъ велѣлъ у каждаго фонтана представить по Эзоповой баснѣ въ лицахъ, и на жестяной доскѣ написать содержаніе каждой по-русски.

Петру Великому принадлежитъ также въ новомъ мірѣ Россіи и великая мысль славянская. Онъ, первый, геніемъ своимъ постигъ важность родственнаго отношенія между нами и другими племенами славянскими. Въ теченіе всего своего царствованія онъ выражалъ къ нимъ глубокое сочувствіе. Въ манифестѣ войны 1711 года противъ Турокъ говорится о народахъ единовѣрныхъ намъ и единоплеменныхъ, которые стенаютъ подъ игомъ турецкимъ, и упоминаются Греки, Волохи, Болгаре, Сербы....

Въ заключéніе, éсли мы разсмóтримъ всё развúтіе жúзни Петрá Велúкаго и всю истóрію егó цáрствованія, то найдёмъ въ нихъ двѣ половúны: сначáла увлечённый зáпаднымъ влія́ніемъ и иностра́нцами, онъ обнарýживалъ излúшнее пристрáстіе ко всемý чужезéмному, но пóслѣ бóлѣе и бóлѣе вúдѣлъ необходúмость связáть жизнь нóвой Россíи съ дрéвнею. Прочтúте рѣчи Ѳеофáна Прокопóвича, предлагáющія нарóду разýмное объяснéніе дѣя́ній Петрá Велúкаго, и вы совершéнно въ томъ убѣдúтесь. Чтó вúдно въ егó развúтіи, повторя́ется пóслѣ и бýдетъ повторя́ться во всёмъ дальнѣ́йшемъ развúтіи рýсскомъ. Чѣ́мъ дáлѣе и глýбже усвóиваемъ мы себѣ́ зáпадное образовáніе съ однóй сторонú, тѣ́мъ глýбже съ другóй вхóдимъ въ своıó сóбственную нарóдность и вы́ше сознаёмъ её. Въ жúзни Петрá Велúкаго оказáлось въ пéрвый разъ то, чтó пóслѣ повторя́ется во всѣхъ представúтеляхъ образовáнія рýсскаго, въ важнѣ́йшихъ писáтеляхъ нáшихъ: Ломонóсовѣ, Карамзинѣ́, Пýшкинѣ.

Перейдёмъ къ Ломонóсову.

На сáмомъ глубóкомъ сѣ́верѣ, кудá всегдá подвигáлся могýчій Рýсскій нарóдъ, суженó бы́ло Провидѣ́ніемъ родúться э́тому велúкому гéнію, котóрый былъ пéрвымъ достóйнымъ плодóмъ насаждéнія Петрóва. Онъ созрѣ́лъ у насъ тáкъ же внезáпно и бы́стро, какъ созрѣвáетъ хлѣ́бъ въ той прирóдѣ, котóрая послужúла емý колыбéлью.

Обратúмъ внимáніе на нѣ́которыя, по вúдимому, случáйныя схóдства между Петрóмъ Велúкимъ и Ломонóсовымъ.

Оба имѣ́ли несчáстія семéйныя; óба должны́ бы́ли принестú въ жéртву семéйныя ýзы; но óба горячó любúли семью́, óба оставáлись вѣ́рны рýсскому семéйному чýвству. Доказáтельство: мнóгія картúны изъ семéйной жúзни Петрá; извѣ́стный сонъ Ломонóсова.

Оба провелú гóрькую ю́ность: и тотъ, и другóй имѣ́ли дѣ́ло съ раскóльниками. Ломонóсовъ былъ увлечёнъ úми.

Оба любúли отвáгу морскýю и óба узнáли её на однóмъ и томъ же мóрѣ.

Оба въ воспитáніи соединúли дрéвнее образовáніе съ нóвымъ. Пéтръ прúнялъ дрéвнюю рýсскую стихíю отъ Зóтова; Ломонóсовъ вы́несъ её изъ сéльскаго бы́та, котóрый былъ тогдá образóваннѣе, чѣ́мъ тепéрь. Егó простонарóдное происхождéніе имѣ́ло вáжное учáстіе въ пóдвигахъ егó надъ рýсскимъ языкóмъ. Москвá, Кíевъ, Петербýргъ и Германія соединéнно учáствовали въ егó учéніи. Ломонóсовъ представля́етъ пéрвый обрáзчикъ воспитáнія европéйски-рýсскаго.

Оба скýдны бы́ли срéдствами въ совершéніи вáжныхъ дѣ́лъ. Бѣ́дные дохóды Петрá извѣ́стны. Ломонóсовъ въ спáсскихъ[15]) шкóлахъ получáлъ по одномý алты́ну въ день; за грани́цей терпѣ́лъ жестóкую нýжду.

Оба питáли рáвное уважéніе къ инострáннымъ учёнымъ мужáмъ, котóрые приносили истинную пóльзу наукѣ, и осóбенно у насъ въ отéчествѣ; но óба желáли съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ наука водворилась въ Россіи между Русскими, чтобы онá сдѣлалась свобóднымъ и óбщимъ достоя́ніемъ соотéчественниковъ. Ломонóсовъ былъ самъ плодóмъ такихъ забóтъ Петрá Великаго — и, какъ членъ акадéміи, постоя́нно дѣйствовалъ подъ влія́ніемъ этой мысли.

Кругъ дѣятельности у Ломонóсова былъ ограниченнѣе, разумѣется, чѣмъ у Петрá Великаго; но Ломонóсовъ въ своёмъ кругу, т. е. въ наукѣ, обнаружилъ ту же всеобъéмлющую многосторóнность, котóрую видѣли мы въ Петрѣ. Онъ въ своёмъ дѣлѣ тáкже мáстеръ на всё — и равнó великъ въ своихъ грамматическихъ изслѣдованіяхъ, какъ и въ вычислéніяхъ математическихъ. Онъ тóтчасъ умѣлъ примѣня́ть науку свою къ искусству, къ прáктикѣ. Ему равнó возмóжно было и создáть размѣръ русскаго стихá, и изобрѣсть нóвый морскóй баромéтръ, и переня́ть у Италья́нцевъ мозáику, и ловить электрическія искры съ облакóвъ въ своёмъ учёномъ кабинéтѣ.

Ломонóсовъ представля́етъ намъ пéрвый образéцъ русскаго учёнаго: потому для насъ осóбенно вáжно разсмотрѣть, какъ онъ разумѣлъ отношéніе науки къ религіи, къ жизни практической, какъ разумѣлъ связь наукъ мéжду собóю, какъ соединя́лъ науку съ искусствомъ.

Мысли свои объ отношéніи науки къ вѣрѣ выразилъ онъ по случаю астрономическихъ наблюдéній своихъ надъ прохождéніемъ Венéры чéрезъ сóлнце, котóрыя, какъ видно, подáли пóводъ суевѣрнымъ невѣждамъ къ напáдкамъ на науку. Прáвду и вѣру Ломонóсовъ называетъ родными сéстрами [16], дщéрями [17] одногó Всевышняго родителя: потому, говоритъ онъ, въ рáспрю мéжду собóю онѣ и идти не мóгутъ, рáзвѣ кто изъ показáнія своегó лóжнаго мудровáнія и тщеслáвія вражду на нихъ всклéплетъ. — Превосхóдные образцы умѣнья соединя́ть науку съ вѣрою покáзываетъ Ломонóсовъ въ Василіи Великомъ, Шестоднéвъ [18] котóраго онъ изучáлъ въ осóбенности, и въ Іоáннѣ Дамаскинѣ. — Двѣ книги далъ намъ Всевышній, говоритъ Ломонóсовъ въ другóмъ мѣстѣ: въ пéрвой показáлъ свою премудрость, во вторóй обнаружилъ вóлю свою; пéрвая книга — прирóда, вторáя — Священное Писáніе; толковáтели вторóй — святые отцы и учители цéркви; толковáтели пéрвой — учёные. Не здрáво разсудителенъ математикъ, который захотѣлъ бы по псалтырю учиться астронóміи и химіи. Тѣхъ, которые нарушáютъ миръ науки съ религіей, называетъ Ломонóсовъ именемъ ссóрщиковъ и клеветникóвъ. — Тѣже тёплыя чувства вѣры выражáлъ онъ и въ лучшихъ своихъ лирическихъ произведéніяхъ. — Да, пéрвый нашъ учёный, вынесшій всю глубину вѣры изъ дрéвней

ру́сской жи́зни, не измѣни́лъ ей — и са́мымъ я́снымъ о́бразомъ, ещё въ то вре́мя, понима́лъ связь, кака́я мо́жетъ и должна́ существова́ть между религіей и наукою.

Отноше́ніе нау́къ къ жизни практи́ческой та́кже превосхо́дно разумѣ́лъ Ломоно́совъ. Онъ не могъ занима́ться нау́кою въ ея́ отвлечённости, отрѣшённой отъ жи́зни, какъ занима́ется е́ю Герма́нецъ; но умѣ́лъ то́тчасъ обраща́ть её въ дѣ́ло жи́зни. Извѣ́стны госуда́рственные прое́кты Ломоно́сова, свидѣ́тельствующіе практи́ческую сто́рону[19]) на́шего учёнаго. Акаде́мія явля́лась ему́ центра́льнымъ госуда́рственнымъ мѣ́стомъ, отку́да ра́зныя ча́сти госуда́рственнаго управле́нія должны́ почерпа́ть разу́мные совѣ́ты: э́ту мысль нерѣ́дко выража́лъ онъ въ свои́хъ академи́ческихъ рѣча́хъ. Нау́ки, кото́рыми онъ занима́лся, имѣ́ли прямо́е отноше́ніе къ жизни его́ оте́чества. Но признава́я необходи́мость свя́зи ме́жду нау́кою и жи́знію, Ломоно́совъ чужда́лся и друго́й кра́йности[20]): онъ не низводи́лъ нау́ки до практи́ческаго ремесла́; онъ понима́лъ всё ея́ высо́кое и самостоя́тельное досто́инство. Онъ жа́ловался на мореплаваніе, что оно́ сли́шкомъ чу́ждо нау́ки, и хотѣ́лъ возвести́ его́ и утверди́ть на учёномъ основа́ніи. Связь нау́къ между собо́ю разумѣ́лъ онъ такъ пра́вильно, какъ немно́гіе разумѣ́ютъ. Два факульте́та, слове́сный и физико-математи́ческій, спо́рятъ объ не́мъ, но напра́сно: ге́ніемъ свои́мъ онъ равно́ принадлежа́лъ обо́имъ, и примѣ́ромъ показа́лъ, какъ мо́жно дружи́ть и совмѣща́ть математи́ческія и есте́ственныя нау́ки съ слове́сными. У насъ существу́етъ несправедли́вое повѣ́рье, что бу́дто бы Ломоно́совъ занима́лся слове́сными нау́ками то́лько изъ угожде́нія Шува́лову и писа́лъ стихи́ по зака́зу: безъ осо́беннаго призва́нія и любви́ къ сло́ву нельзя́ бы́ло созда́ть гармо́ніи стиха́ ру́сскаго, какъ онъ её созда́лъ.

Ломоно́совъ та́кже превосхо́дно постига́лъ связь между нау́кою и иску́сствомъ, и соединя́лъ въ себѣ́ пе́рваго ру́сскаго уч наго съ пе́рвымъ ру́сскимъ худо́жникомъ. Мы зна́емъ его́ осо́бенныя заня́тія моза́икою, изъ кото́рыхъ замѣ́тно и рисова́льное его́ мастерство́. Ины́е ви́дятъ въ нёмъ, какъ поэ́тѣ, учёнаго: мо́жно обрати́ть вопро́съ и разсма́тривать въ нёмъ, какъ учёномъ, поэ́та. Въ са́момъ дѣ́лѣ, онъ такъ умѣ́лъ родни́ть и дружи́ть нау́ку съ поэ́зіею. Въ есте́ственныхъ нау́кахъ велича́выя, поэти́ческія явле́нія приро́ды привлека́ли осо́бенно его́ внима́ніе, какъ наприм́ѣръ: рожде́ніе мета́лловъ въ нѣ́драхъ земли́, громъ, ого́нь, происхожде́ніе свѣ́та. Я могъ бы привести́ изъ его́ учёныхъ сочине́ній мно́жество мѣ́стъ, въ кото́рыхъ учёный грани́читъ съ поэ́томъ: таковы́ изображе́ніе огня́, гро́ма, описа́ніе землетрясе́нія, червячки́, говоря́щіе изъ янта́рныхъ гробни́цъ свои́хъ... Его́ худо́жественный даръ сообща́етъ языку́ его́ э́ту живопи́сность, э́ту прозра́чную я́сность, э́ту отчётливую чистоту́,

котóрыя осóбенно вáжны въ изложéніи наýкъ естéственныхъ. Язы́къ металлýргіи отличáется какóю-то мастерскóю плáстикой, котóрая такъ идётъ къ э́тому предмéту. Ломонóсовъ, какъ пéрвый рýсскій излагáтель наýки, завѣщáлъ всѣмъ намъ преподавáніе не сухóе не мёртвое, не бездýшное, а живóе, одушевлённое, изя́щное по возмóжности кáждаго [21]), — и всѣ дарови́тые двигатели рýсской наýки всегдá слѣдовали и слѣдуютъ егó примѣру. Ломонóсовъ, какъ учёный и худóжникъ, соединя́лъ въ себѣ филóлога и поэ́та, создáтеля языкá. Въ создáніи языкá онъ дополнилъ, мóжно сказáть, дѣло Петрóво и возобнови́лъ ещé сильнѣе связь между Россíею дрéвнею и нóвою: онъ глубóко пости́гъ необходи́мость соединéнія стихíи славя́но-церкóвной съ рýсскою нарóдною. Ломонóсова какъ поэ́та одни́ называ́ли безсознáтельно Пи́ндаромъ; другíе смѣя́лись и ещé смѣ́ются надъ э́тимъ назвáніемъ. Но, вѣроя́тно, ни тѣ, ни другíе Пи́ндара не читáли. Между тѣмъ э́то воззрѣ́ніе совершéнно примѣня́ется къ егó торжéственнымъ óдамъ: óда Ломонóсова, какъ и Пи́ндарова, нóситъ харáктеръ óды государственной, монументáльной. Въ неё вхóдятъ всѣ стихíи нарóдной и государственной жизни нáшего отéчества. Въ ней встрѣчáете вы разнообрáзныя картины неизмѣри́маго рýсскаго цáрства; тутъ плéщутъ и нáши моря́, и разливáются рѣки, и стéлются доли́ны, и вы́сятся гóры, и блéщетъ всё изоби́ліе рýсской прирóды, и прохóдятъ всѣ разнообрáзныя племенá, и отдаются всѣ важнѣ́йшія собы́тія рýсской истóріи, и пронóсятся всѣ ея́ герóи; но надъ всѣми возвышáется оди́нъ: онъ поглощáетъ всѣ поэти́ческія дýмы Ломонóсова, онъ люби́мый идеáлъ егó; — э́тотъ герóй — Пётръ Вели́кій. Онъ хотѣ́лъ посвяти́ть емý осóбенную поэ́му, но напрáсно: въ óдахъ онъ ужé изобрази́лъ намъ апоѳеóзу Петрá. Ины́е представля́ли Ломонóсова льсти́вымъ поэ́томъ — царедвóрцемъ: э́то невѣ́рно. Онъ слáвитъ въ Петрѣ́ не власть, но насади́теля егó люби́мой наýки; въ Елисавéтѣ — егó достóйную дочь по крóви и дýху, продолжáтельницу той же мы́сли. — Эта мысль о наýкѣ — задушéвная мысль всей егó жи́зни — явля́ется такóю же и въ егó óдахъ. Онъ чáсто къ ней возвращáется и воспѣвáетъ её въ рáзныхъ ви́дахъ.

Люби́мая мысль Ломонóсова стáла господствующею мы́слію нáшего врéмени. Перíóдъ егó возврати́лся къ намъ снóва — и Ломонóсовъ бóлѣе чѣмъ когдá-нибудь есть герóй поколѣ́ній, дѣйствующихъ у насъ въ совремéнной ýмственной жи́зни.

Шевыревъ.

[1]) Ц. слав лице. [2]) то есть: у монастырей. [3]) Снт. III. § 41. 6. Нкл. Снт. ст. 73. [4]) То есть: будучи десяти лѣтъ, или въ десятилѣтнемъ возрастѣ. [5]) Читаетъ въ церкви во время Литургіи, вслухъ всѣмъ, отрывки изъ книги дѣяній и посланій апостольскихъ. [6]) То есть знаками основаннаго имъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. [7]) То есть такъ, будто на самомъ дѣлѣ ее слышишь; слѣдовательно — слышна ясно. [8]) лучше горáздо пóзже. [9]) Ону-

щено: понадобится ли, — если потребуется. [10]) То есть: у него достало силъ и способностей на все это; онъ нашёлъ средства всё это исполнить. Снт. III § 57. 2, 3. [11]) вм. имъ. [12]) Ц. слав. вм. связывающая. [13]) Съ латинскаго versus стихъ. [14]) Названа такъ по нахожденію своему въ заиконоспасскомъ монастыре, въ Москве, на Никольской. [15]) Т. е. въ школахъ заиконоспасскаго монастыря. [16]) Снт. III. § 41. 4. [17]) Ц. Сл. вм. дочерьми. [18]) Такъ называется книга толкованій Василія Великаго на первую главу книги бытія о шести дняхъ творенія. [19]) вм. о практической стороне. [20]) Снт. III. § 41. 5) г). [21]) То есть: изящное на столько, сколько кому возможно.

---

6. Карамзинъ.

Изъ похвальнаго ему слова.

... Заслуги Карамзина относятся къ языку, словесности и исторіи. Въ какомъ состояніи находился русскій языкъ до Карамзина? Русскій языкъ испыталъ въ царствованіе Императора Петра такую же революцію, какъ и прочія части государственной машины: оковы церковно-славянскаго языка были свержены; введено въ употребленіе нарѣчіе собственное, разговорное; принято съ вещами и понятіями множество словъ иностранныхъ: латинскихъ, голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Эти три разнородные элемента: церковный, разговорный и иностранный, вступили между собою какъ бы въ борьбу и произвели въ языкѣ совершенный хаосъ. Переворотъ Петровъ былъ однакожъ необходимъ и спасителенъ тѣмъ, что открылъ собственному языку свободное поприще для развитія, и чрезъ 15 лѣтъ послѣ кончины Петра вотъ какіе гармоническіе звуки извлечены Ломоносовымъ изъ Петрова смѣшенія языковъ:

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведётъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.“

Въ прозаической рѣчи Ломоносова отзывалось однакоже гораздо болѣе чуждаго элемента. Воспитанный въ [1]) церковныхъ книгахъ, плѣнённый красотами славянскаго языка, въ изумленіи предъ знаменитыми памятниками древности, онъ подчинился невольно ихъ могущественному дѣйствію и представилъ въ образецъ рѣчь слишкомъ искусственную. Потребно было новое усиліе, чтобы освободиться наконецъ и отъ классическаго вліянія; но преемники Ломоносова, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, увлечённые его примѣромъ, силою и славою, подражали только его круглымъ періодамъ и не осмѣливались выступать изъ его заповѣднаго круга. Всякій чувствовалъ, что въ этой текучей, плавной, благозвучной рѣчи есть что-то мертвенное, что отъ нея пахнетъ какимъ-то холодомъ, что въ ней слышится что-то чуждое — лишнее и чего-то недостаетъ; но чего именно, — не постигалъ никто. Это было тайной генія!...

И вотъ 1766 года, Декабря 1-го, Симбирской губерніи, Симбирскаго уѣзда, въ селѣ Богородицкомъ родился Карамзинъ, черезъ годъ послѣ кончины Ломоносова, какъ бы предназначенный продолжать Ломоносовское дѣланіе. Семнадцати лѣтъ, окончивъ слегка ученіе, онъ началъ писать, и вотъ рѣченіе изъ перваго его перевода: „Потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцёвъ, коихъ память должна пребыть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы вмѣсто, чтобъ ходили, повѣся голову...“ На 20-мъ году въ дѣтскомъ чтеніи: „я люблю утро: когда вдругъ всѣ поля, покрытыя мракомъ, въ чистѣйшемъ свѣтѣ представятся глазамъ нашимъ, когда дремавшая природа пробудится и снова придётъ въ движеніе и все, на что ни взглянешь, оживетъ и возрадуется.“ Черезъ два года Карамзинъ изъ Швейцаріи: „Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну.“ Мёртвое оживилось, холодное согрѣлось, чужое отсѣчено, недостающее найдено, искусственность замѣнилась природой. Гдѣ нашелъ онъ образецъ этому неслыханному складу? Гдѣ? Въ своемъ сердцѣ, въ своей душѣ. Онъ самъ, можетъ быть, не зналъ сначала, что пишетъ иначе, и что идётъ по другому пути

Русскій умъ любитъ ясность: у него не достанетъ терпѣнія съ Нѣмцемъ дожидаться [2]) смысла до конца рѣчи; съ разу онъ хочетъ понять, въ чемъ дѣло, и ему тотчасъ послѣ имени нуженъ глаголъ. Карамзинъ и подалъ ему глаголъ, слѣдуя вообще въ порядкѣ словъ за [3]) естественнымъ развитіемъ мыслей. Что можетъ быть лёгче этого? Такъ всѣ загадки представляются лёгкими, когда отгаданы, но отгадываютъ ихъ только Ломоносовы и Карамзины. Карамзинъ занимался языкомъ не отвлечённо, не въ особливыхъ рѣченіяхъ, не безъ связи съ содержаніемъ. Языкъ не былъ для него единственною цѣлію, а только средствомъ для сообщенія его мыслей. До Карамзина предметы словесности заимствовались изъ какого-то міра идеальнаго, въ которомъ читатель принималъ условное участіе, какъ будто во снѣ, переселяясь туда на время чтенія.

Первымъ дѣломъ молодаго писателя было изданіе журнала. Повѣсти, стихотворенія, извѣстія о зрѣлищахъ русскихъ и иностранныхъ, съ замѣчаніями объ игрѣ актеровъ, разборы занимательныхъ книгъ, письма русскаго путешественника, — вотъ въ чемъ состояло содержаніе Московскаго журнала. Это было лёгкое и пріятное чтеніе, умное и нескучное, какого никогда на русскомъ языкѣ еще не бывало. Важнѣйшею частію, лучшимъ украшеніемъ Московскаго жур-

нáла были письма рýсскаго путешéственника, кóими Карамзи́нъ положи́лъ основáніе своéй слáвѣ. Рýсскому óбществу откры́лся какъ бýдто нóвый міръ. Большáя часть Россíи оставáлась въ невѣ́дѣніи, чтó есть и дѣ́лается за грани́цею. Карамзи́нъ пéрвый описáлъ живы́ми крáсками Германію, Фрáнцію, Англію, состоя́ніе земли́, образóванность жи́телей, успѣ́хи наýкъ и искýсствъ; изобрази́лъ вели́кихъ писáтелей, имъ посѣщéнныхъ, застáвилъ полюби́ть ихъ, познакóмилъ съ ихъ сочинéніями, возбуди́лъ внимáніе къ глáвнымъ вопрóсамъ, занимáвшимъ тогдá пéрвые умы́.

Вмѣ́стѣ съ письмами Карамзи́нъ выдавáлъ въ Москóвскомъ журнáлѣ свои́ пóвѣсти. Слáва Карамзинá распространя́лась день ото дня [1]). Лýчшая часть пýблики брóсилась безъ пáмяти къ молодóму писáтелю. Москóвскій журнáлъ издавáлъ Карами́знъ два гóда, 1791-й и 1792-й. Пýблика пожелáла ви́дѣть всѣ егó статьи́ въ осóбой кни́гѣ, котóрая и вы́шла подъ заглáвіемъ: „Мои́ бездѣ́лки“, напечáтанныя вскóрѣ вторы́мъ издáніемъ. Въ 1793-мъ и 1794-мъ годáхъ Карамзи́нъ вмѣ́сто журнáла, безпокóившаго егó срóчною рабóтою, издавáлъ литератýрный сбóрникъ Аглáю, кóего вы́шло двѣ кни́ги, состáвленныя почти́ сполнá изъ егó сочинéній. Здѣ́сь мéжду прóчимъ яви́лись въ пéрвый разъ: Островъ Бóрнгольмъ и Илья́ Мýромецъ. Но не однѣ́ми забáвами воображéнія увлекáлся Карамзи́нъ. Вопрóсы важнѣ́йшіе тѣсни́лись въ груди́ егó, — и онъ спѣши́лъ подѣли́ться съ пýбликою плодáми своегó размышлéнія. Перепи́ска Филалéта и Мелодóра имѣ́ла осóбую цѣль. Карамзи́нъ, прéданный отъ души́ просвѣщéнію, хотѣ́лъ разсѣя́ть тѣнь подозрѣ́нія, полóженную на филосóфію ýжасами францýзской револю́ціи, котóрая возбуждáла опасéніе дáже и въ крóткой Екатери́нѣ. Онъ нáчалъ съ 1796 гóда издавáть стихотвóрные альманáхи, Аони́ды. Въ цáрствованіе Импéратора Пáвла Карамзи́нъ занимáлся тóлько перевóдами неви́нныхъ повѣстéй Мармонтéля, Жанли́съ и рáзныхъ други́хъ писáтелей, и и́здалъ ихъ тогдá же вмѣ́стѣ съ Пантеóномъ инострáнной словéсности, состáвленнымъ изъ сочинéній образцóвыхъ писáтелей дрéвнихъ и нóвыхъ. Лишь тóлько вступи́лъ на престóлъ Импéраторъ Алексáндръ, какъ и Карамзи́нъ возврати́лся къ публи́чной дѣ́ятельности съ нóвыми си́лами, съ нóвымъ усéрдіемъ къ пóльзѣ óбщей. Пéрвымъ егó трудóмъ бы́ло „Истори́ческое похвáльное слóво Екатери́нѣ“, гдѣ, прославля́я Императри́цу, онъ имѣ́лъ намѣ́реніе преподáть наставлéніе ю́ному вѣнценóсцу, озарённому таки́ми свѣ́тлыми надéждами при своёмъ вступлéніи на престóлъ. Съ 1812 гóда Карамзи́нъ нáчалъ издавáть другóй журнáлъ, Вѣ́стникъ Еврóпы. Чтóбы суди́ть, до какóй стéпени распространи́лась охóта къ чтéнію въ Россíи и какъ мнóго надéжды полагáла пýблика на люби́маго своегó писáтеля, довóльно сказáть, что вмѣ́сто 300 подпи́счиковъ Москóвскаго журнáла на Вѣ́ст-

никъ Европы явилось, говорятъ, ужъ 2 тысячи. Для Московскаго журнала Карамзинъ работалъ всё самъ, а въ Вѣстникѣ Европы нашлись уже сотрудники, воспитанные по его сочиненіямъ, имъ приготовленные, научённые его языку и слогу. Московскій журналъ передать было некому [5]), а Вѣстникъ Европы имѣлъ преемниковъ, между которыми вскорѣ явился Жуковскій. Вѣстникъ Европы Карамзина, какъ былъ, такъ и остался на всегда образцовымъ русскимъ журналомъ, съ которымъ не сравнялся послѣ ни одинъ. Онъ прочитывался съ жадностію отъ первой страницы до послѣдней; удовлетворяя вполнѣ своихъ читателей [6]), вёлъ ихъ далѣе, обогащалъ познаніями, возбуждалъ охоту пріобрѣтать новыя, имѣлъ своё собственное мнѣніе и выражалъ его ясно и твёрдо. Дѣйствительно, разсмотрите оглавленіе Вѣстника Европы и вы найдёте тамъ всѣ наши основныя задачи, начиная съ крестьянской, нелѣпое воспитаніе нашего высшаго сословія, гибельныя слѣдствія нашего неуваженія къ самимъ себѣ, презрѣнія собственныхъ достоинствъ, отъ недовѣрчивости — къ русскимъ дарованіямъ, которая останавливаетъ народное развитіе. Онъ видѣлъ, что служба, бывши прежде необходимостію государственною, дѣлалась послѣ помѣхою въ исполненіи прочихъ обязанностей, и даже въ успѣхахъ просвѣщенія, и объяснилъ это въ статьѣ: „отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ.“ Онъ видѣлъ злоупотребленіе языка французскаго въ обществѣ, коимъ показывается неуваженіе къ самимъ себѣ. Даже противъ моды онъ почёлъ обязанностію, какъ журналистъ, выразить свои мысли. Главною его мыслію была мысль о просвѣщеніи, общемъ для всего народа, а не для одного какого-либо сословія. Изъ произведеній изящной словесности Карамзинъ написалъ для Вѣстника Европы двѣ повѣсти: Рыцарь нашего времени и Мароа Посадница. Первая примѣчательна тѣмъ, что въ ней сохранилъ онъ многія черты изъ своей юности въ обществѣ симбирскихъ дворянъ. Мароа Посадница была вѣнцёмъ сочиненій Карамзина въ этомъ родѣ: знаменитое происшествіе, важныя лица, торжественная рѣчь.... всё поражало читателя. Вмѣсто повѣстей Карамзинъ представилъ въ Вѣстникѣ Европы очень много статей изъ отечественной исторіи — плоды его послѣднихъ занятій: „о русской старинѣ“, прекрасное извлеченіе изъ древнихъ иностранныхъ путешественниковъ; „о московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, — живая картина замѣчательнаго происшествія; „о предметахъ русской исторіи для художествъ“, и наконецъ: „Историческія замѣчанія на пути къ Троицѣ“, самый счастливый изъ его опытовъ въ этомъ родѣ. Дорога троицкая, столько знакомая всякому Русскому, оживилась воспоминаніями, описанная краснорѣчивымъ перомъ Карамзина. Одною изъ главныхъ особенностей Вѣстника Европы были статьи политическія, статьи, кои можно было читать

въ любо́мъ парламе́нтѣ, въ доказа́тельство, что Ру́сскіе имѣ́ютъ по́лное пра́во жить свои́мъ умо́мъ и суди́ть о други́хъ такъ, какъ другі́е объ нихъ су́дятъ.

Въ како́мъ состоя́ніи находи́лась на́ша исто́рія? Библіоте́ки не имѣ́ли катало́говъ, исто́чниковъ никто́ не собира́лъ, не ука́зывалъ, не приводи́лъ въ поря́докъ. Издано нѣ́сколько лѣ́тописей, ко́ими нельзя́ бы́ло по́льзоваться по отсу́тствію вся́кой отчётливости. Написано нѣ́сколько исто́рій, удовлетворя́вшихъ потре́бностямъ своего́ вре́мени, но онѣ́ не помога́ли, а увели́чивали рабо́ту, приводя́ учё́наго въ сомнѣ́ніе свои́ми прибавле́ніями и заставля́я отъискивать ихъ исто́чники. Поло́жено про́чное основа́ніе разрѣше́нію одного́ вопро́са — о происхожде́ніи Ру́си — и Шле́церъ то́лько что указа́лъ, какъ на́добно принима́ться за лѣ́тописи, напеча́тавъ пе́рвую часть свои́хъ толкова́ній на лѣ́топись Не́стора. Приба́вьте наконе́цъ, что самъ Карамзи́нъ не имѣ́лъ класси́ческаго образова́нія, не зналъ дре́внихъ языко́въ и не занима́лся никогда́ истори́ческой кри́тикой.

Пра́вда, намѣ́реніе писа́ть ру́сскую исто́рію въ 1803-мъ году́ бы́ло де́рзко и ни съ чѣмъ не сообра́зно, успѣ́хъ то́чно каза́лся невѣроя́тнымъ; но э́то духъ всей ру́сской исто́ріи; э́то духъ всей ру́сской жи́зни; э́то духъ ру́сскаго человѣ́ка, — и чрезъ 12 лѣтъ воздви́гся великолѣ́пный па́мятникъ языка́ и исто́ріи. Въ таки́хъ тяже́лыхъ труда́хъ провёлъ Карамзи́нъ 12 лѣтъ, и въ 1815, декабря́ 8-го, предста́вилъ 8 то́мовъ своего́ исто́ріи Импера́тору Алекса́ндру, и пото́мъ всему́ ру́сскому наро́ду; всё изда́ніе расхва́тано бы́ло въ двѣ недѣ́ли и дѣ́йствіе бы́ло неопи́санное.

Заслу́ги Карамзина́ по ча́сти ру́сской исто́ріи мо́жно разсма́тривать относи́тельно истори́ческой кри́тики, иску́сства и нау́ки. Кри́тика изслѣ́дуетъ [7]), очища́етъ, приготовля́етъ матерія́лы: иску́сство воспроизво́дитъ собы́тія и представля́етъ ихъ воображе́нію, какъ бы они́ тепе́рь происходи́ли; нау́ка проника́етъ въ ихъ вну́треннюю связь и открыва́етъ ихъ зако́ны или боже́ственныя иде́и.

Въ приготовле́ніи матерія́ловъ Карамзину́ предлежа́ли труды́ безчи́сленные. Онъ разсмотрѣ́лъ и изслѣ́довалъ всѣ́ извѣ́стные до него́ истори́ческіе исто́чники и мно́жество но́выхъ, имъ сами́мъ откры́тыхъ; ни одного́ списка [8]) лѣ́тописи не оста́лось не прочи́таннаго, не пересмо́трѣннаго, и на всѣхъ сія́ютъ слѣды́ его́ руки́. Обо всѣхъ предста́вилъ Карамзи́нъ своё мнѣ́ніе ча́сто вѣ́рное, всегда́ замѣча́тельное — плодъ я́снаго ума́ и приле́жнаго размышле́нія.

Относи́тельно иску́сства не зна́емъ, чему́ бо́лѣе удивля́ться въ исто́ріи Карамзина́, его́ труду́ или его́ дарова́нію.

Весь язы́къ со всѣ́ми свои́ми словаря́ми, весь запа́съ бу́дущихъ словаре́й, разсѣ́янный въ па́мятникахъ, находи́лся въ его́ распоряже́ніи, и послу́шные слова́ и оборо́ты на повели́тельный зовъ его́

стекáлись изъ лѣтописей, грáматъ, прóлоговъ [9]), минéй [10]), житíй, сказáнiй и совокуплялись въ какýю-то волшéбную гармóнiю, котóрою мóжно наслаждáться дáже независимо отъ ея содержáнiя. Карамзúнъ представúлъ мнóгiя собы́тiя такъ, что онú úменно воспроизвóдятся въ нáшемъ воображéнiи; изобразúлъ мнóгiя лúца такъ, что онú живýтъ предъ нáми, если иногдá не своéю сóбственною, то, по крáйней мѣ́рѣ, тóю жúзнiю, котóрую сообщúлъ имъ худóжникъ въ рáзныя минýты ихъ дѣ́ятельности. Прочитáвъ напр. внимáтельно 6-й томъ, вы вúдите предъ собóю величественную фигýру Iоáнна III., вы слы́шите егó тяжёлые шагú, вы встрѣчáетесь съ егó сурóвыми взглядáми, отъ котóрыхъ жéнщины пáдали въ óбморокъ, вы уклоняéтесь отъ егó повелúтельнаго движéнiя: — э́то торжествó искýсства. Повѣствовáнiя Карамзинá чáсто сáми собóю возвышáются до поэ́зiи. Чѣмъ дáлѣе шёлъ Карамзúнъ, тѣмъ бóлѣе писáлъ, тѣмъ бóлѣе талáнтъ егó усúливался, даръ слóва увелúчивался. Всегó бóлѣе дóлжно сожалѣ́ть о томъ, что Карамзúнъ не написáлъ предполóженнаго имъ обозрѣ́нiя, гдѣ въ крáткихъ, но я́сныхъ, по осóбенному свóйству егó умá, чертáхъ мы увúдѣли бы егó понятiе о рýсской истóрiи прошéдшей, настоящей и бýдущей, егó мнѣ́нiе о судьбѣ́ и назначéнiи Россíи, егó завѣщáнiе наукѣ́. Вотъ гдѣ дóлжно бы́ло представиться органúческое развúтiе истóрiи, вотъ гдѣ должнá былá вы́разиться систéма! Потéря э́та вознаграждáется отчáсти егó „Запискою о дрéвней и нóвой Россíи;“ но э́ту запúску писáлъ онъ ещё óчень рáно, занимáвшись не бóлѣе семú лѣтъ рýсской истóрiей. Пóслѣ ней онъ трудúлся ещё 15 лѣтъ, пережúлъ нашéствiе 1812 гóда.

Повѣствýя, Карамзúнъ не дýмалъ ни о какóй систéмѣ; онъ полагáлъ, кáжется, что систéма должнá исходúть естéственно изъ повѣствовáнiя; онъ хотѣ́лъ тóлько úстины [11]), котóрая самá собóю ужé бýдетъ учúть, — а всякое преднамѣ́ренное направлéнiе истóрiи вредúтъ ей. Наýка, éсли не вполнѣ́ удовлетворяется егó истóрiей въ настоящемъ вúдѣ, то по крáйней мѣ́рѣ имѣ́етъ въ ней всѣ дáнныя, на кóихъ должнá оснóвываться систéма, и обладáетъ мнóгими замѣчáнiями, кóи должны́ войтú въ состáвъ систéма. Рýсскiе узнáли и, смѣ́ло сказáть мóжно, полюбúли бóлѣе отéчество, чѣмъ прéжде; úбо то мóжемъ мы тóлько любúть, что знáемъ, и чѣмъ бóлѣе что знáемъ, тѣмъ бóлѣе лю́бимъ. *Погóдинъ.*

[1]) Прáвильнѣе: на церкóвныхъ кнúгахъ. [2]) То есть: дожидáться, подóбно Нѣ́мцу. [3]) Снт. III. § 42 3). [4]) Иначе: съ кáждымъ днёмъ. [5]) Снт. III. § 38. 9.) Примѣч. 1. Нкл. Снт. ст. 34. прим. II. и Этим. 314. [6]) Снт. III. § 41. 5) Нкл. Снт. ст. 70. [7]) Нкл. Этим. 236, а. 4. [8]) Снт. III. § 47. 5. 6.) Нкл. Снт. ст. 24. [9]) Прóлогомъ называется подрóбный календáрь (святцы) чтúмымъ Цéрковью святы́мъ. [10]) Такъ называется (отъ грéческаго слóва $\mu\tilde{\eta}\nu$) собрáнiе житíй святы́хъ, располóженное по днямъ и мѣ́сяцамъ, въ котóрые Цéрковь воспоминáетъ о чтúмыхъ éю святы́хъ угóдникахъ Бóжiихъ. [11]) Снт. III. § 42. 2, Нкл. ст. 79.

7. О лиризмѣ нашихъ поэтовъ.

Изъ письма́ къ Жуко́вскому.

....Въ лири́змѣ на́шихъ поэ́товъ есть что́-то тако́е, чего́ нѣтъ у поэ́товъ други́хъ на́цій — и́менно, что-то бли́зкое къ библе́йскому, то вы́сшее состоя́ніе лиризма, которое чу́ждо увлече́ній стра́стныхъ и есть тве́рдый возлётъ въ свѣтѣ ра́зума, верхо́вное торжество́ духо́вной тре́звости. Не говоря́ уже́ о Ломоно́совѣ и Держа́винѣ, да́же у Пу́шкина слы́шится э́тотъ стро́гій лири́змъ повсю́ду, гдѣ ни [1]) коснётся онъ высо́кихъ предме́товъ. Вспо́мни то́лько стихотворе́нія его́ — къ па́стырю це́ркви, Проро́къ и наконе́цъ э́тотъ таинственный побѣ́гъ изъ го́рода, напеча́танный уже́ по́слѣ его́ сме́рти. Перебери́ стихи́ Язы́кова, и уви́дишь, что онъ вся́кій разъ стано́вится ка́къ-то неизмѣри́мо вы́ше и страсте́й и самого́ себя́, когда́ прикоснётся къ чему́-нибудь вы́сшему. Приведу́ одно́ изъ его́ да́же молоды́хъ стихотворе́ній, подъ назва́ніемъ *Ге́ніи;* оно́ же не дли́нно:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ,
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея.
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она. —
Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаётъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полётъ.
Его воскреснувшая [2]) сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру новыя свѣтила — [3])
Дѣла избранника небесъ. —

Како́й свѣтъ и кака́я стро́гость вели́чія! Я изъясня́лъ э́то тѣмъ, что на́ши поэ́ты ви́дѣли вся́кій высо́кій предме́тъ въ его́ зако́нномъ соприкоснове́ніи съ верхо́внымъ исто́чникомъ лири́зма — Бо́гомъ, одни́ созна́тельно, други́е безсозна́тельно, потому́ что ру́сская душа́, въ слѣ́дствіе свое́й ру́сской приро́ды, уже́ слы́шитъ э́то ка́къ-то сама́ собо́ю, неизвѣ́стно почему́. Я сказа́лъ, что два предме́та вызыва́ли у на́шихъ поэ́товъ э́тотъ лири́змъ, бли́зкій къ библе́йскому. Пе́рвый изъ нихъ: Россі́я. При одно́мъ э́томъ и́мени ка́къ-то вдругъ просвѣтля́ется взглядъ у на́шего поэ́та, раздвига́ется да́льше его́ кругозо́ръ [4]), всё стано́вится у него́ ши́ре, и онъ самъ какъ бы облека́ется

величіемъ, становясь превыше обыкновеннаго человѣка. Это что-то болѣе, нежели обыкновенная любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству отозвалась бы приторнымъ хвастаньемъ. Доказательствомъ тому наши, такъ называемые, квасные [5]) патріоты. Между тѣмъ заговоритъ Державинъ о Россіи — слышишь [6]) въ себѣ неестественную силу и какъ бы самъ дышешь величіемъ Россіи......

Но перейдемъ къ другому предмету, гдѣ также слышится у нашихъ поэтовъ тотъ высокій лиризмъ, о которомъ идетъ рѣчь, то есть *любви къ царю.* Отъ множества гимновъ и одъ царямъ, поэзія наша, уже со временъ Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выраженіе. — Что чувства въ ней искренни, объ этомъ и говорить нечего [7]). — Только тотъ, кто надѣленъ мелочнымъ остроуміемъ, способнымъ на одни мгновенныя, легкія соображенія, увидитъ здѣсь лесть и желаніе получить что-нибудь — и такое соображеніе оснуетъ на какихъ-нибудь ничтожныхъ и плохихъ одахъ тѣхъ же поэтовъ. Но тотъ, кто болѣе, нежели остроуменъ, кто мудръ, тотъ остановится передъ тѣми одами Державина, гдѣ онъ очертываетъ властелину широкій кругъ его благотворныхъ дѣйствій, гдѣ самъ со слезами на глазахъ говоритъ ему о тѣхъ слезахъ, которыя готовы заструиться изъ глазъ, не только Русскихъ, но даже безчувственныхъ дикарей, обитающихъ на концахъ его имперіи, отъ одного только прикосновенія той милости и той любви, какую можетъ показать народу одна полномощная власть......

Какъ ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ, которые слышали полное опредѣленіе царя въ книгахъ ветхаго завѣта, и которые въ то-же время такъ близко видѣли волю Бога на всѣхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ не-былъ исполненъ библейскихъ отголосковъ? Простой любви не стало бы на то, чтобы облечь такою суровою трезвостью ихъ звуки: для этого потребно полное и твердое убѣжденіе разума, а не одно безотчетное чувство любви; иначе звуки ихъ вышли бы мягкими, какъ у тебя въ прежнихъ твоихъ молодыхъ сочиненіяхъ, когда ты предавался чувству одной только любящей души своей. Нѣтъ, есть что-то крѣпкое слишкомъ крѣпкое у нашихъ поэтовъ, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй. Если тебѣ этого не видится, то еще не доказываетъ, чтобы его вовсе не-было. Вспомни самъ, что въ тебѣ не всѣ стороны русской природы; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ взошли въ тебѣ на такую высокую степень и такъ развились просторно, что черезъ это не-дали мѣста другимъ, и ты уже сталъ исключеніемъ изъ обще-русскихъ характеровъ. Въ тебѣ заключились вполнѣ всѣ мягкія и нѣжныя струны нашей славянской природы; но тѣ густыя и крѣпкія ея струны, отъ которыхъ происходитъ тайный ужасъ и содроганіе по всему составу человѣка, тебѣ

не такъ извѣстны. А онѝ-то и есть родникѝ тогó лиризма, о кóторомъ идётъ рѣчь. Этотъ лиризмъ ужé ни къ чему не мóжетъ возноси́ться, какъ тóлько къ одному верхóвному истóчнику своему — Бóгу. Онъ суровъ, онъ пугли́въ, онъ не лю́битъ многословія, ему при́торно всё, что ни есть на землѣ, éсли тóлько онъ не ви́дитъ на нёмъ напечатлѣнія Бóжіяго. Въ комъ хотя́ однá крупи́ца этого лиризма, тотъ, не смотря́ на всѣ несовершéнства и недостáтки, заключáетъ въ себѣ суровое, вы́сшее благорóдство душéвное, перéдъ котóрымъ дрожи́тъ самъ, и котóрое заставля́етъ его бѣжáть отъ всегó, похóжаго на выражéніе признáтельности со стороны людской. Сóбственный лу́чшій егó пóдвигъ ему вдругъ опроти́вѣетъ, если за негó послѣдуетъ ему какáя-нибу́дь наградá: онъ сли́шкомъ чу́вствуетъ, что всё вы́сшее должнó быть вы́ше наградь. Цáрственные ги́мны нáшихъ поэтовъ изумля́ли сáмыхъ чужезéмцевъ своимъ величественнымъ склáдомъ и слóгомъ. Еще недáвно Мицкéвичъ [8]) сказáлъ объ этомъ на лéкціяхъ Пари́жу, и сказáлъ въ такóе врéмя, когдá и самъ онъ былъ раздражёнъ проти́ву насъ, и всё въ Пари́жѣ на насъ негодовáло. Не смотря́ однáко жъ на то, онъ объяви́лъ торжéственно, что въ óдахъ и ги́мнахъ нáшихъ поэтовъ ничегó нѣтъ рáбскаго или ни́зкаго, но напрóтивъ, чтó-то свобóдно-величественное. И тутъ же, хотя́ это не понрáвилось никому изъ землякóвъ егó, óтдалъ честь благорóдству харáктеровъ нáшихъ писáтелей. Мицкéвичъ правъ. Нáши писáтели тóчно заключи́ли въ себѣ черты какóй-то вы́сшей прирóды. Въ мину́ты сознáнія своегó они сáми состáвили свой душéвные портрéты, котóрые отозвали́сь бы самохвáльствомъ, если бы ихъ жизнь не былá тому подкрѣплéніемъ. Вотъ что говори́тъ о себѣ Пу́шкинъ, помышля́я о бу́дущей судьбѣ своéй:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Стóитъ тóлько вспóмнить Пу́шкина, чтобы ви́дѣть, какъ вѣренъ этотъ портрéтъ. - - - - Вспóмни тóлько то умили́тельное зрѣлище, какóе представля́етъ посѣщéніе всѣмъ нарóдомъ ссы́льныхъ, отправля́ющихся въ Сиби́рь, когдá всякъ несётъ отъ себя́, кто [9]) пи́щу, кто дéньги, кто христіáнски-утѣши́тельное слóво. Нéнависти нѣтъ къ престу́пнику, нѣтъ тáкже донкишóтскаго [10]) поры́ва сдѣлать изъ негó героя, собирáть егó факси́мили [11]), портрéты, или смотрѣть на негó изъ любопы́тства, какъ дѣлается въ просвѣщённой Еврóпѣ. Здѣсь чтó-то бóлѣе: не желáніе оправдáть егó, или вы́рвать изъ рукъ правосу́дія, но воздви́гнуть упáдшій духъ егó, утѣши́ть, какъ братъ утѣшáетъ брáта, какъ повелѣлъ Христóсъ намъ утѣшáть другъ дру́га. - - - - Пу́шкинъ умѣлъ оцѣни́ть черту́ въ жи́зни другáго

вѣнценóсца, Петрá. Вспóмни стихотворéніе *Пиръ на Невѣ,* въ котóромъ онъ съ изумлéніемъ спрáшиваетъ о причи́нѣ необыкновéннаго торжествá въ цáрскомъ дóмѣ, раздающагося кли́ками по всему́ Петербу́ргу и по Невѣ́, потрясённой пальбóю пу́шекъ. Онъ перебирáетъ всѣ́ слу́чаи, рáдостные царю́, котóрые могли́ быть причи́ною такóго пировáнія: роди́лся ли госудáрю наслѣ́дникъ егó престóла, имяни́нница ль женá егó, побѣждёнъ ли непобѣди́мый врагъ, при́былъ ли флотъ, составля́вшій люби́мую страсть госудáря, и на все это отвѣчáетъ:

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Забывая, веселится;
Чарку пѣнитъ съ нимъ одну.
Отъ того-то пиръ веселый,
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена. —

Тóлько оди́нъ Пу́шкинъ могъ почу́вствовать всю красоту́ такóго посту́пка. — Умѣ́ть не тóлько прости́ть своему́ пóдданному, но ещé торжествовáть это прощéніе, какъ побѣ́ду надъ врагóмъ — это и́стинно божéственная чертá. Тóлько на небесáхъ умѣ́ютъ поступáть такъ. Тамъ тóлько рáдуются обращéнію грѣ́шника еще бóлѣе, нéжели самому́ прáведному, и всѣ сóнмы неви́димыхъ силъ учáствуютъ въ небéсномъ пи́ршествѣ Бóга. Пу́шкинъ былъ знатóкъ и оцѣ́нщикъ вѣ́рный всегó вели́каго въ человѣ́кѣ....... *Гóголь.*

[1]) Снт. Ш. § 88. 24.) Нкл. Снт. ст. 35. [2]) Прáвильнѣе: воскрéсшая. [3]) Т. е. дѣлá егó слу́жатъ путевóдными звѣздáми. 4) То-же что горизóнтъ, Gesichtskreis. [5]) Лю́ди, считáющіе оснóвными чертáми нарóдности не существéнныя кáчества нарóда, но чтó-нибудь случáйное и безразли́чное въ отношéніи къ нрáвственности, напр. люби́мое питьё въ Россíи — квасъ. [6]) Снт. Ш. § 47. 4. а). [7]) Снт. Ш. § 38. 9. Примѣч. 1. Нкл. Этим. ст. 314. [8]) Извѣ́стный пóльскій поэтъ и эмигрáнтъ, читáвшій нѣ́сколько лѣтъ сря́ду въ Пари́жскомъ университéтѣ лéкціи о литерату́рахъ славя́нскихъ нарóдовъ. [9]) Нкл. Снт. ст. 184. [10]) Донъ-Кишóтъ, или Донъ-Кихóтъ, герóй извѣ́стнаго ромáна Сервáнтесова (въ Испáнской литерату́рѣ), помѣшáвшійся на неумѣ́стныхъ ры́царскихъ пóдвигахъ. [11]) Facsimile обрáзчикъ чьегó либо пóдчерка, сни́мокъ съ автогрáфа.

---

8. Въ чемъ наконецъ существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенность.

Не смотря на внѣ́шніе при́знаки подражáнія, въ нáшей поэзіи есть мнóго и своегó. Самородный ключъ [1]) ея́ ужé былъ въ груди́ нарóда, какъ сáмое и́мя еще нé-было ни на чьихъ устáхъ. Струи́ егó пробивáются въ нáшихъ пѣ́сняхъ, въ котóрыхъ мáло привя́занности къ жи́зни и ея́ предмéтамъ, но мнóго привя́занности къ

какому-то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унестись куда-то вмѣстѣ съ звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, мѣткость живописнаго изображенія, чтобы составить животрепещущее [2]) слово, которое проникаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются наконецъ въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей, словѣ простомъ, не краснорѣчивомъ, но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святаго безстрастія, на которую опредѣлено взойти христіанину, по стремленію направить человѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзіи какое-то, другимъ народамъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе. Но не изъ сихъ трехъ источниковъ, уже въ насъ пребывавшихъ, ведетъ начало наша сладкозвучная поэзія, нынѣ насъ услаждающая; такъ же, какъ и строеніе нынѣшняго нашего гражданскаго порядка произошло не изъ началъ, уже пребывавшихъ прежде въ землѣ нашей: гражданское строеніе наше произошло также не правильнымъ, постепеннымъ ходомъ событій, не медленно-разсудительнымъ введеніемъ европейскихъ обычаевъ, которое было бы уже невозможно по той причинѣ, что уже слишкомъ великъ былъ наплывъ его, чтобы не ворваться рано или поздно со всѣхъ сторонъ въ Россію и не произвести безъ такого вождя, каковъ былъ Петръ, гораздо большаго разладу во всемъ, нежели какой дѣйствительно потомъ наступилъ, — гражданское строеніе наше произошло отъ потрясенія, отъ того богатырскаго потрясенія всего государства, которое произвёлъ царь-преобразователь, когда воля Бога вложила ему мысль ввести молодой народъ свой въ кругъ европейскихъ государствъ и вдругъ познакомить его со всѣмъ, что ни добыла себѣ Европа долгими годами кровавыхъ бореній и страданій. Крутой поворотъ былъ нуженъ русскому народу — и европейское просвѣщеніе было огниво, которымъ слѣдовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массѣ. Огниво не сообщаетъ огня кремню — но покамѣстъ имъ не ударишь [3]), не издастъ кремень огня. Огонь излетѣлъ вдругъ изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ — восторгъ отъ пробужденія, восторгъ въ началѣ безотчетный: никто ещё не услышалъ, что онъ пробудился за тѣмъ, чтобы, съ помощью европейскаго свѣта, разсмотрѣть поглубже самого себя, а не копировать Европу; все только услышало, что онъ пробудился. Уже самый этотъ крутой поворотъ всего государства, произведенный однимъ человѣкомъ — и притомъ самимъ царёмъ, который великодушно отказался на время отъ царскаго званія своего, рѣшился извѣдать самъ всякое ремесло и съ топоромъ въ рукѣ стать передовымъ во всякомъ

дѣлѣ, дабы не произошло никакихъ безпорядковъ, слѣдующихъ при малѣйшемъ измѣненіи государственныхъ формъ, — былъ дѣломъ, достойнымъ восторга. Переворотъ, который обыкновенно на нѣсколько лѣтъ обливаетъ кровью потрясённое государство, если производится бореніями внутреннихъ партій, былъ произведёнъ въ виду всей Европы, въ такомъ порядкѣ, какъ блистательный манёвръ хорошо выученнаго войска. Россія вдругъ облеклась въ государственное величіе, заговорила громами и блеснула отблескомъ европейскихъ наукъ. Всё въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавши тотъ крикъ изумленія, который издаётъ дикарь при видѣ навезённыхъ блестящихъ сокровищъ. Восторгъ этотъ отразился въ нашей поэзіи, или лучше — онъ создалъ её. Вотъ почему поэзія съ перваго стихотворенія, появившагося въ печати, приняла у насъ торжествующее выраженіе, стремясь высказать въ одно и то же время восхищеніе отъ свѣта, внесённаго въ Россію, изумленіе отъ великаго поприща, ей предстоящаго, и благодарность царямъ, того виновникамъ......

Что такое Ломоносовъ, если разсмотрѣть его строго? Восторженный юноша, котораго манитъ свѣтъ наукъ, да поприще, ожидающее впереди. Случаемъ попалъ онъ въ поэты: восторгъ отъ нашей новой побѣды заставилъ его набросать первую оду. Впопыхахъ занялъ онъ у сосѣдей нѣмцевъ размѣръ и форму, какіе у нихъ на ту пору случились, не разсмотрѣвъ, приличны ли они русской рѣчи. Нѣтъ и слѣдовъ творчества въ его реторически-составленныхъ одахъ; но восторгъ уже слышенъ въ нихъ повсюду, гдѣ ни прикоснётся онъ къ чему-нибудь близкому наукоЛюбивой душѣ его. Коснулся онъ сѣвернаго сіянія, бывшаго предметомъ его учёныхъ изслѣдованій — и плодомъ этого прикосновенія была ода: „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“, вся величественная отъ начала до конца, какой никому не написать [4]), кромѣ Ломоносова. Тѣ же причины породили извѣстное посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла. Всякое прикосновеніе къ любезной сердцу его Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной. Среди холодныхъ строфъ польются вдругъ у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься. Точно какъ бы, выражаясь его же словами,

Божественный пророкъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя [5]) восхищенъ [6]) гремитъ.....

Съ-руки [7]) Ломоносова оды вошли въ обычай. Торжество, побѣда, тезоименитство, даже иллюминація и фейерверкъ стали предметомъ одъ. Слагатели ихъ выразили только бездарную прыть на-

мѣсто восторга. Исключить изъ нихъ можно одного Петрова, нечуждаго силы и стихотворнаго огня; онъ былъ дѣйствительно поэтъ, не смотря на жёсткій и чёрствый стихъ свой. Всѣ прочіе напомнили только реторическій холодный складъ ломоносовскихъ одъ и показали, намѣсто благозвучія Ломоносовскаго языка, трескотню и безпорядокъ словъ, терзающій ухо. Но огниво уже ударило по кремню: поэзія уже вспыхнула; ещё не успѣлъ отнести руку отъ лиры Ломоносовъ, какъ уже заводилъ [8]) первыя пѣсни Державинъ.

Въ эпоху Екатерины, которой царствованіе можно назвать блестящею выставкою первыхъ русскихъ произведеній, когда на всѣхъ поприщахъ стали выказываться русскіе таланты — съ битвами вознеслись полководцы, съ учрежденіями внутренними государственные дѣльцы, съ переговорами дипломаты, а съ академіями словесники [9]) и учёные — появился и поэтъ Державинъ, съ тою же картинно-величавою наружностію, какъ и всѣ люди времёнъ Екатерины, развернувшіеся въ какой-то ещё дикой свободѣ, со множествомъ недоконченнаго и не вполнѣ отдѣланнаго въ частяхъ, какъ случается съ тѣми произведеніями, которыя выставляются нѣсколько торопливо напоказъ. Мысль о сходствѣ Ломоносова съ Державинымъ, приходящая въ умъ при первомъ взглядѣ на нихъ обоихъ, изчезнетъ вдругъ, какъ только всмотришься покрѣпче въ Державина. Всѣмъ, даже самымъ воспитаніемъ, послѣдній представлялъ противоположность первому. Какъ первый весь предался наукамъ, считая стихотворство своё только развлеченіемъ и дѣломъ отдохновенія, такъ другой предался весь своему стихотворству, считая многостороннее образованіе науками лишнимъ и ненужнымъ.....

Не отвлечённыя науки, но наука жизни его занимаетъ. Оды его обращаются уже къ людямъ всѣхъ сословій и должностей, и слышно въ нихъ стремленіе начертать законъ правильныхъ дѣйствій человѣка во всёмъ, даже въ самыхъ его наслажденіяхъ. У него выступило [10]) уже творчество. У него есть что-то ещё болѣе исполинское и парящее, нежели у Ломоносова. Недоумѣваетъ умъ рѣшить, откуда взялся въ нёмъ этотъ гиперболическій размахъ его рѣчи. Остатокъ ли это нашего сказочнаго русскаго богатырства, которое, въ видѣ какого-то тёмнаго пророчества, носится до сихъ поръ надъ нашею землёю, прообразуя что-то высшее, насъ ожидающее; или же это навѣялось на него отдалённымъ татарскимъ его происхожденіемъ, степями, гдѣ бродятъ бѣдные остатки ордъ, распаляющіе своё воображеніе разсказами о богатыряхъ въ нѣсколько верстъ вышиною, живущихъ по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ, — что бы то ни-было, но это свойство въ Державинѣ изумительно. Иногда, Богъ вѣсть какъ, издалека забираетъ онъ слова и выраженія затѣмъ именно, чтобы стать ближе къ своему предмету. Дико, громадно всё; но гдѣ

то́лько помогла́ ему́ си́ла вдохнове́нія, тамъ весь э́тотъ гро́маздъ [11]) слу́житъ на то, что́бы неесте́ственною си́лою оживи́ть предме́тъ такъ, что ка́жется, какъ бы ты́сячью [12]) глаза́ми гляди́тъ онъ. Сто́итъ пробѣжа́ть его́ „Водопа́дъ", гдѣ, ка́жется, какъ бы цѣ́лая эпопе́я слила́сь въ одну́ стрема́щую о́ду. Въ „Водопа́дѣ" предъ нимъ пигме́и другíе поэ́ты. Приро́да тамъ какъ бы вы́сшая на́ми зри́мой приро́ды [14]); люди могу́чѣе на́ми зна́емыхъ людéй, а на́ша обыкнове́нная жизнь, пе́редъ вели́чественною жи́знію, тамъ изображе́нною, то́чно мураве́йникъ, кото́рый гдѣ-то глубо́ко копы́шется вдали́. О Держа́винѣ мо́жно сказа́ть, что онъ пѣве́цъ вели́чія. Всё у него́ вели́чаво: вели́чавъ о́бразъ Екатери́ны, вели́чава Россíя, созерца́ющая себя́ въ осьми́ моря́хъ свои́хъ; его́ полково́дцы-орлы́: сло́вомъ, всё у него́ вели́чаво.....

Сравни́тельно съ другими поэ́тами, у него́ всё гляди́тъ исполи́номъ [15]); его́ поэти́ческіе о́бразы, не имѣ́я по́лной оконча́тельности [16]) пласти́ческой, какъ бы теря́ются въ како́мъ-то духо́вномъ очерта́ніи и отъ того́ пріе́млютъ ещё бо́лѣе вели́чія. Наприме́ръ: поэ́тъ изобража́етъ ста́рца Ка́спія въ то вре́мя, когда́ онъ разсе́рженный бу́рею,

Встаётъ въ упоръ ея волнамъ:
То скачетъ въ твердь, то, въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ;
Столбомъ власы сѣдые вьются —
И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Тутъ, каза́лось, хотѣ́лъ созда́ться зри́мо [17]) о́бразъ ста́рца Ка́спія, но потеря́лся въ како́мъ-то духо́вномъ, незри́момъ очерта́ніи, у́хо слы́шитъ оди́нъ гулъ гремя́щаго мо́ря, — и, вмѣ́стѣ съ сѣды́ми власа́ми ста́рца, подъе́млется во́лосъ на головѣ́ самого́ чита́теля, поражённаго суро́вымъ вели́чіемъ карти́ны. Всё у него́ кру́пно. Слогъ у него́ такъ кру́пенъ, какъ ни у кого́ изъ на́шихъ поэ́товъ; разъя́въ анатоми́ческимъ ножёмъ, уви́дишь, что э́то происхо́дитъ отъ необыкнове́ннаго соедине́нія са́мыхъ высо́кихъ словъ съ са́мыми ни́зкими и просты́ми, на что бы никто́ не отва́жился, кро́мѣ Держа́вина. Кто бы посмѣ́лъ, кро́мѣ его́, вы́разиться такъ, какъ вы́разился онъ въ одно́мъ мѣ́стѣ о томъ же своёмъ вели́чественномъ му́жѣ, въ ту мину́ту, когда́ онъ всё уже́ испо́лнилъ, что ну́жно на землѣ́:

И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя задумавшись усы.

Кто, кро́мѣ Держа́вина, осмѣ́лился бы соедини́ть тако́е дѣ́ло, каково́ ожида́ніе сме́рти, съ таки́мъ ничто́жнымъ дѣ́йствіемъ, каково́ круче́ніе усо́въ? Но ка́къ черезъ э́то ощути́тельнѣе ви́димость му́жа, и како́е меланхоли́чески-глубо́кое чу́вство остаётся въ душѣ́! Но на́добно сказа́ть, что какъ э́то, такъ и всѣ́ другíя исполи́нскія свой-

ства Держа́вина, даю́щія ему́ преиму́щество надъ про́чими поэ́тами на́шими, превраща́ются вдругъ у него́ въ неря́шество и безобра́зіе, какъ то́лько оставля́етъ его́ одушевле́ніе. Тогда́ всё въ безпоря́дкѣ: рѣчь, язы́къ, слогъ, всё скрипи́тъ такъ телѣ́га съ невы́мазанными колёсами, и стихотворе́ніе — то́чно трупъ, оста́вленный душо́ю. Слѣды́ со́бственнаго неко́нченнаго [18]) образова́нія, какъ въ у́мственномъ, такъ и въ нра́вственномъ смы́слѣ, отрази́лись о́чень замѣ́тно на его́ творе́ніяхъ. Мужъ, пропове́дывавшій други́мъ о томъ, какъ пра́вить собо́ю, не умѣ́лъ упра́вить себя́ [19]); далеко́ не сталъ сами́мъ собо́ю, и до́лженъ былъ напряжённою си́лою вдохнове́нія добира́ться до себя́ же, чтобы заговори́ть о томъ, что́ должно́ уже́ свобо́дно излива́ться у поэ́та. Прида́й по́лное воспита́ніе такому му́жу — не́было бы поэ́та вы́ше Держа́вина; тепе́рь же остаётся онъ какъ невоздѣ́ланная грома́дная скала́, перéдъ кото́рою никто́ не мо́жетъ останови́ться, не бу́дучи поражёнъ, но пе́редъ кото́рою до́лго не застáивается никто́, спѣша́ къ други́мъ мѣста́мъ, бо́лѣе плѣни́тельнымъ.

Ещé Держа́винъ ударя́лъ въ стру́ны своéй ли́ры, какъ ужé всё вокру́гъ него́ измѣни́лось: вѣкъ Екатери́ны, полково́дцы-орлы́, вельмо́жная ро́скошь и вельмо́жная жизнь унесли́сь какъ сновидѣ́ніе. Наступи́лъ друго́й вѣкъ, опря́тный, благопристо́йный, вы́лощенный. Всё застегну́лось и какъ бы почу́вствовало, что ужé раски́нулось черезъ-чуръ на-распа́шку, ста́ло напереры́въ пріобрѣта́ть нару́жное благоприли́чіе и стро́йность посту́пковъ. Францу́зы ста́ли вполнѣ́ образцы́ всему́. И такъ же, какъ щёголи Пари́жа завладѣ́ли надо́лго на́шимъ о́бществомъ, ло́вкіе францу́зскіе поэ́ты завладѣ́либыло [20]) на́-время на́шими поэ́тами. Къ че́сти одна́кожъ вѣ́рнаго поэти́ческаго чутья́ на́шего ну́жно сказа́ть то, что въ образе́цъ пошёлъ оди́нъ Лафонте́нъ, затѣ́мъ и́менно, что былъ бли́же къ приро́дѣ; Дми́тріевъ, Хемни́церъ и Богдано́вичъ ста́ли производи́ть подо́бныя ему́ въ простотѣ́ творе́нія, обрабо́тывая тѣ же предме́ты. Ру́сскій язы́къ вдругъ получи́лъ свобо́ду и лёгкость перелета́ть отъ предме́та къ предме́ту, лёгкость, незнако́мую Держа́вину. На мѣ́сто о́ды ста́ли про́бовать всѣ́ ро́ды и фо́рмы поэ́зіи. Дми́тріевъ показа́лъ мно́го тала́нта, вку́са, простоты́ и прили́чія во всёмъ, кото́рыми уби́лъ напы́щенность и высокопа́рность, нанесённыя безда́рными подража́телями Ломоно́сова и Держа́вина. Но пове́рхностная эпо́ха не могла́ дать бога́таго содержа́нія на́шей поэ́зіи: одно́ общесвѣ́тское ста́ло ея́ предме́томъ — и она́ сдѣ́лалась сама́ похо́жею на у́мнаго и ло́вкаго свѣ́тскаго человѣ́ка, когда́ онъ сиди́тъ въ гости́ной и ведётъ разгово́ръ совсѣ́мъ не за тѣмъ, чтобы повѣ́дать душе́вную и́сповѣдь свою́, и́ли подви́нуть други́хъ на како́е-нибудь ва́жное дѣ́ло, но за тѣмъ, чтобы про́сто повести́ разгово́ръ и пощеголя́ть умѣ́ньемъ вести́ его́ обо всѣ́хъ предме́тахъ. Послѣ́дніе звýки Держа́вина

умо́лкнули [21]), какъ умолка́ютъ послѣ́дніе звуки церко́внаго орга́на — и поэ́зія на́ша, по вы́ходѣ изъ це́ркви, очути́лась вдругъ на ба́лѣ Но не могла́ остава́ться до́лго на́ша поэ́зія на э́той пове́рхностной свѣ́тской верху́шкѣ. Уже́ пробуждена́ была́ си́льно ея́ чу́ткость отъ петро́вскаго уда́ра европе́йскимъ огни́вомъ. Вдругъ примѣ́тила она́, что отъ Францу́зовъ, кро́мѣ ло́вкости, ничего́ не переймётъ въ своё воспита́ніе, и обрати́лась къ Нѣ́мцамъ. Въ нѣме́цкой литерату́рѣ происходи́ло въ э́то вре́мя явле́ніе стра́нное. Нея́сныя грёзы, таи́нственныя преда́нія, необъясни́мыя чуде́сныя происше́ствія, тёмные при́знаки невиди́маго мі́ра, мечты́ и стра́хи, сопровожда́ющіе дѣ́тство человѣ́ка, ста́ли предме́томъ нѣме́цкихъ поэ́товъ. Мо́жно бы назва́ть таку́ю поэ́зію ша́лостію шко́льника, е́сли бы въ ней не слы́шался тотъ младе́нческій ле́петъ, кото́рымъ подаётъ о себѣ́ вѣсть безсме́ртный духъ человѣ́ка, тре́бующій себѣ́ живо́й пи́щи. Чу́ткая поэ́зія на́ша останови́лась съ любопы́тствомъ младе́нца пере́дъ таки́мъ явле́ніемъ. Ея́ со́бственныя славя́нскія нача́ла напо́мнили ей вдругъ о чёмъ-то и у нея́ похо́жемъ. Но при всемъ томъ мы са́ми ника́къ бы не столкну́лись съ Нѣ́мцами, е́сли бы не яви́лся среди́ насъ тако́й поэ́тъ, кото́рый показа́лъ намъ весь э́тотъ но́вый, необыкнове́нный мі́ръ сквозь я́сное стекло́ свое́й со́бственной приро́ды, намъ бо́лѣе досту́пной, не́жели нѣме́цкая. Этотъ поэ́тъ — Жуко́вскій, на́ша замѣча́тельнѣ́йшая оригина́льность! Чу́дною вы́сшею во́лею вло́жено бы́ло ему́ въ ду́шу отъ дней младе́нчества непостижи́мое ему́ самому́ стремле́ніе къ незри́мому и таи́нственному. Въ душѣ́ его́, то́чно какъ въ геро́ѣ его́ балла́ды Вади́мѣ, раздава́лся небе́сный звоно́къ, зову́щій вдаль. Изъ-за э́того зо́ва [22]) броса́лся онъ на все неизъясни́мое и таи́нственное повсю́ду, гдѣ оно́ ни встрѣча́лось ему́, и сталъ облека́ть его́ въ зву́ки, бли́зкіе наше́й душѣ́. Все въ э́томъ ро́дѣ у него́ [23]) взя́то у чужи́хъ, и бо́льше у Нѣ́мцевъ, — почти́ все перево́ды.....

Пробѣжа́въ оглавле́ніе стихотворе́ній его́, ви́дишь: одно́ взя́то изъ Ши́ллера, друго́е изъ Уланда, тре́тье у Вальтеръ-Ско́та, четве́ртое у Ба́йрона — и все вѣрнѣ́йшій ско́локъ, сло́во въ сло́во, ли́чность ка́ждаго поэ́та удержа́на, не́гдѣ бы́ло и вы́сунуться самому́ перево́дчику; но когда́ прочтёшь нѣ́сколько стихотворе́ній, и вдругъ спро́сишь себя́; чьи стихотворе́нія чита́лъ? не предста́нетъ пере́дъ глаза́ твои́ ни Ши́ллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ-Ско́тъ: но поэ́тъ, отъ нихъ всѣхъ отдѣ́льный, досто́йный помѣсти́ться не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ни́ми ря́домъ, какъ ра́вный съ ра́внымъ. Каки́мъ о́бразомъ сквозь ли́чности всѣхъ поэ́товъ пронесла́сь его́ со́бственная ли́чность — э́то зага́дка, но она́ такъ и ви́дится всѣмъ. Нѣтъ Ру́сскаго, кото́рый бы не соста́вилъ себѣ́ изъ са́мыхъ же произведе́ній Жуко́вскаго вѣ́рнаго портре́та са́мой души́ его́.....

Переводя́, производи́лъ онъ перево́дами тако́е дѣ́йствіе, какъ самобы́тный и самоцвѣ́тный поэ́тъ. Внеся́ [24]) э́то но́вое, дото́лѣ незнако́мое на́шей поэ́зіи стремле́ніе въ о́бласть незри́маго и та́йнаго, онъ отрѣши́лъ её саму́ [25]) отъ матеріяли́зма не то́лько въ мы́сляхъ и о́бразѣ ихъ выраже́нія, но и въ са́момъ стихѣ́, кото́рый сталъ лёгокъ и безтѣле́сенъ какъ видѣ́ніе. Переводя́, онъ оста́вилъ перево́дами поча́тки [26]) всему́ оригина́льному, внесъ но́выя фо́рмы и размѣ́ры, кото́рые ста́ли потóмъ употребля́ть всѣ́ други́е на́ши поэ́ты..

Въ то вре́мя, когда́ Жуко́вскій стоя́лъ ещё въ пе́рвой порѣ́ своего́ поэти́ческаго разви́тія, отрѣша́я на́шу поэ́зію отъ земли́ и существе́нности и унося́ её въ о́бласть безтѣле́сныхъ видѣ́ній, друго́й поэ́тъ, Ба́тюшковъ, какъ бы нарóчно ему́ въ отпо́ръ, сталъ прикрѣпля́ть её къ землѣ́ и тѣ́лу, выка́зывая всю очарова́тельную пре́лесть осяза́емой существе́нности. Какъ тотъ теря́лся весь въ не́ясномъ ещё для него́ самого́ идеа́льномъ, такъ э́тотъ весь потону́лъ въ роско́шной пре́лести ви́димаго, кото́рое такъ я́сно слы́шалъ и такъ си́льно чу́вствовалъ. Все прекра́сное во всѣ́хъ о́бразахъ, да́же и незримыхъ, онъ какъ бы си́лился преврати́ть въ осяза́тельную нѣ́гу наслажде́нія. — Онъ слы́шалъ, выража́ясь его́ же выраже́ніемъ, стихо́въ и мы́слей сладостра́стіе. Каза́лось, какъ бы кака́я-то вну́тренняя си́ла, пребыва́ющая въ ло́нѣ поэ́зіи на́шей, храня́ её отъ кра́йности како́го бы то ни́ было увлече́нія, создала́ э́того поэ́та и́менно за тѣ́мъ, что́бы въ то вре́мя, когда́ оди́нъ ста́нетъ приноси́ть звýки сѣ́верныхъ пѣвце́въ Евро́пы, друго́й обвѣ́ялъ бы её арома́тическими зву́ками полу́дня, познако́мивши съ Аріо́стомъ, Та́ссомъ [27]), Петра́ркою, Парни́ и нѣ́жными отголо́сками дре́вней Элла́ды; что́бы да́же и са́мый стихъ, начина́вшій принима́ть возду́шную неопредѣлённость, испо́лнился той почти́ скульпту́рной вы́пуклости, кака́я видна́ у дре́внихъ, и той звуча́щей нѣ́ги, кака́я слышна́ у ю́жныхъ поэ́товъ но́вой Евро́пы.

Два разноро́дные поэ́та внесли́ вдругъ два разноро́дныя нача́ла въ на́шу поэ́зію; изъ двухъ нача́лъ вмигъ образова́лось тре́тье — яви́лся Пу́шкинъ. Въ немъ середи́на. Ни отвлечённой идеа́льности пе́рваго, ни преизоби́лія сладостра́стной ро́скоши втора́го. Все уравновѣ́шено, какъ въ ру́сскомъ человѣ́кѣ, кото́рый не многоглаго́ливъ на переда́чу ощуще́нія, но храни́тъ и совокупля́етъ его́ до́лго въ себѣ́, такъ что отъ э́того долговре́меннаго ноше́нія оно́ имѣ́етъ ужé си́лу взры́ва, е́сли вы́ступитъ нару́жу. Приведу́ примѣ́ръ. Поэ́та порази́лъ видъ Казбе́ка, одно́й изъ высоча́йшихъ Кавка́зскихъ горъ, на верху́шкѣ кото́рой уви́дѣлъ онъ монасты́рь, показа́вшійся ему́ рѣ́ющимъ въ небеса́хъ ковче́гомъ. У друга́го поэ́та полили́сь бы пы́лкіе стихи́ на нѣ́сколько страни́цъ. У Пу́шкина все въ десяти́ строка́хъ, и стихотворе́ніе ока́нчиваетъ онъ симъ внеза́пнымъ обраще́ніемъ:

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ горной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Именно одно́ э́то могъ бы сказа́ть ру́сскій человѣкъ въ то вре́мя, какъ и Францу́зъ, и Англича́нинъ, и Нѣмецъ пусти́лись бы на [28]) подро́бный отчётъ ощуще́ній. Никто́ изъ на́шихъ поэ́товъ не́-былъ ещё какъ Пу́шкинъ, не смотрѣлъ такъ осторо́жно за сами́мъ собо́ю, что́бы не сказа́ть неумѣреннаго и ли́шняго, пуга́ясь притор-ности того́ и друга́го.

Что́ жъ бы́ло предме́томъ его́ поэ́зіи? Все ста́ло ея́ предме́-томъ, и ничто́ въ осо́бенности. Нѣмѣетъ мысль передъ безчи́слен-ностію его́ предме́товъ. Чѣмъ онъ не порази́лся? Отъ заоблачнаго Кавка́за и карти́ннаго Черке́са до бѣдной сѣверной дереву́шки съ балала́йкой и трепако́мъ у кабака́: вездѣ, всю́ду, на мо́дномъ ба́лѣ, въ степи́, въ доро́жной киби́ткѣ — все стано́вится его́ предме́томъ. На все, что́ ни есть во вну́треннемъ человѣкѣ, начина́я отъ его́ высо́кой и вели́кой черты́ до малѣйшаго вздо́ха его́ сла́бости и ни-что́жной примѣты, его́ смути́вшей, онъ откли́кнулся такъ же, какъ откли́кнулся на все, что ни есть въ приро́дѣ ви́димой и внѣшней.....

Како́е но́вое направле́ніе мы́сленному міру далъ Пу́шкинъ? Что сказа́лъ онъ ну́жное своему́ вѣку? Подѣйствовалъ ли на него́, е́сли не спаси́тельно, то разруши́тельно? Произвёлъ ли влія́ніе на дру-ги́хъ, хотя́ ли́чностью со́бственнаго хара́ктера, геніа́льными заблуж-де́ніями, какъ Ба́йронъ, и какъ да́же мно́гіе второстепе́нные и ни́зшіе поэ́ты? Зачѣмъ онъ данъ былъ міру и что́ доказа́лъ собо́ю? Пу́шкинъ данъ былъ міру на то́, чтобы доказа́ть собо́ю, что тако́е самъ поэ́тъ, и ничего́ бо́льше: что тако́е поэ́тъ, взя́тый не подъ влія́ніемъ како́го-нибудь вре́мени, или обстоя́тельствъ, и не подъ усло́віемъ та́кже со́бственнаго, ли́чнаго хара́ктера, какъ человѣка, но въ незави́симости отъ всего́. Что́бы, е́сли захо́четъ пото́мъ како́й-нибудь вы́сшій душе́вный анато́микъ разъя́ть и объясни́ть себѣ, что́ тако́е въ существѣ своёмъ поэ́тъ, э́то чу́ткое созда́ніе, на все от-клика́ющееся въ мірѣ и себѣ одному́ не имѣющее о́тклика, то чтобы онъ удовлетворёнъ былъ, увидѣвъ э́то въ Пу́шкинѣ. Одному́ Пу́ш-кину опредѣлено́ бы́ло показа́ть въ себѣ э́то незави́симое существо́, э́то зво́нкое э́хо, отклика́ющееся на вся́кій отдѣльный звукъ, порож-да́емый въ во́здухѣ. При мы́сли о вся́комъ поэ́тѣ представля́ется бо́льше или ме́ньше ли́чность его́ самого́. Кому́, при помышле́ніи о Ши́ллерѣ, не предста́нетъ вдругъ э́та свѣтлая, младе́нческая душа́, грезившая о лу́чшихъ и соверше́ннѣйшихъ идеа́лахъ, созда́вшая изъ нихъ себѣ міръ и дово́льная тѣмъ, что могла́ жить въ э́томъ по-

этическомъ мiрѣ? Кому́, чита́ющему Ба́йрона, не предста́нетъ самъ Ба́йронъ, э́тотъ го́рдый человѣкъ, облагодѣтельствованный всѣми дара́ми Не́ба и не мо́гшiй прости́ть ему́ своего́ незначи́тельнаго тѣле́снаго недоста́тка; отъ кото́раго [29]) ро́потъ перенёсся и въ поэ́зiю на́шу? Самъ Гёте, э́тотъ Проте́й изъ поэ́товъ, стреми́вшiйся обня́ть всё, какъ въ мiрѣ приро́ды, такъ и въ мiрѣ нау́къ, показа́лъ ему́ симъ са́мымъ науко-обра́знымъ стремле́нiемъ свои́мъ ли́чность свою́, испо́лненную како́й-то герма́нской чи́нности и теорически-нѣме́цкаго [30]) притяза́нiя подла́диться ко всѣмъ времена́мъ и вѣка́мъ. Всѣ на́ши поэ́ты: Держа́винъ, Жуко́вскiй, Ба́тюшковъ удержа́ли свою́ ли́чность. У одного́ Пу́шкина ея́ нѣтъ. Что схва́тишь изъ его́ сочине́нiй о нёмъ само́мъ? Поди́, улови́ его́ хара́ктеръ какъ человѣка? Намѣсто его́ предста́нетъ тотъ же чу́дный о́бразъ, на всё откликающiйся и одному́ себѣ то́лько не находя́щiй о́тклика. Всѣ сочине́нiя его́ — по́лный арсена́лъ ору́дiй поэ́та. Ступа́й туда́, выбира́й себѣ всякъ по рукѣ любо́е, и выходи́ съ нимъ на би́тву; но самъ поэ́тъ на би́тву съ нимъ не вы́шелъ. Зачѣмъ не вы́шелъ? э́то друго́й вопро́съ. Онъ самъ на него́ отвѣча́етъ стиха́ми:

Не для жите́йскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ;
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пу́шкинъ слы́шалъ значе́нiе своё лу́чше тѣхъ, кото́рые задава́ли ему́ запро́сы, и съ любо́вiю исполня́лъ его́. Да́же и въ тѣ поры́, когда́ мета́лся онъ самъ въ чаду́ страсте́й, поэ́зiя была́ для него́ святы́ня, то́чно како́й-то храмъ. Не входи́лъ онъ туда́ неопря́тнымъ и неприбраннымъ; ничего́ не вноси́лъ онъ туда́ необду́маннаго, опроме́тчиваго изъ со́бственной жи́зни своей; не вошла́ туда́ нагишо́мъ растрёпанная дѣйстви́тельность. А между тѣмъ всё тамъ — исто́рiя его́ самого́. Но э́то ни для кого́ не зри́мо. Чита́тель услы́шалъ одно́ то́лько благоуха́нiе; но какiя вещества́ перегорѣли въ груди́ поэ́та за тѣмъ, чтобы изда́ть э́то благоуха́нiе, того́ никто́ не мо́жетъ услы́шать. И какъ онъ лелѣялъ ихъ въ себѣ! Какъ вына́шивалъ ихъ! Ни оди́нъ италья́нскiй поэ́тъ не отдѣлывалъ такъ соне́товъ свои́хъ, какъ обрабо́тывалъ онъ э́ти ле́гкiя, пови́димому мгнове́нныя созда́нiя. Кака́я то́чность во вся́комъ сло́вѣ! Кака́я значи́тельность вся́каго выраже́нiя! Какъ всё округлено́, око́нчено и за́мкнуто! Всѣ онѣ то́чно пе́рлы; тру́дно и рѣши́ть, кото́рая эле́гiя лу́чше. Сло́вно — сверка́ющiе зу́бы краса́вицы, кото́рые уподобля́етъ царь Соломо́нъ овца́мъ-ю́ницамъ, то́лько-что вы́шедшимъ изъ купе́ли, когда́ онѣ всѣ какъ одна́ и всѣ равно́ прекра́сны. Какъ ему́ говори́ть было о чёмъ-нибудь потре́бномъ совреме́нному о́бществу въ его́ совреме́нную мину́ту, когда́ хотѣлось откли́кнуться на всё, что ни есть въ мiрѣ,

и когда́ вся́кій предме́тъ равно́ звалъ его́? Онъ хотѣлъ-было изобрази́ть въ Онѣгинѣ совреме́нную зада́чу — и не могъ. Столкну́вши съ мѣста свои́хъ геро́евъ, самъ сталъ на ихъ мѣсто, и въ лицѣ ихъ порази́лся тѣмъ, чѣмъ поража́ется поэ́тъ. Поэ́ма вышла собра́ніемъ разро́зненныхъ ощуще́ній, нѣжныхъ элегій, ко́лкихъ эпигра́ммъ, карти́нныхъ иди́ллій — и, по прочте́нiи ея́, намѣсто своего́, выступа́етъ тотъ же чу́дный о́бразъ на всё откли́кнувшагося поэ́та. Его́ соверше́ннѣйшія произведе́нія: Бори́съ Годуно́въ и Полта́ва — тотъ же вѣрный о́ткликъ мину́вшему. Ничего́ не хотѣлъ онъ и́ми сказа́ть своему́ вре́мени; никако́й по́льзы соотечественникамъ не замышля́лъ. онъ вы́боромъ э́тихъ двухъ сюже́товъ; не ви́дно та́кже, чтобы онъ испо́лнился осо́беннаго уча́стія къ кому́-нибудь изъ вы́веденныхъ здѣсь геро́евъ и предприня́лъ бы изъ-за того́ э́ти двѣ поэ́мы, такъ мастерски́ и худо́жественно обрабо́танныя. Онъ изуми́лся то́лько необыча́йности двухъ истори́ческихъ собы́тій, и хотѣлъ, чтобы подо́бно ему́ изуми́лись другіе.

Чте́ніе поэ́товъ всѣхъ наро́довъ и вѣко́въ порожда́ло въ нёмъ тотъ же о́ткликъ. Геро́й испа́нскій Донъ Жуа́нъ, э́тотъ неистощи́мый предме́тъ безчи́сленнаго мно́жества драмати́ческихъ поэ́мъ, далъ ему́ вдругъ иде́ю сосредото́чить всё дѣло въ небольшо́й со́бственной драмати́ческой карти́нѣ, гдѣ ещё съ бо́льшимъ позна́ніемъ души́ вы́ставленъ неотрази́мый собла́знъ развратителя, ещё я́рче сла́бость же́нщины и слышнѣе сама́ Испа́нія. Гётевъ [21]) Фаустъ навёлъ его́ вдругъ на иде́ю сжать въ двухъ-трехъ страни́чкахъ гла́вную мысль герма́нскаго поэ́та — и диви́шься, какъ она́ мѣтко по́нята и какъ сосредото́чена въ одно́ крѣпкое ядро́, не смотря́ на всю ея́ неопредѣлённую разбро́санность у Гёте. Суро́выя терци́ны Да́нта внушили ему́ мысль, въ таки́хъ же терци́нахъ и въ ду́хѣ самого́ Да́нта изобрази́ть поэти́ческое младе́нчество своё въ Ца́рскомъ Селѣ, олицетвори́ть на́уку въ ви́дѣ стро́гой жены́, собира́ющей въ шко́лу дѣте́й, и себя́ въ ви́дѣ шко́льника, вы́рвавшагося изъ кла́сса въ садъ, за тѣмъ, чтобы останови́ться передъ дре́вними ста́туями, съ ли́рами и ци́ркулями въ рука́хъ, говори́вшими ему́ живѣе нау́ки, гдѣ ви́дно, какъ уже́ ра́но пробужда́лась въ нёмъ э́та чу́ткость на всё отклика́ться.

И какъ вѣренъ его́ о́ткликъ, какъ чу́тко его́ у́хо! Слы́шишь за́пахъ, цвѣтъ земли́, вре́мени, наро́да. Въ Испа́ніи онъ Испа́нецъ, съ Гре́комъ — Грекъ, на Кавка́зѣ — во́льный го́рецъ въ по́лномъ смы́слѣ э́того сло́ва; съ отжи́вшимъ человѣкомъ онъ ды́шетъ старино́ю вре́мени мину́вшаго; загля́нетъ къ мужику́ въ избу́ — онъ Ру́сскій весь съ головы́ до ногъ, всѣ черты́ на́шей приро́ды въ нёмъ отозва́лись — и всё оки́нуто иногда́ одни́мъ сло́вомъ, одни́мъ чу́тко-на́йденнымъ и мѣтко-при́браннымъ прилага́тельнымъ и́менемъ. Сво́йство э́то въ нёмъ разраста́лось постепе́нно, и онъ откли́кнулся бы

потóмъ цѣликóмъ на всю рýсскую жизнь такъ же, какъ откликáлся на всякую отдѣльную ея чертý. Мысль о ромáнѣ, котóрый бы повѣдалъ простýю, безъискýственную пóвѣсть прáмо-рýсской жизни, занимáла егó въ послѣднее врéмя неотстýпно. Онъ брóсилъ стихи единственно за тѣмъ, чтобы не увлéчься ничѣмъ по сторонáмъ и быть прóще въ описáніяхъ, и сáмую прóзу упростилъ онъ до тогó, что дáже не нашли никакóго достóинства въ пéрвыхъ повѣстяхъ егó. Пýшкинъ былъ этому радъ и написáлъ „Капитáнскую дóчку", рѣшительно лýчшее рýсское произведéніе въ повѣствовáтельномъ рóдѣ. Сравнительно съ „Капитáнскою дóчкою" всѣ нáши ромáны и пóвѣсти кáжутся приторною размазнёю [32]). Чистотá и безъискýственность взошли въ ней на такýю стéпень, что сáмая дѣйствительность кáжется передъ нéю искýственною и каррикатýрною. Въ пéрвый разъ выступили истинно-рýсскіе харáктеры: простóй комендáнтъ крѣпости, капитáнша, порýчикъ; самá крѣпость съ единственною пýшкою, безтолкóвщина врéмени и простóе величіе простыхъ людéй — всё не тóлько сáмая прáвда, но ещé какъ бы лýчше ея. Такъ онó и быть должнó: на то и призвáніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лýчшемъ видѣ. Всё покáзывало въ Пýшкинѣ, что онъ на то былъ рождёнъ и къ томý стремился. Почти въ однó врéмя съ „Капитáнскою дóчкою" состáвилъ онъ мастерскія прóбы ромáновъ: Рýкопись селá Горóхина, Цáрскій Арáбъ и сдѣланный карандашёмъ набрóсокъ большáго ромáна: Дубрóвскій. Въ послѣднее врéмя набрáлся онъ мнóго рýсской жизни и говорилъ обо всёмъ такъ мѣтко и умнó, что хоть записывай всякое слóво — онó стóило егó лýчшихъ стихóвъ; но ещё замѣчáтельнѣе было то, что стрóилось внутри самóй души егó и готóвилось освѣтить передъ нимъ ещё бóльше жизнь. Отголóски этого слышны въ изданномъ ужé по смéрти егó стихотворéніи. Мнóго готóвилось Россіи добрá въ этомъ человѣкѣ.... Но, становясь мýжемъ, забирáя отвсюду силы на то, чтобы управляться съ большими дѣлáми, не подýмалъ онъ о томъ, какъ упрáвиться съ ничтóжными и мáлыми. Внезáпная смерть унеслá егó вдругъ отъ насъ — и всё въ госудáрствѣ услышало вдругъ, что лишилось великаго человѣка.

Вліяніе Пýшкина какъ поэта на óбщество было ничтóжно. Общество взглянýло на негó тóлько въ началѣ егó поэтическаго пóприща, когдá онъ пéрвыми молодыми стихáми своими напóмнилъ было лиру Бáйрона; когдá пришéлъ онъ въ себя и сталъ наконéцъ не Бáйронъ, а Пýшкинъ — óбщество отъ негó отвернýлось; но вліяніе егó было сильно на поэтовъ. Не сдѣлалъ тогó Карамзинъ въ прóзѣ, что онъ въ стихáхъ. Подражáтели Карамзинá послужили жáлкою каррикатýрою на негó самогó и довели какъ слогъ, такъ и

мысли до сахарной приторности. Чтó же касáется до Пýшкина, то онъ былъ для всѣхъ поэтовъ, емý современныхъ, тóчно съ нéба поэтическій огóнь, отъ котóраго какъ свѣчки зажглись другіе самоцвѣтные поэты. Вокрýгъ негó вдругъ образовалось ихъ цѣлое созвѣздіе: Дéльвигъ, поэтъ-сибарить, который нѣжился всякимъ звýкомъ своéй почти эллинской лиры и, не выпивáя зáлпомъ всегó напитка поэзіи, глотáлъ егó по кáплѣ какъ знатóкъ винъ, присмáтриваясь къ цвѣту и обоняя сáмый зáпахъ; Козлóвъ, гармоническій поэтъ, отъ котóраго раздались какіе-то дотóлѣ неслыханные музыкáльно-сердéчные звýки; Баратынскій, стрóгій и сýмрачный поэтъ, который показáлъ такъ рáно самобытное стремлéніе мыслей къ міру внýтреннему и сталъ ужé забóтиться о матеріáльной отдѣлкѣ ихъ, тогдá какъ онѣ еще не вызрѣли въ нёмъ самóмъ, тéмный и неразвившійся, сталъ себя выкáзывать людямъ и сдѣлался черезъ то для всѣхъ чужимъ и никомý не близкимъ. Всѣхъ этихъ поэтовъ разбудилъ на дѣятельность Пýшкинъ; другихъ же прóсто создáлъ. Я разумѣю здѣсь нáшихъ, такъ называемыхъ, антологическихъ поэтовъ, которые произвели понемнóгу; но если изъ этихъ немнóгихъ душистыхъ цвѣткóвъ сдѣлать выборъ, то выйдетъ книга, подъ котóрую подпишетъ своё имя лýчшій поэтъ. Стóитъ назвáть обóихъ Тумáнскихъ, А. Крылóва, Тютчева, Плетнéва и нѣкоторыхъ другихъ, которые не высказали сóбственнаго поэтическаго огня и благоухáнныхъ движéній душéвныхъ, если бы нé были зажжены огнéмъ поэзіи Пýшкина. Даже прéжніе поэты стáли перестрáивать ладъ лиръ своихъ. Извѣстный перевóдчикъ Иліáды, Гнѣдичъ, перелагáтель псалмóвъ Ѳ. Глинка, партизáнъ-поэтъ Давыдовъ, наконéцъ самъ Жукóвскій, настáвникъ и учитель Пýшкина въ искýсствѣ стихотвóрномъ, сталъ потóмъ самъ учиться у своегó ученикá. Сдѣлались поэтами дáже тѣ, которые не рождены были поэтами, котóрымъ готóвилось пóприще не мéнѣе высóкое, судя по тѣмъ духóвнымъ силамъ, какія они показáли дáже въ стихотвóрныхъ своихъ óпытахъ, какъ то: Веневитиновъ, такъ рáно отъ насъ похищенный, и Хомякóвъ.......

Изъ поэтовъ врéмени Пýшкина бóлѣе всѣхъ отдѣлился [33]) Языковъ. Съ появлéніемъ пéрвыхъ стихóвъ егó всѣмъ послышалась нóвая лира, разгýлъ и бýйство силъ, ýдаль всякаго выражéнія, свѣтъ молодáго востóрга и языкъ, который въ такóй силѣ, совершéнствѣ и стрóгой подчинённости господину ещé не являлся дотóлѣ ни въ комъ. Имя Языковъ пришлóсь емý недáромъ. Владѣетъ онъ языкóмъ, какъ Арáбъ дикимъ конéмъ своимъ, и ещé какъ бы хвáстается своéю влáстію. Откýда ни начнётъ періóдъ, съ головы ли, съ хвостá, онъ выведетъ егó картинно, заключитъ и замкнётъ такъ, что остановишься поражённый. — Все, что выражáетъ силу мóлодости, не

разслáбленной, но могýчей, пóлной бýдущаго, стáло вдругъ предмéтомъ стихóвъ егó. – Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть ото всегó, къ чемý онъ ни прикоснéтся. Вотъ егó купáнье въ рѣкѣ:

Покровы прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя,
И — бухъ!
Блистательнымъ дождёмъ
Взлетаютъ брызги водяныя.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая наяда!

Вотъ у негó игрá въ свáйку, котóрую онъ нáзвалъ прямо-рýсскою игрóю. — Юноши-мóлодцы стáли въ кружóкъ:

Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
Бьётъ въ кольцо; кольцо бренчитъ.
Вешній вечеръ беззаботно
И невидимо летитъ.

Всё, что вызывáетъ въ юношѣ отвáгу — мóре, вóлны, бýря, пиры́ и сдвúнутыя чáши, брáтскій союзъ на дѣло, твёрдая какъ кремéнь вѣра въ бýдущее, готóвность рáтовать за отчúзну — выражáется у негó съ сúлою неестéственною. Когдá появúлись егó стихú отдѣльною кнúгою, Пýшкинъ сказáлъ съ досáдою: „зачѣмъ онъ назвáлъ ихъ: Стихотворéнія Языкова; ихъ бы слѣдовало назвáть прóсто: хмѣль! Человѣкъ съ обыкновéнными сúлами ничегó не сдѣлаетъ подóбнаго; тутъ потрéбно бýйство силъ.“ Жúво пóмню востóргъ егó въ то врéмя, когдá прочитáлъ онъ стихотворéніе Языкова къ Давыдову, напечáтанное въ журнáлѣ. Въ пéрвый разъ увúдѣлъ я тогдá слёзы на лицѣ Пýшкина (Пýшкинъ никогдá не плáкалъ; онъ самъ о себѣ сказáлъ въ послáніи къ Овúдію: сурóвый Славянúнъ, я слёзъ не проливáлъ, но понимáю ихъ); я пóмню тѣ стрóфы, котóрыя произвели у негó слёзы. Пéрвая, гдѣ поэтъ, обращáясь къ Россíи, котóрую ужé было прúзнали безсúльною и нéмощною, взывáетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови отъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей!

И потóмъ строфá, гдѣ опи́сывается неслы́ханное самопожéртвованіе — предáть огню́ сóбственную столи́цу со всѣмъ, что ни есть въ ней свящéннаго для всей земли́:

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ.
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламя очищенья:
Это фениксовъ костёръ!

У когó не бры́знутъ слёзы послѣ таки́хъ строфъ? Стихи́ егó тóчно разы́мчивый хмѣль; но въ хмѣлѣ слышнá си́ла вы́сшая, заставля́ющая егó подымáться къ вéрху. У негó студéнтскія пиру́шки не изъ брáжничества и пья́нства, но отъ рáдости, что есть мочь въ рукѣ́ и пóприще впереди́, что понесу́тся они́, студéнты,

На благородное служенье
Во славу чести и добра.

Бѣдá тóлько, что хмѣль перешёлъ мѣ́ру, и что самъ поэ́тъ загуля́лся черезъ-чуръ на рáдости отъ своегó бу́дущаго, какъ и мнóгіе изъ насъ на Руси́, и остáлось дѣ́ло тóлько въ однóмъ могу́чемъ поры́вѣ.

Всѣхъ глазá устреми́лись на Язы́кова. — Всѣ ждáли чегó-то необыкновéннаго отъ нóваго поэ́та, отъ стихóвъ котóраго пронеслáсь такáя богаты́рская похвальбá соверши́ть какóе-то могу́чее дѣ́ло. Но дѣ́ла не дождали́сь. Вы́шло ещё нѣ́сколько стихотворéній, повтори́вшихъ слабѣ́е то же сáмое; потóмъ тяжёлая болѣ́знь посѣти́ла поэ́та и отрази́лась на егó ду́хѣ. Въ послѣ́днихъ стихáхъ егó ужé нé было ничегó, шевели́вшаго ру́сскую ду́шу. Въ нихъ раздали́сь скучáнія среди́ нѣмéцкихъ городóвъ, безучáстныя [34]) записки разъѣздовъ, пéречень однообрáзно-страдáльческаго дня. Все э́то бы́ло мéртво [35]) ру́сскому ду́ху. Не примѣ́тили дáже необыкновéнной обрабóтки позднѣ́йшихъ стихóвъ егó. Егó язы́къ, еще бóлѣе окрѣ́пнувшій, ему́ же послужи́лъ въ ули́ку: онъ былъ на тóщихъ мы́сляхъ и бѣ́дномъ содержáніи, чтó пáнцырь богатыря́ на хи́ломъ тѣ́лѣ кáрлика. Стáли говори́ть дáже, что у Язы́кова нѣтъ вóвсе мы́слей, а одни́ пустозвóнкіе стихи́, и что онъ дáже и не поэ́тъ.....

Нѣтъ, не си́лы егó остáвили, не бѣ́дность талáнта и мы́слей инóю пустоты́ содержáнія послѣ́днихъ стихóвъ егó, какъ самоувѣ́ренно возгласи́ли кри́тики, и дáже не болѣ́знь (болѣ́знь дается тóлько къ ускорéнію дѣ́ла, если человѣ́къ прони́кнетъ смыслъ ея́) — нѣтъ, другóе егó обезси́лило: свѣтъ любви́ погáснулъ въ душѣ́ егó —

вотъ почему примéркнулъ [36]) и свѣтъ поэ́зіи. Полюби́ потрéбное и нýжное душѣ́ съ такóю си́лою, какъ полюби́лъ ты прéжде хмѣль юности своéй — и вдругъ подымутся твои́ мысли наравнѣ́ со стихóмъ, раздáстся огнедышащее слóво. Изобрази́шь намъ ту же пóшлость болѣзненной жи́зни своéй, но изобрази́шь такъ, что содрогнётся человѣкъ отъ проснýвшихся желѣзныхъ силъ свои́хъ, и возблагодари́тъ Бóга за недýгъ, дáвшій емý это почýвствовать. Не по стопáмъ Пýшкина надлежáло Язы́кову обрабóтывать и округля́ть стихъ свой; не для элéгій и антологи́ческихъ стихотворéній, но для диѳирáмба и ги́мна роди́лся онъ; это услышали всѣ. И уже скорѣе отъ Держáвина, нéжели отъ Пýшкина дóлженъ былъ онъ засвѣти́ть свѣти́льникъ свой. Стихъ его тóлько тóгда и вхóдитъ въ дýшу, когдá онъ весь въ лири́ческомъ свѣтý; предмéтъ у негó тóлько тогдá живъ, когдá онъ или движется, или звучи́тъ, или сіяетъ, а не тогдá, когдá пребывáетъ въ покóѣ. Удѣлы поэ́товъ не рáвны. Одномý опредѣленó быть вѣрнымъ зéркаломъ и отголóскомъ жизни — на то и данъ емý многосторóнній, описáтельный талáнтъ. Другóму повелѣнó быть передовóю, возбуждáющею си́лою óбщества во всѣхъ егó благорóдныхъ и высшихъ движéніяхъ, — и на то данъ емý лири́ческій талáнтъ. Не попадáетъ талáнтъ на свою дорóгу потомý, что не устремляетъ глазъ высшихъ на самогó себя́. Но Прóмыслъ лýчше печётся о человѣкѣ. Бѣдóю, зломъ и болѣзнію наси́льно привóдитъ онъ егó къ томý, къ чемý онъ не пришёлъ бы самъ. Ужé и въ ли́рѣ Язы́кова замѣтно стремлéніе къ поворóту на егó закóнную дорóгу. Отъ негó услышали недáвно стихотворéніе „Землетрясéніе“, котóрое, по мнѣнію Жукóвскаго, есть нáше лýчшее стихотворéніе.

Изъ поэ́товъ врéмени Пýшкина отдѣли́лся Князь Вя́земскій, хотя́ онъ нáчалъ писáть горáздо прéжде Пýшкина; но такъ какъ егó пóлное развитіе было при нёмъ, то упомя́немъ о нёмъ здѣсь. Въ Кня́зѣ Вя́земскомъ — противополóжность Язы́кова. Скóлько въ томъ поражáетъ нищетá мыслей, стóлько въ э́томъ оби́ліе ихъ. Стихъ употреблёнъ у негó какъ пéрвое попáвшееся орýдіе: никакóй нарýжной отдѣлки егó, никакóго тáкже сосредотóченія и округлéнія мысли, за тѣмъ, чтобы выставить её читáтелю какъ драгоцѣнность. Онъ не худóжникъ и не забóтится обо всёмъ э́томъ. Егó стихотворéнія — импровизáціи, хотя́ для таки́хъ импровизáцій нýжно имѣть сли́шкомъ мнóго вся́кихъ дарóвъ и сли́шкомъ приготóвленную гóлову. Въ нёмъ собралóсь оби́ліе необыкновéнное всѣхъ кáчествъ: умъ, остроýміе, нагля́дка, наблюдáтельность, неожи́данность вывoдовъ, чýвство, весёлость и дáже грусть; кáждое стихотворéніе егó пёстрый фарабóнъ всегó вмѣстѣ. Онъ не поэ́тъ по призвáнію: судьбá, надѣли́вши егó всѣми дарáми, далá емý, какъ бы въ придáчу, талáнтъ

поэта, за тѣмъ, чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ: Біографія фонъ-Визина обнаружилось ещё виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ нёмъ заключённыхъ Тамъ слышенъ въ одно и то же время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни — словомъ, всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ, и если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія фонъ-Визина, написано было всё царствованіе Екатерины, которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь Князя Вяземскаго, и это слышите въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ; возлѣ крѣпкаго и твёрдаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій: то вдругъ защемитъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьёмъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнётъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу, раздавшимся совершенно не въ тактъ съ предметомъ; слышна несобранность въ себя, не полная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетённое. Участь человѣка, одарённаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. — Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть намъ [37]) избавитель. На нёмъ только, какъ говоритъ поэтъ,

Душа прямится [38]), крѣпнетъ воля
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй.

Въ то время, когда наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шуму, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ перерастаетъ всю рощу, въ началѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ — Крыловъ. Выбралъ онъ себѣ форму басни всѣми пренебрежённую, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку — и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша

крѣпкая головá, тотъ сáмый умъ, котóрый съ роднѝ [39]) умý нáшихъ послóвицъ, тотъ сáмый умъ, котóрымъ крѣпокъ Рýсскій человѣкъ, умъ вы́водовъ, такъ называ́емый зáдній умъ. Послóвица не есть какóе-нибудь вперéдъ пóданное мнѣ́ніе, или предположéніе о дѣлѣ, но ужé подведённый итóгъ дѣ́лу, отсѣ́дъ, отстóй уже перебродѝвшихъ и окóнчившихся собы́тій, окончáтельное извлечéніе сѝлы дѣ́ла изъ всѣ́хъ сторóнъ егó, а не изъ однóй. Это выражáется и въ поговóркѣ; „однá рѣ́чь [40]) не послóвица." Въ слѣ́дствіе э́того зáдняго умá, или умá окончáтельныхъ вы́водовъ, котóрымъ преимýщественно надѣлёнъ передъ другѝми рýсскій человѣ́къ, нáши послóвицы значѝтельнѣе послóвицъ всѣ́хъ другѝхъ нарóдовъ. Сверхъ полнотьí мы́слей, ужé въ сáмомъ óбразѣ выражéнія въ нихъ отразѝлось мнóго нарóдныхъ свойствъ нáшихъ; въ нихъ всё есть: издѣ́вка, насмѣ́шка, попрёкъ, слóвомъ — всё шевелящее и задирáющее за живóе; какъ стоглáзый Аргусъ глядѝтъ изъ нихъ кáждая на человѣ́ка. — Всѣ́ велѝкіе люди, отъ Пýшкина до Сувóрова и Петрá, благоговѣ́ли передъ нáшими послóвицами. Уважéніе къ нимъ вы́разилось мнóгими поговóрками: „послóвица не дáромъ мóлвится" или „послóвица повѣ́къ не слóмится." Извѣ́стно, что éсли сумѣ́ешь замкнýть рѣ́чь лóвко-прѝбранною послóвицею, то симъ объяснѝшь её вдругъ нарóду, какъ бы самá по себѣ́ ни былá онá вы́ше егó понятія.

Отсю́да-то ведéтъ своé происхождéніе Крылóвъ. Егó бáсни отнюдь не для дѣтéй. Тотъ ошибётся грýбо, кто назовётъ егó баснопѝсцемъ въ такóмъ смы́слѣ, въ какóмъ бы́ли баснопѝсцы Лафонтéнъ, Дмѝтріевъ, Хемнѝцеръ и наконéцъ Измáйловъ. Егó прѝтчи — достоя́ніе нарóдное, и составля́ютъ кнѝгу мýдрости самогó нарóда. Звѣ́ри у негó мы́слятъ и поступáютъ слѝшкомъ по-рýсски: въ ихъ продѣ́лкахъ между собóю слы́шны продѣ́лки и обря́ды производствъ внутрѝ Россíи. Крóмѣ вѣ́рнаго звѣ́ринаго схóдства, котóрое у негó до тогó сѝльно, что не только лисѝца, медвѣ́дь, волкъ, но дáже самъ горшóкъ поворáчивается какъ живóй, они показáли въ себѣ́ ещé и рýсскую прирóду. Дáже осёлъ, котóрый у негó до тогó опредѣлѝлся въ харáктерѣ своёмъ, что стóитъ емý вы́сунуть тóлько ýши изъ какóй-нибудь бáсни, какъ ужé читáтель вскрѝкиваетъ вперéдъ: „э́то осёлъ Крылóва"; даже осёлъ, не смотря́ на свою́ принадлéжность клѝмату другѝхъ земéль, явился у негó рýсскимъ человѣ́комъ. Нѣ́сколько лѣ́тъ производя́ крáжу по чужѝмъ огорóдамъ, онъ возгорѣ́лся вдругъ чинолю́біемъ, захотѣ́лъ óрдена и зава́жничалъ страхъ [41]), когдá хозя́инъ повѣ́силъ на шéю звонóкъ, не размы́сля тогó, что тепéрь всякая крáжа и пáкость егó бýдутъ вѝдны всѣ́мъ и привлекýтъ отовсю́ду пóбои на егó бокá. Слóвомъ — всю́ду у негó Русь, Рýсью пáхнетъ. Вся́кая бáсня егó имѣ́етъ сверхъ тогó исторѝческое происхождéніе. Не смотря́ на всю неторóпливость и, повидимому,

равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ однако же слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ, и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій, третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ, такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо. Когда нѣкоторые черезъ-чуръ военные [42]) люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали въ свою очередь притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія — Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней мудро части:
Оружіемъ врагамъ она страшна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься [43]), а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но не дальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ [44]), умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню „Двѣ бритвы,“ и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И держатъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Особенно слышно, какъ онъ вездѣ держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отразилось въ баснѣ „Музыканты,“ которую заключилъ онъ словами: „По мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй!“ Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, намѣсто мастеровъ дѣла, людей, Богъ вѣсть, какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они и не смыслятъ, но за то отличнѣйшаго поведенія [45]). Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно обратить его къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ. „Въ ворѣ — что въ морѣ, а въ дуракѣ — что въ прѣсномъ молокѣ,“ говоритъ наша пословица. Но и умному дѣлаетъ онъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ „Прудъ и Рѣка“ за то, что далъ

задремáть своймъ способностямъ, и стрóго укорйвши въ бáснѣ „Сочинйтель и Разбóйникъ“ за разврáтное и злóе ихъ направлéніе. Вообщé егó занимáли вопрóсы вáжные. Въ книгѣ егó всѣмъ есть урóки, всѣмъ степенямъ въ госудáрствѣ, начинáя отъ высшаго санóвника до послѣдняго трýженика, рабóтающаго въ нйзшихъ рядáхъ госудáрственныхъ, котóрому укáзываетъ онъ на высóкій удѣлъ въ видѣ пчелы, не йщущей отличáть своéй рабóты:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытой [46])
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Словá эти остáнутся доказáтельствомъ вѣчнымъ, какъ благорóдна былá душá самогó Крылóва. Ни одйнъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ [47]) ощутйтельною и выражáться такъ достýпно всѣмъ, какъ Крылóвъ. Поэтъ и мудрéцъ слились въ немъ воедино. У негó живописно все, начинáя отъ изображéнія прирóды плѣнительной, грóзной и дáже грязной, до передáчи малѣйшихъ оттѣнковъ разговóра, выдающихъ живьéмъ [48]) душéвныя свóйства. Все такъ скáзано мѣтко, такъ нáйдено вѣрно и такъ усвóено крѣпко вéщи, что дáже и опредѣлйть нельзя, въ чемъ харáктеръ перá Крылóва. У негó не поймáешь егó слóга. Предмéтъ, какъ бы не имѣя словéсной оболóчки, выступáетъ самъ собóю, натýрою передъ глазá. Стихá егó тáкже не схвáтишь. Никáкъ не опредѣлйшь егó свóйства: звýченъ ли онъ? лéгокъ ли? тяжéлъ ли? Звучйтъ онъ тамъ, гдѣ предмéтъ у негó звучйтъ, движется, гдѣ предмéтъ движется; крѣпчáетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и станóвится вдругъ лéгкимъ, гдѣ уступáетъ легковѣсной болтовнѣ дуракá. Егó рѣчь покóрна и послýшна мысли и летáетъ какъ мýха, то являясь вдругъ въ длинномъ шестистóпномъ стихѣ, то въ быстромъ одностóпномъ; разсчйтаннымъ числóмъ слогóвъ выдаéтъ онá ощутйтельно сáмую невыразймую ея духóвность. Стóитъ вспóмнить велйчественное заключéніе бáсни: „Двѣ бóчки:“

Великій человѣкъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ сáмаго размѣщéнія словъ какъ бы слышится велйчіе ушéдшаго въ себя [49]) человѣка.

Отъ Крылóва вдругъ мóжно перейтй къ другóй сторонѣ нáшей поэзіи — сатирической. У насъ у всѣхъ мнóго ирóніи. Онá виднá въ нáшихъ пословицахъ и пѣсняхъ и, что всегó изумйтельнѣе, чáсто тамъ, гдѣ вйдимо стрáждетъ душá и не расположенá вóвсе къ весéлости. Глубинá этой самобытной ирóніи ещé передъ нáми не

разоблачилась потому, что воспитываясь всѣми европейскими воспитаніями, мы и тутъ отдалились отъ роднаго корня. Наклонность къ ироніи однакоже удержалась, хотя и не въ той формѣ. Трудно найти русскаго человѣка, въ которомъ бы не соединялось, вмѣстѣ съ умѣньемъ предъ чѣмъ-нибудь истинно возблагоговѣть, свойство надъ чѣмъ-нибудь истинно посмѣяться. — Всѣ наши поэты заключали въ себѣ это свойство. Державинъ крупною солью разсыпалъ его у себя въ большей половинѣ одъ своихъ. Оно есть у Пушкина, у Крылова, у Князя Вяземскаго.....

Имена Озерова, Княжнина, Капниста, Князя Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Загоскина, А. Писарева помнятся [50]) съ уваженіемъ; но все это поблѣднѣло передъ двумя яркими произведеніями: передъ комедіями Фонъ-Визина „Недоросль" и Грибоѣдова „Горе отъ ума", которыя весьма остроумно назвалъ Князь Вяземскій двумя современными трагедіями. Въ нихъ уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силою ироніи выставлены въ очевидности потрясающей. Обѣ комедіи взяли двѣ разныя эпохи. Одна поразила болѣзни отъ непросвѣщенія, другая — отъ дурно-понятаго просвѣщенія.

Комедія Фонъ-Визина поражаетъ огрубѣлое звѣрство человѣка, происшедшее отъ долгаго, безчувственнаго, непотрясаемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи. Она выставила такъ страшно эту кору огрубѣнія, что въ ней почти не узнаешь русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи не могло образоваться такое существо. Эта безумная любовь къ своему дѣтищу есть наша сильная русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ что, чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина — другой типъ огрубѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую-то болѣе спокойную, въ своемъ родѣ, художественную любовь къ скотинѣ на мѣсто человѣка; свиньи сдѣлались для него то же, что для любителя искусствъ картинная галлерея. Потомъ супругъ Простаковой — несчастное, убитое существо, въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забиты понуканіями жены, полное притупленіе всего! Наконецъ самъ Митрофанъ, который, ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо

несча́стіе, стано́вится нечувстви́тельно, съ по́мощію угожде́ній и баловства́, тира́номъ всѣхъ и всего́ бо́лѣе тѣхъ, которые его́ сильнѣ́е лю́бятъ, то есть, ма́тери и ня́ньки, такъ что наноси́ть имъ оскорбле́нія — сдѣ́лалось ему́ уже наслажде́ніемъ. Сло́вомъ — ли́ца э́ти какъ бы уже не ру́сскія; тру́дно даже и узна́ть въ нихъ ру́сскія ка́чества, исключа́я только ра́звѣ одну́ Еремѣ́евну да отставна́го солда́та. Съ у́жасомъ слы́шишь, что уже́ на нихъ не подѣ́йствуешь ни влія́ніемъ Це́ркви, ни обы́чаями старины́, отъ кото́рыхъ удe̊рживалось въ нихъ одно́ по́шлое, и то́лько одному́ желѣ́зному зако́ну здѣсь мѣ́сто. Все въ э́той коме́діи ка́жется чудо́вищною каррикату́рою на ру́сское. А между тѣмъ, нѣтъ ничего́ въ ней каррикату́рнаго: все взя́то живье́мъ[51]) съ приро́ды и провѣ́рено зна́ніемъ души́. Это тѣ неотрази́мо-стра́шные идеа́лы огрубѣ́нія, до кото́рыхъ дости́гъ человѣ́къ ру́сской земли́.

Коме́дія Грибоѣ́дова взяла́ друго́е вре́мя общества — вы́ставила болѣ́зни отъ ду́рно-по́нятаго просвѣще́нія, отъ приня́тія глу́пыхъ свѣ́тскихъ ме́лочей намѣ́сто гла́внаго, сло́вомъ — донкишо́тскую сто́рону на́шего европе́йскаго образова́нія, не связа́вшую смѣсь обы́чаевъ, сдѣ́лавшую Ру́сскихъ не Ру́сскими, но иностра́нцами. Типъ Фа́мусова такъ же глубо́ко пости́гнутъ, какъ и Простако́вой. Такъ же наи́вно, какъ хва́стается Простако́ва свои́мъ невѣ́жествомъ, онъ хва́стается полупросвѣще́ніемъ, какъ со́бственнымъ, такъ и всего́ того́ сосло́вія, къ кото́рому принадлежи́тъ, — хва́стается тѣмъ, что моско́вскія дѣви́цы ве́рхнія выво́дятъ но́тки, слове́чка два не ска́жутъ, все съ ужи́мкою, что дверь у него́ отперта́ для всѣхъ, какъ зва́ныхъ, такъ и незва́ныхъ, осо́бенно для иностра́нныхъ; что канцеля́рія у него́ наби́та ничего́ не дѣ́лающей роднёю. Онъ и благопристо́йный, степе́нный человѣ́къ и волоки́та, и чита́етъ мора́ль и ма́стеръ такъ пообѣ́дать, что въ три дня не свари́тся. Онъ да́же вольноду́мецъ, если соберётся съ подо́бными себѣ́ старика́ми, и въ то же вре́мя гото́въ не допусти́ть на вы́стрѣлъ къ столи́цамъ молоды́хъ вольноду́мцевъ, кото́рыхъ и́менемъ чести́тъ всѣхъ, кто не подчини́лся при́нятымъ свѣ́тскимъ обы́чаямъ ихъ о́бщества. Въ существѣ́ свое́мъ э́то одно́ изъ тѣхъ вывѣ́трившихся лицъ, въ кото́рыхъ при всемъ ихъ свѣ́тскомъ comme il faut не оста́лось ро́вно ничего́; кото́рыя свои́мъ пребыва́ніемъ въ столи́цѣ и слу́жбою такъ же вре́дны о́бществу, какъ други́я ему́ вре́дны свое́ю неслу́жбою и огрубѣ́лымъ пребыва́ніемъ въ дере́внѣ. Вре́дны, во-пе́рвыхъ, со́бственнымъ имѣ́ніямъ свои́мъ — тѣмъ, что прода́вши ихъ въ ру́ки нае́мниковъ и управи́телей, тре́буя отъ нихъ то́лько де́негъ для свои́хъ ба́ловъ и обѣ́довъ зва́ныхъ и незва́ныхъ, они́ разру́шили и́стинно-зако́нныя у́зы, связа́вшія помѣ́щиковъ съ крестья́нами; вре́дны, вовторы́хъ, на служа́щемъ[52]) по́прищѣ — тѣмъ, что доставля́я мѣста́ одни́мъ то́лько ничего́ не дѣ́лающимъ ро́дственни-

камъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцевъ и отвадили [53]) охоту служить у честнаго человѣка; вредны наконецъ, въ-третьихъ, духу правительства своею двусмысленною жизнію — тѣмъ, что подъ личиною усердія и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей, и развратничая въ то же время сами, возбудили негодованіе молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ и наклонность къ вольнодумству дѣйствительному у тѣхъ, которые имѣютъ некрѣпкія головы и способны вдаваться въ крайности. Не меньше замѣчателенъ другой типъ: отъявленный мерзавецъ Загорѣцкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый; лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному, или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падокъ; готовый, въ случаѣ надобности, сдѣлаться патріотомъ и ратоборцемъ нравственности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басенъ, и симъ обнаружившій, что, не боясь ничего, даже самой позорнѣйшей брани, боится однако жъ насмѣшки, какъ чортъ креста. Не меньше замѣчателенъ третій типъ: глупый либералъ Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по ночнымъ собраніямъ, радующійся какъ, Богъ вѣсть, какой находкѣ, когда удается ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и разсказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ, въ увѣренности, что попалъ наконецъ на настоящую дорогу, и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое хотя еще не созрѣло, но какъ-разъ [54]) созрѣетъ, если только о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по ночамъ, да позадористѣе между собою спорить. — Не меньше замѣчателенъ четвертый типъ: глупый Скалозубъ, понявшій службу единственно въ умѣньи различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ ихъ считаетъ какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасть въ генералы, а тамъ ему хоть трава не рости [55]) — всѣ прочія тревоги ему ни по чемъ [56]), а обстоятельства времени и вѣка для него не головоломная наука; онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно упокоить, давши ему въ Волтеры фельдвебеля. Не меньше замѣчательный типъ также и старуха Хлестова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое съ притязаніями на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ сама презираетъ, готовая выбранить вслухъ и встрѣчнаго и поперечнаго [57]) за то только, что не такъ къ ней сѣлъ, или передъ нею оборотился; ни къ чему не

пита́ющая никако́й любви́ и никако́го уваже́нія, но покрови́тельница ара́бченокъ [58]), мо́секъ и люде́й въ ро́дѣ Молча́лина — сло́вомъ, стару́ха-дрянь въ по́лномъ смы́слѣ э́того сло́ва. Самъ Молча́линъ то́же замѣча́тельный типъ. Мѣ́тко схва́чено э́то лицо́ безмо́лвное, ни́зкое, пока́мѣстъ тихомо́лкомъ пробира́ющееся въ лю́ди, но въ кото́ромъ, по слова́мъ Ча́цкаго, гото́вится бу́дущій Загорѣ́цкій. Тако́е ско́пище уро́довъ о́бщества, изъ кото́рыхъ ка́ждый окаррикату́рилъ како́е-нибудь мнѣ́ніе, пра́вило, мысль, изврати́вши по-сво́ему зако́нный смыслъ ихъ, должно́ бы́ло вы́звать въ отпо́ръ ему́ другу́ю кра́йность, кото́рая обнару́жилась я́рко въ Ча́цкомъ. Въ доса́дѣ и въ справедли́вомъ негодова́ніи проти́ву ихъ всѣхъ Ча́цкій перехо́дитъ та́кже въ изли́шество, не замѣча́я, что черезъ э́то са́мое, и черезъ э́тотъ невозде́ржный язы́къ свой онъ дѣ́лается самъ нестерпи́мъ и да́же смѣше́нъ. Всѣ ли́ца коме́діи Грибоѣ́дова суть таки́я же дѣ́ти полупросвѣще́нія, какъ Фонъ-Ви́зиновы — дѣ́ти непросвѣще́нія, ру́сскіе уро́ды, вре́менныя, преходя́щія ли́ца, образова́вшіяся среди́ броже́нія но́вой заква́ски. Пря́мо-ру́сскаго ти́па нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ; не слы́шно ру́сскаго граждани́на. Зри́тель остае́тся въ недоумѣ́ніи на счётъ того́, чѣмъ до́лженъ быть ру́сскій человѣ́къ. Даже то лицо́, кото́рое взя́то, види́мому, въ образе́цъ, то есть, пока́зываетъ то́лько стремле́ніе чѣмъ-то сдѣ́латься, выража́етъ то́лько негодова́ніе проти́ву того́, что презрѣ́нно и ме́рзко въ о́бществѣ, но не даетъ въ себѣ́ образца́ о́бществу.

Обѣ́ коме́діи исполня́ютъ пло́хо сцени́ческія усло́вія; въ семъ отноше́ніи ничто́жная францу́зская пье́са ихъ лу́чше. Содержа́ніе, взя́тое въ интри́гу, не завя́зано пло́тно, ни мастерски́ развя́зано. — Ка́жется, са́ми ко́мики о немъ не мно́го забо́тились, ви́дя сквозь него́ друго́е, вы́сшее содержа́ніе и сообража́я съ нимъ вы́ходы и ухо́ды лицъ свои́хъ. Сте́пень потре́бности побо́чныхъ хара́ктеровъ и ро́лей измѣ́рена та́кже не въ отноше́ніи къ тому́, ско́лько они́ могли́ допо́лнить и поясни́ть мысль самого́ а́втора прису́тствіемъ свои́мъ на сце́нѣ, ско́лько могли́ собо́ю дорисова́ть о́бщность всей сати́ры. Въ проти́вномъ же слу́чаѣ, то есть, е́сли бы они́ вы́полнили и э́ти необходи́мыя усло́вія вся́каго драмати́ческаго творе́нія и заста́вили ка́ждое изъ лицъ, такъ мѣ́тко схва́ченныхъ и пости́гнутыхъ, извороти́ться передъ зри́телемъ въ живо́мъ дѣ́йствіи, а не въ разгово́рѣ — э́то бы́ли бы два высо́кія произведе́нія на́шего ге́нія. И тепе́рь да́же ихъ мо́жно назва́ть и́стинно-обще́ственными коме́діями, и подо́бнаго выраже́нія, ско́лько мнѣ ка́жется, не принима́ла ещё коме́дія ни у одного́ изъ наро́довъ. Есть слѣды́ обще́ственной коме́діи у дре́внихъ Гре́ковъ; но Аристофа́нъ руководи́лся бо́лѣе ли́чнымъ расположе́ніемъ, напада́лъ на злоупотребле́нія одного́ како́го-нибудь человѣ́ка и не всегда́ имѣ́лъ въ виду́ и́стину; доказа́тельствомъ тому́ то, что онъ

дерзну́лъ осмѣя́ть Сокра́та. На́ши ко́мики дви́нулись [59]) обще́ственною причи́ною, а не со́бственною; возста́ли не противъ одного́ лица́, но противъ цѣ́лаго мно́жества злоупотребле́ній, противъ уклоне́нія всего́ о́бщества отъ прямо́й доро́ги. Общество сдѣ́лали они́ какъ бы со́бственнымъ свои́мъ тѣ́ломъ; огне́мъ негодова́нія лири́ческаго зажгла́сь безпоща́дная си́ла ихъ насмѣ́шки. Это — продолже́ніе той же бра́ни свѣ́та со тьмо́ю, внесе́нной въ Росси́ю Петро́мъ, которая вся́каго благоро́днаго ру́сскаго дѣ́лаетъ уже́ нево́льно ра́тникомъ свѣ́та. Обѣ коме́діи ничу́ть не созда́нія худо́жественныя и не принадлежа́тъ фанта́зіи сочинителя. Ну́жно бы́ло мно́го накопи́ться со́ру и дря́згу внутри́ земли́ на́шей, чтобы яви́лись они́ почти́ са́ми собо́ю, въ ви́дѣ како́го-то гро́знаго очище́нія. Вотъ почему́ по слѣда́мъ ихъ не появля́лось въ на́шей литерату́рѣ ничего́ имъ подо́бнаго, и, вѣроятно, до́лго не появится.

Со сме́ртію Пу́шкина остановилось движе́ніе поэ́зіи на́шей впере́дъ. Это одна́ко же не зна́читъ, чтобы духъ ея́ уга́снулъ; напро́тивъ, онъ какъ гроза́ невидимо накопляется вдали́; са́мая су́хость и духота́ въ во́здухѣ возвѣща́етъ его́ приближе́ніе. Уже явились и тепе́рь лю́ди не безъ тала́нтовъ. Но ещё все нахо́дится подъ си́льнымъ влія́ніемъ гармони́ческихъ звуковъ Пу́шкина; еще́ никто́ не мо́жетъ вы́рваться изъ э́того заколдо́ваннаго, имъ оче́ртаннаго кру́га, и показа́ть со́бственныя си́лы. Еще́ даже не слы́шитъ никто́, что вокру́гъ него́ наста́ло друго́е вре́мя, образова́лись стихі́и но́вой жизни и раздаются вопро́сы, кото́рые дото́лѣ не раздава́лись; а потому́ ни въ комъ изъ нихъ еще́ нѣтъ самоцвѣ́тности. Ихъ да́же не слѣ́дуетъ называ́ть по имена́мъ, кро́мѣ одного́ Ле́рмонтова, кото́рый себя́ вы́ставилъ впередъ бо́льше други́хъ и кото́раго уже нѣ́тъ на свѣ́тѣ. Въ не́мъ слы́шатся при́знаки тала́нта первостепе́ннаго; по́прище вели́кое могло́ ожида́ть его́, если бы не кака́я-то несча́стная звѣзда́, кото́рой управле́ніе захотѣ́лось ему́ надъ собо́ю призна́ть. Попа́вши съ са́маго нача́ла въ кругъ того́ о́бщества, кото́рое справедли́во мо́жно бы́ло назва́ть вре́меннымъ и перехо́днымъ, кото́рое какъ бѣ́дное растéніе, сорва́вшееся съ родно́й по́чвы, осуждено́ бы́ло безра́достно носи́ться по степя́мъ, слы́ша само́, что не прирости́ ему́ ни къ како́й друго́й по́чвѣ, и его́ жре́бій — завя́нуть и пропа́сть, онъ уже́ съ ра́ннихъ поръ сталъ выража́ть то раздира́ющее се́рдце равноду́шіе ко всему́, кото́рое не слы́шалось ещё ни у одного́ изъ на́шихъ поэ́товъ. Безра́достныя встрѣ́чи, безпеча́льныя разстава́нія, стра́нныя, безсмы́сленныя любо́вныя у́зы, неизвѣ́стно зачѣ́мъ заключа́емыя и неизвѣ́стно зачѣ́мъ разрыва́емыя, ста́ли предме́томъ стихо́въ его́ и по́дали слу́чай Жуко́вскому весьма́ вѣ́рно опредѣли́ть существо́ э́той поэ́зіи сло́вомъ: *безочарова́ніе.* Съ по́мощію тала́нта Ле́рмонтова, оно́ сдѣ́лалось было на вре́мя мо́днымъ. Какъ нѣ́когда съ ле́гкой

рукй Шйллера пронеслось было по всему свѣту *очарованіе* и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжёлой рукй Байрона пошло въ ходъ *разочарованіе*, порождённое, можетъ быть, излйшнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ наконецъ пришла очередь и безочарованію, родному дѣтищу байроновскаго разочарованія. Существованіе его, разумѣется, было кратко-временнѣе всѣхъ прочихъ, потому что въ безочарованіи ровно нѣтъ никакой приманки ни для кого. Признавши надъ собою власть какого-то обольстйтельнаго демона, поэтъ покушался не разъ изобразить его образъ, какъ бы желая стихами отъ него отдѣлаться. Образъ этотъ не вызначенъ [60]) опредѣлйтельно, даже не получилъ того обольстйтельнаго могущества надъ человѣкомъ, которое онъ хотѣлъ ему придать. Видно, что выросъ онъ не отъ собственной силы, но отъ усталости и лѣни человѣка сражаться съ нимъ. Въ неоконченномъ его стихотвореніи, названномъ: „Сказка для дѣтей,“ образъ этотъ получаетъ больше опредѣлйтельности и больше смысла. Можетъ быть, съ окончаніемъ этой повѣсти, которая есть его лучшее стихотвореніе, отдѣлался онъ отъ самого духа и вмѣстѣ съ нимъ и отъ безотраднаго своего состоянія (примѣты тому уже сіяютъ въ стихотвореніяхъ „Ангелъ,“ „Молитва“, и нѣкоторыхъ другихъ), если бы только сохранилось въ немъ самомъ побольше уваженія и любви къ своему таланту. Но никто ещё не игралъ такъ легкомысленно своимъ талантомъ, и такъ не старался показать къ нему какое-то даже хвастливое презрѣніе, какъ Лермонтовъ. Не замѣтно въ немъ никакой любви къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не возлелѣялось чадолюбно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ; самый стихъ не получилъ ещё своей собственной, твёрдой личности и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина — излйшество и многорѣчіе. — Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства. Никто ещё не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствителность жизни — готовился будущій великій живописецъ русскаго быта.... Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду своё главное поприще и назначеніе, бросался на другое, или же опускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть, и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣ были похищены насильственною смертію, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитии силъ своихъ — и никого это не поразило. Даже не содрогнулось вѣтреное племя. *Гоголь.*

[1]) = родникъ или источникъ. — [2]) трепещущее жизнію; метафора взята, можетъ быть, съ рыбы, только что вынутой изъ воды и ещё не заснувшей, или отъ біенія сердца-пульса и т. п. [3]) Снт. III. § 47. 4) а). [4]) Снт. III. § 47. 5) а). Нкл. Снт. ст. 68 [5]) обыкновенно: Исаія. [6]) вм. восхищенный, или въ восхищеніи. [7]) Собственно говорится: съ легкой (чьей-нибудь) руки. Выраженіе произошло отъ повѣрья, что дѣло пойдётъ хорошо или дурно, смотря потому, чьи руки сперва взялись за него, — счастливаго или несчастливаго человѣка. [8]) = начиналъ пѣть. [9]) филологи. [10]) = высказалось, начало проявляться. [11]) = все нагромождённое. Неуп. [12]) Правильнѣе: тысячею глазъ. [13]) Плеоназмъ: какъ-бы означаетъ тоже самое, что кажется. [14]) Нкл. Синт. § 77. Пр. 1. [15]) Снт. III. § 42. 4). [16]) = оконченности. [17]) Неуп. вм. наглядно. [18]) = недоконченнаго, неполнаго. [19]) оборотъ неуп. вм. управлять собою, справиться съ самимъ собою. [20]) Нкл. Синт. ст. 187. [21]) вѣрнѣе: умолкли. [22]) Неуп. вм. По этому зову. [23]) Правильнѣе: взято имъ. [24]) Правильнѣе: внести. [25]) Правильнѣе: самое. [26]) Употребительнѣе въ этомъ значеніи слово начатки. [27]) вѣрнѣе: Тассо. [28]) вм. въ. [29]) т. е. Байрона. [30]) Неуп. вм. теоретически нѣмецкаго. [31]) Нкл. Синт. § 45. Пр. [32]) Скудная, а также недовареная каша. [33]) вм. выдѣлился, отличился. [34]) т. е. не возбуждающія участія, не занимательныя. [35]) т. е. чуждо. [36]) вм. померкъ. [37]) Нкл. Синт. ст. 49. 50. [38]) Выпрямляется, поднимается во весь ростъ. [39]) находится въ родствѣ. [40]) однажды высказанное мнѣніе. [41]) Вм. страшно, ужасно. [42]) вм. воинственные. [43]) Снт. III. § 47. 4, а. [44]) Снт. III. § 46. 1). [45]) Снт. III. § 11. 3) Нкл. Снт. ст 35. [46]) въ смыслѣ: въ скромномъ быту. [47]) вѣрнѣе: столь. [48]) = показывающихъ въ живомъ проявленіи. [49]) = сосредоточившагося въ себѣ самомъ. [50]) вм. вспоминаются. [51]) въ полнотѣ жизни. [52]) Неуп. вм. служебномъ. [53]) вм. отбили. [54]) немедленно, тотчасъ. [55]) т. е. ему все ровно, если бы и трава перестала на землѣ рости, т. е. еслибъ наступилъ конецъ свѣту. [56]) Ни по какой цѣнѣ; онъ ихъ считаетъ ни во что. [57]) идущій тою же дорогою, навстрѣчу другому; поперечный есть идущій другою, на перерѣзъ другому. [58]) Арабченка, уменьшительная форма отъ арабка, женщина арабскаго племени. [59]) вн. были двинуты или побуждены къ сочиненію. [60]) Неуп. вм. не опредѣлился точно, не выяснился.

---

9. Двѣ образованности.

Древне-русская, православно-христіанская образованность, лежавшая въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта Россіи, заложившая [1]) особенный складъ русскаго ума, стремящагося къ внутренней цѣльности мышленій, и создавшая особенный характеръ коренныхъ русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянною памятью объ отношеніи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному, — эта образованность, которой слѣды до сихъ поръ сохраняются въ народѣ, была остановлена въ своемъ развитіи прежде, чѣмъ могла принести прочный плодъ въ жизни или даже обнаружить свое процвѣтаніе въ разумѣ. На поверхности русской жизни господствуетъ образованность заимствованная, возросшая на другомъ корнѣ. Противорѣчіе основныхъ началъ двухъ спорящихъ между собою образованностей есть главнѣйшая, если не единственная, причина всѣхъ золъ и недостатковъ, которые могутъ быть замѣчены въ русской землѣ. Потому, примиреніе обѣихъ образованностей въ такомъ мышленіи, котораго основаніе заключало бы въ себѣ самый корень древне-русской образованности, а развитіе состояло бы въ сознаніи всей образованности западной и въ подчиненіи ея выводовъ [2]) господствующему духу православно-христіанскаго любомудрія, — такое примирительное мышленіе могло бы быть началомъ новой умствен-

неустройство въ ея общественныхъ отношеніяхъ, если есть вообще причины страдать русскому человѣку, то всѣ онѣ первымъ корнемъ своимъ имѣютъ неуваженіе къ святости правды.

Да, къ несчастью, русскому человѣку легко солгать. Онъ почитаетъ ложь грѣхомъ общепринятымъ, неизбѣжнымъ, почти не стыднымъ [4]), какимъ-то внѣшнимъ грѣхомъ, происходящимъ изъ необходимости внѣшнихъ отношеній, на которыя онъ смотритъ какъ на какую-то неразумную силу. Потому онъ не задумавшись готовъ отдать жизнь за свое убѣжденіе, претерпѣть всѣ лишенія для того, чтобы не запятнать своей совѣсти, и въ тоже время лжетъ за копѣйку барыша, лжетъ за стаканъ вина, лжетъ изъ боязни, лжетъ изъ выгоды. Такъ удивительно сложились его понятія въ послѣднее полуторастолѣтіе. Онъ совершенно не дорожитъ своимъ внѣшнимъ словомъ. Его слово — это не онъ, это его вещь, которою онъ владѣетъ на правѣ римской собственности, то есть, можетъ ее употреблять и истреблять, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. Онъ не дорожитъ даже своею присягою. На площади каждаго города можно видѣть калачниковъ, которые каждый торгъ ходятъ по десяти разъ въ день присягать въ томъ, что они не видали драки, бывшей передъ ихъ глазами.

При каждой покупкѣ земли, при каждомъ вводѣ во владѣніе, собираются всѣ окружные сосѣди присягать, сами не зная въ чемъ и не интересуясь узнать это. — И это отсутствіе правды у того самаго народа, котораго древніе путешественники хвалили за правдолюбіе, который такъ дорожилъ присягою, что даже въ первомъ дѣлѣ скорѣе готовъ былъ отказаться отъ своего иска, чѣмъ произнести клятву!

А между тѣмъ, лишившись правдивости слова, какъ можетъ человѣкъ надѣяться видѣть устройство правды въ его общественныхъ отношеніяхъ? Покуда не возвратитъ онъ въ себѣ безусловное уваженіе къ правдѣ слова, какимъ внѣшнимъ надзоромъ можно уберечь общество отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя только самимъ обществомъ могутъ быть замѣчены, оцѣнены и исправлены?

Но это отсутствіе правды, благодаря Бога, проникло еще не въ самую глубину души русскаго человѣка; еще есть сферы жизни, гдѣ святость правды и вѣрность слову для него остались священными. На этой части его сердца, уцѣлѣвшей отъ заразы, утверждается возможность его будущаго возрожденія. Много путей открывается передъ мыслію, по которымъ русскій человѣкъ можетъ идти къ возрожденію, въ прежнюю стройность жизни. Всѣ они съ большею или меньшею вѣроятностью могутъ вести къ желанной цѣли, ибо достиженіе этой цѣли еще невозможно, покуда силы русскаго духа еще не утрачены, покуда вѣра въ немъ еще не погасла, покуда на господственномъ состояніи его духа лежитъ печать прежней цѣльности бытія. Но

одно достовѣрно и несомнѣнно, что тотъ вредъ, который чужая образованность производитъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи русскаго народа, не можетъ быть устраненъ насильственнымъ удаленіемъ отъ этой образованности или отъ ея источника, — европейской науки. Ибо, во первыхъ, это удаленіе невозможно. Никакіе карантины не остановятъ мысли и только могутъ придать ей силу и заманчивость тайны. Во вторыхъ, еслибы и возможно было остановить входъ новыхъ мыслей, то это было-бы еще вреднѣе для русской образованности, ибо въ Россіи движется уже такъ много прежде вошедшихъ понятій Запада, что новыя могли-бы только ослабить вредъ прежнихъ, разлагая и разъясняя и доводя до своего отвлеченнаго основанія, съ которымъ вмѣстѣ должны они или упасть, или остаться. Ибо въ настоящее время все развитіе европейскаго ума, сознаваясь, разлагается до своего послѣдняго начала, которое само сознаетъ свою неудовлетворительность. Между тѣмъ какъ, оставаясь неконченными и несознанными, но только требующими приложенія и воплощенія, прежнія понятія Запада могли бы быть тѣмъ вреднѣе въ Россіи, что лишились бы своего противодѣйствія въ собственномъ развитіи. Еслибы не узнала Россія Шеллинга и Гегеля, то какъ уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистовъ надъ русскою образованностью? Но, наконецъ, если бы даже и возможно было совершенно изгнать западную образованность изъ Россіи, кратковременное невѣжество подвергло бы ее опять еще сильнѣйшему вліянію чужаго просвѣщенія. Россія воротилась опять-бы къ той эпохѣ петровскаго преобразованія, когда введеніе всего западнаго, только потому что оно не русское, почиталось уже благомъ для Россіи, ибо влекло за собою образованность. И что же вышло бы изъ этого? Всѣ плоды полутарастолѣтняго ученичества Россіи были бы уничтожены для того, чтобы ей снова начать тотъ же курсъ ученія.

Одинъ изъ самыхъ прямыхъ путей къ уничтоженію вреда отъ образованности иноземной, противорѣчащей духу просвѣщенія христіанскаго, былъ бы, конечно, тотъ, чтобы развитіемъ законовъ самобытнаго мышленія подчинить весь смыслъ западной образованности господству православно-христіанскаго убѣжденія. Ибо мы видѣли, что христіанское любомудріе иначе понимается православною церковью, чѣмъ какъ оно понимается церковью римскою или протестантскими исповѣданіями. Затрудненія, которыя встрѣчало христіанское мышленіе на Западѣ, не могутъ относиться къ мышленію православному. Для развитія же этого самобытнаго православнаго мышленія не требуется особой геніяльности. Напротивъ, геніяльность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины. Развитіе этого мышленія должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ людей вѣрующихъ и мыслящихъ, знакомыхъ съ пи-

писалъ о насъ лордъ такой-то, маркизъ такой-то, книгопродавецъ такой-то, докторъ такой-то?“ Домосѣдъ, разумѣется, всегда отвѣчаетъ, что не читалъ. — „Жаль, очень жаль, прелюбопытная книга: сколько новаго, сколько умнаго, сколько дѣльнаго? Конечно есть и вздоръ, многое преувеличено: но сколько правды! — Любопытная книга!“ Домосѣдъ распрашиваетъ объ содержаньи любопытной книги, и выходитъ на повѣрку, что лордъ насъ отдѣлалъ такъ, какъ бы желалъ отдѣлать ирландскихъ крестьянъ; что маркизъ поступаетъ съ нами, какъ его предки съ виленями [1]); что книгопродавецъ обращается съ нами хуже, чѣмъ съ сочинителями, у которыхъ онъ покупаетъ рукописи, а докторъ насъ уничтожаетъ пуще чѣмъ своихъ больныхъ. И сколько во всемъ этомъ вздора, сколько невѣжества! Какая путаница въ понятіяхъ и даже въ словахъ, какая безстыдная ложь, какая наглая злоба! По неволѣ родится чувство досады, по неволѣ спрашиваешь: на чемъ основана такая злость? чѣмъ мы ее заслужили? Вспомнишь, какъ того-то мы спасли отъ неизбѣжной гибели, какъ другаго, порабощеннаго, мы подняли, укрѣпили, какъ третьяго, побѣдивъ, мы спасли отъ мщенья, и т. д. Досада намъ позволительна; но досада скоро смѣняется другимъ, лучшимъ чувствомъ — грустію истинной и сердечной. Въ насъ живетъ желаніе человѣческаго сочувствія, въ насъ безпрестанно говоритъ теплое участіе къ судьбѣ нашей иноземной братіи, къ ея страданьямъ такъ же, какъ къ ея успѣхамъ; къ ея надеждамъ такъ же, какъ къ ея славѣ. И на это сочувствіе, и на это дружеское стремленіе мы никогда не находимъ отвѣта: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и безпристрастія. Всегда одинъ отзывъ — насмѣшка и ругательство; всегда одно чувство — смѣшеніе страха съ презрѣніемъ. Не того желалъ бы человѣкъ отъ человѣка.

Трудно объяснить эти враждебныя чувства въ западныхъ народахъ, которые развили у себя столько сѣмянъ добра и подвинули такъ далеко человѣчество по путямъ разумнаго просвѣщенія. Европа не разъ показывала сочувствіе даже съ племенами дикими [2]), совершенно чуждыми ей и не связанными съ нею никакими связями кровнаго или духовнаго родства. Конечно, въ этомъ сочувствіи высказывалось все таки какое-то презрѣніе, какая-то аристократическая гордость крови, или, лучше сказать, кожи; конечно, Европеецъ, вѣчно толкующій о человѣчествѣ, никогда не доходитъ вполнѣ до идеи человѣка; но все-таки, хоть изрѣдка, высказывалось сочувствіе и какая-то способность къ любви. Странно, что Россія одна имѣетъ какъ будто бы привилегію пробуждать худшія чувства европейскаго сердца. Кажется, у насъ и кровь индо-европейская, какъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей, и кожа индо-европейская (а кожа, какъ извѣстно, дѣло великой важности и совершенно

измѣняющее всѣ нравственныя отношенія людей другъ съ [3]) другомъ), и языкъ индо-европейскій, да еще какой! самый чистѣйшій и чуть-чуть не индійскій; а все таки мы своимъ сосѣдямъ не братья. Недоброжелательство къ намъ другихъ народовъ очевидно основывается на двухъ причинахъ: на глубокомъ сознаніи различія во всѣхъ началахъ духовнаго и общественнаго развитія Россіи и западной Европы, и на невольной досадѣ передъ этою самостоятельною силою, которая потребовала и взяла всѣ права равенства въ обществѣ европейскихъ народовъ. Отказать намъ въ нашихъ правахъ они не могутъ: мы для этого слишкомъ сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могутъ, потому что всякое просвѣщеніе и всякое духовное начало, не вполнѣ еще проникнутыя человѣческою любовью, имѣютъ свою гордость и свою исключительность. Поэтому полной любви и братства мы ожидать не можемъ, но могли бы и должны ожидать уваженія. Къ несчастію, если только справедливы разсказы о новѣйшихъ отзывахъ европейской литературы, мы и того не пріобрѣли. Не рѣдко насъ посѣщаютъ путешественники, снабжающіе Европу свѣдѣніями о Россіи. Кто побудетъ мѣсяцъ, кто три, кто (хотя это очень рѣдко) почти годъ, и всякій, возвратясь, спѣшитъ насъ оцѣнить и словесно, и печатно. Иной пожилъ, можетъ быть, болѣе года, даже и нѣсколько годовъ, и разумѣется, слова такого оцѣнщика уже внушаютъ безконечное уваженіе и довѣренность. А гдѣ же пробылъ онъ во все это время? по всей вѣроятности въ какомъ нибудь тѣсномъ кружкѣ такихъ-же иностранцевъ, какъ онъ самъ. Что видѣлъ? вѣроятно одинъ какой-нибудь приморскій городъ, а произноситъ онъ свой приговоръ, какъ будто бы ему извѣстна вдоль и поперекъ вся наша безконечная, вся наша разнообразная Русь?

Къ этому надобно еще прибавить, что почти ни одинъ изъ этихъ европейскихъ писателей не зналъ даже русскаго языка, не только народнаго, но и литературнаго, и слѣдовательно не имѣлъ такой возможности оцѣнить смыслъ явленій современныхъ, такъ, какъ они представляются въ глазахъ [4]) самого народа; и тогда можно будетъ судить, какъ жалки, какъ ничтожны бы были данныя, на которыхъ основываются всѣ эти приговоры, еслибы дѣйствительно они не основывались на другой данной, извиняющей отчасти опрометчивость иностранныхъ писателей, — именно на собственныхъ нашихъ показаніяхъ о себѣ. Еще прежде чѣмъ иностранецъ побываетъ въ Россіи, онъ уже узнаетъ ее по множеству нашихъ путешественниковъ, которые такъ усердно мѣряютъ большія дороги всей Европы съ равною пользою для просвѣщенія Россіи вообще и для своего просвѣщенія въ особенности. Вотъ первый источникъ свѣдѣнія Европы о Россіи. Я очень далекъ отъ того, чтобы отвергать пользу и даже необходимость путешествій. Много прекраснаго, много истинно человѣческаго скрывается

въ этой, по видимому пустой и безплодной потребности одного народа — поглядѣть на житье-бытье другихъ народовъ, побесѣдовать съ ними у нихъ самихъ, поприслушаться къ ихъ живому слову и къ движенію ихъ живой мысли: но не все же хорошо въ путешествіяхъ. Въ иныхъ отношеніяхъ, можно сказать, что путешественникъ хуже домосѣда. Его существованіе одностороннѣе и носитъ на себѣ какой-то характеръ эгоистическаго самодовольства. Онъ смотритъ на чужую жизнь, — но живетъ самъ по себѣ, самъ для себя; онъ проходитъ по обществу, но онъ не членъ общества; онъ двигается между народами, но не принадлежитъ ни къ одному. Онъ принимаетъ впечатлѣнія, онъ наслаждается всѣмъ, что удобно, или добро, или прекрасно, — но самъ онъ не внушаетъ сочувствія и не трудится въ общемъ дѣлѣ, безпрестанно совершаемомъ всѣми около него. Разумѣется, я исключаю изъ этого опредѣленія тѣхъ великихъ двигателей человѣчества, которые переносятъ или переносили съ собою изъ края въ край какую-нибудь высокую мысль, какое-нибудь плодотворное знанье, и были благодѣтелями странъ, ими посѣщенныхъ. Такіе люди бывали, да много ли ихъ? Вообще польза и достоинство путешествія проявляются послѣ возвращенія странника на родину, а въ самое время своего странствованія онъ носитъ на себѣ характеръ эгоистической односторонности и въ это время служитъ плохимъ мѣриломъ для достоинства своего народа. Къ тому-же надобно прибавить еще другое замѣчаніе: нравственное достоинство человѣка высказывается только въ обществѣ, а общество есть не то собраніе людей, которое насъ случайно окружаетъ, — но то, съ которымъ мы живемъ за одно. Плодотворное сочувствіе общества вызываетъ наружу лучшія побужденія нашей души, плодотворная строгость общественнаго суда укрѣпляетъ наши силы и сдерживаетъ худшія наши стремленія. Путешественникъ вѣчно одинокъ въ безсиліи своего личнаго произвола. Веселый разгулъ его эгоистической жизни не долженъ послужить образщикомъ для сужденія объ общемъ достоинствѣ его домашней жизни; но не всѣмъ же приходитъ эта мысль на умъ, а между тѣмъ, какъ онъ гуляетъ по чужимъ краямъ (какъ крестьянинъ, заѣхавшій на далекую ярмарку, гдѣ его никто не знаетъ и всѣ ему чужіе), земля, въ которой онъ гоститъ, произноситъ судъ надъ нимъ и по немъ надъ его народомъ. Разумѣется, такая ошибка возможна только въ сужденіи о народахъ совершенно неизвѣстныхъ; да развѣ Россія и неизвѣстная земля? Смѣшно бы было, еслибы кто нибудь изъ насъ сталъ утверждать, что Россія сравнялась съ своей западной братіею во всѣхъ отросляхъ, или даже въ какой-нибудь отрасли внѣшняго образованія — въ искусствахъ-ли, въ наукѣ-ли, въ удобствахъ или щеголеватости житейскихъ устройствъ. Поэтому благоговѣніе, съ которымъ Русскій проходитъ всю Европу, — очень понятно. Смиренно

и съ преклоненною головою посѣщаетъ онъ западныя святилища всего прекраснаго, въ полномъ сознаніи своего личнаго и нашего общаго безсилія. Скажу болѣе: есть какое-то радостное чувство въ этомъ добровольномъ смиреніи. Конечно многіе изъ нашихъ путешественниковъ заслужили похвалу и доброе мнѣніе въ чужихъ земляхъ; но на выраженіе этого добраго мнѣнія они всегда отвѣчали съ добродушнымъ сомнѣніемъ, не вѣря сами своему успѣху. Рѣдкій, и тотъ разумѣется хуже другихъ, принималъ похвалу какъ должную дань и, возрастая мгновенно въ своихъ собственныхъ глазахъ на необъятную вышину, благодарилъ своихъ снисходительныхъ судей съ гордымъ смиреніемъ, которое какъ будто говорило: „да, я знаю, что я человѣкъ порядочный, я вполнѣ вѣрю вашимъ словамъ; но Боже мой! какого стоило мнѣ труда, сдѣлаться такимъ, какимъ вы меня видите! изъ какой глубины я выросъ! изъ какого народа я вышелъ!" Впрочемъ эти примѣры рѣдки; и должно сказать вообще, что русскій путешественникъ, какъ представитель всенароднаго смиренія, не исключаетъ и самого себя. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противуположность съ англійскимъ путешественникомъ, который облекаетъ безобразіе своей личной гордости какою то святостью гордости народной. Смиреніе, конечно, чувство прекрасное, но къ стыду человѣчества надобно признаться, что оно мало внушаетъ уваженія, и что Европеецъ, собираясь ѣхахъ въ Россію и побесѣдовавъ съ нашими путешественниками, не запасается ни малѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія къ той странѣ, которую онъ намѣренъ посѣтить. И вотъ онъ пріѣхалъ въ Россію, и вотъ онъ заговорилъ со всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. Принятый ласково и радушно, онъ сталъ прислушиваться къ нашимъ откровеннымъ рѣчамъ, и услышалъ то-же самое, что слышалъ за границею отъ путешественниковъ. То, что было за границею выраженіемъ невольнаго благоговѣнія передъ дивными памятниками другихъ народовъ, является уже въ Россіи не только какъ выраженіе невольнаго чувства, но и какъ дѣло утонченной вѣжливости. Не хвастаться же дома! Впрочемъ я очень отъ того далекъ, чтобы роптать на нашу народную скромность. Это чувство прекрасное, благородное, высокое; строгій судъ надъ собою возвышаетъ народъ такъ же, какъ онъ возвышаетъ человѣка. Благоговѣніе передъ всѣмъ великимъ обличаетъ сочувствіе со всѣмъ великимъ и обѣщаетъ великое въ будущемъ. Избави Богъ отъ людей самодовольныхъ и отъ самодовольства народнаго; но надобно признаться, что всякая добродѣтель имѣетъ свою крайность, въ которой она становится нѣсколько похожею на порокъ. Быть можетъ, мы впадаемъ иногда и въ эту крайность, которая, безъ сомнѣнія, лучше самохвальства, но все таки не заслуживаетъ похвалы и унижаетъ насъ въ глазахъ западныхъ народовъ. Наша сила внушаетъ зависть, соб-

ственное признаніе въ нашемъ духовномъ и умственномъ безсиліи лишаетъ насъ уваженія: вотъ объясненіе всѣхъ отзывовъ запада о насъ.

[1]) Французское слово, означаетъ тоже, что крестьянинъ. [2]) Употребительнѣе дательный п. съ предлогомъ къ. [3]) вм. другъ къ другу. [4]) вм. представляются глазамъ.

---

11. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Съ самой ранней молодости Сергѣй Тимоѳеевичъ полюбилъ искусство: онъ искренно и съ преданностью служилъ ему, и при всемъ томъ ни однимъ произведеніемъ не могъ занять мѣсто сколько-нибудь видное въ рядахъ художниковъ слова. На шестомъ десяткѣ сталъ онъ великимъ, всѣми признаннымъ, всѣми оцѣненнымъ художникомъ: чтоже это? неужели къ старости развилось воображеніе, обыкновенный даръ молодости? быть не можетъ. Или теплота сердечная? опять невозможно, и кромѣ того всѣ, знавшіе С. Т. Аксакова, знаютъ, что этимъ качествомъ онъ отличался всегда и всегда былъ именно за это качество всѣми любимъ. Или знаніе языка пріобрѣтено имъ поздно? такого предположенія даже допускать нельзя въ человѣкѣ, который съ самой ранней молодости былъ исполненъ любви къ словесности и весь свой вѣкъ радовался и любовался роднымъ нарѣчіемъ, которое онъ освоилъ [1]) во всѣхъ его тонкостяхъ. Чѣмъ же объяснить такое странное явленіе? оно получаетъ свою разгадку въ самой послѣдовательности произведеній, которыми Сергѣй Тимоѳеевичъ пріобрѣлъ свое литературное имя.

Первое изъ нихъ: „Записки объ уженіи.“ Второе: „Записки Оренбургскаго охотника;“ за ними идутъ другія, по большей части автобіографическія. Допустимъ, что новые анализы художества не остались безплодными для воспріимчиваго чувства и свѣтлаго ума С. Т. Аксакова, что простота формъ Пушкина въ повѣстяхъ и особенно Гоголя, съ которымъ С. Т. былъ такъ друженъ, подѣйствовали на него: все это могло быть, все это было; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему не приходило и не могло придти въ мысль выбрать уроки и серьезные уроки рыболовства за предметъ художественнаго произведенія. Мысль о художествѣ была устранена: онъ отъ нея вовсе освободился. Страстный рыболовъ, лишенный случайностями жизни привычнаго наслажденія, онъ захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнія, тихія радости, въ слѣдствіе высшей степени общительнаго нрава онъ захотѣлъ передать ихъ, объяснить ихъ другимъ. — И написалась [2]) книга, книга, о которой авторъ и не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность. И читатель бралъ ее также добродушно, безъ ожиданія художественнаго наслажденія, а просто

въ надеждѣ узнать кое-что объ искусствѣ уженія..... и потомъ вчитываясь, онъ съ страннымъ удивленіемъ замѣчалъ, что ему все занимательнѣе становился предметъ, заманчивѣе и красивѣе прихоти водяныхъ потоковъ и разливы озеръ и прудовъ, милѣе самыя рыбы, отъ пошлаго пескаря до рѣдкаго лоха. Нашлись люди, которые догадались, что тутъ скрывалось искусство, и искусство истинное; большая же часть простыхъ читателей, любителей рыболовства, почувствовала только глубокую благодарность къ автору за полезныя свѣдѣнія и особенно за любовь его къ общей охотѣ. Ихъ благодарственныя письма дышали этимъ чувствомъ простодушной признательности; но литературная извѣстность была уже пріобрѣтена С. Т. Аксаковымъ, который самъ ей удивился. Его слушали съ удовольствіемъ, съ увлеченіемъ; и самъ онъ далъ свободу своимъ воспоминаніямъ, самъ сталъ увлекаться ими все болѣе и болѣе, чувствуя, что у него и такъ сказать передъ нимъ не просто холодные читатели, а невидимые и незнакомые, но уже сочувствующіе друзья. Сравнительно тѣсный кругъ воспоминаній рыболова уступилъ мѣсто воспоминаніямъ охотника. Въ нихъ природа русская раскинулась въ чудной красотѣ, и русскій писанный языкъ [3]) сдѣлалъ шагъ впередъ, даже послѣ Пушкина и Гоголя. Слава Сергѣя Тимоѳеевича была упрочена и утверждена на всегда. Потомъ другіе предметы обратили на себя его дѣятельность: но онъ уже не терялъ того, что пріобрѣлъ. Это безконечно важное пріобрѣтеніе было — свобода отъ художественной преднамѣренности

Когда С. Т. Аксаковъ перешелъ отъ воспоминаній охотничьихъ къ другимъ — біографическимъ, своимъ-ли собственнымъ или чужимъ, но воспринятымъ какъ будто собственныя, онъ сохранилъ ту же простоту, ту же, можно сказать, прямоту въ отношеніи къ предметамъ, туже добросовѣстность въ воспоминаніяхъ и въ возсозданіи прошедшаго. Снова перечувствовать прошедшее и другимъ разсказать перечувствованное — вотъ его единственная задача: опять мысль о художествѣ остается вовсе въ сторонѣ. Правда, онъ уже зналъ, что такимъ путемъ достигается художественная цѣль, но это значеніе не управляетъ имъ: не къ этой цѣли стремится онъ. Само воспоминаніе, оживающее въ его душѣ, и люди, съ которыми онъ этимъ воспоминаніемъ дѣлится: вотъ его цѣль, и искусство дается ему свободно, какъ будто въ награду за простоту стремленій. Оно приходитъ, какъ приходило къ древнимъ вѣкамъ, неисканное и несознанное. Въ этомъ-то и состоитъ неподражаемая искренность произведеній первоначальной поэзіи и поэзіи народной, искренность, скоро забытая даже міромъ античнымъ, снова отысканная средними вѣками и забытая новымъ. Мысль о художествѣ уничтожаетъ прямоту отношеній между художникомъ и предметомъ его, внося посто-

роннее и отчасти разсудочное начало, разрушительное для внутренней ихъ гармоніи. Великая правда, сознанная Германіею о свободѣ художества, въ Германіи же породила великую ложь — ученіе о свободѣ художника Напротивъ, художество потому только и свободно, что художникъ подъ неволею. Для него во всякое время только и можетъ быть одинъ предметъ, и относится онъ къ этому предмету всегда именно такъ, а не иначе. Бѣда, если вмѣсто того, чтобы высказывать это свое искреннее отношеніе, онъ вздумаетъ себя спрашивать: „да хорошо-ли, красиво-ли то, что я именно такъ гляжу на свой предметъ?“ Тутъ уже холодъ, актерство, ложь. Просто, искренно вглядывался С. Т. Аксаковъ въ свои воспоминанія, и отъ того-то они выступали съ такою свѣтлою истиною, и люди въ его біографическихъ запискахъ и разсказахъ являлись съ такою же полною и неподдѣльною жизнью, съ какою являлась природа въ воспоминаніяхъ охотника. Никогда не лгалъ С. Т. ни на внѣшніе предметы, ни на свой внутренній міръ, въ которомъ они отражались. Вотъ великое наставленіе, оставленное имъ всѣмъ художникамъ.

Но въ чемъ же состоятъ художественныя стихіи его произведеній? Во-первыхъ въ языкѣ, въ которомъ едва-ли онъ имѣетъ соперника, по вѣрности и отчетливости выраженія, и по обороту, вполнѣ русскому и живому. Какъ нестерпимо чувствовать, что перепутываешь [4]) имена и называешь одно лицо именемъ другаго, какъ невольно роешься въ памяти, чтобы отъискать собственное названіе предмета, которое на время забылъ, такъ [5]) для С. Т. было употребить невѣрное слово или прилагательное, не свойственное предмету, о которомъ онъ говорилъ, и не выражающее его. Онъ чувствовалъ невѣрность выраженія какъ какую-то обиду, нанесенную самому предмету, и какъ какую-то неправду въ отношеніи къ своему собственному впечатлѣнію, и успокоивался только тогда, когда находилъ настоящее слово. Разумѣется, онъ находилъ его легко, потому что самое те бованіе возникало изъ ясности чувства и изъ сознанія словеснаго богатства. Эта строгость къ собственному слову, и слѣдовательно къ собственной мысли, давала всѣмъ его разсказамъ и всѣмъ его описаніямъ неподражаемую ясность и наглядность, а картинамъ природы такую вѣрность красокъ и выпуклость очертаній, какой не встрѣтишь ни у кого другаго. Едва ли Гоголь не первый призналъ это достоинство и восхищался имъ, прослушавъ первыя, еще не напечатанныя охотничьи воспоминанія Сергѣя Тимоѳеевича. Другая художественная стихія заключается въ его вымыслѣ. Кажется, странно говорить о вымыслѣ тамъ, гдѣ пересказывалось все дѣйствительно бывшее: но это только кажется. Происшествія, чувства, рѣчи остаются въ памяти только отрывками. Воспоминаніе воссоздаетъ цѣлое изъ этихъ отрывковъ и восполняетъ все недостаю-

щее, все оставшееся въ пробѣлахъ. Тутъ невозможно опредѣлить точныя границы истины и вымысла, до того невольнаго и часто безсознательнаго, что самъ повѣствователь усомнился бы его назвать вымысломъ. Только глубоко-художественное чувство можетъ всегда придавать этой смѣси совершенную гармонію и вносить въ созданія воображенія, пополняющаго отрывочныя данныя памяти, тотъ характеръ внутренней правды, который не допускаетъ ни малѣйшей тѣни сомнѣнія въ читателѣ. Наконецъ послѣдняя и главная стихія художества заключалась въ самой душѣ художника. Безъ сомнѣнія, онъ принадлежалъ къ числу писателей, которыхъ по преимуществу называютъ объективными: но полная объективность не принадлежитъ міру искусства; лучше сказать — она вовсе не доступна человѣку. Объективенъ вполнѣ фотографическій станокъ, и никакой живописецъ съ нимъ въ этомъ тягаться не можетъ: но три живописца съ разными дарованіями, списывая одинъ и тотъ же видъ, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, произведутъ три картины весьма различныя между собою, и всѣ онѣ будутъ ниже фотографическаго снимка: но фотографія бѣдна въ сравненіи съ природою, которой жизнь она не передаетъ, а картины достойны самой природы потому, что вносятъ въ нее новую стихію жизни и, такъ сказать, новую жизнь. Это будетъ природа, прошедшая не черезъ стекло и не черезъ глазъ человѣка, а черезъ душу человѣка, и принявшая въ себѣ отблескъ души. То самое во всякомъ искусствѣ. С. Т. Аксаковъ живетъ въ своихъ произведеніяхъ; говоритъ ли онъ о свѣтломъ днѣ, вы чувствуете радостную улыбку, отвѣчающую улыбающейся природѣ; говоритъ ли онъ о дружеской рукѣ, протянутой къ нему съ привѣтомъ, вы чувствуете, что эта рука пойдетъ не въ холодную руку равнодушнаго, а будетъ встрѣчена теплымъ рукожатіемъ А между тѣмъ онъ этого не говоритъ, но онъ самъ весь въ своемъ словѣ, весь съ своей крайней впечатлительностью и правдивою энергіею. Вы слышите рѣчь старца, много пережившаго, вы видите, что волненіе жизни улеглось, и что мысль и чувство лежатъ передъ вами съ своею полною прозрачностью, не возмущая очерка предметовъ, но облекая ихъ какимъ-то чуднымъ сіяніемъ. Вы какъ будто слышите этотъ твердый, полнозвучный, мужественный голосъ, который такъ памятенъ его друзьямъ; видите этотъ почтенный образъ мужественнаго старца, согнутаго, но не сломленнаго годами и болѣзнями. Вы не можете знать его творенія, не зная въ то же время его самого; не можете любить ихъ, не полюбивъ его. Тайна его художества въ тайнѣ души, исполненной любви къ міру божьему и человѣческому. Poëtae nascuntur.

Объ С. Т. Аксаковѣ было сказано однажды, что онъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положитель-

ной, а не отрицательной точки зрѣнія. Это правда, да иначе оно и быть не могло. Жизнь развитаго человѣка сопровождается безпрестаннымъ отрицаніемъ: но жизнь коренится и ростетъ не въ отрицаніи, началѣ относительномъ и безплодномъ, а въ началахъ положительныхъ — благоволенія и любви. Творенія Сергѣя Тимоѳеевича — это сама жизнь, разсказывающая про себя. Должное притязаніе на крѣпость въ отрицаніи бросаетъ охотно тѣнь подозрѣнія на изнѣживающее преобладаніе чувствъ благоволенія. Это обвиненіе ложно: нѣжность души не имѣетъ ничего общаго съ изнѣженностью, она принадлежитъ энергіи, какъ истинная грація не существуетъ безъ внутренней силы. Тѣ, которые знали нашего умершаго художника (а его зналъ всякій, кто его прочелъ и понялъ), знаютъ также — лишена ли была душа его истинной энергіи; тѣ которые знали о немъ еще болѣе, скажутъ, лишено ли сочности, свѣжести и силы то, что росло и крѣпло подъ его вліяніемъ. Но чувство благоволенія и любви, любви благодарной небу за каждый его свѣтлый лучъ, жизни за каждую ея улыбку и всякому доброму человѣку за всякій его добрый привѣтъ; любви укрѣплявшей душу противъ долгихъ страданій и умирявшей ее во время этихъ страданій; любви дошедшей въ послѣдніе дни до духовной радости, высказанной имъ смиренно и въ полголоса человѣку, который его глубоко любилъ, но котораго онъ не боялся испугать, — это чувство наложило на всѣ произведенія С. Т. Аксакова свою особую печать. Оно-то даетъ имъ ихъ несказанную прелесть: оно дѣлаетъ ихъ книгою отрадною для всѣхъ возрастовъ, отъ юности, собирающей свои силы, чтобы схватиться [6]) съ жизнію, до старости, ищущей душевнаго покоя, чтобы отдохнуть отъ нея [7]).

Честь его имени, украшающему Русскую словесность! міръ его праху, много и горько оплаканному!

[1]) Малоуп. вм. усвоилъ, или же, оставя гл. освоить, слѣдовало бы выразиться: съ которымъ онъ освоился. [2]) Вѣрнѣе: была написана. [3]) Неупот. выраженіе вм. письменность, или письменный языкъ. [4]) Спт. III. § 47. 4) а). [5]) Вм. таково. Снт. III. § 36. 15), § 34. Примѣч. 1. [6]) т. е. вступить въ борьбу. [7]) т. е. отъ жизни.

---

12. Двѣ рѣчи въ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности.

30-го Марта, 1860 года.

Мм. Гг.!

„Нынѣшнее засѣданіе наше будетъ особенно посвящено чтеніямъ о внутреннихъ явленіяхъ жизни русскаго народа. Правда, предметъ, выбранный К. С. Аксаковымъ, имѣетъ характеръ историческій и,

поэтому, какъ будто внѣшній, ибо дѣйствительно всякая исторія народа по большей части движется и живетъ болѣе во внѣшнихъ явленіяхъ, чѣмъ въ явленіяхъ внутренняго духа. Но во-первыхъ исторія племени славянскаго отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что она болѣе всѣхъ управляется внутренними, мысленными, духовными побужденіями. Такъ, напримѣръ, судьба старшаго изъ славянскихъ государствъ — государства велико-моравскаго обусловлена была разъединенностью его религіознаго состава; такъ вся геройская исторія Чехіи сосредоточивается около мученика Гуса; такъ въ наше время судьбы нашихъ западныхъ и южныхъ братій Славянъ еще вполнѣ вращаются около такихъ же внутреннихъ вопросовъ. Слово, слово человѣческое, высшее проявленіе человѣческаго разума, составляетъ ихъ скрѣпу и силу. Филологъ для нихъ имѣетъ всю важность общественнаго дѣятеля, грамматика и лексиконъ, это силы политическія, но съ другой стороны разъединенность въ вѣрѣ составляетъ слабость тѣхъ же народовъ, и апостолъ слова божія, который собралъ бы ихъ въ едину молитву, собралъ бы ихъ въ единый народъ. Во-вторыхъ эпоха, которую выбралъ нашъ почтенный сочленъ, К. С. Аксаковъ, отдѣляется ясно отъ всѣхъ другихъ эпохъ. По волѣ Промысла, государство, внѣшняя и историческая форма въ Россіи, разлетается и остается что-то безъ организаціи, безъ обзора, безъ внѣшняго скрѣпленія, раскинутое по необъятному пространству, по видимому крайне не привычное къ самодѣйствію и къ самоправленію — это Русскій народъ, и на это безсильное тѣло, которое едва ли и тѣломъ назвать можно, налетаютъ со всѣхъ сторонъ враги сильные, мужественные, не знающіе совѣсти, не дающіе пощады. Собраться, сочлениться, отстояться отъ непріятеля, опредѣлить себѣ настоящее, дать себѣ возможность будущаго, — всѣ эти задачи должно разрѣшить разомъ. Мы знаемъ, что они были разрѣшены. Исторія разсказала намъ всю внѣшность этого великаго и, можно сказать, неслыханнаго дѣла. Но исторія разсказываетъ намъ только внѣшнія движенія и, такъ сказать, механическія явленія происшествія. Силы, управлявшія имъ и сдѣлавшія невозможное возможнымъ, надобно угадать и возсоздать внутреннимъ пониманіемъ, то есть, самымъ рѣдкимъ изъ всѣхъ даровъ, необходимыхъ для полной исторической критики. Грустно сказать, что намъ нужно возсоздавать умомъ, что нужно угадывать эти внутреннія силы. Казалось бы, что имъ надобно бы быть живущими и присущими въ насъ теперь, какъ и тогда; казалось стоило бы намъ взглянуть внутрь себя, чтобы понять нашихъ предковъ и тѣ побужденія, управлявшія ихъ думами, и тѣ понятія, которыя они хотѣли осуществить. Но вамъ самимъ извѣстно, какъ далеко ушли мы, такъ сказать, отъ самихъ себя. По рѣдкимъ, разсѣяннымъ примѣтамъ должны мы

отъискивать свое прошлое, какъ какой-то чуждый намъ міръ. Многіе уже писали объ этой эпохѣ и многіе вѣроятно еще будутъ обращаться къ ней въ надеждѣ разгадать ее прежде, чѣмъ мы скажемъ: „это такъ было, это иначе быть не могло; такъ думалъ, того хотѣлъ народъ русскій.“ Опытъ, предлагаемый К. С. Аксаковымъ, затрогиваетъ, какъ вы видите, глубочайшіе вопросы нашей внутренней исторической жизни.

Еще глубже, еще духовнѣе тѣ вопросы, къ которымъ обращаетъ насъ почтенный сочленъ П. А. Безсоновъ. Русскій расколъ! Какъ мало по видимому и какъ много дѣйствительно говорится въ этомъ словѣ Грубѣйшее невѣжество, борода, кафтанъ, ссора съ приходскимъ священникомъ и бумажная (ссора) война съ чиновникомъ, оканчивающаяся золотымъ миромъ — вотъ и все. Нѣтъ, это не совсѣмъ все. Мы такъ привыкли къ своей землѣ русской, что и не замѣчаемъ, какъ громадны размѣры всего того, что въ ней дѣлается и творится, въ добрѣ или злѣ. Русскій расколъ! Возьмите его въ его трехъ главныхъ отдѣленіяхъ, забывая даже на время объ его мелкихъ отросткахъ, и вы имѣете числительную массу, равную пожалуй Испаніи или тому, чѣмъ бы хотѣлось быть Пьемонту. Сама эта числительность уже заслуживаетъ вниманія. Потомъ подумайте, какъ широки его дѣйствія. Отъ Риги до Казани, до Ледовитаго моря, до Чернаго моря и Кавказа, а потомъ почти сплошною массою до Тихаго океана и до границъ Китая. Не говорю уже о томъ, что онъ перешелъ и границы Россіи, въ Молдавіи, Турціи, Австріи — это уже, сравнительно, ничего. Теперь, когда наступаетъ и непременно уже наступитъ, въ силу историческихъ развитій, не только русскихъ, но и всеміpныхъ, время болѣе широкой и полной жизни народной, подумайте, какъ важно значеніе такой многочисленной и такъ широко дѣйствующей массы. Какъ важенъ для внутренней русской исторіи, а по воздѣйствію и для исторіи другихъ народовъ, вопросъ: сколько въ этой массѣ ловкости или упругости, сколько способности къ организаціи или склонности къ призванію внѣшней силы для своей опеки, иначе сколько началъ общественныхъ или государственныхъ, наконецъ сколько стремленія къ просвѣщенію или оттолкновенію отъ него! Пусть этотъ расколъ по своимъ основаніямъ и признаемъ мы въ большей части его формъ, неимѣющихъ въ себѣ будущности: это относится только къ его, такъ сказать, догматической внѣшности и замкнутости, но вѣдь онъ, даже изчезая, оставитъ по себѣ поколѣнія, приготовленныя особеннымъ образомъ, оставитъ особенное настроеніе въ умѣ милліоновъ, а эти-то приготовленія, это-то настроеніе умовъ и составляютъ дѣйствительныя историческія силы. Предметъ, котораго коснулся П. А. Безсоновъ, какъ вы видите, самъ по себѣ заслуживаетъ глу-

бокаго вниманія; къ занятіямъ же общества онъ принадлежитъ особенно потому, что нашъ почтенный сочленъ представляетъ намъ расколъ въ его словесно художественномъ выраженіи.

Въ томъ же засѣданіи, по прочтеніи членомъ П. А. Безсоновымъ статьи о духоборческихъ пѣсняхъ, съ выдержками изъ самыхъ пѣсенъ.

Мм. Гг.!

„Я полагаю, что едва ли кто остался равнодушнымъ при чтеніи П. А. Безсонова. Въ смыслѣ художественномъ онъ открылъ намъ великое сокровище, до сихъ поръ никому неизвѣстное. Пѣсни, которыя мы слышали, дышатъ глубокою искренностью и тою серьезностью (Англичане называютъ earnestness), которой не слыхать [1]) въ томъ, что новые народы привыкли называть литературою. Они напоминаютъ нѣмецкія пѣсни временъ реформы и псалмы Лютера, и скажу смѣло, они еще выше и по достоинству художественному, и по глубинѣ духовныхъ требованій. Но это чтеніе было еще важнѣе въ другомъ отношеніи.

Съ почтеннымъ нашимъ сочленомъ прошли мы великій путь отъ сухихъ, нѣсколько прозаическихъ, но грозныхъ анаѳемъ старообрядца до поэтическихъ созерцаній духоборца. Великая область: какая же это область? Подарена ли она намъ умомъ другихъ народовъ, трудомъ мысли европейской? Чужая ли она или получужая, какъ та, по которой всегда движемся и бродимъ? Нѣтъ! это наша родная область русскаго духа, но далеко не во всемъ его объемѣ. По ней совершили мы путь и путь великій, — но до предѣловъ далеко.

Въ *исторической послѣдовательности* явленій міра духовнаго передъ нами раскрывалось то, что единовременно и совокупно пребываетъ въ мысли русскаго человѣка. Такъ точно и всякое путешествіе открываетъ намъ послѣдовательно и въ порядкѣ времени то, что совокупно пребываетъ и соединено въ порядокъ пространства, — этого закона не измѣнитъ даже быстрота желѣзныхъ дорогъ. Есть однако великая разница въ путешествіи по пространству географическому и въ путешествіи по области духа, выраженнаго исторіею. Въ одномъ мы встрѣчаемъ всегда явленія полныя, явленія, каковы они дѣйствительно. Въ развитіи же историческомъ всякій моментъ рѣзко отдѣляется, очерчивается и является въ скудной односторонности, которая еще не даетъ понятій объ его истинномъ богатствѣ. Прослѣдимъ въ исторіи ходъ тѣхъ расколовъ, которыхъ поэтическое выраженіе мы слышали.

Первый расколъ былъ расколъ обрядовой. Отъ чего возникъ онъ и въ чемъ состоялъ? Церковный обрядъ, Мм. Гг., утверждается и опредѣляется іерархіею, но не безъ содѣйствія всей церкви, не безъ сочувствія и требованія у мірянъ: обрядъ есть въ тоже время обычай. Когда въ Россіи іерархія въ XVII столѣтіи замѣтила порчу обряда и приступила къ его исправленію, она съ одной стороны нѣсколько забыла при этомъ права свободы мірянъ, а съ другой забыла, что сама она участвовала въ порчѣ, терпѣла ее, поощряла и благословляла. Она безспорно была права въ своихъ намѣреніяхъ, но не права въ пути, который избрала. Въ дѣло исправленія обычая она вступила не убѣжденіемъ, медленно созидающимъ новый, лучшій обычай, а властью, всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы. Часть русскаго народа стала за старый обрядъ, за старый обычай и какъ будто за дѣйствительное право. Такъ создался первый, — обрядовой расколъ. Но, отправляясь можетъ быть отъ идеи свободы, и въ тоже время заключаясь въ обрядъ, онъ [2]) обратился въ обрядовое рабство. На этомъ духъ русскаго человѣка остановиться не могъ. Наступило время полнѣйшаго отчужденія, какъ будто вторая эпоха раскола; но это еще ошибка: кажущееся отрицаніе остается еще въ полномъ рабствѣ обряда у безпоповщины. Черезъ нѣсколько времени, можетъ быть вслѣдствіе толчка случайнаго, онъ возсталъ противъ этого рабства, и, какъ всякой бунтъ, разрушая цѣпи односторонности, его сковавшія, онъ впалъ въ другую односторонность, въ другую крайность, въ полное отрицаніе обрядства. Это расколъ духоборческій или молоканскій.

Грустно всякое разъединеніе, всякое заблужденіе; но во первыхъ, быть можетъ, эти печальныя явленія всегда сопровождаютъ всякое развитіе сознанія, во вторыхъ нельзя не замѣтить, что молоканская ересь какъ будто бы подготовляетъ сознательный возвратъ раскола въ православію. Таково по крайней мѣрѣ указаніе, которое мы находимъ въ прекрасной пѣсни о бракѣ, нѣкогда признаваемомъ за грѣхъ у безпоповщины и вновь признаваемомъ за союзъ святой въ духовномъ смыслѣ у нѣкоторыхъ молоканъ (хотя извѣстно, что онъ другими вовсе отвергается). Но какъ я уже сказалъ, путь, пройденный расколомъ, какъ онъ ни великъ, далеко не охватываетъ области русскаго духа въ его стремленіи къ божественной истинѣ. Православный также горячо любитъ самый обрядъ, какъ самый страстный старообрядецъ, но эта любовь свѣтла и свободна. Православный также стремится къ созерцанію духовному, какъ молоканъ, но онъ не отрицаетъ обряда и ему не нужно его отрицать, потому что онъ никогда не былъ его рабомъ. Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всѣхъ, онъ слы-

шитъ, онъ чувствуетъ его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ. Намъ нечего стыдиться нашего раскола. Отъ дикой энергіи морельщика до поэтическаго стремленія къ созерцанію божественной правды у молокана, онъ все таки достоинъ великаго народа и могъ бы внушить почтеніе иноземцу, но, какъ я уже сказалъ, онъ далеко не обнимаетъ всего богатства русской мысли. То, что заключается въ кроткомъ и величавомъ спокойствіи православнаго духа, того можетъ быть не угадалъ бы и наблюдатель далеко не поверхностный. Но энергія, которая скрывается въ этомъ покоѣ, высказалась въ старообрядцѣ морельщикѣ, а глубина угадывается, хотя не измѣряется, поэзіею духоборства. Таковъ конечно выводъ изъ всей статьи П. А. Безсонова; и если не возможно говорить безъ почтенія о мысленномъ пути, совершенномъ въ расколѣ, конечно никто не будетъ говорить безъ благоговѣнія о несравненно большихъ богатствахъ всего православнаго русскаго духа. До сихъ поръ иные позволяютъ себѣ говорить о немъ съ легкомысленнымъ пренебреженіемъ, не догадываясь, что они унижаютъ себя, а не народъ, котораго они не умѣютъ понять. Можно надѣяться, что такіе отзывы скоро будутъ вовсе невозможными. *А. Хомяковъ.*

[1]) Снт. III. § 66. 4, а. [2]) т. е. расколъ.

II. Рѣчь повѣствовательная.

а) Историческое изложеніе.

13. Убіеніе Великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Велúкій князь Андрéй Юрьевичъ Боголю́бскій, женáтый — по извѣ́стію новѣ́йшихъ лѣтописцевъ — на дóчери убіéннаго Боя́рина Ку́чка, осыпáлъ мúлостями ея́ брáтьевъ. Одúнъ изъ нихъ приличúлся [1]) въ какóмъ-то злодѣ́йствѣ и заслужúлъ казнь. Другóй, úменемъ Іоакúмъ, возненавúдѣлъ госудáря и благотворителя за сіé похвáльное дѣ́йствіе правосу́дія; внушáлъ друзья́мъ своúмъ, что имъ бу́детъ со врéменемъ такáя же у́часть; что нáдобно умерéть или умертвúть кня́зя, ожесточённаго стáростію; что безопáсность есть закóнъ кáждаго, а мщéніе дóлжность. Двáдцать человѣ́къ вступúли въ заговóръ. Никтó изъ нихъ нé былъ лúчно оскорблёнъ княземъ, мнóгіе пóльзовались егó довѣ́ренностію: зять Іоакúмовъ, вельмóжа Пётръ (у кóего въ дóмѣ собирáлись заговóрщики), ключникъ Анбáлъ Ясúкъ, чинóвникъ Ефрéмъ Моизóвичъ. Въ глубóкую пóлночь онú пришлú ко дворцу́ въ Боголюбовѣ (нынѣ́ селѣ́ въ 11 верстáхъ отъ Владимíра), ободрúли себя́ винóмъ и крѣ́пкимъ мёдомъ въ княже-

скомъ пóгребѣ, зарѣзали стрáжей, вломились въ сѣни, въ гóрницы и кликали Андрéя. Съ нимъ находился одúнъ изъ егó óтроковъ [2]). Услышавъ гóлосъ Великаго Князя, злодѣи отбили дверь лóжницы или спáльни. Андрéй напрáсно искáлъ мечá своегó, тáйно унесённаго ключникомъ Анбáломъ: сей мечъ принадлежáлъ нѣкогда Святóму Борису. Два человѣка брóсились на государя; сильнымъ удáромъ онъ сшибъ пéрваго съ ногъ, и товáрищи въ темнотѣ умертвили егó вмѣсто Князя. Андрéй дóлго борóлся: уязвляемый мечáми и сáблями, говорилъ извергамъ: „за что проливáете кровь мою? рукá Всевышняго казнитъ убíйцъ и неблагодáрныхъ?“... наконéцъ упáлъ на зéмлю. Въ стрáхѣ, въ замѣшáтельствѣ они схватили тѣло своегó товáрища и спѣшили удалиться. Андрéй въ безпáмятствѣ вскочилъ, бѣжáлъ за ними, грóмко стенáя. Убíйцы возвратились; зажгли свѣчу и слѣдомъ крóви Андрéевой дошли въ сѣняхъ до столпá лѣстницы, за кóимъ сидѣлъ несчáстный князь. Пётръ отрубилъ ему прáвую руку; другíе вонзили мечи въ сéрдце: Андрéй успѣлъ сказáть: „Гóсподи! въ руцѣ [3]) Твои предаю духъ мой!“ и скончáлся.

Умертвивъ ещё пéрваго любимца княжескаго Прокóпія, заговóрщики овладѣли казнóю государственною, зóлотомъ, драгоцѣнными кáмéньями; вооружили мнóгихъ дворянъ, прíятелей, слугъ и послáли объявить Владимірской дружинѣ или тáмошнимъ боярамъ о смéрти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками „Нѣтъ“, отвѣтствовали Владимірцы: „мы нé были и не будемъ учáстниками вáшего дѣла.“ Но граждáне боголюбскіе взяли стóрону убíйцъ: расхитили дворéцъ, серебрó, богáтыя одéжды, ткáни. — Тѣло Андрéево лежáло въ огорóдѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козьмá, усéрдный слугá несчáстнаго государя, стоялъ надъ нимъ и плáкалъ. Видя ключника Анбáла, онъ трéбовалъ [4]) коврá, чтобы прикрыть обнажённый трупъ. Анбáлъ отвѣчáлъ: „мы готóвимъ егó на съѣдéніе псамъ.“ Извергъ! сказáлъ сей добродушный слугá: государь взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты хóдишь въ бáрхатѣ, оставляя мёртваго благодѣтеля безъ покрóва Ключникъ брóсилъ ему ковёръ и мáнтію. Козьмá отнёсъ тѣло въ цéрковь, гдѣ крилошáне дóлго не хотѣли отперéть дверéй; на трéтій день отпѣли егó и вложили въ кáменный гробъ. Черезъ шесть дней владимірскій игуменъ Θеодулъ привёзъ óное въ Владиміръ и погрёбъ въ златовéрхомъ храмѣ Богомáтери.

Неустрóйство, смятéніе господствовали въ областяхъ суздальскихъ. Нарóдъ, какъ бы обрáдованный убіéніемъ государя, вездѣ грáбилъ дóмы посáдниковъ и тіунóвъ [5]), óтроковъ и мечникóвъ княжескихъ; умертвилъ мнóжество чинóвниковъ, предавáлся всякаго родá неистовству, такъ, что духовéнство, желáя возстановить тишину,

прибѣ́гнуло наконе́цъ къ свяще́ннымъ обря́дамъ: игу́мены[6]), іере́и, облачённые въ ри́зы, ходи́ли съ образа́ми по у́лицамъ, моля́ Всевы́шняго, чтобы онъ укроти́лъ мятёжъ. Влади́мірцы опла́кивали Андре́я, но не ду́мали о наказа́ніи злодѣ́йства, и гну́сные убі́йцы торжествова́ли. Одни́мъ слово́мъ, каза́лось, что госуда́рство освободи́лось отъ тира́на: Андре́й же, нѣ́когда вообще́ люби́мый по сказа́нію лѣтопи́сцевъ, былъ не то́лько на́боженъ, но и благотвори́теленъ: ще́дръ не то́лько для духо́вныхъ, но и для бѣ́дныхъ, вдовъ, и сиро́тъ; слу́ги его́ обыкнове́нно развози́ли по у́лицамъ и темни́цамъ мёдъ и бра́шна стола́ кня́жескаго. Но въ са́мыхъ упре́кахъ, дѣ́лаемыхъ лѣтопи́сцами наро́ду легкомы́сленному, неблагода́рному, мы нахо́димъ объясне́ніе на сію́ стра́нность; „вы не разсуди́ли (говоря́тъ они́ совреме́нникамъ), что царь, са́мый до́брый и му́дрый, не въ си́лахъ искорени́ть зла человѣ́ческаго; что гдѣ зако́нъ, тамъ и мно́гія оби́ды.“ Слѣ́дственно о́бщее неудово́льствіе происходи́ло отъ худа́го исполне́нія зако́новъ или отъ несправедли́вости суде́й: столь ну́жно вѣ́дать госуда́рю, что онъ не мо́жетъ быть люби́мъ безъ стро́гаго, бди́тельнаго правосу́дія, что наро́дъ за хи́щность суде́й и чино́вниковъ ненави́дитъ царя́, са́маго доброду́шнаго и милосе́рдаго! Убі́йцы Андре́евы зажгли́ сію́ не́нависть, и дерзну́ли на злодѣ́яніе.

Впро́чемъ Боголю́бскій, му́жественный, тре́звый и про́званный за его́ умъ вторы́мъ Соломо́номъ, былъ коне́чно одни́мъ изъ мудрѣ́йшихъ князе́й россі́йскихъ въ разсужде́ніи поли́тики, или той нау́ки, кото́рая утвержда́етъ могу́щество госуда́рственное. Онъ я́вно стреми́лся къ спаси́тельному единовла́стію и могъ бы скорѣ́е дости́гнуть своей цѣ́ли, е́сли бы жилъ въ Кі́евѣ, уня́лъ донски́хъ хи́щниковъ и водвори́лъ споко́йствіе въ мѣста́хъ облагодѣ́тельствованныхъ приро́дою, изда́вна обогаща́емыхъ торго́влею и спосо́бнѣйшихъ къ гражда́нскому образова́нію. Госпо́дствуя на берега́хъ Днѣпра́, Андре́й тѣмъ удо́бнѣе подчини́лъ бы себѣ́ знамени́тые сосѣ́дственные удѣ́лы: Черни́говъ, Волы́нь, Га́личъ; но ослѣплённый пристра́стіемъ къ сѣверовосто́чному кра́ю, онъ хотѣ́лъ лу́чше основа́ть тамъ но́вое си́льное госуда́рство, не́жели возстанови́ть могу́щество дре́вняго на ю́гѣ.

[1]) уличёнъ былъ. [2]) оруженосецъ, тѣлохрани́тель. [3]) Ц. сл. въ ру́ки. [4]) вѣрнѣ́е: уви́дя … онъ потре́бовалъ. [5]) Старин. кня́жескій чино́вникъ. [6]) Нача́льники монастыре́й пе́рваго класса суть архимандри́ты, втора́го игу́мены, тре́тьяго строи́тели.

14. Митрополитъ Московскій Филиппъ.

Одна́жды, въ день воскре́сный въ часъ обѣ́дни, Іоа́ннъ, провожда́емый[1]) нѣ́которыми боя́рами и мно́жествомъ опри́чниковъ[2]), вхо́дитъ въ собо́рную це́рковь Успе́нія: царь и вся дружи́на его́

были въ чёрныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своёмъ мѣстѣ. Іоаннъ приблизился къ нему, и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святой Владыко! се [3]) Государь, благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства....

„О государь! мы здѣсь приносимъ жертву Богу, а за алтарёмъ льётся невинная кровь христіанская. Отколѣ [4]) солнце сіяетъ нанебѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно. Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь граждан не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагрённый кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? Ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести! Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго.“ — Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва: ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне [5]) щадилъ васъ мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. — Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ и ничего не свѣдали. Ещё не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого Первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда-нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе. — Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесётъ ему плода вожделѣннаго; а Царю: „Государь Великій Князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти, нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій, и бѣлый клобукъ и мантія. А вы святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо

Христо́во; гото́вьтеся дать отчётъ и страши́теся небе́снаго Царя́ еще бо́лѣе, не́жели земна́го". Онъ хотѣ́лъ удали́ться: царь останови́лъ его́, сказа́лъ, что ему́ до́лжно ждать суда́, а не быть свои́мъ судіе́ю; прину́дилъ его́ взять наза́дъ у́тварь [6]) святи́тельскую и еще служи́ть обѣ́дню въ день Арха́нгела Михаи́ла. Когда же Фили́ппъ въ по́лномъ облаче́ніи стоя́лъ передъ алтарёмъ въ хра́мѣ Успе́нія, яви́лся тамъ боя́ринъ Алексѣ́й Басма́новъ съ толпо́ю вооружённыхъ опри́чниковъ, держа́ въ рукѣ́ сви́токъ. Наро́дъ изуми́лся. Басма́новъ велѣ́лъ чита́ть бума́гу: услы́шали, что Фили́ппъ собо́ромъ духове́нства лишёнъ са́на па́стырскаго. Во́ины вступи́ли въ алта́рь, сорва́ли съ митрополи́та оде́жду святи́тельскую, облекли́ его́ въ бѣ́дную ри́зу, вы́гнали изъ це́ркви мётлами и повезли́ на дро́вняхъ въ оби́тель Богоявле́нія. Наро́дъ бѣжа́лъ за митрополи́томъ, пролива́я слёзы: Фили́ппъ съ лицо́мъ свѣ́тлымъ, съ любо́вію благословля́лъ люде́й и говори́лъ имъ: „моли́теся!" На друго́й день привели́ его́ въ су́дную пала́ту, гдѣ былъ самъ Іоа́ннъ, для вы́слушанія пригово́ра: Фили́ппу, бу́дто бы уличённому въ тя́жкихъ вина́хъ и волшебствѣ́, надлежа́ло ко́нчить дни въ заключе́ніи. Тутъ онъ прости́лся съ мíромъ, великоду́шно, умили́тельно, не укоря́лъ суде́й и въ послѣ́дній разъ моли́лъ Іоа́нна сжа́литься надъ Россíею, не терза́ть по́дданныхъ, — вспо́мнить, какъ ца́рствовали его́ пре́дки, какъ онъ самъ ца́рствовалъ въ ю́ности, ко бла́гу люде́й и со́бственному. Госуда́рь, не отвѣ́тствуя ни сло́ва, движе́ніемъ руки́ пре́далъ Фили́ппа во́инамъ. Дней во́семь сидѣ́лъ онъ въ темни́цѣ, въ у́захъ; былъ перевезенъ въ оби́тель св. Никола́я ста́раго, на берегу́ Москвы́-рѣки́; терпѣ́лъ го́лодъ и пита́лся моли́твою. Между тѣмъ Іоа́ннъ истребля́лъ зна́тный родъ Колычёвыхъ; присла́лъ къ Фили́ппу отсѣ́ченную го́лову его́ племя́нника, Ива́на Бори́совича, и велѣ́лъ сказа́ть: „се твой люби́мый сро́дникъ: не помогли́ ему́ твои́ ча́ры!" Фили́ппъ всталъ, взялъ го́лову, благослови́лъ и возврати́лъ прине́сшему. Опаса́ясь любви́ гра́ждан моско́вскихъ ко све́рженному митрополи́ту, — слы́ша, что они́ съ утра́ до́ вечера толпя́тся вокру́гъ оби́тели Никола́евской, смо́трятъ на ке́лію заключённаго и разска́зываютъ другъ дру́гу о чудеса́хъ его́ святости: царь велѣ́лъ отвезти́ страда́льца въ тверско́й монасты́рь, называ́емый Отрочимъ, и неме́дленно и́збралъ но́ваго митрополи́та. *Карамзи́нъ.*

[1]) вм. сопровожда́емый. [2]) Осо́бенная во́инская дружи́на при Іоа́ннѣ Гро́зномъ. [3]) Ц. сл. = вотъ. [4]) старин. = съ тѣхъ поръ, какъ. [5]) вм. сли́шкомъ. [6]) вм. принадле́жности.

---

15. Измѣнникъ князь Андрей Курбскій.

Юный до́брый воево́да, въ нѣ́жномъ цвѣтѣ́ лѣтъ ознамено́ванный сла́вными ра́нами, мужъ би́твы и совѣ́та, уча́стникъ [1]) всѣхъ бле-

стящихъ завоеваній Іоанновыхъ, герой подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ царя, возложилъ на себя печать стыда и долгъ на историка, вписать гражданина столь знаменитаго въ число государственныхъ преступниковъ. То былъ князь Андрей Курбскій. Доселѣ онъ имѣлъ славу заслугъ, не имѣя ни малѣйшаго пятна на сей славѣ въ глазахъ потомства: но царь уже не любилъ его какъ друга Адашевыхъ, искалъ только случая обвинить невиннаго. Начальствуя въ Дерптѣ, сей гордый воевода сносилъ выговоры, разныя оскорбленія, слышалъ угрозы, наконецъ свѣдалъ, что ему готовится погибель. Не боясь смерти въ битвахъ, но устрашенный казнію, Курбскій спросилъ у жены своей, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго предъ собою или разстаться съ нимъ живымъ на вѣки? Великодушная съ твердостію отвѣтствовала, что жизнь супруга ей драгоцѣннѣе счастія. Заливаясь слезами, онъ простился съ нею, благословилъ девятилѣтняго сына, ночью тайно вышелъ изъ дому, перелѣзъ черезъ городскую стѣну; нашёлъ двухъ осѣдланныхъ коней, изготовленныхъ его вѣрнымъ слугою, и благополучно достигъ Вольмара [2]), занятаго Литовцами. Тамъ Воевода Сигизмундовъ принялъ изгнанника какъ друга, именемъ королевскимъ обѣщая ему знатный санъ и богатство. Первымъ дѣломъ Курбскаго было изъясниться съ Іоанномъ; открыть душу свою, исполненную горести и негодованія. Въ порывѣ сильныхъ чувствъ онъ написалъ письмо къ царю; усердный слуга, единственный товарищъ его, взялся доставить оное, и сдержалъ слово: подалъ запечатанную бумагу самому государю, въ Москвѣ, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: „отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича." Гнѣвный царь ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ: кровь лилася изъ язвы, слуга, стоя неподвижно, безмолвствовалъ. Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такого содержанія:

„Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному — нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, омрачённому адскою злобою въ сердцѣ, прокажённому въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты сильныхъ въ Израилѣ, вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ проліялъ [3]) во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни германскія въ честь твоего имени? И

что же воздаёшь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для царя?.... Не описываю всего претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости, ещё душа моя въ смятеніи; скажу единое: ты лишилъ меня святыя *) Руси! Кровь моя, за тебя излiянная, вопiётъ къ Богу. Онъ видитъ сердце. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ и тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и въ подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу всё извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе святыхъ и праотца моего, князя Ѳеодора Ярославскаго. Мы разстались съ тобою навѣки: не увидишь лица моего до дня суда страшнаго. Но слёзы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мёртвыхъ, убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола Его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели; бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! — Сію грамоту, омочённую слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь. Писано въ градѣ Вольмарѣ, въ области короля Сигизмунда, государя моего, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ."

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга, всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленниковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, именемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ исторіи), не объявилъ своего отца-господина; радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, усердіе, любовь изумили всѣхъ и самого Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику: ибо царь, волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому. „Во имя Бога всемогущаго (пишетъ Іоаннъ), Того, Кѣмъ живёмъ и движемся, Кѣмъ цари царствуютъ и сильные глаголютъ, смиренный христіанскій отвѣтъ бывшему россійскому боярину, нашему совѣтнику и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему быть ярославскимъ владыкою..... Почто, несчастный, губишь свою душу измѣною, спасая бренное тѣло бѣгствомъ? Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть отъ меня, строптиваго владыки, и наслѣдовать вѣнецъ мученика? Что жизнь, что богатство и слава міра сего? суета и тѣнь: блаженъ, кто смертію пріобрѣ-

таетъ душевное спасеніе! Устыдися раба своего, Шибанова: онъ сохранилъ благочестіе предъ царемъ и народомъ; давъ господину обетъ верности, не изменилъ ему при вратахъ смерти. А ты отъ единаго моего гневнаго слова тяготишь себя клятвою изменниковъ; не только себя, но и душу предковъ твоихъ, ибо они клялися великому моему деду служить намъ верно со всемъ ихъ потомствомъ. Я читалъ и разумелъ твое писаніе. Ядъ аспида въ устахъ изменника; слова его подобны стреламъ. Жалуешься на претерпенныя тобою гоненія; но ты не уехалъ бы ко врагу нашему, если бы мы не излишно миловали васъ, недостойныхъ! Я иногда наказывалъ тебя за вины, но всегда легко, и съ любовію; а жаловалъ примерно. Ты въ юныхъ летахъ былъ воеводою и советникомъ царскимъ; имелъ все почести и богатство. Вспомни отца своего; онъ служилъ въ боярахъ у князя Михаила Кубенскаго! Хвалишься пролитіемъ крови своей въ битвахъ: но ты единственно платилъ долгъ отечеству. И велика ли слава твоихъ подвиговъ? Когда Ханъ бежалъ отъ Тулы, вы пировали на обеде у князя Григорія Темкина и дали непріятелю время уйти во-свояси. Вы были подъ Невлемъ съ 15,000 и не умели разбить четырехъ тысячь Литовцевъ. Говоришь о царствахъ Батыевыхъ, будто бы вами покоренныхъ: разумешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани), но чего намъ стоило вести васъ къ победе. Сами идти не желая, вы безумными словами и въ другихъ охлаждали ревность къ воинской славе. Когда буря истребила подъ Казанью суда наши съ запасомъ, вы хотели бежать малодушно — и безвременно требовали решительной битвы, чтобы возвратиться въ домы победителями или побежденными, но только скорее. Когда Богъ даровалъ намъ городъ, что вы делали? грабили! А Ливоніею можете ли хвалиться? Ты жилъ праздно во Пскове, и мы семь разъ писали къ тебе, писали князю Петру Шуйскому: идти на Немцевъ! Вы съ малымъ числомъ людей взяли тогда более пятидесяти городовъ; но своимъ ли умомъ и мужествомъ? Нетъ, только исполненіемъ, хотя и ленивымъ, нашего распоряженія. Чтожъ вы сделали после со своимъ мудрымъ начальникомъ, Алексеемъ Адашевымъ, имея у себя войско многочисленное? едва могли взять Феллинъ: ушли отъ Пайды (Вейсенштейна). Если бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы вся принадлежала Россіи. Вы побеждали, невольно действуя какъ рабы, единственно силою понужденія. Вы, говорите, проливали за насъ кровь свою: мы же проливали потъ и слезы отъ вашего неповиновенія. Что было отечество въ ваше царствованіе и въ наше малолетство? пустынею отъ востока до запада; а мы, унявъ васъ, устроили села и грады тамъ, где витали дикіе звери. Горе дому, коимъ владеетъ жена; горе царству, коимъ владеютъ многіе! Кесарь Августъ повелевалъ

вселе́нною, и́бо не дѣли́лся ни съ кѣмъ вла́стію. Византі́я па́ла, когда́ цари́ на́чали слу́шаться эпа́рховъ, синкли́товъ и попо́въ, братьевъ ва́шего Сильве́стра.“ Тутъ Іоа́ннъ опи́сываетъ уже́ извѣ́стныя чита́телю вины́ бы́вшихъ свои́хъ любимцевъ и продолжа́етъ:“ безсты́дная ложь, что говори́шь о на́шихъ мни́мыхъ жесто́костяхъ! Не гу́бимъ си́льныхъ во Изра́илѣ; ихъ кро́вію не обагря́емъ церкве́й Бо́жіихъ; си́льные, добродѣ́тельные здра́вствуютъ и слу́жатъ намъ. Казни́мъ одни́хъ измѣ́нниковъ — и гдѣ́ же щадя́тъ ихъ? Константи́нъ Вели́кій не пощади́лъ и сы́на своего́; а пре́докъ вашъ, святы́й князь Ѳео́доръ Ростисла́вичъ, ско́лько уби́лъ христіа́нъ въ Смоле́нскѣ? Мно́го опа́лъ, го́рестныхъ для моего́ се́рдца; но ещ(· бо́лѣе измѣ́нъ гну́сныхъ, вездѣ́ и всѣмъ извѣ́стныхъ. Спроси́ у купцо́въ чужезе́мныхъ, пріѣзжа́ющихъ въ на́ше госуда́рство; они́ ска́жутъ тебѣ́, что твои́ предста́тели суть злодѣ́и уличённые, кои́хъ не мо́жетъ носи́ть земля́ ру́сская. И что тако́е предста́тели оте́чества? Святы́е ли, бо́ги ли, какъ Аполло́ны, Юпи́теры? Досе́лѣ владѣ́тели россі́йскіе бы́ли во́льны, незави́симы: жа́ловали и казни́ли свои́хъ по́дданныхъ безъ отчёта. Такъ и бу́детъ! Уже́ я не младе́нецъ. Имѣ́ю ну́жду въ ми́лости Бо́жіей, пречи́стыя Дѣ́вы Марі́и и святы́хъ уго́дниковъ; наставле́нія человѣ́ческаго не тре́бую. Хвала́ Всевы́шнему: Россі́я благоде́нствуетъ; бояре мои́ живу́тъ въ любви́ и согла́сіи; одни́ друзья́, совѣ́тники ва́ши, ещё во тьмѣ́ кова́рствуютъ. — Угрожа́ешь мнѣ́ судо́мъ Христо́вымъ на томъ свѣ́тѣ; а ра́звѣ въ семъ мі́рѣ нѣтъ вла́сти Бо́жіей? Вотъ е́ресь манихе́йская! Вы ду́маете, что Госпо́дь ца́рствуетъ то́лько на небеса́хъ, діа́волъ во а́дѣ, на землѣ́ же вла́ствуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! вездѣ́ Госпо́дня держа́ва, и въ сей и въ бу́дущей жи́зни. — Ты пи́шешь, что я не у́зрю здѣ́сь лица́ твоего́ еѳіо́пскаго: го́ре мнѣ! како́е бѣ́дствіе! — Престо́лъ Всевы́шняго окружа́ешь ты убіе́нными мно́ю: вотъ но́вая е́ресь! Никто́, по сло́ву Апо́стола, не мо́жетъ ви́дѣть Бо́га. — Положи́ свою́ гра́моту въ моги́лу съ собо́ю: симъ дока́жешь, что и послѣ́дняя и́скра христіа́нства въ тебѣ́ уга́сла: и́бо христіа́нинъ умира́етъ съ любо́вію, съ проще́ніемъ, а не съ зло́бою — Къ доверше́нію измѣ́ны называ́ешь ливо́нскій го́родъ Во́льмаръ о́бластію короля́ Сигизму́нда, и надѣ́ешься отъ него́ ми́лости, оста́вивъ своего́ зако́ннаго, Бо́гомъ да́ннаго тебѣ́ власти́теля. Ты избра́лъ себѣ́ госуда́ря лу́чшаго! Вели́кій Коро́ль твой есть рабъ рабо́въ: удиви́тельно ли, что его́ хва́лятъ рабы́? Но умолка́ю. Соломо́нъ не вели́тъ плоди́ть рѣче́й съ безу́мными; тако́въ ты дѣйстви́тельно. — Пи́сано на́шея [5]) Вели́кія Россі́и въ ца́рствующемъ гра́дѣ Москвѣ́, лѣ́та мірозда́нія 7072. Іюля мѣ́сяца въ 5 день.“ *Карамзи́нъ.*

[1]) вѣрнѣе: во всѣхъ б. завоева́ніяхъ. [2]) Снт. III. § 42. 2) Нкл. Снт. ст. 79. [3]) ц. сл. вм. про́лилъ. [4]) ц. сл. вм. свято́й. [5]) ц. сл. вм. на́шей.

16. Гибель Лжедимитрія.

....Нóчью, наканýнѣ рѣшительнаго дня, вкрáлось въ Москвý съ рáзныхъ сторóнъ до 12 тысячъ вóйска, котóрые стояли въ пóлѣ, верстáхъ въ шести отъ гóрода и должны были идти на Елéцъ, но присоединились къ заговóрщикамъ. Ужé дружины Шýйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнáдцатью ворóтами москóвскими, никогó не пускáя въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій ещё ничегó не зналъ, увеселяясь въ своихъ кóмнатахъ мýзыкою. Сáмые Поляки, хотя и не чýждые опасéнія, мирно спáли въ домáхъ, ужé *ознаменóванныхъ* [1]) для кровáвой мéсти: Россіяне скрытно постáвили знáки на óныхъ, въ цѣль удáра. Нѣкоторые изъ панóвъ имѣли сóбственную стрáжу, другіе надѣялись на цáрскую: но стрѣльцы, ихъ хранители, или сáми были въ заговóрѣ, или не дýмали спасáть крóвію рýсскою иноплемéнниковъ противныхъ. Ночь миновáлась безъ сна для бóльшей чáсти Москвитянъ: ибо градскіе чинóвники ходили по дворáмъ съ тáйнымъ прикáзомъ, чтóбы всѣ жители были готóвы стать грýдью за цéрковь и цáрство, ополчились и ждáли набáта. Мнóгіе знáли, мнóгіе и не знáли, чемý [2]) быть надлежáло, но угáдывали и съ рéвностью вооружáлись, чѣмъ могли, для великаго и святáго пóдвига, какъ имъ сказáли. Сильнѣе, мóжетъ быть, всегó дѣйствовала въ нарóдѣ нéнависть къ Ляхамъ: дѣйствовалъ и стыдъ имѣть царёмъ бродягу, и страхъ быть жéртвою егó безýмія, и наконéцъ сáмая прéлесть бýрнаго мятежá для страстéй необýзданныхъ.

17-го мáя, въ четвёртомъ часý дня, прекраснѣйшаго изъ весéннихъ, восходящее сóлнце освѣтило ужáсную тревóгу столицы: удáрили въ кóлоколъ сперва у св. Илій, близь дворá гостинаго, и въ однó врéмя загремѣлъ набáтъ въ Москвѣ, и жители устремились изъ домóвъ на Крáсную плóщадь, съ кóпьями, мечáми, самопáлами, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, люди прикáзные и торгóвые, граждáне и чернь. Тамъ, близь лóбнаго мѣста [3]), сидѣли бояре на коняхъ, окружённые сóнмомъ князéй и воевóдъ, въ шлéмахъ и лáтахъ, въ пóлныхъ доспѣхахъ, и представляя въ лицѣ своёмъ отéчество, ждáли нарóда [4]). Стеклóся безчисленное мнóжество людéй, и ворóта Спáсскія растворились: Князь Василій Шýйскій, держá въ однóй рукѣ мечъ, въ другóй распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошёлъ съ коня, въ храмъ Успéнія, приложился къ святóй икóнѣ владимірской и, воскликнувъ къ тысячамъ: „Во имя Бóжіе, идите на злáго еретикá!", указáлъ имъ дворéцъ, кудá съ грóзнымъ шýмомъ и крикомъ ужé неслися толпы, но гдѣ ещё цáрствовала глубóкая тишинá! Пробуждённый звýкомъ набáта, Лжедимитрій въ удивлéніи встаётъ съ лóжа, спѣшитъ одѣться, спрáшиваетъ о причинѣ тревóги: емý отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москвá; но онъ слышитъ свирѣпый

вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ. На вопросъ его: 'куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: „веди насъ къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!" Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ и, въ отчаяніи прибѣжавъ къ разстригѣ, сказалъ ему: „Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей [5]): спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!" Вслѣдъ за нимъ ворвался въ царскіе покои одинъ дворянинъ, безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ. Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни и, грозя народу, кричалъ: „я вамъ не Годуновъ!" Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще во внутреннихъ комнатахъ дворца 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ; иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому наканунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ бояръ въ толпѣ, и между ними самыхъ ближнихъ людей разстригиныхъ: князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: „Иди въ адъ съ твоимъ царемъ, злодѣй!" и ножемъ ударилъ ему въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца... судьба достойная измѣнника [6]) и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый Самозванецъ, въ смятеніи ужаса, кинувъ свой мечъ, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя иного спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на житный дворъ [7]), — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли разстригу, посадили на фундаментъ

сломаннаго дворца́ Годуно́вскаго, отлива́ли водо́ю, изъявля́ли жа́лость. Самозва́нецъ, омыва́я тёплою кро́вію разва́лины Бори́совыхъ черто́говъ (гдѣ жи́ло нѣкогда сча́стіе, и та́кже измѣни́ло своему́ люби́мцу), пришёлъ въ себя́: моли́лъ стрѣльцо́въ быть ему́ вѣрными, обѣща́лъ имъ бога́тство и чины́. Уже стекло́ся вокру́гъ ихъ мно́жество людей: хотѣли взять разстри́гу; но стрѣльцы́ не выдава́ли его́ и тре́бовали свидѣтельства цари́цы-и́нокини, говоря́: „если онъ сынъ ея́, то мы умрёмъ за него́; а е́сли цари́ца ска́жетъ, что онъ Лжедими́трій, то во́ленъ въ нёмъ Богъ [8]).“ Сіе́ усло́віе бы́ло при́нято. Мни́мая мать самозва́нцева, вы́званная боя́рами изъ ке́лліи, торже́ственно объяви́ла наро́ду, что и́стинный Дими́трій сконча́лся на рука́хъ ея́ въ Угличѣ; что она́, какъ жена́ сла́бая, дѣйствіемъ угро́зъ и ле́сти была́ вовлечена́ въ грѣхъ безсо́вѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назва́ла сы́номъ, раска́ялась и молча́ла отъ стра́ха, но та́йно открыва́ла и́стину мно́гимъ лю́дямъ. Призва́ли и ро́дственниковъ ея, Наги́хъ: они́ сказа́ли то же, вмѣстѣ съ не́ю виня́ся предъ Бо́гомъ и Россі́ею. Что́бы ещё бо́лѣе удостовѣрить наро́дъ, Ма́ѳа показа́ла ему́ изображе́ніе младе́нческаго лица́ Дими́трія, кото́рое у нея́ храни́лось и ни ма́ло не схо́дствовало съ черта́ми лица́ разстри́гина.

Тогда́ стрѣльцы́ вы́дали обма́нщика, и боя́ре велѣли нести́ его́ во дворе́цъ, гдѣ онъ увидѣлъ свои́хъ тѣлохрани́телей подъ стра́жею: запла́калъ и протяну́лъ къ нимъ ру́ку, какъ бы благодаря́ ихъ за вѣрность. Оди́нъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливо́нскій дворяни́нъ Фи́рстенбергъ, тѣсни́лся [9]) сквозь толпу́ къ Самозва́нцу и былъ же́ртвою озлобле́нія Россія́нъ: его́ умертви́ли, хотѣли умертви́ть и други́хъ тѣлохрани́телей: но боя́ре не велѣли тро́гать сихъ че́стныхъ слугъ и въ ко́мнатѣ, напо́лненной людьми́ вооружёнными, ста́ли допра́шивать Лжедими́трія, покры́таго бѣднымъ ру́бищемъ: и́бо на́родъ сорва́лъ уже́ съ него́ оде́жду ца́рскую. Шумъ и крикъ заглуша́ли рѣчи; слы́шали то́лько, какъ увѣря́ютъ, что разстри́га на вопро́съ: „кто ты, злодѣй?“ отвѣча́лъ: „вы зна́ете: я Дими́трій“ — и ссыла́лся на цари́цу-и́нокиню; слы́шали, что Князь Ива́нъ Голи́цынъ возрази́лъ ему́: „ея́ свидѣтельство уже́ намъ извѣстно: она́ предаётъ тебя́ ка́зни.“ Слы́шали ещё, что Самозва́нецъ говори́лъ: „неси́те меня́ на ло́бное мѣсто: тамъ объявлю́ и́стину всѣмъ лю́дямъ.“ Нетерпѣли́вый наро́дъ ломи́лся въ дверь, спра́шивая: „вини́тся ли злодѣй?“ Ему́ сказа́ли, что вини́тся — и два вы́стрѣла прекрати́ли допро́съ вмѣстѣ съ жи́знію Отре́пьева (его́ уби́ли дворя́не Ива́нъ Воейковъ и Григо́рій Волу́евъ). Толпа́ бро́силась терза́ть мёртваго, сѣкли меча́ми, коло́ли трупъ безду́шный и ки́нули съ крыльца́ на тѣло Басма́нова, восклица́я: „бу́дьте неразлу́чны и въ а́дѣ! вы здѣсь люби́ли другъ дру́га!“ Яростная чернь схвати́ла, извлекла́ сіи́ нагі́е тру́пы изъ Кремля́ и положи́ла близъ ло́бнаго мѣста: разстри́гу на столѣ, съ ма́скою, ду́дкою и

волы́нкою, въ знакъ любви́ его́ къ скоморо́шеству [10]) и му́зыкѣ; а Басма́нова на скамьѣ́, у ногъ разстри́гиныхъ. — — — —

Карамзи́нъ.

[1]) Т. е. отмѣ́ченныхъ осо́быми зна́комъ. [2]) Снт. III. § 47. 5, а). Нкл. Снт. ст. 68. [3]) Такъ называ́ется кру́глый ка́менный возвы́шенный помо́стъ въ концѣ́ кра́сной пло́щади, противъ це́ркви Васи́лія Блаже́ннаго и Спа́сскихъ воро́тъ. Съ э́того помо́ста чита́ются наро́ду ца́рскіе ука́зы. [4]) Снт. III. § 41. 5, г.) Нкл. Снт. ст. 79. [5]) Снт. III. § 42. 2). Нкл. Снт. ст. 79. [6]) Снт. III. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [7]) Дворъ, гдѣ храни́лись хлѣ́бные запа́сы. [8]) пусть съ нимъ случи́тся то, что Богъ назна́чилъ. [9]) вѣрнѣ́е: протѣсни́лся. [10]) Скоморо́хами называ́лись бродя́чіе музыка́нты или со́бственно пѣвцы́ и плясуны́.

17. Святославъ въ Греціи.

. . . . „Нѣтъ", сказа́лъ Святосла́въ ма́тери и боя́рамъ, „не́любо [1]) мнѣ жить въ Кі́евѣ, я хочу́ жить въ Переясла́вцѣ на Дуна́ѣ, тамъ среди́на земли́ моей́; туда́ вся блага́я [2]) схо́дятся: отъ Гре́ковъ зо́лото, па́волоки [3]), вина́, о́вощи; изъ Чехъ и Угоръ [4]) серебро́ и ко́ни; изъ Ру́си мѣха́, медъ, воскъ, че́лядь." Ольга была́ уже́ о́чень слаба́ и больна́. „Ты ви́дишь, какова́ я", возража́ла она́ безпоко́йному своему́ сы́ну, „какъ же ты хо́чешь оста́вить меня́? Погреби́ [5]) меня́, а по́слѣ иди́, куда́ тебѣ́ уго́дно!" Въ са́момъ дѣ́лѣ она́ сконча́лась чрезъ три дня, „и пла́калъ по ней сынъ ея и вну́ки и лю́ди всѣ пла́чемъ вели́кимъ." Свяще́нникъ, бы́вшій при ней, похорони́лъ её, а три́зны надъ собо́ю отправля́ть она́ запо́вѣдала. „Ольга," говори́тъ лѣтопи́сецъ, „предтекла́ въ на́шей землѣ́ [6]) какъ у́тренняя звѣзда́ со́лнцу, какъ заря́ свѣ́ту и сія́ла какъ луна́ въ нощи́. Она́ была́ нача́ткомъ примире́нію; она́ пе́рвая вошла́ въ ца́рство небе́сное изъ Ру́си и мо́литъ Бо́га по сме́рти за Русь. Её должны́ сла́вить ру́стіе [7]) сы́нове, какъ свою́ нача́льницу. Возопіе́мъ же къ ней: Ра́дуйся, Ру́сское позна́нье къ Бо́гу" [8]).

Въ слѣ́дующемъ году́ Святосла́въ рѣши́лся испо́лнить люби́мое своё жела́ніе и вмѣ́сто себя́ посади́лъ ста́ршаго сы́на Яропо́лка въ Кі́евѣ, а втора́го, Оле́га, въ землѣ́ Древля́нской. Тогда́ же пришли́ къ нему́ Новгоро́дцы проси́ть себѣ́ Князя. „Если вы не пойдёте къ намъ", говори́ли они́, „то мы найдёмъ себѣ́ князя и въ друго́мъ мѣ́стѣ." „Но кто къ вамъ пойдётъ?" отвѣча́лъ Святосла́въ. Яропо́лкъ и Оле́гъ отперли́сь; тогда́ Добры́ня научи́лъ ихъ проси́ть Володи́міра, племя́нника его́, отъ сестры́ Малу́ши, клю́чницы Ольгиной. Новгоро́дцы сказа́ли: „дай намъ Володи́міра!" „Пожа́луй, возьми́те его́," отвѣча́лъ Святосла́въ, и Новгоро́дцы повели́ къ себѣ́ Володи́міра, вмѣ́стѣ съ Добры́нею. Устро́ивъ такъ дѣла́, Свято́сла́въ отпра́вился и оста́вилъ на́шу зе́млю на произво́лъ обстоя́тельствъ, ду́мая основа́ть но́вое госуда́рство въ Болга́ріи на Дуна́ѣ; — но судьбы́ того́ не хотѣ́ли.

Болгáре, ободрённые союзомъ съ Грéками, рѣшились не пускáть егó къ себѣ. Вóи, остáвленные имъ, бы́ли истреблены́, вѣроятно во врéмя егó отсу́тствія. Нáдо бы́ло покоря́ть вновь всю странý, какъ бýдтобъ онá не былá покоренá прéжде. Но Святослáва ли удéржатъ препя́тствія? Онъ устреми́лся на при́ступъ къ Переяслáвцу. Собрáвшись со всѣми свои́ми си́лами, Болгáре вы́шли къ немý на встрѣчу изъ гóрода. Началáсь ужáснѣйшая сѣча, и побѣда склоня́лась ужé на стóрону непріятелей. „Брáтья и дружи́на,“ воскли́кнулъ Святослáвъ, „пасть прихóдится намъ здѣсь, удáримъ мýжески!“ Сѣча возобнови́лась съ нóвымъ ожесточéніемъ, и къ вéчеру одолѣлъ Святослáвъ; взялъ гóродъ копьёмъ и плѣни́лъ тамъ двухъ сынóвъ покóйнаго царя́. Потóмъ прошёлъ онъ съ огнёмъ и мечёмъ по всей Болгáріи, мстя за неожи́данную, враждéбную встрѣчу. Говори́ли, что онъ въ Фили́пполѣ пересажáлъ нá-колъ нѣсколько ты́сячъ человѣкъ, и таки́мъ óбразомъ разсѣя всюду страхъ и ýжасъ, застáвилъ всѣхъ покори́ться себѣ снóва.

Между тѣмъ въ Византíи произошлá нóвая перемѣна; Іоáннъ Цими́скій, знамени́тый полковóдецъ грéческій, свóйственникъ цáрскій, умертви́лъ несчáстнаго Ники́фора, въ заговóрѣ съ егó супрýгою, и взошёлъ на окровáвленный престóлъ. Стóльже дѣятельный, благоразýмный, и ещё бóлѣе, мóжетъ быть, хрáбрый, нéжели егó предшéственникъ, онъ раздѣля́лъ егó мнѣніе, сколь опáсно для Грéціи сосѣдство Святослáвово, но на пéрвое врéмя у негó бы́ло сли́шкомъ мнóго забóтъ. Гóлодъ въ Импéріи, нападéніе Арави́тянъ на Антіохíю, заговóры рóдственниковъ убіéннаго свя́зывали емý рýки. Съ Святослáвомъ онъ желáлъ обойти́сь покá безъ войны́: отпрáвилъ къ немý посóльство вручи́ть богáтые дары́ и объяви́ть, чтобъ онъ, испóлнивъ желáніе Императора Ники́фора и получи́въ услóвную нагрáду, остáвилъ Болгáрію, принадлежáщую Импéріи, и возвращáлся благополýчно въ своё отéчество. „Вы́купите у меня́ прéжде взя́тые мнóю городá“, отвѣчáлъ Святослáвъ, надмéнный побѣдами и завоевáніями, „вы́купите вáшихъ плѣнниковъ, заплати́те зóлотомъ за Болгáрію, и я остáвлю её, а éсли не хоти́те, то нѣтъ вамъ ми́ра.“ Грéки напоминáли емý судьбý отцá егó Игоря, котóрый за нарушéніе договóра былъ разби́тъ на Чёрномъ мóрѣ, такъ что вмѣсто десяти́ ты́сячъ судóвъ, съ кóими онъ пришёлъ, дóлженъ былъ уйти́ тóлько на десяти́, съ извѣстіемъ о сóбственномъ поражéніи, и наконéцъ поги́бъ ужáсною смертію отъ Древля́нъ въ наказáніе за своѣ áлчность. „Такáя же ýчасть грози́тъ и тебѣ“, сказáли они́ въ заключéніе, „éсли всё грéческое вóйско дви́нется проти́въ тебя́ изъ Константинóполя.“ „Мы сáми придёмъ къ вамъ прéжде вáшего,“ отвѣчáлъ Святослáвъ, „раски́немъ шатры́ свои́ предъ вратáми вáшей столи́цы, обнесёмъ гóродъ крѣпкимъ вáломъ, и тогдá выходи́те на би́тву. Мы покáжемъ, что мы не

ма́лыя дѣти, кото́рыхъ мо́жно испуга́ть угро́зами, и уви́димъ, кому́ доста́нется побѣ́да.“ И неме́дленно умно́живъ во́йско Болга́рами и Украми, Святосла́въ дви́нулся впередъ и перешёлъ Балка́нскія го́ры. Отря́ды его́ разсы́пались повсю́ду и опустоша́ли Македо́нію, Ѳра́кію, до Адріано́поля, хотя́ нѣ́которые иногда́ и претерпѣва́ли пораже́ніе.

Цими́скій, жела́вшій пре́жде переговорами то́лько вы́играть вре́мя, встрѣ́тилъ здѣ́сь Святосла́ва со многочи́сленнымъ, въ нѣ́сколько кратъ бо́льшимъ во́йскомъ. Ру́сскіе во́и изуми́лись тако́му неожи́данному мно́жеству непріятелей и устраши́лись. Святосла́въ сказа́лъ: „намъ нѣ́куда дѣ́ться! Во́лею и нево́лею мы должны́ сразиться. Не посрами́мъ земли́ ру́сской и ля́жемъ здѣ́сь костьми́. Мёртвымъ сра́ма нѣтъ, а е́сли побѣжи́мъ, то не спасёмся и срамъ при́мемъ. Ста́немъ же крѣ́пко. Я пойду́ впереди́! Если моя́ голова́ падётъ, то помышля́йте о себѣ́.“ Во́ины воскли́кнули въ отвѣ́тъ: „гдѣ́ твоя́ голова́ падётъ, тамъ и на́ши“, и бро́сились всѣ́ на непріятеля съ отча́яніемъ. Произошла́ ужа́снѣйшая би́тва, дли́лась до́лго, и Святосла́въ побѣди́лъ. Гре́ки бѣжа́ли. Упое́нный побѣ́дою, онъ пошёлъ впередъ: „вою́я и гра́ды разбива́я, а и у́же за ма́ломъ бѣ [9]) не дошёлъ Царя́-го́рода.“ Цими́скій не могъ проти́виться бо́лѣе: ему́ на́до бы́ло во что бы то ни ста́ло не допуска́ть Стятосла́ва до столи́цы. Онъ проси́лъ мі́ра, осыпа́лъ его́ дара́ми, соглаша́лся на всѣ́ его́ тре́бованія, дава́лъ дань на все во́йско. Святосла́въ съ свое́й стороны́ могъ та́кже жела́ть ско́раго мі́ра, потому́ что потери его́ бы́ли значи́тельны, и у него́ не достава́ло уже́ силъ для продолже́нія свои́хъ завоева́ній, покоре́нія или удержа́нія столи́цы. Онъ при́нялъ предложе́ніе. Ско́лько у тебя́ во́евъ, спроси́ли Гре́ки, на кото́рыхъ мы должны́ принести́ дань. Два́дцать ты́сячъ, отвѣча́лъ Святосла́въ, хотя́ у него́ бы́ло то́лько де́сять. Сверхъ того́ взя́лъ онъ дань и на убіе́нныхъ въ по́льзу ихъ ро́дственниковъ, я обольщённый, усыплённый возврати́лся въ Переясла́вецъ „съ похвало́ю вели́кою, въ по́лномъ убѣжде́ніи, что отъ Гре́ковъ опаса́ться ему́ не́чего.

Но не ду́малъ Цими́скій мири́ться съ Святосла́вомъ. Въ плодови́томъ умѣ́ своёмъ онъ рѣши́лъ уже́ ги́бель ру́сскаго князя, кото́рый понадѣ́ялся сли́шкомъ мно́го на свою́ хра́брость и на своё сча́стье, не оставля́вшее его́ досе́лѣ, ослѣпи́лся успѣ́хами и преда́лся неосторо́жности, сво́йственной его́ пле́мени. Лишь то́лько удали́лся Святосла́въ, какъ и нача́лъ импера́торъ дѣ́лать приготовле́нія къ но́вому, рѣши́тельному похо́ду. Всю зи́му продолжа́лись они́ съ велича́йшей дѣ́ятельностію. Онъ призва́лъ всѣ́ гре́ческія войска́, бы́вшія въ Азіи, снаряди́лъ ѳлотъ, собра́лъ мно́жество запа́совъ и съ наступле́ніемъ весны́ при пе́рвой возмо́жности отпра́вилъ три́ста судо́въ въ у́стье Дуна́я для соде́йствія сухопу́тному его́ во́йску, кото́рое дви́нулось неме́дленно къ балка́нскимъ тѣсни́намъ, оста́вленнымъ неосторо́жнымъ Святосла́вомъ

безъ всякой засады. Полководцы Цимискія боялись этого пути, на которомъ погибло столько войскъ греческихъ, среди войнъ ихъ съ Болгарами. Но Цимискій, узнавшій чрезъ лазутчиковъ о малочисленности дружины Святославовой, настоялъ на своёмъ намѣреніи; онъ опасался, чтобы Русскіе, узнавъ о его походѣ, не заняли выгодныхъ ущелій, и искалъ успѣха въ скорости.

Греки прошли Балканы безъ всякаго препятствія, и внезапно явились у Переяславца. Русь упражнялась передъ городомъ въ воинскихъ движеніяхъ. Хоть изумлённые такимъ нечаяннымъ нападеніемъ они схватились за оружіе и бросились на Грековъ. Изъ города подана имъ была помощь и побѣда долго оставалась нерѣшённою, какъ Цимискій пустилъ на нихъ отборную свою конницу, состоявшую изъ такъ называемыхъ безсмертныхъ латниковъ, и привёлъ ихъ въ совершённое замѣшательство, тѣмъ болѣе, что они, сражаясь всегда пѣши, не привыкли къ дѣйствіямъ съ конницей. Они должны были уступить и запереться въ городѣ. Калокиръ, бывшій въ Переяславцѣ, бѣжалъ ночью къ Святославу, стоявшему въ Дористолѣ, извѣстить его о новой войнѣ. На другой день неутомимый императоръ приступилъ снова. Русь ожидала его на стѣнахъ. Всѣми силами старались они защититься: бросали копья, стрѣлы, камни. Греки, ободряемые примѣромъ храбраго своего вождя, успѣли наконецъ приставить лѣстницы, взобрались на стѣны, и принялись колоть Русскихъ, которые принуждены были искать спасенія на царскомъ дворѣ, обнесённомъ оградою, гдѣ хранилась обыкновенно казна, но не успѣли затворить однихъ воротъ. Греки вбѣжали за ними. Произошла новая битва, и враги были наконецъ отражены съ значительною потерею. Цимискій велѣлъ зажечь зданіе. Когда пламя распространилось повсюду и держаться не оставалось возможности, Русскіе выскочили, выстроились на открытомъ мѣстѣ и хотѣли ещё сражаться.... Они всѣ были переколоты, кромѣ предводителя своего, храбраго Свѣнельда, который спасся съ немногими товарищами къ Святославу. Цимискій, не давая опомниться, пошёлъ впередъ. Тяжело было Святославу слышать о взятіи Переяславца, а за нимъ и другихъ болгарскихъ городовъ, сдавшихся Грекамъ, но онъ не думалъ смиряться; онъ надѣялся ещё разъ побѣдить Грековъ и вышелъ на встрѣчу Цимискію. А въ наказаніе измѣны Болгаръ, онъ собралъ до трёхъ сотъ знаменитѣйшихъ гражданъ и приказалъ отрубить имъ головы; многіе окованные были заключены въ темницы. Не далеко отъ Дористола сошлись соперники и началось сраженіе. Русь дралась отчаянно. Какъ бѣшеные бросались они на Грековъ, но Греки не уступали. Побѣда долго оставалась сомнительною, пока наконецъ стремительный ударъ конницы не рѣшилъ опять дѣла, и Русь возвратилась въ городъ. Всю ночь слышенъ былъ стонъ въ

Дористо́лѣ. Ру́сскіе опла́кивали свои́хъ това́рищей, па́вшихъ въ бою́, и ди́кіе во́пли ихъ разноси́лись далеко́ по окре́стностямъ, какъ слы́шали Гре́ки и свидѣ́тельствуютъ очеви́дцы между ихъ лѣтописа́телями. Цими́скій расположи́лъ станъ по бли́зости, укрѣпи́вшись рвомъ и ва́ломъ. На другóй день повелъ онъ во́йско своé на крѣ́пость Ру́сскіе отрази́ли при́ступъ, — ещé бо́лѣе, — къ ве́черу оні́ сдѣ́лали вы́лазку на коня́хъ, но не умѣ́я управля́ться съ ни́ми въ сраже́ніи, бы́ли опроки́нуты и вороти́лись въ го́родъ безъ значи́тельнаго успѣ́ха.

Между тѣмъ на Дуна́ѣ показа́лись огнено́сныя суда́ гре́ческія, о ко́ихъ на Руси́ храни́лось тако́е стра́шное преда́ніе. Въ стра́хѣ потеря́ть у́тлые челны́ свои́ по́рознь, Ру́сскіе собра́ли то́тчасъ ихъ вмѣ́стѣ и поста́вили въ рядъ подъ стѣно́ю, омыва́емою Дуна́емъ. Нѣ́сколько разъ пыта́лись оні́ дѣ́лать вы́лазки, иногда́ уступа́ли, но не пока́зывали никако́й ро́бости, и не щади́ли никаки́хъ трудо́въ, остава́ясь иногда́ по цѣ́лымъ днямъ иноча́мъ на по́лѣ сраже́нія. Да́же же́нщины, такъ называ́емыя щитоно́сицы у Норма́нновъ, сража́лись въ ихъ ряда́хъ, сто́льже хра́бро, какъ и мужчи́ны, и тѣла́ ихъ ча́сто находи́ли уби́тыми. Въ плѣнъ Ру́сскіе никогда́ не отдава́лись и въ мину́ту опа́сности поража́ли себя́ са́ми мечéмъ, избѣга́я ра́бства на томъ свѣ́тѣ; и́бо, по ихъ мнѣ́нію, вся́кій плѣ́нникъ до́лженъ тамъ служи́ть своему́ господи́ну. Одна́жды удало́сь имъ уби́ть у Гре́ковъ одного́ знамени́таго вождя́, кото́раго оні́, по блиста́тельнымъ доспѣ́хамъ, сочли бы́ло за самого́ Импера́тора. Возвратя́сь въ крѣ́пость, оні́ вонзи́ли отру́бленную го́лову на копьé, и вы́ставили на ба́шнѣ, смѣ́ясь надъ Гре́ками. Бо́льше всего́ хотѣ́лось имъ истреби́ть стѣноби́тныя ору́дія, причиня́вшія имъ мно́го вреда́, но тщéтно. Гре́ки охраня́ли ихъ му́жественно....... Около двухъ мѣ́сяцевъ продолжа́лась оса́да. Утомлённый Святосла́въ окопа́лся рвомъ и заперся́ наконе́цъ совершéнно въ го́родѣ. Вы́лазки прекрати́лись. Импера́торъ, не мо́гшій спра́виться съ Ру́сью въ откры́томъ бою́, не смотря́ на превосхо́дство силъ, рѣши́лся смири́ть ихъ го́лодомъ. Съ се́ю цѣ́лью велѣ́лъ онъ перекопа́ть всѣ пути́, веду́щіе къ Дористо́лу, разста́вилъ вездѣ́ стра́жу, приказа́лъ стро́го суда́мъ наблюда́ть за сообще́ніями и не пуска́ть никого́ ни въ го́родъ ни изъ го́рода, за запа́сами, и расположи́лся жить поко́йно въ своёмъ ста́нѣ. Эти мѣ́ры оказа́ли ско́ро своё дѣ́йствіе. Во́йско Святосла́вово терпѣ́ло кра́йній недоста́токъ во вся́комъ продово́льствіи, между тѣмъ какъ гре́ческое жи́ло въ изоби́ліи. Ника́къ нельзя́ бы́ло вы́йти изъ го́рода, и вся́кое сообще́ніе прерва́лось.

Одна́жды то́лько, въ глуху́ю тёмную ночь, во вре́мя стра́шной бу́ри съ дождéмъ и гро́момъ, удало́сь Святосла́ву вы́слать на ла́дьяхъ двѣ ты́сячи во́иновъ для собра́нія припа́совъ въ окре́стностяхъ; оні́ вороти́лись съ бога́тою добы́чею, успѣ́въ да́же разби́ть оди́нъ гре́ческій

отрядъ. Императоръ пригрозилъ смертію корабельнымъ начальникамъ, если они ещё разъ пропустятъ Русь, и тѣ умножили ещё болѣе свою бдительность. Собранные припасы истощились, а достать вновь не-было уже никакой возможноси. 20·іюня Русскіе рѣшились сдѣлать вылазку, подъ предводительствомъ Икмора, воина славнаго между ними своею храбростью. Напавъ стремительно, начали было они тѣснить Грековъ, какъ вдругъ одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, по имени Анемасъ, успѣлъ подскочить къ нему на рьяномъ конѣ своемъ, и нанёсъ столь сильный ударъ въ лѣвое плечо, что голова его вмѣстѣ съ правою рукою отлетѣла и покатилась на землю. Все поле огласилось громомъ, — Греки воскликнули, торжествуя побѣду; Русскіе, увидя паденіе Икмора, испустили отъ горести ужасный крикъ, смѣшанный съ воплемъ, не могли сражаться болѣе, и закинувъ щиты за-спину, оставили поспѣшно битву. Какъ скоро наступила ночь и полный мѣсяцъ явился на-небѣ, вышли они на-поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ, и сожгли на разложенныхъ кострахъ, заколовъ надъ ними множество плѣнниковъ и женщинъ. Принеся сію кровавую жертву, они погрузили въ Дунайскія струи нѣсколько младенцевъ и пѣтуховъ, и потомъ задушили. Осаждённые были доведены наконецъ до крайности. Святославъ созвалъ совѣтъ и спрашивалъ мнѣніе дружины, что должно дѣлать въ такихъ тѣсныхъ [10]) обстоятельствахъ. Одни говорили, что должно, выбравъ какую-нибудь темную ночь, тихо сѣсть на суда и спасаться бѣгствомъ. Другіе желали испытать мирныхъ переговоровъ съ Греками, ибо уплыть въ виду сторожевыхъ судовъ казалось невозможнымъ. „Сразимся въ послѣдній разъ,“ заключилъ Святославъ. На другой день, предъ захожденіемъ солнца, Русскіе вышли изъ города. Построившись плотной стѣною, неся предъ собою копья, двинулись они на непріятелей, которые ожидали ихъ также въ боевомъ порядкѣ.

Какъ лютые звѣри, напали они на Грековъ; кололи копьями, поражали стрѣлами и сбивали всадниковъ на землю. Святославъ былъ вездѣ впереди. Съ яростію бросался онъ на Грековъ и ободрялъ полки свои. Анемасъ, поразившій наканунѣ Икмара, осмѣлился напасть и на самого Святослава. Завидя его издали, онъ понёсся прямо къ нему, „ударилъ въ ключевую кисть и повергнулъ ницъ на землю.“ Только кольчужная броня и щитъ спасли его отъ смерти. Русскіе, увидѣвъ опасность своего князя, налетѣли со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь, другіе обратились къ дерзкому Греку.... конь его убитъ, и самъ онъ тотчасъ палъ, изъязвлённый копьями и стрѣлами. Русскіе, ободрённые его паденіемъ, начали напирать съ большимъ ожесточеніемъ, и Греки должны были удалиться. Насилу удержалъ ихъ самъ Цимискій, не уступавшій сопернику своему въ мужествѣ. Къ несчастію Руси поднялась ужасная буря съ вѣтромъ,

дувшимъ прямо въ лицо имъ; отъ пыли слипались у нихъ глаза. Страшная конница греческая явилась. Русь побѣгла. Самъ Святославъ, весь израненный и истекающій кровью, не остался бы живъ, если бъ наступившая темнота не развела сражавшихся.

Всю ночь стеналъ Святославъ о побіеніи своей храброй рати, скорбѣлъ, предавался гнѣву. Мало уже оставалось у него воевъ; множество погибло на полку. Онъ увидѣлъ, что Греки могутъ погубить его съ остальными и рѣшился.... — Святославъ рѣшился просить мира. Цимискій, съ своей стороны радъ былъ кончить войну, которая, не смотря на побѣды, стала ему дорога, а силы и время все ещё были ему нужны для другихъ дѣлъ не менѣе важныхъ. Онъ принялъ предложеніе Святослава, налагая на него обязательства: Не помышлять никогда на царство греческое, не собирать воевъ, не подсылать соглядатаевъ, не наводить другихъ враговъ ни на страну греческую, ни на страны, ей подвластныя, страну корсунскую и города ея, и страну болгарскую. Если другой какой непріятель явится противъ Грековъ, то князь русскій обязанъ помогать имъ.

Какъ ни тягостны были условія, но Святославъ долженъ былъ согласиться на все и объявить о томъ дружинѣ: „Насъ мало, а Русская земля далече, а Печенѣги съ нами ратны [11]), помочь намъ некому. Сотворимъ миръ съ царемъ, если же онъ не будетъ впередъ управлять дани, такъ мы, набравъ воевъ на Руси, придемъ опять подъ Царьгородъ.“ Люба была эта рѣчь дружинѣ, изнуренной битвами и трудами. Немедленно лѣпшіе [12]) мужи отправились въ станъ царя греческаго, и тамъ, отъ имени своего князя, обѣщались исполнить всѣ требованія царскія, которыя и были торжественно записаны.

„Если мы не исполнимъ сихъ условій, — князь и всѣ, иже [13]) съ нимъ и подъ нимъ, да будемъ прокляты отъ Бога, въ котораго вѣруемъ, и отъ Волоса, скотья [14]) бога, станемъ желты какъ золото и изсѣчемся собственнымъ своимъ оружіемъ.“ Такъ было сказано въ заключеніи договора. Императоръ велѣлъ отпустить хлѣба для русскихъ воиновъ, томившихся отъ голода, на каждаго по двѣ мѣры. Святославу хотѣлось ещё видѣть своего сильнаго врага, который остановилъ его на пути побѣдъ, заставилъ испытать много нужды и горя, и наконецъ уступить..... Императоръ Цимискій согласился, и въ позлащенныхъ доспѣхахъ пріѣхалъ на берегъ Дуная, сопровождаемый многочисленнымъ отрядомъ всадниковъ, въ блестящемъ вооруженіи. Святославъ приплылъ къ нему по рѣкѣ въ простой лодкѣ, гребя весломъ наравнѣ съ прочими гребцами. Греки описали намъ наружность своего страшнаго врага: росту онъ былъ средняго, собою строенъ, съ голубыми глазами, носомъ плоскимъ, бороду онъ брилъ, усы лежали на верхней губѣ длинными прядями. Голова у него была почти голая и только на одной сторонѣ висѣлъ пукъ волосъ,

означа́ющій благоро́дство. Ше́я то́лстая, пле́ча широ́кія. Въ одно́мъ у́хѣ висѣ́ла у него́ золота́я серьга́, укра́шенная двумя́ жемчу́жинами, съ руби́номъ по среди́нѣ. Оде́жда на немъ была́ бѣ́лая, и почти́ не отлича́лась отъ други́хъ, кро́мѣ чистоты́. Сидя́ на ла́вкѣ въ ладьѣ́, мра́чный и угрю́мый, говори́лъ онъ съ импера́торомъ. Свида́ніе продолжа́лось не до́лго и они́ разста́лись. Не ме́для, вы́далъ Святосла́въ Гре́камъ плѣ́нныхъ, очистилъ Дористо́лъ, и отпра́вился съ печа́лью въ се́рдцѣ на ро́дину, кото́рую хотѣ́лъ бы́ло оста́вить на всегда́ — и Ру́сское ца́рство на берега́хъ Дуна́я не основа́лось: зерно́ его́ понесло́сь наза́дъ, къ сѣ́веру, въ роди́мую по́чву.

Опытный Свѣне́льдъ совѣ́товалъ кня́зю возвраща́ться сухи́мъ путе́мъ. Святосла́въ не послу́шался, пусти́лся въ ладья́хъ по Днѣпру́, а Печенѣ́ги ожида́ли его́ уже́ у поро́говъ, предупрежде́нные Болга́рами или сами́ми Гре́ками объ его́ возвраще́ніи съ бога́тою добы́чею и ма́лою друж́иною. Святосла́ву нельзя́ бы́ло пробива́ться и онъ вороти́лся зимова́ть въ Бѣлбере́жьѣ, терпя́ съ свои́ми во́ями во всемъ вели́кую нужду́, такъ что голова́ коня́чья сто́ила у нихъ полфунта серебра́. Весно́ю пусти́лся онъ по Днѣпру́, нетерпѣли́вый [15]) скорѣ́е дости́гнуть Кі́ева, доплы́лъ благополу́чно до поро́говъ.... враго́въ нигдѣ́ не встрѣ́тилось, опа́сностей, ка́жется, нѣтъ никаки́хъ, ничего́ не слы́шно..... съ наде́ждой воше́лъ онъ въ поро́ги.... но Печенѣ́ги вско́рѣ его́ встрѣ́тили. Князь ихъ Ку́ра напа́лъ на малочи́сленную дружи́ну, разби́лъ её, и самъ Святосла́въ поги́бъ. Тамъ, въ поро́гахъ, гдѣ́ бы́стрый Днѣпръ могу́чей волно́ю бьетъ въ ка́менныя гря́ды Карпа́тскихъ горъ, прегражда́ющія ему́ путь, и пото́мъ низверга́ется съ нихъ въ глубо́кое своё русло́ шу́мными водопа́дами, тамъ, среди степе́й необозри́мыхъ по о́бѣ сто́роны рѣки́, сложи́лъ свою́ бу́йную го́лову, во цвѣ́тѣ лѣтъ, удало́й нашъ Святосла́въ, са́мый бра́нный изъ всѣхъ бра́нныхъ князе́й дре́вности, не понима́вшій, что тако́е опа́сность, не зна́вшій, что тако́е страхъ, приве́дшій въ тре́петъ всѣ́ окру́жныя зе́мли. Печенѣ́ги взя́ли его́ го́лову, окова́ли че́репъ и сдѣ́лали ча́шу, изъ кото́рой пи́ли по́слѣ, почитая́ хра́браго врага́. Вѣ́рные бо́яре и о́троки, оста́вшіеся въ живы́хъ по́слѣ гре́ческихъ пораже́ній, па́ли всѣ́ круго́мъ люби́маго вождя́. Оди́нъ ста́рый Свѣне́льдъ приш́елъ въ Кі́евъ съ немно́гими во́инами — извѣсти́ть ѐсиротѣ́лую Русь о несча́стной сме́рти ея́ сла́внаго князя, поги́бели всего́ во́йска и потѐрѣ завоѐванной Болга́ріи. *Погодинъ.*

[1]) вм. не нра́вится. [2]) всѣ бла́га. [3]) драгоцѣ́нныя ше́лковыя тка́ни. [4]) изъ Боге́міи, и Ве́нгріи. [5]) въ обыкнове́нной про́зѣ и въ разгово́рѣ: похорони́. [6]) вм притекла́ къ на́шей землѣ́; карти́нно, вм. пришла́ въ на́шу зе́млю. [7]) Ц. сл. вм. ру́сскіе [8]) Ру́сская, позна́вшая Бо́га. [9]) и уже́ едва́ не доше́лъ. [10]) вм. затрудни́тельныхъ. [11]) т. е. въ войнѣ́. [12]) Ц. сл. знатнѣ́йшіе. [13]) Ц. сл кото́рые. [14]) т. е. ско́тьяго. [15]) т. е. по́лный нетерпѣ́нія, сгара́я нетерпѣ́ніемъ.

18. Житіе преподобнаго Θеодосія Печерскаго.

Вся жизнь Θеодо́сія дѣлится на́ двѣ полови́ны, изъ кото́рыхъ въ пе́рвой онъ бо́рется съ ру́сскимъ семе́йнымъ нача́ломъ; въ друго́й, побѣди́въ его́, учрежда́етъ вы́сшую семью́ духо́вную на нача́лѣ любви́ боже́ственной, и отсю́да дѣ́йствуетъ уже́ на бра́тію, на вла́сти, на наро́дъ.

Недалеко́ отъ Кі́ева, въ городкѣ́ Васи́льевѣ, роди́лся Θеодо́сій отъ роди́телей благочести́выхъ, кото́рые ско́ро переселі́лись въ Курскъ. Здѣ́сь провёлъ онъ свое о́трочество. Це́рковь Бо́жія была́ пе́рвымъ его́ учи́лищемъ. Здѣ́сь боже́ственная слу́жба и чте́ніе св. книгъ ра́но пробуди́ли въ о́трокѣ духо́вное призва́ніе. Онъ чужда́лся игръ дѣ́тскихъ, не люби́лъ цвѣтна́го пла́тья, предпочита́лъ убо́гое. Ско́ро навы́къ онъ гра́мотѣ у одного́ изъ городски́хъ учителе́й. Трина́дцати лиши́лся отца́. По́слѣ э́той поте́ри сталъ приле́жнѣе выходи́ть на рабо́ту вмѣ́стѣ съ свои́ми раба́ми: мать ви́дѣла въ томъ униже́ніе ро́да; она́ одѣва́ла его́ въ оде́жду свѣ́тлую, гнала́ на и́гры съ све́рстниками; ма́льчикъ терпѣ́лъ побо́и отъ раздраже́нной ма́тери, кото́рая была́ тѣ́ломъ крѣпка́ и сильна́ какъ мужчи́на. Слы́шалъ онъ объ мѣста́хъ святы́хъ, гдѣ Госпо́дь походи́лъ свое́ю пло́тію, и жела́лъ туда́. Моли́тва его́ была́ услы́шана. Стра́нники проходи́ли черезъ Курскъ въ Іерусали́мъ. Θеодо́сій узна́лъ о томъ и проси́лъ ихъ взять его́ съ собо́ю. Получи́въ ихъ согла́сіе, но́чью убѣжа́лъ онъ тайко́мъ изъ до́му ма́тери и отпра́вился съ ни́ми; но она́ догнала́ его́. Ужа́сныя муче́нія вы́терпѣлъ бѣгле́цъ. Желѣ́за скова́ли ему́ но́ги. Мать все боя́лась, чтобы сынъ опя́ть не бѣжа́лъ отъ нея́. Въ страда́ніяхъ ему́ утѣше́ніемъ была́ це́рковь. Желая чѣмъ-нибудь послужи́ть ей и зна́я, что наро́дъ иногда́ лиша́ется литургі́и по недоста́тку просви́ръ, Θеодо́сій посвяти́лъ себя́ пече́нью церко́вныхъ хлѣ́бовъ. Това́рищи смѣя́лись надъ его́ заня́тіемъ. Мать, оскорблённая этими насмѣ́шками, съ любо́вью возобнови́ла упре́ки сы́ну своему́, что онъ занима́ется сли́шкомъ ни́зкимъ дѣ́ломъ. Θеодо́сій отвѣча́лъ: Госпо́дь, на та́йной ве́чери, претвори́лъ хлѣ́бъ въ тѣ́ло свое̑ и раздава́лъ его́ ученика́мъ свои́мъ. Какъ же мнѣ не ра́доваться, что Онъ сподо́билъ меня́ гото́вить хлѣ́бъ для пло́ти Его́? — Но мать не прекраща́ла свои́хъ гоне́ній. Тще́тно ю́ноша убѣжа́лъ отъ нея́ въ сосѣ́дній го́родъ, въ домъ къ одному́ пресви́теру: она́ не могла́ жить безъ сы́на, насти́гла его́ и тамъ; но чѣмъ бо́лѣе страда́лъ Θеодо́сій, тѣмъ сильнѣ́е разгара́лась въ немъ любо́вь къ духо́вной жи́зни.

Онъ заказа́лъ кузнецу́ желѣ́зныя вери́ги и опоя́сался и́ми. Желѣ́зо вгрыза́лось въ его́ ю́ное тѣ́ло. Въ пра́здничный день власте-ли́нъ го́рода дава́лъ пиръ вельмо́жамъ: ве́лѣно бы́ло о́троку Θеодо́сію яви́ться въ свѣ́тлой оде́ждѣ, чтобы служи́ть при э́томъ пи́рѣ. Тако́въ

былъ обычай времени. Мать, наряжая сына, увидѣла кровь на его сорочкѣ. Съ ужасомъ усмотрѣла она вериги на его тѣлѣ, растерзала одежду его и сбросила ихъ.

Однажды юноша, внимая чтенію евангелія, услышалъ слова: *аще* [1]) *кто не оставитъ отца и матерь, и въ слѣдъ Мене не идетъ, нѣсть* [2]) *Мене достоинъ.* Эти слова, какъ громомъ, поразили Θеодосія. Съ тѣхъ поръ неотступно преслѣдовала его мысль: покинуть домъ матери и идти въ монастырь. Воспользовавшись однажды ея отсутствіемъ, онъ рѣшился на подвигъ: кромѣ одежды и хлѣба онъ ничего не взялъ съ собою и пошёлъ въ Кіевъ. Не зная дороги, въ слѣдъ за купеческимъ обозомъ, медленно ѣхавшимъ туда, Θеодосій добрался до города. Много монастырей обошёлъ онъ, но нигдѣ его не приняли: худыя ризы кроткаго отрока были тому причиною. Видно, требовали монастыри уже богатства, а не той духовной силы, которую съ собой приносилъ Θеодосій. Вотъ слышитъ онъ о блаженномъ Антоніи, живущемъ въ пещерѣ, и устремляется къ нему. Со слезами палъ онъ къ ногамъ пустынника и просилъ принять его. Антоній прозрѣлъ духовными очами призваніе юноши, и искушая его рѣшимость, сказалъ: „Чадо, ты видишь пещеру мою: она скорбная, мѣсто моё тѣсное. Ты молодъ: не вытерпишь.“ — Рѣшеніе Θеодосія было твердо. Антоній благословилъ его. Никонъ постригъ.

Начались иноческіе подвиги Θеодосія. Но ему предстояло новое, сильнѣйшее искушеніе. Борьба съ семейнымъ началомъ для него ещё не окончилась. Мать, лишившись сына, была въ отчаяніи. Тщетно искала она его сама по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ; тщетно наказывала народу искать его и обѣщала плату тому, кто его приведётъ. Прошло четыре года. Но вотъ, отъ путниковъ изъ Кіева узнаётъ она, что сынъ ея тамъ. Не медля, отправилась туда; обошла всѣ монастыри и наконецъ узнала, что сынъ ея въ пещерѣ Антонія. Она идётъ къ пустыннику. Тронутый заботами матери, старецъ успокоилъ её, сказавъ, что сынъ ея живъ и здѣсь. Тогда началась послѣдняя, рѣшительная борьба между сыномъ и матерью: она хочетъ его видѣть; но Θеодосій, отдавшій себя Богу, не принимаетъ матери.

Никакія моленія его не трогаютъ; увѣщанія самого Антонія безсильны. Тогда мать отъ просьбъ переходитъ къ гнѣву: она грозитъ старцу, что погубитъ себя передъ его пещерою, если онъ не покажетъ ей сына. Антоній, въ скорби и страхѣ, входитъ въ пещеру и молитъ Θеодосія выйти къ матери. Не смѣя ослушаться старца, онъ вышелъ къ ней. Тогда мать увидѣла изможденнаго сына: лицо его измѣнилось отъ многаго труда и воздержанія. Любовь матери вспыхнула ещё сильнѣе при этомъ видѣ; тутъ уже не было мѣста гнѣву: она бросилась къ нему на шею и долго, долго обливала

его́ го́рькими слеза́ми. Наста́ла мину́та после́дней борьбы́; начали́сь увѣща́нія ма́тери: „Возврати́сь въ домъ свой, мое́ дѣтище! Все, что тебѣ́ потре́бно для спасе́нія души́ твое́й, ты бу́дешь дѣлать въ до́мѣ по во́лѣ свое́й: то́лько не отлуча́йся отъ меня́. Когда́ умру́, ты погребёшь тѣло мое́, и тогда́ возврати́шься въ э́ту пеще́ру, какъ хо́чешь. Не смогу́ жить и не ви́дѣть тебя́!" — Но напра́сны бы́ли слова́ ма́тери. Θеодо́сій предложи́лъ ей постри́чься въ одно́мъ изъ ближнихъ же́нскихъ монастыре́й, е́сли хо́четъ вида́ться съ нимъ; е́сли же она́ не согласи́тся, то никогда́ не увидитъ лица́ его́. По́слѣ до́лгой борьбы́ чу́вство ма́тери побѣди́ло: она́, не бу́дучи въ си́лахъ разста́ться на-всегда́ съ сы́номъ, уступи́ла его́ жела́нію и постри́глась въ же́нскомъ монастырѣ́ Св. Никола́я. Всѣ́ э́ти подро́бности о жи́зни Θеодо́сія, отъ са́мой его́ ю́ности до прихо́да ма́тери къ нему́ въ пеще́ру, Не́сторъ [3]) слы́шалъ отъ ке́ларя [4]) Θео́дора, бы́вшаго при само́мъ Θеодо́сіи, а Θео́доръ при́нялъ ихъ отъ само́й его́ ма́тери.

Такъ Θеодо́сій, побѣди́въ духо́вною си́лой семью́ земну́ю, былъ ужъ гото́въ на соверше́ніе другаго по́двига, на устрое́ніе семьи́ духо́вной. А между тѣмъ она́ умножа́лась. Игу́менствовалъ Ни́конъ. Со всѣхъ концо́въ Росс́іи стека́лась бра́тія, изо всѣхъ сосло́вій. Изъ боя́ръ отъ кня́жескаго до́ма привлека́ла духо́вная си́ла трехъ муже́й: Анто́нія, Ни́кона, Θеодо́сія, сія́вшихъ изъ те́мной пеще́ры на всю окре́стную страну́. Сынъ знамени́таго вельмо́жи, Ива́нъ, пріѣ́халъ одна́жды къ ста́рцу въ оде́ждѣ свѣ́тлой, на бога́томъ конѣ́, окруже́нный о́троками. Снялъ онъ съ себя́ боя́рскую оде́жду, положи́лъ пе́редъ ста́рцемъ, отпусти́лъ коня́ и проси́лъ о постриже́ніи. — Анто́ній напомина́лъ ему́ о си́лѣ обѣ́та, о вла́сти отца́, о гнѣ́вѣ Кня́зя. Юноша не поколеба́лся. Ни́конъ постри́гъ его́ и наре́къ Варлаа́момъ. Въ слѣдъ за нимъ, дворцо́вый е́внухъ, люби́мый кня́земъ, при́нялъ та́кже постриже́ніе и нарече́нъ Ефре́момъ. Разсе́рдился Изясла́въ на то, что пеще́ра отнима́етъ у дворца́ его́ во́иновъ и слугъ. Раздраже́нный, призыва́етъ отъ къ себѣ́ Ни́кона и спра́шиваетъ: ты ли постри́гъ ихъ безъ моего́ повелѣ́нія? Ни́конъ отвѣча́лъ: Благода́тію Бо́жіею я постри́гъ ихъ, повелѣ́ніемъ Царя́ Небе́снаго, Іису́са Христа́, призыва́вшаго ихъ на тако́й по́двигъ. Князь сказа́лъ: поди́, убѣжда́й ихъ, чтобы они́ возврати́лись наза́дъ: не то я *поточу* [5]) тебя́ и всѣхъ, кто съ тобо́ю, и пеще́ру ва́шу велю́ раскопа́ть. Ни́конъ отвѣча́лъ Изясла́ву: Влады́ко, какъ уго́дно тебѣ́, такъ и твори́, а я не могу́ отнима́ть во́иновъ у Царя́ Небе́снаго. — Кро́ткая жена́ Изясла́ва смягчи́ла гнѣвъ своего́ му́жа. Такъ изъ мра́ка пеще́ры росла́ духо́вная си́ла. Собрало́сь пятьдеся́тъ человѣ́къ бра́тіи. Мно́гіе изъ нихъ отъѣзжа́ли въ Константино́поль, или въ друѓія мѣста́ на югъ. Ни́конъ посели́лся въ Тмутарака́ни. Ему́ наслѣ́довалъ на игу́менствѣ́ Варлаа́мъ, а когда́ онъ, по повелѣ́нію Князя Изясла́ва, переше́лъ

въ монастырь Св. Димитрія, — тогда вся братія избрала въ настоятели единогласно Θеодосія, снискавшаго всеобщую любовь подвигами смиренія и непрерывнаго труда, — и Антоній благословилъ избраніе.....

Θеодосій съ любовію принималъ всѣхъ безъ разбора, кто бы ни приходилъ къ нему. Ревностно заботился онъ о строгомъ исполненіи правилъ. Самъ ходилъ по келліямъ иноковъ: заставая брата въ молитвѣ, присоединялъ къ ней свою; заставая бесѣду, непозволенную уставомъ, стукомъ въ дверь напоминалъ правило. Одинъ братъ часто отбѣгалъ отъ монастыря и опять возвращался: Θеодосій дѣйствовалъ на него одною молитвою. Пищу, находимую въ келліи, бросалъ въ огонь. Наказанія его были чисто духовныя. Вся дѣятельность его въ монастырѣ представляла хозяина трудолюбиваго, который самъ съ любовію служилъ братіи, находившейся подъ его началомъ, пекъ хлѣбы, носилъ воду, кололъ дрова. На всякое дѣло шелъ самъ прежде всѣхъ. Въ церковь являлся первый, послѣдній выходилъ изъ нея. Носилъ ветхую одежду, надъ которою насмѣхались многіе. — Книжное ученіе подъ его надзоромъ процвѣтало въ обители. Инокъ Иларіонъ день и ночь переписывалъ книги въ его келліи. Никонъ исправлялъ должность переплётчика, а Θеодосій самъ не пренебрегалъ и тѣмъ занятіемъ, что плелъ верёвки для переплета книгъ, сопровождая каждое дѣло своё чтеніемъ псалтири наизусть.

Въ уединеніи своей обители, Θеодосій воспиталъ такую духовную силу, которая въ скоромъ времени благодѣтельно подѣйствовала на свѣтскую власть и народъ. Замѣчательны отношенія кіево-печерскаго монастыря къ великимъ князьямъ кіевскимъ. Всегда убѣгая вражды, соблюдая покорность, настоятель ограничивалъ вліяніе своё любовью, примѣромъ и словомъ поучительнымъ. Однажды Изяславъ пришелъ въ монастырь, въ часъ полуденнаго отдыха братіи, когда Θеодосій запрещалъ впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушался покой иноковъ, готовившихся къ всенощному бдѣнію. Привратникъ, узнавъ князя, не смѣлъ впустить его, не доложивъ о томъ прежде Θеодосію, который принялъ его въ церкви и занималъ своею бесѣдою. Изяславу нравилась особенно сладость монастырскихъ брашенъ [6]: онъ спрашивалъ о томъ Θеодосія, отъ чего же у него нѣтъ такихъ сладкихъ яствъ, хотя они и цѣннѣе? — „Отъ того, отвѣчалъ Θеодосій, что здѣсь братія всё готовитъ съ молитвою и благословеніемъ, а твои рабы ссорятся, клянутъ другъ друга, и получаютъ побои отъ приставниковъ, когда снаряжаютъ тебѣ трапезу.“ [7]

Святославъ и Всеволодъ изгнали законнаго князя и старшаго брата своего, Изяслава, изъ Кіева. Водворившись въ городѣ, они зовутъ Θеодосія на пиръ, зная, что соучастіе такого человѣка при-

влечётъ на ихъ сторону народъ. Θеодосій отвѣчаетъ посланному, что онъ не пойдётъ на трапезу Іезавелину и не причастится брашна, исполненнаго крови и убійства, Когда Святославъ, изгнавши брата изо всей области, сѣлъ на престолѣ кіевскомъ, — Θеодосій не переставалъ обличать его въ незаконномъ поступкѣ, писалъ къ нему письма, наказывалъ ему о томъ же черезъ вельможъ и наконецъ отправилъ къ нему обширное посланіе, въ которомъ сравнивалъ его съ Каиномъ и приводилъ примѣры всѣхъ братоненавистниковъ. Святославъ, съ гнѣвомъ бросивъ грамоту на-полъ, угрожалъ Θеодосію заточеніемъ: Θеодосій тому радовался и только усиливалъ свои обличенія. Святославъ умолкъ, чувствуя безсиліе своё чѣмъ-нибудь обидѣть праведника. Θеодосій, видя смиреніе князя и уступая просьбамъ братіи, пересталъ обличать, но хотѣлъ дѣйствовать мольбою. Святославъ просилъ позволенія у Θеодосія прійти къ нему въ монастырь. Принявъ князя въ церкви, послѣ обычной молитвы, игуменъ не переставалъ убѣждать его о мирѣ съ братомъ, о возвращеніи ему престола. Съ тѣхъ поръ нерѣдки были ихъ свиданія. Θеодосій хаживалъ во дворецъ княжескій. Однажды пришёлъ онъ къ Святославу во время игрища: пѣсни и музыка оглашали домъ его. Θеодосій сѣлъ подаль, поникъ очами долу и потомъ, взглянувъ на князя сказалъ: будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ? Прослезился Святославъ и велѣлъ прекратить игрище. Потомъ уже всегда умолкали игры въ палатахъ князя, если кто-нибудь изъ приближенныхъ возвѣщалъ приходъ Θеодосія. Когда Святославъ выражалъ ему любовь свою и радость о его приходѣ, Θеодосій всегда пользовался изліяніями любви княжеской, чтобы напомнить ему о примиреніи съ братомъ, о возвращеніи ему кіевскаго престола. Между тѣмъ молитвы объ изгнанномъ Изяславѣ не умолкали въ Печерской обители. На ектеніяхъ[8]) сначала поминалось одно его имя. Когда Святославъ, своею любовью къ книжному ученью, своимъ прилежаніемъ къ церкви, привлекъ на свою сторону братію монастыря, — она упросила Θеодосія присоединить къ молитвамъ церковнымъ имя Святославово, но не менѣе того оно возглашалось не иначе, какъ послѣ имени законнаго стольнаго князя кіевскаго.

Θеодосій питалъ глубокую любовь къ народу, который своимъ сочувствіемъ святому мужу придавалъ ему много силы. Ветхая одежда игумена, возбуждавшая насмѣшки многихъ, конечно, нравилась народу вообще. Близъ обители былъ устроенъ дворъ для нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ увѣчныхъ. Всѣ потребности ихъ исполнялись, и монастырь отдавалъ имъ десятую часть со всякаго дохода. Скорбныхъ страдальцевъ Θеодосій утѣшалъ молитвами и слезами. Всякую субботу возъ хлѣбовъ изъ обители отправляли въ темницы. Однажды привели къ настоятелю разбойниковъ, пой-

манныхъ въ кра́жѣ на одно́мъ монасты́рскомъ селѣ́. Ви́дя на нихъ око́вы, ви́дя скорбь ихъ, Өеодо́сій прослези́лся, велѣ́лъ ихъ разрѣши́ть отъ узъ, далъ имъ ѣсть и пить, предложи́лъ поуче́ніе и отпусти́лъ ихъ съ ми́ромъ. Разбо́йники испра́вились.

Слѣ́дующее собы́тіе ещё бо́лѣе дока́жетъ любо́вь Өеодо́сія къ наро́ду. Одна́жды, пробы́въ дово́льно до́лгое вре́мя у Изясла́ва, но́чью, по́здно онъ до́лженъ былъ возврати́ться въ обитель, и вели́кій князь повелѣ́лъ довезти́ его́ на возу́. Провожа́тый, заключа́я по оде́ждѣ, что э́то до́лженъ быть како́й-нибудь изъ убо́гихъ черноризцевъ, сказа́лъ ему́: „ты цѣ́лый день провёлъ въ пра́здности, а я труди́лся: не могу́ ѣ́хать на конѣ́; дай мнѣ лечь на возу́, а самъ сади́сь на коня́." Блаже́нный то́тчасъ же смире́нно слѣзъ съ во́за, уступи́лъ на нёмъ мѣ́сто вожа́тому, а самъ сѣлъ на коня́ и такъ провёлъ всю ночь. Когда́ дремо́та одолѣва́ла его́, онъ шёлъ пѣшко́мъ во́злѣ коня́ до тѣхъ поръ, пока́ не утомля́лся; тогда́ сади́лся на него́ сно́ва. Занима́лась заря́. Встрѣча́лись блаже́нному вельмо́жи и, сходя́ съ коне́й, кла́нялись ему́ почти́тельно. Просну́вшійся вожа́тай, замѣ́тивъ э́то, испуга́лся; но испу́гъ его́ преврати́лся въ у́жасъ, когда́ вся бра́тія вы́шла на встрѣ́чу къ своему́ игу́мену и поклони́лась ему́ до земли́. Өеодо́сій взялъ за́-руку вожа́тая, ввёлъ его́ въ тра́пезу, накорми́лъ и напои́лъ, одари́лъ де́ньгами и отпусти́лъ въ князю. Самъ пово́зникъ разска́зывалъ по́слѣ объ э́томъ собы́тіи.

Отъ Өеодо́сія оста́лось намъ [9]) нѣ́сколько сочине́ній, кото́рыя не приведены́ ещё въ стро́гую извѣ́стность. Нельзя́ не пожалѣ́ть, что обличи́тельное посла́ніе къ Слятосла́ву, упомина́емое въ житіи́, не дошло́ до насъ ни въ одно́мъ спи́скѣ. Игу́менъ наставля́лъ Изясла́ва въ разли́чіяхъ, каки́я отдѣля́ютъ на́ше испове́даніе отъ лати́нскаго: отвѣ́тъ Өеодо́сія вели́кому князю Изясла́ву на вопро́съ о варя́жской вѣ́рѣ встрѣча́ется иногда́ при рукописныхъ пече́рскихъ патерика́хъ. Есть при́знаки, что Өеодо́сію мо́жетъ быть припи́сано сло́во о креще́ніи св. Влади́міра, вста́вленное Не́сторомъ въ лѣ́топись. Не́сторъ свидѣ́тельствуетъ, что онъ нерѣ́дко поуча́лъ бра́тію, князе́й, боя́ръ и наро́дъ. Въ са́момъ житіи́ приво́дитъ онъ два поуче́нія: о покая́ніи и противъ стяжа́нія. Тре́тье: о ка́зняхъ Бо́жіихъ, встрѣча́ется въ дре́вле-пи́сьменныхъ про́логахъ. Поуче́нія во дни вели́каго поста́ на́йдены Восто́ковымъ въ одно́мъ дре́внемъ сбо́рникѣ. Всѣ они́ отлича́ются простото́ю, смире́ніемъ и любо́вію: черты́ жи́зни самого́ пропове́дника ви́дны и въ слова́хъ его́. „Взы́щемъ рыда́ніемъ, слеза́ми, поще́ніемъ, бдѣ́ніемъ, покоре́ніемъ же и послуша́ніемъ," говори́тъ Өеодо́сій. — Замѣча́тельны осо́бенно тѣ слова́, кото́рыя обращены́ къ бра́тіи и наро́ду о воздержа́ніи и противъ пья́нства. — Өеодо́сій ви́дѣлъ наро́дный поро́къ, противодѣ́йствовалъ ему́ съ любо́вію и вызыва́лъ на него́ си́лу вѣ́ры. Въ одно́мъ

изъ э́тихъ словъ онъ возстаётъ противъ тропа́рныхъ чашъ, т. е. проти́въ обы́чая пить ча́ши во вре́мя тропаре́й [10]), кото́рые пѣ́лись за пи́ромъ. Три ча́ши позволя́етъ онъ употребля́ть за обѣ́домъ: одну́ въ нача́лѣ, во сла́ву Іису́са Христа́; другу́ю въ концѣ́, во сла́ву Богома́тери, и тре́тью за здра́віе госуда́ря, — а бо́лѣе не вели́тъ. Если кто упои́тъ друга́го за любо́вь, или святы́ми заклина́я, да пости́тся семь дней; е́сли же до вре́дной кра́йности, то 40 дней на хлѣ́бѣ и на водѣ́. Осо́бенной любви́ къ наро́ду испо́лнено друго́е сло́во о пья́нствѣ, мо́жетъ быть та́кже принадлежа́щее Θеодо́сію и обраще́нное ко вся́кому христіа́нину. „Самъ Госпо́дь сказа́лъ, говори́тъ пропо́вѣдникъ: пья́ницы ца́рства небе́снаго не наслѣ́дятъ. Въ пе́рвыхъ рода́хъ проя́влено бы́ло отъ Бо́га: вели́кіе му́жи, уго́дники Бо́жіи поги́бли пья́нствомъ [11]); цари́ царствъ лиши́лися; святи́тели святи́тельство погуби́ли; хра́брые мечу́ въ снѣдь доста́лись; си́льные си́лу испо́ртили; бога́тые въ нищету́ впа́ли; многолѣ́тніе ско́ро у́мерли. Въ ны́нѣшнемъ роду́ князья́ бо́лѣе тридцати́ лѣтъ не про́жили и отошли́ отъ сего́ свѣ́та. Пья́нство умъ погубля́етъ, прибы́токъ теря́етъ, вражду́ содѣлова́етъ, кня́зю зе́млю пу́сту твори́тъ, людей́ до ра́бства дово́дитъ, люде́й съ людьми́ ссоритъ; пья́нство же́нъ отъ муже́й отлуча́етъ, дѣ́ло гу́битъ, рабо́тѣ предаётъ, а въ це́рковь не пу́ститъ, пости́ться не даётъ, моли́твы непріятными твори́тъ; пья́нство предаётъ болѣ́знямъ, гу́битъ красоту́, человѣ́ка явля́етъ утружде́ннымъ, ослабля́етъ зракъ оче́й, нога́мъ болѣ́знь твори́тъ, умъ отлуча́етъ, отъ Бо́га го́нитъ и сме́рти предаётъ, въ огнь негаси́мый посыла́етъ...“ Пропо́вѣдникъ заключи́лъ си́льнымъ и живы́мъ изрече́ніемъ одного́ свята́го му́жа, кото́рое до́лго у насъ жи́ло въ наро́дѣ и противодѣ́йствовало ги́бельному поро́ку: „Егда́ ся́деши [12]), пе́рвую ча́шу испіе́ши здоро́вію [13]), вторую весе́лію, тре́тію сы́тости, четвёртую безу́мію, пя́тую бѣ́сова́нію, шесту́ю горцѣ́й сме́рти [14]), седьму́ю же — не бу́детъ конца́ муче́нію.“

Предчу́вствуя свою́ кончи́ну, Θеодо́сій созва́лъ всю бра́тію и спроси́лъ: кого́ хотя́тъ игу́меномъ по́слѣ его́ сме́рти? — Иноки назна́чили Стефа́на. Жела́ніе ихъ бы́ло испо́лнено. Тро́гательно простя́сь со всѣ́ми и запо́вѣдавъ имъ любо́вь, онъ сконча́лся въ 1074 г. При Θеодо́сіи ли, за́-годъ до его́ кончи́ны, или́ вѣ́рнѣе при игу́менѣ Стефа́нѣ, пришёлъ въ кіевопече́рскую оби́тель стра́нникъ, жела́вшій постриже́нія. Онъ-то, по у́стнымъ преда́ніямъ дре́внихъ отце́въ монастыря́, написа́лъ все то, что пере́дано здѣ́сь въ сокраще́ніи. Этотъ и́нокъ былъ лѣто́писецъ Не́сторъ.

Шевырёвъ.

[1]) е́сли. [2]) не есть. [3]) Пе́рвый ру́сскій лѣтопи́сецъ, мона́хъ того́-же са́маго монастыря́. [4]) Монасты́рская до́лжность, въ ро́дѣ эконо́ма. [5]) сошлю́ въ изгна́ніе. [6]) Ц. сл. ку́шанье. [7]) греч. столъ, обѣ́дъ. [8]) Ектеніе́ю называ́ется въ богослуже́ніи, утсано́вленномъ правосла́вною Це́рковью, рядъ кра́ткихъ проси́тельныхъ провозглаше́ній, кото́рыя

дѣлаются священникомъ или діакономъ и вслѣдъ за которыми клиръ. т. е. молящіеся или вмѣсто нихъ одни пѣвчіе, обращаются къ Богу съ словами: Господи помилуй! или: подай Господи! [9]) вѣрнѣе: у насъ. [10]) церковный стихъ. [11]) вѣрнѣе: отъ пьянства. [12]) Ц. сл. вм. когда сядешь. [13]) т. е. выпьёшь за здравіе, на здоровье. [14]) т. е. на горькую смерть.

---

19. Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ Святой.

Въ 975 году, сынъ Свѣнельда Лютъ вышелъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту; тутъ увидалъ его Олегъ, Князь Древлянскій, и спросилъ у своихъ: „кто это такой?“ Ему отвѣчали: „сынъ Свѣнельда“; тогда Олегъ напалъ и убилъ Свѣнельдича за то, что тотъ охотился вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ лѣсу. Отсюда пошла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ, желая отмстить за сына, не переставалъ подговаривать Ярополка: „пойди на брата и отними у него владѣніе!“ На третій годъ Ярополкъ пошёлъ на брата своего Олега, въ Древлянскую землю; Олегъ вышелъ къ нему навстрѣчу, и стали сражаться; Князь кіевскій побѣдилъ древлянскаго. Когда Олегъ съ воинами своими бѣжалъ въ городъ, именемъ Овручь, то на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, столпилося множество бѣглецовъ, и въ тѣснотѣ воины спихивали другъ друга въ ровъ, въ томъ числѣ спихнули и самого Олега; за нимъ попадали [1]) ещё много воиновъ, даже на лошадяхъ, и лошади передавили людей. Между тѣмъ Ярополкъ пошёлъ въ городъ Олеговъ, захватилъ тамъ всю власть, и послалъ искать своего брата; искали, искали, и не нашли; тогда одинъ Древлянинъ сказалъ: „Я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста.“ Услыхавъ объ этомъ, Ярополкъ послалъ искать брата во рву: съ утра до полудня вытаскивали трупы изо рва; наконецъ нашли Олега на самомъ исподу, внесли во дворецъ княжескій и положили на коврѣ. Пришёлъ Ярополкъ, и началъ надъ нимъ плакать; онъ говорилъ Свѣнельду: „полюбуйся-ка, вотъ чего тебѣ хотѣлось!“ Олега погребли у города Овруча; могила и теперь тамъ. Тогда Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ за-море, а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ и владѣлъ одинъ на Руси.

Въ 980 году пришёлъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ и сказалъ Ярополковымъ посадникамъ: ступайте къ брату моему и скажите ему: „Владиміръ идётъ на тебя; пристраивайся [2]) противъ него биться.“ Послѣ этого онъ сѣлъ въ Новгородѣ, и послалъ въ Полоцкъ, къ тамошнему князю Рогвольду, свататься на его дочери Рогнѣдѣ. Рогвольдъ спросилъ у дочери: „хочешь ли выйти за Владиміра?“ Она отвѣчала: „нѣтъ, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, Великаго Князя Кіевскаго [3]).“ Послы Владиміра, возвратясь, пересказали ему всю рѣчь Рогнѣдину; тогда Владиміръ, собравъ большое войско, Варяговъ и Славянъ, Чудь и

Кривичéй, пошёлъ на Рогвóльда. Въ то сáмое врéмя, какъ хотѣли ужé вести́ Рогнѣ́ду за Ярополка, пришёлъ Влади́міръ въ Пóлоцкъ, уби́лъ Рогвóльда, трои́хъ сыновéй егó, а дочь взялъ за себя́, и пошёлъ на Ярополка.

Когдá Влади́міръ пришёлъ къ Кіеву со мнóжествомъ вóйска, то Ярополкъ не могъ противостáть ему́ и затвори́лся въ гóродѣ съ людьми́ свои́ми и съ воевóдою Блу́домъ. Къ э́тому Блу́ду Влади́міръ прислáлъ съ таки́ми рѣчáми: „склони́сь на мою́ стóрону; éсли мнѣ удáстся уби́ть брáта, то ты бу́дешь мнѣ вмѣ́сто отцá и полу́чишь отъ меня́ большу́ю честь; вѣдь не я нáчалъ убивáть брáтьевъ, а онъ; я-же пришёлъ на негó изъ стрáха, чтобы онъ и меня́ не уби́лъ.“ Блудъ отвѣчáлъ послáмъ Влади́міровымъ, что бу́детъ помогáть ихъ кня́зю; и тóчно, безпрестáнно ссылáлся съ нимъ, убѣждáя приступáть къ гóроду, а Ярополка обмáнывалъ, мы́сля уби́ть егó; но по причи́нѣ грáжданъ [4]) нельзя́ бы́ло соверши́ть убíйства. Тогдá Блудъ замы́слилъ погуби́ть Ярополка ковáрствомъ и нáчалъ отсовѣ́тывать ему́ выходи́ть изъ гóрода на би́тву, говоря́: „бѣги́ скорѣ́е изъ Кіева: Кіевля́не пересылáются [5]) съ Влади́міромъ, убѣждáютъ егó приступáть къ гóроду, обѣщáясь предáть тебя́ ему́.“ Ярополкъ послу́шался, вы́бѣжалъ изъ Кіева и затвори́лся въ гóродѣ Рóднѣ, а Влади́міръ вошлъ въ Кіевъ и осади́лъ Ярополка въ Рóднѣ, гдѣ скóро сдѣ́лался стрáшный гóлодъ; есть послóвица и тепéрь: „бѣдá, тóчно въ Рóднѣ.“ Въ таки́хъ обстоя́тельствахъ Блудъ нáчалъ говори́ть Ярополку: „ви́дишь, скóлько вóйска у твоегó брáта; намъ егó не переси́лить; заключáй скорѣ́е миръ;“ все э́то онъ говори́лъ, обмáнывая кня́зя. Ярополкъ отвѣчáлъ: „хорошó“. Тогдá Блудъ послáлъ къ Влади́міру съ таки́ми рѣчáми: „мысль твоя́ сбылáсь; я приведу́ къ тебѣ́ Ярополка, а ты распоряди́сь, какъ бы уби́ть егó.“ Получи́въ э́то извѣ́стіе, Влади́міръ пошёлъ на отцóвскій терéмный дворъ [6]), и сѣлъ тамъ съ дружи́ною, а Блудъ между тѣмъ говори́лъ Ярополку: „ступáй къ брáту и скажи́ ему́: что мнѣ дашь, тѣмъ и бу́ду довóленъ.“ Ярополкъ пошёлъ, хотя́ вѣ́рный слугá егó, Варя́жко, говори́лъ ему́: „не ходи́, князь, убью́тъ тебя́; бѣги́ лу́чше къ Печенѣ́гамъ и приведи́ оттýда вóйско;“ но князь не послу́шался. Когдá Ярополкъ пришёлъ ко Влади́міру, и сталъ входи́ть въ двéри, то два Варя́га пронзи́ли егó мечáми подъ пáзуху, а Блудъ между тѣмъ захлóпнулъ за нимъ двéри и нé далъ Ярополковой дружи́нѣ войти́ за свои́мъ кня́земъ; такъ былъ уби́тъ Ярополкъ.

Послѣ́ э́того Варя́ги сказáли Влади́міру: „гóродъ-то нашъ, вѣдь мы егó взя́ли, и потому́ хоти́мъ брать óкупъ на граждáнахъ [7]), пó двѣ гри́вны съ человѣ́ка. Влади́міръ отвѣчáлъ имъ: „подожди́те немнóго, покá сберу́тъ дéньги за мѣ́сяцъ.“ Варя́ги ждáли, ждáли, и ничегó имъ нé-дали; тогдá они́ сказáли Влади́міру: „обману́лъ ты

насъ; позвóль намъ по крáйней мѣрѣ идтú въ Грéцію.“ Владúміръ отвѣчáлъ имъ: „ступáйте“. Потóмъ вы́бралъ изъ нихъ мужéй дó-брыхъ, смышлéнныхъ и хрáбрыхъ и рóздалъ имъ городá въ управлé-ніе; другíе же пошлú въ Цáрь-городъ, къ Грéкамъ. Но Владúміръ прежде нихъ ещё отпрáвилъ послóвъ къ Императору съ такими словáми: „вотъ идýтъ къ тебѣ́ Варя́ги; не держú ихъ въ гóродѣ, а не то надѣ́лаютъ онú тебѣ́ бѣ́дъ, какъ и у насъ здѣ́сь; лýчше размечú ихъ по рáзнымъ мѣстáмъ, а сюдá къ намъ не пускáй ни одногó.“ Послѣ́ этого нáчалъ княжúть Владúміръ къ Кíевѣ одúнъ и постáвилъ рáзные кумúры на холмý за дворóмъ терéмнымъ: Пе-рýна деревяннаго, а головá у негó серéбряная, усъ золотóй; крóмѣ негó — Хóрса, Дáжбога, Стрúбога, Симáргла и Мокóша. Прино-сúли имъ жéртвы, называ́я богáми своими; приводúли сыновéй своúхъ и дочерей и закалáли ихъ въ жéртву богáмъ, оскверня́ли зéмлю своими жéртвами; и осквернúлись крóвью землá рýсская и холмъ тотъ. Но преблагíй Богъ не хотѣ́лъ смéрти грѣ́шникамъ; на томъ холмѣ́ тепéрь цéрковь стоúтъ Св. Васúлья; но объ этомъ пóслѣ скáжемъ, а тепéрь ко прéжнему возвратúмся.

Ходúлъ Владúміръ на Ля́ховъ и зáнялъ городá ихъ: Перемы́шль, Червéнь и другíе, котóрые и тепéрь подъ Рýсью; побѣдúлъ и Вя́тичей и наложúлъ на нихъ дань отъ плýга, какъ и отéцъ егó бралъ. Когдá Князь пришёлъ къ Кíеву и приносúлъ жéртву кумú-рамъ съ людьмú своúми, то стáрцы и боя́ре сказáли емý: „брóсимъ жрéбій на мáльчиковъ и дѣвúцъ: на когó падётъ, тогó и зарѣ́жемъ богáмъ.“ Въ это врéмя жилъ въ Кíевѣ одúнъ Варя́гъ; дворъ егó стоя́лъ тамъ, гдѣ тепéрь цéрковь Св. Богорóдицы, пострóенная Вла-дúміромъ; Варя́гъ тотъ пришёлъ изъ Грéціи, держáлъ вѣ́ру хри-стіáнскую, и былъ у негó сынъ, прекрáсный лицóмъ и душóю; на негó-то и палъ жрéбій. Пóсланные отъ нарóда пришлú къ стáрому Варя́гу и сказáли: „на твоегó сы́на палъ жрéбій; бóги вы́брали егó имъ въ жéртву.“ Варя́гъ отвѣчáлъ: „то не бóги, а дéрево; ны́ньче есть, а зáвтра сгніётъ, ни ѣдя́тъ, ни пьютъ, ни говоря́тъ; сдѣ́ланы рукáми изъ дéрева; Богъ же одúнъ, котóрому слýжатъ Грéки и клáняются; Онъ сотворúлъ нéбо и зéмлю, звѣ́зды и лунý, и чело-вѣ́ка, и далъ емý жить на землѣ́; а эти бóги чтó сотворúли? онú сдѣ́ланы рукáми человѣ́ческими, не дамъ сы́на своегó бѣсáмъ.“ Пóсланные пересказáли словá Варя́га грáжданамъ; тогдá нарóдъ, взявъ орýжіе, пошёлъ на Варя́га и разломáлъ забóръ óколо егó дóма. Варя́гъ стоя́лъ на сѣ́няхъ съ сы́номъ. Емý кричáли: „отдáй сы́на, намъ нýжно егó принестú въ жéртву богáмъ.“ Онъ отвѣчáлъ: „éсли то въ сáмомъ дѣ́лѣ бóги, то пусть пошлю́тъ одногó бóга взять моегó сы́на; а вы изъ чегó такъ хлопóчете?“ Въ нарóдѣ раздáлся я́ростный крикъ; толпá брóсилась; подрубúли сѣ́ни подъ

обо́ими Варя́гами, и таки́мъ о́бразомъ уби́ли ихъ, и никто́ не зна́етъ, гдѣ ихъ похорони́ли.

Въ 988 году́ пошёлъ съ во́йскомъ на Корсу́нь, го́родъ гре́ческій; Корсу́нцы заперли́сь въ го́родѣ и крѣпко оборони́лись. Влади́міръ посла́лъ сказа́ть имъ: „е́сли не сдади́тесь, то три го́да простою́ здѣсь", но они́ не послу́шались. Тогда́ Влади́міръ, устро́ивъ своё во́йско, велѣлъ дѣлать на́сыпи о́коло го́рода; но Корсу́нцы, подкопа́вши городску́ю стѣну, уноси́ли насыпа́емую зе́млю къ себѣ въ го́родъ. Въ э́то вре́мя оди́нъ жи́тель Корсу́нскій, и́менемъ Анаста́съ, пусти́лъ стрѣлу́ въ станъ ру́сскій, а на стрѣлѣ бы́ло напи́сано: „на восто́къ отъ тебя́ коло́дезь; изъ него́ вода́ идётъ по трубѣ въ го́родъ; откопа́й коло́дезь и переймі́ во́ду." Влади́міръ то́тчасъ велѣлъ копа́ть, и то́чно во́ду переня́ли у гра́жданъ; тогда́ послѣдніе, изнемо́гши отъ жа́жды, сдали́сь. Влади́міръ вошёлъ въ го́родъ съ дружи́ною и посла́лъ къ Импера́торамъ Васи́лью и Константи́ну съ таки́ми слова́ми: „Вотъ я взялъ сла́вный го́родъ; слы́шу, что у васъ есть сестра́-дѣви́ца; е́сли вы не отдади́те ея́ за меня́, то и столи́цѣ ва́шей бу́детъ отъ меня́ то́ же, что и Корсу́ню"....
Оба Царя́, услыха́въ э́то, си́льно огорчи́лись и отвѣча́ли: „не прили́чно христіа́намъ выдава́ть свои́хъ сестёръ за невѣрныхъ; е́сли крести́шься, то и сестру́ на́шу полу́чишь, вмѣстѣ съ не́ю и ца́рство небе́сное, и съ на́ми бу́дешь единовѣрникъ; е́сли же не хо́чешь крести́ться, то не мо́жемъ вы́дать за тебя́ сестры́." Влади́міръ отвѣча́лъ посла́мъ: скажи́те царя́мъ, что я гото́въ крести́ться, потому́что пре́жде испыта́лъ вашъ зако́нъ, и мнѣ нра́вится ва́ша вѣра и богослуже́ніе." Цари́, услы́шавъ э́то, обра́довались и посла́ли сестру́ свою́, и́менемъ Анну, кото́рую наси́лу могли́ уговори́ть идти́: она́ сѣла въ кора́бль, прости́лась съ родны́ми и съ пла́чемъ поплыла́ че́резъ мо́ре. Когда́ царе́вна пріѣхала въ Корсу́нь, Влади́міръ крести́лся, а по́слѣ креще́нья обвѣнча́лся на Аннѣ и пошёлъ съ не́ю въ Кі́евъ. Пришéдши туда́, онъ велѣлъ повѣсти́ть наро́ду: „кто не придётъ къ рѣкѣ крести́ться, бога́тый ли, или бѣдный, тотъ бу́детъ мнѣ проти́венъ." Услыха́въ э́то, лю́ди шли съ ра́достью, говоря́: „е́слибъ э́та вѣра была́ не хороша́, то Князь и бо́яре не при́няли бы ея́." На друго́й день Влади́міръ вы́шелъ съ духове́нствомъ на Днѣпръ, куда́ собрало́сь мно́жество люде́й и стоя́ли въ ней одни́ по ше́ю, друго́е по грудь, малолѣтніе у бе́рега, во́зрастные же да́льше и держа́ли на рука́хъ младе́нцевъ, а свяще́нники чита́ли моли́твы. *Соловьевъ.*

[1]) Снт. III. § 6. 3.) [2]) вм. приготовляйся. [3]) Ярополкъ предъ тѣмъ также сватался за неё. [4]) т. е. по причинѣ заступничества, которое оказывали граждане Ярополку. [5]) вм. сносятся, ведутъ переговоры. [6]) Дворъ, на которомъ стоялъ теремъ или дворецъ. [7]) вѣрнѣе: съ гражданъ.

20. Келарь[1]) Троицко-Сергіевской Лавры Авраамій Палицынъ (1608—1612 г.)

Въ 1373 годý, къ Велúкому Кня́зю Дмúтрію Ивáновичу Донскóму вы́званъ былъ изъ Литвы́ нѣ́кто отъ властелúнныхъ и благоплемéнныхъ мужéй рóда Королá Егáйла Ольгердóвича, Подóльскія землú воевóда Панъ Ивáнъ Микулáевичъ, прóзванный Пáлица; — онъ былъ весьмá сúленъ, храбръ и слáвенъ, дѣ́йствуя на боя́хъ желѣ́зною пáлицею, и пожáлованъ отъ Велúкаго Кня́зя чéстію, боя́рскими и мнóгими вóтчинами.

Отъ э́того-то дрéвняго дворя́нскаго рóда произошёлъ и незабвéнный въ листáхъ нáшей Истóріи кéларь Трóицкаго монастыря́ Авраáмій Пáлицынъ. Егó úмя, какъ сподвúжника ко спасéнію Россíи отъ Поляковъ, стáло на рядý съ именáми Гермогéна, Діонúсія, Мúнина и Пожáрскаго. На святóе дѣ́ло Рýсское онъ гремѣ́лъ тѣ́мъ же вдохновéннымъ, спасáющимъ слóвомъ, какúмъ напýтствовалъ преподóбный Сéргій Донскáго: слóвомъ молúтвы, пóлной вѣ́ры, надéжды и любвú. Вмѣ́стѣ съ Гермогéномъ и Діонúсіемъ, Авраáмій въ этомъ орýжіи не зналъ побѣ́дителя, и Россія по óбщимъ ихъ усúліямъ легкó нашлá себѣ́ Мúнина, создалá Пожáрскаго. Чудéсная былá эта семья́ спасúтелей нáшихъ въ 1612 годý!

Пошлó въ ходъ нáше велúкое дѣ́ло освобождéнія, и Пáлицынъ, какъ дворянúнъ рýсскій, какъ родовóй, вѣ́чный солдáтъ для отéчества (такъ говорúтъ о нёмъ предáніе), и въ ря́сѣ отшéльника, возстáлъ съ другúми отцáми правослáвной Рýси, опоя́сался прáвдою и нáчалъ борóться съ совремéнными недýгами и безпоря́дками своегó отéчества.

Какъ превосхóдный ортáоръ, онъ грóзно и смѣ́ло громúлъ рѣ́чью привéрженцевъ Лжедимúтрія. Въ егó врéмя мнóгіе почитáли Отрéпьева пóдлиннымъ Димúтріемъ. „Да бýдетъ и такъ, по ихъ глагóлу;" — говорúлъ Пáлицынъ: — „но царёмъ ли москóвскимъ быть царéвичу, котóрый такъ или сякъ вы́краденъ отъ насъ младéнцемъ и къ Цéркви Госпóдней не уготóванъ нáшею цéрковью." Самъ вѣ́рилъ и другúхъ убѣждáлъ съ жáромъ и увлекáтельнымъ красноре́чіемъ, что появлéніе Лжедимúтрія въ Россíи — игрá пáпы и сподвúжниковъ егó, Нѣ́мцевъ и Поляко́въ; что тутъ дѣ́йствуетъ надéжда пáпы на богáтые дохóды съ рýсскихъ óтчинъ. Если поддадúмся мы, — говорúлъ онъ царю́ Василію Шýйскому, — то правослáвіе нáше сгúбнетъ, коли не на всегдá, то на мнóзи вѣ́ци!....

Плáменнымъ слóвомъ, присýтствіемъ своúмъ въ пылý лю́той бúтвы, подвергáя жизнь свою́ на кáждомъ шагý опáсностямъ, кéларь Авраáмій одушевлялъ вóиновъ осаждённыхъ, подкрѣпля́я ихъ доставлéніемъ имъ хлѣ́ба, пóроху, свинцý. Госпóдь съ нáми и никтó-же

на ны[2])! гремѣлъ онъ вдохновеннымъ голосомъ: взявше[3]) оружія, пронзимъ сердца другъ другу и растелемся полема[4]), и разсѣчемся на части: и его же[5]) во вратѣхъ небесныхъ оправдитъ Господь, той есть творяй и глаголяй[6]) правду. Когда среди страшнаго пожарища Московскаго, въ опаленныхъ стѣнахъ Кремля, буйствовали Поляки, когда Россію терзали и чужеземцы, и свои измѣнники, въ стѣнахъ Сергіевской Лавры готовили спасеніе Россіи архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій. Грамоты ихъ, одушевленныя любовью къ отечеству, сзывали отовсюду Русскихъ на великій подвигъ освобожденія Россіи отъ враговъ: „люди Русскіе! христіане православные!" писалъ Палицынъ: „Бога ради положите подвигъ своего страданія, молитесь и соединяйтесь! Забудемъ всякое недовольствіе; отложимъ его и пострадаемъ о[7]) единомъ спасеніи отечества; смилуйтесь надъ видимою, смертною его погибелью, да не постигнетъ и васъ смерть лютая'"

И этому глубоко-патріотическому и задушевному голосу вняли: купчина Мининъ, князь Пожарскій, а за ними и весь Новгородъ; составились дружины и собрались въ 1612 году подъ стѣнами Троицкой обители, на которую вся Россія взирала, яко[8]) на солнце! Предъ мощами великаго угодника Божія и ревнителя о благѣ Россіи, преподобнаго Сергія, поверглись благоговѣйно добліи[9]) Христовы воители и тѣмъ умирилась распря между Трубецкимъ и Пожарскимъ о первенствѣ въ начальствѣ. И двинулось войско къ Москвѣ, куда спѣшилъ уже Хоткевичь, а за войскомъ послѣдовалъ келарь Палицынъ, не щадя для потребностей ни монастырскаго, ни церковнаго имѣнія. Взбунтовались было Казаки за невыдачу имъ жалованья, знаменитый келарь-монахъ вывезъ имъ драгоцѣнныя утвари и церковныя облаченія, устыдилъ ихъ подобнымъ предложеніемъ и отпадавшихъ привелъ къ раскаянію; и дружно, и съ большимъ рвеніемъ понеслись они къ великому дѣлу защиты — родной земли. Громовымъ словомъ остановилъ онъ смятенную дружину Князя Трубецкаго, — „Дѣти! — вскричалъ онъ: люди православные! воины Христовы! стойте!" Они остановились. „Воскликните-же, братіе: Сергій! и узрите славу Божію!" и они дружно бросились на враговъ съ крикомъ: Сергій! Сергій! Сергій! Это рѣшило побѣду Русскихъ надъ Поляками и участь Москвы и Россіи въ 1612 году 24го августа......

Подвигоположникъ[10]) и миротворецъ Авраамій первый предложилъ священному собору и синклиту о[11]) избраніи законнаго царя на сиротѣвшій престолъ и въ Москвѣ, на лобномъ мѣстѣ, краснорѣчивымъ словомъ своимъ вразумилъ народъ и бояръ избрать царемъ кроткаго, незлобиваго умнаго юношу, Михаила Ѳеодоровича Романова.

По совершеніи великаго и безсмертнаго дѣла спасенія отчизны отъ Литвы, когда Россія перестала страдать отъ смутъ и несогласій,

и водворились въ ней миръ и спокойствіе, и начала разцвѣтать она, какъ красавица-дѣва, послѣ тяжкихъ ранъ и смертоносной болѣзни, — келарь Авраамій пожелалъ отдохнуть отъ заботъ житейскихъ, и по обѣту постриженниковъ соловецкихъ, избралъ мѣстомъ успокоенія своего, поста и молитвы Соловецкую пустынь. На что въ 1621 г. послѣдовало дозволеніе Царя Михаила Ѳеодоровича. Съ величайшею горестью разставались жители Сергіевскаго посада съ любимымъ своимъ келаремъ — патріотомъ; толпами стекались москвитяне провожать старца доблаго и провожали его до Ростова, до Костромы, до Вологды. Припавши въ послѣднее[12]) съ умиленіемъ къ мощамъ преподобнаго Сергія, Авраамій горько заплакалъ и сказалъ: „Обѣтъ мнѣ непреложенъ, кончина моя обречена насредь[13]) волны морскія!"[14]) Предчувствіе сбылось!.... Авраамій скончался въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1627 году, 13го сентября, въ глубокой старости.....

А. С.

[1]) Инокъ, завѣдывающій монастырскими припасами, а также вообще не духовными дѣлами монастыря. [2]) Ц. сл. насъ. [3]) Ц. сл. взявши. [4]) Ц. сл. пополамъ. [5]) Ц. сл. кого. [6]) Ц. сл. тотъ есть творящій и глаголющій. [7]) т. е. за одно лишь спасеніе. [8]) Ц. сл. какъ. [9]) стар. доблій то же, что доблестный. [10]) неупот. вм. подвижникъ. [11]) вѣрнѣе: избрать. [12]) въ послѣдній разъ. [13]) вм. среди. [14]) Ц. сл. = морской.

---

21. Битвы Казаковъ съ Поляками, за независимость, на Жовтыхъ Водахъ и подъ Корсуномъ.

2-го апрѣля наступила Пасха, Днѣпръ совершенно разлился. Какой-то переметчикъ принесъ извѣстіе въ польскій лагерь, расположенный въ мѣстечкахъ Корсунѣ и Черкасахъ, что Хмельницкій съ запорожцами уже двинулся и думаетъ стать въ клинѣ, образуемомъ устьемъ рѣки Тясьмина и Днѣпромъ. Начался военный совѣтъ между предводителями польскаго войска. Тѣ, которые были попредпріимчивѣе, совѣтовали цѣлое войско двинуть на непріятеля и запереть въ клинѣ, или же вытѣснить его оттуда и разбить въ открытомъ полѣ. Такого мнѣнія былъ Калиновскій, отважный, вѣчно споривщій съ Потоцкомъ. Но оно не понравилось воинамъ опытнымъ. „Войско наше мало, говорили они, а непріятельскаго мы не видѣли, каково [1]) оно. Неблагоразумно выводить всѣ силы въ пустыню, въ отдаленіе отъ крѣпости, безъ надежды на скорое пособіе. Вѣрность здѣшняго народа сомнительна, потому что онъ русскаго вѣроисповѣданія; Марсъ непостояненъ; въ случаѣ неудачи всѣ жители, сколько ихъ тутъ ни есть[2]), станутъ нашими непріятелями. Всего лучше стоять намъ гдѣ нибудь въ Украйнѣ. А чтобы народъ здѣшній, пристально поглядывая на насъ, не забралъ себѣ въ голову, что у насъ не достаетъ присутствія духа, то мы пошлемъ

въ степь сильный отрядъ, хорошо устроенный, подъ надежною командою и прикажемъ ему не возвращаться до тѣхъ поръ, пока не отыщуть непріятеля и не захватятъ плѣнниковъ, отъ которыхъ панъ Гетманъ вывѣдаетъ, какова у мятежника сила и что онъ замышляетъ.“ Съ этимъ мнѣніемъ согласился и гетманъ Потоцкій. „Стыдно, говорилъ онъ, посылать большое войско противъ какой нибудь презрѣнной шайки отверженныхъ, подлыхъ холоповъ; чѣмъ меньше будетъ отрядъ, который истребитъ эту сволочь, тѣмъ больше славы.“ Такъ говорилъ Потоцкій. Положили на совѣтѣ послать часть войска, не только для отысканія непріятеля, но съ надеждою истребить его совѐршенно. Выбрано было два отряда: первый состоялъ изъ реестровыхъ Казаковъ и находился подъ начальствомъ Ильяша и Барабаша; онъ долженъ былъ плыть по Днѣпру внизъ на байдакахъ (такъ назывались большія обитыя суда). Вмѣстѣ съ Казаками на байдаки посадили часть нѣмецкой пѣхоты; то впрочемъ были не настоящіе Нѣмцы, а также Русскіе, какъ и Казаки, только одѣтые въ нѣмецкое платье, по тогдашней привязанности пановъ къ иноземщинѣ. Такъ какъ Поляки не довѣряли Русскимъ, то Казакамъ, и пѣхотинцамъ велѣно было присягнуть въ вѣрности. Въ этомъ отрядѣ было до 4 тысячъ человѣкъ. Въ другомъ отрядѣ, состоявшемъ изъ коронныхъ жолнеровъ и драгунъ, числилось до 6 тысячъ человѣкъ. Драгуны были также Русскіе, одѣтые понѣмецки. Отъ недовѣрчивости велѣно было присягнуть и драгунамъ. Съ этимъ послѣднимъ отрядомъ отправили 12 пушекъ и множество телѣгъ со съѣстными припасами. Телѣги, при случаѣ, могли служить укрѣпленіемъ, по тогдашнимъ обычаямъ. Отрядъ долженъ былъ идти по сухопутью, параллельно съ плывшими по Днѣпру Казаками. Начальство надъ нимъ выпросилъ для себя сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій, 26-тилѣтній юноша, желавшій, какъ говорилось тогда, украсить чело свое марсовымъ вѣнкомъ. Старый гетманъ былъ доволенъ такимъ порывомъ: „Иди! сказалъ онъ, и пусть исторія напишетъ тебѣ славу.“ Не довѣряя однако малой опытности сына, старикъ отправилъ съ нимъ Шемберга, казацкаго коммиссара, которому препоручилъ главный надзоръ надъ всею экспедиціею. Много особъ изъ знатныхъ фамилій отправилось въ этомъ отрядѣ; тамъ былъ одинъ изъ Сапѣгъ, былъ и Стефанъ Чарнецкій, человѣкъ столь знаменитый въ послѣдствіи. Гордо и самонадѣянно отправлялъ ихъ коронный гетманъ. „Пройдите степи и лѣса, говорилъ онъ, разорите Сичь (Сѣчь), уничтожьте до тла презрѣнное скопище и приведите зачинщиковъ на праведную казнь.“

Хмельницкій съ восьмитысячнымъ войскомъ выступилъ изъ Запорожья въ субботу, 22-го апрѣля, по направленію къ устью Тясьмина и остановился при потокѣ Жовты Воды, такъ названномъ отъ

глинистой почвы. За Хмельницкимъ слѣдовалъ Тугай-Бей, но шелъ медленно, какъ бы предполагая только тогда вступить въ дѣло, когда Казаки въ половину совершатъ его удачно, безъ пособія Татаръ. Казаки укрѣпились четвероугольникомъ изъ вововъ; въ устройствѣ такого подвижнаго укрѣпленія они были мастера.

На восьмой день пути своего прибылъ польскій отрядъ къ Жовтымъ Водамъ. Когда солнце поворачивалось на западъ, они замѣтили непріятельское войско. Потоцкій приказалъ остановиться, нѣсколько приблизившись, такъ что враждебныя войска могли видѣть одно другое. Ожидали, что казаки сейчасъ же бросятся [3]) въ битву, но не бросились они съ дикимъ крикомъ на враговъ, стройно и тихо стояли они въ четвероугольникѣ, готовые торжественно принять не добрыхъ гостей; никто не выскакивалъ изъ рядовъ, никто не вызывалъ Поляковъ на бой ни выстрѣломъ, ни насмѣшкою, какъ дѣлали обыкновенно Запорожцы. Это спокойствіе, эта видимая неохота къ битвѣ внушала Полякамъ боязнь. „Вѣрно Хмельницкаго нѣтъ въ лагерѣ; можетъ быть онъ готовитъ гдѣ нибудь засаду, или собираетъ сильнѣйшее войско!“ говорили Поляки и съ нетерпѣніемъ ожидали барабашевцевъ.

Хмельницкаго тогда точно не было [4]) въ обозѣ; онъ не наступалъ на пановъ, потому что дѣйствовалъ противъ нихъ иначе. Еще до прибытія своего къ Жовтымъ Водамъ онъ разставилъ по надъ Днѣпромъ, на сторожѣ, Казаковъ и Татаръ и приказывалъ имъ войти въ сношеніе съ тѣми Казаками, которые будутъ плыть съ Барабашемъ. Случилось, что одинъ байдакъ опередилъ прочіе: въ этомъ байдакѣ сидѣлъ Кречевскій. Онъ обрадовался, когда узналъ, что Хмельницкій недалеко. Казаки, съ нимъ бывшіе, показывали охоту пристать къ Запорожцамъ, одного требовали повидаться съ самимъ Хмельницкимъ. Хмельницкій, какъ скоро ему донесли объ этомъ, оставилъ свой лагерь и поспѣшилъ къ днѣпровскому берегу. Кречевскій и Казаки его отряда привѣтствовали Хмельницкаго радостными восклицаніями. „Даемъ тебѣ обѣщаніе, говорили они, мы склонимъ всѣхъ плывущихъ [5]) за нами Казаковъ соединиться съ тобою; всѣ пойдемъ войною на Поляковъ, а присяга намъ — не присяга, ее насильно произнести заставилъ насъ коронный гетманъ. И Барабаша съ единомышленниками принудимъ, хоть онъ теплѣйшій пріятель Ляхамъ“. Хмельницкій тотчасъ же отправился назадъ, ибо не могъ подвергать себя долѣе опасности; да притомъ нужно было его присутствіе въ лагерѣ, на который могли броситься Поляки. Дѣйствовать вмѣсто себя на барабашевцевъ онъ препоручилъ Ганжѣ, человѣку расторопному и ловкому. Вечеромъ, 3-го мая, барабащевцы приплыли всѣ къ Каменному Затону, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ польскій лагерь и, предполагая высадиться

утромъ, причалили къ берегу; другіе остались въ лодкахъ. Ночью, съ 3-го на 4-е мая, Ганжа затесался въ кругъ тѣхъ, которые стояли на сухопутьѣ; составилась такъ называемая черная рада, то есть рада безъ начальниковъ. „Мы идемъ за вѣру и казачество и за весь народъ русскій", кричалъ Ганжа, держа въ рукѣ знамя. „Силы наши не малы; позади насъ идетъ Тугай-бей, мурза татарскій, всему свѣту извѣстный богатырь, со своею ордою. Что это значитъ? Вы будете проливать кровь своей братьи! Развѣ не одна мать Украйна породила насъ? За чѣмъ лучше вамъ стоять: за костелами или за церквами божіими? Коронѣ ли польской пособлять станете, которая заплатитъ вамъ неволею, или матери своей Украйнѣ?" Кречевскій подтвердилъ увѣщанія Ганжи. „О, до какого стыда мы дожили!" восклицали Казаки, „что стали помогать недругамъ противъ своей братьи!" Въ короткое время распространилась вѣсть на судахъ; на всѣхъ байдакахъ вспыхнулъ огонь ярости и гнѣва и у всѣхъ шести тысячъ сталъ одинъ умъ, одно сердце. Одѣтый по-нѣмецки Русскій первый бросилъ въ Днѣпръ знамя своей пѣхотной роты; въ слѣдъ за тѣмъ казаки рвали, топтали свои значки, какъ знаки рабства и малодушія. „Бить измѣнниковъ!" заревѣла восторженная толпа и бросилась на старшинъ, тогда уже не было мѣста убѣжденіямъ: шляхтичей изрубили, или побросали въ воду; такую участь получили и Казаки, замѣченные прежде въ вѣрности панству. Казаки выбрали себѣ есауломъ какого-то Криволю и утромъ послали къ Хмельницкому извѣстіе о своемъ освобожденіи. Казацкій предводитель далъ тотчасъ знать Тугай-бею о своемъ усиленіи и просилъ, чтобы Татары, у которыхъ всегда были въ походѣ лишніе кони, перевезли новыхъ союзниковъ. Въ тотъ-же день Хмельницкій встрѣчалъ ихъ, сидя на бѣломъ аргамакѣ, съ бѣлымъ знаменемъ — знакомъ мира; на знамени было написано: „покой христіянству!" — „Кланяемся тебѣ," говорили барабашевцы, „и приходимъ служить вѣрою и правдою церкви святой и матери нашей Украйнѣ!" — „Братья, рыцари-молодцы! сказалъ Хмельницкій. Пусть будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли не ради одной славы и добычи, а ради обороны живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы тоже дѣлаютъ; на то Богъ далъ имъ зубы и когти. Или намъ оставаться невольниками въ собственной землѣ своей. Поляки отняли у насъ честь, вольность, вѣру — всё это въ благодарность за то, что мы проливали кровь, обороняя и расширяя польское королевство! Не васъ ли они называютъ хлопами? Не они ли замучили гетмановъ вашихъ и старшину? Бѣдные мученики, погибшіе отъ злодѣевъ, просятъ васъ отмстить за нихъ и за всю Украйну!" Съ торжественными восклицаніями пошли они въ лагерь запорожцевъ, которые радушно привѣтствовали своихъ русскихъ братьевъ, одѣтыхъ въ нѣмецкій уборъ.

4-го мая, барабашевцы проѣзжали въ лагерь казацкій въ виду Поляковъ, которые, завидя пыль и догадываясь, что эти люди ѣдутъ [7]) на коняхъ, подумали сначала, что къ нимъ присоединятся барабашевцы, и заранѣе восхищались своею побѣдою. „Теперь,“ говорили паны, „ничего не стоитъ намъ побѣда, враги будутъ разбиты, и мы приведемъ къ пану гетману самого предводителя.“

Въ минуту все измѣнилось; одни едва вѣрили глазамъ своимъ, другіе сыпали проклятія, третьи упали духомъ; а драгуны бросали другъ на друга тревожные взгляды и шепотомъ поговаривали, что и они Русскіе. Паны собрались на совѣтъ и не знали, что имъ дѣлать.

Тогда Чарнецкій такъ успокоивалъ ихъ: „Измѣна лишила насъ надежды побѣдить — это правда; но сражаться мы еще можемъ. Намъ нельзя, съ малыми силами, выбить Казаковъ изъ лагеря, но можно ихъ удерживать. Мѣсто, гдѣ они стали, не совсѣмъ удобно: будемъ вести съ ними перестрѣлки, не допускать, чтобы пришли къ нимъ подобные бездѣльники изъ Украйны; а тѣмъ временемъ пошлемъ къ гетману извѣстить, что непріятеля нашли, но Казаки намъ [8]) измѣнили, по этому надобно больше войска, а особенно пѣхоты, для штурму казацкаго лагеря. Пока мы будемъ здѣсь сражаться противъ нихъ, подойдетъ коронное войско.“ Такой совѣтъ былъ принятъ. Послали какого-то Яцка Райскаго съ письмомъ къ Гетману, перенесли лагерь назадъ за Жовты Воды, сбили возы въ четвероугольникъ; впереди, кругомъ на версту, вывели валъ, поставили пушки. Казаки съ своей стороны подвинулись къ Жовтымъ Водамъ; началась перестрѣлка чрезъ протокъ. Казаки отвѣчали слабо, и Поляки снова ожили духомъ; имъ казалось, что Казаки боятся ихъ; опять возродились надежды на побѣду и уничтоженіе мятежниковъ. Но за ними въ то время уже стояли Татары, перешедшіе чрезъ Жовты Воды выше.

На слѣдующій день, 5го Мая, въ пятницу, Поляки бодро и смѣло затѣяли нападеніе на непріятельскій лагерь. Потоцкій приказалъ выходить короннымъ хоругвямъ и драгунамъ въ поле изъ четвероугольника; готовили пушки. Но въ казацкомъ лагерѣ уже не сидѣли тихо, какъ вчера; играли на трубахъ, били въ котлы; воины строились, и Хмельницкій, выѣхавъ передъ воиновъ, говорилъ имъ такъ: „Рыцари молодцы, славные Казаки-запорожцы! Пришелъ теперь часъ за вѣру христіанскую постоять грудью. Самъ Господь вамъ поможетъ. Стойте смѣло противъ гордостной ляшской силы. Что-жь, развѣ вы устрашились этихъ пугалъ [9]), въ леопардовыхъ кожахъ? Чѣмъ они васъ запугаютъ? Перьями на шапкахъ что ли? Развѣ отцы наши не били ихъ? Вспомните славу дѣдовъ нашихъ, что разнеслась по всему свѣту! А вы одного съ ними дерева вѣтви! Покажите же свое удальство; добудьте славы рыцарства вѣчнаго. Кто за Бога, за того Богъ!“

Казаки стремительно вырвались изъ лагеря, перешли воду и бросились на польскій обозъ съ оглушающимъ крикомъ. Потоцкій двинулъ на нихъ и коронныя хоругви и драгуновъ; пушки загремѣли... но вдругъ раздается сзади крикъ „алла!“ появляются Татары. Не успѣли Поляки прійти въ себя послѣ изумленья, новая неожиданность: драгуны, выведенные противъ своихъ братьевъ, нейдутъ. Казаки ударили на коронныхъ жолнеровъ, — драгуны подаются назадъ; Казаки сильнѣе напираютъ на хоругви; драгуны поворачиваютъ направо, стремительно вырываются въ поле и летятъ къ русскимъ своимъ братьямъ. Хоругви разстраиваются, пушки поворотили назадъ; все готово бѣжать сломя-голову. Потоцкій началъ удерживать шляхтичей. „Неужели, восклицалъ онъ, вы хотите быть похожими на овецъ, разогнанныхъ волками? Лучше умереть въ битвѣ, чѣмъ обратиться въ гнусное бѣгство и все таки достаться въ пищу звѣрямъ!“ Пушки снова ввезли на четвероугольникъ, замкнулись въ немъ и стали отстрѣливаться.

На другой день, въ субботу, часовъ въ 11 утра, Казаки съ разныхъ сторонъ бросились на обозъ. Поляки защищались храбро, битва продолжалась до пятаго часа по полудни; но полилъ дождь; порохъ отсырѣлъ; усталые отъ безпрестанной работы, жолнеры едва могли дѣйствовать руками; кони ихъ пропадали безъ травы. Казаки, обступивъ лагерь, лишили осажденныхъ воды [10]). Была надежда на прибытіе гетмана, но и та исчезла: Казаки съ насмѣшками показывали въ виду польскаго лагеря письмо, перехваченное у Райскаго. Полякамъ представлялась неминуемая голодная смерть въ пустынѣ; но къ удивленію ихъ, выѣзжаетъ самъ Хмельницкій, безстрашно приближается къ ихъ окопамъ и кричитъ голосомъ, котораго рѣзкости всякій изумился. „Не губите себя понапрасну, панове; побѣда въ моихъ рукахъ; но я не хочу возбуждать въ себѣ ея жажду, которая утушится только въ братней крови. Дѣло сладится, если вы тотчасъ къ намъ пришлете кого-нибудь на переговоры; но поспѣшите, пока не пришли Татары.“ Паны выслали къ казакамъ Чарнецкаго. „Чего угодно потребовать отъ нашего войска?“ спросилъ Чарнецкій. — „Правду сказать, отвѣчалъ Хмельницкій, я ничего не требую отъ вашего войска и нѣтъ мнѣ никакой необходимости дѣлать вамъ какія бы то ни было уступки. Толковать же о нашихъ дѣлахъ мы съ вами не можемъ; потому что у васъ въ лагерѣ нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что заставило насъ взяться за оружіе. А предложилъ я войти съ вами въ сношеніе только потому, что мнѣ васъ [11]) жаль: отдайте намъ ваши пушки и идите себѣ спокойно домой!“

„Не только для насъ, но для цѣлаго отечества будетъ полезнѣе, такъ разсуждали въ совѣтѣ Поляки, если мы откупимся отъ несомнѣнной

гибели какими нибудь маловажными орудіями; за то мы выиграемъ время, присоедимся къ войску и дадимъ ему способъ, узнавъ въ пору о мятежѣ, не допустить его до большаго разгара." „Если вы клятвою подтвердите обѣщаніе выпустить насъ, сказали они Казакамъ, то мы согласимся." Казаки присягнули и пушки были отвезены въ лагерь Хмельницкому, вмѣстѣ съ заложниками изъ старыхъ товарищей. Это было кстати Казакамъ; у нихъ было всего пять орудій, да изъ тѣхъ одно лопнуло при началѣ стычки. Поляки двинулись поспѣшно въ обратный путь, въ Украйну. Казаки пошли за ними по пятамъ, какъ будто только наблюдая за ними и, повидимому, не думали дѣлать имъ зла. Такъ прошли они три мили и 8-го мая передъ обѣдомъ, дошли до яра, покрытаго лѣсомъ. Вдругъ на горизонтѣ поднялась пыль, потомъ зачерпѣла [12]) толпа людей, и чрезъ нѣсколько времени воздухъ наполнился дикимъ крикомъ: то былъ Тугай-бей съ Татарами. Не уважая договора съ Казаками, Ногаи бросились на панскій обозъ; стрѣлы тучами полетѣли въ лице шляхтѣ, пробивали насквозь и калѣчили людей и лошадей. Поляки ускорили походъ, но вошли въ яръ и не могли сдѣлать шагу; путь лежалъ чрезъ буераки, покрытые мелкимъ лѣсомъ; Казаки, забѣжавъ впередъ, порыли землю, набросали дерева и каменьевъ, сдѣлали дорогу совсѣмъ непроходимою. Свернуть въ сторону было невозможно; кони падали; возы погрузились въ илистой землѣ. Тугай-бей побралъ у Казаковъ пушки и начали Татары палить на Поляковъ изъ собственныхъ ихъ же орудій. Упали духомъ шляхтичи. Но Потоцкій, самъ тяжело раненый, удержалъ ихъ еще разъ. „Ужъ такова судьба наша, говорилъ онъ; мы пропали, но не отъ собственной вины. Гнусная измѣна лишила насъ побѣды; осталась намъ честная смерть. Я рѣшаюсь лучше пасть подъ оружіемъ, чѣмъ подлою сдачею показать ничтожность души передъ гордымъ врагомъ, или раздраженнымъ отцемъ." Поляки принялись съ жаромъ копать валъ, побросали ружья, начали отбиваться саблями, деревьями, каменьями, но не помогла имъ отчаянная храбрость; Татары ударили на нихъ разомъ съ четырехъ сторонъ, перевернули четвероугольникъ и сошлись въ срединѣ обоза съ противоположныхъ концевъ. Потоцкій, полумертвый, издыхающій взятъ въ плѣнъ, кто остался живъ, всѣ положили оружіе. „Бидній, бидній панє Степане!" говорили Казаки, стоя около Потоцкаго. „Не попавъ, небоже, на Запороже, не найшовъ гараздъ шляху." Молодой храбрецъ скончался на другой день среди степи.

Когда подъ Жовтыми Водами Казаки одержали свою вѣроломную побѣду, собранное польское войско стояло близъ Черкасъ. Паны пировали, каждый магнатъ прибывъ въ лагерь, долженъ былъ дѣлать угощенія; такъ проходило время, и никто не заботился о томъ, что о высланномъ отрядѣ столько дней ни слуху ни духу [13]). Эту не-

извѣстность толковали даже въ хорошую сторону. Вдругъ является въ лагерь раненый бѣглецъ, недобитокъ [14]), какъ говорилось тогда, съ Жовтыхъ Водъ, польскій шляхтичъ. Жолнеры привели его къ коронному гетману. „Пане, сказалъ онъ, все погибло; Казаки и драгуны, не сражаясь, измѣнили намъ; обозъ взятъ. Сапѣга, Шембергъ, Чарнецкій въ неволѣ; сынъ твой также взятъ чуть живой, и теперь, вѣрно, разстался съ свѣтомъ.“ Ужаснулся гетманъ и всѣ военачальники. „Все войско, говоритъ лѣтописецъ, стало такъ блѣдно, какъ блѣдна бываетъ трава, прибитая морозомъ, когда послѣ холодной ночи возсіяетъ солнце.“ — „О сынъ мой! восклицаетъ гетманъ, на то ли я далъ тебѣ начальство, чтобъ ты за булаву вымѣнялъ могильный заступъ!“ Воины плакали о безвременной кончинѣ юноши, но приписывали его погибель самому родителю, который дурнымъ распоряженіемъ навлекъ бѣду на отечество. 10-мая войско польское двинулось назадъ, чтобы приблизиться къ городамъ своимъ и на третій день достигло Корсуна, на рѣкѣ Роси. Хмельницкій приближался. Тугай-бей шелъ впереди съ 4-мя тысячами Ногаевъ. Тревога распространилась въ польскомъ обозѣ, когда послышали, что грозный врагъ недалеко. Украинцы, одѣтые драгунами, въ числѣ трехъ тысячъ, были посланы на передовую стражу и передались Хмельницкому. Слуги и оруженосцы, даже Поляки въ страхѣ говорили: „Хмельницкій насъ побьетъ, когда будемъ стоять за пановъ!“

Въ такомъ положеніи было польское войско, когда явился Хмельницкій (15-го мая). Пыль отъ идущаго войска была такъ велика, что Поляки думали, что непріятеля тысячъ сто, а въ самомъ дѣлѣ Казаковъ было 15 тысячъ. Татары первые бросились на лѣвое крыло Поляковъ, которыхъ командовалъ Одрживольскій. Нѣсколько разъ отступали шляхтичи и снова напирали на Татаръ. Въ полдень самъ Тугай-бей, извѣстный Полякамъ своимъ богатырствомъ, проѣхалъ мимо Польскаго обоза, пренебрегая выстрѣлами съ польскихъ шанцевъ. Потоцкій не приказывалъ вступать въ жаркое дѣло. Хмельницкій расположилъ свое войско на возвышенности въ видѣ полумѣсяца и показывалъ видъ, будто хочетъ атаковать польскій обозъ всѣми силами, а между тѣмъ задумалъ иными средствами уничтожить враговъ. Онъ выбралъ расторопнаго и умнаго Казака Микиту Галагана, научилъ, что ему дѣлать и говорить и послалъ прокрадываться къ польскомъ лагерю такъ, чтобы его замѣтили. Предвидя, что задуманный планъ удастся, казацкій предводитель тогда же послалъ Казаковъ корсунскаго полка, подъ начальствомъ Кривоноса, съ Татарами, чрезъ близь лежащую гору и приказалъ, чтобы они зашли въ березовый лѣсъ, находившійся не подалеку отъ селенія Уроховцы, въ неровномъ мѣстѣ. Хмельницкій приказалъ нарубить въ лѣсу деревьевъ на пути Полякамъ и порекопать дорогу глубокимъ рвомъ вдоль узкой

долины, засѣсть въ чащахъ и поставить орудія. Микита сталъ пробираться мимо польскихъ окоповъ; его поймали и привели къ предводителю. Послѣ пытки огнемъ, обыкновеннаго тогда обряда, Казакъ началъ такъ говорить на вопросы о числѣ войска своего: „Нашимъ счета я не знаю, потому что съ каждымъ часомъ ихъ становится болѣе, а Татаръ съ Тугай-беемъ тысячъ пятьдесятъ, да еще ханъ стоитъ неподалеку съ ордою и скоро будетъ здѣсь.“ „Когда услышали паны эту вѣсть, говоритъ русскій лѣтописецъ, то такой страхъ напалъ на нихъ, что и сами они уныли и руки у нихъ опустились и разумъ отъ нихъ отступилъ.“ Распространился слухъ, что Казаки отводятъ воду за милю отъ Корсуна. Совѣтъ пановъ былъ до крайности несогласенъ. Многіе держались той мысли, что слѣдуетъ бѣжать какъ можно скорѣе. Самъ Потоцкій, столь гордый, столь самонадѣянный, теперь былъ въ пугливомъ расположеніи духа. Рѣшено было отступить укрѣпленнымъ четвероугольникомъ. На другой день до свѣта Поляки двинулись въ путь. Возы съ запасами и панскіе рыдваны, нагруженные туго всякимъ добромъ, потянулись двойнымъ четвероугольникомъ въ восемь рядовъ: въ срединѣ была артиллерія и лошади; по сторонамъ пѣхота. На лѣвой сторонѣ велъ войско Калиновскій, на правой Потоцкій. Потоцкій, говоритъ современникъ, сидѣлъ въ своей каретѣ пьянъ, а Калиновскій былъ до того близорукъ, что на выстрѣлъ изъ лука не могъ разсмотрѣть человѣка. Галаганъ предложилъ себя въ проводники, и паны, съ удивительнымъ легковѣріемъ, положились на Казака. Онъ говорилъ, что знаетъ безошибочно мѣстность.

Казаки дали имъ пройти верстъ десять спокойно, потомъ стали за ними идти въ слѣдъ, а наконецъ, стремительно бросились на обозъ и дали сильный залпъ. Татары пустили [15]) стрѣлы; Поляки отвѣчали ружейными выстрѣлами. Казаки и Татары то отступали и шли позади за польскимъ обозомъ издали, то стремительно налетали на него, пускали пули и стрѣлы и потомъ быстро отбѣгали назадъ. Паны должны были двигаться въ лѣтній жаръ въ тяжелыхъ панцыряхъ. Такъ обороняясь прошли они около пяти верстъ; но когда приблизились къ деревнѣ Гроховцамъ, тогда 1800 драгуновъ пристали къ нимъ и вмѣстѣ съ ними кинулись на обозъ. Это болѣе разстроило войско. Далѣе новое бѣдствіе; Поляки вошли въ лѣсъ и Галаганъ завелъ ихъ въ трущобу. На пути лежали срубленныя деревья, и въ то время, когда Хмельницкій напиралъ на польскій обозъ сзади, шесть тысячъ Казаковъ, посланныхъ съ Кривоносомъ заблаговременно, бросились на враговъ спереди. Пока проходилъ обозъ черезъ рощу, уже значительная часть возовъ была отбита. Роковое мѣсто для Поляковъ было въ концѣ рощи. Дорога спускалась съ крутой горы въ долину и поднималась на гору. Вдоль долины на нѣсколько верстъ шелъ

выкопанный глубокій ровъ. Польскія пушки и возы, съѣзжая съ горы, летѣли въ этотъ ровъ. Напрасно передніе кричали заднимъ: стой! стой! лошади, успѣвшія достигнуть спуска, не въ силахъ были удержаться, падали съ возами однѣ за другими въ ровъ. Другіе возы въ безпорядкѣ бросились въ сторону, но по бокамъ были овраги, и они туда попадали. Прямо на Поляковъ съ противоположной горы палили казацкія пушки, а сзади пріударили на нихъ со всѣхъ силъ Казаки и Татары Предводители едва не дрались между собою. Калиновскій всю бѣду слагалъ на Потоцкаго, Потоцкій на Калиновскаго, и тотъ и другой давали противорѣчащія приказанія, командиры не знали, кого слушаться и, въ суматохѣ, также всѣ ссорились между собою. Тогда одинъ изъ полковниковъ, князь Корецкій, владѣлецъ Корца и богатыхъ имѣній на Волыни, собралъ своихъ двѣ тысячи жолнеревъ, такъ называемый Полѣсскій полкъ, которому назначено было стоять въ четвероугольникѣ, и закричалъ: „Полно уже бѣгать за телѣгами; не время теперь и думать о спасеніи обоза. Сядемъ лучше на коней, да пробьемъ себѣ дорогу сквозь непріятеля! Гей! Кто за мною? Теперь я буду вашимъ гетманомъ.“ Паны начали было удерживать его, напоминая, что надобно слушаться команды [16]). „Поздно давать приказанія!“ кричалъ Корецкій: „на коней!“ и двѣ тысячи жолнеровъ покинули обозъ. Казаки воспользовались оставленнымъ мѣстомъ, кинулись въ прогалину, ворвались въ средину четвероугольника и начали повсемѣстное кровопролитіе. Безъ команды, безъ цѣли, все польское войско разметалось въ стороны: Калиновскій на лѣво, Потоцкій направо; кто въ лѣсъ, кто въ болото. Изъ за каждой кучи срубленныхъ деревъ выскакивали Казаки; тѣ гнали враговъ въ болото, тѣ сзади... и отовсюду стрѣляли, били, кололи Поляковъ. Калиновскій метался, горячился и, наконецъ, получивъ двѣ раны, въ шею и въ локоть, смирился: Казаки повели его. Что касается Потоцкаго, то онъ видя, что нѣтъ спасенія, предался на волю и сидѣлъ въ своей каретѣ. Его примѣру послѣдовали и другіе паны и всѣхъ ихъ съ экипажами привезли въ казацкій лагерь. Мужики изъ сосѣднихъ деревень помогали ловить бѣглецовъ. Спасся только Корецкій, но и тотъ, пока прорвался, потерялъ девять сотъ человѣкъ, а съ остальными прибѣжалъ въ Кіевъ, и „тамъ, говоритъ лѣтописецъ, сокрылъ стыдъ пораженія, котораго окончательнымъ виновникомъ не безъ основанія называли его самого.“ Пораженіе Поляковъ окончилось въ четвертомъ часу утра. Казаки столпились около плѣнниковъ.

„Видишь, Потоцкій, сказалъ Хмельницкій, какъ Богъ сдѣлалъ: тѣ, которые пошли брать меня въ неволю, сами въ нее попались.“

„Хлопъ! сказалъ Потоцкій, чѣмъ заплатишь славному рыцарству татарскому? Оно побѣдило меня, а не ты съ своею разбойничьею сволочью!“ — Тобою, отвѣчалъ Хмельницкій, тобою, который назы-

ваетъ меня хлопомъ, и тебѣ подобными." Хмельницкій отправилъ благодарственный молебенъ за побѣду, потомъ отправленъ былъ пиръ, на который приглашены были и знатнѣйшіе плѣнные паны. Двадцать пять бочекъ горѣлки было выкачено простымъ Казакамъ. Предводитель, изъ особенной милости, приказалъ дать по чаркѣ и родовитымъ шляхтичамъ.

Хмельницкій созвалъ раду (совѣтъ) изъ знатнѣйшихъ Татаръ и Казаковъ. „Что мнѣ дѣлать теперь съ такимъ большимъ числомъ невольниковъ, панове?" спрашивалъ Хмельницкій. Рада приговорила такъ: „гетмановъ и самыхъ знатнѣйшихъ пановъ отдать непремѣнно Татарамъ за то, что они были главными непріятелями и гонителями Казаковъ, а прочимъ, рядовымъ жолнерамъ предложить: если хотятъ избавиться отъ путешествія въ Крымъ, то пусть заплатятъ за себя окупъ, а если не заплатятъ, то всѣ пойдутъ въ неволю." По извѣстію украинскаго лѣтописца, Тугай-бею досталось 8060 человѣкъ; 520 рядовыхъ и 60 начальниковъ дали окупъ и оставлены Хмельницкимъ. Много, говоритъ современникъ, Казакамъ досталось добычи и притомъ неожиданно: паны, желая показать свое величіе, выѣхали къ войску съ предметами роскоши. Особенно отличился тогда панъ Сѣнявскій: кромѣ богатыхъ конскихъ збруй, съ нимъ было много столоваго серебра и разныхъ принадлежностей стола; онъ хотѣлъ угощать храброе польское рыцарство послѣ побѣды.

Самъ предводитель отослалъ домой 13 возовъ съ панскими сокровищами. Всякій послѣдній Казакъ такъ обогатился тогда, что войско, прежде бѣдное, когда двинулось далѣе въ Украйну, было убрано очень красиво и „глядя на него съ высоты, говоритъ лѣтописецъ, можно было почесть его за ниву, усѣянную краснымъ макомъ."

Н. Костомаровъ.

[1]) Снт. III. § 34. 2.) Прим. 1.) Нкл. Снт. ст. 158. [2]) Снт. III. § 88. 2). Нкл. Снт. ст. 35. [3]) Снт. III. § 54. 1. [4]) Снт. III. § 47. 2) б. Нкл. Снт. ст. 73. [5]) Снт. III. § 50. 17. [6]) Снт. III. § 50. 23). [7]) Снт. III. § 40. [8]) Снт. III. § 44. 3) а. [9]) Снт, III. § 54. 5). [10]) Нкл. Снт. ст. 79. з. [11]) Снт. III. § 56 6) 2). [12]) Снт. III. § 54. 9). [13]) То есть: никакого извѣстія. [14]) Человѣкъ, случайно избѣгшій отъ общаго избіенія. [15]) Снт. III. § 44. 3) а). Нкл. Снт. т. 79. д). [16]) Снт III. § 50. 6).

---

22. Мятежъ раскольническій Стрѣлецкій въ Москвѣ.

Въ Москвѣ́, по смéрти Царя́ Θеóдора Алексѣевича (1682), едвá тóлько наслѣ́дникомъ престóла нáзванъ былъ óтрокъ Пѣтръ, взбунтовáлись стрѣльцы́: нѣ́сколько дней сря́ду (15—21 мáя) они́ губи́ли боя́ръ, грáбили, неистовствовали, покá не объяви́ли царя́ми обóихъ малолѣ́тнихъ царéвичей Петрá и Іоáнна, а соправи́тельницею ихъ царéвну Софíю. При э̓тихъ-то обстоя́тельствахъ, когдá всё ещё на-

ходи́лось въ стра́хѣ отъ бу́йства мятéжниковъ, когда́ вся воинская си́ла была́ въ ихъ рука́хъ, а во главѣ́ ихъ стоя́лъ временщи́къ князь Хова́нскій, упóрный послѣ́дователь раскóла, они́ рѣши́лись трéбовать возстановлéнія мни́мо-ста́рой вѣ́ры. Ходъ собы́тія былъ слѣ́дующій.

Спустя́ три дня пóслѣ возмущéнія, въ ти́товомъ стрѣлéцкомъ прика́зѣ происходи́ла ду́ма, какъ бы въ ца́рствующемъ гра́дѣ Москвѣ́ возстанови́ть ста́рую вѣ́ру, бы́вшую до Патріа́рха Ни́кона; и на́чали иска́ть въ своёмъ полку́ людéй, котóрые бы въ состоя́ніи бы́ли написа́ть челоби́тную и дать отвѣ́тъ предъ духóвными властьми́ [1]) въ защи́ту вѣ́ры: но не нашли́ ни одногó. Знакъ, что слѣпцы́ замышля́ли отста́ивать то, чегó са́ми не понима́ли! Тогда́ пригласи́ли въ прика́зъ одногó чернослобóдца изъ Гонча́рной слободы́, по и́мени Семéна Кала́шникова, и спра́шивали егó, нѣтъ ли у нихъ въ поса́дѣ таки́хъ иску́сныхъ людéй. Онъ отвѣча́лъ, что есть, и возвѣсти́лъ о намѣ́реніи стрѣльцéвъ бра́тіи своéй: Ники́тѣ Бори́сову, Ива́ну Курба́тову и Са́вкѣ Ромáнову, котóрый прéжде былъ келéйникомъ у архимандри́та Мака́рьевскаго Желтовóдскаго монастыря́, и въ послѣ́дствіи описа́лъ настоя́щее собы́тіе. Эти [2]), вѣроя́тно, не полага́ясь тóлько на сóбственную прему́дрость, избра́ли себѣ́ въ руководи́теля и́нока Сéргія, броди́вшаго въ Москвѣ́, котóраго Са́вва велича́етъ нóвымъ Иліéю за егó рéвность по отéческимъ преда́ніямъ, и вмѣ́стѣ съ нимъ въ дóмѣ Бори́сова совоку́пными си́лами соста́вили челоби́тную „отъ лица́ всѣ́хъ полкóвъ и чернослобóдцевъ“, хотя́ о челоби́тной хлопота́ли сóбственно стрѣльцы́ тóлько одногó ти́това полка́, а не всѣ́хъ полкóвъ, и въ составлéніи ея́ принима́ли уча́стіе тóлько три чернослобóдца! Какъ тóлько челоби́тная была́ написана, Кала́шниковъ извѣсти́лъ пятисóтеннаго ти́това полка́, по и́мени Ива́на, котóрый съ двумя́ други́ми стрѣльца́ми поспѣши́лъ въ егó домъ. Здѣ́сь они́ вы́слушали челоби́тную и съ удивлéніемъ сказа́ли: „мы во днѣ́хъ [3]) свои́хъ не слыха́ли такóго слóгу и толи́ка [4]) описа́нія éресей въ нóвыхъ кни́гахъ“, и взявъ челоби́тную съ собóю, отпра́вились въ свой прика́зъ. Немéдленно сóбраны бы́ли стрѣльцы́ ти́това полка́ и въ слѣдъ за ни́ми пришлó мнóго поса́дскихъ. Велѣ́ли чита́ть челоби́тную сперва́ своему́ полковóму сóтскому, а потóмъ за егó малогра́мотностію тому́же Са́ввѣ и, вы́слушавъ, единогла́сно возопи́ли: „на́добно, бра́тіе [5]), лу́чше всегó постоя́ть за ста́рую православную христіа́нскую вѣ́ру и кровь свою́ проліяти за Христа́.“ Челоби́тную взя́ли въ прика́зъ и, списа́въ, возврати́ли составителямъ.

Стрѣльцы́ возвѣсти́ли о всёмъ случи́вшемся своему́ на́чальнику, боя́рину князю Ива́ну Андрéевичу Хова́нскому. Онъ кра́йне обра́довался и спроси́лъ: есть ли у васъ кому́ дать отвѣ́тъ проти́въ властéй, — на это ну́жны люди учёные. Ему́ указа́ли на и́нока Сéргія и поса́дскихъ людéй, принима́вшихъ уча́стіе въ составлéніи челоби́тной.

Боя́ринъ велѣ́лъ привести́ ихъ къ себѣ́, и когда́ они́ яви́лись, сказа́лъ: „я и самъ, грѣ́шный, весьма́ жела́ю, что́бы въ церква́хъ всё бы́ло по ста́рому; я неизмѣ́нно держу́ ста́рое благоче́стіе, чита́ю по ста́рымъ кни́гамъ, полага́ю кре́стное зна́меніе двумя́ перста́ми“, и прочёлъ си́мволъ вѣ́ры съ прибавле́ніемъ *и́стиннаго* [6]). Се́ргій предложи́лъ князю вы́слушать челоби́тную. Онъ вы́слушалъ и, узна́въ, что составитель ея́ самъ Се́ргій съ бра́тіею, замѣ́тилъ ему́: „ви́жу, что ты и́нокъ смире́нный и немногосло́вный, и не ста́нетъ тебя́ на тако́е вели́кое дѣ́ло; на́добно проти́въ нихъ человѣ́ку учёному отвѣ́тъ держа́ть.“ Се́ргій взду́малъ бы́ло защища́ться, но про́чіе, тутъ находи́вшіеся, сочли́ ну́жнымъ напо́мнить князю о свяще́никѣ Ники́тѣ Су́здальскомъ. Тогда́ князь съ ра́достію воскли́кнулъ: „зна́ю я хорошо́ того́ свяще́нника; противъ него́ не́чего имъ говори́ть; онъ загради́тъ уста́, и пре́жде никто́ изъ нихъ не могъ противостоя́ть ему́. Я, бра́тіе, радъ вамъ помога́ть, да мнѣ́ не-за-иску́съ [7]) сіе́ дѣ́ло. А того́ не ду́майте, что по-пре́жнему бу́дутъ васъ казни́ть, да вѣ́шать, да въ сру́бахъ жечь: я вамъ въ томъ Бо́га свидѣ́теля представля́ю, что за то радъ стоя́ть.“

Со дня короно́ва́нія госуда́рей, т. е. съ 25 іюня возмути́тели раско́ла нѣ́сколько дней сря́ду бу́йствовали въ Москвѣ́. Они́ ходи́ли по у́лицамъ, по то́ржищамъ и други́мъ мѣста́мъ, и смѣ́ло проповѣ́дывали: „посто́йте, правосла́вные, за и́стинную вѣ́ру..... Ны́нѣ нѣ́тъ и́стинной це́ркви на земли́ [8]), ни въ Гре́ціи, ни въ Россі́и, ни въ други́хъ страна́хъ; то́лько мы ещё соде́ржимъ и́стинную вѣ́ру... Не ходи́те въ це́ркви: онѣ́ всѣ́ осквернены́; не принима́йте никако́й святы́ни и моли́твъ отъ свяще́нниковъ; не покланя́йтесь новопи́саннымъ ико́намъ; не почита́йте четвероконе́чнаго креста́: э́то печа́ть Анти́христова...“ и под. И нося́ съ собо́ю ста́рыя ико́ны, ста́рыя кни́ги и ра́зныя тетра́дки, въ кото́рыхъ говори́лось, бу́дто бы уже́ наста́етъ конч́ина мі́ра, увлека́ли за собо́ю толпы́ наро́да. Предводи́телями бы́ли разстри́женный попъ Ники́та Пустосвя́тъ [9]) да пять и́ноковъ бродя́гъ: Се́ргій Савва́тій и ещё присоедини́вшіеся къ нимъ вы́ходцы изъ волокола́мскихъ пусты́нь: Дорое́ей, друго́й Савва́тій и Гавріи́лъ. А подъ предводи́тельствомъ ихъ не то́лько лю́ди, ско́лько-нибудь гра́мотные, но и соверше́нные не́учи, мужики́ и ба́бы, собира́ясь ку́чами на площадя́хъ, толкова́ли о ста́рой вѣ́рѣ и разсужда́ли, какъ бы её утверди́ть. Если же кто изъ свяще́нниковъ, іеромона́ховъ и други́хъ ревни́телей и́стиннаго правосла́вія стара́лся ихъ вразуми́ть и наста́вить, они́ устремля́лись на него́ съ нейстовствомъ, би́ли немилосе́рдно и оставля́ли едва́ жива́го, такъ что страхъ и тре́петъ объя́ли всѣ́хъ въ Москвѣ́ и всѣ́ съ недоумѣ́ніемъ ожида́ли, что́-то бу́детъ. Между тѣ́мъ стрѣ́льцы́ ти́това полка́, затѣ́явшіе всё дѣ́ло и видя́, что другі́е полки́, по убѣжде́ніямъ патріа́рха, не совсѣ́мъ соглаша́ются съ ни́ми,

держáли мéжду собóю совѣ́тъ, и избрáвъ четырёхъ стáрыхъ стрѣльцóвъ, послáли ихъ съ челобúтною по всѣмъ прикáзамъ для собрáнія пóдписей, да Сáвву съ нúми, чтобы онъ прочúтывалъ челобúтную негрáмотнымъ. На пéрвый день подписáлись четы́ре прикáза, на другóй три, потóмъ ещё два; а пушкарú, составля́вшіе деся́тый прикáзъ, не показáли такóго соглáсія и сдѣ́лалась мéжду нúми велúкая рáспря: однú хотѣ́ли приклáдывать ру́ки, другíе не хотѣ́ли, говоря́: „зачѣ́мъ ру́ки приклáдывать, когдá мы не умѣ́емъ отвѣ́тъ держáть за челобúтную противъ патріáрха и властéй? Да и сáми стáрцы умѣ́ютъ ли отвѣчáть противъ такóго собóра? Пожáлуй, смутúвъ насъ, онú сáми же уйду́тъ. Не нáше все то дѣ́ло, а патріáршее. Мы и безъ рукоприклáдства рáды прису́тствовать да стоя́ть за правослáвную вѣ́ру, смотрѣ́ть, гдѣ прáвда“. Послѣ́днее мнѣ́ніе прúняли всѣ: и рѣшенó бы́ло подпúсанную ужé мнóгими челобúтную положúть въ Тúтовѣ [10]) прикáзѣ за печáтью; а подáть другу́ю большу́ю челобúтную отъ лицá всѣхъ правослáвныхъ христіáнъ, котóрая была напúсана на 20 столпцáхъ.

3 іюля, въ понедѣ́льникъ, Ховáнскій, недовóльный „смятéніемъ и непостоя́нствомъ“ стрѣльцéвъ, собрáвъ всѣхъ вы́борныхъ ихъ въ отвѣ́тную палáту, троекрáтно спрáшивалъ ихъ какъ бы отъ úмени государéй: „всѣ ли вы соглáсно хотúте постоя́ть за правослáвную вѣ́ру“, и получúвъ троекрáтный утвердúтельный отвѣ́тъ, пошёлъ вверхъ [11]) какъ бы для доклáда о томъ государя́мъ. Потóмъ, возвратúвшись, отпрáвился вмѣ́стѣ съ стрѣльцáми и мнóгими посáдскими людьмú, тóже бу́дто бы по повелѣ́нію государéй къ патріáрху трéбовать отъ негó возстановлéнія стáраго благочéстія и отвѣ́та противъ челебúтной. Когдá всѣ вошлú въ патріáршую крестóвую [12]), патріархъ Іоакúмъ встрѣ́тилъ ихъ со властя́ми и, услы́шавъ нáглыя трéбованія мятéжниковъ, нáчалъ крóтко убѣждáть ихъ, что онú, какъ мíря́не, не имѣ́ютъ прáва судúть своúхъ архіерéевъ, и, какъ неиску́сные въ вѣ́рѣ, не должнý сáми му́дровать о вѣ́рѣ, а обязаны повиновáться своúмъ закóннымъ пáстырямъ и учúтелямъ, — что патріáрхъ Нúконъ не еретúкъ, не испóртилъ вѣ́ры и книгъ, напрóтивъ испрáвилъ ихъ по грéческимъ и славянскимъ харатéйнымъ ру́кописямъ, и что э́ти кнúги одóбрены потóмъ собóрнѣ вселéнскими патріáрхами. Вы́борные, такъ какъ съ нúми нé было на э́тотъ разъ ни попá Никúты Пустосвя́та, ни прóчихъ ихъ отцóвъ, постáвили на отвѣ́тъ предъ патріáрхомъ трёхъ слободскúхъ: Пáвла Данúловца, Пáвла Захáрьева и Сáвву Ромáнова, котóрые другъ за дру́гомъ говорúли сáмыя дéрзкія рѣ́чи. Порицáли въ глазá поведéніе своúхъ архипáстырей, ихъ жестóкость и непрáвость въ вѣ́рѣ; утверждáли, что Нúконъ съ еретикóмъ Арсéніемъ испóртилъ всѣ книги, что и грéческія кнúги однѣ́ сожженý въ Рúмѣ, другія испóрчены, сáми грéческіе патріáрхи не

православны и т. п. Кончилось тѣмъ, что патріархъ для успокоенія мятущихся назначилъ быть собору черезъ день въ слѣдующую среду, и они удалились. Въ среду, 5 іюля, предводители раскола въ 6 часовъ утра, отслуживъ молебенъ, безъ всякаго позволенія и вѣдома начальства, а только съ благословенія разстриженнаго попа Никиты (который слѣдовательно не имѣлъ права благословлять), взявъ съ собою крестъ, евангеліе, икону страшнаго суда, икону Богородицы и старыя книги, съ возженными свѣчами, отправились изъ-за Яузы [13]) въ Кремль, сопровождаемые безчисленнымъ множествомъ стрѣльцевъ и народа. Многіе въ этой толпѣ были уже пьяны и имѣли за пазухой камни. Вошедши въ Кремль, всѣ приблезились къ архангельскому собору и въ виду царскихъ палатъ поставили аналои; положили на нихъ крестъ, евангеліе, и предъ ними зажгли свѣчи. Попъ Никита Пустосвятъ и его товарищи, ставъ на скамейки, начали читать народу свои тетрадки; убѣждали всѣхъ постоять за старую вѣру и возбуждали противъ патріарха и властей духовныхъ. Было 8 часовъ утра. Въ это время патріархъ съ архіереями, архимандритами и со всѣмъ духовенствомъ столицы, при многочисленномъ стеченіи правовѣрныхъ, служилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ: а страхъ отъ пришедшихъ въ Кремль мятежниковъ былъ такъ великъ, что всѣ служившіе плакали, въ самыхъ палатахъ царскихъ раздавались вопли, и всѣхъ объялъ ужасъ. По окончаніи молебна, патріархъ выслалъ изъ церкви спасскаго [14]) протоіерея Василія прочитать народу напечатанное въ ту ночь отъ имени его, патріарха, поученіе, въ которомъ онъ увѣщевалъ православныхъ повиноваться своимъ законнымъ пастырямъ и не слушаться обольстителей: бродягъ-иноковъ и разстриги — Никиты Пустосвята, три раза уже приносившаго покаяніе въ расколѣ и опять обратившагося къ тому же. Но едва протоіерей началъ читать, какъ стрѣльцы вырвали у него тетрадь, схватили его самого, представили своимъ отцамъ и хотѣли предать смерти; только инокъ Сергій съ трудомъ спасъ его и доставилъ ему возможность возвратиться въ церковь. Прошло уже два часа, и шумъ на площади не только не уменьшался, но болѣе и болѣе усиливался, толпы народа непрестанно увеличивались и наконецъ наполнили весь Кремль. Патріархъ послѣ молебна отслужилъ литургію и вмѣстѣ съ архіереями и прочимъ духовенствомъ удалился въ свою крестовую палату. Тогда Хованскій нѣсколько разъ сряду посылалъ къ патріарху, будто бы отъ имени государей, чтобы онъ шелъ на площадь для состязанія о вѣрѣ; но патріархъ, зная истинную волю государей, не соглашался, говоря: пусть для этого приходятъ раскольники въ грановитую палату [15]), потому что и государыни-царевны желаютъ присутствовать на соборѣ и слушать челобитную; а на площади между народомъ имъ быть неприлично.

Хова́нскій рѣши́лся на другу́ю хи́трость: вздýмалъ угова́ривать государей и царе́вну Софі́ю, чтóбы они́ съ патріа́рхомъ не ходи́ли на собóръ, объявля́я за та́йну, что нарóдъ, уби́въ патріа́рха, лиши́тъ и ихъ жи́зни. Софі́я, призва́въ къ себѣ́ вы́борныхъ стрѣле́цкихъ, къ котóрымъ не благоволи́лъ Хова́нскій, узна́ла отъ нихъ, что стрѣльцы́ не имѣ́ютъ такóго за́мысла. Хова́нскій ужé откры́то предъ всѣ́ми боя́рами на́чалъ говори́ть, чтóбы госуда́ри и царе́вны въ грановѝтую пала́ту съ патріа́рхомъ и со властя́ми не ходи́ли; а éсли пойду́тъ, то имъ отъ нарóда живы́ми не оста́ться. Софі́я отвѣча́ла: „éсли и такъ, пойду́; да бу́детъ вóля Бóжія; но не оста́влю свято́й цéркви и ея́ па́стыря.“ Хова́нскій обрати́лся къ боя́рамъ съ слова́ми: „умоли́те ея́ ца́рскую ми́лость не сходи́ть въ гранови́тую пала́ту съ патріа́рхомъ, и́наче при Царя́хъ и насъ всѣ́хъ побью́тъ, какъ поби́ли неда́вно на́шихъ бра́тьевъ“. Боя́ре, приведённые въ у́жасъ, напра́сно умоля́ли царе́вну отказа́ться отъ своегó намѣ́ренія: она́ оста́лась непреклóнною и посла́ла самогó Хова́нскаго возвѣсти́ть патріа́рху, чтóбы онъ шёлъ на верхъ къ Госуда́рямъ ризполóженскою лѣ́стницею [16]). Хова́нскій, передава́я э́то повелѣ́ніе, сказа́лъ напрóтивъ патріа́рху, бу́дто ему́ вéлѣно идти́ и́менно чéрезъ кра́сное крыльцó, гдѣ собралóсь тогда́ мнóжество изступлённыхъ раскóльниковъ, котóрые готóвы бы́ли умертви́ть первосвяти́теля и всѣ́хъ архіерéевъ. Но Святѣ́йшій Іоаки́мъ, проника́я злой у́мыселъ, поступи́лъ и́наче: онъ повелѣ́лъ взять мнóжество дрéвнихъ ру́кописныхъ книгъ, грéческихъ, и идти́ съ э́тими кни́гами на кра́сное крыльцó архіепи́скопу холмогóрскому Аѳана́сію, да епи́скопамъ: тамбóвскому Леóнтію и ворóнежскому Митрофа́ну (Святóму), та́кже архимандри́тамъ, игу́менамъ и свящéнникамъ всѣ́хъ москóвскихъ церквéй, чтóбы нарóдъ, ви́дя мнóжество дрéвнихъ книгъ, пóнялъ, что готóвы показа́ть ему́ пра́вду, и хотя́ нѣ́сколько укроти́лся: самъ же патріа́рхъ съ прóчими властя́ми пошёлъ въ верхъ лѣ́стницею ризполóженскою. Когда́ кни́ги бы́ли принесены́ и патріа́рхъ пришёлъ въ ца́рскія пала́ты, Хова́нскій снóва на́чалъ съ дéрзостію говори́ть патріа́рху въ прису́тствіи госуда́рей: „нарóдъ си́льно кричи́тъ и прóситъ тебя́, чтобы ты немéдленно шелъ къ нему́ на плóщадь или въ гранови́тую пала́ту для состяза́нія о вѣ́рѣ, а госуда́рямъ, по ихъ мóлодости, тамъ съ тобóю быть не позволя́етъ.“ И обраща́ясь ко всѣ́мъ прису́тствующимъ, сказа́лъ: „éсли же Патріа́рхъ съ властя́ми скóро къ нарóду не пойдётъ, нарóдъ хóчетъ, какъ случи́лось и прéжде, втóргнуться съ ору́жіемъ въ ца́рскія пала́ты для убiéнія патріа́рха и всегó освящéннаго чи́на [17]); и тогда́ бу́детъ опа́сность, чтóбы и сами́мъ госуда́рямъ и всѣ́мъ боя́рамъ не быть поби́тымъ.“ Святѣ́йшій Іоаки́мъ безъ госуда́рей идти́ къ нарóду не соглаша́лся.

Ви́дя всеóбщій у́жасъ и трéпетъ, царéвна рѣши́лась идти́ съ

патріа́рхомъ въ гранови́тую пала́ту; а вмѣ́стѣ съ не́ю пошли́ цари́ца Ната́лія Кири́лловна и царе́вны Татья́на Миха́йловна и Ма́рья Алексѣ́евна. Прише́дши въ пала́ту, ца́рственныя осо́бы сѣ́ли, Софі́я Алексѣ́евна и Татья́на Миха́йловна на двухъ госуда́рственныхъ мѣста́хъ, про́чія вокру́гъ нихъ въ кре́слахъ; тутъ же въ кре́слахъ за́нялъ мѣ́сто и патріа́рхъ, и пото́мъ сѣ́ли по степеня́мъ свои́мъ во́семь митрополи́товъ, пять архіепи́скоповъ и два епи́скопа. Архимандри́ты, игу́мены и весь освяще́нный собо́ръ, равно́ весь ца́рскій сvнкли́тъ, бо́яре, око́льничіе, ду́мные лю́ди, сто́льники, стря́пчіе, жильцы́, дворя́не и вы́борные всѣхъ полко́въ стоя́ли. Хова́нскій съ трудо́мъ уговори́лъ расколоучи́телей, что́бы они́ согласи́лись идти́ на собо́ръ въ гранови́тую пала́ту: они́ ника́къ не хотѣ́ли разста́ться съ пло́щадью, на кото́рой чу́вствовали себя́ сильнѣ́е посреди́ бу́йной че́рни. Наконе́цъ взя́въ крестъ, ева́нгеліе, ико́ны, кни́ги съ ана-ло́ями [18]), скамья́ми и возже́нными свѣча́ми, они́ отпра́вились къ кра́сному крыльцу́ и, воше́дши въ гранови́тую пала́ту съ вели́кимъ безчи́ніемъ, кри́комъ и бу́йствомъ, самово́льно поста́вили свои́ анало́и и скамьи́, положи́ли на нихъ ико́ны и кни́ги, держа́ зажжённыя свѣ́чи. Така́я де́рзость и на́глость порази́ли всѣхъ, и соправи́тельница госуда́рей, царе́вна Софі́я, вопроси́ла мятѣ́жниковъ: „зачѣ́мъ такъ невѣ́жливо и необы́чно они́ вошли́ въ пала́ту къ ца́рскимъ вели́чествамъ, какъ бу́дто къ иновѣ́рнымъ и Бо́га не зна́ющимъ, не ува́живъ ни государскія ни архіере́йскія че́сти, и сотвори́ли безчи́нство, како́е пре́жде никто́ не дерза́лъ соверша́ть?“ Они́ отвѣча́ли: „мы пришли́ утверди́ть ста́рую вѣ́ру; у насъ ны́нѣ принята́ но́вая вѣ́ра; всѣ вы прибыва́ете въ но́вой вѣ́рѣ, въ кото́рой нельзя́ спасти́сь; нужна́ ста́рая.“ — „Что́же есть вѣ́ра? и кака́я ста́рая и но́вая?“ сно́ва спроси́ла царе́вна. Они́ ничего́ не отвѣча́ли и по́дали свою́ челоби́тную. Ду́мный дьякъ, по повелѣ́нію царе́вны, на́чалъ чита́ть челоби́тную гро́мко и внятно. Во вре́мя э́того чте́нія попъ Ники́та Пустосвя́тъ, кото́рому царе́вна ещё пре́жде запрети́ла говори́ть и велѣ́ла стоя́ть въ сторонѣ́, напи́вшись пьянъ, сталъ крича́ть, какъ бѣснова́тый, и оскорбля́ть слова́ми патріа́рха и весь освяще́нный собо́ръ. Холмого́рскій архіепи́скопъ Аѳана́сій хотѣ́лъ воспрети́ть разстри́гѣ; а онъ въ прису́тствіи всѣхъ бро́сился бить и терза́ть архіепи́скопа. Вы́борные съ трудо́мъ оборони́ли святи́теля. Царе́вна Софі́я нѣ́сколько разъ повторя́ла мятѣ́жникамъ, чтобы они́ храни́ли молча́ніе и би́ли чело́мъ, какъ подоба́етъ: кри́ки не умолка́ли. Тогда́ патріархъ, взявъ ева́нгеліе, пи́санное руко́ю Алексѣ́я, Митрополи́та моско́вскаго, и собо́рное дѣ́яніе патріа́рха царегра́дскаго Іереміи о учрежде́ніи патріа́ршества въ Россі́и, на́чалъ со слеза́ми и умиле́ніемъ вразумля́ть предстоя́щихъ люде́й, что они́ напра́сно мяту́тся на св. це́рковь, и пока́зывалъ имъ многочи́сленныя свидѣ́тельства изъ ста́рыхъ книгъ, каса́тельно спо́рныхъ

предмéтовъ. Не знáя, что отвѣчáть, пристыжённые раскóльники, Ники́та Пустосвя́тъ и за нимъ другíе сложи́ли персты́ свой по своему́ обы́чаю для крéстнаго знáменія и, подня́въ ру́ки вверхъ, дóлго и неистово кричáли: „вотъ такъ, вотъ такъ!“ Услы́шавъ такíе безчи́нные кри́ки глу́пыхъ мужикóвъ, привéдшіе всѣхъ въ у́жасъ, царéвна Софíя и съ нéю другíя цáрственныя осóбы со слезáми на глазáхъ встáли съ свои́хъ мѣстъ и хотѣли удали́ться, говоря́, что они́ скорѣе остáвятъ цáрство, нéжели предаду́тъ на попрáніе безу́мнымъ невѣждамъ своё цáрскіе велúчество и благочéстіе. Патріáрхъ и бояре и вы́борные всѣхъ полкóвъ едвá умоли́ли ихъ возврати́ться и дослу́шать челоби́тную. По окончáніи челоби́тной, когдá день склони́лся ужé къ вéчеру, и всѣ крáйне устáли, нé было ничегó скáзано раскóльникамъ отъ цáрскаго Величества, а тóлько объя́влено, что укáзъ имъ бу́детъ данъ въ другóй день.

Вы́шедши изъ цáрской палáты, расколоучи́тели съ свои́мъ безу́мнымъ сóнмищемъ, охраня́емые сóтнею стрѣльцéвъ, котóрыхъ далъ имъ Хованскій, кричáли въ Кремлѣ: „побѣди́хомъ, побѣди́хомъ!“ [19]) и поднимáя ру́ки вверхъ, говори́ли всѣмъ: „такъ слагáйте персты́.“ Дости́гнувъ лóбнаго мѣста [20]), постáвили аналóи и скамьи́, положи́ли на нихъ икóны и стáли учи́ть простóй нарóдъ, бу́дто бы ужé по цáрскому повелѣнію, свои́мъ раскóльническимъ брéднямъ, восклицáя: „такъ вѣру́йте, — мы всѣхъ архіерéевъ препрѣхомъ и посрами́хомъ [21]), — такъ твори́те.“ Никига и егó достóйные товáрищи до тогó кричáли и неистовствовали, что въ изнеможéніи пáдали на зéмлю, какъ бы мёртвые, и точи́ли изъ себя́ пѣну. Продолжáя путь отъ лóбнаго мѣста до Яузы съ свои́ми икóнами, въ сопровождéніи безчи́сленнаго мнóжества нарóда, грóмко пѣли богорóдичны [22]) и другíя свящéнныя пѣсни. За Яузой вошли́ въ цéрковь Всеми́лостиваго Спáса, находи́вшуюся близъ Ти́това прикáза, отслужи́ли молéбенъ Богорóдицѣ и, приказáвъ звони́ть во всѣ колоколá цѣлые три часá, разошли́сь всѣ по домáмъ свои́мъ.

Царéвна Софíя, понявъ ожесточённое упóрство расколоучи́телей у опасáясь мятежá стрѣльцéвъ, въ ту́же ночь потрéбовала къ себѣ вы́борныхъ всѣхъ полкóвъ и всячески убѣждáла ихъ не поддéрживать раскóла, не промѣня́ть всегó ру́сскаго госудáрства на шестеры́хъ бродя́гъ чернецóвъ. Вы́борные всѣ, крóмѣ вы́борныхъ Ти́това прикáза, глáвныхъ зачи́нщиковъ смятéнія, отвѣчáли: „намъ, госудáрыня царéвна, до тогó дѣла нѣтъ, чтóбы стоя́ть за стáрую вѣру; не нáше го дѣло, а святѣйшаго патріáрха и всегó освящённаго собóра.“ Царéвна велѣла вы́борныхъ щéдро награди́ть и угости́ть. Когдá они́ возврати́лись въ свои́ полки́, рядовы́е возстáли на нихъ, какъ на измѣнниковъ, мнóгихъ перевязáли и посади́ли въ тюрьму́, говоря́: „ны́нче вы Ти́товъ прикáзъ вы́дали рукáми безъ нáшего вѣдома, потóмъ вы́дадите и другíе.“ Не смотря́ на э́то, въ вечеру́ слѣдую-

щаго дня вы́борные, какі́е [23]) не́ были заключены́, держа́ли сове́тъ и положи́ли: во всёмъ отказа́ть ста́рцамъ чернеца́мъ и поса́дскимъ. И неме́дленно, отпра́вившись къ царе́внѣ, возвѣсти́ли ей, что хотя́ са́ми они́ твёрдо рѣши́лись оста́ться вѣ́рными да́нному обѣща́нію, но рядовы́е на нихъ возста́ли, мно́гихъ заключи́ли въ темни́цу, мо́гутъ всѣхъ переби́ть и замышля́ютъ произве́сть всео́бщій бунтъ. Царе́вна нашла́сь и въ этомъ слу́чаѣ. Она́ велѣ́ла разосла́ть повѣ́стку по всѣмъ прика́замъ, чтобы изъ вся́каго полка́ шли по 100 человѣ́къ на опа́сный кара́улъ къ Тро́ицѣ, что на рву. Когда́ всѣ собрали́сь и разсужда́ли между собо́ю, какъ вы́борныхъ переби́ть за непра́вду ихъ, и къ патріа́рху по пре́жнему идти́ съ бараба́нами, — яви́лся како́й-то по́сланный и сказа́лъ: „цари́-госуда́ри жа́луютъ васъ по́гребомъ, на 10 человѣ́къ по уша́ту пи́ва и мёду.“ Стрѣ́льцы́, оста́вивъ всѣ свои́ разсужде́нія, бро́сились ка́ждый деся́токъ за свои́мъ уша́томъ къ по́гребу, пригова́ривая: „Чего́ ещё намъ на́до? Чѣмъ насъ вели́кіе госуда́ри не пожа́ловали?“ И, упившись соверше́нно, продолжа́етъ Са́вва, „правовѣ́рныхъ, бра́тію на́шу, возьми́ да бей [24]): вы́-де бунтовщики́ и возмути́ли всѣмъ ца́рствомъ“, такъ что э́ти мни́мо-правовѣ́рные всѣ разбѣжа́лись, кто куда́ могъ. На друго́й день такъ же изъ ка́ждаго полка́ по́-сту человѣ́къ перепои́ли, на тре́тій такъ же, пока́ не перебра́ли всѣхъ рядовы́хъ. Тогда́ стрѣ́льцы́ всѣ единогла́сно принесли́ пови́нныя за рука́ми, что до состяза́ній о ста́рой вѣрѣ имъ дѣ́ла нѣтъ и впередъ они́ не бу́дутъ въ э́то мѣша́ться; да посла́ли сто человѣ́къ схвати́ть пре́жнихъ свои́хъ отцо́въ и привели́ ихъ на Лы́ковъ дворъ съ кара́уломъ. Вино́внѣйшій изъ нихъ Ники́та Пустосвя́тъ былъ казнёнъ во вто́рникъ (21-го іюля) отсѣче́ніемъ главы́; остальны́е чернецы́ о́тданы бы́ли архіере́ямъ подъ стро́гія нача́ла [25]) по́рознь, да нау́чатся не хули́ть св. це́ркви, и разо́сланы бы́ли — Се́ргій въ яросла́вскій монасты́рь, а про́чіе по други́мъ монастыря́мъ.

Вотъ какъ ревнова́ли стрѣ́льцы́ о мни́мо-ста́рой вѣрѣ и за каку́ю ничто́жную цѣ́ну про́дали её! Вся э́та исто́рія пока́зываетъ, что тутъ со́бственными ревни́телями и приве́рженцами раско́ла бы́ли вмѣстѣ съ Ники́тою Пустосвя́томъ пять бродя́гъ-и́ноковъ да нѣ́сколько поса́дскихъ людей; а всѣ про́чіе то́лько вре́менно бы́ли увлечены́ по невѣ́жеству и легкомы́слію. *Мака́рій, Епи́скопъ Ви́нницкій.*

(Исто́рія Ру́сскаго раско́ла).

[1]) обы́кновенно: властя́ми. [2]) вѣрнѣе: послѣ́дніе, Нкл. Свт. ст. 14. [3]) Ц. сл. днях. [4]) Ц. сл. вм. тако́го. [5]) Ц. сл. вм. бра́тья. [6]) Въ нѣ́которыхъ старопеча́тныхъ, то есть и́зданныхъ до патріа́рха Ни́кона церко́вныхъ кни́гахъ, въ 8-мъ чле́нѣ симво́ла вѣ́ры вмѣ́сто словъ: „и въ Ду́ха свята́го, Го́спода животворя́щаго“ напеча́тано: „и въ Ду́ха свята́го, Го́спода и́стиннаго“. Этого те́кста стро́го де́ржатся раско́льники. [7]) стар. я не иску́сенъ въ э́томъ дѣ́лѣ. [8]) стар на землѣ́. [9]) поставля́ющій благоче́стіе въ исполне́ніи одни́хъ нару́жныхъ обря́довъ вѣ́ры; а та́кже лицемѣ́рно, притво́рно на́божный. [10]) вѣрнѣе: Ти́товомъ. [11]) въ ца́рскіе поко́и, въ ца̀рскіе терема́. [12]) це́рковь при архіере́йскомъ домѣ. [13]) рѣ́чка въ Москвѣ́, впада́ющая въ Москву́ рѣку́. [14]) это зна-

чи́тъ: протоіере́я, состоя́вшаго священнослужи́телемъ при це́ркви Всеми́лостиваго Спа́са, что на бору́, въ Кремлѣ. [15]) Осо́бенное зда́ніе въ Кремлѣ́ съ большо́й за́лой, гдѣ ме́жду про́чимъ принима́емы бы́ли иностра́нные послы́. [16]) кото́рая вела́ въ грановитую пала́ту изъ це́ркви положе́нія ризъ. [17]) духо́вное сосло́віе. [18]) Греч. родъ сто́лика, на кото́рый кладу́тся въ це́ркви богослуже́бныя кни́ги. [19]) Ц. сл. мы побѣди́ли. [20]) Со́бственно мѣ́сто ка́зни, а та́кже мѣ́сто на кра́сной пло́щади, гдѣ объявля́ли наро́ду во́лю Прави́тельства. [21]) Ц. сл. мы переспо́рили и посрами́ли. [22]) пѣ́сни въ честь Богоро́дицы. [23]) вѣрнѣе: кото́рые. [24]) на́чали бить. [25]) подъ надзо́ръ и для исправле́нія увѣща́ніями.

---

23. Осада Риги Шереметьевымъ (1709—1710).

Шереме́тьевъ вы́ступилъ изъ-подъ [1]) Полта́вы, іюля 15-го [2]), съ 24 полка́ми пѣхо́ты, 8 полка́ми ко́нницы и 200 казако́въ, но то́лько въ нача́лѣ октября́ могъ онъ нача́ть блока́ду Ри́ги. Штро́мбергъ, имѣ́я до 12,000 во́йска, пригото́вился къ упо́рной защи́тѣ, сжёгъ ри́жскіе форшта́ты и оста́вилъ Бальдо́нъ и Ко́брунъ, неме́дленно за́нятые Ру́сскими. Недово́льный [3]) сла́бою блока́дою Шереме́тьева, царь ли́чно осмотрѣ́лъ окре́стности Ри́ги и подъѣзжа́лъ такъ бли́зко къ городски́мъ укрѣпле́ніямъ, что, узна́вши его́, непрія́тель откры́лъ пальбу́. Царь ве́село шути́лъ подъ я́драми съ стоя́вшимъ по́длѣ него́ ге́тманомъ Оги́нскимъ. По прика́зу царя́ укрѣпи́ли [4]) ме́льницу на Двинѣ́ и тѣмъ пресѣ́кли сообще́ніе Ри́ги съ Динами́ндомъ, а ни́же Ко́бруна, переимено́ваннаго Пи́теръ-шанцомъ, заложи́ли морти́рную баттаре́ю. Царь самъ бро́силъ три пе́рвыя бо́мбы въ го́родъ. „Мы на́чали бомбардирова́ть Ри́гу“, писа́лъ онъ Долгору́кому, „и я свои́ми рука́ми подари́лъ э́тому мѣ́сту три пе́рвыя бо́мбы, а тѣмъ, сла́ва Бо́гу, испо́лнилъ моё сло́во — заплати́ть за оби́ду мою́!“ Онъ по́мнилъ ещё объ оскорбле́ніяхъ, ока́занныхъ ему́ въ Ри́гѣ, въ 1697 году́. „Не говори́ королю́ Августу, что мы на́чали бомбардирова́ть Ри́гу, и пусть онъ ду́маетъ, что мы бережёмъ Ри́гу для него́“, прибавля́лъ царь. Замѣча́тельно, что одна́ изъ бомбъ, пу́щенныхъ имъ, попа́ла въ городску́ю це́рковь св. Петра́, друга́я въ городско́й бо́лверкъ, а тре́тья въ оди́нъ изъ ча́стныхъ домо́въ. Послѣ́ отъѣ́зда царя́ Шереме́тьевъ перевёлъ во́йско въ Курля́ндію. Гла́вная кварти́ра его́ была́ въ Мита́вѣ; во́йско ру́сское за́няло Фри́дрихштадтъ, Ба́ускъ, Ту́ккумъ, Пи́льтенъ. Подъ Ри́гою 2000 человѣ́къ занима́ли Юнгферньго́фъ, 1000 Пи́теръ-шанцъ, 500 Ки́рхгольмъ и 2500 бы́ло въ резе́рвѣ за Юнгферньго́фомъ. Войска́ сіи смѣня́лись ежемѣ́сячно, и безпреры́вно трево́жили го́родъ. Князь Репни́нъ нача́льствовалъ блока́дою......

Че́резъ мѣ́сяцъ по́слѣ паде́нія Вы́борга, покори́лась ца́рскому ору́жію огра́да Ливо́ніи, дре́вній го́родъ крестоно́сцевъ ливо́нскихъ, осно́ванный за́ пять столѣ́тій, счита́вшійся пе́рвымъ шве́дскимъ го́родомъ по́слѣ Стокго́льма по опредѣле́нію Ка́рла XI-го, ви́дѣвшій бѣжа́вшія отъ стѣнъ его́ дружи́ны царя́ Алексѣ́я въ 1656 году́,

богáтый торгóвлею [5]), многолю́дный, дéсять лѣтъ пренебрегáвшій кипѣ́вшею [6]) óкрестъ негó войнóю и побѣ́дами Рýсскихъ — покори́лась Ри́га.

Завоевáніе Ри́ги бы́ло не легкó при си́льныхъ укрѣпле́ніяхъ, многочи́сленности гарнизóна, мýжествѣ комендáнта. Мы ви́дѣли, что пéрвымъ дѣ́ломъ царя́ пóслѣ полтáвской побѣ́ды былá осáда Ри́ги, и что ещё съ октября́ 1709 гóда начатá былá блокáда ея́. Комендáнтъ не тóлько не слýшалъ предложе́ній о сдáчѣ, но осмѣ́лился дáже отвѣчáть ругáтельными объявле́ніями, называ́я Рýсскихъ и царя́ ихъ вáрварами и призыва́я Лифля́ндцевъ соедини́ться съ шве́дскимъ вóйскомъ. По вóлѣ царя́ Шереме́тьевъ отвѣчáлъ емý, „подражáя егó шти́лю [7]), въ кóемъ и бýдутъ всегдá емý отвѣчáть, éсли онъ не бýдетъ писáть учти́вѣе“, говори́лъ рýсскій полковóдецъ. „Порá вспóмнить“, продолжáлъ онъ, „что гóрдость уже неприли́чна Шве́дамъ, и лýчше быть имъ посмирнѣ́е. Но ви́дно, честолю́біе имъ свóйственно, éсли и несчáстіе ихъ не вразумля́етъ. Мы пришли́ не отяготи́ть Лифля́ндію отъ ихъ притѣсне́ній и влáсти короля́, и́стиннаго вáрвара, по безчеловѣ́чію егó [8]) остáвившаго и раззори́вшаго свои́хъ пóдданныхъ. Мы, вáрвары, почти́ли чéстью дáже плѣ́нныхъ Шве́довъ, забывáя непрáведную войнý, оби́ды и раззоре́нія. Пусть вспóмнятъ господá Шве́ды, что гнѣвъ безси́льный смѣшёнъ. И къ какóму вóйску веля́тъ они́ присоедини́ться жи́телямъ, когдá [9]) въ Лифля́ндіи, крóмѣ запертыхъ въ стѣнáхъ Ри́ги, нѣтъ и десяти́ шве́дскихъ солдáтъ?“

Осаждённые ожидáли, что тóлько веснóю начнётся настоя́щая осáда, но ихъ ужаснýли рýсскія бóмбы, во мнóжествѣ полетѣ́вшія въ гóродъ декабря́ 4-го, „едвá по утрý раздали́сь звýки оргáновъ въ собóрной цéркви“, говори́тъ самови́децъ осáды. На другóй день бомбардировáніе замóлкло, но 10-го возобнови́лось. Декабря́ 12-го въ пóлночь взорвáло бóмбами пороховóй магазéйнъ, изъ кóего разлетѣ́лось по гóроду 1800 бомбъ, уби́то бы́ло 800 человѣ́къ, разрýшились мнóгія здáнія въ цитадéли и развали́лась часть стѣнъ. Сочтенó [10]), что съ 14-го ноября́ до 17-го мáрта брóшено бы́ло въ Ри́гу до 1200 бомбъ, и учиненó по гóроду бóлѣе 1500 вы́стрѣловъ. Ещё бóлѣе бѣ́дствій причиня́ли Ри́гѣ два стрáшные [11]) непрія́теля — гóлодъ и зарáза. Ты́сячи ги́бли отъ недостáтка пропитáнія и повáльныхъ болѣ́зней, имъ причиня́емыхъ. Къ веснѣ́ всѣ запáсы бы́ли истощены́ и зарáза уси́лилась. Кто могъ изъ жи́телей бѣжáть, бѣжáлъ къ Рýсскимъ, а настоя́щая осáда тóлько что начинáлась! Въ мáртѣ обложи́ло Ри́гу всё многочи́сленное вóйско Шереме́тьева. Пальбá и бомбардировáніе уси́лены бы́ли въ концѣ́ мáрта. Рýсскіе овладѣ́ли чáстью форштáтовъ и постáвили баттарéи такъ бли́зко подлѣ́ крѣ́пости, что дальнѣ́йшее упóрство осаждённыхъ моглó обра-

тить въ груду развалинъ весь городъ, ещё недавно столь многолюдный и богатый. Дѣятельность Русскихъ остановило на нѣкоторое время неожиданное бѣдствіе: язва изъ города занесена была въ русскій лагерь, распространилась въ нёмъ и погубила нѣсколько тысячъ человѣкъ. Надобно было принимать предосторожности, прекратить сношеніе съ заражёнными мѣстами. Пользуясь тѣмъ, въ началѣ іюня шведская эскадра хотѣла пробраться къ городу по Двинѣ. Русскія баттареи заставили её удалиться. Въ половинѣ іюня кончены были послѣднія баттареи русскія. Щадя жителей и упорнаго непріятеля, Шереметьевъ послалъ съ послѣднимъ предложеніемъ о сдачѣ. Жители умоляли о томъ коменданта. Онъ просилъ два дня на совѣщаніе и ещё разъ отказался сдать городъ, даже заключилъ въ тюрьму старшинъ города, смѣло представлявшихъ ему безполезность упорства. Іюня 14-го страшно грянули русскія баттареи. Пожары запылали въ городѣ; люди гибли; зданія превращались въ груды обломковъ. Въ теченіи десяти дней, не умолкая ни днёмъ, ни ночью, русскія мортиры бросили въ городъ 630 бомбъ 9ти-пудовыхъ и 2759 пяти-пудовыхъ. Комендантъ выслалъ просить перемирія и десяти дней срока на совѣтъ. Согласились дать ему два дня отсрочки, потомъ прибавили ещё день, и 30-го іюня явились въ лагерь депутаты отъ гарнизона и отъ города. Условія Шереметьева были рѣшительныя: гарнизону сдаться безусловно, а жителямъ и дворянству присягнуть на подданство царю. Споры продолжались недолго. Шереметьевъ согласился наконецъ позволить гарнизону выйти изъ крѣпости съ ружьями, знамёбами, барабанами и 6-ю полевыми пушками, исключая служащихъ въ шведскомъ войскѣ Лифляндцевъ. По договору съ жителями города и дворянствомъ, Рига и Лифляндія присягали на подданство царю. Актъ подданства начинался словами: „Не токмо изъ объявленной Израильскому народу экономіи Божіяго правленія извѣстно, что перемѣны во владѣніяхъ отъ Всевышняго [12]) дирекціи зависятъ и на пользу людямъ располагаются, но и по натуральному разсужденію признаётся, что Всевышній временами правитъ, и Онъ есть причина начальная всѣхъ дѣлъ, какъ непредѣльному его предувѣдѣнію [13]) учинить. И равно такъ и нынѣ пришло, что земля Ливонская съ городами и обывателями отъ короны свейской взимается и Его Царскому Величеству поддана и подвержена быть имѣетъ [14]).“ Подробно подтверждены были Рижанамъ и дворянству лифляндскому свобода вѣроисповѣданія, права, привиллегіи; обѣщано отмѣнéніе редукцій [15]), охраненіе вольностей и законовъ. Іюля 4-го шведское войско, 250 офицеровъ и 4000 солдатъ, бѣдный остатокъ (на половину состоявшій изъ больныхъ и раненыхъ) отъ 12,000 храбраго шведскаго гарнизона, оставилъ Ригу. Русскіе заняли сто-

лйцу Лифляндіи. Онá представляла стрáшное зрѣлище разрушéнія. Числó вóйска и жителей, погибшихъ во всё врéмя облежáнія и осáды гóрода, полагáли до 60,000. Въ Рйгѣ нáйдена громáдная артиллéрія, 85 мѣдныхъ и 227 чугýнныхъ пýшекъ, 18 мортйръ, 5 гаубйцъ, и въ цитадéли 15 мѣдныхъ, 239 чугýнныхъ пýшекъ, 43 мортйры, 7 гаубйцъ, а всегó до 639 орýдій. Іюля 14-го Шеремéтьевъ торжéственно въѣхалъ въ Рйгу при пýшечной пальбѣ. У городскйхъ ворóтъ поднеслй емý два золотыe ключá, въ три фýнта вѣсомъ, съ нáдписью: Rigae devictae obsequium a supremo totius Russiae campi praefecto com. Boris Scheremeteff anno salutis MDCCX die XIV. Julii. Въ дрéвнемъ королéвскомъ зáмкѣ привѣтствовали егó орáціею [16]. „Богъ возвышáетъ и низлагáетъ цáрства“, говорйлъ орáторъ, „и мы благоговѣйно преклоняемъ колѣна предъ монáрхомъ, йзбраннымъ возвелйчить Россію.“ Въ собóрѣ ученинá былá присáга дворянства. На осóбо устрóенномъ мѣстѣ пéредъ рáтушею, сйдя въ богáтыхъ крéслахъ, фельдмáршалъ прйнялъ присáгу грáжданъ. Въ рýсскомъ лáгерѣ былъ роскóшный пиръ для нóвыхъ пóдданныхъ цáрскихъ. Немéдленно повсюду замѣнйли швéдскихъ львовъ рýсскіе орлы́, и ужé не слетáли онй съ тѣхъ поръ съ дрéвнихъ стѣнъ и бáшенъ рйжскихъ. Приказáвъ очищáть гóродъ, возобновлять укрѣплéнія и здáнія, возстановйть сообщéнія изнурённыхъ жителей съ другйми мѣстáми, Шеремéтьевъ отвёлъ вóйско рýсское отдохнýть въ удóбныхъ квартйрахъ. *Н. Полевóй.*

[1]) Снт. III. § 79. [2]) Снт. III. § 11. 6). Нкл. Снт. ст. 80. [3]) Снт. III. § 22. 1). Нкл. Снт. ст. 82. [4]) Снт. III. § 74. 6). [5]) Снт. III. 22. 1). Нкл. Снт. ст. 82. [6]) Снт. III. § 41. 5). Нкл. Снт. ст. 84. [7]) Т. е. слóгу. Нкл. Снт. ст. 70. [8]) Прáвильнѣе: своемý. Снт. III. § 33. [9]) Снт. III. § 88. 12). [10]) Снт. III. § 47 6). [11]) Снт. III. § 7. 3). [12]) Вмѣсто: отъ дирéкціи Всевы́шняго. [13]) Неуп. вм. безпредѣльному предвѣдáнію. [14]) Старйнный оборóтъ вм. должнá быть подвéржена, или прóсто: бýдетъ подвéржена. [15]) Редукціею назывáлось возвращéніе въ казнý дворянскихъ имѣній. [16]) Т. е. рѣчью.

---

24. Петръ Великій въ Ригѣ.

Царь отпрáвился изъ Петербýрга, мáрта 16-го дня 1721 гóда, въ Рйгу, на встрѣчу гéрцога Голштйнскаго. Посóлъ гéрцога, графъ Бассéвичъ, находйлся при цáрскомъ дворѣ и вйдѣлъ дрýжеское отношéніе къ немý царя и всегó семéйства цáрскаго. Не уважáя нóвыхъ протéстовъ Дáніи, царь привѣтливо встрѣтилъ гéрцога, прибы́вшаго въ Рйгу съ племянницею цáрскою, герцогйнею курляндскою. Рýсскій дворъ явйлся въ европéйскомъ велйчіи. Въ Рйгѣ прóжилъ царь до половйны мáя, пирýя съ дорогймъ гóстемъ своймъ и заставляя Бассéвича вмѣсто гéрцога осушáть кýбки. Рижáне удивлялись простотѣ [1]) обхождéнія царя, ужé вйдя въ нёмъ своегó государя. Царь пѣшкóмъ гулялъ по гóроду. Иногдá заходйлъ къ стáрому

бургомистру Шварцу, спрашивалъ у него: изготовлено ли въ тотъ день любимое его блюдо, verlorenes Huhn (ветчина съ горохомъ и брюквой), и если оно было готово, садился обѣдать съ Шварцемъ запросто. Онъ являлся безъ свиты въ толпѣ народной, посѣщалъ мастеровыхъ и однажды самъ разнималъ драку пьяныхъ бюргеровъ на улицѣ. Великолѣпная рижская церковь св. Петра сгорѣла въ то время. Царь былъ на пожарѣ, велѣлъ возобновить церковь на свой счётъ и купить для нея органы въ 5000 талеровъ. Изъ Риги проѣхалъ онъ съ гостемъ своимъ въ Ревель и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ 19-го іюня.

[1]) Снт. Ш. § 44. 3. б). Нкл. Снт. ст. 70.

25. Торжество полтавской побѣды въ Москвѣ.

Декабря 21-го 1709 былъ день полтавскаго тріумфа. При пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ, грохотѣ барабановъ и громѣ музыки началось шествіе въ Кремль отъ серпуховскихъ воротъ. Безчисленное множество народа покрывало улицу и площади. У домовъ поставлены были по доброй волѣ жителей столы, покрытые скатертями, и хозяева съ семействами, по мѣрѣ приближенія царя, стоя у столовъ и держа въ рукахъ хлѣбъ-соль, кланялись ему и привѣтствовали его: хлѣбосольная Москва встрѣчала царя съ хлѣбомъ-солью. Толпы народныя, сливаясь съ шествіемъ, росли по мѣрѣ движенія его. Шествіе открывали трубачи и семеновскій полкъ, съ полковникомъ его, княземъ М. М. Голицынымъ; за нимъ несли и везли трофеи битвы подъ Лѣснымъ — 17 пушекъ, 44 знамени, 6 фуръ съ барабанами и трубами шведскими; далѣе шли офицеры, въ сей битвѣ плѣнённые. Потомъ слѣдовали: рота преображенцевъ, 26,000 полтавскихъ плѣнниковъ, по 4 въ рядъ, 68 пушекъ и 318 знамёнъ шведскихъ, 48 фуръ, съ барабанами и трубами; плѣнные шведскіе офицеры (263 прапорщика, 275 поручиковъ, 247 капитановъ, 25 маіоровъ, 15 подполковниковъ, 10 полковниковъ), королевскій обозъ, королевская канцелярія, носилки Карла XII-го, 6 генераловъ, и Левенгауптъ, Рейншильдъ, Пиперъ, пѣшіе, безъ шпагъ, заключали безконечное протяженіе трофеевъ. За ними ѣхалъ верхомъ преображенскаго полка полковникъ Пётръ Алексѣевичъ, въ томъ мундирѣ, въ той шляпѣ, которые были на нёмъ подъ Полтавою. Вѣрные сподвижники, Шереметьевъ и Меньшиковъ, были подлѣ него. Закалённые въ бояхъ преображенцы шли за нимъ. У каждыхъ торжественныхъ вратъ встрѣчали царя съ хлѣбомъ-солью строители ихъ, и хоры пѣвчихъ, одѣтыхъ въ цвѣтныя платья, пѣли кантаты, желая здравія и побѣдъ царю. Трубачи,

скры́тые въ верху́ воро́тъ, заключа́ли пѣ́ніе звуко́мъ трубъ. Торже́ственны бы́ли мину́ты, когда́ Царь прибли́зился къ врата́мъ духове́нства. Здѣ́сь жда́ли его́ первосвятители и многочисленное духове́нство. Пальба́, му́зыка, звонъ умо́лкли, и среди́ глубо́кой тишины́ митрополи́тъ рязанскій привѣ́тствовалъ царя́ рѣ́чью. Благоговѣ́йно, снявъ шля́пу и опусти́въ шпа́гу, внима́лъ ей царь, сойдя́ съ ло́шади. Онъ приложи́лся къ ико́намъ, и безъ шля́пы послѣ́довалъ за духове́нствомъ при пѣ́ніи свяще́нной пѣ́сни: „Кто тебе́ не ублажи́тъ, пресвята́я дѣ́во!" Когда́ прибли́зился онъ къ успе́нскому собо́ру, хоръ умо́лкъ — Царь устреми́лъ взо́ры на о́бразъ Богома́тери надъ вхо́домъ въ храмъ, и чу́вствами невыноси́мыми испо́лнилась душа́ его́, слё́зы потекли́ изъ его́ очей. Царь-побѣди́тель палъ на колѣ́ни и рыда́я провозгласи́лъ гро́мко: „Заступле́ніемъ твои́мъ побѣ́да моя́!" При ви́дѣ хра́ма, гдѣ нѣ́когда при́нялъ онъ вѣне́цъ, па́мять о собы́тіяхъ двадцати́ семи́ лѣтъ, по́слѣ того́ пролетѣ́вшихъ, обо всёмъ, что ви́дѣлъ, чу́вствовалъ, испыта́лъ онъ въ сіи́ го́ды, съ тѣхъ поръ, когда́ беззащи́тнымъ о́трокомъ стоя́лъ здѣ́сь, и кровь убіе́нныхъ [1]) врага́ми друзе́й его́ и родны́хъ дыми́лась о́крестъ него́, обо всёмъ, что сдѣ́лалъ онъ для Россі́и съ тѣхъ поръ, онъ, побѣди́телемъ стоя́вшій тепе́рь среди́ трофе́евъ войны́, поста́вившей его́ на среду́ вели́кихъ царе́й — мысль и о томъ, что ещё таи́лось въ вели́кой душѣ́ его́, о по́двигахъ, предлежа́вшихъ ему́, всё взволнова́ло ду́шу его́. Ви́дя слё́зы царя́, никто́ не удержа́лъ слёзъ свои́хъ. Всѣ пове́рглись на колѣ́ни, и нѣ́сколько мгнове́ній пролетѣ́ло въ тишинѣ́ моли́твы, прерыва́емой то́лько рыда́ніями. Царь вошёлъ пото́мъ въ дре́вній храмъ, и по отправле́ніи благода́рственнаго моле́бствія, распрости́вшись со всѣ́ми, съ немно́гими приближёнными удали́лся въ кремле́вскій дворе́цъ. День свечерѣ́лъ въ тишинѣ́, пре́рванной то́лько по́слѣ моле́бствія гро́мкимъ звო́номъ и тремя́ за́лпами артилле́ріи. Прекра́сенъ былъ сей вели́кій день въ жи́зни царя́ вели́каго.

На друго́й день начался́ весёлый пра́здникъ. На цари́цыномъ лугу́ вы́строено бы́ло огро́мное деревя́нное зда́ніе, раскра́шенное и раззоло́ченное; во́йско и наро́дъ, для ко́ихъ пригото́влено бы́ло на пло́щади угоще́ніе, окружа́ли его́. Царь и его́ вельмо́жи, полково́дцы и зна́тные чино́вники вступи́ли въ великолѣ́пную за́лу, гдѣ на тро́нѣ, въ стари́нномъ ца́рскомъ наря́дѣ, сидѣ́лъ князь Ке́сарь [2]). Съ покло́нами подступа́я къ тро́ну его́, доноси́ли: Шереме́тьевъ о побѣ́дѣ, „Его́ ке́сарскимъ сча́стіемъ" одержанной подъ Полта́вою; Ме́ньшиковъ о плѣне́ніи шве́дскаго во́йска подъ Переволо́чною; полко́вникъ Пётръ Алексѣ́евичъ о побѣ́дѣ подъ Лѣсны́мъ. Ке́сарь ми́лостиво привѣ́тствовалъ ихъ. За тѣмъ ввели́ плѣ́нныхъ. Привѣ́тствуя ихъ, Ке́сарь махну́лъ руко́ю — за́дняя стѣна́ за́лы исче́зла и от-

крыла множество столовъ, обременённыхъ кушаньями и напитками, разставленныхъ въ другой обширной залѣ, гдѣ усѣлось болѣе тысячи человѣкъ гостей. Начался пиръ, и въ шумѣ его даже печальные плѣнники забыли горе своё, угощаемые роскошно, сидѣвшіе наравнѣ съ побѣдителями. Подъ особымъ балдахиномъ, отдѣльно отъ всѣхъ, сидѣли Кесарь, полковникъ Пётръ Алексѣевичъ, фельдмаршалы Шереметьевъ и Меньшиковъ, и канцлеръ графъ Головкинъ. Не жалѣли кубковъ за здравія, начиная съ Кесарева. Пили и за здоровье Рейншильда и Пипера. Народъ пировалъ на площади. Солдатъ и плѣнныхъ Шведовъ угощали въ казармахъ. При звукѣ музыки и пушечной пальбѣ загорѣлись три щита, изображавшіе Лѣсное, Полтаву, Переволочну, при безчисленномъ множествѣ ракетъ и бураковъ. Вся Москва между тѣмъ была освѣщена. Пушки гремѣли безъ умолку, и весёлье и пиръ продолжались до полуночи, хотя столъ кончился въ 6 часовъ вечера Попойка была безъ чиновъ. Царь обнималъ Рейншильда, Меньшиковъ Левенгаупта. На другой день былъ обѣдъ для духовенства. Опять угощали войско, народъ и плѣнныхъ Шведовъ, были фейерверкъ и освѣщеніе города. Царь не щадилъ наградъ и милостей. Онъ веселился за девять лѣтъ трудовъ и подвиговъ.

[1]) Ц. Слав. форма, вм. убитыхъ. [2]) Такой титулъ данъ былъ Имп. Петромъ 1-мъ боярину Ромодановскому.

26. Пётръ Великій при Прутѣ.

......Великій визирь, ловкій на забавы Султана, но съ роду не обнажавшій сабли, шёлъ и боялся царя, не вѣрилъ, что Русскихъ идётъ противъ него всего 40,000 человѣкъ, и что они сами предаются въ руки Оттомановъ. Онъ послалъ предварительно сильный отрядъ, напавшій на отрядъ Януса, ужé безъ того отступавшій. Заслышавъ канонаду, царь поскакалъ къ Янусу съ гвардіею, ингерманландскимъ и астраханскимъ полками, и прикрылъ его отступленіе. Русскіе сошлись съ Турками.

Вечеромъ собранъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено отступать, пока Турки не принудятъ сильнымъ нападеніемъ къ бою.... Стройно отступало русское войско.....

Съ разсвѣтомъ іюля 9-го начались нападенія турецкой и татарской конницы. Останавливаясь и ограждаясь рогатками, Русскіе отбивали натиски непріятеля картечью и ружейнымъ огнёмъ. Только однажды успѣли нападающіе прорваться до обоза, но ихъ выгнали штыками. Такъ продолжалось до полудня, пока жаръ и усталость заставили Русскихъ остановиться. Достопамятное мѣсто, гдѣ тогда

остановился царь, извѣстно подъ именемъ *Рябой Могилы*, и замѣтно по высокому кургану, на коемъ, какъ говоритъ преданіе, разбита была тогда ставка крымскаго хана. Донынѣ видны ещё тамъ слѣды окоповъ. Турки называютъ сію долину *Горсести*. Ниже находится мѣстечко *Гушъ*, или Кусъ. Долина окружена возвышенностями, и въ ней, расположа лагерь треугольникомъ, основаніе коего обращено было къ берегу Прута, Русскіе видѣли, какъ всѣ окрестныя высоты занимала безчисленная турецкая армія. Толпы Турокъ окружили въ видѣ полумѣсяца весь русскій лагерь, примыкаясь обоими концами обширнаго полукруга къ берегамъ Прута. Татары перешли на лѣвый берегъ рѣки. Часа за три до захожденія солнца увидѣли приближавшуюся толпу турецкой пѣхоты. Устроясь густымъ клиномъ, уголъ коего шёлъ впередъ, приблизились Турки и въ 30-ти шагахъ открыли огонь. Русскіе ждали ихъ. Картечи смяли и отодвинули нестройную толпу. Она поколебалась, преслѣдуемая ядрами. Царь велѣлъ сдвинуть сколько можно болѣе пушекъ. Новое приближеніе Турокъ встрѣтили перекрестные пушечные выстрѣлы. Турки шли упорно. Упрямство ихъ охладили бѣглымъ ружейнымъ огнёмъ. Конница Турокъ летала кругомъ и рвалась въ лагерь со всѣхъ сторонъ. Стройная, хладнокровная защита Русскихъ предводима была царёмъ. Онъ не жалѣлъ себя и бросался въ огонь. Въ безпрерывной битвѣ наступилъ вечеръ и, отбитые въ послѣдній разъ, въ безпорядкѣ побѣжали Турки. Нападеніе на бѣгущихъ могло произвесть общее замѣшательство въ турецкой арміи, можетъ быть, даже доставить побѣду, но войско русское было утомлено походомъ съ утра, трехъчасовымъ боемъ, нестерпимымъ жаромъ, голодомъ и жаждою. Царь опасался также оставить лагерь, прикрытый только телегами и рогатками; ибо окопаться было некогда. Настала ночь. Русскіе оплакивали смерть генералъ-маіора Видмана, 44-ёхъ офицеровъ со 700 солдатъ. Ранены были генералы Аллартъ и князь Волконскій, 90 офицеровъ, 1300 солдатъ. Наставшая ночь была ужасна. Безчисленные огни освѣтили окрестности и показали необъятность силъ непріятеля. Всю ночь слышенъ былъ шумъ, и видно было движеніе въ турецкомъ лагерѣ. Видѣли, что Турки окапываютъ лагерь свой кругомъ. Отъ плѣнныхъ узнали о числѣ непріятеля: Турокъ приходилось *семеро* на *одного*, ибо въ русскомъ войскѣ было всего 31,554 пѣхоты и 6692 конницы Артиллерію русскую составляли 87 полковыхъ и 10 большихъ пушекъ; 23 мортиры и 2 гаубицы. Пока утомлённыя войска предавались смутному покою, царь, мрачный и безмолвный, удалился въ свой шатёръ и не велѣлъ никого впускать къ себѣ.

Воображаемъ тяжкую думу Великаго въ роковую ночь на *10-е іюля 1711 года*. Онъ самъ признавался въ послѣдствіи, что никогда,

ни прéжде, ни пóслѣ, нé-было для негó минýтъ столь грýстныхъ и тя́жкихъ.....

Извиня́я ошибки Шереме́тьева, Януса, Кантеми́ра, онъ вини́лъ тóлько одногó себя́, свою́ опромéтчивость, неосторóжность, небрéжность. А если и са́мая би́тва не смерть, а безсла́вный плѣнъ готóвила емý!... И *кто* былъ побѣди́телемъ царя́? Толпа́ Тýрокъ, предводи́мая шутóмъ Султа́на!

Но когда́ тя́жкою дýмою терза́лся Вели́кій, уединённый въ шатрѣ своёмъ, благовѣстницею спасéнія явилась передъ нимъ егó супрýга. Она́ упа́ла на колѣни при мóлніи, блеснýвшей отъ взóра егó, и умоля́ла вы́слушать слова́ ея́.

Гóлосъ любви́ дошёлъ до сéрдца печа́льнаго царя́. Екатери́на предложи́ла емý, что мóжно ещё попыта́ться посла́ть къ визи́рю, и узна́ть, не согласи́тся ли онъ на миръ?.....

Лучъ утѣшéнія и надéжды освѣти́лъ дýшу царя́. Каза́лось, онъ óжилъ. Шереме́тьевъ былъ пóзванъ къ немý и отвѣча́лъ на слова́ егó, что они́ ужé говори́ли о томъ съ цари́цею, Кантеми́ромъ и Рагузи́нскимъ, и что зна́я свóйства оттома́нской поли́тики и хара́ктеръ визи́ря, почти́ нельзя́ сомнѣва́ться въ успѣхѣ. Немéдленно вы́брали гвардéйскаго ýнтеръ-офицéра Шéпелева, и онъ отпра́вился съ письмóмъ фельдма́ршала къ Осма́ну-агѣ, Кіа́іи, или секретарю́ визи́рскому. Цари́ца та́йно вручи́ла емý бога́тые пода́рки къ Кіа́іи и визи́рю, отдала́ свои́ брилья́нты и зóлото. На востóкѣ ничтó не дѣлается безъ пода́рка.....

Царь, какъ бýдто устыди́лся своегó бездѣ́йствія [1]). Онъ вы́шелъ къ вóйску хладнокрóвный и спокóйный. Немéдленно сóбранъ былъ совѣтъ генера́ловъ; разсужда́ли о положéніи вóйска и опредѣли́ли: „Если непріятель не согласится на миръ, и бýдетъ трéбовать, чтобы *сдали́сь на дискрéцію* [2]) *и рýжья положи́ли*, то *пробива́тья сквозь непрія́тельскую си́лу, какъ чéстнымъ и хра́брымъ вóинамъ присто́йно.*“ Кóнницу полóжено бы́ло оста́вить въ обóзѣ, котóрый укрѣпи́ть окóпами и телéгами. Бой долженствова́лъ быть смéртнымъ. Побѣ́да могла́ рѣши́ть всё, а *мéртвіи сра́ма не и́мутъ* [3]), говори́лъ прéдокъ царя́ [4]), недалекó отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Вели́кій обрека́лъ себя́ на смерть или побѣ́ду.

Въ сіи́ минýты рѣши́тельныя царь дýмалъ тóлько о „любéзной емý Россíи.“ Пока́ другíе готóвили орýжіе и укрѣпля́ли ла́герь, онъ удали́лся въ шатёръ свой и написа́лъ слѣ́дующее письмó Сена́ту:

„Господа сена́торы!

Увѣдомля́ю васъ чрезъ сіé, что я со всѣмъ моимъ вóйскомъ, безъ на́шей вины́ и оши́бки, но тóлько чрезъ лóжно полýченное извѣ́стіе, окружёнъ вчéтверо сильнѣ́йшимъ турéцкимъ вóйскомъ, таки́мъ óбра-

зомъ и сто́лько, что всѣ доро́ги къ провозу провіа́нта пресѣчены, и я безъ осо́бенной Бо́жеской по́мощи ничего́, какъ соверше́нное на́ше истребле́ніе и́ли туре́цкій плѣнъ[5]) *предусма́триваю. Если случи́тся послѣднее, то не должны́ вы меня́ почита́ть царёмъ, ва́шимъ госуда́ремъ, и ничего́ исполня́ть, что бы до ва́шихъ рукъ ни дошло́, хотя́ бы то было и собственноручное моё повелѣніе, пока́мѣстъ не уви́дите меня́ самоли́чно. Ежели я поги́бну и вы полу́чите вѣрное извѣ́стіе о мое́й сме́рти, то избери́те между собо́ю досто́йнѣйшаго мои́мъ пре́емникомъ.*

Пётръ.

....Царь призва́лъ къ себѣ́ отли́чнаго офице́ра (не зна́емъ и́мени его́) и спроси́лъ: „Надѣ́ется ли онъ пробра́ться въ Россі́ю сквозь туре́цкое во́йско“, и по́слѣ отвѣ́та утверди́тельнаго вручи́лъ ему́ письмо́ въ Сена́тъ, поцѣлова́лъ его́ въ го́лову, благослови́лъ и отпусти́лъ съ слова́ми: *Ступа́й съ Бо́гомъ!*

Здѣ́сь, въ такія мра́чныя мину́ты жи́зни позна́ётся вели́чіе человѣ́ка, а не среди́ бле́ска, не среди́ шу́ма торже́ствъ.

Разсвѣта́ло[6]). Отвѣ́та не́-было. Туре́цкіе ла́гери всколыха́лись. Загремѣ́ла стра́шная пальба́ съ возвы́шенностей и съ лѣ́ваго бе́рега Пру́та, хотя́ и не ви́дно бы́ло приготовле́ній къ нападе́нію. Ру́сскія пу́шки на́чали отвѣча́ть непрія́телю. Царь ждалъ нетерпѣли́во возвраще́нія по́сланнаго, но Ше́пелевъ могъ поги́бнуть, и онъ рѣши́лся отпра́вить друга́го за неме́дленнымъ отвѣ́томъ. Отпра́вленъ былъ друго́й. Вре́мя протека́ло. Царь не хотѣ́лъ — не могъ бо́лѣе ждать; полка́мъ вѣ́лѣно стро́иться, начина́ть бой послѣ́дній. Въ то вре́мя къ ла́герю на́шему уже́ подъѣзжа́лъ туре́цкій чино́вникъ съ согла́сіемъ на миръ, и въ ра́достномъ изумле́ніи всѣ́ услы́шали вѣсть жела́нную: визи́рь не отверга́лъ ми́ра и тре́бовалъ посло́въ ру́сскихъ для перегово́ровъ.....

Безпоко́йно смотрѣ́лъ вели́кій визи́рь изъ ла́геря своего́ на би́тву, происходи́вшую ію́ля 9-го ве́черомъ, и со стра́хомъ ви́дѣлъ непоколеби́мые ряды́ ру́сскіе, гремѣ́вшіе огнёмъ неумолка́емымъ — увидѣ́лъ наконе́цъ свои́ ты́сячи бѣгу́щими въ безпоря́дкѣ. Уро́нъ Ту́рокъ простира́лся въ тотъ день до 700 уби́тыми и 8000 ра́неными. Си́льное волне́ніе начало́сь но́чью въ ла́герѣ туре́цкомъ. Янычá́ры отка́зывались идти́ въ бой втори́чно. При соверше́нномъ незна́ніи вое́ннаго иску́сства и опасе́ніи бу́йства янычá́ръ, ненави́димый мно́гими изъ подчинённыхъ, презира́емый други́ми, визи́рь былъ въ стра́хѣ и недоумѣ́ніи. Напра́сно яви́лись къ нему́ Спарръ, Понято́вскій, Пото́цкій, угова́ривая его́ не вступа́ть бо́лѣе въ би́тву, увѣря́я, что Ру́сскіе опя́ть отобью́тъ нападе́ніе, и что са́мое вѣ́рное сре́дство заста́вить ихъ всѣ́хъ положи́ть ору́жіе и взять въ плѣ́нъ самого́ царя́, е́сли визи́рь продо́лжитъ блока́ду ещё нѣ́сколько дней.

Тогда́ го́лодъ и жа́жда безъ ору́жія побѣдя́тъ непрія́теля. Визи́рь оскорби́лся слова́ми гяу́ровъ[7]), повтори́лъ приказа́ніе напада́ть и услы́шалъ насмѣ́шливый отка́зъ. Оста́вить въ бездѣ́йствіи своё во́йско на нѣ́сколько дней каза́лось ему́ опа́снымъ, бу́дущее грози́ло ги́белью, и при тако́мъ недоумѣ́ніи яви́лся Шѣ́пелевъ съ предложе́ніемъ ми́ра. Осма́нъ-ага́, вполнѣ́ облада́вшій умо́мъ визи́ря, умѣ́лъ предста́вить ему́ предложе́нія царя́ въ са́момъ обольсти́тельномъ ви́дѣ. Что могло́ быть славнѣ́е, е́сли онъ извѣсти́тъ Султа́на, что въ двѣ недѣ́ли заста́вилъ гро́знаго ру́сскаго царя́ приня́ть всѣ усло́вія непобѣди́маго повели́теля оттома́нской а́рміи?

Шафи́ровъ яви́лся на перегово́ры смирённымъ, но твёрдымъ. Когда́ предложи́ли всѣмъ Ру́сскимъ и царю́ сда́ться въ плѣнъ, пото́мъ отда́ть ору́жіе и заплати́ть вы́купъ, онъ не хотѣ́лъ начина́ть перегово́ровъ. Го́рдо отвѣча́лъ надме́нному визи́рю посо́лъ царскій, и слѣ́дствіемъ его́ благоразу́мныхъ посту́пковъ бы́ло то, что въ ру́сскій ла́герь присла́ли усло́вія, каки́хъ во́все не ожида́лъ царь. Ту́рки тре́бовали то́лько отда́чи[8]) Азо́ва, уничтоже́нія Таганро́га, Богоро́дицка и Ка́меннаго Зато́на. Царь ждалъ извѣстій нетерпѣли́во. Когда́ отъ Шафи́рова при́сланъ былъ снача́ла наро́чный съ извѣ́стіемъ о безмѣ́рныхъ тре́бованіяхъ Ту́рокъ, царь писа́лъ ему́: „Чини́ по твоему́ разсужде́нію, какъ Богъ тебя́ наста́витъ, *оста́вь всё кромѣ́ шкла́вства* (нево́ли), *но то́лько ко́нчи сего́дня, дабы́ нашъ десперáтный* (отча́янный) *путь мо́жно бы́ло неме́дленно нача́ть съ Бо́жіею по́мощью.*" Встрѣ́тилось затрудне́ніе, каза́вшееся нева́жнымъ: Ту́рки тре́бовали вы́дачи Кантеми́ра, и мно́гіе, мо́жетъ быть и самъ Шафи́ровъ, ду́мали, что царь не ска́жетъ о томъ ни сло́ва, но не такъ ду́малъ царь. „Я далъ ему́ сло́во сберéчь его́ и не измѣню́", — горячо́ воскли́кнулъ царь, — „лу́чше уступлю́ Ту́ркамъ зе́млю до Ку́рска: мнѣ остаётся ещё надéжда возврати́ть её, но наруше́ніе сло́ва невозврати́мо. У насъ ничего́ нѣтъ со́бственнаго, кромѣ́ че́сти, потеря́ть её зна́читъ пересла́ть быть госуда́ремъ!" Несча́стный Кантеми́ръ былъ въ ла́герѣ Ру́сскихъ; его́ спря́тали въ карéтѣ цари́цы и увѣ́рили Ту́рокъ, чло онъ оста́лся въ Яссахъ. Визи́рь не заспо́рилъ и миръ былъ утверждёнъ.....

Услы́шавъ о нача́лѣ ми́рныхъ перегово́ровъ, Карлъ XII скака́лъ изъ Бенде́ръ безъ о́тдыха, и яви́лся въ туре́цкій ла́герь, когда́ миръ былъ заключёнъ. Въ бѣ́шенствѣ вбѣжа́лъ онъ въ ста́вку визи́ря, встрѣ́тившаго го́стя своего́ съ по́честью. „Ты забы́лъ, что Султа́нъ за меня́ на́чалъ войну́!" вскрича́ль гнѣ́вный коро́ль. „Я и не зналъ, что за тебя́, а ду́малъ, что сража́юсь за по́льзы моего́ госуда́ря. Я не забы́лъ одна́кожъ и твои́хъ по́льзъ: тебѣ́ дозволя́ется свобо́дный путь во своя́си." — „Дай мнѣ во́йско и я разобью́ царя́!" закрича́лъ Карлъ XII-й. „Не ду́маю", хладнокро́вно отвѣча́лъ визи́рь. „Ты

ужé испытáлъ Рýсскихъ, и я ихъ вйдѣлъ. Если есть у тебя́ своё вóйско, сражáйся!“ — „Обѣщáю сегóдня же постáвить предъ тобóю царя́ плѣнникомъ!“ говорйлъ корóль. „А кто же безъ негó бýдетъ прáвить Москóвіею?“ спросйлъ визйрь, улыбáясь.

Корóль безмóлвно сѣлъ на дивáнъ, положйлъ на негó нóги и дóлго сидѣлъ, не говоря́ ни слóва. Онъ гнѣвно вскочйлъ съ дивáна, зацѣпйлъ шпóрою за великолѣпный кафтáнъ визйря, разодрáлъ егó и поспѣшно ушёлъ изъ шатрá въ безмóлвной досáдѣ. Хладнокрóвно смотрѣлъ онъ, какъ подымáлся въ то врéмя ожйвшій лáгерь рýсскаго царя́, и когдá съ мýзыкою, барабáннымъ бóемъ и распущёнными знамёнами Рýсскіе выступáли изъ своегó лáгеря, въ челнокѣ переправля́лся чéрезъ Прутъ Карлъ XII-й, спѣшá въ своё бендéрское убѣжище..... *Н. Полевóй.*

[1]) Снт. III. § 44. 3. а). [2]) безуслóвно. [3]) Слав. мéртвымъ не стыдно. Вел. Князь Кіевскій Святослáвъ Игоревичъ въ бйтвѣ съ Грéками подъ Адріанóполемъ. [5]) Т. е. плѣнъ у Тýрокъ. [6]) Снт. III. § 47. 1). [7]) собáкъ; такймъ ругáтельнымъ йменемъ Тýрки обыкновéнно называ́ютъ Христіáнъ. [8]) Снт. III. § 41. 5. г).

---

27. Кончина Петра Великаго.

Августа 30-го совершенá былá въ Петербýргѣ встрѣча мощéй св. Алексáндра Нéвскаго. Посвятйвъ петербýрскую обйтель йноковъ йменй слáвнаго прéдка своегó, герóя въ тя́жкую годйну монгóльскаго йга, побѣдйтеля Швéдовъ на берегý Невы́ и угóдника Бóжія послѣ кончйны, императóръ повелѣлъ перенéсть драгоцѣнную рáку съ мощáми егó изъ Владймíра въ Петербýргъ, и самъ выѣхалъ на встрѣчу сей святы́нѣ на великолѣпной галéрѣ. Нá свойхъ рукáхъ перепёсъ онъ рáку на галéру, потóмъ въ алексáндро-нéвскую цéрковь, гдѣ изготóвлена былá нóвая, великолѣпная серéбряная рáка. Христіáнское благоговѣніе явйлъ императóръ при семъ благочестйвомъ обря́дѣ. Казáлось, предчýвствуя блйзкую кончйну, онъ передавáлъ угóднику Бóжію любймый гóродъ свой и бýдущую судьбý егó! Усйліе императóра переломйть болѣзнь свою́ при семъ торжествѣ учинйло её бóлѣе прéжняго пáгубною. Мучйтельная *странгýрія* [1]), котóрою страдáлъ онъ со врéмени похóда въ Пéрсію, терзáла егó. Принуждены́ бы́ли прибѣгнуть къ жестóкой оперáціи, нѣсколько облегчйвшей страдáнія, и 29-го октября́ отпрáвился онъ въ небольшóмъ сýднѣ на сестрорѣцкій завóдъ. Бýрная погóда застáвила егó пристáть къ бéрегу у Лáхты. При наступáвшей темнотѣ увйдѣли въ мóрѣ большóй ботъ, напóлненный солдáтами. Онъ стоя́лъ на мелй и погйбель угрожáла емý. Императóръ послáлъ на пóмощь свою́ шлю́пку, безпокóился, распоряжáлся стоя́ на берегý, и досáдуя на нерасторóпность пóсланныхъ, отпрáвился самъ къ утопáвшему бóту. Не дýмая о

себѣ, онъ бросился въ воду, стоялъ въ ней по поясъ, и радовался, что успѣлъ спасти всѣхъ бывшихъ на ботѣ. Онъ остался ночевать въ Лахтѣ, но въ ночь оказались у него жестокая простуда и лихорадка, такъ что императоръ принужденъ былъ воротиться въ Петербургъ.

Крѣпкое сложеніе осилило болѣзнь, хотя она возбудила опасенія врачей, тѣмъ болѣе, что неутомимый монархъ не оставлялъ ни своихъ занятій, ни образа жизни......

Истекалъ 1724 годъ. Здоровье императора слабѣло, но духъ его былъ бодръ и дѣятеленъ на краю могилы. Можно судить о трудахъ его по изданнымъ въ 1724 году указамъ: число ихъ простиралось до 220 и они обнимали всѣ части государственнаго правленія......

Даже 13-го января императоръ разсматривалъ ещё представленный ему проэктъ *вѣчнаго движенія* (perpetuum mobile) и чертилъ корабельныя пропорціи......

Но уже рука смерти тяготѣла надъ главою избранника Божія. Вѣчность раскрывалась предъ нимъ.

Болѣзнь императора, безпрерывно усиливаясь, января 16-го достигла ужасающей степени. Мужъ великій побѣжденъ тѣлесными страданіями и, повергнутый на одръ скорби, стеналъ жалостно въ минуты нестерпимой боли. Онъ являлся твердъ въ другія мгновенія, и какъ будто стыдясь своей слабости, сказалъ окружавшимъ его: *Изъ меня познайте, какое бѣдное животное человѣкъ!* Вскорѣ увидѣли врачи, что исцѣленіе больнаго было не во власти человѣческой, но самъ онъ, казалось, не предчувствовалъ близкой кончины, то терзался болѣзнью, то лежалъ въ усыпленіи. Никто не смѣлъ напомнить ему о распоряженіи наслѣдствомъ [2]). Января 22-го поставили походную церковь передъ его спальнею, отслужили обѣдню и императоръ пріобщился св. таинъ [3]). Велѣно было отправлять молебствія о здравіи государя. Церкви петербургскія были наполнены молящимся народомъ. Въ смутномъ безмолвіи ожидалъ роковой вѣсти Петербургъ. Января 26-го предложили императору собороваться. Благоговѣйно исполнилъ онъ сей священный обрядъ и впалъ послѣ сего въ совершенное усыпленіе. Знатнѣйшіе вельможи и духовенство уже не оставляли дворца. На другой день, какъ будто опомнившись, императоръ велѣлъ подать себѣ бумагу и перо, но слабая рука его чертила только несвязные знаки, гдѣ едва могли разобрать начальныя слова: *Отдайте всё...* Онъ велѣлъ позвать великую княжну Анну Петровну, хотѣлъ диктовать ей и не могъ..... Языкъ его коснѣлъ, и онъ произносилъ невнятные звуки.... Присутсвовавшіе не удержали слёзъ. Нѣкоторые повергнулись передъ нимъ и цѣловали руку его. „Послѣ!“ внятно промолвилъ онъ. Всѣ вышли изъ комнаты. Архіепископы Ѳеофилактъ и Ѳеофанъ приступили къ одру умирающаго съ бесѣдою вѣры,

надéжды и любвй. Подъéмля къ вéрху ужé омертвѣ́лые глазá и хладѣ́вшія рýки, умирáющій едвá внятно твердйлъ: *Едйно сіé услаждáетъ менá и жáжду моіо утоляéтъ! Вѣ́рую и уповáю! Вѣ́рую, Гóсподи, помозй моемý невѣ́рію!* Онъ склонйлся на подýшки и не говорйлъ ничегó бóлѣе. Слы́шно бы́ло иногдá слáбое стенáніе. Лѣ́вая рукá, поражённая параличёмъ, не двйгалась, но прáвою шевелйлъ онъ сýдорожно. Дыхáніе и стонъ стихáли. Тогдá подступйлъ къ Императору архіепйскопъ Ѳеофилáктъ и спросйлъ: не благоволйтъ ли онъ пріобщйться въ напýтствіе св. тáинъ, и éсли соглáсенъ, то поднáлъ бы прáвую рýку. Рáдостно взглянýлъ умирáющій, приподнáлъ немнóго прáвую рýку своіо и пріобщёнъ былъ св. причáстія. Онъ забы́лся потóмъ, успокóился, стонъ егó прекратйлся.— дыхáніе постепéнно ослабѣ́вáло — тáжкая ночь длйлась — въ 6-мъ часý по полýночи, январá 27-го 1725 гóда, Пётръ Велйкій кóнчилъ своё земнóе бытіé. Для негó началйсь *жизнь за грóбомъ и безсмéртіе на землѣ́.* *Н. Полевóй.*

[1]) Кáменная болѣ́знь. [2]) Снт. Ш. § 14. 1). [3]) Снт. Ш. § 44. 3. а).

---

28. Изображеніе Екатерины II.

Статсъ-Секретáря ея́, Грибóвскаго.

..... Видъ Екатерйны извѣ́стенъ по ея́ портрéтамъ, гдѣ́ óный [1]) всегдá почтй вѣ́рно изображёнъ. До сегó за шестнáдцать лѣ́тъ онá былá собóю ещё хорошá [2]). Тогдá вйдно бы́ло, что онá имѣ́ла въ млáдости бóлѣе красоты́, чѣ́мъ прéлести. — Велйчіе челá ея́ умѣ́ряемо бы́ло пріáтностію глазъ и улы́бкою, но челó сіé всё знаменовáло. Не бы́вши Лáфатеромъ, мóжно бы́ло читáть на óномъ, какъ въ кнйгѣ, гéній, справедлйвость, прáвый умъ, неустрашймость, глубокомы́сліе, неизмѣ́няемость, крóтость, спокóйность. Ширóкость челá сегó покáзывáла прострáнность пáмяти и воображéнія ея́; мóжно бы́ло вйдѣть, что тамъ для всегó бы́ло мѣ́сто. Пóдборóдокъ ея́, не крутóй, имѣ́лъ положéніе прямóе и благорóдное. Обликъ ея́ въ сокровéнности [3]) нé-былъ прáвильный, но дóлженъ былъ крáйне нрáвиться, йбо откры́тость и весёлость всегдá бы́ли на ея́ устáхъ. Онá былá въ одѣ́яніи изыскáтельна; но éслибъ причёска ея́ не былá слишкомъ вверхъ подóбрана, то вóлосы, распускáясь óколо лицá, нѣ́сколько бы óное закрывáли, и э́то бъ ей лýчше пристáло. Не мóжно дáже бы́ло замѣ́тить, что онá былá небольшáго рóста.

Онá говорйла протáжно, и что былá чрезвычáйно рѣзвá, тогó однáкожъ въ послѣ́дствіи и вообразйть нельзя́ бы́ло. Три ея́ поклóна по мужскóму всегдá бы́ли одинáковы по вы́ходѣ въ зáлу собрáнія:

одинъ направо, другой налѣво, а третій въ средину. Въ семъ отношеніи всё въ мѣру и правило было приведено.

Она умѣла слушать, и такой былъ у нея навыкъ присутствія ума, что, казалось, понимала посторонній разговоръ, когда о другомъ думала. Она говорила для того, чтобы говорить, и оказывала вниманіе къ тому, кто съ ней разговаривалъ. Сдѣланное ею сначала малое впечатлѣніе безпрестанно въ послѣдствіи возрастало. — Если бы вселенная разрушилась, то она осталась бы impavida [4]); великая душа ея вооружена была стальною бронею противъ превратностей. — Восторгъ повсюду за нею слѣдовалъ......

Императрица, выѣзжая изъ губерній, которыя посѣщала, изъявляла чиновникамъ своё удовольствіе, признательность и дѣлала имъ подарки.

— Развѣ Ваше Величество всѣми этими людьми довольны? — „Не совсѣмъ," отвѣчала она: „но я хвалю громко, а браню потихоньку".

Она говорила одни слова добрыя, но никогда острыхъ словъ не говорила. Разговоръ ея былъ простъ, но подобно огню воспламенялся и выспрь [5]) воспарялся [6]) при изящныхъ чертахъ исторіи, чувствительности, величія, государственнаго управленія. Всего болѣе противоположность простоты бесѣды ея въ обществѣ съ великими ея дѣлами была въ ней очаровательна. Она смѣялась отъ сказаннаго кѣмъ-либо неловкаго слова и даже глупости, и развеселялась отъ мелочи; вмѣшивалась въ самыя малыя шутки и сама очень смѣшно ихъ повторяла. „Что мнѣ дѣлать? говорила она: мамзель Гардель болѣе этого меня не выучила. Эта моя гофмейстерина была старосвѣтская француженка: она нехудо меня приготовила для замужества въ нашемъ сосѣдствѣ; но право, ни дѣвица Гардель, ни я сама не ожидали всего этого."

Во время сраженія въ послѣднюю шведскую войну она писала принцу де-Линь: „Ваша *непоколебимая* (такъ называлъ её принцъ) пишетъ къ вамъ при громѣ пушекъ, отъ котораго трясутся окна моей столицы." — Ничего я не видѣлъ скорѣе и лучше сдѣланнаго (прибавляетъ де-Линь), какъ ея распоряженія въ сію внезапную войну, которыя собственною ея рукою написаны и присланы были къ князю Потёмкину во время осады Очакова. Въ концѣ написано; „Хорошо ли я сдѣлала, учитель?"....

Когда ей сказали, что она всё говорила, перемѣняла, приказывала, начинала и оканчивала по предпринятію [7]), которое всегда сбывалось, она отвѣчала: „Можетъ быть, это и походитъ на правду, но всё это надобно разсмотрѣть основательно. Графу Орлову одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ; князю Потёмкину обязана я пріобрѣтеніемъ

Тавриды и разсѣяніемъ татарскихъ ордъ, столько безпокоившихъ предѣлы имперіи. Всё, что можно сказать, состоитъ въ томъ, что я была наставницею сихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцову должна [8]) я побѣдами; вотъ что только я ему сказала: г-нъ фельдмаршалъ! дѣло доходитъ до драки: лучше побить, чѣмъ самому быть побитымъ. Михельсону я обязана поимкою Пугачёва, который едва было не забрался въ Москву, а можетъ быть, и далѣе. — Повѣрьте, я только счастлива, и если нѣсколько мною довольны, то это отъ того, что я нѣсколько постоянна и одинакова съ моимъ правиломъ. Я предоставляю много власти людямъ, употребляемымъ отъ меня на службу. Если они обращаютъ это во зло въ губерніяхъ пограничныхъ съ Персіею, Турціею и Китаемъ, то, это худо; но я стараюсь это узнавать. Хотя я и знаю, тамъ говорятъ: Богъ и императрица накажутъ, но до Бога высоко, а до царя далеко!.... Вотъ мужчины, а не болѣе какъ женщины!"

„Хорошо меня въ вашей Европѣ подчиваютъ, всё говорятъ, что я прожилась и промоталась: однако же маленькое моё хозяйство идётъ всё своимъ чередомъ." Она любила сіи выраженія; когда хвалили порядокъ ея въ расположеніи часовъ ея занятій, она отвѣчала всегда: „Вѣдь надо же имѣть какой-нибудь порядокъ въ маленькомъ своёмъ хозяйствѣ!".....

Въ путешествіи она всегда имѣла табакерку съ портретомъ Петра 1-го, и говорила: „Это для того, чтобы мнѣ спрашивать себя каждую минуту: что бы онъ приказалъ, что бы запретилъ, что бы сдѣлалъ, будучи на моёмъ мѣстѣ?"....

Невозможно было никогда говорить предъ нею худо о Петрѣ I, ни о Людовикѣ XIV, также ни малѣйшаго слова вымолвить о вѣрѣ и нравственности; съ большимъ трудомъ можно было о сихъ вещахъ сказать что-нибудь двусмысленное, да и то крайне отвлечённо. Никогда сама она не позволяла себѣ говорить никакой легкомысленности ни въ семъ родѣ, ни на счётъ какого-либо лица. Если она иногда и шутила, то всегда въ присутствіи того, къ которому шутка относилась, которую она отважилась иногда сказать очень ласково, и которая оканчивалась всегда доставленіемъ удовольствія самому участнику. –

Я имѣлъ случай видѣть ея неробкость духа: предъ въѣздомъ въ Бахчисарай двѣнадцать лошадей слабыхъ не могли на скатѣ горы поддержать большой нашей шестимѣстной кареты, понесли насъ или, лучше, унесены сами были каретою, — и казалось, что мы всё переломаемъ. Я тогда гораздо бы имѣлъ болѣе страха, если бы не хотѣлъ видѣть, испугалась ли императрица: но она была такъ же спокойна, какъ и на завтракѣ, за которымъ мы недавно сидѣли.

Она очень была разборчива въ своихъ чтеніяхъ: не любила

ничегó ни грýстнаго, ни слишкомъ нѣжнаго, ни утончéнностей умá и чувствъ; любила ромáны Лесáжа, сочинéнія Мольéра и Корнéля и Виланда. „Расинъ не мой áвторъ, говорила онá, исключáя Митридáта.“ Нѣкогда Рабелé и Скарóнъ её забавляли, но пóслѣ онá не моглá объ нихъ вспóмнить. Онá мáло пóмнила пустóе и маловáжное, но ничегó не забывáла достопáмятнаго. Любила Плутáрха, переведённаго Аміóтомъ, Тáцита и Монтáня. — „Я сквéрная головá,“ говорила онá мнѣ: „разумѣю тóлько старинный францýзскій языкъ, а нóваго не понимáю. Я хотѣла поучиться отъ вáшихъ ýмныхъ господъ и испытáла это; нѣкоторыхъ сюдá къ себѣ приглашáла и иногдá къ нимъ писáла: они навели на меня скýку и не пóняли меня, крóмѣ одногó тóлько дóбраго моегó покровителя Вольтéра. Знáете ли, что это онъ меня ввёлъ въ мóду. Онъ óчень хорошó мнѣ заплатилъ за вкусъ мой къ егó сочинéніямъ и мнóгому [9]) научилъ меня забавляться.“ Императрица не любила и не знáла нóвой литератýры, и имѣла бóлѣе лóгики чѣмъ ритóрики. Лёгкія ея сочинéнія, какъ напримѣръ ея комéдіи, имѣли цѣль поучительную, какъ-то: критику на путешéственниковъ, на мóдниковъ, на мóды, на сéкты, а особливо на мартинистовъ, кóихъ почитáла онá врéдными. — Всѣ ея письма къ принцу де-Линь напóлнены мыслями великими, сильными, удивительно ясными, иногдá критическими, чáсто однóю чертóю выраженными, особливо когдá чтó-либо въ Еврóпѣ приводило её въ негодовáніе, и окáнчивались шýтками и добродýшіемъ. Въ слóгѣ ея видно бóлѣе ясности, чѣмъ лёгкости. Вотъ ея сочинéнія. Глубокомысленныя ея „Записки касáтельно россійской истóріи“ не уступáютъ хронологическимъ таблицамъ президéнта Гапáля. Но мáлые оттѣнки, пріятныя подрóбности и цвѣтки неизвѣстны ей были. Фридрихъ II тáкже не имѣлъ крáсокъ, но иногдá имѣлъ прóчее, и былъ бóлѣе литератýрнымъ писáтелемъ, чѣмъ Екатерина......

Сáмое наибóльшее притвóрство ея состояло въ томъ, что онá не всё то говорила, что знáла. Никогдá обмáнчивое или обидное слóво не выходило изъ ея устъ, онá былá слишкомъ гордá, чтобы другихъ обмáнывать; чтобы выйти изъ затруднéній, полагáлась на своё счáстіе и на превосхóдство своё надъ происшéствіями, кóи онá любила преодолѣвáть. Нѣкоторыя, однáкожъ, мысли о преврáтностяхъ Людóвика XIV при концѣ егó цáрствованія ей представлялись, но проходили какъ облакá.

Я одинъ, мóжетъ быть, видѣлъ, что въ продолжéніе однóй чéтверти часá по получéніи объявлéнія отъ Тýрковъ войны, онá смирéнно сознавáлась, что нѣтъ ничегó на свѣтѣ вéрнаго, и слáва и успѣхи не — надёжны. Но вслѣдъ за симъ вышла изъ своегó покóя съ весёлымъ видомъ, какъ былá до пріѣзда курьéра, и увѣренность на успѣхъ мгновéнно всей своéй импéріи вдохнýла....

Черты́ ея́ человѣколю́бія бы́ли ежедне́вны. Однáжды онá мнѣ сказáла: „Чтобы не разбуди́ть людéй сли́шкомъ рáно, я зажглá дровá въками́нѣ самá; трубо́чи́стъ-мáльчикъ, ду́мая, что я встáну не рáньше шестáго часá, былъ тогдá въ трубѣ́, и какъ чертёнокъ нáчалъ кричáть. Я тóтчасъ загаси́ла ками́нъ, и усéрдно проси́ла у негó извинéнія.“

Извѣ́стно, что онá никогдá не ссылáла въ Сиби́рь, гдѣ впрóчемъ ссы́льные óчень хорошó содержáлись; никогдá не осуждáла на смерть. Императри́ца чáсто ходáтайствовала за подсуди́мыхъ, трéбовала, чтобъ смѣ́ло ей докáзывали, что онá ошиблась, и чáсто доставля́ла срéдства защищéнія обвиня́емому. Однáкожъ я ви́дѣлъ въ ней нѣ́котораго рóда мщéніе: э́то былъ ми́лостивый взглядъ, а иногдá благодѣя́ніе, чтóбы привéсть въ замѣшáтельство людéй, на котóрыхъ онá имѣ́ла причи́ну жáловаться, но котóрые имѣ́ли даровáнія; э́то относи́лось, напримѣ́ръ, на [10]) одногó вельмóжу, говори́вшаго объ ней нескрóмно. Вотъ чертá ея́ деспоти́зма: онá запрети́ла одномý изъ свои́хъ собесѣ́дниковъ жить въ сóбственномъ своёмъ дóмѣ, говоря́ емý: „Вы имѣ́ть бýдете въ моёмъ дóмѣ столъ на двѣнáдцать персóнъ; всѣхъ тѣхъ, котóрыхъ вы люби́ли приними́ть у себя́, вы бýдете угощáть у меня́. Я запрещáю вамъ разоря́ться, не дозволя́ю дѣ́лать издéржки, потомý что вы нахóдите въ э́томъ удовóльствіе.“

Искáтели анекдóтовъ, изобрѣ́тáтели пáсквилей, невѣ́рные собирáтели истори́ческихъ происшéствій, мни́мо безпристрáстные, чтóбы сказáть óстрое словцó, или достáть дéнегъ, неблагонамѣ́ренные по своемý ремеслý [11]), захотя́тъ, мóжетъ быть, умáлить ея́ слáву: но онá надъ ни́ми восторжествýетъ!

Любóвь и обожáніе ея́ пóдданныхъ, а въ áрміи любóвь и плáменный востóргъ ея́ вóиновъ, воспомя́нутся. Я ви́дѣлъ сихъ послѣ́днихъ, въ траншéяхъ пренебрегáющихъ [12]) пýли невѣ́рныхъ и переноси́щихъ всѣ жестóкости стихíи, утѣ́шенными и ободрёнными при и́мени ихъ мáтушки, ихъ божествá!....

Въ покóяхъ императри́цы, какъ и во всёмъ дворцѣ́, соблюдáлась какáя-то торжéственная вáжность.

Ни малѣ́йшаго не ви́дно бы́ло надзóра и кáждому двéри бы́ли откры́ты; ни внизý, ни на лѣ́стницѣ, ни въ зáлахъ никогó не прикáзано бы́ло спрáшивать: кто вы и кудá идёте.

Извѣ́стно, что императри́ца проводи́ла по обыкновéнію лѣ́то въ Цáрскомъ Селѣ́, гдѣ вхóдовъ во дворéцъ мнóго, и всѣ откры́ты. Въ эпóху сáмаго си́льнаго безначáлія во Фрáнціи, послѣ́ умерщвлéнія короля́, распространи́ли слухъ, что тáмошніе демáгоги разсылáли подóбныхъ себѣ́ злодѣ́евъ для покушéнія на жизнь госудáрей. Въ сіé врéмя былъ дежýрнымъ генерáлъ-адъютáнтомъ П. Б. Пáссекъ, котóрый вздýмалъ при кáждомъ вхóдѣ удвóить карáулы; но императри́ца, узнáвъ о семъ, приказáла немéдленно э́то отмѣни́ть. На краю́ óбщей

зáлы (котóрая óкнами былá къ дворцóвой плóщади) былá дверь, по сторонáмъ котóрой стоя́ли кавалергáрды изъ армéйскихъ офицéровъ, въ кирáсахъ и трехъугóльныхъ шля́пахъ, съ ру́жьями къ ногѣ́. Здѣ́сь начинáлся этикéтъ вхóдовъ. За кавалергáрдовъ моглú входи́ть тѣ́ тóлько, кто былъ напи́санъ въ дáнномъ имъ спискѣ́. Но и изъ сихъ бóльшая часть не имѣ́ла прáва входи́ть дáлѣе трóнной, за котóрою находи́лась бриллiáнтовая, а за сéю убóрная кóмната; въ сiю послѣ́днюю входи́ли тóлько сóбственно при дѣлáхъ бы́вшiе и ещё немнóгiя другíя, осóбенно ей извѣ́стныя персóны. Въ обыкновéнные дни, госудáрыня въ зи́мнемъ дворцѣ́ вставáла въ 7 часóвъ; до 9 занимáлась въ зеркáльномъ кабинéтѣ, по большóй чáсти сочинéнiемъ устáва для сенáта (я говорю́ о томъ врéмени, когдá я при Ея́ Ве-ли́чествѣ находи́лся); въ 10-томъ часу́ выходи́ла въ спáльню и садилась на стулъ (а не въ крéслахъ), оби́тый бѣ́лымъ штóфомъ, передъ выгибны́мъ стóликомъ, къ кóему приставля́емъ былъ ещё другóй таковóй же, обращённый вы́гибомъ въ проти́вную стóрону, для доклáдчика; и передъ нимъ стулъ. Въ сié врéмя дожидáлись въ убóрной всѣ́ имѣ́вшiе дѣлá для доклáда; по звонку́ колокóльчика онъ входи́лъ въ спáльню, и получáлъ приказáнiе позвáть прéжде всѣ́хъ оберъ-полицеймéйстера. За нимъ входи́ли по призы́ву и съ доклáдами всѣ́ прóчiе. Вошéдшiй поклоня́лся [13]) по обыкновéнiю, цѣловáлъ ру́ку, и когдá угóдно ей э́то бы́ло и éсли имѣ́лъ дѣлá для доклáда, то по дáнному знáку сади́лся за стóликъ противъ госудáрыни и доклáдывалъ.

Фельдмáршалъ Суврóвъ, вошéдши, дѣ́лалъ три земны́хъ поклóна предъ óбразомъ; а потóмъ, обратя́сь, дѣ́лалъ земнóй поклóнъ госудáрынѣ, котóрая никáкъ не моглá егó уговори́ть такъ ни́зко не клáняться. „Поми́луй, Алексáндръ Васи́льевичъ, что ты дѣ́лаешь!" говори́ла онá, поднимáя и усáживая егó. „Мáтушка!" отвѣчáлъ онъ: „пóслѣ Бóга ты однá моя́ надéжда."

Врéмя и заня́тiя императри́цы распредѣлены́ бы́ли слѣ́дующимъ поря́дкомъ. Онá вставáла въ 7 часу́ у́тра и до 9-ти занимáлась въ кабинéтѣ письмóмъ (въ послѣ́днее врéмя сочинéнiемъ сенáтскаго устáва). Однáжды онá между разговóрами сказáла: что не пописáвши нельзя́ и одногó дня прожи́ть. Въ это же врéмя пилá одну́ чáшку кóфею безъ сли́вокъ; въ 9 часóвъ переходи́ла въ спáльню, гдѣ́ у сáмаго почти́ вы́хода изъ убóрной пóдлѣ стѣны́ сади́лась на стулъ, имѣ́я предъ собóю два выгибны́е стóлика, котóрые впáдинами стоя́ли оди́нъ къ ней, а другóй въ противопослóжную стóрону, и передъ симъ послѣ́днимъ былъ стулъ. Въ сié врéмя на ней обыкновéнно былъ бѣ́лый гродету́ровый шлафрóкъ или капóтъ, а на головѣ́ флёровой бѣ́лый же чепéцъ, нѣ́сколько на лѣ́вую стóрону наклонённый. Не смотря́ на 65 лѣтъ, госудáрыня ещё имѣ́ла довóльную въ лицѣ́ свѣ́жесть, ру́ки прекрáсныя, всѣ зу́бы въ цѣ-лости, отъ чегó говори́ла твёрдо, безъ шамшáнья, тóлько нѣ́сколько му-

жественно; читáла въ очкáхъ и притóмъ съ увеличи́тельнымъ стеклóмъ. Однáжды пóзванъ бýдучи съ доклáдами, уви́дѣлъ её читáющею таки́мъ óбразомъ. Онá улыбáясь сказáла: „Вѣ́рно вамъ ещё не нýженъ э́тотъ снаря́дъ? Скóлько вамъ óтъ-роду лѣтъ?“ И когдá я сказáлъ: двáдцать шесть, то онá прибáвила: „А мы въ долговрéменной слýжбѣ госудáрству притупи́ли зрѣ́ніе и тепéрь принуждены́ по необходи́мости очки́ употребля́ть.“ Мнѣ́ показáлось, что *мы* скáзано бы́ло не для изъявлéнія величества, а въ простóмъ смы́слѣ. — Въ другóй разъ отдавáя мнѣ́ собственнорýчную записку о пріискáніи нѣ́которыхъ спрáвокъ для сочинённаго éю устáва для сенáта, онá сказáла: „Ты не смѣ́йся надъ моéю рýсскою орѳогрáфіею. Я тебѣ́ скажý, почемý я не успѣ́ла её хорошéнько узнáть: по пріѣ́здѣ моёмъ сюдá, я съ больши́мъ прилежáніемъ началá учи́ться рýсскому языкý. Тётка Елисавéта Петрóвна, узнáвъ объ э́томъ, сказáла моéй гофмéйстеринѣ: пóлно её учи́ть, онá и безъ тогó умнá. Таки́мъ óбразомъ моглá я учи́ться рýсскому языкý [14]) тóлько изъ книгъ безъ учи́теля, и э́то есть причи́на, что я плóхо знáю правописáніе.“ Впрóчемъ госудáрыня говори́ла порýсски довóльно чи́сто, и люби́ла употребля́ть просты́я и коренны́я рýсскія словá, котóрыхъ онá мнóжество знáла.......

Грибóвскій.

[1]) Въ разговóрѣ: онъ. [2]) Сіé пи́сано въ исхóдѣ 1796 гóда. [3]) въ дѣйстви́тельности. [4]) неустраши́мою. [5]) вверхъ. [6]) Прáвильнѣе: воспаря́лъ. [7]) по предвари́тельномъ обдýманіи. [8]) Прáвильнѣе: одолженá. [9]) Прáвильнѣе: научи́лъ меня́ забавля́ться мнóгимъ. [10]) Прáвильнѣе: къ одномý вельмóжѣ. [11]) Для котóрыхъ неблагонамѣ́ренность сдѣ́лалась прóмысломъ. [12]) Вѣрнѣ́е: пренебрегáвшихъ. [13]) дѣ́лалъ поклóнъ, клáнялся. [14]) Снт. III. § 44. 3. б). Нкл. Снт. ст. 70.

---

29. Пожаръ Москвы.

Между тѣмъ, какъ по вы́ѣздѣ изъ Москвы́ князь Кутýзовъ стоя́лъ у колóменской застáвы, Наполеóнъ былъ у дорогоми́ловской, гдѣ онъ дóлго и сначáла въ спокóйномъ расположéніи дýха ходи́лъ взадъ и вперёдъ, ожидáя депутáтовъ изъ Москвы́ съ мольбóю о пощáдѣ и городски́ми ключáми. Передъ нимъ лежáлъ на травѣ́ большóй планъ Москвы́. Не ви́дя появлéнія депутáтовъ, Наполеóнъ неоднокрáтно посылáлъ узнавáть о происходи́вшемъ въ столи́цѣ и причи́нахъ, замедля́вшихъ прибы́тіе къ немý москóвскихъ властéй.....

Безпреры́вно возрастáло смущéніе Наполеóна, избалóваннаго пы́шными встрѣ́чами въ европéйскихъ столи́цахъ, волнýемаго пáмятью прéжнихъ тріýмфовъ. Шаги́ его станови́лись нерóвны, онъ огля́дывался въ рáзныя стóроны, снимáлъ перчáтки и надѣвáлъ ихъ, вынимáлъ изъ кармáна платóкъ, мялъ егó и оши́бкою клалъ въ другóй кармáнъ. Бóлѣе чáса представля́лъ онъ собóю человѣ́ка, у котó-

раго вдругъ исчезаетъ призракъ, очаровывавшій его, наполнявшій его воображеніе самыми обольстительными мечтами. Обуявшее Наполеона недоумѣніе распространилось и на окружавшихъ его. Они стояли въ молчаніи, ожидая развязки необыкновеннаго, и для всѣхъ тѣмъ болѣе неожиданнаго случая, что распоряженія къ торжественному вступленію въ Москву были сдѣланы ещё съ-утра. Напрасны были приготовленія къ церемоніяльному маршу, прокламація и ожиданіе Наполеона, что его встрѣтятъ первенствующіе чины и поднесутъ ему съ покорностью ключи столицы. Москва не пошла къ нему на поклоненье. Мюратъ уже неоднократно доносилъ изъ авангарда, что онъ никого не встрѣчаетъ въ городѣ. Наконецъ по долгомъ исканіи возвратились и посланные Наполеономъ офицеры, ведя съ собою нѣсколько жившихъ въ Москвѣ иностранцевъ. Депутація, долженствовавшая представлять московскія власти, состояла изъ десятка гувернёровъ; въ числѣ ихъ былъ книгопродавецъ. Къ нему обратился Наполеонъ съ вопросами. „Кто вы?" — Французъ, поселившійся въ Москвѣ. — „Слѣдственно мой подданный. Гдѣ сенатъ?" — Выѣхалъ. — „Губернаторъ?" — Выѣхалъ. — Гдѣ народъ?" — Нѣтъ его. — „Кто же здѣсь?" — Никого. — „Быть не можетъ!" возразилъ Наполеонъ. — Клянусь вамъ честью, было ему отвѣтствовано [1]). — „Молчи," сказалъ Наполеонъ и кончилъ разговоръ. Какъ на высотахъ Бельвиля и Монмартра съ быстротою молніи разнеслась въ нашихъ рядахъ вѣсть, что Парижъ покоряется Александру и французы просятъ пощады, такъ въ мгновеніе ока распространилось въ непріятельской арміи извѣстіе, что въ Москвѣ нѣтъ ни жителей, ни властей. Неожиданность дѣла поразила французовъ громовымъ ударомъ. Рушились побѣдныя грёзы, смолкла общая радость и обратилась въ уныніе, а потомъ въ ропотъ, повлекшій за собою ослушаніе, своевольство, грабёжъ. Съ негодованіемъ выслушавъ приведённыхъ къ нему изъ Москвы иностранцевъ, Наполеонъ отвернулся отъ нихъ, велѣлъ подвесть себѣ лошадь, скомандовалъ близъ стоявшимъ войскамъ: впередъ! и въ головѣ [2]) конницы въѣхалъ въ Москву. Скоро въ Замоскворѣчьѣ, въ четырёхъ мѣстахъ, показался дымъ, а потомъ поднялось пламя, предвѣстникъ того пожара, которому лѣтописи вѣковъ [3]) не представляютъ подобнаго. Наполеонъ расположился на ночлегъ въ обывательскомъ домѣ, въ дорогомиловской ямской слободѣ, гдѣ жителей, кромѣ четырёхъ дворниковъ, никого не-было.

До наступленія темноты въ городѣ сохранялся нѣкоторый видъ порядка. Жители не показывались на улицахъ и прятались въ домахъ; французы бродили, сами не зная куда. Но когда пала ночь, насилія сдѣлались повсемѣстны. Войска входили въ разныя заставы, безъ вожатыхъ и квартирьеровъ. Генералы и офицеры

оставляли команды, выбирая сами себѣ помѣщенія. Цѣлые полки произвольно занимали нѣсколько домовъ, другіе становились биваками на улицахъ. Изнурённые недостаткомъ пищи и усталостью, непріятели врывались въ домы и, утоливъ голодъ и жажду, предавались всѣмъ порывамъ необузданныхъ страстей. Офицеры подавали примѣръ своимъ подчинённымъ; многіе жители, не успѣвшіе выйти изъ Москвы днёмъ, пробирались ночью къ заставамъ. Непріятель останавливалъ ихъ, отбиралъ пожитки, обувь, хлѣбъ. Ночью запылалъ москотильный рядъ и въ Китаѣ городѣ[4]) распространился пожаръ, послужившій для непріятельскихъ войскъ сигналомъ пуститься на грабёжъ всей Москвы. Переночевавъ въ ямской, и не дождавшись тамъ депутаціи, на другой день, 3-го сентября поутру въ 11-мъ часу поѣхалъ Наполеонъ въ городъ. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Единственныя лица, которыя видѣлъ онъ на этой большой улицѣ, мелькнули въ окнѣ арбатской аптеки: содержатель ея съ семьею, и раненный французскій генералъ, поставленный къ нимъ наканунѣ постоемъ. Окинувъ ихъ быстро глазами, Наполеонъ продолжалъ путь. Онъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди, на разстояніи саженей ста ѣхало два эскадрона конной гвардіи. Свита Наполеона была многочисленна; посреди ея находились трое русскихъ плѣнныхъ: лѣкарь черниговскаго пѣхотнаго полка, чиновникъ министерства финансовъ и ратникъ московскаго ополченія. Плѣнные разсказываютъ, что на лицѣ Наполеона изображалось негодованіе. Оно возрастало отъ того, что въ виду его, по обѣимъ сторонамъ арбатской улицы, показывались вдали пожары. Сдѣлавъ несмѣтныя приготовленія къ войнѣ, Наполеонъ вгнѣздилъ въ голову одну только мысль: „Войду въ Москву, во что бы то ни стало, буду въ Москвѣ!“ и единственно для того, чтобы, очутившись въ Москвѣ, на первомъ шагу раскаиваться, зачѣмъ онъ къ ней устремлялся! Наполеонъ сошёлъ съ лошади въ Кремлѣ, и посмотря[5]) на его стѣны, сказалъ: Voilà des fières murailles![6]) Едва вступалъ Наполеонъ въ чертоги царей нашихъ, какъ запылалъ гостиной дворъ и каретный рядъ.

Къ вечеру оказавшійся въ разныхъ мѣстахъ огонь при поднявшемся вдругъ порывистомъ вѣтрѣ соединился въ одинъ огромный, неизмѣримый пожаръ. Въ полночь вокругъ всего Кремля ничего небыло видно, кромѣ извивавшагося въ воздухѣ подъ облаками пламени. Среди противоположной борьбы стихій, вѣтра съ огнёмъ, настали ужасы природы, и всепожирающее пламя сквозь чёрныя тучи клубящагося дыма, устремлялось на поглощеніе кремлёвскаго дворца, оскверненнаго присутствіемъ пришлеца. Со вступленіемъ Наполеона въ Кремль, огонь ещё болѣе ожесточался и истреблялъ всё, что могло служить пищею или добычею врагамъ. Ночью съ

3-го на 4-е число́, пожа́ръ дости́гъ высоча́йшей сте́пени и нару́шилъ равнове́сіе атмосфе́ры. Разсвирѣпѣвшій вихрь носи́лъ во всѣ сто́роны горя́щія головни́ и пла́мень. Ого́нь лился́ съ церкве́й на до́мы, съ домо́въ на це́ркви. Бу́ря и ого́нь рва́ли кресты́ съ хра́мовъ Бо́жіихъ. Расто́пленные мета́ллы текли́ по у́лицамъ, какъ ла́ва. На Москвѣ́ рѣкѣ́ горѣ́ли мосты́ и суда́. Ги́бли сокро́вища нау́къ и худо́жествъ, запа́сы торго́вли и промы́шленности, па́мятники иску́сствъ и изобрѣ́тенія ро́скоши, горѣ́ли обще́ственныя зда́нія, пала́ты царе́й, патріа́рховъ, святи́телей, разруша́лись жили́ща ми́рныхъ гра́жданъ, пыла́ли хра́мы Госпо́дни! Оста́тки вѣко́въ мину́вшихъ и произведе́нія времёнъ новѣ́йшихъ, гро́бы пра́отцевъ и колыбе́ли настоя́щаго поколѣ́нія, всё было пожира́емо огнёмъ; неприкоснове́нными оста́лись то́лько честь и свобо́да госуда́рственная! Непріятели и Ру́сскіе, очеви́дцы пожа́ра, уподобля́ли Москву́ о́гненному мо́рю, вздыма́емому бушу́ющими вѣтра́ми. Яркій свѣтъ, разлива́вшійся въ о́кна дворца́, неоднокра́тно прерыва́лъ сонъ Наполео́на. Онъ выходи́лъ на балко́нъ, смотрѣ́лъ на сверка́вшія во́лны. Поражённый зрѣ́лищемъ столи́цы, тону́вшей въ огнѣ́, онъ взыва́лъ: „Москвы́ нѣтъ бо́лѣе! Я лиши́лся награ́ды, обѣ́щанной войска́мъ! Ру́сскіе са́ми зажига́ютъ! Кака́я чрезвыча́йная рѣши́тельность! Что за лю́ди? Это Ски́ѳы!“ Вся а́рмія непріятельская раздѣля́ла изумле́ніе своего́ вождя́.

Паля́щій жаръ согна́лъ Наполео́на съ балко́на; онъ не могъ да́же стоя́ть у о́конъ: стёкла треща́ли и ло́пались. Головни́ на́чали па́дать на Кремль; нѣ́сколько разъ загора́лся арсена́лъ. Ли́чно для Наполео́на опа́сность ежеми́нутно умножа́лась, тѣмъ бо́лѣе, что патро́нные я́щики гварде́йской артилле́ріи, располо́женные на кремлёвскихъ площадя́хъ, подве́ржены бы́ли взры́вамъ. Гва́рдія ста́ла въ ружьё. Бы́вшіе съ Наполео́номъ, вице-коро́ль и кома́ндовавшіе гва́рдіею Лефёвръ и Бессье́ръ, упра́шивали его́ вы́ѣхать изъ Кремля́ за́-городъ. Онъ до́лго не соглаша́лся и наконе́цъ приказа́лъ своему́ напе́рснику Бертье́ взойти́ на кремлёвскую стѣ́ну и бли́же обозрѣ́ть пожа́ръ. Отъ жесто́кихъ поры́вовъ вѣ́тра и рѣ́дкости во́здуха, Бертье́ едва́ устоя́лъ на стѣнѣ́ и поспѣ́шно возврати́лся донести́, что всѣ находи́вшіеся въ Кремлѣ́ подверга́ются немину́емой опа́сности сгорѣ́ть живы́е. Вы́слушавъ его́, Наполео́нъ всё ещё не хотѣ́лъ вы́ѣхать изъ Кремля́, доко́лѣ Бертье́ не убѣди́лъ его́ въ необходи́мости удали́ться, сказа́въ: Если Куту́зовъ вознамѣ́рится атакова́ть стоя́вшія около Москвы́ войска́, то Ва́ше Вели́чество бу́дете отрѣ́заны отъ а́рміи огнёмъ. — Тогда́ то́лько рѣши́лся Наполео́нъ переѣ́хать въ петро́вскій дворе́цъ; 4-го сентября́, въ два часа́ по полу́дни, онъ отпра́вился изъ Кремля́, оста́вя тамъ для содержа́нія карау́ловъ оди́нъ баталіо́нъ гва́рдіи. Онъ не могъ слѣ́довать ближа́йшею доро́гою по тверско́й, потому́ что и э́та часть го́рода горѣ́ла. Съ оглу-

шающимъ трéскомъ обрýшивались крóвли, пáдали стѣ́ны, горѣ́вшія брéвна и дóски; въ рáзныя стóроны летáли желѣ́зные листы́ съ крышъ. Плáмя крути́лось въ вóздухѣ надъ головóю Наполеóна; пылáющія брёвна и раскалённыя кýчи кирпичá преграждáли емý дорóгу. Онъ шёлъ по óгненной землѣ́, подъ óгненнымъ нéбомъ, среди óгненныхъ стѣ́нъ. Ви́дя невозмóжность борóться съ стихíею, онъ вороти́лся и принуждёнъ былъ избрáть дорóгу, по котóрой входи́лъ въ гóродъ.

Въ петрóвскомъ дворцѣ́ жилъ Наполеóнъ четы́ре дня, а между тѣ́мъ несчáстная Москвá былá позóрищемъ неслы́ханныхъ злодѣ́йствъ. Съ прéжнею лю́тостію свирѣ́пствовали пожáры до 7-го сентябрí и нáчали утихáть 8-го числá. Посреди́ плáмени совершáлись разбóи, душегýбство, поругáніе церквéй. Не пощажены́ ни полъ, ни вóзрастъ, ни неви́нность, ни святы́ня. Грабёжъ и пожáръ шли въ ýровень. Въ непрія́тельской áрміи исчéзли ýзы повиновéнія; коры́сть соединя́ла генерáла съ просты́мъ солдáтомъ. Вооружённые мечёмъ и плáменемъ, упоённые крѣ́пкими напи́тками и злóбою, непрія́тели бѣ́гали по дли́ннымъ ýлицамъ, пустырям́ъ и осиротѣ́вшимъ домáмъ, стрѣля́ли въ здáнія и óкна, губи́ли всё тяжёлое, уноси́ли всё драгоцѣ́нное и лёгкое. Обагрённые крóвію съ рýжьями въ рукáхъ и махáя обнажёнными тесакáми и сáблями, они́ нападáли на жи́телей, терзáли ихъ, отнимáли послѣ́днее достоя́ніе, даже кресты́, возлагáемые при крещéніи, оцѣ́няя въ нихъ тóлько зóлото. Огнёмъ, бýрею, граби́тельствомъ разрóзненные члéны семéйствъ оты́скивали и не находи́ли другъ дрýга: отцы́ и мáтери кидáлись въ плáмя для спасéнія погибáвшихъ дѣтéй, и сáми сгорáли. Жáлостные вóпли ихъ заглушáлись завывáніемъ ви́хря и обрýшивавшимися домáми. Трепетáвшіе отъ ýжаса, изнемогáвшіе отъ гóлода, ранъ, плáмени, задыхáвшіеся отъ ды́ма, осыпáемые и́скрами и головня́ми, жи́тели спасáлись изъ одногó мѣ́ста въ другóе, оты́скивая прію́тъ. Не обрѣтáя пристáнища подъ зáревомъ раскалённаго нéба, Москвичи́, перенося́ одинáковую ýчасть, встрѣчáлись тамъ, кудá рѣ́дко, мóжетъ быть, никогдá не заноси́ли ноги́. Солодóвенные ови́ны, погребá, подвáлы бы́ли и́ми напóлнены, но и въ сихъ убѣ́жищахъ тóлько на корóткое врéмя могли́ они́ предостерéчь себя́ отъ огня́ и мечá непрія́телей, котóрыхъ [7]) страши́лись какъ лю́тыхъ звѣрéй. Во вся́комъ другóмъ положéніи жи́зни, сколь ни тя́гостно бы́ло бы онó, мóжно найти́ облегчéніе и отрáду въ совѣ́тахъ, пóмощи и утѣшéніи бли́жнихъ, но нáши соотéчественники не имѣ́ли и э́того облегчéнія. Невозмóжно бы́ло найти́ его́ тамъ, гдѣ́ всѣ́ страдáли. Непрія́тели, открывáя сокровéнныя убѣ́жища, вытáскивали оттýда Рýсскихъ си́лою, води́ли ихъ во внýтренность пылáвшаго гóрода, по обгорѣ́лымъ домáмъ и церквáмъ, и заставля́ли покáзывать богатѣ́йшія. Дорожá уцѣлѣ́вшими [8]) отъ огня́ остáтками цѣ́нныхъ вещéй, съ не мéньшею

áлчностью кидáлись онѝ на продовóльственные запáсы, потомý что мýчились смертéльнымъ гóлодомъ. Послѣдній кусóкъ хлѣба вырывáли онѝ у жителей, навьючивали ихъ рóжью, мукóю, овсóмъ, картóфелемъ, капýстою, похищёнными вещáми, принуждáя ихъ переносѝть тяжести съ одногó мѣста на другóе, по мѣрѣ тогó, какъ дóмы дѣлались добычею плáмени. Какъ живóтныхъ впрягáли онѝ жителей въ повóзки, сопровождáя кáждый шагъ удáрами. Упадáвшихъ подъ брéменемъ нóши, изъязвленныхъ, полумéртвыхъ бѝли, топтáли ногáми, таскáли по землѣ, докóлѣ жéртвы ихъ вáрварства не лишáлись чувствъ.

Повсю́ду раздавáлись стóны изнемогáвшихъ отъ ранъ, вóпли обрýганныхъ, умирáвшихъ жёнъ, во хрáмахъ Бóжіихъ ржáніе кóней, крикъ и проклятія разъярённыхъ грабѝтелей, трескъ пáдавшихъ стѣнъ и желѣзныхъ листóвъ, летѣвшихъ съ крышъ, стрѣльбá изъ рýжей и пистолéтовъ. Между дымѝвшимися брёвнами, на раскалённомъ прáхѣ лежáли сожжённыя чáсти человѣческихъ трýповъ и лошадéй; óкрестъ бы́ли развáлины, а на нихъ кровáвыя жéртвы. Благочестѝвые, сѣдинами укрáшенные свящéнники, въ облачéніи, съ крестóмъ въ рукáхъ, чѣмъ надѣялись воздержáть ѝзверговъ, при дверяхъ церквéй пáдали отъ острія мечá. По тѣлáмъ ихъ вбѣгáли непріятели въ середину церквéй, срывáли, размётывали пóполу и попирáли ногáми икóны, украшéнія престóловъ. Конéчно, отъ сотворéнія міра, ни одѝнъ ѝзвергъ такъ не бѣшенствовалъ на землѣ, какъ шáйки наполеóновы въ Москвѣ. Конéчно, во мнóгія тысячелѣтія нé-было ещё ни одногó дня, въ котóрый сóлнце бы́ло бы свидѣтелемъ такѝхъ злочéстій, ни однóй нóчи, мракъ кóей закры́лъ стóлько преступлéній. Не остáлось закóна нрáвственнаго и граждáнскаго, ни одногó обря́да свящéннаго, надъ кóимъ не поругáлись врагѝ, преступлéнія, котóраго не содѣлали, лютости, котóрой не привелѝ въ дѣйствіе. Орды дѝкихъ возымѣли бы бóлѣе чýвства, нéжели такъ называвшіеся просвѣщённые европéйцы. Врывáясь въ Россію, Монгóлы и Татáры чтѝли хрáмы нáшего Бóга: рукá азіятскаго язы́ческаго вóина не прикасáлась къ святы́нѣ ихъ, но въ нáше врéмя мы вѝдѣли христіянъ, грáбившихъ, оскверня́вшихъ цéркви Христóвы.

Слѣдующія два собственнорýчныя донесéнія грáфа Ростопчинá къ государю свидѣтельствуютъ, что не онъ былъ глáвнымъ винóвникомъ пожáра: 1) Приказáніе князя Кутýзова везтѝ на калýжскую дорóгу провіянтъ бы́ло óтдано 20-го áвгуста. Это докáзываетъ, что онъ тогдá ужé хотѣлъ остáвить Москвý. Я въ отчáяніи, что онъ скрывáлъ отъ меня своё намѣреніе, потомý что я, не бывъ въ состояніи удéрживать гóрода, зажёгъ бы егó и лишѝлъ бы Бонапáрта слáвы взять Москвý, ограбить её и потóмъ предáть плáмени. Я óтнялъ бы у Францýзовъ и плодъ ихъ похóда и пéпелъ столѝцы.

Я застáвилъ бы ихъ дýмать, что онѝ лишѝлись велѝкихъ сокрóвищъ, и тѣмъ доказáлъ бы имъ, съ какѝмъ нарóдомъ онѝ имѣютъ дѣло. 2) До 30-го áвгуста князь Кутýзовъ писáлъ мнѣ, что онъ бýдетъ сражáться 1-го сентябрѧ́, когдá я съ нимъ вѝдѣлся, онъ тó же сáмое мнѣ говорѝлъ, повторяя: И въ ýлицахъ бýду дрáться. Я остáвилъ егó въ часъ пополýдни. Въ 8 часóвъ, онъ прислáлъ мнѣ извѣстное письмó, трéбуя полицéйскихъ офицéровъ, для препровождéнія áрміи изъ гóрода, оставляемаго имъ, какъ онъ говорѝлъ, съ крáйнимъ прискóрбіемъ. Еслибы онъ мнѣ сказáлъ это зá-два дня прéжде, то я зажёгъ бы гóродъ, отпрáвивши изъ негó жителей.

Такѝмъ óбразомъ уничтожáется обвинéніе въ умы́шленномъ и зарáнѣе придýманномъ зажжéніи Москвы́ россíйскимъ правѝтельствомъ. Спрáшивается: отъ чегó же произошёлъ пожáръ? 2-го сентябрѧ́, въ 5 часóвъ ýтра, графъ Ростопчѝнъ приказáлъ одномý слѣдственному прѝставу отпрáвиться на вѝнный и мы́тный дворы́ въ коммиссаріáтъ и на неуспѣвшія къ вы́ходу казённыя и партикулярныя бáрки у Крáснаго холмá и Сѝмонова монастырѧ́, и въ слýчаѣ вступлéнія непріятеля истреблять всё огнёмъ, что, пѝшетъ прѝставъ въ донесéніи, бы́ло мнóю исполняемо въ рáзныхъ мѣстáхъ по мѣрѣ возмóжности въ видý непріятеля, до 10-ти часóвъ вéчера.

Князь Кутýзовъ съ своéй стороны́, извѣстясь, что нé-было никакóй возмóжности спастѝ отъ непріятеля коммиссаріáтскія бáрки, слѣдовáвшія позадѝ остановѝвшихся за тяжестью грýза артиллерíйскихъ бáрокъ, приказáлъ ихъ жечь и топѝть. Въ однó врéмя загорѣлись аммунѝчныя вéщи и полетѣли на вóздухъ огнестрѣльные снаряды.

Таковы́ бы́ли причѝны пéрвыхъ пожáровъ. Въ тóже врéмя загорáлись дóмы и лáвки, но ужé не по чьемý либо приказáнію, не по нарядý, но по патріотѝческимъ чýвствованіямъ Рýсскихъ, или по врождённому въ нихъ свóйствý скорѣе уничтóжить, чѣмъ уступѝть, придéрживаясь поговóрки: „Не доставáйся же никомý! Рýсскіе дѣлежá не лю́бятъ: не нáше, такъ ничьё." До плѣнéнія столѝцы дýмали, что съ нéю сопряженá ýчасть Россíи, но когдá Москвá пáла, говорѝли въ нарóдѣ: „Пусть пропадётъ Москвá, лишь бы въ ней похоронѝть Францýзовъ." Жалѣли не о томъ, что горѣло, но хотѣли тóлько, чтобы ничегó не остáлось злодѣямъ. При вступлéніи непріятеля въ Москвý, мнóгіе изъ францýзскихъ генерáловъ и офицéровъ брóсились въ карéтный рядъ, занимáющій цѣлую ýлицу. Онѝ выбирáли карéты, коля́ски, дрóжки, брѝчки и замѣчáли ихъ своѝмиименáми. Хозяева въ тотъ же вéчеръ, по óбщему между собóю соглáсію, не желая снабдѝть непріятеля экипáжами, зажглѝ свои лáвки. Ещé до вторжéнія Францýзовъ, купцы́, мастеровы́е и лю́ди изъ простáго нарóда, сходясь между собóю, судѝли о предстоявшей грозѣ, о возмóжности непріятельскаго вторжéнія въ Москвý, и обыкновéнно гово-

ри́ли: „лу́чше всё сожéчь.“ Словá сій не принадлежáтъ исключи́тельно Москвичáмъ, но суть выражéніе тогó ду́ха истреблéнія, котóрый былъ óбщимъ въ коренны́хъ ру́сскихъ губéрніяхъ. Вездѣ́ бы́ли при́няты мѣ́ры для сожжéнія казённыхъ запáсовъ, на слу́чай приближéнія непріятелей, а чáстные лю́ди сáми истребля́ли своё иму́щество. Во врéмя отступлéнія áрмій, когдá черезъ дерéвни проходи́ли послѣ́днія войскá арріергáрда, крестья́не спрáшивали: „Не порá ли зажигáть и́збы?“ Всю́ду дѣ́йствовали одни́ и тѣ́же побуждéнія, съ тóю рáзницею, что въ селéніяхъ и деревня́хъ происходи́ли пожáры въ мáломъ размѣ́рѣ, а въ Москвѣ́ разли́лся огóнь въ огрóмномъ объёмѣ. Въ ночи́ съ 2-го на 3-е сентябрá загорѣ́лась зажжённая Ру́сскими въ рáзныхъ концáхъ Москвá. Распространéнію пожáра способствовали и францу́зскіе зажигáтели, что свидѣ́тельсвтуютъ Ру́сскіе, бы́вшіе тогдá въ Москвѣ́......

Съ пéрвой нóчи пусти́лись на грабёжъ толпы́ непріятелей, и́бо всѣ́мъ стоя́вшимъ близь Москвы́ войскáмъ наполеóновымъ бы́ло разрѣшенó грáбить столи́цу. Къ нимъ, безъ сомнѣ́нія, присоедини́лись бродя́ги изъ Ру́сскихъ, оставáвшіеся въ Москвѣ́, и легкó стáться мóжетъ, что вмѣ́стѣ съ непріятелями старáлись о распространéніи пожáра, въ намѣ́реніи съ бóльшею удóбностію грáбить въ повсемѣ́стной тревóгѣ. Тутъ напрáсны бы́ли уси́лія нѣ́которыхъ францу́зскихъ генерáловъ къ утушéнію пожáра, разрушáвшаго занимáемые и́ми дóмы. Они́ въ огóнь, огóнь за ни́ми. Выводи́мыя и́ми для гашéнія комáнды поразбѣ́гáлись и приставáли къ хи́щникамъ. Огнёмъ и ви́хремъ заглушáлся гóлосъ начáльниковъ, а ины́е изъ нихъ дѣли́ли съ солдáтами награ́бленную добы́чу, и сáми ходи́ли за нéю. Скóро забушевáли жестóкіе вѣ́тры, и во всѣ́ стóроны разноси́ли головни́, дымъ, плáмя, такъ что вся́кое срéдство, вся́кое уси́ліе рукъ человѣ́ческихъ къ утушéнію огня́ сдѣ́лались невозмóжными, и въ трóи су́тки сгорѣ́ло 6,496 рáзнаго рóда здáній.

Старáясь рѣши́тельно отклони́ть отъ себя́ нарекáнія въ пожáрѣ и осóбенно въ ужáсныхъ егó слѣ́дствіяхъ, Наполеóнъ не удовóльствовался одни́мъ отрицáніемъ. Попирáвшій ногáми всѣ́ правá нарóдовъ, по произвóлу срывáвшій вѣ́нцы́ монáрховъ, восхотѣ́лъ онъ облéчься въ закóнныя фóрмы и учреди́лъ комми́ссію для суждéнія 26-ти Ру́сскихъ, кóихъ Францу́зы назвáли зажигáтелями. Комми́ссія состоя́ла исключи́тельно изъ францу́зскихъ воéнныхъ. Комми́ссія, совѣщáвшись при заперты́хъ дверя́хъ въ прису́тствіи однóго тóлько императóрскаго прокурóра, приговори́ла 10 обвинённыхъ къ смéртной кáзни, котóрая немéдленно и приведенá въ исполнéніе, а остальны́хъ 16 осуди́ла на тюрéмное заключéніе. Таковы́ бы́ли дѣ́йствія комми́ссіи. Обвини́телями, донóщиками, свидѣ́телями, судья́ми бы́ли Францу́зы, вы́думавшіе обвинéніе для отстранéнія отъ Наполеóна нарекáній въ бѣд-

ствіяхъ Москвы́. То было суди́лище раболѣпное, крова́вое, а довóды егó и заключéнія о намѣреніи нáшего прави́тельства сжечь Москву́ посрéдствомъ шáра и колóдниковъ не что инóе, какъ сцѣплéніе вымысловъ и лжи. Неоспóримымъ тому́ доказáтельствомъ послу́житъ слѣдующее изложéніе и́стинныхъ обстоя́тельствъ дѣла. 5-го мáя 1812-го гóда былъ пóсланъ въ Москву́ иностранецъ Лéппихъ. Онъ взялся́ сдѣлать огрóмный шаръ, подня́ться съ нимъ на вóздухъ, съ 50-ью человѣками, и спусти́ть на непріятельскую áрмію два я́щика, напóлненные истреби́тельными веществáми. Рабóты производи́лись втáйнѣ. Нѣсколько мастерóвъ пріѣхало съ изобрѣтáтелемъ, кузнецы́ и слесаря́ бы́ли вы́сланы изъ Петербу́рга, для тогó, чтобы не огласи́ть предпріятія. Лéппиху отвели́ домъ въ 7-ми верстáхъ отъ Москвы́, на калу́жской дорóгѣ, пристáвили къ нему́ полицéйскую комáнду и распространи́ли слухъ, бу́дто онъ дѣлаетъ земледѣльческія ору́дія для граждáнскаго губернáтора Обрѣскова. Однáко же скóро узнáли въ Москвѣ, что готóвится шаръ, о чёмъ и графъ Ростопчи́нъ напечáталъ слѣдующее объявлéніе: Здѣсь мнѣ порученó отъ государя сдѣлать большóй шаръ, на котóромъ 50 человѣкъ полетя́тъ, кудá захотя́тъ, и по вѣтру и противъ вѣтра, а что отъ негó бу́детъ, узнáете и порáдуетесь. Если погóда бу́детъ хорошá, то зáвтра ко мнѣ бу́детъ мáленькій шаръ для прóбы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, уви́дя егó, не взду́мали, что э́то отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ егó вреду́ и поги́бели. Изобрѣтеніе казáлось сначáла удобоисполни́тельнымъ [9]), до такóй стéпени, что графъ Ростопчи́нъ писáлъ государю: „Лéппихъ уничтóжилъ мои́ сомнѣнія. Когдá шаръ бу́детъ готóвъ, машини́стъ хóчетъ летѣть въ Ви́льну. Не улети́тъ ли онъ къ непріятелю? Я совершéнно увѣренъ въ успѣхѣ. Лéппихъ предлагáетъ мнѣ съ нимъ вмѣстѣ отпрáвиться въ путь, но я не смѣю остáвить моегó мѣста безъ Высочáйшаго разрѣшéнія." Два мáленькихъ шáра, назначенные для óпыта, бы́ли гóтовы 13-го áвгуста, большóй надѣялись окóнчить 30-го тогóже мѣсяца. На прóбномъ шáрѣ хотѣли пусти́ть 5 человѣкъ, для чегó назначили день и предупреди́ли гóродъ печáтнымъ объявлéніемъ. Вскорѣ однáко же оказáлось, что предпріятіе не мóжетъ состоя́ться. Вмѣсто назначенныхъ для приготовлéнія 6-ти часóвъ, прошлó 5 дней, и тогдá, вмѣсто пяти́ человѣкъ, могли́ подня́ться тóлько двóе. Тутъ нашли́сь опя́ть затруднéнія; кóнчилось тѣмъ, что графъ Ростопчи́нъ, сперва́ не имѣвшій сомнѣнія въ успѣхѣ, назвáлъ Лéппиха шарлатáномъ. 1-го сентября́ отпрáвилъ онъ егó въ Петербу́ргъ, а шаръ, инструмéнты и другія снáдобья, стóившія 163,000 рублéй, въ Ни́жній-Нóвгородъ. Второпя́хъ не успѣли всегó уложи́ть, а потому́ остáвшіеся въ небольшóмъ количествѣ матеріялы, нáйденные непріятелями, послужи́ли имъ предлóгомъ къ вы́мыслу, бу́дто шаръ готóвили для сожжéнія Москвы́.

Опредѣлéніе кровáваго судúлища о 800-хъ арестáнтахъ, бýдто бы вы́пущенныхъ изъ тюрьмы́ для поджóги, столь же несправедлúво какъ и заключéніе о шáрѣ. Въ Москвѣ́ бы́ло 600 колóдниковъ. Такóе значúтельное числó накопúлось отъ тогó, что по мѣ́рѣ приближéнія непріятельской áрміи къ губéрніямъ витебской, могилёвской, смолéнской и минской, отправля́ли арестáнтовъ въ Москвý. 31-го áвгуста, всѣ́ онú, крóмѣ двухъ, отóсланы изъ Москвы́ въ Нúжній-Нóвгородъ, подъ конвóемъ 10-го полкá ополчéнія. Изъ дѣ́лъ нижегорóдскаго губéрнскаго правлéнія вúдно, что за исключéніемъ умéршихъ и заболѣ́вшихъ дорóгою, арестáнты прúбыли 23-го сентября́ къ мѣ́сту своегó назначéнія... Слѣ́дственно Москвý жгли не колóдники, потомý что во врéмя пожáра бы́ли онú на путú въ Нúжній-Нóвгородъ. Сóбственное сознáніе подсудúмыхъ, бýдто имъ вéлѣно зажигáть, бы́ло вы́мышлено францýзскою коммиссіею, или сдѣ́лано подсудúмыми изъ стрáха, для избѣжáнія лютости врагóвъ. Во вся́комъ слýчаѣ признáніе лóжно, потомý что повелѣ́ній къ поджóгѣ данó нé было. Что касáется до ракéтъ, фитилéй, пузырéй съ пóрохомъ, оты́сканныхъ въ домáхъ и у подсудúмыхъ, то зажигáтельныя веществá, éсли и въ сáмомъ дѣ́лѣ бы́ли онú нáйдены Францýзами, нигдѣ́ úначе не моглú быть взя́ты, какъ въ чáстныхъ заведéніяхъ, гдѣ приготовля́ются фéйерверки для прáздниковъ, давáемыхъ въ Москвѣ́ и зáгородомъ, úли на дáчѣ, гдѣ изготовлялся шаръ. Наконéцъ, увезéніе пожáрныхъ трубъ изъ Москвы́, котóрыхъ бы́ло 96, по 3 въ кáждой чáсти, не есть доказáтельство заблаговрéменно прúнятаго намѣ́ренія предáть гóродъ огню. Это былá обыкновéнная, тогдá прúнятая мѣ́ра, на основáніи кóей при сближéніи [10]) непріятеля отправлáлись всѣ присýтственныя мѣстá, архúвы, чинóвники, казённыя сýммы и имýщества. Изъ сей óбщей мѣ́ры не былá изъя́та и москóвская полúція. Но éсли бы трýбы и остáлись на своúхъ мѣстáхъ, дѣ́йствіе ихъ не моглó быть успѣ́шно въ гóродѣ, имѣ́ющемъ 50 вёрстъ въ окрýжности, котóрый зажигáлся въ рáзныхъ мѣстáхъ вдругъ, и гдѣ, средú ужáснѣйшаго вúхря, единоврéменно горѣ́ло до 7000 здáній, Трýбы имѣ́ли бы одинáковую ýчасть съ домáми; онѣ́ бы сгорѣ́ли.

Найдя́ лишь золý и ýголь вмѣ́сто богáтой, многолю́дной, покóрной емý Москвы́, Наполеóнъ осыпáлъ Рýсскихъ ругáтельствами; называ́лъ насъ въ бюллетéняхъ Татáрами, Калмыкáми, вáрварами, не умѣ́ющими защищáть себя́ úначе, какъ сожигáя сóбственные дóмы. За нимъ твердúли францýзскіе писáтели и журналúсты о необходúмости загнáть Рýсскихъ въ Азію, очúстить отъ нихъ Еврóпу.

Предмéтомъ осóбенной злóбы избрáлъ Наполеóнъ грáфа Ростопчинá; úмя егó, какъ припѣ́въ, безпрестáнно упоминáлось въ бюллетéняхъ. C'est Rostoptchin qui brule Moskow! Всѣ постýпки грáфа Ростопчинá бы́ли на перекóръ желáній и надéждъ Наполеóна, потомý

что онъ всѣ́ми си́лами спосо́бствовалъ къ опорожне́нію Москвы́, сохране́нію въ ней споко́йствія, возже́нію въ сердца́хъ наро́да не то́лько не́нависти, но и презрѣ́нія къ Наполео́ну. Тогда́ Наполео́нъ уже́ сродни́лся съ мы́слію, что столи́цы госуда́рствъ должны́ безпрекосло́вно предъ нимъ па́дать; онъ да́же привы́къ къ не́нависти, вообще́ въ Евро́пѣ́ къ нему́ пита́емой, и пренебрега́лъ е́ю; но для него́ но́во бы́ло презрѣ́ніе, кото́рое графъ Ростопчи́нъ стара́лся распространи́ть къ нему́ въ Росси́и. Тако́й оби́ды Наполео́нъ не прости́лъ. Въ отмще́ніе выставля́лъ онъ гра́фа Ростопчина́ зажига́телемъ Москвы́, и въ семъ отноше́ніи хотѣ́лъ яви́ться неви́ннымъ предъ судо́мъ свѣ́та. Коне́чно Ру́сскіе никому́ не усту́пятъ че́сти быть пе́рвыми вино́вниками моско́вскаго пожа́ра, э́то одно́ изъ драгоцѣ́нныхъ наслѣ́дій, како́е нашъ вѣкъ переда́стъ бу́дущимъ; но и́стиннымъ вино́вникомъ пожа́ра и злополу́чія столи́цы оста́нется Наполео́нъ. Безъ его́ наше́ствія не сгорѣ́ла бы Москва́, пре́данная имъ на расхище́ніе. Пото́мство спра́шиваетъ: почему́ Наполео́нъ былъ безмо́лвнымъ, равноду́шнымъ зри́телемъ неистовствъ въ Москвѣ́? Злодѣя́ній нельзя́ отнести́ къ остава́вшимся въ столи́цѣ Ру́сскимъ: число́ ихъ бы́ло ничто́жно въ сравне́ніи со ста ты́сячами непрія́телей, изъ ко́ихъ рѣ́дкій не жёгъ и не гра́билъ. Утуши́ть пожа́ръ, возжённый Ру́сскими, бы́ло не во вла́сти Наполео́на, потому́ что укроще́ніе пла́мени превосходи́ло си́лы человѣ́ческія, но въ четыре-дне́вное пребыва́ніе своё въ петро́вскомъ дворцѣ́, онъ рѣши́тельно не при́нялъ никаки́хъ мѣръ прекрати́ть злодѣ́йства и обузда́ть свою́ а́рмію, продолжа́вшую гра́бить и пото́мъ до са́маго того́ вре́мени, когда́ она́ принуждена́ была́ со сра́момъ бѣжа́ть изъ Москвы́. Зачѣ́мъ распуска́лъ онъ войска́ на грабёжъ, не отпра́вилъ ихъ за заста́вы, не запретѣ́лъ имъ всѣ́ми мѣ́рами убѣжде́ній, стро́гости, угро́зъ отлуча́ться отъ знамёнъ? Зачѣ́мъ престу́пнымъ послабле́ніемъ своево́льству, бу́йнымъ страстя́мъ, душегу́бству, умно́жилъ онъ до безконе́чности число́ зажига́телей, разбо́йниковъ, святота́тцевъ? Такъ, не просты́мъ завоева́телемъ, а убі́йцею показа́лся Наполео́нъ на сто́гнахъ моско́вскихъ! На его́ па́мять должны́ лечь крова́выя явле́нія, соверша́вшіяся на разва́линахъ Москвы́, и обремени́ть его́ прокля́тіемъ вѣко́въ.

Михайло́вскій-Даниле́вскій.

[1]) Снт. Ш. § 47. 4. б). [2]) Вѣрнѣе: во главѣ́. [3]) Т. е. исто́рія, начина́я съ са́мыхъ дре́внихъ времёнъ. [4]) Часть го́рода, лежа́щая противъ Кремля́. [5]) Пра́вильнѣе: посмотрѣ́въ. [6]) Вотъ го́рдыя-то стѣ́ны! [7]) Снт. Ш. § 44. 8. а). [8]) Снт. Ш. § 42. 4). Нкл. Снт. ст. 84. [9]) Вѣрнѣе: удобоисполни́мымъ. [10]) Вм. приближе́нія.

30. Народная война Русскихъ съ Наполеономъ въ 1812 году.

Войнá нарóдная возгорѣлась въ смолéнской губéрніи, когдá Наполеóнъ сдѣлалъ пéрвый шагъ на старинную, коренную зéмлю рýсскую, и продолжáлась докóлѣ, въ ноябрѣ, нé-былъ онъ изгнанъ изъ смолéнской губéрніи. Какъ скоро въ іюлѣ мѣсяцѣ нáша áрмія отступила отъ Порѣчья къ Смолéнску, отвáжнѣйшіе изъ жителей, остáвшись въ окрéстностяхъ своéй рóдины, сѣли на конéй и нáчали истреблять непріятелей по мѣрѣ силъ своихъ. Они были пéрвыми нарóдными партизáнами въ отéчественную войнý. Ихъ примѣру послѣдовали прóчіе уѣзды смолéнской губéрніи. Всѣхъ Смольянъ постигло одинáковое разорéніе и одушевила одинáковая любóвь къ отéчеству: всѣ бѣжáли отъ срáма непріятельскаго нашéствія, или брóсились къ орýжію на погибель врагóвъ.....

Никтó не дýмалъ повиновáться управлéнію, учреждéнному Францýзами въ Смолéнскѣ; предписáнія егó оставáлись безъ исполнéній и онó было крáйне стѣсненó въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣя возмóжность распоряжáться тóлько въ городáхъ и сёлахъ, гдѣ находились непріятельскія войскá. Нарóдное возстáніе разлилóсь, какъ плáмя, по всей губéрніи и содѣлало невозмóжнымъ наполнéніе магазиновъ, котóрые Наполеóнъ велѣлъ заклáдывать въ Смолéнскѣ. Провіáнтскіе коммисáры, посылáемые для закýпки хлѣба, и комáнды, отряжáемыя на фуражирóвки, или гибли подъ удáрами правослáвныхъ, или возвращáлись изрáненные, избитые, не испóлнивъ дáнныхъ имъ поручéній. Наконéцъ непріятели вознамѣрились устрашить жителей, употребя кровáвыя мѣры. Съ сéю цѣлію старáлись они захватить когó-либо изъ помѣщиковъ, начáльствовавшихъ вооружёнными поселянами и дворóвыми людьми. Двóе пáли ихъ жéртвою: отставнóй подполкóвникъ Энгельгардъ и коллéжскій ассéссоръ Шýбинъ. Защищáя прóтивъ мародéровъ своё и сосѣднія имѣнія, они были схвáчены, привезены въ Смолéнскъ и осуждены на смерть. Францýзы мéдлили исполнéніемъ кáзни, склоняя ихъ вступить въ свою слýжбу, но безуспѣшно. Выведенный на мѣсто кáзни, Энгельгардъ не дозвóлилъ завязáть себѣ глазъ. Францýзы спервá прострѣлили емý нóгу, и вновь старáлись поколебáть егó вѣрность, обѣщáя залечить рáну, въ слýчаѣ соглáсія на ихъ предложéніе. Энгельгардъ остáлся непреклóненъ и палъ подъ непріятельскими пýлями. Одинáковой ýчасти подвéргся Шýбинъ. По окончáніи войны госудáрь повелѣлъ производить пéнсіи брáту Энгельгарда по 6,000 рублéй, племяннику егó и племянницѣ, обóимъ по 3000, вдовѣ Шýбиной по 10,000, мáтери егó по 6000, и двумъ сестрáмъ, дѣвицамъ, по 3000. Императоръ Николáй Пáвло-

вичъ соорудилъ Энгельгарду памятникъ на самомъ мѣстѣ мученической его смерти.....

Въ московской губерніи народная война была ведена одинаковымъ образомъ. Въ селеніяхъ запирали ворота и ставили къ нимъ караулы; у околицъ устроивали шалаши, въ видѣ будокъ, а подлѣ нихъ сошки для пикъ. Никому изъ посторонних не дозволялось приближаться къ селеніямъ, проѣзжающіе, даже наши курьеры и партизаны были задерживаемы и пропускались не иначе, какъ по точномъ убѣжденіи, что они не враги. На увѣренія нашихъ офицеровъ, что они Русскіе, ѣдутъ по казенному дѣлу или идутъ съ отрядомъ на защиту вѣры и царя, первымъ отвѣтомъ бывалъ выстрѣлъ или пущенный съ размаха топоръ. Съ каждымъ селеніемъ партизаны должны были вступать въ переговоры, и когда по окончаніи объясненій спрашивали крестьянъ: зачѣмъ они, слыша, что съ нашей стороны говорили порусски, принимали насъ за непріятелей? поселяне отвѣчали: „Да вѣдь у злодѣя всякаго сбора люди.“ Однажды православные истребили 60 человѣкъ тептярскаго казачьяго полка, принявъ ихъ за непріятелей, по нечистому произношенію русскаго языка. Жёнъ и дѣтей скрывали въ лѣсахъ, а сами были на денной и ночной стражѣ, ставили часовыхъ на колокольняхъ и возвышенныхъ мѣстахъ, клятвенно, цѣлованіемъ креста и евангелія обѣщаясь не выдавать другъ друга. Они составляли партіи; изъ малыхъ деревень присоединялись къ большимъ селеніямъ, и ведомые кѣмъ-либо изъ отставныхъ солдатъ, или отважныхъ товарищей и старостъ во имя Бога и государя нападали на непріятеля, ежедневно становясь страшнѣе врагамъ, по мѣрѣ того, какъ привыкали къ кровавымъ встрѣчамъ. Когда Французы бывали въ превосходномъ числѣ, въ такомъ случаѣ противъ нихъ употреблялись разныя хитрости. Ласкою, съ поклонами встрѣчая бродягъ и фуражировъ, поселяне предлагали имъ яства и напитки, и потомъ, во время сна или опьяненія гостей, отнимали у нихъ оружіе, душили ихъ, либо выждавъ, когда непріятели уснутъ, припирали двери домовъ брёвнами, окладывали сѣни хворостомъ и зажигали ихъ, тѣшась крикомъ и воплемъ незваныхъ гостей московскаго царства, горѣвшихъ вмѣстѣ съ избами. Трупы убитыхъ бросали въ колодцы, пруды и рѣки, сожигали въ овинахъ. Старались, чтобы мѣста, гдѣ зарывали непріятелей, не-были примѣтны по свѣжей, недавно вскопанной землѣ, и для того на могилы бросали каменья, брёвна, золу. Военную добычу, мундиры, каски, кивера и ремни жгли, чтобы новыя приходившія шайки мародёровъ не видали слѣдовъ погибшихъ товарищей. Иногда крестьяне зарывали плѣнныхъ живыми въ землю, или убивали ихъ какъ хищныхъ звѣрей. Иноземцы, шедшіе противъ Бога и Руси, перестали въ понятіи народа казаться людьми, всякое мщеніе противъ нихъ почитали не только позволительнымъ,

но законнымъ, угоднымъ Нѣбу. Вѣсть о бѣдствіяхъ Москвы дала новую силу, новое ожесточеніе народному движенію. Французы жгутъ и грабятъ Москву! перелетало изъ устъ въ уста, было общимъ кликомъ, и никакія истязанія не казались достаточными противъ злодѣевъ. Зарево Москвы, видѣнное на 130 верстъ, и поруганіе церквей довели ненависть къ Французамъ до изступленія. Французы ли жгли Москву или нѣтъ, разувѣрять было не время: лишь только бы рѣзали Французовъ.

Перевозы запасовъ, снарядовъ, аммуниціи, рекрутовъ, казны, сопровожденіе раненыхъ и плѣнныхъ требовали безпрестанно новыхъ усилій, разъѣздовъ, подводъ, отъ чего селенія пустѣли мужчинами. Обязанности ихъ принимали на себя женщины, которыя употреблялись вмѣсто сотскихъ, сторожей, провожатыхъ и для почтовой гоньбы. Случалось, что женщины, въ отсутствіе отцовъ, мужей и братьевъ, нападали на мародёровъ и брали ихъ въ плѣнъ. Съ косами и вилами сопровождали онѣ партіи плѣнныхъ, и воины такъ называвшейся „великой арміи", пришедшей навѣрное покорить Россію, должны были со стыдомъ, а иногда съ бѣшенствомъ и слезами, повиноваться приказаніямъ нашихъ сельскихъ амазонокъ. Изъ нихъ сдѣлалась извѣстнѣе другихъ, по своему ожесточенію противъ непріятеля, старостиха Василиса, дородная женщина, съ длинною французскою саблею, повѣшенною черезъ плечо сверхъ французской шинели. Покинувъ колей родныхъ привычекъ и отношеній домашняго быта, простые сыны и дочери Россіи преобразились въ воиновъ, чѣмъ и какъ могли, разили враговъ, не ожидая воздаянія. Князь Кутузовъ раздавалъ георгіевскіе кресты храбрѣйшимъ, подвиги которыхъ прославлялись въ пѣсняхъ, тогда нарочно сочиняемыхъ. Имена храбрецовъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны повторялись съ глубокимъ уваженіемъ въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ ратовали воины-поселяне, а теперь они забыты, не дойдутъ до потомства, но сливаются въ одно эхо, которое не умолкнетъ въ вѣкахъ, въ одинъ торжественный отгулъ: Русскій народъ.

Въ сосѣднихъ съ Москвою губерніяхъ народъ не хотѣлъ сначала вѣрить вступленію непріятелей въ Москву. Разглашатели объ ея паденіи были называемы лгунами и трусами и съ трудомъ избѣгали побоевъ. Когда удостовѣрились въ горькой истинѣ, русскія вѣщія сердца замерли, но вскорѣ воспрянула неизмѣнная надежда на Бога и государя, и свойственная нашему народу неподатчивость. Безсмертное изреченіе Александра: „Нѣтъ мира съ врагами", перелилось во всѣ души. Однажды на мірской сходкѣ столпились около старика, который, уткнувъ въ сѣдую бороду длинную палку, что-то толковалъ молодёжи. Начальникъ одного тверскаго ополчённаго [1]) полка спросилъ: о чёмъ у нихъ идутъ поговорки [2])? Старикъ отвѣчалъ: „Да всё о матушкѣ Москвѣ". — „Что жъ вы думаете?" — „Да, вотъ, пока

её ма́тушку супоста́ты не взя́ли, такъ ду́малось и то и сё, а тепе́рь ду́мать не́чего: ужъ ху́же чему́ быть? И то́лько бы ба́тюшка нашъ госуда́рь милосе́рдный, дай Богъ ему́ мно́го лѣтъ ца́рствовать, не смири́лся съ злодѣемъ, а то ему́ у насъ не сдоброва́ть. Свята́я Русь велика́, наро́ду мно́гое мно́жество, укажи́ поголо́вщину [3]), а мы всѣ ша́пками заме́чемъ, аль свои́ми тѣла́ми задави́мъ супоста́та.“ Паде́ніе Москвы́ произвело́ не одно́ непримиримое ожесточе́ніе къ врага́мъ: оно́ возроди́ло жела́ніе си́льнаго, гро́мкаго отмще́нія Наполео́ну — покоре́ніемъ Пари́жа. Это не преувели́ченіе, но и́стина, проявле́ніе кото́рой въ ра́зныхъ ви́дахъ по́мнитъ ка́ждый изъ совреме́нниковъ. Оди́нъ 70-ти-лѣтній дворяни́нъ, вступи́вшій въ ополче́ніе и предста́вленный кня́зю Куту́зову въ Тару́тинѣ, сказа́лъ ему́, ука́зывая на свою́ са́блю, подъ тя́жестію ко́ей, каза́лось, онъ изнемога́лъ: Не сниму́ ея́, пре́жде чѣмъ не побыва́емъ въ Пари́жѣ. Пе́рвые стихи́, напеча́танные въ Петербу́ргѣ, по получе́ніи вѣсти о взя́тіи Москвы́ бы́ли не излія́ніемъ ско́рби о напа́стяхъ оте́чества, но выраже́ніемъ чу́вства отмсти́ть Наполео́ну въ ко́рнѣ его́ могу́щества, Пари́жѣ:

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ,
Это право не бѣда,
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги;
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ — слава!
Но умѣемъ мы отмщать;
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

Черезъ полтора́ го́да оправда́лось предвѣ́дѣніе ру́сскаго се́рдца.

Михайло́вскій-Даниле́вскій.

[1]) полка́ ополче́нцевъ. [2]) разгово́ры. [3]) поголо́вное ополче́ніе.

---

31. Москва по выступленіи изъ нея Французовъ.

Когда́ 7-го октября́ тару́тинскій ла́герь оглаша́лся моле́бнымъ пѣ́ніемъ за побѣ́ду надъ Мюра́томъ, тро́нулась непріятельская а́рмія отъ калу́жской заста́вы и вы́ѣхалъ изъ Москвы́ Наполео́нъ, въ 5 часо́въ поутру́. За нимъ, какъ нѣ́когда за Тата́рами и Ля́хами, раздава́лись прокля́тія несча́стныхъ, до кра́йности доведённыхъ жителей.... Ви́дя, что князь Куту́зовъ не и́щетъ сраже́нія, Наполео́нъ посла́лъ къ Мортье́ повелѣ́ніе очи́стить Москву́ соверше́нно, вы́везть ско́лько

можно больше раненыхъ и зажечь при выходѣ изъ Москвы кремлёвскій дворецъ, казармы, всѣ ещё уцѣлѣвшія казённыя зданія, выключая воспитательнаго дома, и взорвать Кремль, къ чему ужé заранѣе, когда ещё Наполеонъ гнѣздился въ Москвѣ, дѣлались приготовленія.

По мѣрѣ того, какъ чужеземная сволочь выбиралась изъ города, русская чернь появлялась изъ подваловъ и развалинъ, нападала въ глухихъ улицахъ на отсталыхъ и запоздавшихъ непріятелей, бросая нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рѣку. Съ наступленіемъ мрачнаго вечера буйство начинало утихать, какъ вдругъ въ полночь, тёмную и туманную, выстрѣлили изъ пушки и раздался необычайный грохотъ. Домы задрожали, разбитыя стёкла посыпались изъ оконъ, камни летѣли по воздуху, земля затряслась, удары, сильнѣйшіе самыхъ близкихъ громовыхъ, повторились одинъ за другимъ, и эхо, продолжая во влажномъ воздухѣ оглушающіе звуки, сливало ихъ между собою. Небо запылало багровымъ заревомъ: кремлёвскія башни и стѣны летѣли къ облакамъ, и горѣлъ дворецъ въ то же время зажжённый. Ужасный трескъ, сопровождавшій взрывъ части кремлёвскихъ зданій, возвѣстилъ Москвѣ окончаніе ея бѣдствій, бѣгство злодѣевъ, лютое, безсильное мщеніе Наполеона, за то, что не сбылись мечты его поколебать *Александра*. Между просвѣщёнными народами приняты и свято соблюдаются на войнѣ нѣкоторыя правила человѣколюбія и сохраненія. Въ пылу сраженій щадятъ безоружнаго. За стыдъ и преступленіе почитается нападать на беззащитнаго, предаваться грабежу и разбою. Вступая въ оборонявшійся городъ, не прикасаются до собственности частныхъ людей, оберегаютъ безопасность каждаго. Случалось, что солдаты, раздражённые упорнымъ сопротивленіемъ, одержавъ побѣду, или послѣ кровопролитнаго приступа, оказывали жадность къ расхищенію, и въ порывѣ страстей минутно проливали безвинную кровь; но никогда не бывало примѣровъ жадности къ разрушенію всего, особенно же повелѣнія, даннаго на то самимъ главнымъ предводителемъ войскъ. Посягнувъ на Кремль, Наполеонъ, запятналъ имя своё посрамленіемъ, которое не изгладится въ потомствѣ, и въ пламени капитолія русскаго царства зажёгъ онъ погребальные факелы своей славы.

Генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й тотчасъ пошёлъ къ Москвѣ и вступилъ въ неё 11-го октября. Черезъ пепелище, уставленное печными трубами, остовами каменныхъ домовъ, обезглавленными церквами, можно было видѣть отъ тверскаго вала даже калужскія ворота. Могильная тишина обитала въ почернѣвшихъ отъ дыма стѣнахъ домовъ уцѣлѣвшихъ, но пустыхъ и безжизненныхъ. Въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ продолжались еще пожары, зажжённые непріятелемъ. Во всѣхъ частяхъ опозоренной, задымлённой, выжженной Москвы

господствовало совершённое безнача́ліе. Кое гдѣ броди́ли пья́ные мародёры францу́зскіе, и́зрѣдка стрѣля́я въ Казако́въ и въ наро́дъ, кото́рый вмѣстѣ съ Казака́ми билъ ихъ, или бралъ въ плѣнъ. Въ бо́льшей ча́сти у́лицъ, покры́тыхъ мёртвыми тѣла́ми и па́далищемъ, ца́рствовало гробово́е молча́ніе, и не бы́ло ни слѣда́ жива́го существа́, потому́ что во вре́мя своего́ плѣне́нія жители по́льзовались ка́ждымъ удо́бнымъ слу́чаемъ и уходи́ли изъ Москвы́, гдѣ наконе́цъ остава́лось и́хъ то́лько 3000. Въ тече́ніе шести́ недѣль, а особли́во въ послѣдніе дни, жи́тели бы́ли въ ежемину́тномъ ожида́ніи сме́рти, зна́я о дѣлаемыхъ непрія́телемъ приготовле́ніяхъ къ совершённому обраще́нію Москвы́ въ пе́пелъ. Нѣ́которые францу́зскіе офице́ры, движи́мые сострада́ніемъ, угова́ривали передъ свои́мъ вы́ходомъ сорокадне́вныхъ у́зниковъ плѣна моско́вскаго бѣжа́ть изъ го́рода, увѣря́я ихъ, что по приказа́нію Наполео́на всё должно́ бы́ло дожига́ть. Мно́гіе изъ москвиче́й испо́вѣдались и пріобщи́лись святы́хъ та́инъ въ ожида́ніи стра́шнаго ча́са. Уви́дя ру́сскія войска́, они́ почита́ли себя́ возста́вшими изъ мёртвыхъ и поздравля́ли другъ дру́га, какъ въ свѣ́тлое воскресе́нье. При появле́ніи Казако́въ на погорѣ́лищѣ каре́тнаго ря́да, первозажжённаго [1]) безкоры́стною до́блестью Ру́сскихъ, вы́шла же́нщина изъ разва́линъ, взгляну́ла на Казако́въ, воскли́кнула: Ру́сскіе! и въ изступле́ніи ра́дости, перекрестя́сь поклони́лась въ зе́млю.

Кремль былъ подо́рванъ въ пяти́ мѣста́хъ; дворе́цъ догора́лъ; въ подко́пахъ лежа́ли ещё бо́чки съ по́рохомъ, и по времена́мъ слы́шны бы́ли небольші́е взры́вы. Наполео́нъ хотѣ́лъ подня́ть на во́здухъ не однѣ́ стѣ́ны, но и всѣ зда́нія кремлёвскія. Въ торопя́хъ и мра́кѣ францу́зскіе инжене́ры не успѣ́ли зажѐчь всѣхъ подко́повъ: загорѣ́лось то́лько пять минъ. Губи́тельному дѣ́йствію други́хъ помѣша́лъ дождь. Та́кже не успѣ́ли Францу́зы зажѐчь нѣ́которыхъ казённыхъ домо́въ и церкве́й, какъ то бы́ло прика́зано Наполео́номъ и для чего́ заблаговре́менно наноси́ли въ нихъ мно́го горю́чихъ веще́ствъ.

Такъ напримѣ́ръ въ новодѣ́вичьемъ монастырѣ́ Францу́зы натаска́ли подъ собо́рную це́рковь 6 я́щиковъ по́роха, и при вы́ходѣ своёмъ изъ монастыря́ положи́ли на нихъ зажжённые фитили́, а въ церква́хъ и ке́льяхъ разброса́ли зажжённыя свѣ́чи, отъ кото́рыхъ вну́тренность ке́лій начина́ла загора́ться, одна́ко возника́вшій пожа́ръ былъ погашёнъ мона́хами..... Люби́мый наро́дный драмати́ческій писа́тель нашъ, князь Шаховско́й, кома́ндовавшій полко́мъ тверска́го ополче́нія въ отря́дѣ Винцингеро́де, пе́рвый вошёлъ въ Кремль, когда́ уже́ совсѣ́мъ сме́рклось, и зда́нія, какъ потуха́ющая свѣча́, ещё я́рко вспы́хивали, и по времена́мъ, освѣща́я мра́чную окре́стность, пока́зывали чуде́сное спасе́ніе хра́мовъ Бо́жіихъ, вокру́гъ кото́рыхъ всё, да́же прикоснове́нныя къ нимъ строе́нія, сгорѣ́ло или догора́ло. Огро́мная пристро́йка патріа́рха Фила́рета къ Ива́ну Вели́кому, ото́рванная взры-

вомъ, обрушилась подлѣ него, и лежала при его подножіи, а онъ, мимо котораго два вѣка протекли съ благоговѣніемъ, стоялъ такъ же величественно, какъ будто только что воздвигнутый Годуновымъ, будто насмѣхаясь надъ безплодною яростію европейскихъ варваровъ XIX вѣка.

Изъ кремлёвскихъ храмовъ одинъ Спасъ-на-бору, древнѣйшій изъ всѣхъ храмовъ московскихъ, былъ заметанъ опламенёнными выбросками горѣвшаго надъ нимъ дворца, и внѣшнія двери благовѣщенскаго собора зауглились. Всё посвящённое Богу не истребилось огнёмъ, а только осквернилось святотатствомъ рукъ человѣческихъ. Въ Кремлѣ церкви были сплошь ободраны отъ самыхъ куполовъ донизу. Въ алтарь казанскаго собора была втащена мёртвая лошадь. Въ архангельскомъ соборѣ грязнилось вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино, валялась рухлядь, выкинутая изъ дворцовъ и оружейной палаты, между прочимъ двѣ обнажённыя чучелы, представлявшія старинныхъ латниковъ. Большая часть прочихъ соборовъ, монастырей и церквей были превращены въ гвардейскія казармы.

Чудеснымъ покровомъ Божіимъ пребыли мощи святыхъ невредимы. Въ успенскомъ соборѣ нигдѣ не оставалось ни лоскутка серебра, кромѣ одного уголка, какъ будто для того, чтобы находившаяся тамъ серебряная рѣзьба могла въ послѣдствіи, при возобновленіи храма, послужить образцомъ. Въ семъ соборѣ уцѣлѣли ещё серебряная рака св. митрополита Іоны и при ней серебряный подсвѣчникъ. Отъ раки была только содрана на чётверть аршина верхняя личинка; мощи же святителя остались невредимы, какъ въ день успенія угодника Божія. Подлѣ нихъ лежала французская сабля. Рака св. митрополита Петра, дотолѣ закрытая, была разломана, что и подало случай оставить мощи открытыми. Досчатыя надгробія всероссійскихъ архипастырей были обнажены, но изъ нихъ только одно порублено, а именно патріарха Гермогена. Сіе святотатство падаетъ на Поляковъ, помѣщавшихся вмѣстѣ съ уланами Наполеона въ успенскомъ соборѣ. То-же буйство, которое за 200 передъ тѣмъ лѣтъ подняло руку Ляховъ на Гермогена, благословлявшаго возстаніе русской земли противъ ея губителей, посрамилось теперь ихъ храброваньемъ и местію надъ утлыми досками, прикрывающими гробъ святителя. Вокругъ стѣнъ успенскаго собора стояли горны, въ коихъ Французы плавили ободранные ими оклады съ образовъ и похищенные въ храмахъ металлы; количество ихъ было записано мѣломъ на царскомъ мѣстѣ: „325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота.“ Вмѣсто огромнаго серебрянаго паникадила, пожертвованнаго нѣкогда бояриномъ Морозовымъ, спускались со свода большіе вѣсы. Ободранныя иконы были разбросаны по-полу и между ними разставлены, какъ будто въ посмѣяніе, трофеи рыцарскіе изъ оружейной палаты: панцыри, щиты

и шле́мы. Въ чу́довѣ монастырѣ́, гдѣ жилъ марша́лъ Даву́, ра́ка св. Алексѣ́я, вмѣ́стѣ съ моща́ми, была́ на́шими вы́несена и спря́тана въ бли́жній благовѣ́щенскій придѣлъ. Изъ арха́нгельскаго собо́ра мо́щи св. царе́вича Дими́трія бы́ли та́кже вы́несены ру́сскимъ благоче́стіемъ и сохранены́ въ вознесе́нскомъ монастырѣ́. Въ ра́зныхъ мѣста́хъ Москвы́ на́йдено бо́лѣе 2,000 непрія́тельскихъ и до 700 ру́сскихъ ра́неныхъ и больны́хъ. Безъ призрѣ́нія и пи́щи, они́ умира́ли съ го́лода посреди́ мёртвыхъ, кото́рыми напо́лнены бы́ли до́мы, обращённые Наполео́номъ въ госпитали́, гдѣ тѣла́ лежа́ли безъ погребе́нія и валя́лись по коридо́рамъ и лѣ́стницамъ. Нѣ́сколько мёртвыхъ приста́влены бы́ли къ пе́чкамъ и стѣна́мъ, и для заба́вы наруми́янены кирпичёмъ. Въ лазаре́тахъ лежа́ли полусогни́вшіе тру́пы: сведённыя сме́ртію мы́шцы ихъ уже́ не скрѣпля́ли члено́въ, и при уси́ліи подыма́вшихъ, тѣла́ распада́лись. Остава́вшійся при католи́ческой це́ркви въ Москвѣ́ абба́тъ ска́зывалъ, что онъ могъ причасти́ть то́лько немно́гихъ умира́вшихъ Италья́нцевъ, а Францу́зы съ руга́тельствомъ отгоня́ли его́ отъ сме́ртнаго одра́. Всѣ до́мы, гдѣ гнѣзди́лись непрія́тели, да́же ихъ генера́лы, бы́ли напо́лнены вся́кою ме́рзостною нечи́стото́ю. Наприме́ръ въ уцѣлѣ́вшемъ до́мѣ Позняко́ва, гдѣ дава́лись театра́льныя представле́нія, нельзя́ бы́ло дыша́ть отъ злово́нія и давно́ издо́хшихъ лошаде́й, гни́вшихъ на дворѣ́. Во вну́тренность до́ма нанесено́ бы́ло мно́жество фортепіа́нъ, зе́ркалъ, мёбели, а за сце́ною теа́тра бро́шены бы́ли оста́тки свяще́нническихъ ризъ и вы́кроенные изъ нихъ кафта́ны и пла́тья для комедія́нтовъ, разгоня́вшихъ тоску́ же́ртвъ наполео́нова властолю́бія.

Къ вое́нному нача́льству представля́ли жи́тели доста́вшіяся имъ по ра́знымъ слу́чаямъ во вре́мя непрія́тельскаго наше́ствія сто-рублёвыя ассигна́ціи францу́зскаго издѣ́лія, такъ иску́сно поддѣ́ланныя, что да́же въ ассигнаціо́нномъ ба́нкѣ при́няли ихъ, съ пе́рваго взгля́да, за настоя́щія. Онѣ́ отлича́лись отъ ру́сскихъ ассигна́цій то́лько тѣмъ, что по́дпись на нихъ была́ выгравиро́вана. Большо́й запа́съ э́того бездѣ́льничества былъ на́йденъ на́ми въ послѣ́дствіи въ Ке́нигштейнѣ. И такъ повели́тель всего́ за́паднаго материка́ Евро́пы, владѣ́вшій си́лами и бога́тствами [2]) 20-ти наро́довъ, приведённыхъ имъ для покоре́нія Россі́и, промышля́лъ фальши́выми ассигна́ціями!

Хотя́ вско́рѣ поря́докъ былъ нѣ́которымъ о́бразомъ возстано́вленъ, но недостава́ло ещё торже́ственнаго освяще́нія [3]) Москвы́ вѣ́рою. На тре́тій день по вступле́ніи на́шихъ, всё бы́ло прі́искано и пригото́влено для соверше́нія литурѓіи и благода́рственнаго моле́бствія. По неимѣ́нію сере́бряныхъ сосу́довъ, похи́щенныхъ и вы́везенныхъ Францу́зами, кто́-то предста́вилъ сохранённые имъ дре́вніе стекля́ные. Одна́ то́лько больша́я це́рковь въ страстно́мъ монастырѣ́ нашла́сь удо́бною къ соверше́нію литурѓіи. Непрія́тели, исполня́я про́сьбу

оставáвшихся въ монастырѣ́ престарѣ́лыхъ монáхинь, не осквернѝли въ нёмъ хрáма Бóжія На всѣхъ уцѣлѣ́вшихъ колокóльняхъ явѝлись звонарѝ, церкóвники, посáдскіе мáльчики и мѣщáне, ожидáя услóвленной повѣ́стки. Прéжде 9-ти часóвъ удáрилъ большóй кóлоколъ страстнáго монастыря́, и вдругъ по всему́ обгорѣ́лому пожáрищу Москвы́ раздáлся блáговѣстъ, котóрымъ онá искони́ тѣ́шилась и слáвилась. Нé-было никогó, чьё [4]) сéрдце не вздрóгнуло бы, на чьихъ глазáхъ не навернýлись бы слёзы. На другóй день разскáзывали, что посáдскіе москвичѝ, заслы́ша примóлклый [5]) въ чёрные дни блáговѣстъ, выбѣгáли на у́лицу, крестѝлись и взывáли: „Слáва Бóгу! опя́ть очнýлась Москвá!“ Дворъ страстнáго монастыря́, перехóды, пáперть и цéрковь бы́ли напóлнены богомóльцами. Всё тогдáшнее народонаселéніе столѝцы всероссíйскихъ царéй вмѣщáлось въ э́то необшѝрное здáніе. Со времёнъ побѣ́ды Пожáрскаго и всенарóднаго избрáнія царя́ Михаѝла Θеóдоровича нé-было отпрáвлено въ Москвѣ́ обѣ́дни, пѣтóй съ такѝмъ благочéстіемъ. Когдá по окончáніи литургíи начался́ молéбенъ и клиръ возгласѝлъ: „Царю́ небéсный, утѣ́шителю, Ду́ше ѝстины,“ всѣ наполня́вшіе монасты́рь, начáльники, солдáты, нарóдъ, Ру́сскіе и инострáнцы, православные и разновѣ́рцы, дáже Башкѝры и Калмы́ки пáли на колѣ́ни. Хоръ рыдáній смѣшáлся съ свящéннымъ пѣ́ніемъ, пу́шечною пальбóю и всемѣ́стнымъ трезвóномъ колоколóвъ. Сердцá всѣхъ прису́тствовавшихъ торжéственно возносѝлись къ истóчнику óбщаго спасéнія, óбщей рáдости, къ Тому́, чьимъ милосéрдіемъ къ православной Россíи истóргся изъ плѣ́на первопрестóльный градъ царéй, уцѣлѣ́ла въ плáмени святы́ня и возсія́ла изъ пéпла ру́сская слáва!

До нашéствія Наполеóна считáлось въ Москвѣ́ монастырéй, собóровъ, церквéй, казённыхъ строéній, чáстныхъ домóвъ и фáбрикъ 9257. Изъ нихъ сгорѣ́ло 6496, всѣ прóчіе бóлѣе или мéнѣе разгрáблены. Потéри, понесённыя чáстными людьмѝ, отъ пожáра, грабежá, и вообщé отъ нашéствія непріятельскаго, въ Москвѣ́ и уѣ́здахъ, превышáла 274 миллióна рублéй. Неизмѣрѝмо бы́ло пóле разорéнія, но тѣмъ славнѣ́е бы́ло возстáть Москвѣ́ изъ пéпла и у́глія [6]). Сгорѣ́вшія здáнія воздвиглись снóва, промы́шленность развилáсь, хрáмы освятѝлись и укрáсились; возрождённая столѝца ещё бóлѣе возвысилась въ глазáхъ свѣ́та. Не нашёлъ въ ней Наполеóнъ рабóвъ и измѣ́нниковъ; не встрѣ́тили егó въ ней уни́жёнными привѣ́тствіями. Изъ развáлинъ ея́ и съ окрéстныхъ полéй слы́шалъ онъ тóлько громовóй óтзывъ брáни и мéсти. Москвá пáла, какъ жéртва за искуплéніе свобóды полусвѣ́та. Ея́ плáмя, подóбно зарѣ́, предвѣ́стницѣ я́снаго дня, освѣ́тило стенáвшій въ цѣпя́хъ зáпадъ, и знамёнамъ Алексáндра озарѝло путь къ побѣ́дамъ и спасéнію Европы.

Михайлóвскій-Данилéвскій.

[1]) зажжённаго прежде другихъ. [2]) Снт. Ш. § 42. 4). Нкл. Снт. ст. 84. [3]) Снт. Ш. § 47. 5. 6.) Нкл. Снт. ст. 73. [4]) Снт. Ш. § 35. 5). [5]) замолкшiй. [6]) Ц. сл. вм. уголья, или угольевъ.

---

32. Бѣгство Наполеона изъ Россiи.

За Наполеономъ и его гвардiею, составлявшею авангардъ отступавшей французской армiи, начали 17-го октября выходить на смоленскую дорогу и другiе корпуса, тянувшiеся отъ Верей и ея окрестностей. Даву командовалъ арріергардомъ, и исполненный ненависти къ Русскимъ, довершалъ истребленiе всего, уцѣлѣвшаго при проходѣ прочихъ войскъ, до чего не коснулись шедшiе впереди его сто тысячъ отъявленныхъ грабителей.. Боровскъ, Верея, Борисовъ, всѣ безъ исключенiя сёла и деревни, лежавшiя на дорогѣ, были сожигаемы. Имѣя на то повелѣнiе, войска исполняли его съ истиннымъ ожесточенiемъ, выламывали въ домахъ окна, двери, кидали въ нихъ горящiя головни, патроны съ порохомъ, даже патронные ящики, тѣшась взрывами [1]) ихъ. Въ городахъ и селенiяхъ не-было возможности дышать отъ дыма пожаровъ и гнившихъ труповъ. На далёкое разстоянiе весь край освѣщался огненными столбами, восходившими до облаковъ....

Французы покидали на дорогѣ раненыхъ, больныхъ, тяжести. Кавалерiя ихъ перестала показываться въ арріергардѣ; по недостатку въ кормѣ и подковахъ лошади такъ ослабѣли, что конницу отвели за пѣхоту, безпрестанно ускорявшую отступленiе. Поспѣшность была для непрiятеля единственнымъ средствомъ [2]) скорѣе миновать пустыню, обнажённую отъ средствъ пропитанiя, достигнуть Днѣпра [3]), гдѣ надѣялись найти хлѣбные запасы и вступить въ соединенiе съ корпусами Виктора и Сенъ-Сира, маршевыми батальонами, разными находившимися тамъ командами, депо и множествомъ солдатъ, отставшихъ отъ армiи и бродившихъ въ тылу ея. Всѣ постигали сiю поспѣшность во французской армiи, начиная отъ маршаловъ до послѣдняго солдата, всѣ торопились; но Наполеону казалось, что всё ещё идутъ слишкомъ тихо. Онъ посылалъ къ Даву подтвердительныя повелѣнiя не останавливаться и усиливать марши, дѣлалъ выговоры за медленность и за то, что при каждомъ нападенiи на него Казаковъ Даву строилъ войска въ боевой порядокъ, и посылалъ къ шедшимъ впереди его вице-королю и Понятовскому требовать отъ нихъ подкрѣпленiй, чѣмъ задерживалъ ихъ корпуса и свой собственный. Между тѣмъ погода съ каждымъ днёмъ становилась суровѣе. Холодный осеннiй вѣтеръ дѣлалъ непрiятелямъ биваки нестерпимыми и рано, гораздо прежде зари, выгонялъ ихъ изъ ночлеговъ. Въ потьмахъ снимались они съ лагеря и освѣщали путь свой фонарями. Всѣ роды войскъ старались обгонять другъ друга. При переходахъ черезъ плотины и мосты не-

было соблюда́емо никако́го поря́дка, отъ чего́ загроможда́лись оні́ обо́зами, препя́тствовавшими движе́нію войскъ. Взя́тые изъ Москвы́ и находи́вшіеся на лю́дяхъ запа́сы бы́ли ско́ро съѣ́дены; на́чали употребля́ть въ пи́щу лошади́ное мя́со. Цѣ́ны на жи́зненные припа́сы, тёплую оде́жду и о́бувь увели́чивались съ ка́ждымъ днёмъ и ча́сомъ Свора́чивать съ доро́ги для добыва́нія продово́льствія бы́ло невозмо́жно, потому́ что Казакі́ ры́скали по сторона́мъ, коло́ли и бра́ли всѣ́хъ, кто ни попада́лся. Къ Донца́мъ и аванга́рду Милора́довича присоедини́лись изъ сосѣ́днихъ селе́ній крестья́не, не рѣ́дко во францу́зскихъ плаща́хъ, кивера́хъ, ка́скахъ съ лошади́ными хвоста́ми, стальны́хъ кираси́рскихъ нагру́дникахъ. Ино́й былъ съ косо́ю и большимъ гвоздёмъ, утверждённымъ на дре́вкѣ, друго́й съ штыко́мъ, прикручённымъ къ дуби́нѣ, тре́тій съ рога́тиною, немно́гіе съ огнестрѣ́льнымъ ору́жіемъ. Оні́ выѣзжа́ли изъ лѣсо́въ, гдѣ́ скрыва́лись ихъ семе́йства, привѣ́тствовали появле́ніе ру́сскаго во́йска, поздравля́ли его́ съ бѣ́гствомъ супоста́товъ, и излива́ли на враго́въ въ послѣ́дній разъ, на проща́ньи, своё пра́ведное мще́ніе. Страхъ попа́сть въ ру́ки Казака́мъ и крестья́намъ превозмога́лъ въ непрія́теляхъ чу́вство го́лода и уде́рживалъ ихъ отъ мародёрства. Враги́ начина́ли уже́ броса́ть ору́жіе, чему́ пе́рвые по́дали примѣ́ръ спѣ́шенные кавалери́сты, кото́рымъ въ Москвѣ́ дано́ бы́ло вооруже́ніе пѣхо́тныхъ солда́тъ. Мѣша́ясь между полка́ми, оні́ положи́ли ко́рень стра́шному злу, неподчинённости. Изъ безору́жныхъ соста́вились сперва́ небольшія толпы́; таща́сь за во́йскомъ, онѣ́ увели́чились подо́бно катя́щемуся снѣ́жному клу́бу. Больны́е и уста́лые безъ малѣ́йшаго сострада́нія бы́ли покида́емы на доро́гѣ. Опаса́ясь потеря́ть знамёна, полковы́е команди́ры, осо́бенно войскъ ре́йнскаго сою́за, ста́ли снима́ть ихъ съ древко́въ и вруча́ли на сохране́ніе надёжнымъ и крѣ́пкаго сложе́нія [4]) солда́тамъ, прика́зывая имъ пря́тать знамёна въ ра́нцы, или подъ мунди́ръ, обвя́зывая ихъ вокру́гъ тѣ́ла. Ослѣплённые не зна́ли ещё, что никака́я си́ла человѣ́ческая не возмо́жетъ спасті́ не то́лько знамёнъ [5]), но и всего́ ополче́нія, грози́вшаго разгроми́ть Росс́ію! Минова́въ Гжатскъ, Наполео́нъ не ѣ́халъ бо́лѣе верхо́мъ среди́ войскъ и сѣ́лъ въ каре́ту, надѣ́въ собо́лью шу́бу, покры́тую зелёнымъ ба́рхатомъ, тёплые сапоги́ и ша́пку. Въ тако́мъ положе́ніи была́ непрія́тельская а́рмія въ пе́рвые четы́ре дня своего́ ма́рша на Вя́зьму. Въ пе́рвые, послѣ́довавшіе за вя́земскимъ сраже́ніемъ дни, непрія́телямъ пришло́сь [6]) боро́ться съ но́вою, для нихъ ещё неизвѣ́стною бѣдо́ю, сту́жею. Отъ Можа́йска до Вя́зьмы терпѣ́ли оні́ то́лько недоста́токъ въ съѣстны́хъ припа́сахъ, и по ноча́мъ быва́лъ небольшо́й хо́лодъ отъ лёгкихъ за́морозовъ, но на другі́я су́тки по́слѣ пораже́нія ихъ подъ Вя́зьмою вы́палъ снѣ́гъ, забушева́ли [7]) вѣ́тры, подняли́сь мяте́ли. Къ го́лоду присоедини́лась свирѣ́-

пость зимы́, и хотя́ термо́метръ пока́зывалъ не бо́лѣе 10-ти гра́дусовъ, но вьюги сдѣлали [8]) хо́лодъ нестерпи́мымъ [9]) для обита́телей полу́денной Евро́пы. Простра́нство отъ Вя́зьмы до Смоле́нска представля́ло видъ безпреры́внаго кла́дбища, позо́рище опустоши́тельной чумы́. На доро́гѣ, по кото́рой за́-два мѣсяца передъ тѣмъ го́рдо шли въ Москву́ непобѣждённые дото́лѣ никѣмъ непрiятели, валялись [10]) они́ тепе́рь мёртвые и умира́ющие, по́лзали [11]), какъ га́ды, по пе́пелищамъ сожжённыхъ и́ми селе́ній, вокру́гъ опроки́нутыхъ фуръ, взо́рванныхъ пороховы́хъ я́щиковъ, по ко́нскимъ и человѣ́ческимъ тру́памъ. Го́лодъ, сту́жа и обуя́вшій ихъ по́слѣ вя́земскаго сраже́нія страхъ ежемину́тнаго нападе́нія, на́чали помрача́ть разсу́докъ и налага́ть нѣмоту́ на уста́ ихъ. Ины́е потеря́ли употребле́ніе языка́: не могли́ отвѣча́ть на на́ши вопро́сы, смотрѣ́ли му́тными глаза́ми на вопроша́вшаго ихъ и обнару́живали при́знаки жи́зни то́лько движе́ніемъ рукъ или тѣмъ, что мо́лча продолжа́ли глода́ть лошади́ныя ко́сти.

Ослѣпи́тельною пелено́ю разостла́лся глубо́кій снѣгъ, не перестава́вшій идти́ 5 дней, и почти́ безпреры́вно сопровожда́емый поры́вистымъ вѣ́тромъ [12]). Сперва́ доро́ги покры́лись по́слѣ у́треннихъ моро́зовъ стекля́нистымъ льдяны́мъ ло́скомъ, бы́ли бо́йки и ско́льзки. Францу́зскія ло́шади, не подко́ванныя на шипы́, па́дали [13]) подъ пу́шками и сѣдока́ми, а когда́ вы́палъ снѣгъ, истоща́лись въ безпло́дныхъ уси́ліяхъ. Кавале́рія ги́бла; для артилле́ріи ста́ли брать лошаде́й отъ обо́зовъ, а обо́зы покида́ть на доро́гѣ вмѣ́стѣ съ награ́бленною въ Москвѣ́ добы́чею. Близь Семлёва Францу́зы бро́сили въ о́зеро бо́льшую часть стари́нныхъ во́инскихъ доспѣ́ховъ изъ моско́вскаго арсена́ла. Наполео́ну бы́ло [14]) уже́ не до трофе́евъ, онъ стара́лся то́лько о сохране́ніи лошаде́й для увезе́нія ору́дій, отве́ргнувъ предложе́ніе нача́льника артилле́ріи, испра́шивавшаго разрѣше́ніе поки́нуть на доро́гѣ полови́ну всѣхъ бы́вшихъ ору́дій, а лошаде́й изъ-подъ нихъ запря́чь подъ остальны́я пу́шки. За нѣ́которыми полка́ми шёлъ до Вя́зьмы рога́тый скотъ, пита́вшійся подно́жнымъ ко́рмомъ, но подъ снѣ́гомъ ста́ло не́-чѣмъ [15]) дово́льствовать бродя́щія стада́, и они́ издыха́ли. Наполео́нъ и его́ корпуса́ шли въ Смоле́нскъ уси́ленными ма́ршами, безъ днёвокъ. Войска́ не получа́ли и не могли́ получа́ть продово́льствія, и́бо его́ не́-было загото́влено на доро́гѣ. Они́ должны́ были пита́ться ко́нскимъ па́далищемъ, и ско́лько ни дорожи́ли лошадьми́, но ра́довались, когда́ онѣ́ па́дали, и кида́лись на сте́рво съ жа́дностію; ины́хъ за э́тою отврати́тельною ѣдо́ю окаменя́лъ моро́зъ. Число́ отста́лыхъ и безору́жныхъ возраста́ло до тако́й сте́пени, что Наполео́нъ начина́лъ опаса́ться превраще́нія всей а́рміи въ нестро́йную толпу́ люде́й, не свя́занныхъ у́зами подчинённости. То́лько ше́дшая съ нимъ впереди́ гва́рдія, получа́я всѣ припа́сы, каки́е мо́жно бы́ло доста́ть, сохраня́ла во́инственный видъ. Въ арме́йскихъ

полкáхъ содѣлались позволительны всякія срéдства для сохранéнія жизни. Солдáты обирáли изнемогáвшихъ товáрищей, снимáли съ нихъ мундиры и óбувь, оставляя ихъ нагими на произвóлъ судьбы. Разрушáлись связи родствá, пріязни, слýжбы; исчезáло сострадáніе къ ближнему: кáждый помышлялъ тóлько о себѣ.

Проведя день безъ пищи, въ борьбѣ съ устáлостью и морóзомъ, нá-ночь приходилось располагáться на мёрзлой землѣ въ глубóкомъ снѣгý. Хóлодъ скрючивалъ члéны, и по утрáмъ, вокрýгъ бивáковъ, лежáли мёртвыми тѣ, котóрые наканýнѣ надѣялись найти тамъ успокоéніе. Мнóгіе изъ непріятелей, не бывъ въ состояніи слѣдовать за áрміею, оставáлись назади; среди мрáка нóчи, какъ привидѣнія, подкрáдывались они къ нáшимъ огнямъ, спервá съ трéпетомъ, не знáя, найдýтъ ли благотвóрную теплотý и пріютъ, или сдѣлаются жéртвами справедливаго мщéнія Рýсскихъ. На нихъ рѣдко мóжно было отличить одéжду; гóловы ихъ были обыкновéнно окýтаны лохмóтьями, а недостáтокъ óбуви замѣнялся мѣшкáми и всякаго рóда тряпьёмъ. Врядъ ли остáлся одинъ изъ сихъ несчáстныхъ, комý не уступáли у насъ мѣста у огонькá, не удѣляли сухаря, не давáли стакáна чáя. Когдá Рýсскіе согрѣвáли непріятелей и дѣлили съ ними скýдные припáсы свои, Наполеóнъ въ то же сáмое врéмя разстрѣливалъ нáшихъ плѣнныхъ, не имѣвшихъ силы слѣдовать за егó áрміею. Безчеловѣчная и просвѣщёнными нарóдами отвéргнутая мѣра сія былá повелѣнá для тогó, чтóбы плѣнные, остáвшись позади áрміи и бывъ настигнуты Рýсскими, не могли разсказáть намъ подрóбно о разстрóйствѣ непріятелей. Наполеóнъ подтверждáлъ прикáзъ, и безъ подтверждéнія со всéю лютостію исполняемый, предавáть огню всѣ селéнія, не дѣлая никакихъ исключéній. За то и крестьяне мстили емý [16]). Большими ватáгами разъѣзжáли [17]) они по лѣсáмъ и дорóгамъ, нападáли на обóзы и мародёровъ, котóрыхъ по-свóему назывáли міродёрами, то есть, людьми, обдирáющими міръ, и безжáлостно губили ихъ. Крестьянскія дѣти и жёны безпощáдно сѣкли рóзгами пóлзавшихъ Францýзовъ. Въ кáждой изъ нáшихъ пáртій брáли ежеднéвно плѣнныхъ сóтнями, а Милорáдовичъ и Плáтовъ тысячами. По великому числý плѣнныхъ перестáли обращáть на нихъ вниманіе. Передовыя войскá предоставляли подбирáть ихъ полкáмъ, шéдшимъ за авангáрдомъ, или отдавáли ихъ крестьянамъ гýртомъ, валовымъ счётомъ, для дальнѣйшаго препровождéнія. Мáло забóтились о конвóѣ плѣнныхъ. „Ступáйте назáдъ!“ говорили Францýзамъ, и они нерѣдко безъ всякаго прикрытія брели [18]) по укáзанію назáдъ, въ надéждѣ получить пищу, согрѣться и сохранить жизнь.

Бѣгство непріятелей чéрезъ смолéнскую губéрнію, или, лучше сказáть, прóводы ихъ отъ Вáзьмы за Крáсный, были ужáсны. Передъ

Вя́зьмою ужé оказа́лся между ни́ми недоста́токъ въ продово́льствіи, потому́ что взятые изъ Москвы́ запа́сы бы́ли съѣдены. Страхъ попа́сться въ плѣнъ удéрживалъ сперва́ Францу́зовъ на доро́гѣ, но ещё до Дорогобу́жа го́лодъ заглуши́лъ въ нихъ вся́кую другу́ю мысль. Въ о́бѣ сто́роны отъ столбово́й доро́ги ки́нулись мно́гіе изъ непрія́телей за хлѣбомъ, потяну́лась часть обо́зовъ въ надéждѣ найти́ фура́жъ, и туда́ же пото́мъ устреми́лись бѣглые по́слѣ кра́сненскихъ сражéній. Тогда́ на непрія́телей обру́шилось мщéніе наро́да. Въ лѣса́хъ дрему́чихъ, гдѣ жители цѣлыми селéніями стоя́ли врéменными та́борами, за древéсными засѣками, подъ защи́тою боло́тъ, появля́вшіяся изъ заса́дъ толпы́ крестья́нъ броса́лись [19]) на мародёровъ, остана́вливали карéты и ряды́ экипа́жей, въ кото́рыхъ сидѣли ра́неные или истомлённые францу́зскіе чино́вники ча́сто съ прелéстными жéнщинами и дѣтьми́ неви́нными. Сверка́ющіе ножи́, топоры́ и рога́тины бы́ли пéрвымъ вступлéніемъ къ стра́шной судьбѣ́, ожида́вшей враго́въ среди́ тёмныхъ, осéннихъ ночéй въ странѣ́, для нихъ неизвѣ́стной. Напра́сны быва́ли слёзы, убѣждéнія, напра́сны обѣща́нія бога́таго вы́купа, кля́твы присла́ть изъ отéчества ещё богатѣ́йшіе. Непрія́тели говори́ли языко́мъ чу́ждымъ: ихъ мольбы́ бы́ли непоня́тны. Напра́сно отпра́шивались на ро́дину, подъ я́сное нéбо Ита́ліи, на цвѣту́щія доли́ны Лангедо́ка, на берега́ Ти́бра, Лоа́ры, Рéйна. Имъ суждено́ бы́ло лиши́ться [20]) жи́зни [21]) подъ холо́днымъ дыха́ніемъ сѣ́вера и лежа́ть подъ снѣга́ми, на замёрзлой землѣ́ добы́чею хи́щныхъ звѣрéй. Иногда́ смягчённые во́плями и отча́яніемъ, старѣ́йшіе въ сёлахъ дозволя́ли непрія́телямъ броса́ть между собо́ю жрéбій, чёрный и бѣ́лый, на жизнь и смéрть, и оставля́ли жизнь, кому́ выпада́лъ бѣ́лый. Случа́лось, что дѣ́тство и красота́ находи́ли поща́ду. Вообщé же о́бщимъ го́лосомъ про́тивъ враго́въ бы́ло: „Зачѣ́мъ пришли́ вы топта́ть на́ши поля́, разоря́ть на́ши до́мы? Ра́звѣ не вы, злодѣ́и, пожгли́ города́ и сéла? Не вы ли, нечести́вцы, ста́вили ко́ней въ святы́я цéркви Бо́жіи?“

Си́лясь отня́ть у Ру́сскихъ честь побѣ́ды, Наполео́нъ, а за нимъ всѣ францу́зскіе писа́тели ло́жно приписа́ли свои́ бѣ́дствія исключи́тельно свирѣ́пости стихі́й. Пéрвый снѣгъ вы́палъ на друго́й день по́слѣ вя́земскаго сражéнія 23-го октября́, а зима́ ста́ла 25-го, о́коло Дорогобу́жа, 18 дней по́слѣ того́, когда́ Францу́зы подняли́сь изъ Москвы́, какъ испу́ганныя воро́ны съ орли́наго гнѣзда́. Сту́жа держа́лась 5 дней, пото́мъ уменьши́лась, не превыша́я до Кра́снаго 8°, а отъ Кра́снаго до Орши оттéплѣло [22]) и бы́ло попеременно до 2-хъ и не бо́лѣе 4-хъ гра́дусовъ. Но на пéрвыхъ 18-ти ма́ршахъ изъ Москвы́ къ Вя́зьмѣ непрія́тель былъ ужé доведёнъ го́лодомъ до тако́го изнеможéнія, что éслибы и не засти́гла его́ сту́жа, то и въ тако́мъ слу́чаѣ не могъ бы онъ безъ огро́мныхъ потéрь дойти́ до

Орши, тѣмъ бóлѣе, что въ пути́ подвергáлся нападéніямъ сперва́ нáшихъ лёгкихъ войскъ, а пóслѣ подъ Вя́зьмою и Крáснымъ дóлженъ былъ выдéрживать атáки цѣ́лыхъ корпусóвъ. Слѣ́дственно не морóзъ, но недостáтокъ въ пищѣ́ былъ пéрвою причи́ною разрушéнія глáвной непріятельской áрміи, послѣ́довавшаго отъ Москвы́ до Орши и довершённаго поражéніями и хóлодомъ .....

Что касáется до дѣ́йствія хóлода на разрушéніе непріятельской áрміи, то Наполеóнъ дóлженъ былъ знать, что ру́сская зимá начинáется въ среди́нѣ францу́зской óсени, и противъ неѧ́ слѣ́довало запасти́сь шу́бами, а добы́ча ихъ не моглá затрудни́ть егó въ такóмъ краю́, гдѣ и ни́щіе не хóдятъ безъ шубъ. Онъ пренебрёгъ сéю предосторóжностію [23]), и егó солдáты бы́ли одѣ́ты въ Россíи такъ же, какъ въ италíйскихъ похóдахъ егó; но éслибы войскá непріятельскія бы́ли тóлько сы́ты, то могли́ бы съ мéньшими потéрями вы́держать нападéнія и переноси́ть непогóды, котóрыя нé-были до Днѣпрá си́льны и постоя́нны; оні́ дости́гли бы берегóвъ егó, не распáвшись въ составѣ́ своёмъ. Напрóтивъ Наполеóнъ привёлъ áрмію къ Оршѣ въ такóмъ положéніи, что крóмѣ гвáрдіи всѣ корпусá ея́ бы́ли не что инóе, какъ нестрóйныя толпы́, безъ обóзовъ, кóнницы и артиллéріи. Слѣ́довательно морóзъ былъ второстепéнною причи́ною поги́бели глáвной áрміи Наполеóна и сдѣ́лался éю тóлько отъ тогó, что князь Куту́зовъ умѣ́лъ прину́дить Наполеóна на стрáшную борьбу́ съ гóлодомъ, устрóивъ преслѣ́дованіе таки́мъ óбразомъ, что онó лиши́ло непріятелей довѣ́ренности къ сами́мъ себѣ́ и не давáло имъ возмóжности ни идти́ скорѣ́е, ни забóтиться о продовóльствіи. Вотъ отъ чегó произошёлъ гóлодъ въ áрміи Наполеóна, а морóзы наступи́ли горáздо пóслѣ .....

Разстрóйство непріятельской áрміи въ послѣ́днюю недѣ́лю бѣ́гства отъ Берéзины до Молодéчно, дости́гло до невѣроя́тной степéни отъ наступи́вшей вдругъ жестóкой сту́жи; съ 16-го ноября́ постоя́нно бы́ло бóльше 20-ти грáдусовъ морозá. 22-го ноября́ едвá мóжно бы́ло говори́ть, отъ хóлода спирáлось дыхáніе. Сти́снувъ зу́бы, шли [24]) и бѣжáли [25]) въ безмóлвномъ отчáяніи; нóги завёртывали попóнами, рáнцами, стáрыми шля́пами, оку́тывали гóлову, лицó и плéча мѣшкáми, рогóжами, оклáдывались сѣ́номъ и солóмою; добы́ть лошади́ную шку́ру почитáлось за счáстье. На дорóгѣ находи́лось немнóго уцѣлѣ́вшихъ селéній: всѣ оні́ при шéствіи непріятеля внутрь Россíи, а пóслѣ мародéрами бы́ли бóлѣе или мéнѣе огрáблены, разорены́, вы́жжены. Когдá Францу́замъ пришлóсь бѣжáть назáдъ по дорóгѣ, ими опустошённой, то зави́дя какóе нибу́дь строéніе, оні́ спѣши́ли къ нему́, но дóмы бы́ли пу́сты, и въ нихъ раздавáлся лишь свистъ поры́вистыхъ вѣ́тровъ. Не находя́ крóва, непріятель жёгъ на пути́ своёмъ дóмы, клѣ́ти, хлѣвá, забóры, для тогó тóлько, чтóбы

согрѣться хоть на одно́мъ ночле́гѣ. На пожа́рищахъ лежа́ли ку́чи солда́тъ; прибли́зившись къ огню́, они́ не имѣ́ли бо́лѣе си́лы отойти́ отъ него́. Намъ случа́лось загля́дывать въ полусгорѣ́вшія корчмы́: по среди́нѣ обыкнове́нно находи́лся кури́вшійся огонёкъ, а вкру́гъ на полу́ замёрзшіе непрія́тели. Ближа́йшіе къ огоньку́ ещё шевели́лись, а про́чіе въ искривлённомъ положе́ніи, съ су́дорожными ли́цами, лежа́ли какъ окаменѣ́лые. У мно́гихъ вмѣ́сто слёзъ выступа́ла кровь изъ глазъ, а потому́ безъ преувели́ченія мо́жно сказа́ть, что враги́ пролива́ли крова́выя слёзы. Подо́бно тѣ́нямъ броди́ли [26]) они́ по пепели́щамъ и среди́ пусты́нь, гдѣ не́-было ни движе́нія, ни жи́зни; опершись на дерѐвья или су́чья, шата́лись они́ на нога́хъ, лишённые вся́кихъ посо́бій къ облегче́нію страда́ній, въ тще́тной борьбѣ́ съ сме́ртію, па́дали [27]) безъ чувствъ на безлю́дныхъ, снѣ́жныхъ поля́хъ. Са́ми не зна́я куда́, тащи́лись [28]) ины́е по доро́гамъ, съ примёрзшею къ нога́мъ соло́мою, съ почернѣ́вшими отъ гря́зи сту́пнями, покры́тыми ледяно́ю коро́ю, заражёнными анто́новымъ огнёмъ. Съ отморо́женными по колѣ́ни нога́ми, оку́танные въ отврати́тельныя вето́шки, съ закоптѣ́лыми отъ ды́ма ли́цами, небри́тыми борода́ми, ди́кими глаза́ми, ины́е не могли́ ходи́ть и по́лзали на рука́хъ. Мно́гіе приходи́ли въ безчу́вственность, лиша́лись слу́ха, языка́ и ума́; какъ шальны́е, вы́пуча глаза́, смотрѣ́ли на на́ши войска́ и ничего́ не понима́ли. Въ безпа́мятствѣ ложи́лись [29]) на горя́щіе у́гли и погиба́ли въ огнѣ́, грызя́ себѣ́ ру́ки, пожира́я стёрво и человѣ́ческое мя́со. Вмѣ́сто послѣ́дняго проща́льнаго вздо́ха съ жи́знью испуска́ли изъ устъ клокота́ніе замерза́вшей пѣ́ны. Бива́ки бы́ли та́кже па́губны, какъ и си́льные дневны́е ма́рши. Приходя́ къ ночле́гу, изнеможённые, полузамёрзшіе броса́лись [30]) вокру́гъ огне́й, крѣ́пкій сонъ одолѣва́лъ ихъ, и жизнь угаса́ла пре́жде, не́жели потуха́ли огни́. Не всегда́ и на бива́кахъ находи́ли непрія́тели успокое́ніе, потому́ что ихъ трево́жили Донцы́. При одно́мъ и́мени: „Каза́къ!“ сдава́лись Францу́зы, или бѣжа́ли да́льше, иска́ть друга́го ночле́га, друга́го уголка́ оледенѣ́вшей земли́, гдѣ усыпле́ніе превраща́лось въ сонъ вѣ́чный. Плѣ́нными уже давно́ пренебрега́ли, ча́сто они́ отстава́ли толпа́ми отъ непрія́тельскаго арріерга́рда, или на встрѣ́чу на́шимъ войска́мъ, отъ кото́рыхъ цѣ́лымъ ты́сячамъ плѣ́нныхъ дава́ли иногда́ не бо́лѣе двухъ трёхъ Казако́въ, Башки́рцевъ или поселя́нъ. Нерѣ́дко ба́бы, одна́ впереди́, друга́я назади́, гна́ли дуби́нками стада́ Европе́йцевъ. Да́же съ ру́жьями шата́лись Францу́зы ме́жду снѣ́жными сугро́бами, въ сторонѣ́ отъ доро́ги, но никто́ и́ми не занима́лся. Они́ подходи́ли къ на́шимъ коло́ннамъ и бива́камъ, оку́танные и ско́рчившіеся, какъ безобра́зныя чу́челы, сла́бымъ го́лосомъ выма́ливая куска́ хлѣ́ба. Сострада́ніе до́брыхъ ру́сскихъ солда́тъ превозмога́ло свято́е чу́вство мще́нія, и

онѝ дѣлѝлись съ врагáми сухарями и чѣмъ моглѝ. Съ благоговѣніемъ нáдобно сохранѝть въ пáмяти сію черту великодушія нáшихъ солдáтъ и офицéровъ, отдавáвшихъ послѣдній кусóкъ хлѣба врагáмъ, просѝвшимъ пропитáнія. Госпóдь Богъ помянетъ въ цáрствіи своёмъ эти крупѝцы милосéрдія. Какъ обыкновéнно случáется въ общéственныхъ несчáстіяхъ, рáзность отличій чинóвъ, состояній исчéзла; генерáлы и солдáты, господá и слуги пѝли гѝбель изъ однóй круговóй чáши. Свирѣпость судьбы всѣхъ уравняла и породѝла зло, ужаснѣйшее морóза и гóлода — неповиновéніе, неуважéніе къ стáршимъ. Одѝнъ генерáлъ подошёлъ грѣться къ огню, у котóраго сидѣли солдáты; онѝ отогнáли егó, сказáвъ: „Самъ принесѝ полѣно!" Съ велѝкимъ трудóмъ и убѣдѝтельными увѣщáніями удéрживали людéй въ арріергáрдѣ; сдѣлавъ нѣсколько вы́стрѣловъ изъ ружей и пушекъ, пѣхотѝнцы оставляли ряды, канонéры убѣгáли отъ своѝхъ орудій. Рѣшѝтельно со всякимъ чáсомъ и во мнóжествѣ увелѝчивалось числó солдáтъ, бросáвшихъ оружіе, и офицéровъ, мѣшáвшихся съ безоружными толпáми. Перестáли полагáть себя принадлежáщими къ áрміи, сѝла коéй состоѝтъ въ стрóйномъ соединéніи и соглáсіи всѣхъ частéй, но кáждый почитáлъ себя за стрáнника, застѝгнутаго въ путѝ бѣдствіемъ и долженствующаго искáть сóбственнаго спасéнія всѣми возмóжными срéдствами. Погóня грáфа Плáтова за Мюрáтомъ пóслѣ занятія Русскими Вѝльны представляла зрѣлище невѝданное. Армія за 5 мѣсяцевъ состоявшая бóлѣе чѣмъ изъ полумиллиóна людéй, во всей вóинской сѝлѣ и красотѣ озаряемая блéскомъ слáвы, одушевлённая воспоминáніями чудéсныхъ успѣховъ, бѣжáла безъ оглядки, преслѣдуемая гóрстью Казакóвъ. Всѣ желáнія Мюрáта, маршáловъ и скóпищъ ихъ состояли въ поспѣшномъ достижéніи предѣловъ Россіи; всѣ ихъ воéнныя соображéнія сосредотóчились въ быстротѣ ногъ; въ гвардéйскихъ кóнныхъ полкáхъ состояло отъ 500 до 600, а въ пѣшихъ отъ 900 до 1000 человѣкъ, въ арріергáрдѣ Нéя, вмѣстѣ съ присоединѝвшимся къ нему кóвенскимъ гарнизóномъ моглó набрáться до 1500 человѣкъ. Но во всѣхъ прóчихъ корпусáхъ нéбыло ни одногó солдáта, а при небольшóмъ числѣ остáвшихся знамёнъ брелѝ тóлько по нѣскольку офицéровъ и унтеръ-офицéровъ. „Les corps étaient representés par leurs aigles" [31]), пѝшетъ Бертьé, въ донесéніи, откуда заимствованы сіѝ подрóбности. Въ бавáрскихъ войскáхъ, состоявшихъ при начáлѣ войны изъ 30,000 оставáлось 20 человѣкъ вооружённыхъ; кóрпусъ вице-королякъ, имѣвшій въ іюнѣ до 60,000 человѣкъ, былъ до такóй стéпени уничтóженъ, что по прибытіи на Нѣманъ всѣ гóдные въ строй помѣстѝлись въ однóмъ дóмѣ.

1-го декабря вышелъ Мюрáтъ изъ Кóвно, и расположѝлся бивáками на тѣхъ сáмыхъ высотáхъ лѣвой стороны Нѣмана, откуда Наполеóнъ, среди безчѝсленныхъ колóннъ своéй непобѣдѝмой áрміи,

11-го іюня, дóлго смотрѣлъ на рýсскій бéрегъ, и вперя́я хи́щный взоръ въ неизмѣри́мость Россíи, мы́сленно дѣли́лъ и дроби́лъ её, назначáлъ въ ней свои́мъ клеврéтамъ обши́рныя помѣстья и удѣлы, и на ея́ развáлинахъ оснóвывалъ своё міровлады́чество. Вступи́въ на лѣвый бéрегъ Нѣмана, Мюрáтъ, маршáлы, всѣ чины́ отъ пéрваго до послѣдняго почитáли себя́ вы́рвавшимися изъ áда, и полагáя, что преслѣдованіе за ни́ми кóнчено, впервы́е послѣ бѣгства своегó изъ Москвы́ вздохнýли свобóдно. Передъ ихъ глазáми горѣлъ, зажжённый и́ми въ рáзныхъ мѣстáхъ, гóродъ Кóвно, послѣднее позóрище сáмаго неистоваго бýйства. Францýзы разбивáли и грáбили тамъ ви́нные магази́ны, кидáлись на обывáтельскіе дóмы, пáдали мёртвые отъ опьянѣнія. „Ины́хъ нельзя́ бы́ло вы́гнать изъ домóвъ“, доноси́лъ Бертьé Наполеóну. „Кáжется, что хóлодъ приводи́тъ человѣка въ такóе онѣмѣніе, что отнимáетъ у негó вся́кое чýвство. Нáдобно сказáть всю прáвду: у четырёхъ пя́тыхъ частéй áрміи отморóжены рýки, нóги или ли́ца. Вáше Вели́чество не мóжете вообрази́ть, до каки́хъ страдáній и безпоря́дковъ стýжа довелá áрмію; не бýду распространя́ться о плачéвныхъ подрóбностяхъ грабежá, неповиновéнія, разстрóйства, всё дости́гло высочáйшей стéпени“. Въ заключéніе Бертьé изъявля́етъ своѝ гóресть о потéрѣ послѣдней своéй коля́ски, въ котóрой бы́ли сáмыя тáйныя бумáги. Въ ней нáйдено бы́ло нáми очеви́дное доказáтельство мошéнничества Наполеóна — доскá для дѣланія фальши́выхъ сторублёвыхъ рýсскихъ ассигнáцій!

Донося́ своемý повели́телю объ уничтожéніи áрміи, Бертьé умолчáлъ о послѣднемъ ея издыхáніи. Онó бы́ло стрáшно, какъ гнѣвъ Бóжій, наказýющій злодѣя́нія и святотáтство. На пути́ изъ Ви́льны до Кóвно мятéли, морóзъ, гóлодъ, Казаки́ гнáли вóйско иноплемéнное въ чéлюсти неслы́ханной смéрти. Люди явля́лись тутъ, лежáщіе [32]) на обóдранной пáдали, сосáли изъ нея́ кровь, рвáли изъ нея́ сырóе мя́со, умирáли въ мучéніяхъ, сти́снувъ зубáми сóбственную своѝ рýку, или комъ земли́, смѣшанный съ снѣгомъ, или оледенѣвшій кусóкъ кóнскаго кáла. Они́ тащи́лись къ огня́мъ и погибáли въ плáмени, или на калёныхъ ýгляхъ; у инáго горѣли нóги, у другáго головá. Полунагíе зарывáлись въ горя́чій пéпелъ, обжигáли всё тѣло и за минýтную теплотý плати́ли жи́знью; устремля́лись къ огню́, торопи́лись отогрѣвáть ли́ца, но гóловы и́хъ обнимáлись плáменемъ, волосá загорáлись, трещáли, и враги́ съ безси́льными вóплями окáнчивали земнóе страдáніе. Однáжды, говори́тъ очеви́децъ, встрѣтили мы Францýзовъ, вырѣзывавшихъ для пи́щи лёгкія чáсти тѣла умéршаго товáрища своегó, за котóрыя, тутъ же поссóрившись, заколóли оди́нъ другáго. Отъ гóлода кусáли они́ лежáвшихъ на землѣ людéй, въ котóрыхъ иногдá тлѣла ещё и́скра жи́зни, не давáли имъ врéмени испусти́ть духъ, и съ ви́домъ осклабля́ющагося

удовольствія рѣзали умиравшихъ, пожирали соратника, друга, можетъ быть брата, и вскорѣ въ свою очередь содѣлывались добычею до изступленія доведённыхъ товарищей. Иной хрипящимъ голосомъ жаловался, что онъ весь хладѣетъ, мёрзнетъ, уже не чувствуетъ ни ногъ, ни рукъ. И вдругъ среди вздоховъ, визга и скрежета зубовъ раздавался дикій хохотъ. Иной обезумѣвшій, воображая армію Наполеона въ прежней силѣ, сзывалъ товарищей бить Русскихъ, мечталъ, что онъ въ пылу сраженія, произносилъ побѣдные клики. Другой сумасшедшій испускалъ самый горестный плачъ, или представляя себѣ, что находится въ родительскомъ домѣ, обращался съ рѣчами къ матери, отцу, дѣтямъ. За мгновеннымъ перелётомъ мысли къ прежнимъ семейнымъ радостямъ слѣдовало предмогильное оледенѣніе отъ яростной стужи, бореніе души съ гробовымъ хладомъ. Стоны страдальцевъ раздавались на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и пришлецы засыпали на русской землѣ съ такими мученіями, что, казалось, смерть не мирила Творца съ твореніемъ. Встрѣчались также непріятели, у дверей гроба, безъ жалобъ покорявшіеся судьбѣ и равнодушно взиравшіе на приближеніе послѣдняго часа; другіе, попрыгивая, подувая въ руки, спрашивали: скоро ли будетъ весна? или, садясь вокругъ огней, съ дикимъ равнодушіемъ жарили на тесакахъ и шомполахъ конину и мясо товарищей. „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ спросили наши одного французскаго офицера, сидѣвшаго на снѣгу. „Жду смерти, отвѣчалъ онъ и закрылъ плащёмъ своё истощённое лицо. Такъ погибали приведённыя Наполеономъ въ Россію полчища. Сколько древнихъ родовъ угасло, сколько великихъ имуществъ осталось безъ наслѣдниковъ, жёнъ безъ супруговъ, родителей безъ дѣтей, невѣстъ безъ жениховъ Многіе просили о вступленіи въ русскую службу, объ опредѣленіи ихъ въ повара, музыканты, лекаря, друзья дома, особенно въ учители. Одинъ Французъ, взламывая черепъ недавно убитаго своего товарища и съ жадностью глотая горячій ещё мозгъ его, говорилъ: „Возьмите меня, я могу быть полезенъ Россіи, могу воспитывать дѣтей!“

Въ остаткахъ главной арміи Наполеона, выброшенной изъ нашихъ границъ, было строевыхъ до 1500 человѣкъ и 9 пушекъ, то есть, сотая доля орудій, находившихся при этой арміи, когда она вломилась въ Россію. Безоружнымъ, ушедшимъ съ Мюратомъ, счёта никто не вёлъ, ихъ полагаютъ примѣрно до 13,000 человѣкъ. Къ этимъ выморозкамъ должно присовокупить тысячи полторы Поляковъ, бывшаго корпуса Понятовскаго, выступившихъ двумя днями ранѣе Мюрата изъ Молодечно и съ нѣсколькими пушками перешедшихъ черезъ Нѣманъ. Когда Мюратъ добрался до крѣпостей на Вислѣ, у него оставалось всего съ безоружными 13,859 человѣкъ, изъ коихъ вскорѣ большая

часть погибла отъ изнеможéнія и болѣзней. Слѣдовательно, изъ всей áрміи Наполеóна, за исключéніемъ корпусóвъ князя Швáрценберга, Реньé и Макдонáльда, спаслóсь тóлько тысячъ 16, но дóлжно было приписáть чуду, что и тѣ моглú перенéсть бѣдствія, постигáвшія ихъ во врéмя отступлéнія. Донесéніе князя Кутузова объ очищéніи Россíи отъ облóмковъ глáвной непріятельской áрміи заключáется слѣдующими достопáмятными выражéніями: „Испóлнились словá Вáшего Императорскаго Величества: усѣяна дорóга костями непріятельскими! Да вознесётъ всякій Россіянинъ благодáрственныя молúтвы ко Всевышнему, а я почитáю себя счастлúвѣйшимъ изъ пóдданныхъ, бывъ избранъ благодѣтельною судьбóю исполнителемъ Высочáйшей вóли Вáшего Императорскаго Величества.“

Михайлóвскій-Данилéвскій.

[1]) Снт. III. § 44. 1). [2]) Снт. III. § 42. 4). Нкл. Снт. ст. 29. [3]) Снт. III. § 42. 2). Нкл. Снт. ст. 79. [4]) Снт. III. § 11. 3). Нкл. Снт. ст. 47. [5]) Снт. III. § 41. 6. Нкл. Снт. ст. 73. [6]) Снт. III. § 47. 5. 6). [7]) Снт. III. § 56. 6) [8]) Снт. III. § 56. 18) 3). [9]) Снт. III. § 41. 4). [10]) Снт. III § 50. 3). [11]) Снт. III § 50. 18). [12]) Снт. III. § 43. 3). Нкл. Снт. ст. 83. [13]) Снт. III. § 54. 9). [14]) Снт. III. § 47. 6). [15]) Снт. III. § 38. Прим. 1). Нкл. Снт. ст. 34. Прим. II. [16]) Снт. III. § 42. 3). Нкл. Спт. ст. 70. [17]) Снт. III. § 56. 17) 3). [18]) Снт. III. § 50. 1). [19]) Снт. III. § 54. 1). [20]) Снт. III. § 54. 5). [21]) Снт. III. § 44. а). Нкл. Спт. ст. 79. [22]) Снт. III. § 47. 5) 6). Нкл. Снт. ст. 73. [23]) Снт. III. § 41. 5). Нкл. ст. 84. [24]) Снт. III. § 50. 22). [25]) Снт. III. § 50. 2). [26]) Снт. III. § 50. 1). [27]) Стн. III. § 54. 9). [28]) Снт. III. § 50. 21). [29]) Снт. III. § 54. 6). [30]) Снт. III. § 54. 1). [31]) „Корпусá были представляемы (тóлько) своими орлáми (знамéнами).“ [32]) Вѣрнѣе: лежáвшіе.

в) Романъ и Повѣсть.

---

33. Поле (судебный поединокъ) между Хабаромъ и Мамономъ.

По крытому перехóду, котóрый вёлъ [1]) отъ дворá великокняжескаго къ цéркви Благовѣщенія, ещё тогдá деревянной, возвращáлся Ивáнъ Васúльевичъ съ утренней молúтвы. Когдá онъ выходúлъ изъ хрáма Бóжьяго, по ясному челу егó носúлись [2]) пріятныя впечатлѣнія, остáвленныя въ нёмъ молúтвою; но чѣмъ дáлѣе онъ шёлъ, тѣмъ тяжелѣй гнѣвъ налегáлъ на это челó и ярче вспыхивалъ во взóрахъ. За нимъ въ грустномъ раздумьѣ слѣдовалъ красúвый, стáтный молодéцъ: это былъ сынъ егó Ивáнъ.

Слѣдомъ ихъ шёлъ [3]) бояринъ Мамóнъ. Никтó не смѣлъ нарушить угрюмое молчáніе Велúкаго Князя. Іоáннъ младóй старáлся скрáдывать шóрохъ шагóвъ своúхъ, чтобы не оскорбúть имъ слуха отцá въ такóе врéмя, когдá малѣйшее нелóвкое впечатлѣніе моглó разрядúть ужáсную вспышку гнѣва. Онъ зналъ, что гнѣвъ этотъ,

не возбуждённый потвόрствомъ или своекорыстіемъ приближённыхъ, могъ ещё улёчься, или по-крайней-мѣрѣ не имѣть роковыхъ послѣдствій. И потому берёгъ онъ эту возмόжность, какъ искусный механикъ даётъ свободный прόпускъ сердитымъ водáмъ, накопившимся отъ непогоды, чтобы онѣ не прорвáли плотины. На лицѣ боярина разыгрывались то удовόльствіе злобы, то страхъ; и слухомъ и взбромъ жáдно слѣдилъ онъ малѣйшее движéніе [4]) своегό господина. Молчáніе ихъ похόже было на то, когдá вынимáютъ изъ урны роковόй жéребій. Жéребій былъ вынутъ: Ивáнъ Васильевичъ остановился въ серединѣ перехόда и обратясь къ сыну, сказáлъ:

— Слышалъ, Ивáнъ, что сдѣлалъ твой любимый Хабáръ?

Слышалъ, господине [5]), отвѣчáлъ спокόйно Іоáннъ младόй.

Легкό вымолвить, заушилъ дéспота Морéйскаго.

А за что, сказáли тебѣ, όтче [6])?

Ни съ тогό, ни съ сегό [7]), вѣстимо хмѣльнόй! не впервόй [8]) ему озόрничать. Коли до нынѣшняго дня носилъ ещё гόлову на плéчахъ, такъ это ради тебя.

Коли нынѣ снесётъ эту гόлову, такъ ради тебя, господине, и нáшей православной Руси, произнёсъ съ твёрдостью Іоáннъ младόй. Когдá пойдётъ на лόбное мѣсто, я поцѣлую егό въ эту гόлову.

Какъ такъ?

Великій Князь грόзно посмотрѣлъ на Мамόна; этотъ старáлся, скόлько могъ, затаить своё смущéніе и встрѣтилъ егό όчи съ твёрдостью.

Вотъ какъ дѣло было, продолжáлъ Іоáннъ младόй съ спокόйствіемъ истины. Вчерá, на пиру у Андрéя Ѳомичá, были сόзваны, будто на посмѣхъ, и бояре твои и смердъ, стáрые и молодые гуляки. Хмѣльнόй, онъ братáлся со всѣми, пилъ за здорόвье непотрéбной Гречáнки и обнимáлся съ чеботарёмъ, что [9]) шьётъ на неё черевики. Ты вѣдаешь, какъ онъ распутствомъ своимъ безслáвитъ родъ свой и наносить скорбь мáтушкѣ Великой Княгинѣ Сόфьѣ Ѳоминишнѣ. Въ сáмомъ разгулѣ хмѣля сталъ порόчить русскую зéмлю, и что стоитъ онá тόлько Грéками, и что вся сила и красá ея отъ Грéковъ, безъ нихъ-де [10]) мы бъ и Татáръ не выгнали, и Нόвгорода не взяли и Москвы не снаряжáли. Лáялся, будто ты, господине, не пόмнишь егό милости и худо честишь егό; за то и подарилъ онъ шпáнскому [11]) королю византійское цáрство своё, а не тебѣ.....

Ахъ! онъ собáка!... И конуру-то даютъ ему изъ милости, а даритъ цáрство. Одинъ братъ лижетъ мисы на повáрнѣ у бесермéнскаго царя и скоморόшничаетъ у негό; другόй слоняется по угламъ да продаётъ пéрвому глупцу крéчетовъ за моряни... Ну, что-жъ потόмъ?

Не посмѣю сказáть, какъ онъ тебя облáялъ.

Говори, я тебѣ прикáзываю.

Мóлвилъ, что не отдáлъ тебѣ Царегрáда, ты-де .... Вóля твоя, óтче, язы́къ не двигается ....

Ивáнъ, ты меня знáешь?

Называ́лъ тебя псомъ, окаяннымъ. И Хабáръ далъ ему за то пощéчину.

И онъ не задушилъ его?... закричáлъ Великій Князь и не могъ бóлѣе слóва вы́молвить Глазá егó ужáсно запры́гали, дыхáніе остановилось въ груди, бýдто сдáвленной тяжёлымъ кáмнемъ. Немнóго успокóившись, онъ сказáлъ сы́ну:

•Во истину ли такъ?

Спроси дьяка Бородáтова, бояръ постáрше и понадёжнѣе, чтó бы́ли на пиру́, дворскáго лѣкаря Антóна.

Ивáнъ Васильевичъ задýмался.

Нѣтъ, не нáдо. Ты мнѣ сказáлъ, Ивáнъ: стáну ли я допрáшивать бояръ и дьяковъ?

Великій любилъ óчень своегó сы́на и увѣренъ былъ въ егó благоразýміи и праводýшіи.

Ты же что? произнёсъ онъ, грóзно обратясь къ Мамóну, и вслѣдъ за тѣмъ ударилъ егó пóсохомъ по лицý.

Мамóнъ чýвствовалъ, что жизнь егó виситъ на волоскѣ и отвѣчáлъ съ твёрдостью: — Вóленъ, осудáрь [12]), казнить меня, а я доложилъ тебѣ, чтó слы́шалъ; я самъ на пирý нé-былъ.

А чтобъ ты впередъ вывѣдывалъ повѣрнѣе, заплати за безчéстье Симскому-Хабáру сто рублёвъ [13]), да отнеси ихъ самъ, да поклонись емý трижды въ нóги. Слышь [14])?

Ивáнъ, прибáвилъ онъ, вели, чтóбы отны́нѣ звáли егó во всякомъ дѣлѣ Хабáромъ. *Хабáрно* (вы́годно) рýсскому царю имѣть такóго молодцá. Недáромъ жáлуешь егó.

А какъ попáлся на пиръ лѣкарь Антóнъ? спросилъ Великій Князь своегó сы́на, когдá Мамóнъ удалился.

Захворáла Гречáнка Андрéя Ѳомичá. Позвáли егó, и когдá онъ сдѣлалъ ей лёгкость, притащили и егó на пиръ. Пить онъ отказáлся. Говорятъ, дéспотъ подарилъ емý за лѣчéніе золотýю цѣпь, а какъ мóлвилъ обидное тебѣ слóво, такъ лѣкарь брóсилъ дары́ назáдъ. А цѣпь былá дорогáя.

Видно бы́ло по глазáмъ Великаго Князя, что это извѣстіе льстило емý. Не смотря на то, онъ возразилъ: — Неразýмно, коли былá дорогáя.

.... Вотъ Мамóнъ въ дóмѣ Образцá [15]), но тепéрь не такъ, какъ гóрдый вѣстникъ отъ Великаго Князя, а какъ приговорённый, въ сопровождéніи двухъ недѣльщиковъ [16]) и двухъ вооружённыхъ

боярскихъ дѣтей. Прежде, чѣмъ взяли его изъ дому, отобрали на нёмъ оружіе.

Именемъ господина Великаго Князя спрашиваютъ сына воеводы, Симскаго — Хабара. Не безъ сердечной тревоги готовъ онъ выслушать свой смертный приговоръ. Вмѣсто того объявляютъ ему, что бояринъ Мамонъ, по волѣ Ивана Васильевича, принёсъ ему сто рублей безчестья и пришёлъ земно бить челомъ [17]). Да, пришёлъ этотъ Мамонъ, гордый, ужасный въ своёмъ мщеніи, просить у врага прощенія. И могъ ли онъ не прійти? его прислалъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ. Страшны были его шафранное лицо, исковерканное душевною бурей, его глаза, налитые кровью, лѣсъ чёрныхъ волосъ, вставшихъ на-дыбы. Въ такомъ видѣ представилъ бы художникъ сатану, скованнаго высшею силою.

И пришёлъ онъ, и подалъ Хабару сто рублей. — „Сто рублёвъ счётомъ", сказалъ онъ твёрдымъ голосомъ, и палъ униженно, отчётисто передъ своимъ врагомъ разъ, другой. Тутъ онъ коварно, адски усмѣхнулся, палъ [18]) въ третій разъ. „То было княжее, а это моё", сказалъ онъ, приложился къ ногѣ Хабара и оставилъ на ней кровавый, глубокій оттискъ зубами. — „Вотъ это моё пятно", повторилъ онъ и адски захохоталъ. Недаромъ звали его Мамономъ. Вскрикнулъ Хабаръ, такъ сильно былъ онъ пораненъ, и первымъ движеніемъ его было вырвать клокъ изъ бороды противника. Ихъ тотчасъ розняли.

Поля, позываю тебя *на поле,* вскричалъ Мамонъ.

На поле, вскричалъ Хабаръ, давно пора! Богъ да судитъ насъ!

И врага, поцѣловавъ крестъ, выбравъ, каждый своего *стряпчаго* (секунданта) и *поручника*, разстались съ жаждою крови, одинъ другаго.

Когда донесли Великому Князю объ этомъ позывѣ, онъ сказалъ: — Теперь не моё дѣло, а дѣло Судебника [19]).

Въ Судебникѣ стоялъ слѣдующій законъ: „кто у кого бороду вырветъ, и послухъ опослушествуетъ [20]), то ему крестъ цѣловати и битися на полѣ"

Окольничимъ назначенъ день, часъ суда Божьяго. Объ этомъ объявлено *поручникамъ* той и другой стороны. Между тѣмъ спрошены они, будутъ ли польщики сами биться, или наёмными бойцами. Поручники обязались самихъ тяжущихся представить на поле къ назначенному дню. Потомъ спрошены они, на какихъ оружіяхъ будутъ биться польщики, верхами [21]) или пѣшіе. Объявлено, что на мечахъ и пѣшіе.

День великій наступилъ. И Мамонъ и Хабаръ исполнили свои христіанскія обязанности, какъ передъ смертнымъ часомъ, разумѣется, каждый съ разными чувствами. Образецъ велѣлъ перенести себя

въ божни́цу и тамъ усе́рдно, со слеза́ми моля́сь ожида́лъ рѣше́нія Бо́жьяго суда́.

На томъ мѣ́стѣ, гдѣ ны́нѣ це́рковь Тро́ицы-въ-поля́хъ, на Нико́льской, въ полчеловѣ́ка, ка́менная огра́да, пусти́вшая изъ себя́ но́вую, живу́ю огра́ду изъ дерёвъ, захва́тывала тогда́ между свои́ми стѣна́ми четвероуго́льный лоску́тъ земли́. На нёмъ стоя́ла деревя́нная це́рковь во и́мя Гео́ргія Побѣдоно́сца, така́я ве́тхая, что перехо́ды ея́ опуска́ли по сторона́мъ свои́ кры́лья, а кро́вли исто́чены бы́ли ржа́вчиною вре́мени. Между хра́момъ и стѣно́ю остава́лась площа́дка, мо́жетъ быть са́женъ въ деся́токъ, на кото́рой мурава́ изо́рвана была́ лошади́ными копы́тами. Иногда́ зе́лень, окропле́нная слѣда́ми кро́ви, въ по́лночь вздо́хи и стена́нія, прогу́лка мертвецо́въ, свѣ́чи, горя́щія въ це́ркви крова́вымъ свѣ́томъ, всѣ э́ти явле́нія не могли́ бы дать по́вода къ удивле́нію, когда́ бы приба́вить, что мѣ́сто, гдѣ они́ происходи́ли, называ́лось *по́лемъ*, то есть мѣ́стомъ суде́бныхъ поеди́нковъ.

Ра́но поутру́, едва́ свѣ́тло установи́лось, толпа́ вса́дниковъ прискака́ла къ огра́дѣ съ ра́зныхъ сторо́нъ. Одни́ предупреди́ли други́хъ двумя́, тремя́ мгнове́ніями. Это бы́ли око́льничій, дьякъ Ку́рицынъ, подъя́чій, Мамо́нъ-оте́цъ, Хаба́ръ-Си́мскій, дво́е стря́пчихъ и нѣ́сколько недѣ́льщиковъ. Провожа́вшіе ихъ дворча́не, отобра́въ ко́ней у свои́хъ госпо́дъ и вручи́въ по́льщикамъ ору́жія, удали́лись на нѣ́которое разстоя́ніе отъ огра́ды. Пору́чниковъ и стря́пчихъ освидѣ́тельствовали, нѣ́тъ ли при нихъ доспѣ́ховъ, дуби́нъ и осло́повъ: что строжа́йше бы́ло запрещено́ зако́нами. Всѣ черезъ кали́тку вошли́ въ огра́ду, кро́мѣ недѣ́льщиковъ, кото́рые оста́лись за ней для наблюде́нія, чтобы никто́ изъ посторо́ннихъ не смѣ́лъ къ ней подходи́ть. Въ слу́чаѣ же ослуша́нія недѣ́льщики обя́заны бы́ли, забра́въ вино́вныхъ, отсыла́ть въ тюрьму́. Пра́вда, за одни́мъ угло́мъ огра́ды, въ куста́хъ крапи́вы, послы́шался ше́лестъ; но онъ или не возбуди́лъ подозрѣ́нія тогда́шнихъ полице́йскихъ чино́въ, или оста́вленъ и́ми умы́шленно безъ слѣ́дствія. Мо́жетъ ста́ться, вѣ́сы́ правосу́дія бы́ли покривлены́ на э́тотъ разъ серебро́мъ, дру́жбою, покрови́тельствомъ, кто зна́етъ чѣмъ!

Кали́тку за́перли на тве́рдый желѣ́зный крюкъ: оста́вшіеся подъ э́тимъ замко́мъ вы́шли на па́перть це́ркви. Здѣ́сь око́льничій спроси́лъ по́льщиковъ, кто „за ни́ми пору́чники и стря́пчіе.“ Когда́ они́ ука́заны бы́ли, Мамо́ну и Хаба́ру, а за ни́ми пору́чникамъ и стря́пчимъ ве́лѣно приложи́ться ко кресту́, сдѣ́ланному въ церко́вную дверь. Отъ всѣ́хъ нихъ потре́бовано кля́твы, что они́ съ ору́жіями „къ чародѣ́ямъ и звѣздочётцамъ волхова́ть не ходи́ли, къ по́лю чародѣ́евъ не приводи́ли и у по́ля ихъ не бу́детъ.“ При чёмъ подтверждено́ цѣлова́вшими крестъ, что е́сли они́ „на кри́вѣ“ э́то дѣ́лали, и достовѣ́рные свидѣ́тели облича́тъ ихъ, то имъ быть по градски́мъ за-

ко́намъ отъ господи́на всея́ [22]) Ру́си въ вели́кой опа́лѣ, а отъ святи́телей по свяще́ннымъ пра́виламъ въ духо́вномъ запреще́ніи.

Съ па́перти всѣ сошли́ на *по́ле.* Отмѣ́рили роково́й кругъ, мо́жетъ быть сме́ртный для одного́ изъ проти́вниковъ. По́льщики ста́ли на нёмъ. Пору́чникамъ и стря́пчимъ ука́зано, гдѣ имъ стоя́ть за бойца́ми. Тутъ стря́пчій Хаба́ра доложи́лъ око́льничему и дьяку, что бой, вопреки́ зако́ну, *нера́венъ,* и потому́ не мо́жетъ нача́ться. Потре́бовали объясне́нія. Оказа́лось, что у Мамо́на колонтари́ бы́ли длиннѣ́е Хаба́ровыхъ и слѣ́дственно защища́ли его́ бо́лѣе отъ уда́ровъ.

Оста́вь! вскрича́лъ Хаба́ръ. Чѣмъ тяже́лѣ доспѣ́хи, тѣмъ доро́же добы́ча.

Торгашу́ ду́мать о коры́сти! возрази́лъ Мамо́нъ: я и безъ мѣ́ры и вѣ́су пріиму́ тѣ́ло вра́жье.

Пожа́луй, я торга́шъ! Мечёмъ свои́мъ смѣ́рю твои доспѣ́хи, кро́вью твоёй же куплю́ ихъ.

Мамо́нъ поклони́лся: — Коли́ пришли́сь по обы́чаю, и безъ поку́пки кла́няемся и́ми на упоко́й души́ твоёй, хоть ны́ньче поста́вимъ на твою́ моги́лку.

Трудъ ли́шній ва́шей ми́лости!... Возьму́ лу́чше живо́й на па́мять дру́га. Зачѣ́мъ мѣ́шкать! Тепе́рь же надѣ́ну дорого́й боя́рскій пода́рокъ. Ста́ло, мои́ доспѣ́хи ли́шніе.

Сказа́въ э́то, Хаба́ръ ски́нулъ шлемъ и колонтари́ и перебро́силъ ихъ за огра́ду, бу́дто ка́мышекъ.

Не уступлю́, вскрича́лъ Мамо́нъ, и сбро́силъ свои́ доспѣ́хи. Тра́тимъ слова́, а не кровь. Тя́нешь, голу́бчикъ, вре́мя: ви́дно, жаль разста́ться съ бѣ́лымъ свѣ́томъ.

За моё добро́ съ меня́ же пе́ня!... Скажи́ лу́чше спаси́бо. Даю́ тебѣ́ ли́шній часъ Бо́жьимъ мі́ромъ покрасова́ться. Но мѣ́ра есть и добру́. Пора́ Мамо́ну туда́, гдѣ живу́тъ мамо́ны. Выступа́й.

И вы́ступили они́: Хаба́ръ — пригожъ, свѣ́телъ, какъ Бо́жій кра́сный день. Мамо́нъ — угрю́мъ съ лицо́мъ, испи́саннымъ крова́выми шва́ми, съ лѣ́сомъ воло́съ, вста́вшихъ на́-дыбы, какъ бу́дто а́дской гнѣвъ и ихъ вооружи́лъ на бой, съ глаза́ми, выбѣга́ющими [23]) изъ свои́хъ круго́въ; Хаба́ръ, по́лонъ [24]) справедли́вости своего́ дѣ́ла, приро́дной отва́ги и надѣ́жды на Бо́га, — Мамо́нъ, испо́лненъ мще́нія, и зла, немéнѣе отва́женъ, одушевлёнъ сверхъ того́ увѣ́ренностью въ своё иску́сство. — Въ са́момъ дѣ́лѣ бой ско́ро стано́вится неро́венъ. Хаба́ръ всё напада́лъ, Мамо́нъ то́лько и дѣ́лалъ, что защища́лся и отража́лъ уда́ры проти́вника, но э́тимъ са́мымъ и утоми́лъ его́. Сынъ Образца́ понима́етъ ужъ, хотя́ и сму́тно, превосхо́дство своего́ проти́вника; пе́рвый ещё разъ въ жи́зни се́рдце знако́мится съ трево́гою. Мамо́нъ растётъ передъ нимъ и ши́рится. Пригна́нный почти́ къ завѣ́тной чертѣ́, гдѣ полшага́ наза́дъ ждётъ ги́бель его́ и позо́ръ

всегó рóда Си́мскихъ, Хабáръ и́щетъ средствъ вы́играть хоть оди́нъ шагъ впередъ. Разъ егó рáнили въ плечó, разъ едвá не обезорýжили. Вотъ ужъ нанесёнъ удáръ, котóрый перегнýлъ егó назáдъ, какъ си́льная рукá молодýю берёзу.

Часъ твой наступи́лъ, молодéцъ! Широкó, раздóльно, вéсело погуля́лъ ты по крáсной ýлицѣ жи́зни; отéцъ, Русь тобóю рáдовались. Пóжилъ, потѣ́шилъ свою бѣ́лую грудь! Часъ твой приспѣ́лъ сложи́ть молодéцкую голóвушку на сырý зéмлю. Зачѣ́мъ не положи́лъ ея въ чи́стомъ пóлѣ, въ чéстномъ бою съ Татáрами или Руси́нами, врагáми мáтушки Москвы́, золотóй мáковки Рýси? Умеръ бы, оплáканный рáтными товáрищами, но живъ бы остáлся въ пáмяти нарóдной. А тепéрь дóлженъ умерéть съ позóромъ... И погребéнія христіáнскаго не дадýтъ.

Стря́пчій егó поблѣ́днѣлъ; дьякъ, окóльничій, душóю хотѣ́ли бы отвести́ удáръ..... это ви́дно по глазáмъ ихъ, по наклонéнію головы́.... тяжелó имъ, какъ бýдто на нихъ нанесёнъ мечъ.

Въ это сáмое врéмя кто-то изъ-за углá огрáды закричáлъ: „Орлы́ летя́тъ! орлы́!“ Мамóнъ затря́сся, поблѣ́днѣлъ, взглянýлъ нá-небо и невóльно отступи́лъ. Удáръ былъ потéрянъ. Ви́дно, самъ Госпóдь сталъ на сторонѣ́ Хабáра. Этотъ [25]) спѣши́тъ воспóльзоваться нечáяннымъ стрáхомъ своегó проти́вника и заня́ть вы́годное положéніе. — Опрáвься, кричи́тъ онъ емý. Но Мамóнъ растеря́лся и дѣ́йствуетъ какъ ребёнокъ. Скóро мечъ вы́битъ изъ егó рукъ, кисть и лицó порýблены. Проти́вникъ, чýвствуя, что обя́занъ своéю побѣ́дой слýчаю, дари́тъ емý жизнь. Изурóдованный, едвá не ослѣплённый, Мамóнъ кляне́тъ всё и всѣхъ, себя́, свидѣ́телей, провидѣ́ніе, богохýльствуетъ. — Хочý ли я жить? кричи́тъ онъ Хабáру: хочý, бýду жить на пáгубу твою, твоегó рóда. Оши́бся пріятель!... Убилъ бы, концы́ въ вóду.

Судъ Бóжій рѣшёнъ. Стря́пчій побѣждённаго призываетъ егó дворчáнъ; Мамóна окровáвленнаго унóсятъ домóй, порýчникъ егó выплáчиваетъ окóльничему и дьяку пóшлины; подъя́чій составля́етъ дѣ́ло о побóищѣ, дьякъ подпи́сываетъ егó.

Между тѣ́мъ Хабáръ на пáперти моли́лся Геóргію Побѣдонóсцу, подня́вшему мечъ за негó.

Лажéчниковъ.

(Изъ ромáна: Басурмáнъ).

[1]) Сит. III. § 50. 4). [2]) Сит. III. § 50. 16). [3]) Сит. III. § 50. 22). [4]) Вѣрнѣе: за м. движéніемъ. [5]) Старин. звáтельный падéжъ. [6]) Слав звáтельный падéжъ. [7]) Простон. безъ вся́кой причи́ны. [8]) не въ пéрвый разъ. [9]) Сит. III. § 35 Прим. 2). Нкл. Сит. ст. 35. [10]) Сит. III. § 64. 6). Нкл. Сит. ст. 121. Прим. II. [11]) Простор. испáнскому. [12]) Старин. вм. государь. [13]) Простор. вм. рублéй. [14]) Простор. вм. слы́шишь. [15]) Отéцъ Хабáра, Князь Хóлмскій, за побѣ́ду надъ Новгорóдцами при р. Шелóни получи́лъ почётное назвáніе Образéцъ. [16]) Полицéйскіе служи́тели. [17]) кланяться въ нóги, касáясь лбомъ земли́. [18]) Сит. III. § 54. 9). [19]) Собрáніе закóновъ. [20]) Старин. свидѣ́тель засвидѣтельствуетъ. [21]) Вѣрнѣе: верхóмъ. [22]) Церк. сл. вм. всей. [23]) Вѣрнѣе: выбѣгáвшими. [24]) Нкл. Сит. ст. 160. [25]) Вѣрнѣе: онъ.

34. Нежданые гости.

Отéцъ мой былъ человѣкъ стáраго вѣка, нáчалъ такъ Кольчýгинъ, хотя́ благодаря́ вопéрвыхъ Бóга [1]), а вовторы́хъ роди́телей, достáтокъ у негó былъ дворя́нскій, и онъ могъ бы жить не хýже мои́хъ сосѣдей, то есть — вы́строить хорóмы сажéняхъ на 15-ти, завести́ псóвую охóту, роговýю мýзыку, оранжерéи и вся́кія другі́я бáрскія затѣи: но онъ во всю жизнь свою́ ни рáзу и не подýмалъ объ э́томъ; жилъ себѣ [2]) въ мáленькомъ дóмикѣ, держáлъ не бóльше десяти́ слугъ, охóтился иногдá съ ястребáми, и подъ весёлый часъ такъ то, бывáло, тѣшится, слýшая Вáньку гуcли́ста, котóрый, не тѣмъ будь помя́нутъ, — попивáлъ, а ли́хо, разбóйникъ, игрáлъ на гýсляхъ. Бывáло, какъ хвáтитъ: „Заря́ ýтрення взошлá“, или „На бéрежку у ставкá“ [3]), — такъ заслýшаешься! Но éсли бáтюшка мой не щегоня́лъ ни дóмомъ, ни услýгою, то за то крѣпко держáлся послóвицы: „не краснá избá углáми, а краснá пирогáми.“ И въ старинý, чай [4]), таки́е хлѣбосóлы бывáли въ дикóвинку! Домъ покóйнаго бáтюшки вы́строенъ былъ на сáмой большóй дорóгѣ; вотъ éсли ктó-нибудь днёмъ или вéчеромъ останóвится корми́ть на селѣ, то и бѣгýтъ емý сказáть, и коли́ проѣзжіе, хоть мáло-мáльски не совсѣмъ простые лю́ди, дворя́не, купцы́ или дáже мѣщáне, такъ ми́лости прóсимъ на бáрскій дворъ; закобéнились [5]) — такъ окóлицу на запóръ, и, хоть себѣ гóлосомъ вой, а ни на однóмъ дворѣ ни клокá сѣна, ни зернá овсá не продадýтъ. Что и говори́ть: люби́лъ побрáжничать покóйникъ! Бывáло, какъ залýчитъ къ себѣ гостéй, такъ пойдётъ такáя попóйка, что лишь тóлько держи́сь: мóре разливáнное, чегó хóчешь, тогó прóсишь. Вся́кихъ чужезéмныхъ напи́тковъ, сортóвъ до десяти́, въ подвáлѣ не переводи́лось, а ужъ объ нали́вкахъ и говори́ть нéчего!

Однáжды зимóю, рóвно чéрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончи́ны моéй мáтушки, сидѣлъ онъ оди́нъ-одинёхонекъ въ своёмъ люби́момъ покóѣ съ лежáнкою. Меня́ съ нимъ нé-было; я ужъ трéтій годъ былъ на слýжбѣ цáрской и дрался́ въ то врéмя со Швéдами. Дѣло шло къ нóчи; на дворѣ былá мятéлица, хóлодъ стрáшный, а часý въ деся́томъ такъ захолоди́ло, что отъ морóза всѣ стѣны въ дóмѣ трещáли. Въ такýю погóду гостéй не дождёшься [6]). Что дѣлать? Покóйный бáтюшка, чтобъ провести́ врéмя до ýжина, — а онъ никогдá не изволи́лъ ýжинать прéжде оди́ннадцатаго чáса, принялся́ за Чéтьи-Минéю [7]). Развернýлъ на удáчу и попáлъ на житіé Преподóбнаго Исáкія, затвóрника Печéрскаго. Когдá онъ дочёлъ до тогó мѣста, гдѣ скáзано, что бѣсы, яви́вшись къ святóму угóднику подъ ви́домъ áнгеловъ, обманýли егó и, восклицáя: „нашъ еси́ Исáкій!“ застáвили егó наси́льно плясáть вмѣстѣ съ собóю: то покóйный бáтюшка почýвствовалъ въ душѣ своéй сомнѣніе, соблазни́лся и, за-

крыв̆ъ книгу, на́чалъ у́мствовать и разсужда́ть съ сами́мъ собо́ю. Но чѣмъ бо́лѣе онъ ду́малъ, тѣмъ бо́лѣе каза́лось ему́ невѣроподо́бнымъ [8]) таково́е попуще́ніе Бо́жіе. Вотъ въ са́мое-то его́ разду́мье нашла́ на него́ дремо́та, глаза́ ста́ли слипа́ться, голова́ отяжелѣ́ла, и онъ мнѣ ска́зывалъ, что не по́мнитъ самъ, какъ прилёгъ на канапе́ и засну́лъ крѣ́пкимъ сномъ. Вдругъ въ уша́хъ у него́ что́-то зазвенѣ́ло, онъ очну́лся, слы́шитъ, бьютъ часы́ въ его́ спа́льнѣ ро́вно де́сять часо́въ. Лишь то́лько онъ бы́ло приподнялся, чтобы́ велѣ́ть подава́ть себѣ́ у́жинать, какъ вошёлъ въ ко́мнату люби́мый его́ слуга́, Андре́й и поста́вилъ на столъ двѣ́ зажжённыя свѣчи́. — „Что ты, бра́тецъ?“ спроси́лъ ба́тюшка. — „Пришёлъ, су́дарь, доложи́ть вамъ,“ отвѣча́лъ слуга́, „что на селѣ́ останови́лись прика́зный изъ го́рода, да Казаки́, кото́рые ѣ́дутъ съ До́ну.“ — „Ну, такъ чтожъ?“ — прерва́лъ ба́тюшка, „бѣги́ скорѣ́е на село́, проси́ ихъ ко мнѣ́ да не слу́шай никаки́хъ отгово́рокъ.“ — „Я ужъ ихъ звалъ, су́дарь, и они́ сей часъ бу́дутъ“ — пробормота́лъ сквозь зу́бы Андре́й. — „Такъ скажи́, чтобы прибавили что́-нибудь къ у́жину,“ продолжа́лъ ба́тюшка, „и вели́ прине́сть изъ подва́ла штофъ запека́нки, двѣ́ буты́лки вишнёвки, двѣ́ рябиновки и полдю́жины виногра́днаго. Ступа́й!“

Слуга́ отпра́вился. Мину́тъ черезъ пять вошли́ въ ко́мнату три Казака́ и оди́нъ пожило́й человѣ́къ въ долгопо́ломъ сюртукѣ́. — „Ми́лости про́симъ, дорогі́е го́сти!“ сказа́лъ ба́тюшка, идя къ нимъ навстрѣ́чу. Зна́я, что на́божные Казаки́ всегда́ помо́лятся святы́мъ ико́намъ, а пото́мъ ужъ кла́няются хозя́ину, онъ примо́лвилъ, ука́зывая на о́бразъ Спаси́теля, кото́рый тру́дно бы́ло разсмотрѣ́ть въ тёмномъ углу́: „вотъ здѣ́сь!“ но къ удивле́нію его́ Казаки́ не то́лько не перекрести́лись, но да́же и не погля́дѣли на о́бразъ. Прика́зный сдѣ́лалъ то́же са́мое. — „Не фигу́ра [9]), поду́малъ ба́тюшка, что э́то крапи́вное сѣ́мя [10]) не зна́етъ Бо́га, но вѣдь Казаки́ наро́дъ благочести́вый!.... Ви́дно они́ съ доро́ги-то во́все ошалѣ́ли!“ Межъ тѣмъ нежда́ные го́сти раскла́нялись съ хозя́иномъ; Казаки́ о́чень вѣ́жливо поблагодари́ли его́ за гостепріи́мство, а прика́зный, сгиба́ясь передъ ни́мъ въ кольцо́, отпусти́лъ таку́ю раце́ю [11]), что поко́йный ба́тюшка, хотя́ былъ человѣ́къ рѣчи́стый и за сло́вомъ въ карма́нъ не ходи́лъ, а во́все сталъ втупи́къ, и вмѣ́сто отвѣ́та на его́ кудря́вое привѣ́тствіе, закрича́лъ: „гей, ма́лый! запека́нки.“

Вошёлъ опя́ть Андре́й, поста́вилъ на столъ таре́лку заку́ски, штофъ во́дки и дѣ́довскія серебряныя ча́ры по до́брому стака́ну. — „Ну́-ка, любе́зные!“ сказа́лъ ба́тюшка, налива́я ихъ вро́вень съ кра́ями, „поотогрѣ́йте свои́ ду́шеньки; чай, вы поря́дкомъ надро́гли́сь. Прошу́ поко́рно!“ Го́сти чи́нъ-чи́номъ [12]) поклони́лись хозя́ину, вы́пили по ча́ркѣ и, не дожида́ясь втори́чнаго приглаше́нія, хвати́ли по друго́й, хлебну́ли по тре́тьей; — глядь-погля́дь, анъ въ што́фѣ хоть

прогýливайся, ни кáпельки! — „Ай-да питухи́[13])! подýмалъ бáтюшка; ну! нéчего сказáть, молодцы́! Да и рóжи-то у нихъ какíя! Въ сáмомъ дѣлѣ нельзя было назвáть ѐтихъ нечáянныхъ гостéй красáвцами. У одногó Казакá головá былá бóльше тýловища; у другáго тóлстое брюхо волочи́лось по землѣ; у трéтьяго глазá были зелёные, а носъ крючкóмъ какъ у филина, и у всѣхъ вóлосы ры́жіе, а щёки какъ раскалённые кирпичи́, когдá ихъ обжигáютъ на завóдѣ. Но всѣхъ курьёзнѣе показáлся емý прикáзный въ долгопóломъ сюртукѣ: такóй исковéрканной и срáмной рóжи онъ сродя́сь[14]) не ви́дывалъ. Егó лы́сая и крýглая, какъ бильярдный шаръ, головá втиснута былá промеждý двухъ ýзкихъ плечъ, изъ котóрыхъ однó было вы́ше другáго; ширóкій подборóдокъ, какъ наби́тый пýхомъ ошéйникъ, обхвáтывалъ ни́жнюю часть егó лицá; давнó не бри́тая бородá торчáла щети́ною вокрýгъ синевáтыхъ губъ, котóрыя чуть чуть не сходи́лись на заты́лкѣ; тóлстый, вздёрнутый къ вéрху носъ былъ такъ крáсенъ, что въ потёмкахъ мóжно было приня́ть егó за головню́; а мáленькіе, прищýренные глазá вертѣ́лись и сверкáли, какъ глазá ди́кой кóшки, когдá онá подкрáдывается нóчью къ какóму нибудь звѣрькý, или къ сóнной птáшечкѣ. Онъ безпрестáнно ухмыля́лся; — „но ѐта улы́бка,“ говáривалъ не разъ покóйный мой бáтюшка — „ни дать-ни взять, походи́ла на то, какъ собáка оскáливаетъ зýбы, когдá уви́дитъ чужáго, или захóчетъ у другóй собáки отня́ть кость.“ Вотъ какъ гóсти, опорожни́въ штофъ запекáнки, остáлись безъ дѣ́ла, то бáтюшка, желáя заня́ть ихъ чѣмъ-нибýдь до ýжина, нáчалъ съ ни́ми разговáривать. — „Ну, что, пріятели,“ спроси́лъ онъ Казакóвъ, „что у васъ на Донý подѣ́лывается?“ — Да ничегó! отвѣчáлъ Казáкъ съ тóлстымъ брюхомъ; всё по прéжнему: пьёмъ, гуля́емъ, весели́мся, пѣ́сенки попѣвáемъ.... — „Попѣвáйте, любéзные“ — продолжáлъ бáтюшка, „попѣвáйте, тóлько Бóга не забывáйте!“

Казаки́ захохотáли, а прикáзный оскáлилъ зýбы, какъ голóдный волкъ, и сказáлъ: — „что объ ѐтомъ говори́ть, сýдарь! Вѣдь ѐто круговáя порýка: мы Егó не пóмнимъ, такъ пускáй и Онъ насъ забýдетъ; было бы винцó да дéнежка, а всё остальнóе трынь-травá!“ Бáтюшка нахмýрился; онъ люби́лъ пожи́ть, попи́ть, побрáжничать; но былъ человѣ́къ благочести́вый и Бóга пóмнилъ. Помолчáвъ нѣ́сколько врéмени, бáтюшка спроси́лъ подъя́чаго, изъ какóго онъ судá? — „Изъ уголóвной палáты, сýдарь,“ отвѣчáлъ съ ни́зкимъ поклóномъ прикáзный. „Ну, что подѣ́лываетъ вашъ предсѣдáтель?“ продолжáлъ бáтюшка А нáдобно вамъ сказáть, господá, что ѐтотъ предсѣдáтель уголóвной палáты былъ сýщій разбóйникъ. „Что подѣ́лываетъ?“ повтори́лъ прикáзный; „да тóже, что и прéжде, сýдарь: слýжитъ вѣ́рой и прáвдою...“ — „Да, да! вѣ́рой и прáвдою!“ подхвати́ли въ оди́нъ гóлосъ всѣ Казаки́. — „А рáзвѣ вы егó знáете?“ спроси́лъ бáтюшка.

— „Какъ же?“ отвѣчáлъ Казáкъ съ сови́нымъ нóсомъ: „мы всѣ егó прiятели, и ждёмъ не дождёмся рáдости, когдá егó высокорóдiе къ намъ въ гóсти пожáлуетъ.“ — Да рáзвѣ онъ хотѣлъ у васъ побывáть? — „И не хóчетъ, да бýдетъ,“ — прервáлъ Казáкъ съ большóю головóю. „Не такъ ли, товáрищи?“

Всѣ гóсти опять засмѣялись, а подъячiй, прищýривъ свои́ кóшачьи глазá, прибáвилъ съ лукáвой усмѣшкою: „конéчно, прiѣхать-то, прiѣдетъ, а нéчего сказáть, тяжёлъ на подъёмъ! Мѣсяцъ томý назáдъ совсѣмъ ужъ въ повóзку сади́лся, да раздýмалъ.“

— Какъ такъ? вскричáлъ бáтюшка; — да мѣсяцъ томý назáдъ онъ при́-смерти былъ бóленъ.

— Вотъ тó-то и есть, сýдарь! По э́тому-то сáмому резóнту[16]) онъ бы́ло совсѣмъ и собрáлся въ дорóгу.

— А, понимáю, прервáлъ бáтюшка — вѣрно докторá совѣтовали емý ѣхать тудá, гдѣ потеплѣе?

— Разумѣется! — подхвати́ли съ грóмкимъ хóхотомъ Казаки́: — вѣдь у насъ за теплóмъ дѣло не стáнетъ[17]): грѣйся скóлько хóчешь.

Этотъ безпрестáнный и безпýтный хóхотъ гостéй, ихъ отврати́тельныя хáри, а пýще всегó двусмы́сленныя рѣчи, въ которыхъ бы́ло чтó-то нечи́стое и лукáвое, весьмá не понрáвились бáтюшкѣ; но дѣлать бы́ло нéчего: зазвáлъ гостéй, такъ угощáй! Желáя какъ мóжно скорѣе отвязáться отъ таки́хъ собесѣдниковъ, онъ закричáлъ, чтобы подавáли ýжинать. Не прошлó получасá, какъ столъ ужé былъ накры́тъ, кýшанье постáвлено, и буты́лки съ нали́вкою и винограднымъ винóмъ внесены́ въ кóмнату: а всё хлопотáлъ и суети́лся оди́нъ Андрéй. Нѣсколько разъ бáтюшка хотѣлъ спроси́ть егó, кудá подѣвáлись другíе лю́ди; но вся́кiй разъ какъ нарóчно ктó-нибудь изъ гостéй развлекáлъ егó свои́ми разговóрами, котóрые часъ-óтъ-часу станови́лись забáвнѣе. Казаки́ разскáзывали емý про своё удальствó и молодéчество, а прикáзный про плýтни свои́хъ товáрищей и кáзусныя дѣлá уголóвной палáты. Мáло по мáлу они́ успѣли такъ заня́ть бáтюшку, что онъ, садя́сь съ ни́ми за столъ, позабы́лъ дáже помоли́ться Бóгу. За ýжиномъ бáтюшка ничегó не кýшалъ; но не желáя отставáть отъ гостéй, онъ вы́пилъ четы́ре буты́лки винá и двѣ буты́лки нали́вки — э́то ещё не дикóвинка: покóйный мой бáтюшка пить былъ здорóвъ, и отъ полдю́жины буты́локъ не свали́лся бы со стýла! Да тóлько вотъ что бы́ло чýдно: казáлось, гóсти пи́ли вдвóе противъ негó, а изъ приготóвленныхъ шести́ буты́локъ винá и четырёхъ нали́вки тóлько шесть стоя́ло пусты́хъ на столѣ, тó есть и́менно то сáмое числó буты́локъ, котóрое вы́пилъ оди́нъ покóйный бáтюшка; онъ ви́дѣлъ, что гóсти наливáли себѣ пóлные стакáны, а буты́лка всегдá доходи́ла до негó почти́ не почáтая. Кáжется, бы́ло чемý[18]) подиви́ться,. и онъ тóчно э́тому удивля́лся — тóлько на другóй день, а за ýжиномъ всё

ѐто казалось ему весьма́ обыкнове́ннымъ. Я ужъ вамъ докла́дывалъ, что мой ба́тюшка здоро́въ былъ пить; но четы́ре буты́лки сантури́нскаго и почти́ штофъ кре́пкой нали́вки хоть кого́ подрумя́нятъ. Вотъ къ концу́ у́жина онъ такъ распотѣшился, что да́же безобра́зныя ли́ца госте́й ста́ли каза́ться ему́ милови́дными, и онъ ра́за два принима́лся обнима́ть прика́знаго и перецѣлова́лъ всѣхъ Казако́въ. Часъ-о́тъ-часу рѣчи ихъ станови́лись безпу́тнѣе и наглѣе; они́ разска́зывали про ра́зныя похожде́нія, подшу́чивали надъ духо́вными людьми́, и да́же — стра́шно вы́молвить! — забы́въ, что они́ сидя́тъ за столо́мъ, какъ су́щіе еретики́ и богоотсту́пники, приняли́сь попѣва́ть сра́мныя пѣсни и припля́сывать, си́дя на своихъ сту́льяхъ. Во вся́кое друго́е вре́мя ба́тюшка не потерпѣлъ бы тако́го безчи́нства въ своёмъ до́мѣ; а тутъ сло́вно обморо́ченный, на́чалъ самъ имъ подла́живать, затяну́лъ: „Удала́я голова́, не ходи́ ми́мо сада́" и вошёлъ въ тако́й задо́ръ, что хоть сейча́съ въ прися́дку. Межъ тѣмъ Казаки́, наску́чивъ ора́ть во всё го́рло, приняли́сь дѣлать ра́зныя шту́ки: оди́нъ заговори́лъ брю́хомъ, друго́й проглоти́лъ большо́е блю́до съ хлѣбеннымъ, а тре́тій ухвати́лъ себя́ за́-носъ, сорва́лъ го́лову съ плечъ и на́чалъ е́ю игра́ть какъ мя́чикомъ. Чтожъ, вы ду́маете, ба́тюшка испуга́лся? Нѣтъ, всё ѐто каза́лось ему́ о́чень заба́внымъ, и онъ такъ и валя́лся со́-смѣху. — „Эге́!" — вскрича́лъ подъя́чій — „да вонъ тамъ, на послѣднемъ окнѣ стои́тъ ника́къ[19]) запа́сная буты́лочка съ нали́вкою: нельзя́ ли её прикомандирова́ть сюда́? Да не встава́й, хозя́инъ; я и такъ её доста́ну" — примо́лвилъ онъ, вытя́гивая ру́ку чрезъ всю ко́мнату.

— Ого́! Кака́я у тебя́ ручи́ща-то, пріятель! закрича́лъ съ гро́мкимъ хо́хотомъ ба́тюшка: арши́нъ въ пять! Не да́ромъ же говоря́тъ, что у прика́зныхъ ру́ки дли́нны...

— Да, за то па́мять коротка́, — прерва́лъ оди́нъ изъ Казако́въ.

— А вотъ увидите! продолжа́лъ подъя́чій, поста́вивъ буты́лку посреди́ стола́. „Не бо́сь[20]) вы забы́ли, чьё на́до пить здоро́вье, а я такъ по́мню: начнёмъ съ мла́дшихъ! Ну́-ка, бра́тцы, хва́тимъ по ча́ркѣ за всѣхъ прика́зныхъ пройдо́хъ, за канцеля́рскихъ молодцо́въ, за удалы́хъ подъя́чихъ съ при́писью[21]). Чтобы имъ весь вѣкъ черни́ла пить, бума́гой заку́сывать; чтобы они́ поча́ще умира́ли да порѣже ка́ялись!...

— Что́ ты, что́ ты? проговори́лъ ба́тюшка, задыха́ясь со́-смѣху; — да ѐтакъ у насъ всѣ суды́ опустѣютъ.

— И[22]), хозя́инъ, о чёмъ хлопо́чешь! продолжа́лъ прика́зный, налива́я стака́ны; бы́ло бы то́лько боло́то, а че́рти заведу́тся. Ну́-ка за мной — ура́! — Вы́пили? — закрича́лъ Каза́къ съ крючкова́тымъ но́сомъ; — такъ хлебнёмъ же тепе́рь по одно́й за здоро́вье на́шего старша́го. Кто ста́нетъ съ на́ми пить, тотъ нашъ; а кто нашъ, тотъ его́!

— А какъ зовýтъ вáшего старшинý? — спросúлъ бáтюшка, принимáясь за стакáнъ.

— Чтó тебѣ́ до егó úмени! сказáлъ Казáкъ съ большóй головóю. Говорú тóлько за нáми: да здрáвствуетъ тотъ, кто изъ рабóвъ хотѣ́лъ сдѣ́латься господúномъ, и хоть сидѣ́лъ высокó, а упáлъ глубокó, да не тýжитъ.

— Но кто же онъ такóй?

— Кто нашъ отéцъ и командúръ? продолжáлъ Казáкъ. Мáло ли что о нёмъ толкýютъ! Говорятъ, что онъ любитъ мракъ и называетъ егó свѣ́томъ, такъ чтожъ? Для ýмнаго человѣ́ка и потёмки свѣтъ. Разскáзываютъ тáкже, бýдто бы онъ жáлуетъ - Содóмъ, Гомóръ и всякую безпорядицу для тогó дúскать, чтобъ въ мýтной водѣ́ рыбу ловúть; да э́то всё бáбьи сплéтни. Нашъ господúнъ — бáринъ предóбрый; емý служúть легкó: садúсь за столъ не крестясь, ложúсь спать не помолясь; пей, веселúсь, забавляйся, да не вѣрь томý, что печáтаютъ подъ тúтлами [23]), вотъ и вся слýжба. Ну что! Вѣдь не житьé, а мáсляница, — не прáвда ли?

Какъ ни былъ хмѣлёнъ бáтюшка, однáкожъ призадýмался. — „Я чтó-то въ толкъ не берý“, сказáлъ онъ.

— А вотъ какъ вы́пьешь, такъ поймёшь, прервáлъ подъячій. Ну, брáтцы, рáзомъ! Да здрáвствуетъ нашъ отéцъ и командúръ!

Всѣ гóсти кромѣ бáтюшки осушúли свой стакáны.

— Ба, ба, ба, хозяинъ! — закричáлъ подъячій, да чтожъ ты не пьёшь?

— Нѣтъ, любéзный! — отвѣчáлъ бáтюшка, — я и такъ ужъ пилъ довóльно, не хочý!

— Да что съ тобóю сдѣ́лалось? спросúлъ тóлстый Казáкъ; о чёмъ ты задýмался? Эй, товáрищи! Нáдо развеселúть хозяина. Не поплясáть ли намъ?

— А что, въ сáмомъ дѣ́лѣ! подхватúлъ прикáзный: — мы посидѣ́ли довóльно, — не хýдо промяться, а то вѣдь э́такъ пожáлуй и нóги затекýтъ.

— Плясáть — такъ плясáть! закричáли всѣ гóсти.

Такъ постóйте же, любéзные! сказáлъ бáтюшка, вставáя: я велю позвáть моегó гуслиста.

— Зачѣ́мъ? прервáлъ подъячій: — у насъ и своя мýзыка найдётся. Гей, вы — начинáй!

Вдругъ за пéчкою поднялáсь ужáсная возня́, запищáли гудкú, рожкú и всякіе другíе инструмéнты; загремѣ́ли бýбны и тарéлки; потóмъ послы́шались человѣ́ческіе голосá; цѣ́лый хоръ пѣсельниковъ засвистáлъ [24]), загáркалъ, да какъ хвáтитъ плясовýю, и пошлá потѣ́ха!

— Нý-ка хозяинъ! проговорúлъ Казáкъ съ красновáтымъ нó-

сомъ, уставивъ на батюшку свои зелёные глаза: — посмотримъ твоей удали!

— Нѣтъ! — сказалъ батюшка, начиная понимать какъ будто бы сквозь сонъ, что дѣло становится не ладно. Забавляйтесь себѣ, сколько угодно, а я плясать не стану.

— Не станешь? заревѣлъ толстый Казакъ. А вотъ увидимъ! — Всѣ гости вскочили съ своихъ мѣстъ.

Покойнаго батюшку начала бить лихорадка, — да и было отъ чего: вмѣсто четырёхъ, хотя и не красивыхъ, но обыкновенныхъ людей, стояли вокругъ него четыре пугала такого огромнаго роста, что когда они вытягивались, то отъ ихъ головъ трещалъ потолокъ въ комнатѣ. Лица ихъ не перемѣнились, но только сдѣлались ещё безобразнѣе.

— Не станешь! — повторилъ ухмыляясь насмѣшливо подъячій. Полно ломаться-то [25], пріятель! И почище тебя съ нами плясывали, да ещё посторонніе; а вѣдь ты нашъ.

— Какъ вашъ? сказалъ батюшка.

— А чей же? Ты человѣкъ грамотный, такъ вѣрно читалъ, что двумъ господамъ служить не можно! а вѣдь ты служишь нашему.

— Да о какомъ ты говоришь господинѣ? — спросилъ батюшка, дрожа, какъ осиновый листъ.

— О какомъ? прервалъ большеголовый Казакъ: вѣстимо, о томъ, о которомъ я тебѣ говорилъ за ужиномъ. Ну вотъ тотъ, котораго слуги ложатся спать не молясь, садятся за столъ не перекрестясь, пьютъ, веселятся, да не вѣрятъ тому, что печатаютъ подъ титлами.

— Да чтожъ онъ мнѣ за господинъ? промолвилъ батюшка, всё ещё не понимая порядкомъ, о чёмъ идётъ дѣло.

— Эге, пріятель! подхватилъ подъячій: — да ты никакъ сталъ отнѣкиваться и чинить [26] запирательство? Нѣтъ, любезнѣйшій, отъ насъ не отвертишься! Коли ты исполняешь волю нашего господина, такъ какъ же ты ему не слуга? А вспомни-ка хорошенько, молился ли ты сегодня, когда прилёгъ соснуть? Перекрестился ли, садясь ужинать? Не пилъ ли ты, не веселился ли съ нами вдоволь! А часа полтора тому назадъ, когда ты прочёлъ вонъ въ этой книгѣ слово: „нашъ еси, Исакій, да воспляшешь съ нами!“ что? развѣ ты этому повѣрилъ?

Вся кровь застыла въ жилахъ у батюшки. Вдругъ какъ будто сняли съ глазъ его повязку, хмѣль соскочилъ и всё сдѣлалось для него яснымъ. — „Господи Боже мой!...“ проговорилъ онъ, стараясь оградить себя крестнымъ знаменіемъ, — да не тутъ-то было! Рука не поднималась, пальцы не складывались, но за то ужъ ноги такъ и пошли писать! Сначала онъ одинъ отхваталъ голубца [27] съ вывертами да вычурами такими, что и сказать нельзя; а тамъ гости подцѣпили его, да и ну [28] надъ нимъ потѣшаться. Покойникъ, расскaзывая мнѣ объ этомъ, всегда дивился, какъ у него

душа́ въ тѣлѣ оста́лась. Онъ по́мнилъ только одно́, какъ ко́мната напо́лнилась огнёмъ и ды́момъ, какъ его́ перебра́сывали изъ рукъ въ ру́ки, игра́ли имъ въ сва́йку, спуска́ли какъ волчо́къ, какъ онъ кувы́ркался по во́здуху, би́лся о потоло́къ, вертѣ́лся юло́ю на ма́ковкѣ; и какъ наконе́цъ, протанцова́въ на головѣ́ казачка́, онъ совсѣ́мъ обезпа́мятѣлъ.

Когда́ ба́тюшка очну́лся, то уви́дѣлъ, что лежи́тъ на канапе́, и что вокру́гъ его́ стоя́тъ и суетя́тся его́ слу́ги. — „Ну что?“ прошепта́лъ онъ торопли́во и погля́дывая вокру́гъ себя́ какъ полоу́мный — „ушли́ ли они́?“

— Кто, су́дарь? спроси́лъ оди́нъ изъ лаке́евъ.

— Кто! — повтори́лъ ба́тюшка съ нево́льнымъ содрога́нiемъ; — кто!.. Ну вотъ э́ти Казаки́ и прика́зный...

— Какiе, су́дарь, Казаки́ и прика́зный? прерва́лъ буфе́тчикъ Ѳома́. Да сего́дня никаки́хъ госте́й не́-было, и вы не изво́лили у́жинать. Ужъ я дожида́лся, дожида́лся; и какъ вошёлъ къ вамъ въ ко́мнату, такъ ви́дѣлъ, что вы лежи́те на полу́, всѣ въ поту́, изо́рванные, растрёпанные и такiе блѣ́дные, какъ бу́дто бы, не при васъ будь сло́во ска́зано, — кове́ркала васъ кака́я-нибу́дь чёрная не́мочь.

— Такъ у меня́ сего́дня госте́й не́-было? сказа́лъ ба́тюшка, приподнима́ясь съ трудо́мъ не́мочи.

— Не́-было, су́дарь.

— Да неуже́ли я ви́дѣлъ всё э́то во снѣ?... Да, нѣтъ, быть не мо́жетъ! — продолжа́лъ ба́тюшка, о́хая и похва́тывая себя́ за бока́! — а ко́сти-то почему́ у меня́ такъ перемя́ты? А э́ти двѣ свѣчи́? Кто ихъ на столъ поста́вилъ?

— Не зна́ю, отвѣча́лъ буфе́тчикъ; — ви́дно вы са́ми изво́лили ихъ зажѐчь, да не по́мните съ просо́нья.

— Ты врёшь, закрича́лъ ба́тюшка: — я по́мню, ихъ принёсъ Андре́й; онъ и на столъ накрыва́лъ и ку́шанье подава́лъ.

Всѣ люди посмотрѣ́ли другъ на дру́га съ примѣ́тнымъ у́жасомъ. Ва́нька гусли́стъ хотѣ́лъ бы́ло что́-то сказа́ть, но заикну́лся и не вы́говорилъ ни сло́ва.

— Ну чтожъ вы, дурачьё, рты-то рази́нули? продолжа́лъ ба́тюшка. Говоря́тъ вамъ, что у меня́ бы́ли го́сти, и что Андре́й служи́лъ за столо́мъ.

— Поми́луйте, су́дарь! сказа́лъ буфе́тчикъ Ѳома́, — иль вы изво́лили забы́ть, что Андре́й о́коло недѣ́ли лежи́тъ больно́й въ горячкѣ.

— Такъ ви́дно ему́ сдѣ́лалось лу́чше. Онъ ро́вно въ де́сять часо́въ былъ здѣсь. Да что тутъ толкова́ть! Позови́те ко мнѣ Андре́я! гдѣ онъ?

— Вы изво́лите спра́шивать, гдѣ Андре́й? проговори́лъ наконе́цъ Ва́нька гусли́стъ.

— Ну да! гдѣ онъ?

— Въ избѣ, сударь! лежи́тъ на столѣ.

— Что ты говори́шь? вскрича́лъ ба́тюшка. — Андре́й Степа́новъ?

— Приказа́лъ вамъ до́лго жить, — прерва́лъ дворе́цкой, входя́ въ ко́мнату.

— Онъ у́меръ!...

— Да, су́дарь! Ро́вно въ 10 часо́въ.

Кольчу́гинъ замолча́лъ. — „Ну, по́длинно дико́винный слу́чай!“ сказа́лъ Аса́новъ; „и е́сли твой оте́цъ не люби́лъ кра́снаго словца́ приба́вить....“

— Терпѣ́ть не могъ, ба́тюшка! Онъ во всёмъ уѣ́здѣ слылъ таки́мъ правду́хою [29]), что псо́вые охо́тники не смѣ́ли при нёмъ о свои́хъ отъѣ́зжихъ поля́хъ и борзы́хъ соба́кахъ и слове́чка вы́молвить.

— Да чтожъ тутъ стра́ннаго? прерва́лъ Зару́цкій. — вашъ ба́тюшка заспа́лся, не по́мнилъ, что зажёгъ двѣ свѣчи́ и ви́дѣлъ про́сто во снѣ то, что за нѣ́сколько мину́тъ чита́лъ на яву́.

— Такъ, су́дарь, такъ! продолжа́лъ Кольчу́гинъ. Да то́лько вотъ что: спустя́ нѣ́сколько вре́мени узна́ли, что дѣйстви́тельно въ э́ту са́мую ночь три Казака́ съ До́ну и прика́зный изъ го́рода проѣзжа́ли черезъ село́, то́лько нигдѣ́ не остана́вливались; и въ томъ же году́, когда́ ста́ли повѣря́ть буты́лки въ по́гребѣ, такъ четырёхъ буты́локъ виногра́днаго вина́ и двухъ буты́локъ нали́вки нигдѣ́ не оказа́лось.

— Да! э́то дово́льно стра́нное стече́ніе обстоя́тельствъ, — сказа́лъ испра́вникъ.

— И всѣ э́тому диви́лись, ба́тюшка! примо́лвилъ Кольчу́гинъ.

— То есть проѣ́зду Казако́въ и подъя́чаго, прерва́лъ Зару́цкій, а что въ по́гребѣ не нашло́сь и нѣ́сколькихъ буты́локъ, такъ э́то дока́зываетъ то́лько одно́, что ключникъ поко́йнаго ва́шего ба́тюшки люби́лъ отвѣ́дать ба́рскаго винца́ и нали́вки, и при семъ удо́бномъ слу́чаѣ свали́лъ всю бѣду́ на безотвѣ́тнаго чёрта. *Заго́скинъ.*

[1]) Снт. Ш. § 41. 1). [2]) Нкл. Снт. ст. 66. [3]) Малороссі́йская пѣ́сня: Во́злѣ плоти́ны на пруду́. [4]) Сокращен. вм. ча́ю, т. е. полага́ю, надѣ́юсь. [5]) Простор. упря́миться. [6]) Снт. Ш. § 47. 4. а). [7]) Смотр. Истор. Лит. § 4. Прим. 5-ое. [8]) Неупотр. вм. неправдоподо́бный. [9]) Простор. не удиви́тельно. [10]) Простор. человѣ́къ худа́го ро́да, происхожде́нія; иногда́ зна́читъ: бѣ́дные и ничѣ́мъ не за́нятые дворя́не. [11]) т. е. рѣчь. [12]) съ соблюде́ніемъ поря́дка, прили́чія. [13]) кото́рые мо́гутъ мно́го пить. [14]) Простор. о́тъ-роду. [15]) причи́на, по́водъ, отъ францу́зскаго сло́ва raison [16]) Нкл. Снт. ст. 187. [17]) не бу́детъ недоста́тка въ теплѣ́. [18]) Снт. Ш. § 44. 3. б). Нкл. Снт. ст. 70. [19]) Снт. Ш. § 74. Прим. 7. Нкл. Снт. ст. 128. Прим. III. [20]) т. е. пожа́луй, чего́ до́браго. [21]) Подъя́чій, скрѣпля́вшій бума́ги по́дписью своего́ и́мени. [22]) Восклица́ніе, означа́ющее удивле́ніе. [23]) Въ церко́вно-славя́нской пи́сьменности ти́тломъ называ́ется знакъ ⌐¬ или ͠ над словами, кото́рыя пи́шутся или печа́таются сокраще́нно; употреби́тельнѣ́йшія же изъ таки́хъ сокраще́ній суть: Бгъ, Гдь, Інсъ, Хртосъ, Трца и други́е т. е. Богъ, Госпо́дь, Іису́съ, Христо́съ, Тро́ица. [24]) Синт. Ш. § 56. 6). 2). [25]) т. е. отнѣ́киваться, отка́зываться. [26]) т. е. твори́ть, дѣ́лать. [27]) Голубе́цъ наро́дная пля́ска. [28]) Зна́читъ: на́чали. [29]) Шутли́вое сло́во, вм. правдолю́бецъ.

35. Дубровскій.

Наканýнѣ прáздника гóсти нáчали съѣзжáться; инне останáвливались въ господскомъ дóмѣ и во флигеляхъ, другіе у прикáщика, трéтьи у свящéнника, четвёртые у зажиточныхъ крестьянъ; конюшни полны были дорóжныхъ лошадей [1]), дворы и сарáи загромождены рáзными экипáжами. Въ 9 часóвъ ýтра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и всё потянýлось къ нóвой кáменной цéркви, построенной Кирилою [2]) Петрóвичемъ и ежегóдно украшáемой его приношéніями. Собралóсь такóе множество почётныхъ богомóльцевъ, что простые крестьяне не моглй помѣстйться въ цéркви и стояли на пáперти и въ оградѣ. Обѣдня не начинáлась: ждáли Кирилу Петрóвича — онъ пріѣхалъ въ коляскѣ шестернёю и торжéственно пошёлъ на своё мѣсто, сопровождáемый Мáрьею Кириловной. Взóры мужчинъ и жéнщинъ обратились на неё — пéрвые удивлялись красотѣ [3]), вторыя со внимáніемъ осмáтривали ея нарядъ. Началáсь обѣдня; домáшніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Петрóвичъ подтягивалъ, молился не смотря ни напрáво, ни налѣво, и съ гóрдымъ смирéніемъ поклонился въ зéмлю, когдá дьяконъ громоглáсно упомянýлъ и о зиждителѣ храма сегó [4]). Обѣдня кóнчилась, Кирила Петрóвичъ пéрвый подошёлъ ко крестý; изъ цéркви пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Всѣ двинулись за нимъ хóромъ, сосѣди подошли къ немý съ почтéніемъ, дáмы окружили Мáшу. Кирила Петрóвичъ, выходя, клáнялся напрáво и налѣво, сѣлъ [5]) въ коляску и отпрáвился домóй. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Кóмнаты напóлнены гостями; поминýтно входили нóвыя лица и на силу моглй пробирáться до хозяина. Бáрыни сѣли чинно полукрýгомъ; мужчины толпились óколо икры и вóдки, съ шýмнымъ разнообрáзіемъ разговáривая между собóю. Въ зáлѣ накрывáли столъ на 80 прибóровъ; слýги суетились, разставляли бутылки и графины, и прилáживали скáтерти. Наконéцъ дворéцкій провозгласилъ: кýшанье постáвлено — и Кирила Петрóвичъ пéрвый вошёлъ садиться [6]) за столъ, за нимъ двинулись дáмы и вáжно зáняли свои мѣстá, наблюдая нѣкоторое старшинствó; бáрышни стѣснились межъ собóю, какъ рóбкое стáдо кóзочекъ, и выбрали себѣ мѣстá однá пóдлѣ другóй; противъ нихъ помѣстились мужчины; на концѣ столá сѣлъ учитель пóдлѣ мáленькаго Сáши. Слýги стáли разносить тарéлки по чинáмъ, въ слýчаѣ недоразумѣнія руковóдствуясь лафатéровскими догáдками, и почти всегдá безошибочно. Звонъ тарéлокъ и лóжекъ слился съ шýмнымъ гóворомъ гостéй.

Кирила Петрóвичъ вéсело обозрѣвáлъ свою трáпезу [7]) и вполнѣ наслаждáлся счáстіемъ хлѣбосóла. Въ это врéмя въѣхала на дворъ коляска, запряжённая шестью лошадьми. Это кто? спросилъ хозяинъ. Антóнъ Пафнýтьичъ, отвѣчáли нѣсколько человѣкъ. Двéри отвори-

лись — и Антóнъ Пафнýтьичъ Спи́цынъ, тóлстый мужчи́на, лѣтъ 50-ти, съ крýглымъ и рябы́мъ лицéмъ, укрáшеннымъ тройны́мъ подборóдкомъ, ввали́лся въ столóвую, клáняясь, улыбáясь и ужé собирáясь извини́ться. „Прибóръ сюдá!" закричáлъ Кири́ла Петрóвичъ, „сади́сь, да скажи́ намъ, что э́то знáчитъ: нé-былъ у моéй[8]) обѣдни и къ обѣду опоздáлъ? Это на тебя́ не похóже: ты и богомóленъ и покýшать лю́бишь." — Виновáтъ, отвѣчáлъ Антóнъ Пафнýтьичъ, привя́зывая салфéтку въ петли́цу горóховаго кафтáна, виновáтъ, бáтюшка Кири́ла Петрóвичъ, а бы́ло[9]) рáно пусти́лся въ дорóгу, да не успѣ́лъ отъѣхать и десяти́ вёрстъ, вдругъ ши́на у перéдняго колесá пополáмъ[10]) — что прикáжешь? Къ счáстію, не далёко бы́ло отъ дерéвни; покá до неи́ дотащи́лись да отыскáли кузнецá, да всё кое-кáкъ улáдили, прошлó рóвно три часá; дѣлать бы́ло нéчего. Ѣхать бли́жнимъ путёмъ чрезъ Кистенёвскій лѣсъ я не осмѣ́лился, а пусти́лся въ объѣздъ... „Эгé!" прервáлъ Кири́ла Петрóвичъ, „да ты, знать, не изъ хрáбраго деся́тка; чегó ты бои́шься?" — Какъ, чегó бою́сь[11]), бáтюшка Кири́ла Петрóвичъ? а Дубрóвскаго-то; тогó и гляди́ попадёшься емý въ лáпы. Онъ, мáлый не прóмахъ, никомý не спýститъ, а съ меня́, пожáлуй, и двѣ шкýры сдерётъ. — „За что жъ, братъ, такóе отли́чіе?"

— Какъ за что, бáтюшка Кири́ла Петрóвичъ? а за тяжбý-то покóйника Андрéя Гаври́ловича. Не я ли, въ удовóльствіе вáше, т. е. по сóвѣсти и по справедли́вости, показáлъ, что Дубрóвскіе владѣ́ютъ Кистенёвкою безъ вся́каго на то прáва, а еди́нственно по снисхождéнію вáшему, и покóйникъ (цáрство емý небéсное!) обѣщáлъ со мнóю посвóйски перевѣ́даться, а сынóкъ, пожáлуй, сдéржитъ слóво бáтюшкино. Досéлѣ Богъ ми́ловалъ, всего-нá-все разгрáбили у меня́ оди́нъ амбáръ, да тогó и гляди́ до усáдьбы доберётся. — „А въ усáдьбѣ-то бýдетъ имъ раздóлье, замѣ́тилъ Кири́ла Петрóвичъ; я — чай, крáсная шкатýлка полны́мъ-полнá[12])." — Хýдо, бáтюшка Кири́ла Петрóвичъ; былá полнá, а ны́нче совсѣ́мъ опустѣ́ла! — „Пóлно врать, Антóнъ Пафнýтьичъ. Знáемъ мы васъ; кудá тебѣ́ дéньги трáтить? дóма живёшь свинья́-свиньéй[13]), никогó не принимáешь, свои́хъ мужикóвъ обдирáешь — знай[14]) — кóпишь да и тóлько." — Вы всё извóлите шути́ть, бáтюшка Кири́ла Петрóвичъ, пробормотáлъ Антóнъ Пафнýтьичъ, улыбáясь, а мы ей-Бóгу разори́лись — и Антóнъ Пафнýтьичъ сталъ заѣдáть бáрскую шýтку хозя́ина жи́рнымъ кускóмъ кулебя́ки. Кири́ла Петрóвичъ остáвилъ егó и обрати́лся къ нóвому испрáвнику, въ пéрвый разъ къ немý въ гóсти пріѣ́хавшему и сидѣ́вшему на другóмъ концѣ́ столá пóдлѣ учи́теля.

„Нý-ка, господи́нъ испрáвникъ, докажи́ намъ своё удальствó: поймáй намъ Дубрóвскаго."

Испрáвникъ стрýсилъ, поклони́лся, улыбнýлся, заикнýлся и произнёсъ наконéцъ: постарáемся, вáше превосходи́тельство

„Гмъ! постара́емся. Давно́ стара́етесь, а про́ку всё-таки нѣтъ."

— Су́щая пра́вда, ва́ше превосходи́тельство, отвѣча́лъ соверше́нно смути́вшійся испра́вникъ.

Го́сти захохота́ли.

„Люблю́ молодца́ за и́скренность, сказа́лъ Кири́ла Петро́вичъ. А жаль поко́йнаго испра́вника Тара́са Алексѣ́евича: кабы не сожгли́ его́, такъ въ около́дкѣ бы́ло бы ти́ше. А что слы́шно про Дубро́вскаго? Гдѣ́ его́ ви́дѣли въ послѣ́дній разъ?"

— У меня́, Кири́ла Петро́вичъ, пропища́лъ то́лстый да́мскій го́лосъ; въ про́шлый вто́рникъ обѣ́далъ онъ у меня́.

Всѣ́ взо́ры обрати́лись на Анну Са́вишну Гло́бову, дово́льно просту́ю вдову́, всѣ́ми люби́мую за хлѣбосо́льство. Всѣ́ съ любопы́тствомъ пригото́вились услы́шать ея́ разска́зъ.

— „На́добно знать, что тому́ три недѣ́ли посла́ла я прика́щика на по́чту съ письмо́мъ для моего́ Ваню́ши. Сы́на я не балу́ю, да и не въ состоя́ніи балова́ть, хотя́ бы и хотѣ́ла; одна́ко са́ми изво́лите знать, офице́ру гва́рдіи ну́жно содержа́ть себя́ прили́чнымъ о́бразомъ, и я съ Ваню́шей дѣ́люсь, какъ могу́, мои́ми дохо́дишками. Вотъ и посла́ла ему́ 2000 рубле́й, хоть Дубро́вскій не разъ приходи́лъ мнѣ́ въ го́лову, да ду́маю: го́родъ бли́зко, всего́ семь вёрстъ, аво́сь Богъ пронесётъ. Смотрю́, ве́черомъ мой прика́щикъ возвраща́ется, блѣ́денъ, obо́рванъ и пѣ́шъ [15]). Я такъ и а́хнула. Что тако́е? что съ тобо́ю сдѣ́лалось? Онъ мнѣ́: — ма́тушка Анна Са́вишна, разбо́йники огра́били, самого́ чуть не уби́ли. Самъ Дубро́вскій былъ тутъ, хотѣ́лъ повѣ́сить меня́, да сжа́лился и отпусти́лъ; за то всего́ обобра́лъ, отня́лъ и ло́шадь и телѣ́гу. — Я обмерла́: Царь мой небе́сный! что бу́детъ съ мои́мъ Ваню́шею? Дѣ́лать не́чего; написа́ла я своё письмо́, разсказа́ла всё и посла́ла ему́ своё благослове́ніе безъ гроша́ де́негъ.

„Прошла́ недѣ́ля, друга́я. Вдругъ въѣзжа́етъ ко мнѣ́ на дворъ коля́ска. Како́й-то генера́лъ про́ситъ со мно́ю увидѣ́ться; ми́лости про́симъ. Вхо́дитъ ко мнѣ́ человѣ́къ лѣтъ 35-ти, сму́глый, черноволо́сый, въ уса́хъ, въ бородѣ́, су́щій портре́тъ Ку́льнева, рекоменду́ется мнѣ́ какъ другъ и сослужи́вецъ поко́йнаго му́жа Ива́на Андре́евича; онъ-де ѣ́халъ ми́мо и не могъ не заѣ́хать къ его́ вдовѣ́, зна́я, что я тутъ живу́. Я угости́ла его́, чѣмъ Богъ посла́лъ, разговори́лась о томъ о се́мъ, наконе́цъ и о Дубро́вскомъ. Я разсказа́ла ему́ своё го́ре. Генера́лъ мой нахму́рился. „Это стра́нно, сказа́лъ онъ: я слыха́лъ, что Дубро́вскій напада́етъ не на вся́каго, а на извѣ́стныхъ богаче́й, да и тутъ дѣ́лится съ ни́ми, а не гра́битъ до́-чиста. А въ убі́йствахъ никто́ его́ не обвиня́етъ; нѣтъ ли тутъ плу́тни? Прикажи́те-ка позва́ть ва́шего прика́щика." Пошли́ за прика́щикомъ. Онъ яви́лся. То́лько-что уви́дѣлъ генера́ла, онъ такъ и остолбенѣ́лъ.

Разскажи-ка мнѣ, брáтецъ, какимъ óбразомъ Дубрóвскій тебя ограбилъ и какъ онъ хотѣлъ тебя повѣсить? Прикáщикъ мой задрожáлъ и повалился генерáлу въ нóги. Бáтюшка, виновáтъ; грѣхъ попýталъ — солгáлъ. Коли такъ, отвѣчáлъ генерáлъ, такъ извóль же разсказáть бáрынѣ, какъ всё дѣло случилось, а я послýшаю. Прикáщикъ не могъ опóмниться. Ну, чтó-же, продолжáлъ генерáлъ, разскáзывай, гдѣ ты встрѣтился съ Дубрóвскимъ? — У двухъ сóсенъ, бáтюшка, у двухъ сóсенъ. Чтó же сказáлъ онъ тебѣ? Онъ спросилъ у меня: чей ты, кудá ѣдешь, зачѣмъ? Ну а пóслѣ? А пóслѣ потрéбовалъ онъ письмó и дéньги. Ну я отдáлъ емý письмó и дéньги. А онъ? Ну — а онъ — бáтюшка, виновáтъ. Ну, что же онъ сдѣлалъ? Онъ возвратилъ мнѣ дéньги и письмó да сказáлъ: ступáй себѣ съ Бóгомъ, отдáй э́то на пóчту. Ну! бáтюшка, виновáтъ. Я съ тобóю, голýбчикъ, упрáвлюсь, сказáлъ грóзно генерáлъ. А вы, судáрыня, прикажите обыскáть сундýкъ э́того мошéнника и отдáйте егó мнѣ нá-руки, а я егó проучý. — Я догадáлась, кто былъ егó превосходительство; нéчего мнѣ было съ нимъ толковáть. Кучерá привязáли прикáщика къ кóзламъ коляски; дéньги нашли; генерáлъ у меня отобѣдалъ, потóмъ тóтчасъ уѣхалъ и увёзъ съ собóю прикáщика. Прикáщика моегó нашли на другóй день въ лѣсý, привязаннаго къ дýбу и обóдраннаго какъ липку.“

Всѣ слýшали мóлча разскáзъ Анны Сáвишны, осóбенно бáрышни. Мнóгія изъ нихъ втáйнѣ доброжелáтельствовали Дубрóвскому, видя въ нёмъ герóя романическаго, осóбенно Мáрья Кириловна, пылкая мечтáтельница, напитанная таинственными ýжасами Радклифъ [16]).

И ты, Анна Сáвишна, полагáешь, что у тебя былъ самъ Дубрóвскій? спросилъ Кирила Петрóвичъ. Очень же ты ошиблась. Не знáю, кто былъ у тебя въ гостяхъ, а тóлько не Дубрóвскій.

— Какъ, бáтюшка, не Дубрóвскій? да кто же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорóгу и стáнетъ останáвливать прохóжихъ, да ихъ осмáтривать?

— Не знáю, а ужé вѣрно не Дубрóвскій. Я пóмню егó ребёнкомъ, не знáю, почернѣли ль у негó вóлосы, а тогдá былъ онъ кудрявой, бѣлокýренькой мáльчикъ; но знáю навѣрное, что Дубрóвскій пятью годáми стáрше моéй Мáши, и что, слѣдственно, емý не 35 лѣтъ, а около 23.

— Тóчно такъ, вáше превосходительство, провозгласилъ исправникъ, у меня въ кармáнѣ и примѣты Владиміра Дубрóвскаго. Въ нихъ тóчно скáзано, что емý óтъ-роду 23 г.

„А! сказáлъ Кирила Петрóвичъ, кстáти: прочтите-ка, а мы послýшаемъ; не хýдо намъ знать егó примѣты; авóсь въ глазá попадётся, такъ не вывернется.“ Исправникъ вынулъ изъ кармáна довóльно замáранный листъ бумáги, развернýлъ егó съ жáдностію и сталъ читáть на распѣвъ: Примѣты Дубрóвскаго, состáвленныя по скáзкамъ [17]) бывшихъ егó дворóвыхъ людéй:

Отъ-роду 24 гóда, рóста срéдняго, лицóмъ чистъ, бóроду брѣетъ, глазá имѣетъ кáріе, вóлосы рýсые, носъ прямóй. Примѣты осóбыя: таковы́хъ не оказáлось.

„И тóлько?“ сказáлъ Кири́ла Петрóвичъ.

— Тóлько, отвѣчáлъ исправникъ, склáдывая бумáгу.

„Поздравля́ю, г-нъ исправникъ. Ай да бумáга! По э́тимъ примѣтамъ не мудренó бýдетъ вамъ отыскáть Дубрóвскаго! Да кто же не срéдняго рóста, у когó не рýсые вóлосы, не прямóй носъ, да не кáріе глазá? Бьюсь объ заклáдъ: три часá сря́ду бýдешь говори́ть съ сами́мъ Дубрóвскимъ, а не догадáешься, съ кѣмъ Богъ тебя́ свёлъ. Нéчего сказáть, ýмныя голóвушки — прикáзные!“ Исправникъ смирéнно положи́лъ въ кармáнъ свою́ бумáгу, мóлча принялся за гýся съ капýстой; между тѣмъ слýги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти́ гостéй, наливáя кáждому егó рю́мку. Нѣсколько буты́локъ гóрскаго и цымля́нскаго [18]) грóмко бы́ли откýпорены и при́няты благосклóнно подъ и́менемъ шампáнскаго; ли́ца начинáли рдѣть, разговóры станови́лись звóнче, невня́тнѣе и веселѣе.

„Нѣтъ, продолжáлъ Кири́ла Петрóвичъ, ужъ не видáть намъ такóго исправника, какóвъ былъ покóйникъ Тарáсъ Алексѣевичъ! Этотъ [19]) былъ не прóмахъ, не рози́ня. Жаль, что сожгли́ молодцá, а то бы отъ негó не ушёлъ ни оди́нъ человѣкъ изъ всей шáйки. Онъ всѣхъ бы до еди́наго переловилъ, да и самъ Дубрóвскій бы не вы́вернулся. Тарáсъ Алексѣевичъ дéньги съ негó взять-то бы взялъ, да и самогó не вы́пустилъ. Такóвъ былъ обы́чай у полкóвника. Дѣлать нéчего, ви́дно, мнѣ вступи́ться въ э́то дѣло, да пойти́ на разбóйниковъ съ моими домáшними. На пéрвый слýчай отряжý человѣкъ двáдцать, такъ они́ и очи́стятъ воровскýю рóщу; нарóдъ не трусли́вый, кáждый въ одинóчку на медвѣдя хóдитъ; отъ разбóйниковъ не попя́тится.“ — Здорóвъ ли вашъ медвѣдь, бáтюшка Кири́ла Петрóвичъ? сказáлъ Антóнъ Пафнýтьичъ, вспóмня при сихъ словáхъ о своёмъ космáтомъ знакóмцѣ и о нѣкоторыхъ шýткахъ, кои́хъ и онъ былъ когдá-то жéртвою.

„Ми́ша приказáлъ дóлго жить, отвѣчáлъ Кири́ла Петрóвичъ, ýмеръ, слáвною смéртью отъ руки́ непріятеля. Вонъ егó побѣди́тель!“ Кири́ла Петрóвичъ указáлъ на учителя Францýза; „онъ отомсти́лъ за твою́ ..... съ позволéнія сказáть ..... пóмнишь?“

— Какъ не пóмнить? сказáлъ Антóнъ Пафнýтьичъ, почéсываясь, óчень пóмню. Такъ Ми́ша ýмеръ — жаль Ми́ши, ей-Бóгу, жаль! какóй былъ забáвникъ! какóй ýмница! э́такаго медвѣдя другáго не сы́щешь. Да зачѣмъ мусьё уби́лъ егó?

Кири́ла Петрóвичъ съ вели́кимъ удовóльствіемъ сталъ разскáзывать пóдвигъ своегó Францýза, ибо имѣлъ счастли́вую спосóбность тщеслáвиться всѣмъ, что тóлько ни окружáло егó. Гóсти со вни-

мáніемъ слýшали пóвѣсть о мишиной смéрти и съ изумлéніемъ посмáтривали на Дефóржа, котóрый, не подозрѣвáя, что разговóръ шéлъ о егó хрáбрости, спокóйно сидѣлъ на своёмъ мѣстѣ и дѣлалъ нрáвственныя замѣчáнія рѣзвому своемý воспитаннику.

Обѣдъ, продолжáвшійся около трёхъ часóвъ, кóнчился; хозяинъ положилъ салфéтку на столъ; всѣ встáли и пошли въ гостиную, гдѣ ожидáлъ ихъ кóфей, кáрты и продолжéніе попóйки, столь слáвно начáтой въ столóвой.

Около семи часóвъ вéчера нѣкоторые гóсти хотѣли ѣхать, но хозяинъ, развеселясь отъ пýншу, приказáлъ заперéть воротá и объявилъ, что до слѣдующаго ýтра никогó со дворá не выпустить. Скóро загремѣла мýзыка, двéри въ зáлу отворились — и балъ завязáлся. Хозяинъ и егó приближённые сидѣли въ углý, выпивáя стакáнъ за стакáномъ и любýясь весёлостію молодёжи.

Старýшки игрáли въ кáрты. Кавалéровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартирýетъ какóй-нибудь улáнской бригáды, было мéнѣе, нéжели дамъ; всѣ мужчины, гóдные для тáнцевъ, были завербóваны. Учитель между всѣми отличáлся; всѣ бáрышни выбирáли егó и находили, что съ нимъ óчень лóвко вальсировáть. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Мáрьей Кириловной, и бáрышни насмѣшливо за ними примѣчáли. Наконéцъ, óколо полýночи, устáлый хозяинъ прекратилъ тáнцы, приказáлъ давáть ýжинать, и самъ отпрáвился спать.

Отсýтствіе Кирила Петрóвича придáло óбществу бóлѣе свобóды и живости, кавалéры осмѣлились занять мѣсто подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешёптывались съ своими сосѣдями; дáмы грóмко разговáривали черезъ столъ. Мужчины пили, спóрили и хохотáли; слóвомъ ýжинъ былъ чрезвычáйно вéселъ, и остáвилъ по себѣ мнóго пріáтныхъ воспоминáній.

Одинъ тóлько человѣкъ не учáствовалъ въ óбщей рáдости. Антóнъ Пафнýтьичъ сидѣлъ пáсмуренъ и молчаливъ на своёмъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казáлся чрезвычáйно безпокóенъ. Разговóры разбóйническіе взволновáли егó воображéніе. Мы скóро увидимъ, что онъ имѣлъ достáточную причину ихъ опасáться. Антóнъ Пафнýтьичъ, призывáя Гóспода въ свидѣтели въ томъ, что крáсная шкатýлка былá пустá, не лгалъ и не согрѣшилъ; крáсная шкатýлка тóчно былá пустá: нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнáціи перешли въ кóжаную сумý, котóрую носилъ онъ на груди подъ рубáшкой. Сéю тóлько предосторóжностію успокóивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Бýдучи принуждёнъ остáться ночевáть въ чужóмъ дóмѣ, онъ боялся, чтобъ не отвели емý ночлéга гдѣ-нибудь въ уединённой кóмнатѣ, кудá легкó могли забрáться вóры; онъ искáлъ глазáми надёжнаго товáрища, и выбралъ наконéцъ Дефóржа.

Его́ нару́жность, облича́ющая си́лу, и пу́ще хра́брость, имъ ока́занная при встрѣ́чѣ съ медвѣ́демъ, о ко́емъ бѣ́дный Анто́нъ Пафну́тьичъ не могъ вспо́мнить безъ содрога́нія, рѣши́ли [20]) его́ вы́боръ. Когда́ вста́ли изъ-за стола́, Анто́нъ Пафну́тьичъ сталъ вертѣ́ться о́коло молода́го Франццу́за, покря́кивая и отка́шливаясь, и наконе́цъ обрати́лся къ нему́ съ изъясне́ніемъ.

„Гмъ, гмъ! нельзя́ ли, мусьё, переночева́ть мнѣ́ въ ва́шей кону́ркѣ, потому́-что, изво́лишь ви́дѣть....“

— Que desire monsieur [21])? спроси́лъ Дефо́ржъ, учти́во ему́ поклони́вшись.

„Эхъ, бѣда́! ты, мусьё, пору́сски ещё не вы́учился. Же ве, муа ше ву куше, понима́ешь ли!“

— Monsieur, vous n'avez qu' à ordonner [22]), отвѣча́лъ Дефо́ржъ.

Анто́нъ Пафну́тьичъ, о́чень дово́льный свои́ми свѣ́дѣніями во францу́зскомъ языкѣ́, пошёлъ то́тчасъ распоряжа́ться. Го́сти ста́ли проща́ться между собо́ю, и ка́ждый отпра́вился въ ко́мнату, ему́ назна́ченную, а Анто́нъ Пафну́тьичъ пошёлъ съ учи́телемъ во фли́гель. Ночь была́ тёмная. Дефо́ржъ освѣща́лъ доро́гу фонарёмъ; Анто́нъ Пафну́тьичъ шёлъ за нимъ дово́льно бо́дро, прижима́я и́зрѣдка къ груди́ потаённую суму́, дабы́ удостовѣ́риться, что де́ньги его́ ещё при нёмъ. Пришёдъ во фли́гель, учи́тель засвѣти́лъ свѣчу́, и о́ба ста́ли раздѣва́ться; между-тѣмъ Анто́нъ Пафну́тьичъ похаживалъ по ко́мнатѣ, осма́тривая замки́ и о́кна, и кача́я голово́ю при сёмъ неутѣши́тельномъ осмо́трѣ. Двѣ́ри запира́лись одно́ю задви́жкою, о́кна не имѣ́ли ещё двойны́хъ рамъ. Онъ попыта́лся-было жа́ловаться Дефо́ржу, но зна́нія его́ во францу́зскомъ языкѣ́ бы́ли слишкомъ ограни́ченны для столь сло́жнаго объясне́нія. Францу́зъ его́ не по́нялъ, и Анто́нъ Пафну́тьичъ принуждёнъ былъ оста́вить свои́ жа́лобы. Посте́ли ихъ сто́яли одна́ про́тивъ другой; о́ба легли́, и учи́тель потуши́лъ свѣчу́.

„Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше [23])?“ закрича́лъ Анто́нъ Пафну́тьичъ, спряга́я съ грѣхо́мъ попола́мъ ру́сскій глаго́лъ *тушу* на францу́зскій ладъ. „Я не могу́ дорми́ръ въ потёмкахъ.“ Дефо́ржъ не по́нялъ его́ восклица́нія и пожела́лъ ему́ до́брой но́чи.

Прокля́тый басурма́нъ! проворча́лъ Спи́цынъ, заку́тываясь въ одѣ́яло. Ну́жно ему́ бы́ло свѣ́чку туши́ть. Ему́ же ху́же. „Я спать не могу́ безъ огня́. Мусьё, мусьё, продолжа́лъ онъ, же ве авекъ ву парле [24])?“ Но Францу́зъ не отвѣча́лъ и вскорѣ́ захрапѣ́лъ. „Храпи́тъ бе́стія Францу́зъ“, поду́малъ Анто́нъ Пафну́тьичъ, „а мнѣ́ такъ и сонъ въ умъ нейдётъ, того́ и гляди́, во́ры войду́тъ въ откры́тыя двѣ́ри или влѣ́зутъ въ окно́, а его́, бе́стію, и пу́шками не добу́дишься. Мусьё! а мусьё! дья́волъ тебя́ побери́.“ Анто́нъ Пафну́тьичъ замолча́лъ; уста́лость и ви́нные пары́ ма́ло по ма́лу превоз-

моглй его́ боязли́вость; онъ ста́лъ дрема́ть, и вско́рѣ глубо́кій сонъ овладѣлъ имъ совершённо. Стра́нное гото́вилось ему́ пробужде́ніе. Онъ чу́вствовалъ, сквозь сонъ, что кто́-то тихо́нько дёргалъ его́ за́ воротъ руба́шки. Анто́нъ Пафну́тьичъ откры́лъ глаза́, и при блѣ́дномъ свѣ́тѣ осе́нняго у́тра увидѣ́лъ предъ собо́ю Дефо́ржа. Францу́зъ въ одно́й рукѣ́ держа́лъ карма́нный пистоле́тъ, а другу́ю отстёгивалъ завѣ́тную суму́. Анто́нъ Пафну́тьичъ о́бмеръ. „Кесь ке се, мусьё, кесь ке се[25])?“ произнёсъ онъ трепе́щущимъ го́лосомъ. „Ти́ше! молча́ть! отвѣча́лъ учи́тель чи́стымъ ру́сскимъ языко́мъ: молча́ть! или вы пропа́ли. Я Дубро́вскій.“ *А. Пушкинъ.*

[1]) Снт. III. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [2]) Прост. Кири́ла вмѣ́сто Кири́ллъ. [3]) Снт. III. § 44 б). Нкл. Снт. ст. 70. 4) Одна́ изъ церко́вныхъ моли́твъ. [5]) Снт. III. § 54. 15). [6]) Снт. III. § 54. 15). [7]) Греч. столъ, обѣ́дъ. [8]) Зна́читъ: не былъ за обѣ́днею въ це́ркви моего́ села́. [9]) Нкл. Снт. ст. 187. [10]) т. е. ло́пнула попола́мъ. [11]) Снт. III. § 46. 1). [12]) Нкл. Снт. ст. 51. Пр. II. [13]) Снт. III. § 14. 3). [14]) Простор. то и дѣ́ло, то́лько. [15]) Снт. III. § 15. 3. а). [16]) Англі́йская писа́тельница, уме́ршая въ 1823 году́; въ рома́нахъ свои́хъ отлича́лась изображе́ніемъ у́жасовъ подземе́лій, кладби́щъ и т. п. Извѣ́стные рома́ны ея́: The mysteries of Udolph, еще: The romance of the forest. [17]) т. е. по разска́замъ, по сообще́ніямъ. [18]) Извѣ́стные со́рты донски́хъ винъ, на́званы по стани́цамъ (сёламъ), гдѣ приготовля́ются. [19]) Вѣрнѣ́е: онъ. [20]) Снт III. § 54. 14). [21]) что вамъ уго́дно, су́дарь? [22]) вамъ сто́итъ лишь приказа́ть, су́дарь. [23]) зачѣ́мъ вы туши́те? [24]) я хочу́ съ ва́ми говори́ть. [25]) что э́то зна́читъ?

36. Тентетниковъ.

Андре́й Ива́новичъ Тенте́тниковъ, молодо́й тридцати-трёхлѣ́тній счастли́вецъ, прито́мъ ещё и нежена́тый человѣ́къ, каки́хъ ка́чествъ, каки́хъ свойствъ человѣ́къ? У сосѣ́дей, чита́тельницы, у сосѣ́дей слѣ́дуетъ разспроси́ть. Сосѣ́дъ принадлежа́вшій къ фами́ліи ло́вкихъ, уже́ ны́нѣ во́все исчеза́ющихъ, отставны́хъ штабъ-офице́ровъ, Бра́ндеровъ, изъясня́лся о нёмъ выраже́ньемъ: „естественнѣ́йшій скоти́на!“ Генера́лъ, прожива́вшій въ десяти́ верста́хъ, говори́лъ: „молодо́й человѣ́къ не глу́пый, но мно́го забра́лъ себѣ́ въ го́лову. Я бы могъ быть ему́ поле́знымъ, потому́ что у меня́ не безъ связе́й и въ Петербу́ргѣ и да́же при ....“ Генера́лъ рѣ́чи не ока́нчивалъ. Капита́нъ-испра́вникъ дава́лъ тако́й оборо́тъ отвѣ́ту: „да вѣдь чини́шка на нёмъ дрянь, — а вотъ я за́втра же къ нему́ за недои́мкой!“ Мужи́къ его́ дере́вни, на вопро́съ о томъ, како́й у нихъ ба́ринъ? ничего́ не отвѣча́лъ. Ста́ло быть мнѣ́нье о нёмъ бы́ло скорѣ́й неблагопрія́тно.

Беспристра́стно же сказа́ть: онъ не́-былъ дурно́й человѣ́къ, онъ про́сто былъ копти́тель не́ба. Такъ какъ уже́ не ма́ло есть на бѣ́ломъ свѣ́тѣ люде́й, коптя́щихъ не́бо, то почему́ жъ и Тенте́тникову не копти́ть его́? Впро́чемъ, вотъ на вы́держку день изъ его́ жи́зни, совершённо похо́жій на всѣ други́е, и пусть изъ него́ су́дитъ чита́-

тель самъ: какóй у негó былъ харáктеръ и какъ егó жизнь соотвѣтствовала окружáвшимъ егó красотáмъ?

Поутрý просыпáлся онъ óчень пóздно и приподнáвшись, дóлго сидѣлъ на своéй кровáти, протирáя глазá. И такъ какъ глазá на бѣдý бы́ли мáленькіе, то протирáнье ихъ производи́лось необыкновéнно дóлго, — и во всё это врéмя у дверéй стоя́лъ человѣкъ, Михáйло, съ рукомóйникомъ и полотéнцемъ. Стоя́лъ этотъ бѣдный Михáйло часъ, другóй, отправля́лся потóмъ на кýхню, потóмъ вновь приходи́лъ, — бáринъ всё ещё протирáлъ глазá и сидѣлъ на кровáти. Наконéцъ подымáлся онъ съ постéли, умывáлся, надѣвáлъ халáтъ, выходи́лъ въ гости́нную за тѣмъ, чтобы пить чай, кóфе, какáо и дáже парнóе молокó, всегó прихлёбывая по немнóгу, накрáшивая хлѣба безжáлостно и насáривая трýбочной золы́ безсóвѣстно. Два часá проси́живалъ онъ за чáемъ, и этого мáло: онъ бралъ ещё холóдную чáшку и съ ней подвигáлся къ окнý, обращённому на дворъ; у окнá же происходи́ла вся́кій день слѣдующая сцéна.

Прежде всегó ревѣлъ Григóрій дворóвый человѣкъ въ кáчествѣ буфéтчика, относи́вшійся къ Перфильевнѣ ключницѣ почти́ въ сихъ выражéніяхъ: „Душóнка ты возмути́тельная, ничтóжность этакая! Тебѣ бы, гнýсной бáбѣ, молчáть да и тóлько.“ А не хóчешь ли вотъ этого? вскри́кивала ничтóжность, покáзывая кýкишъ, — бáба жёсткая въ постýпкахъ, не смотря́ но то, что охóтница былá до изю́му, постилы́ и вся́кихъ сластéй, бы́вшихъ у ней подъ замкóмъ. „Вѣдь ты и съ прикáщикомъ сцѣпи́шься, мéлочь ты анбáрная!“ ревѣлъ Григóрій. — „Да и прикáщикъ воръ такóй же, какъ и ты. Ты дýмаешь, бáринъ не знáетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ всё слы́шитъ.“

„Гдѣ бáринъ?“

„Да вонъ онъ сиди́тъ у окнá, онъ всё ви́дитъ.“

И тóчно бáринъ сидѣлъ у окнá и всё ви́дѣлъ.

Къ довершéнью содóма кричáлъ кри́чмя [1]) дворóвый ребяти́шка, получи́вшій отъ мáтери затрéщину, визжáлъ борзóй кобéль, присѣвъ зáдомъ къ землѣ по пóводу горя́чаго кипяткá, котóрымъ обкати́лъ егó вы́глянувшій изъ кýхни пóваръ. Слóвомъ, всё голоси́ло и верещáло невыноси́мо. Бáринъ всё ви́дѣлъ и слы́шалъ. И тóлько тогдá, когдá это дѣлалось до такóй стéпени неснóсно, что мѣшáло емý дáже ничѣмъ не заними́аться, высылáлъ онъ сказáть, чтобы шумѣли потише. Зá-два часá до обѣда уходи́лъ онъ къ себѣ въ кабинéтъ за тѣмъ, чтобы заня́ться серьёзно сочинéніемъ долженствовáвшимъ обня́ть всю Россію со всѣхъ тóчекъ, съ граждáнской, полити́ческой, религіóзной, философи́ческой, разрѣши́ть затрудни́тельныя задáчи и вопрóсы, зáданные ей врéменемъ, и опредѣли́ть я́сно ея вели́кую бýдущность; слóвомъ, всё такъ и въ томъ ви́дѣ, какъ лю́битъ задавáть

себѣ современный человѣкъ. Но колоссальное предпріятіе ограничивалось покуда однимъ обдумываніемъ; изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ всё это отодвигалось на-сторону, бралась на мѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда отъ того стыли, а другія принимались вовсе не тронутыми. За тѣмъ слѣдовала трубка съ кофе, игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина — право уже и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ одинёшенекъ въ цѣломъ мірѣ молодой тридцати-трёхлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось [2]), не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось растворять окна за тѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тентетниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся; которымъ прежде имена были увальни, лежебоки, байбаки, и которыхъ теперь, право не знаю, какъ назвать.

Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или образуются потомъ какъ порожденіе обстоятельствъ: вмѣсто отвѣта на это лучше разсказать исторію его воспитанія и дѣтства. Казалось, всё клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное [3]). Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненнаго, попалъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, воспитатель-диво, несравненный Александръ Петровичъ одарёнъ былъ чутьёмъ слышать природу человѣка. Какъ зналъ онъ свойства человѣка русскаго! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать ихъ! Не-было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришёлъ къ нему самъ и не повинился во всёмъ. Этого мало. Шалунъ уходилъ отъ него не повѣсивши носъ, но поднявъ его, съ полною готовностію загладить проступокъ. Въ самомъ упрекѣ Александра Петровича было что-то ободряющее, что-то говорившее: подымайся выше, не смотря на то, что ты упалъ. Честолюбіе онъ называлъ силою, толкающею впередъ способности человѣка, и потому особенно старался возбудить его. Онъ обыкновенно говорилъ: я требую ума, а ничего либо другаго. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою. И точно шалости исчезали сами собою. Насмѣшкамъ и презрѣнью товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть

лу́чше. Оби́днѣйшія про́звища должны́ бы́ли переноси́ть взро́слые ослы́ и дураки́ отъ са́мыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тро́нуть па́льцемъ. „Это ужé сли́шкомъ“, говори́ли мно́гіе. „Умники вы́дутъ, лю́ди зано́счивые.“ — „Нѣтъ, э́то не сли́шкомъ“, говори́лъ онъ. „Неспосо́бныхъ я не держу́ до́лго; съ нихъ дово́льно одного́ ку́рса, а для у́мныхъ у меня́ друго́й.“

Малѣйшее движе́нье ихъ помышле́ній бы́ло ему́ извѣстно. Съ ви́ду какъ бу́дто бы онъ и не глядѣлъ, но какъ сокры́тый магъ, изъ недосту́пной сѣни, слѣди́лъ онъ всѣ накло́нности и спосо́бности ихъ, и потому́ мно́гихъ рѣзвостей онъ не удéрживалъ, ви́дя въ нихъ нача́ло разви́тія свойствъ душе́вныхъ и говоря́, что онѣ ему́ ну́жны какъ сы́пи врачу́ за тѣмъ, чтобы узна́ть достовѣрно, что́ и́менно заключено́ внутри́ человѣка.

Какъ люби́ли его́ всѣ ма́льчики! Не всегда́ быва́етъ такъ сильна́ привя́занность дѣтéй къ свои́мъ роди́телямъ. Нѣтъ! да́же въ безу́мные го́ды увлече́ній не такъ сильна́ неугаси́мая страсть, какъ сильна́ была́ любо́вь къ нему́. До гро́ба, до по́здныхъ дней благода́рный воспи́танникъ, подня́въ бока́лъ въ день рожде́нія своего́ воспита́теля, ужé давно́ бы́вшаго въ моги́лѣ, закрыва́лъ глаза́ и лилъ по нёмъ слёзы.

Мно́жество вся́кихъ свѣдѣній и предме́товъ онъ счита́лъ изли́шнимъ и мѣша́ющимъ самобы́тному разви́тію ума́. Безсмы́сленно-глу́пыхъ гимнасти́ческихъ коверка́ній, кото́рыя завели́ Францу́зы, у него́ не́-было, а на-мѣсто ихъ ручны́я ремёсла да заня́тья въ саду́, укрѣпля́ющія тѣло.

Ма́ло спосо́бныхъ онъ не держа́лъ до́лго: для нихъ у него́ былъ коро́тенькій курсъ. Но за то спосо́бные должны́ бы́ли у него́ вы́держивать двойно́е уче́нье. И послѣдній классъ, кото́рый былъ у него́ для одни́хъ и́збранныхъ, во́все не походи́лъ на тѣ, каќіе быва́ютъ въ други́хъ заведе́ніяхъ. Тутъ то́лько онъ тре́бовалъ отъ воспи́танника всего́ того́, чего́ ины́е неблагоразу́мно тре́буютъ отъ дѣтéй, того́ вы́сшаго ума́, кото́рый умѣетъ не посмѣя́ться, но вы́нести вся́кую насмѣшку, спусти́ть дураку́ и не раздражи́ться, не вы́йти изъ себя́, не мсти́ть ни въ како́мъ слу́чаѣ и пребыва́ть въ го́рдомъ поко́ѣ возмущённой души́. Всё, что спосо́бно образова́ть изъ человѣка твёрдаго му́жа, тутъ употреблено́ бы́ло въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ни́ми безпреры́вныя про́бы. О! какъ зналъ онъ нау́ку жи́зни!

Учителéй у него́ не́-было мно́го. Бо́льшую часть нау́къ чита́лъ онъ самъ. Безъ педа́нтскихъ те́рминовъ, напы́щенныхъ воззрѣній и взгля́довъ, онъ умѣлъ переда́ть са́мую ду́шу нау́ки такъ, что и малолѣтному бы́ло ви́дно, на что она́ ему́ нужна́. Изъ нау́къ бы́ли и́збраны то́лько тѣ, кото́рыя спосо́бны образова́ть изъ человѣка граждани́на земли́ своéй. Мно́го ле́кцій посвяща́лось разсказа́мъ о

томъ, чтó юношу ожидáетъ впереди́. И весь горизóнтъ егó пóприща умѣлъ онъ очерти́ть такъ, что юноша, ещё находясь на лáвкѣ, мы́слями и душóй жилъ ужé тамъ на слýжбѣ. Всѣ огорчéнья и преграды, какія тóлько воздвигáются человѣку на пути егó, всѣ искушéнья и соблáзны, емý предстоящіе, собирáлъ онъ передъ нимъ во всей наготѣ, не скрывáя ничегó. Всё бы́ло емý извѣстно, тóчно какъ бы перебы́лъ онъ самъ во всѣхъ звáньяхъ и должностяхъ. Отъ тогó ли, что честолюбіе ужé такъ си́льно бы́ло въ нихъ возбужденó, отъ тогó ли, что въ сáмыхъ глазáхъ необыкновéннаго настáвника бы́ло чтó-то говорящее юношѣ: впередъ! это словцó, знакóмое рýсскому человѣку, производящее чудесá надъ егó чýткой природой, — но юноша съ сáмаго начáла искáлъ тóлько трýдностей, áлча дѣйствовать тамъ, гдѣ бóльше препятствій, гдѣ нýжно бы́ло показáть бóльшую си́лу души́.

Немнóгіе выходи́ли изъ этого кýрса; но за то эти немнóгіе бы́ли крѣпыши́, обкурённые пóрохомъ люди въ слýжбѣ. Они́ удерживались на сáмыхъ шáткихъ мѣстáхъ, тогдá какъ мнóгіе, горáздо ихъ умнѣйшіе [4]), не вы́терпѣвъ, изъ за мелочны́хъ личныхъ непріятностей, брóсили всё; или же, осовѣвъ и облѣни́вшись, очути́лись въ рукáхъ взяточниковъ и плутóвъ. Тѣ же не пошатнýлись, но знáя жизнь и человѣка, и умудрённые мýдростію, возъимѣли си́льное вліяніе дáже на дурны́хъ людéй.

Какъ порази́лъ этотъ чýдный настáвникъ ещё въ óтрочествѣ Андрéя Ивáновича! Пы́лкое сéрдце честолюби́ваго мáльчика дóлго би́лось при однóй мы́сли, что онъ попадётъ на вы́сшій курсъ, и шестнáдцати лѣтъ Тентéтниковъ ужé былъ на нёмъ, и самъ томý не вѣрилъ. Но въ это сáмое врéмя случи́лось несчáстіе. Необыкновéнный настáвникъ, котóраго однó одобри́тельное слóво бросáло егó въ слáдкій трéпетъ, заболѣлъ и скоропости́жно ýмеръ. О какóй это былъ для негó удáръ! Какáя стрáшная потéря! Всё перемѣни́лось въ учи́лищѣ......

Но мóлодость счастли́ва тѣмъ, что у ней есть бýдущее. По мѣрѣ тогó, какъ приближáлось врéмя къ вы́пуску, сéрдце егó би́лось. Онъ говори́лъ себѣ: вѣдь это ещё не жизнь: это тóлько приготовлéніе къ жизни — настоящая жизнь на слýжбѣ. Тамъ пóдвиги. И не взглянýвши на прекрáсный уголóкъ, такъ поражáвшій всякаго гóстя-посѣти́теля, не поклони́вшись прáху своихъ роди́телей, по обы́чаю всѣхъ честолюбцевъ, понёсся онъ въ Петербýргъ, кудá, какъ извѣстно, стреми́тся со всѣхъ сторóнъ Россіи нáша пы́лкая мóлодость — служи́ть, вы́служиться или же прóсто схвáтывать вершки́ безцвѣтнаго, холóднаго какъ лёдъ, общéственнаго обмáнчиваго образовáнья. Честолюби́вое стремлéнье Андрéя Ивáновича осади́лъ однáко съ сáмаго начáла егó дядя, дѣйстви́тельный стáтскій совѣтникъ Онýфрій

Ивáновичъ. Съ большúмъ трудóмъ и съ пóмощью дя́диныхъ протéкцій наконéцъ онъ опредѣлúлся въ какóй-то департáментъ...

Гдѣ не бывáетъ наслаждéній? Живýтъ онú и въ Петербýргѣ, не смотря́ на сýмрачную егó нарýжность. Трещúтъ по ýлицамъ сердúтый, тридцати-грáдусный морóзъ; взвизгиваетъ исчáдье сѣвера, вѣдьма вьюга, заметáя тротуáры, слѣпя́ глазá, пýдря мѣховые воротникú, усы людéй и мóрды мохнáтыхъ скотóвъ; но привѣтливо, сквозь летáющія перекрéстно охлóпья снѣга, свѣтитъ вверхý окóшко, гдѣ нибудь, въ четвёртомъ этажѣ, и въ уютной кóмнаткѣ, при скрóмныхъ стеарúновыхъ свѣчкахъ, подъ шýмомъ самовáра, ведётся согрѣвáющій сéрдце и дýшу разговóръ, читáется свѣтлая странúца вдохновéннаго рýсскаго поэ́та, какúми наградúлъ Богъ свою́ Россíю, и такъ возвышенно-пылко трепéщетъ молодóе сéрдце юноши, какъ не вóдится въ другúхъ земля́хъ и подъ полýденнымъ роскóшнымъ нéбомъ. Скóро Тентéтниковъ свыкнулся [5]) съ слýжбою, но тóлько онá сдѣлалась у негó не пéрвымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагáлъ было въ началѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Онá служúла емý распредѣлéньемъ врéмени, застáвивъ егó бóлѣе дорожúть оставáвшимися минýтами. Дя́дя, дѣйствительный стáтскій совѣтникъ, ужé начинáлъ было дýмать, что въ племя́нникѣ былъ прокъ, какъ вдругъ племя́нникъ подгáдилъ. Въ числѣ друзéй Андрéя Ивáновича, котóрыхъ у негó было довóльно, попáлось два человѣка, котóрые были то, что называ́ется огорчённые люди. Это были тѣ безпокóйно-стрáнные харáктеры, котóрые не мóгутъ переносúть равнодýшно не тóлько несправедлúвостей, но дáже и всегó тогó, что кáжется въ ихъ глазáхъ несправедлúвостью. Дóбрые по началу, но безпоря́дочные сáми въ своúхъ дѣйствіяхъ, трéбуя къ себѣ снисхождéнія и въ тó же врéмя испóлненные нетерпúмости къ другúмъ, онú подѣйствовали на негó сильно и пылкой рѣчью, и óбразомъ благорóднаго негодовáнья противу óбщества. Разбудúвши въ нёмъ нéрвы и духъ раздражúтельности, онú застáвили замѣчáть всѣ тѣ мéлочи, на котóрыя онъ прéжде и не дýмалъ обращáть вниманіе. Өёдоръ Өёдоровичъ Лѣнúцынъ, начáльникъ одногó изъ отдѣлéній, помѣщáвшихся въ великолѣпныхъ зáлахъ, вдругъ не понрáвился. Онъ сталъ отыскивать въ нёмъ бéздну недостáтковъ. Емý показáлось, что Лѣнúцынъ въ разговóрахъ съ высшими весь превращáлся въ какóй-то прúторный сáхаръ — и въ ýксусъ, когдá обращáлся къ немý подчинённый; что бýдто, по примѣру всѣхъ мéлкихъ людéй, бралъ онъ на замѣчáнье тѣхъ, котóрые не являлись къ немý съ поздравлéньемъ въ прáздники, мстилъ тѣмъ, котóрыхъ именá не находúлись у швейцáра на листѣ, и въ слѣдствіе э́того онъ почýвствовалъ къ немý отвращéнье нервúческое. Какóй-то злой духъ толкáлъ егó сдѣлать чтó-нибудь непріятное Өёдору Өёдоровичу. Онъ на то наискивался

съ каки́мъ-то осо́бымъ наслажде́ніемъ и въ томъ успѣ́лъ. Разъ поговори́лъ онъ съ нимъ до того́ кру́пно, что ему́ объявлено бы́ло отъ нача́льства, ли́бо проси́ть извине́нія, ли́бо выходи́ть въ отста́вку. Дя́дя, дѣйстви́тельный ста́тскій совѣ́тникъ, пріѣ́халъ къ нему́, перепу́ганный и умоля́ющій: „Ради самого́ Христа́! поми́луй, Андре́й Ива́новичъ, что э́то ты дѣ́лаешь! оставля́ть такъ вы́годно нача́тую карье́ру изъ-за того́ то́лько, что попа́лся не тако́й, какъ хо́чется, нача́льникъ. Поми́луй, что́ ты? Вѣдь е́сли на э́то глядѣ́ть, тогда́ и въ слу́жбѣ никто́ бы не оста́лся. Образу́мься, отри́нь го́рдость, самолю́бье, поѣзжа́й и объясни́сь съ нимъ!"

„Не въ то́мъ дѣ́ло, дя́дюшка", сказа́лъ племя́нникъ. „Мнѣ не тру́дно попроси́ть у него́ извине́нья. Я винова́тъ, онъ нача́льникъ, и не слѣ́довало такъ говори́ть съ нимъ. Но дѣ́ло вотъ въ чёмъ, у меня́ есть друга́я слу́жба: три́ста душъ крестья́нъ, имѣ́нье въ разстро́йствѣ, управля́ющій дура́къ. Госуда́рству утра́ты немно́го, е́сли вмѣ́сто меня́ ся́детъ въ канцеля́рію друго́й перепи́сывать бума́гу, но больша́я утра́та, е́сли три́ста человѣ́къ не запла́тятъ подате́й. Что вы ду́маете? Если я позабо́чусь о сохране́ньи, сбереже́ньи и улучше́ньи у́части ввѣ́ренныхъ мнѣ люде́й и предста́влю госуда́рству три́ста испра́внѣйшихъ, тре́звыхъ, работя́щихъ по́дданныхъ: чѣмъ моя́ слу́жба бу́детъ ху́же слу́жбы како́го-нибудь нача́льника отдѣле́нія, Лѣни́цына?"

Дѣйстви́тельный ста́тскій совѣ́тникъ оста́лся съ откры́тымъ ртомъ отъ изумле́нья. Тако́го пото́ка словъ онъ не ожида́лъ. Немно́го поду́мавши, на́чалъ онъ бы́ло въ тако́мъ ро́дѣ: „Но всё же таки... но какъ же таки... какъ же запропасти́ть себя́ въ дере́вню? Како́е же о́бщество мо́жетъ быть между мужичье́мъ. Здѣсь всё таки на у́лицѣ попадётся на встрѣ́чу генера́лъ, князь. Пройдёшь и самъ мимо како́го-нибу́дь... тамъ... ну... и га́зовое освѣще́ніе, промы́шленная Евро́па! а вѣдь тамъ что́ ни попадётъ, всё э́то мужи́къ или ба́ба. За чтожъ такъ себя́ осуди́ть на невѣ́жество, на всю жизнь свою́?.....

Го́голь.

1) Нкл. Снт. ст. 51. Пр. II. 2) Снт. III. § 47. 5. в). Нкл. Снт. ст. 24. Пр. III. 3) Снт. III. § 15. 1. б). Нкл. Снт. ст. 16. 4) Вѣрнѣе: умнѣе. 5) Пра́вильнѣе: свы́кся.

37. Пѣвцы.

Былъ невыноси́мый жа́ркій іюльскій день, когда́ я, ме́дленно передвига́я но́ги, вмѣстѣ съ мое́й соба́кой подыма́лся вдоль колото́вскаго овра́га въ направле́ніи прито́ннаго кабачка́. Со́лнце разгора́лось на́-небѣ, какъ бы свирѣпѣ́я, па́рило и пекло́ неотсту́пно; во́здухъ былъ весь пропи́танъ ду́шной пы́лью. Покры́тые ло́скомъ

грачи́ и воро́ны, рази́нувъ носы́, жа́лобно глядѣ́ли на проходя́щихъ, сло́вно прося́ ихъ уча́стья; одни́ воробьи́ не горева́ли и, распуша́ пёрушки, ещё я́ростнѣе пре́жняго чири́кали и драли́сь по забо́рамъ, дру́жно взлета́ли съ пы́льной доро́ги, сѣ́рыми ту́чками носи́лись надъ зелёными конопля́нниками. — Жа́жда меня́ му́чила; воды́ нé-было бли́зко; въ Колото́вкѣ, какъ и во мно́гихъ други́хъ степны́хъ деревня́хъ, мужики́, за неимѣ́ньемъ ключе́й и коло́дцевъ, пьютъ каку́ю-то жи́дкую грязцу́ изъ пруда́; но кто же назовётъ э́то отврати́тельное по́йло водо́ю? Я хотѣ́лъ спроси́ть у Никола́я Ива́ныча стака́нъ пи́ва и́ли ква́су.... Уста́лыми шага́ми приближа́лся я наконе́цъ къ жили́щу Никола́я Ива́ныча, возбужда́я, какъ во́дится, въ ребяти́шкахъ изумле́ніе, доходи́вшее до напряжённо-безсмы́сленнаго созерца́нія, въ соба́кахъ — негодова́ніе, выража́вшееся ла́емъ, до того́ хри́плымъ и зло́бнымъ, что, каза́лось, у нихъ отрыва́лась вся вну́тренность, и онѣ́ пото́мъ ка́шляли и задыха́лись — какъ вдругъ на поро́гѣ кабачка́ показа́лся мужчи́на высо́каго ро́ста, безъ ша́пки, во фри́зовой шине́ли, ни́зко подпоя́санной голубы́мъ кушако́мъ. На видъ онъ каза́лся дворо́вымъ; густы́е сѣды́е во́лосы въ безпоря́дкѣ вздыма́лись надъ сухи́мъ и смо́рщеннымъ его́ лицо́мъ. Онъ звалъ кого́-то, торопли́во дѣ́йствуя рука́ми, кото́рыя очеви́дно разма́хивались гора́здо да́лѣе, чѣмъ онъ самъ жела́лъ. Замѣ́тно бы́ло, что онъ у́же́ успѣ́лъ вы́пить.

Иди́, иди́ же! залепета́лъ онъ, съ уси́ліемъ поднима́я густы́я бро́ви: — иди́, Морга́чъ, иди́! Экой ты, бра́тецъ, ползёшь, пра́во сло́во. Это не хорошо́, бра́тецъ. Тутъ ждутъ тебя́, а ты вотъ ползёшь. Иди́! — Ну, иду́, иду́, разда́лся дребезжа́щій го́лосъ, и изъ-за избы́ на-пра́во показа́лся человѣ́къ ни́зенькій, то́лстый и хромо́й. На нёмъ была́ дово́льно опря́тная, суко́нная чу́йка, вдѣ́тая на оди́нъ рука́въ; высо́кая, остроконе́чная ша́пка, пря́мо надви́нутая на бро́ви, придава́ла его́ кру́глому лицу́ выраже́ніе лука́вое и насмѣ́шливое. Его́ ма́ленькіе жёлтые гла́зки такъ и бѣ́гали, съ то́нкихъ губъ не сходи́ла сдéржанная, напряжённая улы́бка, а носъ, о́стрый и дли́нный, наха́льно выдвига́лся впере́дъ, какъ руль. — Иду́, любе́зный, продолжа́лъ онъ, ковыля́я въ направле́ніи питéйнаго заведе́нья: — зачѣ́мъ ты меня́ зовёшь? кто меня́ ждётъ?

— Зачѣ́мъ я тебя́ зову́? возрази́лъ съ укори́зной человѣ́къ во фри́зовой шине́ли. Экой ты, Морга́чъ, чудно́й, бра́тецъ; тебя́ зову́тъ въ каба́къ, а ты ещё спра́шиваешь, зачѣ́мъ? А ждутъ тебя́ всё лю́ди до́брые: Ту́рокъ-Яшка, да Ди́кій-ба́ринъ, да ря́дчикъ съ Жи́здры. Яшка-то съ ря́дчикомъ объ закла́дъ поби́лись — осьму́ху пи́ва поста́вили — кто кого́ одолѣ́етъ, лу́чше споётъ, то есть. Понима́ешь?

— Яшка пѣть бу́детъ? съ жи́востью проговори́лъ человѣ́къ, про́званный Моргачёмъ. — И ты не врёшь, Обалду́й?

— Я не вру, съ досто́инствомъ отвѣча́лъ Обалду́й — а ты

брéшешь [1]). Стáло быть бýдетъ пѣть, коли объ заклáдъ побúлся, бóжья корóвка [2]) ты ѐтакая, плутъ ты ѐтакой, Моргáчъ.

— Ну пойдёмъ, простотá, возразúлъ Моргáчъ.

— Ну поцѣлýй же менá, по крáйней мѣ́рѣ, душá ты моя́, залепетáлъ Обалдýй, широкó раскры́въ объя́тія.

— Вишь Езóпъ изнѣ́женный, презри́тельно отвѣ́тилъ Моргáчъ, оттáлкивая егó лóктемъ, и óба, нагнýвшись, вошли́ въ ни́зенькую дверь.

Слы́шанный мнóю разговóръ си́льно возбуди́лъ моё любопы́тство. Ужé не разъ доходи́ли до меня́ слýхи óбъ Яшкѣ-Тýркѣ, какъ объ лýчшемъ пѣвцѣ́ въ околóткѣ, и вдругъ мнѣ́ предстáвился слýчай услы́шать егó въ состязáніи съ други́мъ мáстеромъ. Я удвóилъ шаги́ и вошёлъ въ заведéніе....

Когдá я вошёлъ въ прити́нный кабачóкъ, въ нёмъ ужé собралóсь довóльно многочи́сленное óбщество.

За стóйкой, какъ вóдится, почти́ во всю ширинý отвéрстія, стоя́лъ Николáй Ивáнычъ, въ пёстрой си́тцевой рубáхѣ, и, съ лѣни́вой усмѣ́шкой на пýхлыхъ щекáхъ, наливáлъ своéй пóлной и бѣ́лой рукóй два стакáна винá вошéдшимъ; въ углý, вóзлѣ окнá, виднѣ́лась егó вострогла́зая женá. — По середи́нѣ кóмнаты стоя́лъ Яшка-Тýрокъ, худóй и стрóйный человѣ́къ лѣтъ двадцати́ трёхъ, одѣ́тый въ долгопóлый нáнковый кафтáнъ голубáго цвѣ́та. Онъ смотрѣ́лъ удалы́мъ фабри́чнымъ мáлымъ и, казáлось, не могъ похвáстаться отли́чнымъ здорóвьемъ. Егó впáлыя щёки, большíе безпокóйные сѣ́рые глазá, прямóй носъ съ тóнкими подви́жными ноздря́ми, бѣ́лый покáтый лобъ съ заки́нутыми назáдъ свѣ́тло-рýсыми кудря́ми, крýпныя, но краси́выя, вырази́тельныя гýбы — всё егó лицó изобличáло человѣ́ка впечатли́тельнаго и стрáстнаго. Онъ былъ въ большóмъ волнéньи: мигáлъ глазáми, неróвно дышáлъ; рýки егó дрожáли какъ въ лихорáдкѣ — да у негó и тóчно былá лихорáдка, котóрая такъ знакóма всѣмъ лю́дямъ, говоря́щимъ или поющимъ передъ собрáніемъ.

Пóдлѣ негó стоя́лъ мужчи́на лѣтъ сорокá, широкоплéчій, широкоскýлый, съ ни́зкимъ лбомъ, ýзкими татáрскими глазáми, корóткимъ и плóскимъ нóсомъ, чертвероугóльнымъ подборóдкомъ и чёрными, блестя́щими волосáми, жóсткими какъ щети́на. Выражéніе егó смýглаго съ свинцóвымъ отли́вомъ лицá, осóбенно егó блѣ́дныхъ губъ мóжно бы́ло бы назвáть почти́ свирѣ́пымъ, éслибъ онó нé-было такъ спокóйно задýмчиво. Онъ почти́ не шевели́лся и тóлько мéдленно погля́дывалъ кругóмъ, какъ быкъ изъ-подъ ярмá. Одѣ́тъ онъ былъ въ какóй-то понóшенный сюртýкъ съ мѣ́дными глáдкими пýговицами; стáрый чёрный платóкъ окýтывалъ егó огрóмную шéю. Звáли егó Дики́мъ бáриномъ. — Пря́мо противъ негó, на лáвкѣ подъ образáми, сидѣ́лъ сопéрникъ Яшки — ря́дчикъ изъ Жи́здры; ѐто былъ невысóкаго рóста, плóтный мужчи́на лѣтъ тридцати́, рябóй и курчáвый, съ тупы́мъ

вздёрнутымъ нбсомъ, живыми кáрими глáзками и жидкой бородóй. Онъ бóйко поглядывалъ кругóмъ, подсýнувъ подъ себя рýки, и безпéчно болтáлъ и постýкивалъ ногáми, обýтыми въ щегольскíе сапоги съ оторóчкой. На нёмъ былъ нóвый,· тóнкiй армякъ изъ сѣраго сукнá съ плисовымъ воротникóмъ, отъ котóраго рѣзко отдѣлялся край áлой рубáхи, плóтно застёгнутой вокрýгъ гóрла. — Въ противоположномъ углý, на-прáво отъ двéри, сидѣлъ за столóмъ какóй-то мужичóкъ въ сѣровáтой, изнóшенной свитѣ, съ огрóмной дырóй на плечѣ.

Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголóкъ, вóзлѣ мужичкá въ изóрванной свитѣ.

— Ну чтóжъ! возопилъ вдругъ Обалдýй, выпивъ дýхомъ стакáнъ винá и сопровождáя своё восклицáнiе тѣми стрáнными размáхиванiями рукъ, безъ котóрыхъ онъ, по видимому, не произносилъ ни одногó слóва. — Чегó ещё ждать? Начинáть такъ начинáть. А? Яша?

— Начинáть, начинáть, одобрительно подхватилъ Николáй Ивáнычъ.

— Начнёмъ, пожáлуй, хладнокрóвно и съ самоувѣренной улыбочкой примóлвилъ рядчикъ; я готóвъ.

— И я готóвъ, съ волнéнiемъ произнёсъ Яковъ.

— Ну начинáйте, ребятки, начинáйте, пропищáлъ Моргáчъ.

Но не смотря на единодýшно изъявленное желáнiе, никтó не начинáлъ; рядчикъ дáже не приподнялся съ лáвки — всѣ слóвно ждáли чегó-то.

— Начинáй! угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикiй-бáринъ. Яковъ вздрóгнулъ. Рядчикъ всталъ, осýнулъ кушáкъ и откáшлялся.

— А комý начáть? спросилъ онъ слегкá измѣнившимся гóлосомъ у Дикаго-бáрина, котóрый всё продолжáлъ стоять неподвижно по серединѣ кóмнаты, широкó разстáвивъ тóлстыя нóги и почти пó-локоть засýнувъ могýчiя рýки въ кармáны шаровáръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, залепетáлъ Обалдýй: тебѣ, брáтецъ.

— Дикiй-бáринъ посмотрѣлъ на негó изъ-подлóбья. Обалдýй слáбо пискнулъ, замялся, глянýлъ кудá-то въ потолóкъ, повёлъ плечáми — и умóлкъ.

— Жрéбiй кинуть, съ разстанóвкой произнёсъ Дикiй-бáринъ: да осьмýху на стóйку.

Николáй Ивáнычъ нагнýлся, достáлъ кряхтя, съ пóлу осьмýху и постáвилъ её на столъ. Дикiй-бáринъ глянýлъ на Якова и промóлвилъ: Ну!

Яковъ зарылся у себя въ кармáнахъ, достáлъ грошъ и намѣтилъ его зýбомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтáна нóвый кошелёкъ, не торопясь распýталъ шнурóкъ и насыпавъ множество мéлочи нá-руку, выбралъ нóвенькiй грошъ. Обалдýй подстáвилъ свой затáсканный картýзъ съ облóманнымъ и отстáвшимъ козырькóмъ: Яковъ кинулъ въ негó свой грóшъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбира́ть, проговори́лъ Ди́кій-ба́ринъ, обрати́вшись къ Моргачу́.

Морга́чъ самодово́льно усмѣхну́лся, взялъ карту́зъ въ о́бѣ ру́ки и на́чалъ его́ встря́хивать.

Мгнове́нно воцари́лась глубо́кая тишина́; гроши́ сла́бо звя́кали, ударя́ясь другъ о дру́га. Я внима́тельно поглядѣ́лъ круго́мъ — всѣ ли́ца выража́ли напряжённое ожида́ніе; самъ Ди́кій-ба́ринъ прищу́рился; мой сосѣ́дъ, мужичо́къ въ изо́рванной сви́ткѣ, и тотъ да́же съ любопы́тствомъ вы́тянулъ шéю.

Морга́чъ запусти́лъ ру́ку въ карту́зъ и доста́лъ ря́дчиковъ грошъ — всѣ вздохну́ли. Яковъ покраснѣ́лъ, а ря́дчикъ провёлъ руко́й по волоса́мъ.

— Вѣдь я же говори́лъ, что тебѣ́, воскли́кнулъ Обалду́й — я вѣдь говори́лъ.

— Ну, ну, не „цырка́й!“ презри́тельно замѣ́тилъ Ди́кій-ба́ринъ. — Начина́й! продолжа́лъ онъ, качну́въ голово́й на ря́дчика.

— Каку́ю же мнѣ пѣ́сню пѣть? возрази́лъ ря́дчикъ, приходя́ въ волне́нье.

— Каку́ю хо́чешь, отвѣча́лъ Морга́чъ. — Каку́ю взду́мается, ту и пой.

— Коне́чно каку́ю хо́чешь, приба́вилъ Никола́й Ива́нычъ, ме́дленно скла́дывая ру́ки на груди́. — Въ э́томъ тебѣ́ ука́зу нѣ́ту. Пой, каку́ю хо́чешь, да то́лько пой хорошо́; а мы ужъ пото́мъ рѣши́мъ по со́вѣсти.

— Разумѣ́ется, по со́вѣсти, подхвати́лъ Обалду́й и полиза́лъ край пуста́го стака́на.

— Да́йте, бра́тцы, отка́шляться мале́нько, заговори́лъ ря́дчикъ, перебира́я па́льцами вдоль воротника́ кафта́на.

— Ну, ну, не прохлажда́йся — начина́й! рѣши́лъ Ди́кій-ба́ринъ и поту́пился.

Ря́дчикъ вы́ступилъ впере́дъ, закры́лъ до полови́ны глаза́ и запѣ́лъ высоча́йшимъ фальце́томъ. Го́лосъ у него́ былъ дово́льно прія́тный и сла́дкій, хотя́ нѣ́сколько си́плый; онъ игра́лъ и виля́лъ э́тимъ го́лосомъ какъ юло́й, безпреста́нно залива́лся и перелива́лся съ ве́рху внизъ и безпреста́нно возвраща́лся къ ве́рхнимъ но́тамъ, кото́рыя выде́рживалъ и вытя́гивалъ съ осо́беннымъ стара́ньемъ, умолка́лъ и пото́мъ вдругъ подхва́тывалъ пре́жній напѣ́въ съ како́й-то залихва́тской, зано́систой у́далью. Его́ перехо́ды бы́ли иногда́ дово́льно смѣ́лы, иногда́ дово́льно заба́вны: знатоку́ они́ бы мно́го доста́вили удово́льствія. Это былъ ру́сскій tenore di grazia, tenor leger. Пѣ́лъ онъ весёлую плясову́ю пѣ́сню, слова́ кото́рой, ско́лько я могъ улови́ть сквозь безконе́чныя украше́нія, приба́вленныя согла́сныя и восклица́нія, бы́ли слѣ́дующія:

Распашу́ я, молода́-молоде́нька,
Земли́цы мале́нько:
Я посѣ́ю, молода́-молоде́нька,
Цвѣ́тика але́нька.

Онъ пѣлъ; всѣ слу́шали его́ съ больши́мъ внима́ніемъ. Онъ ви́димо чу́вствовалъ, что имѣ́етъ дѣ́ло съ людьми́ свѣ́дущими, и потому́, какъ говори́тся, про́сто лѣзъ изъ ко́жи [3]). Дѣ́йствительно, въ на́шихъ края́хъ зна́ютъ толкъ въ пѣні́и и не да́ромъ село́ Се́ргіевское, на большо́й орло́вской доро́гѣ, сла́вится во всей Россі́и свои́мъ осо́бенно пріятнымъ и согла́снымъ напѣ́вомъ. До́лго ря́дчикъ пѣлъ, не возбужда́я сли́шкомъ си́льнаго сочу́вствія въ свои́хъ слу́шателяхъ: ему́ недостава́ло подде́ржки, хо́ра; наконе́цъ, при одно́мъ осо́бенно уда́чномъ перехо́дѣ, заста́вившемъ улыбну́ться самого́ Ди́каго-ба́рина, Обалду́й не вы́держалъ и вскри́кнулъ отъ удово́льствія. Всѣ встрепену́лись. Обалду́й съ Моргачёмъ на́чали въ полго́лоса подхва́тывать, подтя́гивать, покри́кивать: ли́хо? забира́й, шельме́цъ! забира́й, вытя́гивай, а́спидъ! вытя́гивай ещё! нака́лывай ещё, соба́ка ты э́дакая! пёсъ, погуби́ Иродъ твою́ ду́шу!" и пр... Никола́й Ива́нычъ изъ-за сто́йки одобри́тельно закача́лъ голово́й напра́во и налѣ́во. Обалду́й наконе́цъ зато́палъ и засѣмени́лъ нога́ми и задёргалъ плёчиками, — а у Якова глаза́ такъ и разгорѣ́лись какъ листъ и безпоря́дочно улыба́лся. Оди́нъ Ди́кій-ба́ринъ не измѣни́лся въ лицѣ́ и по пре́жнему не дви́гался съ мѣ́ста; но взглядъ его́, устремлённый на ря́дчика, нѣ́сколько смягчи́лся, хотя́ выраже́ніе губъ остава́лось презри́тельнымъ. Ободрённый зна́ками всео́бщаго удово́льствія, ря́дчикъ совсѣ́мъ зави́хрился и ужъ таки́я на́чалъ отдѣ́лывать завиту́шки, такъ защёлкалъ и забараба́нилъ языко́мъ, такъ нейстово заигра́лъ го́рломъ, что, когда́ наконе́цъ, утомлённый, блѣ́дный и обли́тый горя́чимъ по́томъ, онъ пусти́лъ, переки́нувшись наза́дъ всѣмъ тѣ́ломъ, послѣ́дній, замира́ющій возгла́съ — о́бщій сли́тный крикъ отвѣ́тилъ ему́ нейстовымъ взры́вомъ. Обалду́й бро́сился ему́ на ше́ю и на́чалъ души́ть его́ свои́ми дли́нными, костля́выми рука́ми, на жи́рномъ лицѣ́ Никола́я Ива́ныча вы́ступила кра́ска и онъ сло́вно помолодѣ́лъ; Яковъ, какъ сумаше́дшій, закрича́лъ: „молоде́цъ, молоде́цъ."

Да́же мой сосѣ́дъ, мужи́къ въ изо́рванной сви́тѣ, не вы́терпѣлъ и, уда́ривъ кулако́мъ по столу́, воскли́кнулъ: А-га́! хорошо́, чортъ побери́ — хорошо́! и съ рѣши́тельностью плю́нулъ въ сто́рону.

— Ну, братъ, потѣ́шилъ! крича́лъ Обалду́й, не выпуска́я изнеможе́ннаго ря́дчика изъ свои́хъ объя́тій — потѣ́шилъ, не́чего сказа́ть! Вы́игралъ, братъ, вы́игралъ! Поздравля́ю, осьму́ха твоя́! Яшкѣ́ до тебя́ далеко́.. Ужъ я тебѣ́ говорю́, далеко́. А ты мнѣ вѣрь. (И онъ сно́ва прижа́лъ ря́дчика къ свое́й груди́.)

— Да пусти́ же его́, пусти́, неотвя́зный... съ доса́дой заговори́лъ

Моргáчъ: — дай емý присѣсть на лáвку-то, вишь онъ устáлъ. Экой ты фóфанъ, брáтецъ, прáво фóфанъ [4])! Чтó пристáлъ, слóвно бáнный листъ.

— Ну чтожъ, пусть садúтся, а я за егó здорóвье вы́пью, возразúлъ Обалдýй и подошёлъ къ стóйкѣ. — На твой счётъ, братъ, прибáвилъ онъ, обращáясь къ ря́дчику.

Тотъ кивнýлъ головóй, сѣлъ на лáвку, достáлъ изъ шáпки полотéнце и нáчалъ утирáть лицó; а Обалдýй съ торопли́вой жáдностью вы́пилъ стакáнъ и, по привы́чкѣ гóрькихъ пья́ницъ, кря́кая при́нялъ грýстно-озабóченный видъ.

— Хорошó поёшь, братъ, хорошó, лáсково замѣ́тилъ Николáй Ивáнычъ. А тепéрь за тобóй óчередь, Яша; смотри́, не сробѣ́й. Посмóтримъ, кто когó, посмóтримъ. А хорошó поётъ ря́дчикъ, ей Бóгу, хорошó.

— Очинно [5]) хорошó, замѣ́тила Николáя Ивáныча женá и съ улы́бкой поглядѣ́ла на Якова.

Ну, хорошó, сказáлъ Ди́кій-бáринъ, — Яковъ, начинáй.

Яковъ взялся́ рукóй за гóрло.

Что, братъ, тогó.... чтó-то.... Гмъ.... Не знáю, прáво, чтó-то тогó...

— Ну, пóлно, не робѣ́й. Стыди́сь! чегó верти́шься?

Пой, какъ Богъ тебѣ́ вели́тъ.

И Ди́кій-бáринъ потýпился, выжидáя.

Яковъ помолчáлъ, взглянýлъ кругóмъ и закры́лся рукóй.

Всѣ такъ и впили́сь въ негó глазáми, осóбенно ря́дчикъ, у котóраго на лицѣ́, сквозь обы́чную самоувѣ́ренность и торжествó успѣ́ха проступи́ло невóльное лёгкое безпокóйство. Онъ прислони́лся къ стѣнѣ́ и опя́ть положи́лъ подъ себя́ óбѣ рýки, но ужé не болтáлъ ногáми. Когдá же, наконéцъ, Яковъ откры́лъ своё лицó — онó бы́ло блѣ́дно, какъ у мёртваго; глазá едвá мерцáли сквозь опущённыя рѣсни́цы. Онъ глубóко вздохнýлъ и запѣ́лъ. Пéрвый звукъ егó гóлоса былъ слабъ и нерóвенъ и, казáлось, не выходи́лъ изъ егó грýди, но принёсся откýда-то издалекá, слóвно залетѣ́лъ случáйно въ кóмнату. Стрáнно подѣ́йствовалъ э́тотъ трепéщущій, звеня́щій звукъ на всѣ́хъ насъ, мы взглянýли другъ на дрýга, а женá Николáя Ивáныча такъ и вы́прямилась. За э́тимъ пéрвымъ звýкомъ послѣ́довалъ другóй, бóлѣе твёрдый и протя́жный, но всё ещё ви́димо дрожáщій какъ струнá, когдá, внезáпно прозвенѣ́въ подъ си́льнымъ пáльцемъ, онá колéблется послѣ́днимъ, бы́стро замирáющимъ колебáньемъ, за вторы́мъ трéтій, и понемнóгу разгорячáясь и расширя́ясь, полилáсь зауны́вная пѣ́сня. „Не однá во пóлѣ дорóженька пролегáла" пѣлъ онъ, и всѣ́мъ намъ слáдко станови́лось и жýтко. Я, признаю́сь, рѣ́дко слы́хивалъ подóбный гóлосъ: онъ былъ слегкá разби́тъ и звенѣ́лъ какъ надтрéснутый; онъ дáже сначáла отзывáлся чѣ́мъ-то болѣ́зненнымъ; но въ нёмъ былá и неподдѣ́льная глубóкая страсть,

и мóлодость, и сúла, и слáдость и какáя-то увлекáтельно-безпéчная, грýстная скорбь. Рýсская, правдúвая, горáчая душá звучáла и дышáла въ нёмъ, и такъ и хватáла васъ за сéрдце, хватáла прáмо за егó рýсскія стрýны. Пѣснь рослá, разливáлась. Яковомъ вúдимо овладѣвáло упоéніе: онъ ужé не робѣ́лъ, онъ отдавáлся весь своемý счáстью; гóлосъ егó не трепетáлъ бóлѣе — онъ дрожáлъ, но той едвá замѣ́тной внýтренней дрóжью стрáсти, котóрая стрѣлóй вонзáется въ дýшу слýшателя, и безпрестáнно крѣпчáлъ, твердѣ́лъ и расширáлся. Пóмнится, я вúдѣлъ однáжды, вéчеромъ во врéмя отлúва, на плóскомъ песчáномъ берегý мóря, грóзно и тáжко шумѣ́вшаго вдалú, большýю бѣ́лую чáйку; онá сидѣ́ла неподвúжно, подстáвивъ шелковúстую грудь áлому сіáнью зарú, и тóлько изрѣ́дка мéдленно расширáла свой длúнныя крылья на встрѣ́чу знакóмому мóрю, на встрѣ́чу нúзкому, багрóвому сóлнцу.... я вспóмнилъ о ней, слýшая Якова. Онъ пѣлъ, совершéнно позабывъ и своегó сопéрника и всѣхъ насъ, но вúдимо поднимáемый, какъ бóдрый пловéцъ волнáми, нáшимъ молчалúвымъ, стрáстнымъ учáстьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ кáждаго звýка егó гóлоса вѣ́яло чѣмъ-то роднымъ и необозрúмо ширóкимъ, слóвно знакóмая степь раскрывáлась передъ вáми, уходá въ безконéчную даль. У менá, я чýвствовалъ, закипáли на сéрдцѣ и поднимáлись къ глазáмъ слёзы, глухія сдéржанныя рыдáнья внезáпно поразúли менá.... я оглянýлся — женá цѣловáльника плáкала, припáвъ грýдью къ окнý. Яковъ брóсилъ на неё быстрый взглядъ и залился ещё звóнче, ещё слáще прéжняго. Николáй Ивáнычъ потýпился, Моргáчъ отвернýлся; Обалдýй, весь разнѣ́женный, стоáлъ глýпо разúнувъ ротъ; сѣ́рый мужичóкъ тихóнько всхлúпывалъ въ уголкý, съ гóрькимъ шóпотомъ покáчивая головóй и по желѣ́зному лицý Дúкаго-бáрина, изъ-подъ совершéнно надвúнувшихся бровéй, мéдленно прокатúлась тяжёлая слезá; рáдчикъ поднёсъ сжáтый кулáкъ ко лбу и не шевелúлся.... Не знáю, чѣмъ бы разрѣшúлось всеóбщее томлéнье, éслибъ Яковъ вдругъ не кóнчилъ на высóкомъ, необыкновéнно тóнкомъ звýкѣ — слóвно гóлосъ у негó оборвался. Никтó не крúкнулъ, дáже не шевельнýлся; всѣ какъ бýдто ждáли: не бýдетъ ли онъ ещё пѣть, но онъ раскрылъ глазá, слóвно удивлённый нáшимъ молчáньемъ, вопрошáющимъ взóромъ обвёлъ всѣхъ кругóмъ и увидáлъ, что побѣ́да былá егó.... — Яша, проговорúлъ Дúкій-бáринъ, положúлъ емý рýки на плечó и — смолкъ.

Мы всѣ стоáли какъ оцѣпенѣ́лые. Рáдчикъ тúхо всталъ и подошёлъ къ Якову. — „Ты.... твой... ты выигралъ,“ произнёсъ онъ наконéцъ съ трудóмъ и брóсился вонъ изъ кóмнаты. *Тургéневъ.*

[1]) По-рýсски тóже, что лáять (о собáкахъ), а по-малороссíйски лгать. [2]) насѣкóмое, козáвка. [3]) старáлся изъ всѣхъ силъ. [4]) Простор. недогáдливый человѣкъ. [5]) Простор. вм. óчень.

38. Немножко среднихъ вѣковъ.

„Мы не имѣемъ среднихъ вѣковъ ни въ государственномъ, ни въ общежительскомъ бытіи“, сказалъ князь Вяземскій въ своемъ Фонвизинѣ. Можетъ быть, оно и такъ, но когда вдоволь наслушаешься [1]) и наберешься разныхъ сказаній и воспоминаній о старинѣ, такимъ собственно русскимъ средневѣковымъ царствомъ и государствомъ сдается царствованіе Екатерины-Второй. По крайней-мѣрѣ въ нашемъ общежительномъ быту вы не отнесете это [2]) царствованіе ни къ грозной сиверкѣ [3]) Петра-Перваго, ни ко временамъ Александра-Благословеннаго; но это самъ-по-себѣ отдѣльный вѣкъ Екатерины-Второй. Мы еще не отошли отъ него на полныя пятьдесятъ лѣтъ (потому-что, говоря съ разсудительностью, не смерть Екатерины, а жизнь ея вѣка, выживавшаяся у насъ сполна и на раздольѣ до „славной памяти двѣнадцатаго года“ — одинъ конецъ этой жизни можетъ обозначить рубежъ), а между-тѣмъ не представляется ли онъ намъ, какъ бы давноминувшимъ, что слухи о немъ и даже живыя изустныя сказанія зовутся у насъ *преданіями екатерининскихъ временъ?* И въ этихъ преданіяхъ, въ несозданной еще исторіи екатерининскаго вѣка, сколько, если хотите, *исходно* средневѣковаго въ слагающемся смыслѣ нашего общества, которое мало-по-малу получаетъ новыя потребности, въ немъ безсознательно шевелятся новыя силы; немножко просвѣщенія перестаетъ быть офиціяльнымъ лоскомъ, чѣмъ-то въ родѣ парадной формы при дворѣ; а являются Шварцъ и Новиковъ, народно-сатирическіе типы Фонвизина. На его широкой пятѣ начинаетъ колебаться нашъ закоренѣлый феодализмъ невѣжества и предразсудковъ, и при этомъ судите, сколько должно было возникнуть борьбы на жизнь и умираніе! Какія суровыя личности, совершенно въ духѣ средневѣковаго выявленія грубой матеріальной силы и съ нею нераздѣльнаго насилія и самоуправныхъ жестокостей, должны были выйдти и показаться въ нашемъ обществѣ предъ тѣмъ, какъ исчезнуть этимъ личностямъ мало-по-малу!

У насъ ли не было тѣхъ грозныхъ феодальныхъ бароновъ, нашихъ старинныхъ баръ, которые, выславъ отъ себя въ передовые государственные удальцы цѣлую семью Орловыхъ, заявя свою жизненно-поэтическую силу въ стихахъ Державинымъ и въ жизненной прозѣ великолѣпнымъ княземъ Тавриды, обозначивъ себя столькими лицами вельможнаго вѣка Екатерины, засѣли наши остальные бары въ своихъ помѣстьяхъ, ни чуть не уступавшихъ по значительности феодальнымъ баронствамъ, и что они тамъ дѣлали на свободѣ, на раздольѣ своей барской воли, принимавшей за рубежъ себѣ свою силу? Какія легенды могли бы составиться со всею грубою суевѣр-

ной чудесностью среднихъ вѣковъ и съ ихъ суровыми принадлежностями подземельныхъ темницъ, желѣзныхъ запоровъ, жертвъ, узницъ!.... А эти красующіяся картины великолѣпныхъ охотъ съ травлями на вепрей и медвѣдей и даже на шутовъ и дураковъ, прикрытыхъ медвѣжьею шкурою! И разгульные пиры послѣ охотъ въ нашихъ дубовыхъ лѣсахъ и заповѣданныхъ рощахъ, съ сверкавшей обстановкою цыганскихъ плясокъ и пѣсенъ, заплетавшихся вокругъ хороводовъ, — гудки и гусли, роговая музыка и наша полуазіатская роскошь, ярко и странно смѣшивавшаяся съ утонченной французской нѣгою и соблазнительной роскошью восемнадцатаго столѣтія! Наконецъ, для показанія отваги и удали, лихое молодечество, ночные наѣзды — этотъ чистый разбой феодальныхъ бароновъ при большихъ дорогахъ, который даже не назывался у насъ разбоемъ, а говорилось о немъ просто: „выѣхать въ ночь попробовать охоты."

Удивительно, какъ у русскаго человѣка слово *разбой* почти не придается дѣлу! „Пошаливаютъ тамъ-то", говоритъ онъ, и скорѣе *разбойникомъ* назоветъ уличнаго озорника, подставившаго ногу, или подтолкнувшаго чарку... Какъ хотите, народный духъ очень чутокъ и первый судья въ вещахъ этого рода. Не указываетъ ли онъ, что преимущественно такъ-называемыя „шалости" въ нашихъ лѣсахъ и при большихъ дорогахъ — въ своемъ народнопобудительномъ началѣ — были чистое молодечество, неусидчивость отваги, удаль залихватская, выступавшая поразмять руки, попотѣшиться? Теперь это другое дѣло. Время потѣхи прошло, молодечество отгулялось, теперь время мирнаго великаго дѣла, но въ старину, въ нашъ средневѣковой вѣкъ Екатерины, это именно было такъ. Повторяю, чтó было дѣлать огромной фалангѣ нашихъ „столбовыхъ" и „нестолбовыхъ" дворянъ, которые отслужили свое, или, по дарованной *вольности дворянства*, вовсе не собирались служить, а замуровались въ своихъ муромскихъ и немуромскихъ лѣсахъ и какъ сычи засѣли по своимъ помѣстьямъ? Пировать? Они и пировали. Охотиться? Они ли не охотились, когда даже оставили въ народѣ насмѣшливую пословицу своихъ распоряженій: „семеро по зайца, — одинъ молотить." Но этого было мало, не захватывало всей удали молодецкаго духа и вотъ они — *пошаливали*. Какъ всякая шалость, слишкомъ-увеличивающаяся, заводитъ далеко: такъ и эта, тѣмъ съ наименьшимъ исключеніемъ, переступала всѣ границы, дозволенныя въ благоустроенномъ государствѣ и прямо подходила подъ уголовное преступленіе.

Обыкновенно дѣло начиналось почти такъ: что какому-нибудь вдоволь напировавшемуся и наохотившемуся, извѣстному по околотку богатому барину приходила мысль выместить на комъ свою

досаду. Выбравъ удобное время, въ ночь, посадя на́-конь свою дворню доѣзжачихъ и стремянныхъ, баринъ молодецкимъ налетомъ налеталъ къ своему противнику, зажигалъ ему гумно, амбаръ, подпаливалъ деревни и уносился съ гикомъ и хлестаньемъ арапниковъ прежде, чѣмъ противникъ, какъ поднятый заяцъ, успѣвалъ рѣшиться на что-нибудь. Отвѣдавъ разъ отваги и пыла ночнаго наѣзда, баринъ разгорячался. Онъ хорошо зналъ, что только слабые пытались находить защиту у суда, а равносильный соперникъ поищетъ помѣряться собственными силами. „Долгъ платежемъ красенъ", наша старинная пословица, и зачинщику-барину слѣдовало быть наготовѣ... И кромѣ того, огни, зажженные собственною рукою и пылавшіе заревомъ на ночномъ небѣ — эти огни и усиленный скокъ его коня, упоительная, можетъ-статься, темнота лѣтней росистой ночи, раздражительное щекотанье отмщенія, удачи совсѣмъ опьяняли голову барину, на половину опьяненную виномъ. У него въ крови сохранялось ощущеніе этого мгновенія и на пирахъ уже обыкновенный хмѣль не бралъ его; голова горѣла. Иного хмѣля отвѣдалъ баринъ и его раздражительнаго опьяненія, пыла, захватывающаго духъ, хотѣла душа — и внезапно поднимаясь съ пира, нашъ баринъ кричалъ: „коня!" Не заставъ противника или, можетъ-быть, испытавъ пораженіе, ватага неслась назадъ и на пути своемъ находила дерзкаго, который осмѣлился повстрѣчаться ей. „Бери его! держи! ату его!" бросалась ватага на потѣху, хватала и ловила.... Этимъ людямъ или, вѣрнѣе сказать, одному изъ нихъ необходимо было какое нибудь возбужденіе. Распалясь немного, онъ несся прытко на свой неоконченный пиръ и, заполевавъ [4]) новаго звѣря, виномъ праздновалъ свою побѣду и заливался смѣхомъ надъ своимъ приключеніемъ. На утро онъ могъ и съ наградою отпустить захваченнаго; но стоило только начать... Нашъ баринъ много изволилъ потѣшиться своей новой охотой; онъ входилъ во вкусъ ея и скоро узнавалъ, что при большихъ дорогахъ, налетая налетомъ, можно захватить того раздражительнаго опьяненія, котораго недоставало ему за его барскимъ столомъ. Извѣстно, что эти столы большихъ баръ обыкновенно окружали мелкопомѣстные прихлебатели и приживатели [5]). Волею и неволею они должны были участвовать во всякой потѣхѣ своего милостивца. Посмѣть прекословить было нельзя, потому-что сильное убѣжденіе арапниковъ могло воспослѣдовать въ ту же минуту; и вотъ у большаго барина, затѣявшаго средневѣковое рыцарство при большихъ дорогахъ, была своя готовая шайка.

Но что изумительнѣе всего, такъ и женщины принимали участіе въ подобныхъ „шалостяхъ", и даже находились такія, что предводительствовали ими, играли первую роль въ нихъ! Въ Путивльскомъ

уѣздѣ судилась и была сослана въ Сибирь Мароа Дурова, у которой была тысяча душъ, и она съ тремя сыновьями сама выѣзжала подъ разбой, то есть „на охоту", какъ тогда говорилось.

Гражданская неурядица, безпрестанныя войны, бѣглые солдаты, ребята, спасавшіеся въ лѣсахъ отъ некрутчины — все это приливало сильнѣйшей подмогою къ барскимъ охотничье-дворовымъ шайкамъ [6]). Этого мало: духъ предпріимчивой совмѣстности сближалъ нѣсколько такихъ шаекъ и дѣлалъ ихъ владычество непрерывнымъ на протяженіи пятисотъ или шестисотъ верстъ. Такъ шайка, о которой я буду говорить, имѣя свое главное развѣтвленіе въ Мценскомъ и Ливенскомъ уѣздахъ, концомъ своимъ далеко уходила въ новороссійскія степи. На всемъ этомъ протяженіи у нея были свои притонныя станціи, свои этапы, по которымъ безпрестанно передвигалась и передавалась добыча: такъ-что вещь, пропавшая въ Мценскѣ или въ Ливнахъ, въ туже ночь была уже далеко на пути въ Малороссію и въ новороссійскія степи, и производить о ней поиски на мѣстѣ было совершенно безплоднымъ. Можно судить, до чего доходила спокойная дерзость этихъ шаекъ, когда онѣ цѣлыя партіи ворованныхъ лошадей препровождали среди бѣлаго дня изъ села въ село, имѣя людей переодѣтыхъ солдатами и офицера при нихъ, который будто-бы велъ ремонтъ и по всему селу требовалъ и получалъ безплатное сѣно и овесъ лошадямъ, постой и кормъ людямъ.

Къ отросткамъ этихъ шаекъ, на границѣ корочанскаго и новоскольскаго уѣздовъ, принадлежала многочисленная фамилія Деревицкихъ. Гнѣздо ихъ была маленькая, разбросанная деревенька Пады. Впослѣдствіи, по рѣшенію суда, она быля срыта и имя ея уничтожено, но память о ней залегла въ народной мѣстной поговоркѣ того времени: „какъ проѣхалъ Пады, то и подь да падй [7])!" Уноси ноги поскорѣе, чтобъ голова была цѣла. Деревенька лежала подъ лѣсомъ, и миновавши ее, начинались странныя лѣсистыя впадины, не отвершки лѣсныхъ овраговъ, а просто большія округленныя углубленія, густо поросшія лѣсомъ. Эти-то западины, — пады — какъ дали названіе деревушкѣ, такъ много и способствовали утвердившимся въ ней промысламъ.

Но въ Курской губерніи особенно этими промыслами извѣстенъ былъ Путивльскій уѣздъ. Угрюмая, суровая мѣстность, по всему теченію Семи, покрытая непрерывавшимися лѣсами, развила и придала особенно-мрачный характеръ отправлявшемуся дѣлу. Въ немъ проглядывало суровое звѣрство, ѣдкость потѣхи надъ совершеннымъ злодѣяніемъ, что вообще не свойственно русскому человѣку. Такъ помнятъ, что на берегу Семи былъ найденъ трупъ съ приподнятой вверхъ рукою, въ которой онъ держалъ записку: *Семь съѣла Семьосьмой на берегу, семерыхъ берегу.* Кромѣ сказанной шайки Мароы

Дуровой, въ Путивлѣ была еще сильно распространена шайка нѣсколькихъ братьевъ Ворбпоновыхъ. Тамъ въ промыслъ входили всѣ крестьяне. Днемъ они ничего не работали на господина, не справляли никакой барщины; но черезъ каждую темную ночь, на утро, крестьяне должны были представить заработанныхъ денегъ по рублю на человѣка. Но, принимая разсудительно во вниманіе, что въ лунную ночь заработки достаются труднѣе, то и цѣна соразмѣрно сбавлялась на половину въ тѣ ночи, когда свѣтилъ мѣсяцъ. Шайка Ворбпоновыхъ была наконецъ выслѣжена по пятамъ, не смотря на всѣ ухищренія изобрѣтательнаго плутовства скрыть свои слѣды. [illegible] этого они подковывали лошадей, оборачивая задомъ на передъ [illegible] ковы и подвязывали имъ къ ногамъ лапти, тоже пятками на-оборотъ [illegible] и такимъ образомъ оставляли позади себя самый ложный [illegible] который не только не наводилъ на нихъ, а напротивъ, [illegible] совсѣмъ сторону направлялъ преслѣдованіе.

Если смотрѣть на жизнь не какъ на случайное [illegible] или другихъ происшествій, а надъ всѣми ими видѣть [illegible] *есть Богъ,* то поразительно, какія судьбы правды [illegible] иногда передъ нами!

Когда открыта была передъ закономъ эта [illegible] выхъ, и судъ приступилъ къ разбирательству [illegible] страшно-сложившагося дѣла, оказалось, что [illegible] выхъ, отецъ, выѣзжая на разбой съ тремя [illegible] бой еще и четвертаго, лѣтъ тринадцати [illegible] другими со всей карающей строгостью [illegible] остановился передъ несовершеннолѣтіемъ [illegible] доказано было, что онъ участовалъ съ [illegible] могло быть невольное и принужденное [illegible] кона до простаго исправительнаго [illegible] по достиженіи имъ совершеннолѣтія [illegible] лесное наказаніе въ нѣсколько [illegible] Мальчикъ, ставшій очень богатымъ [illegible] комъ всѣхъ имѣній своей [illegible] учился тамъ, служилъ, [illegible] ни семнадцать лѣтъ прибылъ [illegible])... помнилъ, такъ и здѣсь [illegible] „иной мена наступили другія: [illegible] такъ [illegible] видя такого блестящаго [illegible] у женію молодаго человѣка [illegible] овъ, [illegible] тельнаго, потому-что [illegible] лся узни[illegible]

Подошли выборы [illegible] ходы! [illegible] всѣхъ. Званіе [illegible] я похор[illegible] горячило често[illegible] чивъ к[illegible]

а, можетъ быть, и по другимъ болѣе возвышеннымъ даннымъ, молодой Воропоновъ могъ искать избранія своего въ предводители, и онъ сталъ горячо искать. Но ему явился [8]) соперникомъ старый, гордый претендентъ, не могшій уже переносить мысли, чтобъ молодой выскочка вступилъ въ соискательство съ нимъ, и Воропоновъ имѣлъ еще несчастную неосторожность оскорбить его чѣмъ-то лично. Лучше бы онъ волку въ пасть положилъ свою голову. „Господа“, сказалъ тотъ, обращаясь къ полному собранію дворянъ на выборахъ, — „мы поступаемъ вопреки точному смыслу закона, всемилостивѣйше дарованнаго намъ великой государыней... Между нами дворянинъ, который не только не имѣетъ права искать себѣ какой-либо должности въ средѣ дворянской, а онъ недостоинъ находиться въ нашемъ благородномъ собраніи, какъ человѣкъ подсудимый и надъ которымъ не исполненъ еще приговоръ суда, опредѣляющій его къ тѣлесному наказанію по несовершеннолѣтнему совмѣстничеству его въ грабежахъ и разбояхъ его отца. Я протестую и требую вывести г. Воропонова изъ собранія.“ Несчастнаго Воропонова не вывели, а попросили его выйдти. Но соперникъ его былъ безпощаденъ. На другой день онъ подалъ въ судъ бумагу, въ которой говорилъ: „что какъ довѣдомо [9]) ему и всему окружному дворянству, что сынъ такого-то Воропонова, будучи включенъ по дѣлу своего отца о смертоубійствахъ и разбояхъ и прощенный ради своего несовершеннолѣтія, за что вмѣнено ему въ милостивое исправленіе: по достиженіи узаконенныхъ лѣтъ, выдержать ему передъ судомъ тѣлесное наказаніе — то онъ, дворянинъ такой-то, представляетъ во вниманіе, кому слѣдуетъ: почему, по давнемъ уже достиженіи совершеннолѣтія имъ, Воропоновымъ, не приведено доселѣ въ исполненіе опредѣленіе суда, всемилостивѣйше-утвержденнаго высочайшей конфирмаціею?“ Здѣсь отступить было нельзя. Такъ силенъ и безпощаденъ былъ этотъ представитель и грозно стоялъ за плечами судей, чтобъ судьи не могли подумать уклониться, или какъ-нибудь не внять его представленію. По требованію полнаго засѣданія вынуто было дѣло изъ архива и поступило на разсмотрѣніе; но смыслъ опредѣленія былъ слишкомъ точенъ и конфирмація высочайшей воли дѣлала его непреложнымъ. И вотъ было послано требованіе къ г. Воропонову явиться въ судъ по прописанному дѣлу, для выслушанія опредѣленія и для принятія слѣдуемаго по оному исполненія... Воропоновъ застрѣлился. Правосудіе человѣческое отступило передъ нимъ, смягчилось при видѣ его молодости; но судъ Божій не судъ человѣческій, и кровь Воропонова сама воздала за себя божественной правдѣ.

Но это только эпизодъ, запечатлѣнный силою высокотрагическаго ужаса, передъ истиной котораго такъ блѣдны созданія нашего замученнаго воображенія! а главная кровавая нить проходила не здѣсь.

Ее держали въ рукахъ два брата, графы Девіеры, жившіе верстъ на сто другъ отъ друга и въ разныхъ уѣздахъ. Они были центромъ, куда проводились многочисленныя мелкія нити и связывались тамъ въ одинъ крѣпкій, безчестный узелъ. Имѣніе одного изъ графовъ было надъ Донцомъ, въ лѣсахъ; огромнаго устройства водяныя мельницы оглушительнымъ шумомъ своимъ какъ-бы не давали владѣльцу слышать укоровъ его совѣсти. Въ береговыхъ скалахъ вырыты были на дальнее разстояніе потаенныя пещеры, гдѣ содержались преимущественно лошади, собранныя изъ разныхъ концовъ и, говорятъ, когда выводили ихъ ночью поить на Донецъ, то радостное ржанье бѣдныхъ животныхъ, выступившихъ изъ подземельной тюрьмы, бывало до-того сильно, что весь лѣсъ отзывался имъ и рѣка рокотала переливами.

Наша маленькая Макаровка, до покупки нами, принадлежала господину, который имѣлъ когда-то свои пріязненныя сношенія съ этимъ графомъ, и мнѣ разсказывалъ старый дѣдъ Данило, нашъ пасѣчникъ, бывшій кучеромъ у прежняго барина, какіе тамъ порядки бывали въ домѣ, когда пріѣдешь... И до того было живо въ умномъ старикѣ впечатлѣніе тѣхъ временъ, что, начиная мнѣ разсказывать о *грапѣ* (такъ малороссіяне произносятъ графа), величавый дѣдъ озирался, точно высматривалъ кого изъ-за кустовъ и значительно понижалъ голосъ.... Что это была за странность такая, когда пріѣдешь днемъ во дворъ, точно будто всѣ люди вымерли, на душу живую не натолкнешься, даже двери въ людскія настежь растворены стоятъ и развѣ гдѣ-нибудь послышишь на печи, что больная старуха стонетъ, причитывая къ смерти, да еще какой-нибудь ребенокъ выглядываетъ, какъ мышь изъ подполья. Но чуть повечерѣло, то и начнутъ немного показываться люди, сновать изъ угловъ, и что ни дальше къ ночи, то все больше прибываетъ ихъ. За людьми собаки выползутъ изъ конуръ — просто волосъ на головѣ становится дыбомъ! Даже пріучены такъ, что собаки не лаютъ; а чуть стемнѣло, и пошли рычать изъ всѣхъ угловъ, того и берегись, что не та, такъ другая кинется къ горлу. А когда легъ спать, то и спи, не поднимай съ-дуру головы, что́ бы тамъ ни слышалъ, а то, ни оттуда, ни отсюда, дюжая рука тотчасъ уложитъ тебя шмелей слушать [10])... „И Господи, Боже мой!“ ужасался старый человѣкъ былому: „иной разъ припадешь къ землѣ, ночуя подъ своею бричкою: такъ земля подъ ухомъ стонетъ, какъ живой человѣкъ болѣзнуетъ утробою!“ И какъ ей было не болѣзновать и не издавать стоновъ, когда подъ домомъ были подземелья съ цѣпями и томящимися узниками, а по всему двору находились тайники и скрытые ходы! Графъ былъ двоеженецъ. Справивъ живой женѣ великолѣпныя похороны и торжественно, со всѣми церковными обрядами схоронивъ куль соломы,

онъ женился въ другой разъ и семь лѣтъ держалъ въ погребѣ заключенную неумиравшую жену!

Любопытно, что въ рѣшеніи участи обоихъ братьевъ Девіеровъ довольно сходно участвовалъ *серебряный сервизъ*.

Не знаю, который изъ графовъ, старшій или меньшой, но только тотъ, который жилъ надъ Донцомъ, попалъ на большой пиръ къ одному богатому помѣщику, верстъ за сто, и отличное столовое серебро взманило графа. Какъ опытный въ этихъ дѣлахъ, зная, гдѣ употребить лисій хвостъ, когда не беретъ волчій ротъ, графъ умѣлъ склонить на свою сторону дворецкаго и обѣщалъ ему, кромѣ другаго награжденія, дать вольноотпускную отъ своего имени, если дворецкій бѣжитъ къ нему и снесетъ серебро. Дѣло было обдѣлано такъ ловко, что ни малѣйшаго подозрѣнія не пало на графа, никакихъ концовъ, ни слѣдовъ; дворецкій съ серебромъ какъ въ воду канулъ. Графъ держитъ его въ чести; повидимому, онъ сталъ у него первымъ довѣреннымъ человѣкомъ; но несчастный не понималъ того, что онъ живая улика на графа и что тотъ, навѣрное, постарается избавить себя отъ него. Пріобрѣтеніе серебра случилось по осени.... Когда пала зима и ледъ сталъ по Донцу, въ одинъ вечеръ [11]), приказывая на завтра выѣзжать пару молодыхъ лошадей, графъ обратился къ своему довѣренному дворецкому и говоритъ: „пожалуйста, и ты, братъ, поѣзжай. Лошади хорошія: посмотри, чтобъ не испортилъ кучеръ.“ А дѣло было вовсе не въ лошадяхъ, а въ страшномъ умыслѣ. Посреди Донца прорублена была съ вечера большая широкая прорубь; къ утру она должна была покрыться тонкимъ слоемъ льда, что замѣтить ее незнавшему никакимъ образомъ нельзя было, — и было приказано кучеру: разогнавъ лошадей управить ихъ на это мѣсто, причемъ чтобъ онъ соскочилъ, а кто другой будетъ сидѣть въ санкахъ и съ лошадьми долженъ былъ пойти подъ ледъ. Такъ въ точности оно и исполнилось. Случай вышелъ совершенно-естественный; что молодыя лошади неслись, кучеръ не могъ сдержать ихъ, да онъ и не зналъ, какъ онѣ наскочили на одно мѣсто, которое мало замерзло; а этихъ мѣстъ по Донцу и теперь достаточно, а слишкомъ за полвѣка рѣка была несравненно-быстрѣе и полноводнѣе, и обстоятельство было вполнѣ вѣроятное, что кучеръ могъ спастись, а другой, кто сидѣлъ съ нимъ, утонулъ. Развѣ мало подобныхъ случаевъ бываетъ? Да графу и не передъ кѣмъ было выставлять на видъ всѣ эти мелкія вѣроятности. Онъ могъ своимъ знакомымъ, кому хотѣлъ, разсказать этотъ случай и пожалѣть, что молодыя лошади пропали, да упомянуть, что и человѣкъ утонулъ тутъ же. Знакомымъ какое дѣло? А судъ не могъ знать о томъ, если самъ графъ не хотѣлъ его увѣдомить — словомъ, на землѣ всѣ концы были запрятаны въ воду, и толстая ледяная кора,

затянувъ и загладивъ мѣсто страшнаго преступленія, какъ-бы непробуднымъ безмолвіемъ покрыла его... А оно открылось, и такъ явственно, что закрыть его не было никакой возможности.

Весною, когда пошелъ ледъ по Донцу, верстъ за сорокъ ниже по теченію, прибываетъ въ городъ къ берегу мертвое тѣло. Суматоха поднялась большая. Даютъ начальству знать; тѣло выносятъ на берегъ и всѣ въ недоумѣніи: видятъ, что человѣкъ не простой. На немъ длинная бекешь на смушкахъ, покрытая хорошимъ сукномъ и одна рука въ перчаткѣ... Кто онъ такой, откуда — никто не знаетъ и даже слуху не было, чтобъ кто утонулъ за это время; особливо, судя по костюму, что это долженъ быть помѣщикъ или служащій какой, такъ бы вѣсть издалека прошла; ничего неизвѣстно. Слѣдователи рѣшили, и самъ исправникъ приступилъ разстегнуть бекешь утопленнику, чтобъ посмотрѣть, не найдется ли какихъ указаній, или бумагъ при немъ? И вообразите: въ карманѣ сюртука находятъ бумагу даже не промокшую, сухую совершенно, какъ бы исправникъ вынулъ ее изъ собственнаго кармана, и какая жъ это бумага? Письмо графа, которымъ онъ сманивалъ несчастнаго; говорилъ въ немъ о серебрѣ, о своихъ наградахъ и подписалъ свое имя... Дѣло о серебрѣ было громкое. Помѣщикъ разослалъ объявленія по всей губерніи съ описаніемъ примѣтъ бѣжавшаго дворецкаго. Объявленіе было въ судѣ; его сличили и нашли совершенно-вѣрнымъ. Дали знать съ нарочнымъ помѣщику; тотъ прискакалъ и самъ призналъ своего несчастнаго слугу. И что изумительнѣе всего! почти четыре мѣсяца былъ человѣкъ подъ водою, и даже рыбы не тронули глазъ! Мертвое тѣло осталось совершенно-невредимымъ, между тѣмъ какъ о саняхъ и лошадяхъ и помину никакого не оказалось.

Началось дѣло. Помѣщикъ-истецъ скоро умеръ; наслѣдники его были далеко на службѣ; но ни все золото графа, ни вся продажность судей не могли закрыть дѣла, оно тянулось и должно было кончиться со всѣми выступившими наружу злодѣяніями. Одна смерть могла быть спасеньемъ отъ позора, и — чтожъ? совершилось дѣло, едва-ли слыханное въ юридическихъ актахъ: графъ былъ показанъ умершимъ, и еще семь лѣтъ прожилъ этотъ лжемертвецъ, сокрывшись отъ человѣческаго взора! Но жизнь со всегдашнимъ томительнымъ опасеніемъ быть открытымъ, жизнь въ тѣхъ самыхъ тайникахъ и подземельяхъ, гдѣ, умирая, томились его жертвы, гдѣ семь лѣтъ степала его жена, гдѣ обступали его ежечасно напоминанія совершенныхъ имъ злодѣяній — а они должны были явиться въ ужасающемъ безмолвіи живаго гроба — такая жизнь не страшнѣе ли самой каторги?

Другой графъ Девіеръ жилъ въ валуйскомъ уѣздѣ, въ своемъ большомъ имѣніи Погромецъ на Осколѣ, и купилъ онъ у одной богатой помѣщицы имѣніе. Часть денегъ положено было уплатить при

совершеніи купчей, а остальныя были расчислены по срокамъ. Но проходитъ одинъ срокъ — графъ не платитъ, и время другаго срока прошло — графъ не думаетъ платить. Помѣщица пишетъ къ нему, посылаетъ нарочныхъ, но онъ подъ разными предлогами даже не отвѣчаетъ; пріѣзжаетъ она сама. Графъ съ большими извиненіями говоритъ: что онъ и радъ бы душею, но что у него денегъ нѣтъ. „А когда у васъ денегъ нѣтъ, графъ, то въ замѣнъ я могу взять вашъ серебряный сервизъ,“ потребовала помѣщица. Графъ, по видимому, охотно согласился; но, будто бы за укладкою сервиза, онъ съумѣлъ удержать даму до вечера. Когда она выѣхала въ ночь, ей приготовлена была засада. Это была первая санная дорога. Осколъ хотя сталъ, но мѣстами еще были продушины, и вотъ карету захватили и подволокли къ одной изъ нихъ... Не знаю, были-ли прежде утоплены люди: кучеръ, лакей, горничная? Вѣроятно, что такъ. Но помѣщицу спасла ея песцовая шуба: что ее окунутъ въ воду, она будто и потонетъ; но песцовая шуба не обмокаетъ, вздувается и поднимаетъ ее наверхъ. Въ эту ночь везли къ кому-то доктора, сбились съ дороги и, плутая, попали на мѣсто преступленія. Занятые своей страшной вознею съ непотопаемой шубою, графскіе люди ничего не слыхали, какъ сзади подъѣхали къ нимъ и ихъ громомъ поразилъ раздавшійся за спиною вопросъ: „Что вы дѣлаете?“ Они бѣжали; докторъ могъ оказать всю нужную помощь полубезчувственной утопленницѣ. Она сейчасъ же назвала графа и подняла дѣло. Но помѣщица была другаго уѣзда и какъ прямыхъ доказательствъ не представлялось на лицо, то потребовался повальный обыскъ о графѣ, и таково было малодушіе, страхъ и подобострастіе дворянъ цѣлаго уѣзда, что они всѣ одобрили графа! Но нѣтъ! Помѣщица была слишкомъ сильна, и уже слишкомъ-давно вопіяли къ божескому и человѣческому правосудію недостойныя дѣла графа! Была доказана ложность подобострастныхъ показаній дворянъ, присланы изъ губерніи слѣдователи, дѣло раскрыто, и графъ понесъ все безчестное наказаніе, заслуженное имъ, и сосланъ былъ въ Сибирь. Любопытно, что всѣ дворяне валуйскаго уѣзда отданы были подъ судъ, отрѣшены отъ всѣхъ должностей и повелѣно было впредь никуда не принимать ихъ, такъ что у нихъ даже выборовъ не было. Изъ другихъ уѣздовъ съѣзжались чужіе дворяне и назначали имъ отъ себя предводителя, судей и всѣ чины.

[1]) Снт. III. § 47. 4. а). [2]) Вѣрнѣе: этого [3]) Холодная, мокрая погода собственно, но здѣсь въ иносказательномъ смыслѣ: суровое время. [4]) Добыть на охотѣ, затравить. [5]) дармоѣды и живущіе въ домѣ на хлѣбахъ безплатно. [6]) Охотничьи шайки изъ дворовыхъ людей. [7]) т. е. пойди и упади, иначе: отправляйся и сдавайся. [8]) Снт. III. § 54. 19). [9]) т. е. извѣстно. [10]) уложитъ на вѣкъ въ землѣ, гдѣ шмеля дѣлаютъ себѣ норы. [11]) Вѣрнѣе: однажды вечеромъ.

39. Анна Лазаревна сотничиха.

„Въ нашей семейной памяти особенно-явственно обозначается Анна Лазаревна въ ту пору, когда мужъ ея давно умеръ, всѣ пять дочерей розданы [1]) были въ замужество, пять сыновей ея кто [2]) въ должности, кто на службѣ и она — маленькая, неутомимо-подвижная, сухая старушка, всюду сама по дѣламъ бываетъ, всѣхъ знаетъ, и всѣ ее знаютъ, съ намѣстникомъ дружбу ведетъ и живетъ на островѣ у своей мельницы, какъ въ крѣпости: только чрезъ собственную ея плотину и есть доступъ къ ней.

Рѣка Короча верстъ за тридцать отъ города, запушаясь лозами, обмеляясь и потомъ отступая отъ своей окраины горъ, поросшихъ лѣсомъ съ снѣговыми прохватами и лысинами, широко загибается колѣномъ, и въ загибѣ рѣки остается совершенный правильный и довольно-большой островъ. Хотя въ сторонѣ, черезъ рѣку, было селеніе (теперь Большая Слобода, а по старинному прозвищу „Городище“ по огороженной бывшей крѣпости на превысокой горѣ), но близость населенія ничего не производила въ безмолвіи и пустынной захороненности острова. Съ одной стороны, наклоняясь надъ нимъ съ горъ, шумѣлъ и колыхался недремлющій лѣсъ, съ другой, ревѣла водяная мельница, и этотъ неумирающій шумъ и плескъ воды, шептанье робкое вербъ на островѣ, поопустившихъ свои вѣтви... чѣмъ и какъ оно наполняло душу суровой обитательницы? Собственно въ ея лицѣ представляется намъ образецъ страннаго и печальнаго — не то, чтобъ суевѣрія, а совершеннаго непониманія благодатнаго духа вѣры Христовой. Суровыя усилія, запечатлѣть святыни вѣры не освященіемъ сердца въ духѣ заповѣданной любви и милосердія, а думать найти ее въ суровыхъ, истязательныхъ лишеніяхъ постничества, угрюмаго и само по себѣ безплоднаго! При поступкахъ Анны Лазаревны, при ея угнетательной, притяжательности, несправедливостяхъ, ея немилосердіи къ своимъ должникамъ, при грозѣ ея внутренняго домоуправства, она была величайшею постницею [3]) и богомолкою. Лѣтъ за тридцать до смерти она уже никогда, ни въ день свѣтлаго праздника, не ѣла скоромнаго; круглый годъ *понедѣльничала* [4]), то есть, не только въ среду и пятницу, но даже по понедѣльникамъ совершенно постилась до захожденія солнца. На страстной недѣлѣ, поужинавъ въ вербное воскресенье, она только обѣдала въ чистый четвергъ; а поужинавъ въ чистый четвергъ, разгавливалась на свѣтлый праздникъ, и какъ разгавливалась! постною пасхою, едва-испеченною съ орѣховымъ масломъ; даже краснаго яйца она не отвѣдывала. И молилась Анна Лазаревна по цѣлымъ долгимъ часамъ... Изумительно, какія странныя, ужасающія душу преданія идутъ о ея молитвѣ!

Былъ у нея прикащикъ Кирюшка, который, для принятія приказаній и ежечаснаго отчета во исполненіи ихъ почти неотступно находился въ домѣ. Вотъ становилась Анна Лазаревна на свою утреннюю молитву. Молельная комната была вмѣстѣ и кладовою съ разными мѣшечками, кадочками, со всевозможною рухлядью и еще со стекольцемъ въ дверяхъ, чтобъ часомъ [5]) молитвы не мѣшало заглянуть: а что тѣмъ временемъ дѣлается по дому? Съ глубокимъ воздыханіемъ начинала Анна Лазаревна:

— *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій*... Кирюшка!.... Пока являлся Кирюшка, договаривалось: *помилуй мя грѣшную*... А что ты тутъ? спрашивала Анна Лазаревна, не отводя глазъ отъ образовъ и начиная между-прочимъ: — *Матерь Божія!*

— Я здѣсь, сударыня. Чего изволите? произносилъ у стекольца Кирюшка.

— А что ты себѣ думаешь? А задалъ ты лозана вонъ тому цыганскому племени?... *Благодатная Марія, Господь съ тобою!* поклонялась до земли Анна Лазаревна.... И такъ она, въ продолженіе своей страшной богохульной молитвы разъ пять призоветъ Кирюшку и отпуститъ, донесеніе отъ него приметъ, человѣкъ трехъ въ кандалы засадитъ и закажетъ булокъ спечь, и тутъ же сама отвѣситъ, сколько слѣдуетъ, фунтовъ муки!

Слухъ объ Аннѣ Лазаревнѣ, о великомъ достаткѣ ея расходился далеко; а въ то время это былъ слишкомъ-опасный слухъ. Воры и разбойники чуяли его, и бѣда висѣла надъ головою. Не она ли заставила Анну Лазаревну основаться на неприступномъ островѣ? Однакожъ и сюда не однажды подбрасывали записки съ увѣдомленіемъ сотничихѣ: „что вотъ придутъ ее разорять, жечь и грабить, буде [6]) она не заплатитъ назначаемаго выкупа." Это была обыкновенная уловка тогдашнихъ разбойниковъ и воровъ: запугать первымъ дѣломъ, чтобъ вытребовать порядочную сумму, которую слѣдовало отнести и положить вечеромъ въ какое-нибудь означаемое дупло въ лѣсу, или подложить подъ извѣстный камень. Но на подобную уловку нельзя было поймать Анну Лазаревну. Она жгла записки и не думала отплачиваться; но за-то, какъ она была всегда на сторожѣ [7])!

На конюшнѣ у нея постоянно стояло три четверки лошадей; къ каждой опредѣлено было по кучеру и имена кучеровъ сохранились: Андрюшка, Гаврикъ и другой Кирюшка. Всякій изъ нихъ долженъ былъ знать собственно своихъ лошадей, чтобъ онѣ были выкормлены, вычищены и всегда на готовѣ. Въ какое бы время ночи и дня Анна Лазаревна ни сказала: „запрягать!" и чтобъ лошади были запряжены, пока она прочитаетъ три раза: *Отче нашъ.* Но кто изъ кучеровъ поѣдетъ съ Анной Лазаревной, и думаетъ ли она сегодня или завтра ѣхать, и куда она ѣдетъ, и когда домой прі-

ѣдетъ? — *никогда никто ничего не зналъ.* Анна Лазаревна пріѣзжала и уѣзжала во всякое время дня и ночи. Напримѣръ, она ходитъ по дому, распоряжается всѣмъ, какъ обыкновенно, заказала на обѣдъ свои любимыя щи бурачныя съ грибами; наклонилась надъ какимъ нибудь сундучкомъ, роется тамъ, перебираетъ разные моточки и вдругъ говоритъ своимъ тоненькимъ голоскомъ: „Эй! кто вы тамъ? А сказать скажите-ка Гаврику, чтобъ лошадей запрягалъ.“ Свареныя щи выливаются въ чистый кувшинчикъ и крѣпко затыкаются; лошади уже готовы. Анна Лазаревна, благословясь, садится въ жолтую коляску одна, безъ дѣвки и лакея; ставятъ ей кувшинчикъ со щами и Гаврикъ съѣзжаетъ на плотину, потому-что ѣхать больше некуда. Но переѣхавъ плотину, Анна Лазаревна говоритъ: „на право!.... на лѣво!.... повороти туда!.... ступай сюда!....“ такъ что Кирюшка и Андрюшка, и кто бы кучеромъ ни ѣхалъ, сидятъ на козлахъ, только держатъ возжи; а куда они ѣдутъ, они не знаютъ, *и тѣмъ болѣе никому не скажутъ.* Такъ Анна Лазаревна оберегала свой выѣздъ отъ засадъ, измѣны и какого-либо предательства. Скорѣе можно неожиданнымъ случаемъ захватить ее, но никакъ не умышленнымъ дѣломъ.

Само-собою разумѣется, что при указанныхъ обстоятельствахъ домъ былъ достаточно укрѣпленъ засовами и запорами, внутренними желѣзными защепами, и Анна Лазаревна часто пріѣзживала къ себѣ зá-полночь. Хотя всѣ въ домѣ точно знали, что это пожаловала она и слышали ея голосъ, и она приказывала отворить двери, но еслибъ это сдѣлали, то Анна Лазаревна тутъ же, на порогѣ дома, еще не переступивъ его, страшно бы наказала всѣхъ изъ головы въ голову. „А почему вы знаете, собачьи дѣти, можетъ то разбойники говорятъ моимъ голосомъ?“ И вотъ, изъ-за крѣпко-затворенныхъ дверей, долженъ былъ начинаться опросъ такого рода. Кирюшка не вѣритъ, чтобъ это была сударыня, Анна Лазаревна. Почему ея милость поздно пожаловали? Пусть она изволитъ назвать: кто съ нею эту рѣчь говоритъ? Анна Лазаревна называетъ Кирюшку. „А кто еще въ домѣ съ Кирюшкою есть?“ идетъ дальнѣйшій допросъ. И Анна Лазаревна обозначаетъ по именамъ всѣхъ живущихъ въ домѣ и нѣкоторыя примѣты ихъ описываетъ, поминаетъ даже кота бѣлоухаго на печи; но и здѣсь Кирюшка не смѣетъ удовольствоваться и перемѣняетъ обыкновенные вопросы на довольно-странные:

— *А что въ горшкѣ кипитъ?* спрашиваетъ.

— *Огонь.*

— *А что на полиці пече палянице* [8])!

— *Вода,* отвѣчаетъ Анна Лазаревна.

И тутъ только засовы и запоры съ дверей падаютъ, и Кирюшка впускаетъ свою грозную госпожу.

Удивительная женщина! Живши лѣтъ подъ девяносто, она не ослабѣвая по самую смерть сохранила свою подвижность и безпрерывную, неутомимую дѣятельность по хозяйству. Вслѣдствіе огромнаго скотоводства, молочные сборы въ то время составляли одну изъ главныхъ статей хозяйства и каждый день, съ весны и до поздней осени, Анна Лазаревна ѣздила за десять верстъ въ свои хутора, съ кувшиномъ сметану сбирать. Сама сниметъ [9]) сметану по-крайней-мѣрѣ съ сотни кувшиновъ; при ея глазахъ собьютъ масло; она освидѣтельствуетъ вечерній и утренній удой молока; приметъ новостваро-женный сыръ, посолитъ его, сложитъ въ огромныя кади; поѣдетъ на пасѣки и тамъ еще огребетъ рои! Въ Аннѣ Лазаревнѣ изумительно является утраченная нами, внучками и правнучками — эта способность нашихъ старыхъ людей, не выпускать дѣла изъ рукъ, всегда что-нибудь да работать. Даже въ дорогу, вмѣстѣ съ кувшинчиковъ постныхъ щей, Аннѣ Лазаревнѣ ставили въ коляску витушку, на которой разматываютъ тальки, и она, сидя въ коляскѣ, дорогою постоянно или щелкала щипчиками орѣхи на масло, или разматывала пряжу и нитки. По бóльшему или мéньшему запасу даже могли приблизительно догадываться: въ далекій-ли путь, или нѣтъ, ѣдетъ Анна Лазаревна? Одинъ разъ отъ сильнаго нажиманья щипчиковъ у ней разболѣлся большой палецъ; сдѣлалась воспалительная краснота, потомъ это почернѣло и сдѣлался антоновъ огонь. Анна Лазаревна приказала вскипятить большой мѣдный чайникъ воды, туго перевязала ниткою палецъ повыше больнаго мѣста и опустила его въ кипятокъ. Продержавъ въ кипяткѣ палецъ, пока боль совершенно занѣмѣла, Анна Лазаревна вынула его и осталась жива и здорова.

Тогда настояла нужда въ народонаселеніи. Послѣднее окончательное закрѣпленіе малороссійскихъ крестьянъ совершилось, и понятно, съ какой готовностью владѣльцы большихъ земель старались захватить въ свои руки эти рабочія силы, которыя правительство предоставляло имъ въ полное и безотчетное распоряженіе. Анна Лазаревна завела на островѣ винокурню и стала населять тѣсную деревушку. Владѣніе всѣмъ имѣніемъ безраздѣльно находилось у нея; сыновьямъ Анна Лазаревна ничего не давала [10]) и между-тѣмъ безпрестанно прихватывала новыя усадебныя мѣста, лѣсныя урочища, луга, сады, разнородныя угодья. Надобно было только Аннѣ Лазаревнѣ захотѣть вбить колъ возлѣ какого мужичка, котораго поселокъ почему-нибудь ей начиналъ нравиться, какъ бѣднякъ, стращаемый опаснымъ сосѣдствомъ, самъ являлся къ сотничихѣ и Христомъ-Богомъ просилъ положить цѣну, какую угодно, его усадьбѣ и взять ее себѣ. Тогда деньги были за рѣдкость. Серебрянный рубль и въ глаза мало попадался. Анна Лазаревна давала свои рубли въ заемъ и непремѣнно подъ залоги. У цыганъ и даже вольныхъ посе-

лянъ она брала взрослыхъ дочерей въ залогъ; только отцы не уплачивали къ сроку, Анна Лазаревна забирала на островъ дѣвокъ, отдавала замужъ за своихъ людей и населяла хутора свои и островскую деревушку.

Сохранилось преданіе, какимъ образомъ Анна Лазаревна составляла браки своихъ подданныхъ. На хуторахъ у ней по одной и по двѣ свадьбы никогда не бывало. А когда собиралось достаточное число шести или семи дѣвокъ, оставшихся у нея въ закладѣ и къ нимъ подростало нѣсколько своихъ, тогда вдругъ Анна Лазаревна (у нея все подобное дѣлалось неожиданно) призывала отцевъ и матерей, у которыхъ были сыновья, молодые парни, что [11]) женить пора, и говорила: „А что вы сидите да съ пусту [12]) думу думаете? Ребятъ женить пора.“ — „Да, коли милость твоя великая будетъ!“ — кланялись отцы и матери въ ноги Аннѣ Лазаревнѣ и она повелѣвала представить предъ себя всѣхъ жениховъ и невѣстъ. Размѣстивъ ихъ въ два ряда другъ противъ друга, она проходила между ними и указывала пальцемъ: „тебѣ вотъ эта! а тебѣ, вотъ та, ... а ты, вотъ эту бери ....“, и прекословія никакого не могло быть! Затѣмъ тутъ же отрѣзывались красныя юбки невѣстамъ и сорочки женихамъ барскаго пожалованья; приказывалось Кирюшкѣ отпустить извѣстное количество пшеничной муки на короваи; жаловала Анна Лазаревна прямо изъ куба водки на веселье и, чтобъ все было живо какъ горѣло — на послѣзавтра чтобъ и свадьбы были окончены. Спарованные женихи и невѣсты уже, по обычаю „молодыхъ“, а отцы и матери ихъ, въ благодареніе Аннѣ Лазаревнѣ за великія милости, поклонялись ей до земли большимъ поклономъ, и менѣе чѣмъ въ три четверти часа вся жизненная участь молодаго поколѣнія была рѣшена безвозвратно.

Теперь мнѣ слѣдуетъ разсказать довольно-странный случай. Не позволяя себѣ никакихъ истолкованій на него, я только перевожу на свои страницы необычайное сказаніе, за истину котораго могли поручиться цѣлыя сотни людей, волею и неволею участвовавшихъ въ дѣлѣ.

Я уже говорила, какъ Анна Лазаревна давала свои рубли въ займы. Одинъ бѣдный мужикъ изъ того ближняго, напротивъ острова, селенія Городища, приневоленный неминучей нуждою, вымолилъ Христомъ-Богомъ у Анны Лазаревны мѣдный рубль алтынами. Взрослой дочери у него не было, чтобъ взять ее подъ залогъ, а было только четверо маленькихъ дѣтей, и потому Анна Лазаревна сказала, что она возьметъ корову, буде должникъ не уплатитъ къ сроку. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдный человѣкъ изо-всѣхъ силъ старался, чтобъ удовлетворить свою грозную заимодавицу къ назначенному дню. Но легко ли было въ тѣ времена заработать этотъ

несчастный рубль, когда лучшему работнику у Ефима Лазаревича была поденная плата менѣе теперешней копѣйки серебромъ? и къ тому еще бѣдняку пошло несчастье: родилось у него дитя и потомъ умерла жена. Волею и неволею, онъ долженъ былъ истратиться на крестины и похороны, а затѣмъ и срокъ сближался. А у Анны Лазаревны было свое обыкновеніе: передъ окончаніемъ срока призывать къ себѣ должниковъ и спрашивать ихъ: „А что они думаютъ: платить, или нѣтъ? Затѣмъ Анна Лазаревна принимала свои предусмотрительныя мѣры. Такъ и здѣсь, она послала за мужикомъ: „*А що ты собі, человіче, яку думку маешь* [13]?“ — спрашиваетъ его. „Сроку тебѣ остается одна недѣля.“ Бѣднякъ упалъ въ ноги, молитъ и разсказываетъ свое горе .... „Уже то тебѣ такъ Богъ далъ; а ты меня, человиче, знаешь“, сказала Анна Лазаревна: „корову возьму.“ А эта корова была матерью, которая одна питала четырехъ осиротѣлыхъ дѣтей и пятаго новорожденнаго! Прошла недѣля, и наступилъ конецъ сроку. Анна Лазаревна снарядила Кирюшку и еще нѣсколько человѣкъ, чтобъ они пошли, взяли съ двора у мужика корову и вмѣстѣ съ коровою привели его самого: засадить его, собачьяго сына, въ островскую тюрьму, чтобъ онъ зналъ, какъ брать денегъ и платить въ срокъ.“ Но мужикъ самъ входитъ къ Аннѣ Лазаревнѣ, кланяется ей низко и подаетъ на ладони *серебряный рубль*. Анна Лазаревна смотритъ и видитъ, что это петровскій рубль и что онъ долго лежалъ въ землѣ, потому что заплеснѣлъ и позеленѣлъ по краямъ. Мысль о *кладѣ*, вѣроятно, промелькнула въ головѣ Анны Лазаревны. „А гдѣ ты, человіче, сей рубль взялъ?“ спрашиваетъ она. „У тебя денегъ не было... Это такой рубль, что моему дѣду ровесникъ. Гдѣ ты его взялъ?“ — „Заработалъ“, отвѣчалъ, смущаясь, мужикъ. „За одну недѣлю у тебя такія заработки стали?... Кирюшка, въ кандалы его! засадить вора.... Онъ подъ государеву тайную казну подкопался!“ рѣшила Анна Лазаревна. Мужика схватили и заковали его въ кандалы. Всѣми святыми отпрашиваясь и клянясь, что онъ ничего того не знаетъ и что онъ истинно заработалъ рубль, мужикъ обѣщался разсказать все, какъ было, безъ утайки....

И вотъ что̀ онъ разсказалъ:

Идучи отъ Анны Лазаревны, онъ былъ въ великомъ горѣ — думалъ наложить на себя руки и даже не вошелъ въ избу, а сѣлъ на заваленкѣ. Стали сумерки. Мимо его кто-то быстро прошелъ. Онъ поднялъ голову и тотъ человѣкъ, остановясь, оборотился къ нему. „Другъ, говоритъ, нѣтъ ли здѣсь кого, кто бы взялся мнѣ ось подѣлать! Въ лѣсу у меня поломалась ось. Я заплачу.“ Человѣкъ былъ какъ-бы купеческій прикащикъ, и о чемъ говорилъ онъ, было дѣло вполнѣ вѣроятное. Черезъ лѣсъ у Городища лежала большая

проѣзжая дорога изъ Бѣлгорода, и когда по осени начинали портиться дороги, то здѣсь ломка бывала частая, какъ она и теперь есть. Мужичокъ обрадовался случаю заработать сколько нибудь; попросилъ обождать, пока онъ сходить въ избу, возьметъ топоръ — и тотъ человѣкъ, стоялъ, ждалъ его на улицѣ и потомъ они пошли. Бѣдняку въ его горѣ было не до разговоровъ, и тотъ тоже молчалъ и шелъ нѣсколько впереди. Пришли они точно въ лѣсъ и на бѣлгородскую дорогу; тотъ своротилъ нѣсколько въ сторону и указалъ на одно дерево. „Сруби, говоритъ, другъ, и обдѣлай ось." „Теперь, говоритъ, бери съ собою. Пойдемъ." Пошли они прямо въ лѣсъ. Шли они тоже молча, и что-то какой-то трепетъ сталъ пронимать мужичка. Показался свѣтъ. Они пришли къ отворенному погребу. Тотъ человѣкъ вошелъ первый и говоритъ: „Неси, другъ." Когда мужичокъ, въ робости, вступилъ туда, онъ увидѣлъ, что свѣтъ шелъ отъ иконы, передъ которой горѣла лампадка, и въ погребѣ, подъ стѣнами, стояли на колесахъ боченки, какъ-бы ихъ собирались везти куда, и передъ однимъ боченкомъ точно передняя ось переломилась. Тотъ человѣкъ указалъ мужичку на нее, и когда въ робости и недоумѣніи мужичокъ началъ возиться, подлаживать ось, онъ и самъ помогъ ему приподнять тяжесть. Когда дѣло было окончено, этотъ человѣкъ открылъ закладку у того самаго боченка, подъ которымъ была поддѣлана ось, опустилъ въ него руку и, вынимая оттуда, подалъ мужичку рубль. „Теперь ступай, Богъ съ тобою!" сказалъ ему.

Можно судить, какимъ образомъ подѣйствовалъ на Анну Лазаревну этотъ разсказъ, существенное доказательство о которомъ она держала въ рукахъ — старый петровскій рубль, заплеснѣлый и позеленѣлый вслѣдствіе обыкновенной сырости въ погребахъ. Не выпуская мужичка изъ кандаловъ, она послала гонца въ Корочу, гдѣ было у нея два сына — одинъ городничимъ, а другой засѣдателемъ — чтобъ быть имъ немедля. Тѣ прибыли, сбили громаду мужиковъ изъ всего Городища; сама Анна Лазаревна, распоряжаясь, повелѣла бѣдняку вести на мѣсто, гдѣ онъ говорилъ, что все было. Мужичокъ, ни мало не запинаясь, привелъ къ тому мѣсту, гдѣ человѣкъ велѣлъ ему срубить дерево и обдѣлать ось — и тамъ точно нашли дерево срубленнымъ и щепы лежали при немъ. Хорошо-знакомый съ мѣстностью роднаго лѣса, бѣднякъ шелъ все дальше и дальше; наконецъ остановился и сказалъ: что именно здѣсь былъ погребъ. Но вмѣсто погреба зеленѣлъ небольшой пригорокъ *и на немъ лежала старая поломанная ось....*

Анна Лазаревна, разумѣется, принялась рыть всею громадою и не вырыла ничего [14]).

Я уже говорила, что она жила лѣтъ подъ девяносто, все осо-

бясь[15]) одна на островѣ. Даже временное посѣщеніе дѣтей было ей въ отягощеніе. Она имъ рѣшительно ничего не давала, и сыновья, всѣ женатые и съ большими семействами, рѣшились наконецъ прибѣгнуть къ дядѣ Ивану Лазаревичу (Ефима Лазаревича въ живыхъ тогда не было), чтобъ онъ поговорилъ — вѣдь сестра же ему Анна Лазаревна! — и отъ Божества ей поговорилъ, и такъ по человѣчеству, что сыновья старѣются, у нихъ свои дѣти взрослыя; а она, что называется, куска хлѣба имъ не даетъ въ руки! Иванъ Лазаревичъ видѣлъ, что племянники вовсе[16]) правы, и въ назначенный день съѣхались сыновья съ женами и дочери къ Аннѣ Лазаревнѣ; пріѣхалъ и онъ. Сыновья просили и братъ говорилъ и просилъ, и на совѣсть отдавалъ — не послушалась Анна Лазаревна. „А коли такъ," сказалъ Иванъ Лазаревичъ, раздосадованный, уѣзжая: „*пожаловать волною морскою.*" Это была несчастная метафорическая фраза, какъ-бы дававшая племянникамъ свободу поступить такъ же бурно и своевольно, какъ ходятъ волны въ морѣ. И (страшно сказать) остался слухъ, что сыновья Анны Лазаревны, жестоко огорченные ея отказомъ и, нѣтъ сомнѣнія, разгоряченные обѣденнымъ пиршествомъ, безъ котораго не могъ обойтись такой съѣздъ родныхъ, будто они — буквально принимая слово дяди: *волна* и видя ее такъ близко у себя передъ глазами — тащили мать. Говорятъ, Анна Лазаревна прокляла дѣтей; но по-крайней-мѣрѣ, ничего не давая сыновьямъ и дочерямъ, она стала много раздавать на церкви и монастыри и начала отправлять большіе вклады въ Кіевъ.

Наконецъ она умерла.... И хотя это невѣроятно, какъ ходили слухи, будто послѣ ея смерти сыновья мѣрками дѣлили серебряныя деньги, но нѣтъ сомнѣнія, что имъ много досталось въ вещахъ и въ имѣніяхъ, и вообще въ хозяйственномъ добрѣ: мельницы, сады, а земли сколько было! И что же? Я знала старыхъ внуковъ Анны Лазаревны — и у нихъ уже ничего не было. Они только не просили милостыни, но имъ можно было подать ее. И не то, чтобъ эти люди до конца безпорядочной жизнью растратили свое состояніе — вовсе нѣтъ; но какъ-то оно разошлось, расползлось.... Вода и огонь пришли на него — и на беззаконность дѣлъ бывалаго времени возсталъ законъ съ своимъ судящимъ правомъ. Началось генеральное размежеванье земель; потребовались отъ потомковъ Анны Лазаревны документы на право ихъ владѣнія тѣмъ или другимъ участкомъ земли; а что̀ они могли представить? Въ тѣ времена письменныя обязательства были не въ большой силѣ. Анна Лазаревна покупала свои притяжательныя покупки на бо̀льшую часть безъ купчихъ, и въ закладъ у нея оставшіяся земли тоже были безъ закладныхъ. У наслѣдниковъ начались дѣла, пошло разореніе, и на дѣтяхъ Анны Ла-

заревны исполнилось слово сказанное: *кто не собираетъ со мною — расточаетъ.* *Кохановская.*

[1]) Вѣрнѣе: выданы. [2]) Снт. Ш. § 35. 1. б). [3]) Снт. Ш. § 42. 4). Нкл. Снт. ст. 29. [4]) т. е. соблюдала постъ по понедѣльникамъ. [5]) т. е. во время. [6]) вм. если. [7]) осторожна. [8]) А что на полкѣ печетъ лепешки. [9]) Снт. Ш. § 57. 1). [10]) Снт. Ш. § 54. 2). [11]) Снт. Ш. § 35. 2). Прим. 2). Нкл. Снт. ст. 35. [12]) Вѣрнѣе: по пусту. [13]) а что, любезний, какъ ты думаешь. [14]) Въ 1857 году мнѣ случилось быть въ Городищѣ и мнѣ даже вызывались показать въ лѣсу это мѣсто погреба, которое доднесь будто бы обозначается ямою, — разсказывая при томъ, что Анна Лазаревна, мало того, что начала рыть, а что будто-би дорылась до желѣзной рѣшетки погреба и своими глазами увидѣла стоявшіе на колесахъ боченки; но вдругъ подъ землею что-то страшно загудѣло, и показавшійся погребъ провалился сквозь землю, отъ чего и осталась доднесь существующая яма. [15]) т. е. особнякомъ. [16]) Снт. Ш. § 74. Прим. 2.

---

40. Островъ.

На Средиземномъ морѣ, между острововъ, окружающихъ Грецію, давно уже извѣстна мореходцамъ одна скала, уединенно возвышающаяся посреди моря.

Эта скала замѣчательна мореплавателямъ особенно потому, что она служитъ для нихъ, предостереженіемъ [1]) отъ опасныхъ подводныхъ камней и совершенно непроходимой мели, которая ее окружаетъ со всѣхъ сторонъ на нѣсколько верстъ. Потому кормчій, какъ скоро завидитъ [2]) ее въ далекѣ, уже спѣшитъ повернуть корабль въ ту или другую сторону, чтобы миновать опасное мѣсто.

И не одни большія суда, даже мелкія лодки рыбаковъ, иногда занесенныя бурею отъ ближнихъ острововъ въ сосѣдство опасной скалы, всегда погибали тамъ безъ возврата, застрявая въ вязкомъ песку или разбиваясь объ острые камни, такъ что ни одинъ, вѣроятно, живой человѣкъ не приближался къ подошвѣ неприступнаго утеса, — а вершина его была знакома только хищнымъ птицамъ, которыя прилетали туда съѣдать свою добычу.

Но достигнуть до скалы людямъ было не только невозможно, но и не нужно, и даже не любопытно. Она не представляла ничего, кромѣ голаго камня, впрочемъ довольно живописно исковерканнаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ орошеннаго гремящими, дробящимися потоками, вытекавшими, вѣроятно, изъ средины самой скалы.

Но для чего же природа образовала это безполезное явленіе? Или нужно человѣку, на всѣхъ дорогахъ земли и моря, на всѣхъ путяхъ жизни и мышленія, встрѣчать безпрестанныя затрудненія и опасности, чтобы не заснуть прежде ночлега въ разслабляющей душу безпечности?

Въ ту ночь, когда въ Греціи совершилось извѣстное землетрясеніе, отъ котораго многіе города уничтожились, многія горы из-

мѣнили свой видъ, рѣки — теченіе, и особенно потерпѣли острова, а на сѣверъ отъ Кандіи, около Санторино, даже явился на свѣтъ новый, небывалый островокъ, тогда — кажется, это было въ 1573 году — и въ каменной скалѣ произошло нѣкоторое измѣненіе. Мель вокругъ нея распространилась еще болѣе; самъ утесъ еще выросъ изъ моря и много расширился въ своемъ объемѣ.

Послѣ того, лѣтъ черезъ тридцать, два греческіе монаха, занимаясь рыбною ловлею, въ тихую погоду, на легкой плоскодонной лодочкѣ, плавали около береговъ Анатоліи. Утро было ясное; море, какъ зеленое стекло, лежало неподвижимо; рыба играла на поверхности воды, и они, преслѣдуя ея движеніе, мало по малу удалились отъ берега. Но неожиданно поднялся вѣтеръ, и сила волненія увлекла ихъ еще далѣе въ море. Видя опасность, они начали прилежно работать веслами; но буря увеличивалась; земля изчезала изъ виду; лодочка ихъ, прыгая по волнамъ, уносилась все далѣе. Воздухъ сталъ теменъ отъ тучъ; вокругъ не было ничего, кромѣ разорваннаго моря, которое, казалось, за каждою волною раскрывается до самаго дна. Страхъ, ужасъ и холодъ проникали ихъ до самыхъ костей. Но скоро они почувствовали, что продолжать долѣе споръ свой съ бурею было бы имъ и безполезно и невозможно. Сберегая силы на всякій случай, они сложили весла въ лодку и отдались на волю Божію.

Между тѣмъ успѣли они принять другъ отъ друга исповѣдь, получили разрѣшеніе, обнялись, и тихимъ, но согласнымъ образомъ запѣли псалмы, глядя уже почти равнодушно на свою безпрестанно раскрывающуюся могилу.

Долго легкая лодочка носилась съ пѣньемъ по ревущему морю, увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону.

Наконецъ, сквозь тучи проглянуло солнце; потомъ все небо очистилось, вѣтеръ утихъ, и только одно раскачавшееся море не переставало еще волноваться.

Сами не вѣря безвредности своего долгаго плаванія, они начали надѣяться уже на спасеніе; но надежда ихъ скоро исчезла, когда, осматриваясь вокругъ себя, они замѣтили, что находятся далеко отъ земли, и прямо въ виду той опасной скалы, которая, какъ имъ было извѣстно, со всѣхъ сторонъ окружена мелью и камнями, и куда неодолимо стремило ихъ морское волненіе. Въ срединѣ моря еще была имъ возможность случайно наплыть на островъ или встрѣтить корабль. Здѣсь не было и этой надежды; они неслись на скалу и уже видимо плавали надъ самою мелью. Но вотъ другое удивленіе, между желтаго песку [8]), едва покрытаго водою, показалось темное углубленіе, какъ бы тропинка для лодки посреди непроходимаго моря. Снова взялись они за весла, стараясь удержаться на этой узкой по-

лоскѣ, которая своимъ темнымъ цвѣтомъ ясно отличалась отъ окружающей равнины. Мало по малу морская тропинка привела ихъ къ самой подошвѣ скалы, — они спасены.

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру. Море успокоилось. Но возвращаться уже было поздно. Они рѣшились встащить лодку на камни и, взойдя на скалу, дожидаться тамъ до слѣдующаго утра.

По неровнымъ уступамъ огромныхъ, разбитыхъ камней, кое-какъ взобрались они на верхъ утеса; но тамъ нашли они зрѣлище неожиданное.

Скала, казавшаяся безплоднымъ камнемъ, въ самомъ дѣлѣ была цвѣтущій, плодоносный островъ. Голые кремни, которые его окружали со всѣхъ сторонъ, составляли только высокую ограду, внутри которой, въ таинственномъ углубленіи, скрывалась пространная, зеленая равнина, усѣянная живописными пригорками, перерѣзанная живыми потоками, густыми и разнообразными перелѣсками. Высокіе кедры не достигали, однакожъ до вершины ограды. Лѣса лавровые и финиковые мѣшались съ оливковыми и лимонными деревьями, осыпанными плодами, съ апельсинами и персиками, съ орѣховыми рощами, съ миртовыми кустами и виноградными лозами, вокругъ нихъ обвивающимися. Невыразимое чувство овладѣло спасенными спутниками посреди этой роскошной природы. Молча стали они на колѣни и долго не могли найти голоса для словъ, смотря на свѣтлый востокъ, озаренный заходящимъ солнцемъ.

Окончивъ молитву и утоливъ голодъ древесными плодами, они пошли осматривать островъ.

Нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ человѣка. Все было дико, но все прекрасно; садъ, устроенный безъ трудовъ и работы; все ярко и стройно, все наполнено красоты и благоуханія. Особенно вниманіе ихъ остановилось на теченіи одного красиваго потока, который бѣжалъ съ вершины небольшой горы и живописно извиваясь по ней, безпрестанно падалъ съ камня на камень громкими порогами. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ паденіе его было значительнѣе другихъ, сгибаясь въ широкую дугу, подъ которой, какъ подъ прозрачнымъ покрываломъ, зеленѣлись кусты и растенія, они замѣтили, что подъ этимъ радужнымъ сводомъ образовалась круглая пещера, у входа заросшая гибкими розгами винограда. Природа, казалось имъ, нарочно создала, въ этой жаркой странѣ, это отрадное убѣжище, и занавѣсила его прохладною струею отъ солнца, и убрала его стѣны разноцвѣтными кристаллами и устлала его полъ мягкимъ мохомъ и густою травою. Но что-то звонкое попало имъ подъ ноги. Это былъ женскій браслетъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Какъ зашелъ онъ сюда? Птица ли занесла его? или былъ здѣсь человѣкъ? Но вотъ явный признакъ человѣка: прямой греческій мечъ,

весь покрытый ржавчиною. Не далеко отъ него яшмовая курильница, обвитая искуственными рельефами, съ остатками благовонной смолы и нѣсколькихъ недогорѣвшихъ углей. Вотъ и еще: шлемъ и мужскія латы. Подлѣ нихъ блестѣли [4]) въ травѣ женскія ожерелья и кованный поясъ, а въ темномъ углу пещеры два бѣлые человѣческіе остова лежали обнявшись. Но истлѣвшія кости, при первомъ прикосновеніи, разлетѣлись въ пыль, такъ что отъ нихъ остались два маленькіе крестика, изъ чистаго золота, и два кольца, на которыхъ вырѣзаны были двѣ Греческія буквы, на одномъ *I*, на другомъ *H*. Больше не было никакой надписи. На другой день, когда солнце выкатилось на небо, маленькая лодочка уже плыла вдоль отъ острова, по той же темной тропинкѣ.

Легко было путникамъ, вчера замѣтивши дорогу, отыскать ее опять. Скоро выбрались они въ открытое море и держась все прямо, достигли одного изъ острововъ Архипелага. Тамъ сѣли они на корабль, во все продолженіе пути храня крѣпкую тайну о своемъ странномъ открытіи. Но въ монастырѣ они обо всемъ разсказали настоятелю, который, чувствуя при бѣдственномъ состояніи востока, всю важность независимаго убѣжища, также втайнѣ сообщилъ объ немъ патріарху. Такимъ образомъ извѣстіе о новомъ островѣ сберегалось между избраннымъ духовенствомъ востока, и только немногимъ мужамъ испытанной жизни [5]) и характера передавалось оно вмѣстѣ съ другими важными преданіями, которыя всегда хранились и теперь еще хранятся въ цѣлости у извѣстной части восточнаго монашества.

Между тѣмъ многіе пустынники удалились на тайный островъ, навсегда скрываясь тамъ отъ свѣта и отъ людей. Вскорѣ, подлѣ таинственнаго грота, въ тѣни кипарисовой рощи, основанъ греческій монастырь и возвысилась церковь во имя св. Георгія, отъ чего и весь островъ получилъ тоже названіе между знавшими о его существованіи.

Въ теченіе времени переселялись туда многіе изъ ученѣйшихъ людей Греціи и Палестины, такъ что, наконецъ, монастырь св. Георгія, хотя извѣстный не многимъ, сдѣлался, однакоже, однимъ изъ первыхъ на востокѣ и по духовной замѣчательности людей, его составляющихъ, и по богатству своей библіотеки, и по своему счастливому мѣстоположенію, и болѣе всего — по тому особенному духу глубины, который долженъ былъ возникнуть въ отдѣленномъ и сомкнутомъ кругу людей необыкновенныхъ.

Впрочемъ не одни монахи населяли таинственную скалу; многія и свѣтскія семейства, преслѣдуемыя невѣрными, уходили туда, желая лучше скрыться въ вѣчномъ уединеніи, чѣмъ промѣнять на латинскую чужбину свою православную родину.

Часто, на греческихъ островахъ или въ Константинополѣ, когда отъ паши или отъ султана угрожала опасность какому-нибудь важному фанаріоту за его подозрительную приверженность къ христіанамъ, или богатому купцу, за его завидныя сокровища, то прежде, чѣмъ бѣда настигнетъ несчастнаго, у порога его жилища являлся какой-нибудь неизвѣстный прохожій, въ разорванномъ рубищѣ и просилъ его гостепріимства. И получивъ его, за чашей меду онъ разсказывалъ хозяину про свои далекія странствія, про Святую землю, угнетенную варварами; про аѳонскую гору, свѣтильникъ христіанскаго просвѣщенія на востокѣ; про нѣкоторыхъ святыхъ мужей, скрывавшихся въ пустыняхъ Азіи и Африки, — а между тѣмъ, тайно передавалъ ему извѣстіе объ опасности и приготовленныхъ средствахъ къ спасенію. Но нѣкоторымъ, особенно испытаннымъ, открывалось также о существованіи неизвѣстнаго острова.

По этой причинѣ, островъ раздѣленъ на двѣ части: въ одной стоялъ монастырь, и жили монахи; въ другой — семейства изгнанныхъ.

На этой послѣдней части острова образъ жизни былъ совсѣмъ необыкновенный. Земля была общая, труды совмѣстные, деньги безъ обращенія, роскошь неизвѣстна; а между тѣмъ, образованность древней и новой Греціи хранилась между жителями во всей глубинѣ своей особенности, неизвѣстной западу и забытой на востокѣ. Въ ихъ занятіяхъ работа тѣлесная смѣнялась умственною дѣятельностью. Въ собраніяхъ правдивость, доброжелательство и стремленіе къ возвышеннымъ наслажденіямъ духа. Въ семейномъ кругу глубокій миръ и чистота. Въ воспитаніи дѣтей развитіе душевныхъ силъ безъ насильственныхъ напряженій, — ненависть къ притворству и презрѣніе къ нелюбовному чувству соперничества. Высоко цѣнили они всякое достоинство, всякую способность, но для дѣтей своихъ скорѣе бы предпочли ихъ совершенное отсутствіе, чѣмъ при нѣкоторомъ достоинствѣ еще больше лукавое его выказываніе. И они росли весело, юноши крѣпкіе духомъ [6]) и тѣломъ, дѣвы стыдливыя, глубоколюбящія и во всей прелести неизнѣженнаго здоровья и греческой красоты.

Не рѣдко однако же получали островитяне извѣстія объ остальномъ мірѣ, и часто туда, гдѣ нужна была помощь, тайно посылали деньги изъ своихъ сокровищъ, имъ не нужныхъ и только хранимыхъ для добрыхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ далекихъ предположеній. Не тревожила ихъ наружная мишура европейской образованности, ни газетныя знаменитости, ни чужедворныя сплетни; но моремъ отдѣленные отъ міра, любовью къ человѣчеству съ нимъ соединенные, всегда съ любопытствомъ сердечнаго участія слѣдили они за судьбами просвѣщенія и народовъ, и съ трепетомъ ожидали, не воскреснетъ ли

Грецiя, и не блеснетъ ли гдѣ-нибудь лучъ надежды къ избавленiю христiанства.

Такъ было на неизвѣстномъ островѣ, посреди невѣжественныхъ земель, угнетенныхъ варварами. Между тѣмъ, въ просвѣщенной странѣ человѣчества, въ образованной Европѣ, все, казалось, идетъ своимъ установленнымъ, твердымъ порядкомъ. Люди живутъ какъ обыкновенно, одинъ не заботясь о другомъ; каждый думаетъ, считаетъ, страдаетъ и утѣшается за себя. Тѣ немногiе, на которыхъ лежитъ бремя общей заботы, также слѣдуютъ обыкновеннымъ правиламъ [7]: въ прошедшемъ ищутъ урока [8]) для будущаго, судятъ о завтра по вчера, смотря на заходящее солнце, разсчитываютъ о грядущемъ утрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, разсчеты ихъ вѣрны: по извѣстнымъ законамъ, извѣстныя силы играютъ и равновѣсятся, какъ играетъ въ парусахъ постоянный и попутный вѣтеръ.

Но вдругъ на западѣ переломился порядокъ: взволновался народъ, разыгралися страсти, рухнулъ престолъ, полилась кровь, падаетъ церковь, законы ломаются, все устройство вещей ниспровергнуто, новое устройство возникаетъ и снова рушится, уставы смѣняются другими, все зыблется, все падаетъ, все подымается и снова падаетъ; топоръ работаетъ день и ночь, кровь льется рѣками, народъ пляшетъ, страсти не знаютъ границъ, клики восторга мѣшаются съ крикомъ отчаянiя, съ громомъ пушекъ и барабановъ, съ отзывомъ славы и побѣдъ, съ воплями кровожаднаго звѣрства, съ глубокими воздыханiями глубокой любви къ человѣчеству, съ хохотомъ распутства и самозабвенiя.

Вся Европа дрожитъ отъ волнующагося народа; всѣ царства соединились противъ него войною и не могутъ одолѣть его напряженныхъ силъ. Что-то будетъ съ просвѣщеннымъ человѣчествомъ?

На уединенномъ островѣ слухъ о переворотахъ европейскихъ особенно занималъ одного изъ потомковъ древнихъ греческихъ императоровъ, фанарiота Палеолога, прежде служившаго драгоманомъ при Портѣ и отъ того болѣе другихъ опытнаго въ дѣлахъ запада. Но эти извѣстiя нисколько не измѣняли его мирныхъ занятiй и стройной, дѣятельной жизни, раздѣленной между ихъ дружескимъ обществомъ и его небольшою семьею, которую составляли: его молодая жена, маленькiй сынъ и маленькая дѣвочка, у нихъ воспитывавшаяся. Олимпiада Палеологъ была одна изъ тѣхъ женъ, любимыхъ небомъ, которыя видимо приводятъ благословенiе Божiе на душу ими любимаго. Чистая правильная красота была только свѣтлою тѣнью свѣтлаго, внутренняго существа ея. Со всею теплотою полнаго, не засыпающаго сердца раздѣляла она съ мужемъ опредѣленныя заботы дня, и произвольныя мысли отдыха, и далекiя надежды будущаго, и едва замѣтныя сердечныя думы, — и все въ его жизни, въ сердцѣ

и мысляхъ, получало новый, заманчивый видъ отъ ея гармоническаго прикосновенія. Неистощимая глубина ихъ душевнаго согласія могла только сравниться съ глубокою синевою теплаго неба надъ ихъ тихимъ островомъ. Общими силами, общими радостными заботами занимались они воспитаніемъ своего маленькаго Александра, — и это чувство наполняло въ ихъ сердцѣ тоже отдѣленное мѣсто, на которомъ лежала и мысль о будущемъ избавленіи ихъ народа.

Дѣвочка, которая у нихъ воспитывалась, была дочь фанаріота Натарры, искренняго друга Палеолога и погибшаго въ Константинополѣ насильственною смертію вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Маленькая Елена, спасенная человѣколюбіемъ варваровъ, въ маленькой колыбели, забрызганной кровью ея родныхъ, тайно перенесена была въ другой городъ къ одной бѣдной христіанкѣ. Скоро потомъ какой-то монахъ, зная прежнюю связь ея отца съ Палеологомъ, въ одну темную ночь, поставилъ люльку въ узкую лодочку и съ тихою молитвою надъ прекраснымъ младенцемъ, по спокойному морю между мелей и камней, привезъ ее спящую на островъ св. Георгія. —

Но на западѣ долго еще не рѣшался [9]) вопросъ о судьбѣ взволнованнаго народа. Поколеблетъ ли онъ другія царства, или сгоритъ въ собственномъ огнѣ? Чѣмъ кончится этотъ взрывъ? Чего [10]) надѣяться? Чего бояться?

И для чего провидѣніе послало или, по крайней мѣрѣ, допустило это страшное явленіе? Какая польза произойдетъ изъ него для человѣчества? Или даромъ пролито столько крови, легло столько жертвъ, и между жертвами столько чистыхъ?

Изъ броженія безпорядка выйдетъ ли лучшій порядокъ? Изъ дорогихъ опытовъ, устройствъ и законовъ родится ли лучшее устройство, лучшіе законы? Или все это волненіе окончится одною горячею страницею въ исторіи, однимъ холоднымъ урокомъ для человѣчества?

Или, можетъ быть, эта кровь, эти жертвы — только страшное наказаніе просвѣщенному человѣчеству за ложь въ его просвѣщеніи, — очистительное наказаніе человѣку за разслабленіе его сердечныхъ силъ, за вялость и ограниченность его стремленій, за притворство въ вѣрѣ, за корыстное искаженіе святыни, за несочувствіе къ угнетеннымъ, за презрѣніе правъ безсильныхъ, за легкомысліе, за коварство, за изнѣженность, за забытіе меньшей братіи Сына Человѣческаго, за оскудѣніе любви?

Отдыхая на дерновой скамейкѣ, въ тѣни лавровой рощи, однажды Палеологъ, въ минуту душевнаго волненія, говорилъ женѣ своей: „За твою чистоту души, другъ мой сердечный, посылаетъ намъ небо то небывалое счастье, которое другіе знаютъ только во снѣ. Когда твоя стройная рука меня обнимаетъ, и я гляжу въ твои глубокіе,

блестящіе глаза, тогда мнѣ кажется, что внутри моего сердца раскрывается другое зрѣніе, и я вижу насквозь все безтѣлесное существо твое, и вижу еще тѣмъ же чувствомъ сердца, какъ будто вокругъ насъ струится что-то прекрасное, что-то охранительное и непонятное. Какъ будто небо въ эту минуту раскрывается надъ нами. А съ нѣкотораго времени еще новая радость прибавилась къ моему счастью. Одна мысль трѣвожила меня за маленькую Елену, когда ее привезли къ намъ. Я зналъ всегда, что ты будешь любить ее, что со всею заботливостью матери ты окружишь ея дѣтство самыми нѣжными попеченіями; но я боялся, чтобы любовь къ нашему сыну не увлекла тебя невольно хотя къ какому-нибудь различію въ чувствахъ къ двумъ дѣтямъ. И мнѣ грустно было предвидѣть послѣдствія этого для маленькой сироты, зная, какъ прозорливо несчастіе и, еще больше, какъ оно подозрительно. Я снова убѣдился, что для тебя чувство добродѣтели тоже, что чувство природы. Я вижу ясно, какъ ты внутри сердца не раздѣляешь обоихъ дѣтей, какъ ты равно и полно любишь ихъ одною материнскою любовью. Трудно выразить, какое сладкое ощущеніе даетъ мнѣ эта увѣренность. Часто я думаю, что если изъ-за могилы можно видѣть нашу землю, то вѣрно съ благодарностью, вѣрно съ радостными благословеніями молится за тебя ея бѣдный отецъ."

— „Я видѣла твое сомнѣніе, — отвѣчала Олимпіада — и молчала, покуда время тебя успокоитъ. Могла ли я не любить дочь твоего друга? И, впрочемъ, кто бы она ни была, можно ли не чувствовать особенной привязанности къ этому прекрасному ребенку? Посмотри, какая кротость, какой умъ въ этихъ черныхъ, задумчивыхъ глазкахъ! Посмотри, какъ въ эти лѣта на ея миломъ личикѣ уже обозначилась вся будущая красота! Какая стройность, какія тихія движенія, и какое любящее сердце! Однако, я не скрою отъ тебя, что, можетъ быть, начало моего чувства было не совсѣмъ безкорыстное. Когда привезли ее къ намъ, и я взяла ее на руки еще спящую, и потомъ она открыла свои большіе глаза съ длинными, черными рѣсницами, и потянулась маленькими ручками и улыбнулась мнѣ прекрасною улыбкою, тогда мнѣ живо пришло на сердце, что этотъ ребенокъ нарочно посланъ намъ для того, чтобы со временемъ составить счастье нашего Александра. Съ тѣхъ поръ эта мысль лежитъ неотвязно у меня на умѣ, и я невольно смотрю на Елену, какъ на свою дочь, посланную мнѣ Богомъ для радости всей нашей семьи."

„Ты говоришь мнѣ мою же мысль, — отвѣчалъ Палеологъ, — и, кажется, надежда насъ не обманетъ: Смотри, какъ сильно ростетъ между ними ихъ дѣтская дружба, основаніе будущаго согласія и залогъ неминутной, разумной любви."

Между тѣмъ, какъ они говорили, дѣти ихъ кудрявыя, веселыя, бѣгали вокругъ нихъ, играя между цвѣтущими лаврами. Солнце садилось; въ монастырѣ раздался тихій благовѣстъ; и взоры ихъ, устремившись на небо, были полны счастія и благодарности.

Впрочемъ, это счастіе, эта тихая жизнь возможна была только для нихъ, отдѣленныхъ отъ міра. Но для человѣка, окруженнаго безпрестаннымъ волненіемъ интересовъ, страховъ, заботъ, удовольствій и страданій другихъ людей, — нѣтъ отдѣльной судьбы и, слѣдовательно, нѣтъ безмятежнаго счастія. Когда умъ его, встревоженный любопытствомъ, хотя разъ пришелъ въ живое соприкосновеніе съ движеніями человѣчества, то уже насильно и навсегда обреченъ онъ раздѣлять его общую судьбу, если не дѣломъ руки, то по крайней мѣрѣ колебаніемъ сердечнымъ, волненіемъ мыслей, сочувствіемъ, пристрастіями, ошибками и вообще всѣми страданіями человѣческаго рода. Тогда ему счастье одно: если жизнь его, для него потерянная, будетъ не совсѣмъ потеряна для другихъ! —

Все больше разгорался кровавый пожаръ на западѣ. Страшно смотрѣть, какъ небо караетъ народъ. Но кто знаетъ? Можетъ быть, какъ буря очищаетъ воздухъ, такъ волненіе народное должно очистить жизненную атмосферу человѣчества? Можетъ быть, бѣдствія царствъ и людей посылаются имъ для того, чтобы разбудить заснувшія силы ума, настроить въ гармонію разстроенные звуки души и натянуть новыя струны на ослабѣвшее сердце человѣка?

Или, можетъ быть, эти судороги народной жизни предсказываютъ только смерть прошедшему, безъ надежды для будущаго? Можетъ быть, этими страшными движеніями отжившіе народы роютъ себѣ могилу, приготовляя мѣсто для колыбели новыхъ?

Но вотъ рѣшается задача Европы.

Пришелъ человѣкъ, задумчивый и упрямый; въ глазахъ — презрѣнье къ людямъ, въ сердцѣ — болѣзнь и желчь; пришелъ одинъ, безъ имени, безъ богатства, безъ покровительства, безъ друзей, безъ тайныхъ заговоровъ, безъ всякой видимой опоры, безъ всякой силы, кромѣ собственной воли и холоднаго разсчета, и разсчетомъ и волею — остановилъ колесо переворотовъ и нагнулъ передъ собою вольнолюбивыя головы, — и, кланяясь ему, народъ утихъ. И онъ заковалъ его въ цѣпи, и поставилъ предъ собою въ послушные ряды, и повернулъ ихъ красиво при звукѣ барабановъ, и повелъ ихъ за собою далеко изъ отечества, и приказалъ имъ умирать за его имя, за его прихоти, за богатство его низкой родни; и народъ шелъ стройно, подъ звуки его барабановъ, и умиралъ отважно за его прихоти, и, умирая, посылалъ дѣтей своихъ ему на службу, и благословлялъ его имя, и восторженнымъ кликамъ не было конца!

И не было границъ его силѣ. Царства падали [11]) предъ нимъ, — онъ создавалъ новыя; троны рушились [12]) — онъ ставилъ другіе; чужимъ народамъ давалъ [13]) онъ свои законы; сильныхъ властителей сгибалъ въ своей прихожей. Вся Европа страдала подъ его могуществомъ и съ ужасомъ называла его Великимъ! И онъ былъ одинъ.

Безъ правъ на власть — самодержецъ; вчера — затерянный въ толпѣ простолюдинъ, нынче — судьба всего просвѣщеннаго міра. Какимъ волшебствомъ совершилъ онъ чудеса свои?

Когда другіе жили, онъ считалъ; когда другіе развлекались въ наслажденіяхъ, онъ смотрѣлъ все на одну цѣль и считалъ; другіе отдыхали послѣ трудовъ, онъ складывалъ руки на груди своей и считалъ; другой, въ упоеніи счастія, спѣшилъ бы воспользоваться своими успѣхами, насладиться своею силою, забыться, хотя минуту, на лаврахъ своихъ, — онъ помнилъ все одинъ разсчетъ и смотрѣлъ все на одну цѣль. Ни любовь, ни вино, ни поэзія, ни дружеская бесѣда, ни состраданіе, ни блескъ величія, ни даже слава, — ничто не развлекало его: онъ все считалъ, все шелъ [14]) впередъ, все шелъ одною дорогой и все смотрѣлъ на одну цѣль.

Вся жизнь его была одна математическая выкладка, такъ что одна ошибка въ разсчетѣ могла уничтожить все гигантское построеніе его жизни. —

Между тѣмъ, на островѣ св. Георгія случилось происшествіе, новое посреди его однообразной жизни. Въ морѣ показалась маленькая лодка, плывшая къ острову; въ лодкѣ сидѣли два человѣка: одинъ монахъ, другой въ европейской одеждѣ, еще никогда не виданный на островѣ. Монахъ давно былъ знакомъ островитянамъ, часто для ихъ потребностей переѣзжая со скалы на землю; но ктоже другой? Черты лица его обозначали ясно Грека; круглая шляпа надвинута на глаза; станъ замѣтно высокій, хотя весь обвитый длиннымъ плащемъ. Съ любопытствомъ и недоумѣніемъ ожидали они его приближенія. Но когда лодка подъѣхала къ утесу, прежде европейца монахъ одинъ взошелъ на островъ, прося собравшихся жителей, чтобы они, изъ осторожности, скрылись отъ минутнаго гостя, хотя въ ближній лѣсъ. Жители тотчасъ же исполнили совѣтъ старца; но многіе, спрятавшись въ кустахъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли оттуда, ожидая, что будетъ? а нѣкоторыя дѣти легли въ густую траву недалеко отъ самой дороги. Въ томъ числѣ былъ и двѣнадцатилѣтній Александръ.

Посреди шумной европейской жизни, кипящей разнообразіемъ перемѣнъ, мудрено понять, какъ сильно въ уединеніи зажигается любопытство человѣка самыми бездѣльными обстоятельствами, которыя сколько-нибудь нарушаютъ обыкновенный порядокъ тишины.

Въ этомъ положеніи находились жители острова. Съ мужественною крѣпостью ума обнимали они самыя глубокія соображенія отвлеченнаго мышленія; но самому ничтожному явленію изъ живой дѣйствительности поддавались со всею воспріимчивостью ребенка. Отъ того, напрягая вниманіе, глядѣли они изъ-за кустовъ своихъ, какъ незнакомецъ вышелъ на островъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ монахомъ, пошелъ по дорогѣ въ монастырь, и какъ они, улыбаясь, переглянулись между собою, когда лежавшій въ травѣ Александръ выставилъ изъ нея свою кудрявую голову, чтобы лучше разсмотрѣть пріѣзжаго, проходившаго мимо.

Подойдя къ монастырю, европеецъ снялъ шляпу, перекрестился, но, не останавливаясь, пробѣжалъ путь свой. „Куда?“ думали они. Любопытство ихъ еще увеличилось, когда они замѣтили, что путники избрали дорогу къ той отдаленной кипарисовой рощѣ, гдѣ таилась въ глуши кедровъ и деревьевъ небольшая пещера одного пустынника, который уже многіе годы скрывался тамъ отъ взоровъ людей, ни для кого не отворяя дверей своего подземелья.

Но когда путники подошли къ нему, и незнакомецъ постучался у входа, произнеся нѣсколько неслышанныхъ имъ словъ, тогда, къ удивленію жителей, загремѣлъ внутри желѣзный затворъ, и дверь растворилась. Незнакомецъ взошелъ туда одинъ; провожавшій монахъ остановился у входа: дверь снова заперлась изнутри.

Долго оставался незнакомецъ въ подземельѣ; но жители не уставали смотрѣть туда, ожидая его появленія.

Наконецъ показался онъ изъ пещеры, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ отшельникъ, столько времени не видѣнный никѣмъ.

Старецъ былъ низкаго роста; и еще болѣе согнутый постомъ и годами; черную рясу опоясывалъ ременный поясъ, на головѣ низкій греческій клобукъ, лицо почти заросло сѣдыми волосами; но въ свѣтлыхъ глазахъ его сіяла свѣжесть молодости, печать строгой жизни и чистоты душевной.

Отъ непривычки, можетъ быть, или отъ лѣтъ, онъ съ трудомъ, казалось, передвигалъ свои ноги; однако, опираясь на посохъ, безъ отдыха шелъ съ незнакомцемъ, провожая его до самаго берега, и что-то во всю дорогу говорилъ ему съ видимымъ жаромъ. Европеецъ молчалъ, изрѣдка отвѣчая.

Никто слыхалъ ихъ любопытнаго разговора. Иногда только отдѣльныя слова старца долетали до тѣхъ, кто былъ ближе къ дорогѣ. Эти слова были: „Греція.. Божья помощь... война.... избранный человѣкъ.... еще не готово.... великое дѣло.... тебѣ....“, и тому подобныя. Иногда слышались и цѣлыя реченія, какъ напримѣръ: „государственныя дѣла мнѣ чужды, только сердце болитъ за братію.“ Или же: „великa опасность отъ невѣрныхъ,

не меньше отъ иновѣрныхъ, а больше отъ своихъ.“ Или еще: „великое дѣло готовится; только начать его безвременно, все тоже, что стать за противниковъ.“ Но самая длинная рѣчь изъ его разговора, которую удалось поймать нѣкоторымъ, была слѣдующая: „Остановись немного: посмотри на этотъ прекрасный островъ! Еще Богъ бережетъ его; жизнь на немъ не похожа на вашу грязную; люди не знаютъ его; но если бы узнали, какъ бы удивились они! А, кажется, чему бы? Что тутъ новаго? Въ душѣ каждаго человѣка есть такой же незамѣтный, такой же потерянный островокъ, снаружи камень, внутри рай! Только ищи его. Только душа часто сама не знаетъ объ немъ. А еще хуже, если…“ Тутъ старецъ повернулъ въ другую сторону, продолжая путь свой, и больше не слышно было его словъ.

Когда же дошелъ онъ до края скалы, то провожавшій монахъ былъ уже внизу и сидѣлъ въ лодкѣ, приготовляя весла. Старецъ остановился на самомъ утесѣ, и видно было, что онъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ поднялъ къ нему глаза, блестящіе слезами, и потомъ указалъ рукою на ту сторону, гдѣ далеко на небосклонѣ, на подобіе неясныхъ облаковъ, едва виднѣлись горы Греціи. Незнакомецъ сталъ [15]) на колѣни и поднялъ руки къ небу, какъ-бы произнося какую-то клятву. Потомъ, получивъ благословеніе отъ старца, онъ скорыми шагами сошелъ къ морю, сѣлъ [16]) въ лодку и, еще разъ поклонившись отшельнику, отплылъ отъ берега. Согбенный старецъ долго стоялъ на скалѣ, облокотившись на свой посохъ и не сводя взоровъ отъ удаляющейся лодки. Но когда она совсѣмъ скрылась изъ виду, онъ посмотрѣлъ на небо, отеръ глаза и тихими шагами пошелъ въ подземелье, гдѣ снова затворился отъ людей.

Тогда на островѣ начались распросы и догадки; но вѣрнаго жители могли узнать только то, что незнакомецъ былъ Грекъ, который еще въ дѣтствѣ зналъ старца, жившаго прежде на аѳонской горѣ. —

Прошло нѣсколько лѣтъ; уже на островѣ давно перестали говорить объ этомъ происшествіи; но на воображеніе молодаго Александра оно положило неизгладимое впечатлѣніе.

Все, что слыхалъ онъ прежде отъ своего отца о землѣ за моремъ, все, что читалъ онъ въ его книгахъ о жизни людей и народовъ, все разомъ проснулось въ его умѣ, все заиграло новою жизнью и скипѣлось въ одну пеструю, блестящую, волшебную картину, при одномъ взглядѣ на странную заморскую одежду, на стройную походку чужеземца, на его европейскія движенія.

„Кто былъ этотъ Грекъ?“ — думалъ онъ. — „Зачѣмъ пріѣзжалъ онъ сюда? Кто открылъ ему нашу тайну? Какъ пустилъ его къ себѣ старецъ-отшельникъ? Что значитъ ихъ таинственный разго-

воръ? О какомъ *великомъ дѣлѣ* они говорили?... О, много плѣнительнаго, тайнаго и заманчиваго должно скрываться въ разнообразной жизни людей, отдѣленныхъ отъ насъ этимъ грустнымъ моремъ! Что наша бѣдная жизнь въ сравненіи съ ихъ блестящею жизнью!? Вялый, болѣзненный сонъ. Нѣтъ, хуже сна! Мои сны живѣе моей жизни! Они уносятъ меня въ тѣ далекія мѣста, о которыхъ читалъ я въ книгахъ моего отца; тамъ одна минута богатѣе [17]) для сердца, чѣмъ годы здѣсь. И не ужели не должно жить вмѣстѣ со всѣмъ созданнымъ человѣчествомъ, дѣлить его труды и радости, помогать ему, погибать съ нимъ въ бѣдахъ, утопать въ наслажденіяхъ? Боже мой! Удастся ли мнѣ когда-нибудь исполнить желанія моего сердца?"

Это стремленіе въ другой міръ за моремъ безпрестанно увеличивалось въ душѣ молодаго человѣка, усиливалось чтеніемъ, разговорами съ отцемъ, уединенными мечтаніями, препятствіями и всѣми даже равнодушными обстоятельствами жизни, которыя обыкновенно поджигаютъ воображеніе больное, зараженное невозможностью. Шли годы; но это чувство выростало въ немъ еще сильнѣе и, наконецъ, сдѣлалось его господствующимъ состояніемъ духа.

Такъ достигъ онъ *своего* двадцати-лѣтняго возраста. —

А между тѣмъ просвѣщенный міръ, которому завидовалъ Александръ, лежалъ еще скованный подъ желѣзною пятою своего властелина. Необъятно было его могущество и (удивительно!) все оно было явнымъ созданіемъ его головы.

Но въ головѣ его, еще отъ рожденія, одна мысль задавила всѣ другія: мысль блестящая и тяжелая, какъ царскій вѣнецъ; удивительная, какъ египетская пирамида; но сухая и безплодная, какъ голый утесъ посреди океана, и холодная, какъ глубокій снѣгъ сѣвера, и страшно-разрушительная, какъ бы пожаръ огромной столицы, и безцвѣтная, какъ музыка барабановъ. И справедливое провидѣніе послало ему *судьбу* его, по *мысли* его.

„За чѣмъ, — думалъ Александръ, смотря на далекія горы Греціи: — за чѣмъ радовался отецъ мой, когда я изучалъ чужеземные языки? За чѣмъ давалъ онъ мнѣ свои ядовитыя книги? Онѣ отравили мнѣ душу соблазнительнымъ представленіемъ невозможной для меня жизни; онѣ нашептали мнѣ мысли плѣнительныя и неотвязныя; онѣ, какъ волшебный коверъ, уносятъ меня въ страны далекія, кипящія новостью и опасностями, заманчивыя счастьемъ разнообразія, бурею душевныхъ волненій и блескомъ художественныхъ хитростей. Все прекрасно, все мнѣ нравится, все плѣняетъ меня въ этихъ недоступныхъ мѣстахъ; даже пороки ихъ наполняютъ меня любопытствомъ: ихъ неразумныя слабости вмѣстѣ съ гигантскими созданіями ума; ихъ необузданныя страсти посреди усильнаго стремленія къ устройству, ихъ легкомысліе, ихъ яркія искусства, ихъ внутреннія

противорѣчія, пестрое просвѣщеніе, ломкія связи, быстрые перевороты, ежеминутная дѣятельность для близкаго настоящаго и вмѣстѣ странная безпечность о будущемъ, — все это мнѣ ново, все мудрено и заманчиво."

„Я чувствую, я понимаю, что наша жизнь на островѣ и лучше, и чище, и разумнѣе ихъ, и должна бы, кажется, быть счастливѣе; но самъ не знаю отчего: только въ ихъ жизни я вижу счастіе, а здѣсь все безцвѣтно и пусто."

„Не нахожу я отрады въ кругу семьи моей, ни въ дружескихъ собраніяхъ нашего общества, ни въ опредѣленныхъ занятіяхъ дня, ни даже въ свободныхъ сновидѣніяхъ ночи. Всюду преслѣдуетъ меня безпокойство невозможнаго желанія, вездѣ однѣ, неотвязныя мысли, вездѣ тоска и скука, и мечта все объ одномъ!"

„Нѣтъ! не могу я больше выносить это мучительное состояніе! Во что бы то ни стало, переплыву я это зеленое море, отъищу тамъ земли невиданныя, но давно знакомыя, брошусь въ объятья ихъ бурной жизни, утону въ ихъ отрадныхъ волненіяхъ!"

„Жаль мнѣ тебя, добрый отецъ мой! Много надеждъ положилъ ты на сына своего! Жаль тебя, бѣдная мать! Все твое счастье во мнѣ! Перенесешь ли ты тяжелую разлуку? И ты, прекрасная Елена... которую они готовили мнѣ въ подруги счастья... за чѣмъ открыла ты невинное сердце безвременнымъ внушеніямъ? Что будетъ съ тобою?"

„Милыя, дорогія сердцу созданія! Душа разрывается при мысли объ васъ. За чѣмъ судьба поставила мое сердце въ это несносное противорѣчіе?"

„Самъ не знаю, что во мнѣ дѣлается; я не властенъ надъ моими чувствами, не властенъ болѣе надъ поступками; чужая сила влечетъ меня неодолимо, можетъ быть на погибель: будь, что будетъ!"

„Кто это пробирается между миртами? Сквозь темную зелень блеснуло бѣлое покрывало. Это ты, Елена? Пойди ко мнѣ, милая сестра моя; скажи мнѣ слово утѣшенія изъ тихой души твоей. Безпокойныя мысли встревожили меня."

— „Не въ первый разъ замѣчаю я, милый братъ, — сказала Елена, — что какое-то скрытое горе лежитъ у тебя на сердцѣ. Давно собиралась я просить тебя, чтобы ты раздѣлилъ его со мною. Только страхъ меня удерживалъ, чтобы словами дружбы еще больше не растревожить твоей непонятной тоски. Теперь, благодарю тебя! теперь я счастлива, что ты самъ ищешь моего участія." —

„Елена! Посмотри туда, на край неба: видишь ты эти далекія, чуть замѣтныя облака? Знаешь ли, что значатъ эти облака?"

— „Знаю: это горы." —

„Да, Елена! это горы Греціи! Знаешь ты, что тамъ живутъ люди?"

— „Могу ли я не знать этого! Они убили моего отца!“ —

„Убили отца! Не всѣ были убійцы. Тамъ были и друзья отца твоего, съ кѣмъ онъ жилъ вмѣстѣ, дѣлилъ радость и горе, заботы и опасности, съ кѣмъ вмѣстѣ готовилъ надежды къ избавленію христіанъ, вмѣстѣ думалъ дѣйствовать, понимаешь ты? *дѣйствовать!*....“

— „Твой отецъ былъ ему лучшимъ другомъ.“ — „Елена! тамъ жизнь другая. Тамъ все кипитъ, тамъ все ярко, все живо. Тамъ день не похожъ на другой. Тамъ есть опасность, есть и надежда. Тамъ впереди жизни — неизвѣстное; сзади — воспоминаніе. Тамъ жизнь не машина, напередъ расчитанная. Елена! Не ужели ни во снѣ, ни въ мечтахъ тебѣ никогда не хотѣлось *туда?*“

— „Братъ мой! Тамъ зарѣзана моя мать. Тамъ погибли мои родные. Здѣсь твоя семья окружила меня любовью и счастьемъ. Могу ли я понять это желаніе? Братъ мой, другъ мой! Оставь свои далекія мысли. Возврати твою прекрасную душу на этотъ счастливый островъ, въ тихій кругъ твоей семьи, также счастливой прежде! Посмотри, какъ твоя черная задумчивость убиваетъ твоего прекраснаго отца. Давно ужъ онъ лишился своего свѣтлаго спокойствія [18]), глядя на твою тоску. А мать твоя, всякій разъ, когда ты уйдешь на этотъ берегъ, она не осушаетъ глазъ своихъ. Смотри, какъ горько они измѣнились оба въ это тяжелое время. Братъ милый! Сжалься надъ нами!“ — Много еще сердечныхъ словъ и дружескихъ убѣжденій нашла Елена въ душѣ своей, уговаривая его возвратиться къ прежней, спокойной жизни. Но, наконецъ, она замолчала, замѣтивъ, что онъ уже давно ея не слушаетъ. Тогда на лицѣ ея выразилась живая, глубокая скорбь, — скорбь дружбы, теряющей друга, тоска любви, нераздѣленной и презрѣнной. Неподвижно устремились на него ея большіе, черные глаза; но въ нихъ не было слезъ; они сверкали тѣмъ сухимъ блескомъ страданія, который является во взорахъ человѣка при послѣдней судорогѣ сердца, когда или жизнь отходитъ, или счастье жизни гибнетъ на вѣки.

Между тѣмъ онъ стоялъ задумавшись, смотря на далекія горы Греціи.

Но въ этотъ день совершилось важное событіе въ домѣ Палеологовъ.

Давно уже замѣтили они задумчивость, тоску и, наконецъ, совершенное уныніе своего сына. Не трудно имъ было узнать причину его страданія. Само собою разумѣется, что они употребили всѣ средства къ его излѣченію. Увѣщаніе, совѣты, прямые и косвенные разговоры, всякаго рода убѣжденія приведены были въ дѣйствіе; но все безъ успѣха. Непонятная страсть его только увеличивалась и особенно развилась въ это послѣднее время. Наконецъ, убѣдившись, что всѣ старанія ихъ безполезны, что для него уже невоз-

можно счастіе въ тихомъ, семейномъ кругу, по крайней мѣрѣ прежде, чѣмъ онъ насытитъ свое болѣзненное любопытство, Палеологъ рѣшился самъ помогать ему. Уже нѣсколько разъ въ собраніяхъ народныхъ, тайно отъ самого Александра, просилъ онъ ихъ общество позволить ему отправиться въ другія земли. Общество не соглашалось, полагая, и не безъ основанія, что страстное любопытство молодаго человѣка не стоитъ опасности цѣлаго острова, могущаго погибнуть отъ одной его неосторожности, отъ одного необдуманнаго слова. Но неотступныя просьбы Палеолога, его ручательства и, наконецъ, его клятвы за сына поколебали твердость его друзей. Они начали склоняться, хотя съ неудовольствіемъ, на отправленіе Александра, и въ этотъ день положили окончательное рѣшеніе этого дѣла.

Олимпіада Палеологъ раздѣляла мысли и намѣренія своего мужа; но сердце ея, противъ убѣжденій мужа, все еще не могло оторваться отъ утѣшительныхъ ожиданій. Она думала, что сынъ ея еще можетъ возвратиться отъ своей страсти, что онъ не рѣшится оставить ихъ, разорвать ихъ счастіе, на немъ основанное; что его удержитъ благоразуміе, привязанность къ нимъ и, можетъ быть, любовь къ Еленѣ, любовь, которую она предполагала въ немъ больше по собственному желанію, нежели по какимъ-нибудь особеннымъ замѣчаніямъ. Потому въ то время, когда отецъ пошелъ на послѣднее совѣщаніе островитянъ, мать, еще не теряя надежды, послала Елену на берегъ острова, поручивъ ей употребить послѣднія увѣщанія дружбы надъ больнымъ сердцемъ ея сына.

Она тѣмъ больше ожидала отъ разговора Елены, что послѣдняя до сихъ поръ еще никогда не говорила съ Александромъ объ этомъ предметѣ.

Долго Олимпіада оставалась одна, въ робкомъ ожиданіи. То выходила она на крыльцо смотрѣть, не идетъ ли мужъ съ тяжелою вѣстью, или Елена съ радостью. То, возвращаясь внутрь дома, она спѣшила заняться какимъ-нибудь хозяйственнымъ устройствомъ, стараясь заглушить въ себѣ безполезное волненіе. То вдругъ, обливаясь горькими слезами, она бросалась передъ распятіемъ, произнося самыя пламенныя молитвы. То опять выходила слушать, не идутъ ли съ вѣстію; безпокойство ея все больше усиливалось. Она попеременно придумывала себѣ то отчаянныя, то радостныя мысли. Наконецъ, утомившись внутренними усиліями, она сѣла на кресла подъ раскрытымъ окномъ и неподвижно осталась въ этомъ положеніи, не замѣчая теченія времени. Вдругъ кто-то стукнулъ въ двери. Дрожь пробѣжала по ея членамъ. „Это Елена! — думала она — вѣрно добрая вѣсть, вѣрно радость! И какъ могла я мучиться такъ напрасно! Какъ могла я сомнѣваться въ немъ! Елена, другъ мой, иди!“ Эти мысли разомъ и съ быстротою молніи пробѣжали въ ея

сердцѣ. И по какому-то закону предустановленнаго разногласія души съ жизнію, закону, который чаще повторяется, чѣмъ обыкновенно думаютъ, она всего больше предавалась надеждѣ, отворяя дверь печальному извѣстію.

Такъ въ изнурительной болѣзни, въ самую послѣднюю минуту жизни, является неожиданная увѣренность въ выздоровленіи.

Но недолго оставалась она въ заблужденіи. Въ двери вошелъ не отецъ, — вошла Елена; но мертвая блѣдность ея лица, но ея сильно открытые глаза и какая-то странная окаменѣлость во всѣхъ чертахъ слишкомъ ясно высказывали истину. Бѣдная мать не сказала, не спросила ничего; но опустила голову и возвратилась на прежнее мѣсто. Елена также не нарушала молчанія.

Возвратился Александръ; но и тогда никто не начиналъ разговора.

Между тѣмъ солнце сѣло.

Наконецъ пришелъ и отецъ: „Рѣшено, — сказалъ онъ женѣ своей — ему позволено ѣхать." — „Александръ! мнѣ удалось, наконецъ, получить согласіе нашего общества. Завтра ты отправишься отсюда. Здѣсь, я вижу, ты счастливъ быть не могъ. Но смотри теперь, смотри на твою мать, смотри на Елену; видишь ты, чего намъ стоитъ эта разлука? Горе тебѣ, если когда-нибудь забудешь ты это чувство, или сдѣлаешься его[19]) недостойнымъ! Богъ съ тобой! Надъ тобою будетъ всегда мое благословеніе и моя молитва."

„Александръ! Я далъ клятву за тебя, что тайна наша умретъ въ твоемъ сердцѣ. Ты, я знаю твердо, предателемъ не будешь. Только помни, что малѣйшая неосторожность здѣсь будетъ предательство."

„Помни нашу вѣру, наши правила, нашу любовь.... но къ чему говорить? Теперь слова безполезны. Одно не забудь, что твоя перемѣна насъ убьетъ; доброе извѣстіе о тебѣ еще можетъ утѣшать. Теперь пойдемъ со мной!"

Въ волненіи неожиданнаго чувства смотрѣлъ Александръ на отца, на мать, на Елену, и, съ недоумѣніемъ повинуясь, пошелъ за Палеологомъ.

Они вышли изъ дому; уже стало темно; они пошли по дорогѣ къ померанцевой рощѣ; вошли въ глубину ея; тамъ, у одного замѣтно изогнутаго дерева, стояли уже приготовленныя двѣ лопаты; одну взялъ Палеологъ, другую Александръ, и начали рыть землю; скоро подъ лопатой зазвенѣлъ металлъ; они вынули желѣзный сундукъ; Палеологъ раскрылъ его и сказалъ:

„Здѣсь хранятся всѣ мои сокровища, привезенныя изъ Греціи. Вотъ золото; вотъ камни драгоцѣнные. Я берегъ ихъ для другой цѣли.... Богу не угодно было... Возьми отъ всего половину.

Знаю, у тебя будетъ большое богатство, рѣдкое между людей. Но знай также, что каждая деньга, которую ты бросишь безъ нужды, отнимется отъ святаго дѣла. Нѣтъ, — не отговаривайся! Ты не знаешь еще, что такое деньги, не понимаешь цѣны твоего отреченія. Я хочу, чтобы ты взялъ. Останется, привезешь назадъ.“

Опять зарыли сундукъ; заровняли землю; наложили дернъ; взяли лопаты и возвратились домой.

На другой день, рано поутру, всѣ вмѣстѣ пошли они въ церковь молиться объ отъѣзжающемъ. Весь народъ собрался туда участвовать въ молитвахъ за измѣняющаго имъ юношу. Но провожать его съ берега не пошелъ никто.

Молча шла грустная семья отъ церкви до мѣста отплытія. Тамъ въ лодкѣ уже ждалъ ихъ монахъ, который долженъ былъ перевезти Александра.

Тяжело было его прощанье съ матерью; словами этого чувства выразить нельзя. Когда же онъ сталъ прощаться съ отцомъ, то, обнявшись крѣпко, они громко зарыдали оба и долго не могли оторваться. Наконецъ Палеологъ благословилъ его въ послѣдній разъ, и потомъ отвернулся въ сторону, стараясь остановить излишество сердечныхъ движеній.

Но когда онъ подошелъ проститься съ Еленой, на лицѣ его выражалось столько страданія, что бѣдная мать его не могла вынести этого виду и закрыла руками глаза свои.

„Прощай! — сказала ему Елена, — прощай, братъ мой, другъ мой! Можетъ быть, навсегда! Будь счастливъ! Цѣлую жизнь я стану молить Бога объ этомъ. Все, что мнѣ дорого на землѣ, всѣ мои надежды на счастье увозишь ты съ собою. Теперь моя жизнь, разорванная, блѣдная, будетъ согрѣта только мыслію о тебѣ. Да! для чего мнѣ скрывать долѣе то, что такъ сильно, такъ вѣчно живетъ въ душѣ моей? Можетъ быть, въ послѣдній разъ смотрю я на тебя.... Мой милый! Прими-жъ на разлуку мое первое признанье любви, пожизненной и замогильной! Прими мою клятву, передъ лицомъ неба, въ вѣчности этого святаго чувства!.... Ради Бога, не говори мнѣ ничего!.... Я не хочу связать тебя словомъ, которое, можетъ быть, вырветъ у тебя состраданіе! Одну только просьбу, прошу я, исполни изъ дружбы къ той, кого ты называешь сестрою.

„Ты знаешь этотъ рубинъ на моей золотой цѣпочкѣ? Я съ дѣтства не разставалась съ нимъ; его нашли въ моей колыбели, когда меня, одну изъ всей семьи, Богъ знаетъ для чего, спасли отъ убійства. Этотъ рубинъ, я это знаю сердцемъ, мнѣ положила моя мать подъ подушку въ день смерти, и положила не безъ молитвы, не безъ желанія.... Можетъ быть, суевѣріе, можетъ быть, обманъ

сердца, но я думаю, я чувствую, я увѣрена, что въ немъ есть особенная хранительная сила; возьми-жъ его! Если сколько-нибудь дорога тебѣ память обо мнѣ, то обѣщай мнѣ, другъ мой, не снимать его съ груди твоей никогда!"

И между тѣмъ, какъ она говорила, слезы ея остановились, грудь сильно волновалась, глаза блестѣли, недавняя блѣдность исчезла, и все лицо загорѣлось яркимъ румянцемъ.

Еще разъ обнялъ Александръ отца и мать; всѣ вмѣстѣ сошли внизъ со скалы, чтобы проводить его до самой лодки. Онъ сѣлъ; монахъ отчалилъ отъ берега; море заплескалось подъ веслами; лодка плыла все далѣе и далѣе отъ острова. Когда же, наконецъ, она стала едва замѣтною, черною точкою на небосклонѣ, тогда трое оставшіеся бросились въ объятія другъ къ другу и долго плакали."

И. Кирѣевскій.

[1]) Снт. Ш. § 42. 4.) [2]) Снт. Ш. § 56. 6). [3]) Снт. Ш. § 80. 24). 2). [4]) Снт. Ш. § 51. 26. 2). [5]) Снт. Ш. § 11. 3). Нкл. Снт. ст. 47. [6]) Снт. Ш. § 22. 1). Нкл. Снт. ст. 82. [7]) Снт. Ш. § 42. 3). [8]) Снт. Ш. § 41. 5). 2). Нкл. Снт. ст. 79. [9]) Снт. Ш. § 54. 14). [10]) Снт. Ш. § 46. 1). [11]) Снт. Ш. § 54. 9. [12]) Снт. Ш. § 54. 13). [13]) Снт. Ш. § 54. 2). [14]) Снт. Ш. § 50. 22). [15]) Снт. Ш. § 54. 16). [16]) Снт. Ш. § 54. 15). [17]) Правильнѣе: богаче. [18]) Снт. Ш. § 44. 3. а). Нкл. Снт. ст. 79. [19]) Снт. Ш. § 19. Нкл. Снт. ст. 75.

---

41. Сонъ.

I.

Бы́ло [1]) насъ у отца́ три до́чери. Я была́ са́мая ста́ршая. Куда́ строгъ былъ нашъ оте́цъ! рѣ́дко, рѣ́дко вы́пуститъ насъ на у́лицу погуля́ть съ дѣ́вушками. „Него́дное пле́мя ба́бье," говори́тъ онъ, быва́ло [2]): „всё бы имъ гуля́ть! Гуля́ютъ да стреко́чутъ, сло́вно соро́ки."

„Бу́дто и ты никогда́ не гуля́лъ?" ска́жетъ ма́тушка.

„А я, сла́ва тебѣ́, Го́споди, съ ро́ду дурако́мъ не быва́лъ."

Хотя́ и строгъ былъ оте́цъ, а насъ жа́ловалъ. Быва́ло, какъ поѣ́детъ въ Кі́евъ, такъ и навезе́тъ намъ гости́нцевъ хоро́шихъ: ма́тушкѣ очи́покъ [3]), вы́шитый ше́лкомъ, или кра́сную пла́хту, мнѣ́ ожере́лье, или ле́нты, или по́ясъ кра́сный, тако́й, что лю́бо-до́рого смотрѣ́ть, ма́ленькимъ се́страмъ сере́жки, мони́сты.

Быва́ло, какъ бы ра́но онъ ни пріѣ́халъ, а гости́нцы разда́стъ то́лько на друго́й или на тре́тій день. Мы ему́ и въ глаза́ загля́дываемъ и увива́емся около него́, а онъ сло́вно не понима́етъ да разска́зываетъ, какъ онъ тамъ съ торго́вкой поссо́рился, или что́-нибудь друго́е приду́маетъ. А какъ вы́нетъ наконе́цъ гости́нцы да начнётъ всѣ́хъ одаривать, Го́споди, ка́къ мы обра́дуемся! „Ба́тюшка нашъ, голу́бчикъ!" говори́мъ, „ми́лый нашъ ба́тюшка!"

„Ну, ну, пóлноте,“ говори́тъ онъ. „Чтó это вы всполоши́лись, да разжужжáлись, слóвно пчёлы? Ужъ не дýмаете ли вы, что э́то я на дéньги купи́лъ? Эхъ-вы, ýмныя гóловы! Прóдалъ пшени́цу, остáлось её у меня́ съ мѣ́рку, вотъ и привяжи́сь ко мнѣ какóй-то взбáлмошный купчи́шка съ крáснымъ товáромъ: „Помѣ́няемся да помѣ́няемся! Ну, я и помѣ́нялся, лишь бы тóлько отвязáться.“

Вотъ тáкъ-то онъ, бывáло, чтó-нибудь придýмаетъ, а ни за чтó не признáется, что вспóмнилъ, молъ, про васъ, купи́лъ вамъ гости́нца. Ни за чтó онъ э́того не скáжетъ, такóй-то былъ покóйникъ, цáрство емý небéсное.

Хáта у насъ былá слáвная, и садъ былъ плодóвый, огорóдъ большóй, а въ садý ви́шни росли́, черéшни, я́блоки и волóшскіе орѣ́хи, и грýши, и кали́на.

Дворъ былъ широ́кій, ворóта нóвыя. А въ хáтѣ ми́ло взглянýть: лáвки и столы́ ли́повые, образá кíевскіе, распи́саны чудéсно и обвѣ́шаны вы́шитыми рушникáми, и на рушникáхъ цвѣты́, и кругóмъ цвѣты́ и пахýчія трáвы.

II.

Минýлъ мнѣ шестнáдцатый годъ; пошéлъ семнáдцатый. Отпрáздновали мы зелёную недѣ́лю. Однáжды нóчью присни́лся мнѣ сонъ. Стою́ я въ зелёной ржи, а рожь вы́ше пóяса, вокругъ меня́ колоси́тся пшени́ца и краснѣ́етъ макъ, а напрóтивъ меня́ два пóлныхъ мѣ́сяца. Оди́нъ мѣ́сяцъ я́сенъ, а другóй ещé яснѣ́е, и плывýтъ óба прямо на меня́, и все сáмый я́сный другáго перегоня́етъ, и потóмъ вдругъ скати́лся мнѣ нá-руки, а другóй мѣ́сяцъ за тýчу зашéлъ. Проснýлась я, да и разскáзываю, какóй мнѣ ди́вный сонъ присни́лся.

„Ужъ тóчно ди́вный,“ сказáла мáтушка; самá усмѣхáется. „Что ужъ э́тимъ глýпымъ дѣ́вкамъ не присни́тся!“ отозвáлся отéцъ. „Смотри́-ка! молодóй мѣ́сяцъ схвати́ла, слóвно волá за рогá. Спи́тся, такъ и сни́тся.“

„Отчегóже?“ говори́тъ мать. „Сонъ мáра, а Богъ вѣ́ра.“

III.

Въ воскресéнье я упроси́ла отцá погуля́ть съ дѣ́вушками. Вы́шли мы за селó на кургáны, поéмъ себѣ́, рѣ́звимся, шали́мъ, какъ вдругъ закричáлъ ктó-то: *гей, гей!* тáкъ-что даже отголóсокъ пошéлъ между горáми. Мы такъ и вздрóгнули; смóтримъ, — а э́то чумаки́ идýтъ съ горы́. Волы́ всё полóвые [1]) круторóгіе, я́рма узóрчатыя, чумаки́ стáтные, молоды́е.

„Вотъ, врáжьи бурлаки́, какъ перепугáли!“ заговори́ли дѣ́вушки.

„Послýшайте-ка,“ началá Мóтря Чемéривна (бóйкая такáя,

живáя былá дѣвушка черноглáзая). „Встрѣтимъ мы чумакóвъ пѣснями!“ да и затянýла:

„Ой чумáче, чумáче, хрещáтій бáрвінку!“

Дѣвушки подхватили, а чумакй только поглядываютъ, да вдругъ какъ удáрятся бѣжáть за нáми! Мы въ-разсыпнýю! чумакй все за нáми, и перегородили намъ дорóгу, слóвно тýча.

„Пустите насъ, пáны чумáченьки, бýдьте лáсковы!“ прóсится Мóтря.

„Эгéжъ!“ гáркнулъ чумáкъ, высóкій какъ дубъ, протянýлъ рýки, ловить собирáется, а самъ съ мѣста не трóгается, — въ зубáхъ трýбка. „Эгé! не знáешь ты, моя красáвица, чумáцкихъ обычаевъ!“

Сказáлъ да и замолчáлъ.

А другіе чумакй стáли съ дѣвушками заигрывать. Я всё за Мóтрю хороню́сь. Вдругъ, вижу — выступáетъ чумáкъ, пригóжій-распригóжій, чернявый, óчи орлиные; сталъ противъ меня, упёръ рýки въ бóки, да и говоритъ: „Дѣвушки голýбушки! чтó это между вáми за дѣвушка, какъ ясная звѣздочка свѣтится? Еслибы онá мóре рыбкой переплывáла, я бы ее шéлковымъ нéводомъ изловилъ; éслибы щебетýньей птáшкой летáла, я бы её золотымъ пшенóмъ приманилъ, а тепéрь дóлженъ я у васъ просить: какóго онá отцá дочь?“

А дѣвушки всѣ въ одинъ гóлосъ: „Ивáна Самýся, Ивáна Самýся.“

И взялъ онъ меня тогдá зá-руку.

„Дѣвушка, голýбушка!“ говоритъ, „позвóлишь ли мнѣ свáтовъ присылáть?“

У меня такъ въ глазáхъ и потемнѣло. —

IV.

Пóздно мы воротились домóй. Чумакй прошлй своéй дорóгой.

Не спится мнѣ [5]); въ головѣ шумитъ, слóвно въ мéльницѣ, а сéрдце такъ и подскáзываетъ мнѣ слáдкія рѣчи чумакá. Съ той порý мнѣ слóвно свѣтъ завѣсили [6]). Однá у меня дýма, однá тоскá. Ужъ мáтушка стáла примѣчáть да безпокóиться: „Дóчка моя, дóчка, спрáшиваетъ меня, чтó-это съ тобóй приключилось? отчегó захудáла, мое дитятко?“

А отéцъ, хотя ничегó не говоритъ, за-то все пристально на меня посмáтриваетъ.

Выйду я къ дѣвушкамъ, тѣ такъ меня и обступятъ: „Отчегó ты такáя печáльная? о чемъ все дýмаешь? чтó молчишь, слóвно водý въ ротъ набрáла? Или кто тебя сглáзилъ, или на тебя такóй вѣтеръ повѣялъ? Отчегó ты такъ смóтришь, слóвно тебя за немилаго сосвáтали? Скажи намъ все, скажи по истинной прáвдѣ, Домáха голýбушка!“

А я всё не говорю: боюсь, кáкъ-бы не высказать, чтó у меня нá-сердцѣ.

„Видишь какая!“ упрекают меня дѣвушки: „ты насъ дичишься.“

„Да чтожъ я вамъ скажу, сестрицы? Такъ мнѣ что-то нездоровится.“

Ужъ я не знаю, какъ мнѣ отговориться.

„Ну, такъ давай въ хрещика, или въ короля!“

Сцѣпятся руками и меня схватятъ, да и понесутся; хохочутъ, бѣгутъ такъ, что земля гудитъ.

„Эге, дѣвушки!“ говоритъ Мотря, „у Домахи не наше гулянье на умѣ. А я, такъ знаю, какая у ней печаль въ головѣ.“

Дѣвушки такъ и пристали къ ней: „Скажи, Мотря, сестрица наша, голубушка наша, скажи!“

„Полюбила наша Домаха чумака молодаго перехожаго.“

„А, а, того черняваго, высокаго! такъ-такъ-такъ! того, у котораго сапоги скрипятъ! О, да и хорошъ же онъ уродился! какой забавникъ, рѣчистый! золотыя уста, нечего сказать!“

Меня будто жаромъ обсыпало. „Стыда у тебя нѣтъ, Мотря!“ говорю я ей.

„Чего стыдишься? Я тебѣ истинную правду говорю.

„Развѣ не правду? А ну, побожись!

„Вотъ, видишь, языкъ не поворачивается!

„Слушай-ка, что я тебѣ скажу; а вы дайте мнѣ духъ перевести.... Чего всѣ вдругъ приступили? садитесь въ кружокъ, да и слушайте.“

Мы сѣли, да и слушаемъ; а у меня сердце только что не выскочитъ.

„Я развѣдала, откуда тѣ чумаки родомъ.“

Я такъ и вскрикнула: „Откуда они?“

„Они всѣ изъ Мазовища.“

„А откуда ты эту вѣсточку добыла?“

„Со дна моря.“

А эта Мотря и взаправду была такая: со дна моря бы достала, что захотѣла.

„Тотъ, что къ Домахѣ льнулъ, Данило Дончукъ; а который мнѣ всѣхъ больше понравился — Кирило Савтырь.“

„А кто-же изъ нихъ Кирило?“ спрашиваетъ Олена Яковенкова: „тотъ бѣлокурый, веселый?“

„Какъ не такъ! Я и не спрашивала про твоего бѣлокураго. Тебѣ его самъ Господь присудилъ, а дурачиться намъ не пригоже. Мой Кирило золото, а не чумакъ: брови такія высокія, черныя, все трубку куритъ да хмурится, словно на Турку собирается идти, а самъ съ мѣста не сдвинется [7]), точно взаправду изъ золота выкованъ. И проговорилъ онъ только разъ, ни одной дѣвушки не тронулъ, да и на меня раза два взглянулъ, и то такъ, будто нехотя, мелькомъ.

А мнѣ такое горе-досада: всѣ шутятъ, всѣ смѣются, а онъ все стоитъ да брови подымаетъ. Вотъ я какого себѣ журавля выбрала! да ужъ нечего дѣлать, лишь бы поскорѣй изъ Крыма вернулись.“

„А что-жъ тогда?“ спрашиваю я.

„Будутъ насъ свáтать и высватаютъ, какъ пить-дадутъ.“

„А ну те, дѣвушки, повеличаемте Домаху!“ да и начала:

Сияла зіронька, сияла, —
Съ кимъ [8]) ты, Домасю, стояла?
Съ тобою, Данилко, съ тобою
Підъ [9]) зелёною вербою;
Съ тобою, чумаче, Данильцемъ,
Підъ вишиванимъ [10]) рукавцемъ.

„Да скажи-ка, Мотря, душка, кто это все тебѣ сказалъ?“

„Посылала я сороку бѣлобоку, а она мнѣ принесла двѣ вѣсточки подъ правымъ крылышкомъ: одну про Данила, а другую про Кирила.“

Такъ шутками да смѣшками и отговорилась она, а правды не сказала.

V.

Наступала осень. Отработались въ полѣ. По улицамъ стали сваты сновать. Только и слышимъ, какъ дѣвушки хвалятся: „Я со своимъ Михалкомъ обручена.“ — „А меня за моего Петрусю отецъ благословилъ.“

Грустно мнѣ, тяжко, словно чёрная туча на меня опустилась. Только мнѣ и радости, что встрѣчусь съ Мотрею, да наговорюсь. Ужъ какъ я ее упрашивала: „Правда ли ты мнѣ говорила, или у тебя все однѣ шутки были? Кто тебѣ это сказалъ, что за меня свататься будутъ?“

„А развѣ я тебѣ не сказала, кого я посылала: сороку бѣлобоку!“ Да и примется хохотать.

„Ты послушай, душа моя, какой я тебѣ дамъ хороший совѣтъ: о чемъ не надо, не спрашивай, а лучше подумай, — какъ-то мы къ чужимъ людямъ привыкать станемъ. На чужую сторону замужъ пойдемъ, — какая-то намъ доля выпадетъ! Ахъ, когда бы намъ Господь долю счастливую послалъ! Пріѣдемъ мы тогда къ отцамъ, къ матерямъ въ гости. Я пріѣду пышно да богато, а ты ещё пышнѣй — на парѣ сивыхъ воловъ (ты знаешь въ Мазовищахъ все волы сивые), въ тоненькихъ, какъ дымъ, намиткахъ [11]), съ милымъ мужемъ. Пускай тогда наши недруги съ досады лопнутъ!“

Бывало, какъ начнетъ она прибирать да выдумывать — я такъ и заслушаюсь.

Вотъ, какъ-то я разъ роюсь въ своемъ садикѣ, вдругъ бѣжитъ ко мнѣ меньшая сестра: „Домаха, Домаха, сваты идутъ! вонъ, вонъ, ужъ близко!“

Охъ бѣда́! побѣжа́ла я въ ха́ту. Слы́шу — кто́-то съ отцёмъ переговариваетъ. „Пришли́, дескать, къ ва́шей ми́лости отъ па́на Игна́та."

Вы́шелъ оте́цъ имъ две́ри отворя́ть, а я ему́ въ но́ги кла́няюсь да пла́чу.

„Ба́тюшка ро́дненькій! не топи́те своё дитя́!"

„А како́й вра́жій сынъ тебя́ топи́ть хо́четъ!" говори́тъ оте́цъ. „По́лно же по́лно, не плачь!"

„Ра́звѣ мы тебя́ ста́немъ принево́ливать, до́чка?" подхвати́ла ма́тушка. „Чего же ты пла́чешь?"

А я ра́да-раде́хонька, — благодарю́ ихъ: „спаси́бо, ма́тушка, что вы меня́ жалѣ́ете, не отдае́те за неми́лаго!"

Оте́цъ угости́лъ сва́товъ, поблагодари́лъ ихъ за ла́ски! „а дитя́ на́ше еще", говори́тъ, „молодо́е; мы её еще са́ми полелѣ́емъ; да уму́ ра́зуму поу́чимъ."

„Вотъ, до́чка", говори́тъ мнѣ ма́тушка, когда́ проводи́ли мы сва́товъ, „вотъ тебѣ́ и мѣ́сяцъ твой, что за ту́чу заше́лъ!"

VI.

Ка́къ отдѣ́лалась я отъ э́той бѣды́, мнѣ какъ-бу́дто и повеселѣ́е ста́ло. Поджида́ю я Дани́ла изъ Кры́ма.

„Ка́къ-то онъ верне́тся, ка́къ-то я уви́жусь съ нимъ!"

А какъ поду́маю, что ему́ кака́я-нибудь напа́сть на пути́ приключи́лась, такъ се́рдце у меня́ и похолодѣ́етъ. Вы́ду, ся́ду гдѣ́-нибудь въ саду́, да и заду́маюсь. Одна́ ду́ма другу́ю го́нитъ. Ничто́ мнѣ не ми́ло; рабо́та изъ рукъ ва́лится. Такъ я и ма́юсь цѣ́лый день.

Въ одно́ у́тро о́чень мнѣ ужъ тя́жко бы́ло; вдругъ слы́шу — ма́тушка меня́ кли́четъ: „Дома́ха, иди́ въ ха́ту: Госпо́дь хоро́шихъ госте́й присла́лъ!"

„Каки́хъ, ма́тушка?" спра́шиваю я, а сама́ такъ и дрожу́.

„Отъ па́на Корні́я Дончука́! Сва́таетъ за своего́ сы́на, за Дани́ла!"

Го́споди Бо́же! Я и не по́мню, какъ мать меня́ въ ха́ту ввела́, какъ меня́ благослови́ла.

По́дали рушники́ [12]) (я са́мый лу́чшій вы́несла, ви́шеньками разши́тый), да и обручи́ли насъ.

Старики́ съ сва́тами совѣща́ются, а Дани́ло наклони́лся ко мнѣ близе́хонько. „Лю́бишь ли ты меня́", говори́тъ онъ, „какъ я тебя́ люблю́, все́ю душо́ю?"

Я молчу́, а какъ сла́дко мнѣ его́ бы́ло слу́шать! Ка́ждый ве́черъ, быва́ло, приде́тъ ко мнѣ въ са́дикъ; смо́тримъ — ночь уже́ и промигну́ла.

А ма́тушка и говори́тъ мнѣ: „Во́тъ тебѣ́ и тотъ мѣ́сяцъ, что́ на́-руки скати́лся!"

М. Вовчокъ.

[1]) Снт. Ш. § 6. 5.) [2]) Снт. Ш. § 53. Прим. 2.) [3]) Головно́й у́бо́ръ. [4]) цвѣ́ту поло́вы — мяки́ны. [5]) Снт. Ш. § 47. 5). в). Нкл Снт. ст. 24. Прим. Ш. [6]) Снт. Ш. § 47. 4). б.) [7]) Снт. Ш. § 57. 1). [8]) т. е. съ кѣмъ. [9]) т. е. подъ. [10]) т. е. ши́тымъ, узо́рчатымъ. [11]) холще́вая или ина́я покры́шка. [12]) утира́льникъ, полоте́нце.

---

42. Столичный дядя и племянникъ изъ провинціи.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя нашего героя, такъ же, какъ и этотъ, двадцати лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ, старшимъ своимъ братомъ, отцомъ Александра, и жилъ тамъ безвыѣздно семнадцать лѣтъ. Онъ не переписывался съ родными послѣ смерти брата, и Анна Павловна ничего не знала о немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ продалъ свое небольшое имѣніе, бывшее недалеко отъ ея деревни.

Въ Петербургѣ онъ слылъ за человѣка съ деньгами и, можетъ быть, не безъ причины, служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій и носилъ нѣсколько ленточекъ въ петлицѣ фрака, жилъ на большой улицѣ, занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько же лошадей. Онъ былъ не старъ, а что называется „мужчина въ самой порѣ“ — между тридцатью пятью и сорока годами. Впрочемъ онъ не любилъ распространяться о своихъ лѣтахъ, не по мелкому самолюбію, а въ слѣдствіе какого-то обдуманнаго разсчета, какъ будто онъ намѣревался застраховать свою жизнь подороже. По крайней мѣрѣ, въ его манерѣ скрывать настоящія лѣта не видно было суетной претензіи нравиться прекрасному полу. Онъ былъ изъ тѣхъ высокихъ, пропорціонально сложенныхъ мужчинъ, которые своимъ видомъ, походкой, прямизной таліи, отчасти полнотой, какъ-то напоминаютъ уже не Аполлона Бельведерскаго — этотъ типъ юношеской стройности — а фигуру центавра — что-то массивное, но вмѣстѣ стройное и легкое, то, что у насъ называютъ bel homme. Черты лица его были крупны и правильны, но въ нихъ не выражалось ни добродушія, ни злости, ни великаго ума, и еще менѣе глупости, а какое-то холодное спокойствіе, которое впрочемъ не пугало и не отталкивало никого; но что вы ему ни разскажите, что ни сдѣлайте передъ нимъ, — сыграйте драму, водевиль, Моцартова Донъ-Жуана, или спойте „во саду ли въ огородѣ“, скажите ему чрезвычайно умную вещь или великую глупость, онъ все одинаково смотритъ и слушаетъ: не плачетъ, не хохочетъ. Напрасно старался иной остроумникъ заставить его захохотать — много, много, если удачная острота вызывала улыбку. Напрасно и пріятель бѣжалъ [1]) сломя голову, чтобъ прежде всѣхъ поразить его нежданною и печальною

новостію — этого никогда не удавалось. Петръ Иванычъ выслушаетъ эту новость такъ, какъ будто онъ уже слышалъ о ней прежде. Никогда ни хорошее, ни дурное впечатлѣніе не выводило его изъ себя. Таковъ онъ былъ въ свѣтѣ. Нельзя однакожъ было назвать лица его деревяннымъ: нѣтъ, оно было только покойно. Одѣвался онъ всегда тщательно, даже щеголевато, но не черезчуръ, а только со вкусомъ: бѣлье носилъ отличное; руки у него были пóлны и бѣлы, ногти длинные и прозрачные.

Однажды утромъ, когда онъ проснулся и позвонилъ, человѣкъ, вмѣстѣ съ чаемъ, принесъ ему три письма и доложилъ, что приходилъ какой-то молодой баринъ, который называлъ себя Александромъ Ѳедорычемъ Адуевымъ, а его — Петра Иваныча, дядей, и обѣщался зайти часу въ двѣнадцатомъ.

Петръ Иванычъ, по обыкновенію, выслушалъ это извѣстіе покойно, только немного навострилъ уши и поднялъ брови.

— Хорошо, поди, сказалъ онъ слугѣ.

Потомъ взялъ одно. письмо, хотѣлъ распечатать, но остановился и задумался.

— Племянникъ изъ провинціи — вотъ сюрпризъ! ворчалъ онъ: — а я надѣялся, что меня забыли въ томъ краю! Впрочемъ, что съ ними церемониться! отдѣлаюсь.....

Онъ опять позвонилъ.

— Скажи этому господину, какъ придетъ, что я, вставши, тотчасъ уѣхалъ на заводъ и ворочусь черезъ три мѣсяца.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ слуга: — а съ гостинцами что прикажете дѣлать?

— Съ какими гостинцами?

— Привезъ ихъ человѣкъ, — барыня, говоритъ, деревенскихъ гостинцевъ прислала.....

— Гостинцевъ?

— Да-съ, кадочка меду, мѣшокъ сушеной малины....

Петръ Иванычъ пожалъ плечами.

— Ну?

— Еще два куска полотна, да варенье...

— Воображаю, хорошо должно быть полотно.....

— Полотно хорошее и варенье сахарное.

— Ну, поди, я посмотрю сейчасъ.

Онъ взялъ одно письмо, распечаталъ и окинулъ взглядомъ страницу.

„Любезный братецъ, милостивый государь, Петръ Иванычъ!"

— Это что за сестрица! сказалъ Адуевъ, глядя на подпись: — Марья Горбатова... Онъ обратилъ лицо къ потолку, припоминая что-то...

— Что бишь это такое? что-то знакомое... ба, вотъ прекрасно — вѣдь братъ женатъ былъ на Горбатовой; это ея сестра, это-та.... а! помню....

Онъ нахмурился и сталъ читать. —

„Хотя рокъ разлучилъ насъ, можетъ быть на-вѣки и бездна лежитъ между нами; прошли года...."

Онъ пропустилъ нѣсколько строчекъ и читалъ далѣе:

„По гробъ [2]) жизни буду помнить, какъ мы вмѣстѣ, гуляючи около нашего озера, вы, съ опасностію жизни и здоровья, влѣзли по колѣно въ воду и достали для меня въ тростникѣ большой желтый цвѣтокъ, какъ еще изъ стебелька онаго текъ какой-то сокъ и перемаралъ намъ руки, а вы почерпнули картузомъ воды, дабы мы могли ихъ вымыть; мы очень много тогда этому смѣялись. Какъ я была тогда этому счастлива! Господи! Господи! Сей цвѣтокъ и нынѣ хранится въ книжкѣ...."

Адуевъ остановился. Видно было, что это обстоятельство ему очень не нравилось; онъ даже недовѣрчиво покачалъ головой.

„А цѣла-ли у васъ та ленточка (продолжалъ онъ читать), что вы безъ спросу украли изъ моего коммода, не смотря на всѣ мои крики и моленія...."

— Я укралъ ленточку! сказалъ онъ вслухъ, сильно нахмурившись. Помолчавъ, пропустилъ еще нѣсколько строкъ и читалъ:

„А я обрекла себя на незамужнюю жизнь и чувствую себя весьма счастливою; никто не запретитъ воспоминать сіи блаженныя времена...."

— А, старая дѣвка! подумалъ Петръ Иванычъ.

— Не мудрено, что у ней еще желтые цвѣты на умѣ? Что тамъ еще?

„Женаты ли вы, любезнѣйшій братецъ и на комъ?

„Кто та милая подруга, украсившая собой путь вашего бытія? назовите мнѣ ее; я буду ее любить, какъ родную сестру, и въ мечтахъ соединять образъ ея съ вашимъ, буду молиться. А если не женаты, то по какой причинѣ — напишите откровенно: вашихъ тайнъ никто у меня не прочтетъ, я буду хранить ихъ на своей груди, ихъ вырвутъ у меня вмѣстѣ съ сердцемъ. Не медлите; сгараю нетерпѣніемъ читать ваши неизъяснимыя строки..."

— Нѣтъ, вотъ твои такъ неизъяснимыя строки! подумалъ Петръ Иванычъ.

„Я не знала (читалъ онъ), что милый нашъ Сашенька вдругъ вздумаетъ посѣтить великолѣпную столицу, — счастливецъ! увидитъ прекрасные дома и магазины, будетъ наслаждаться роскошью и прижметъ къ своей груди обожаемаго дядю, — а я, я въ то время буду лить слезы, вспоминая счастливое время. Если бы я знала

объ его отъѣздѣ, дни и ночи сидѣла бы и вышивала бы для васъ подушку; арапъ съ двумя собаками: вы не повѣрите, какъ я много разъ плакала, глядя на сей узоръ: что можетъ быть святѣе дружбы и вѣрности?....

„Теперь меня занимаетъ сія одна мысль; ей посвящу дни свои, но не имѣю здѣсь хорошей шерсти, и потому покорнѣйше прошу, любезнѣйшій братецъ, выслать, вотъ по этимъ образчикамъ, что я тутъ вложила, что ни есть наилучшей англійской шерсти, въ самомъ скоромъ времени, изъ перваго магазина. Но что я говорю? какая ужасная мысль останавливаетъ перо мое! можетъ быть, уже вы забыли насъ, и гдѣ вамъ помнить бѣдную страдалицу, которая удалилась отъ свѣта и льетъ слезы? Но нѣтъ! я не могу подумать, чтобъ вы могли быть извергомъ, какъ всѣ мужчины: нѣтъ! мнѣ сердце говоритъ, что вы сохранили къ намъ ко всѣмъ прежнія чувствованія среди роскоши и удовольствій великолѣпной столицы. Сія мысль служитъ бальзамомъ для моего страждущаго сердца. Простите, не могу болѣе продолжать, рука моя дрожитъ.......

Остаюсь по гробъ ваша
Марья Горбатова.

P. S. Нѣтъ ли, братецъ, у васъ хорошенькихъ книжекъ? пришлите, если вамъ не нужно: я бы на каждой страницѣ вспоминала васъ и плакала бы; или возьмите въ лавкѣ новыхъ, коли не дорого. Говорятъ, очень хороши сочиненія господина Загоскина и господина Марлинскаго, — хоть ихъ; а то я еще видѣла въ газетахъ заглавіе — О предразсудкахъ, соч. гос-на Пузины — пришлите, — я терпѣть не могу предразсудковъ.“

Прочитавъ, нашъ центавръ хотѣлъ бросить это письмо, но остановился.

— Нѣтъ, подумалъ онъ, сберегу: есть охотники до такихъ писемъ; иные собираютъ цѣлыя коллекціи, — можетъ быть, случится одолжить кого-нибудь.

Онъ бросилъ письмо въ бисерную корзинку, висѣвшую на стѣнѣ, потомъ взялъ другое письмо и началъ читать:

Любезнѣйшій мой деверекъ Петръ Иванычъ!

„Помните ли, какъ семнадцать годковъ тому назадъ мы справляли вашъ отъѣздъ? Вотъ привелъ Богъ благословить на дальній путь и собственное чадо. Полюбуйтесь, батюшка, на него, да вспомните покойника, нашего голубчика Ѳедора Иваныча: вѣдь Сашенька весь въ него. Богъ одинъ знаетъ, что вытерпѣло мое материнское сердце, отпускаючи его на чужую сторону. Отправляю его, моего друга, прямо къ вамъ: не велѣла нигдѣ приставать, окромѣ васъ....“

Адуевъ опять покачалъ головой.

— Глупая старуха! проворчалъ онъ, й читалъ: „Онъ, пожалуй, по неопытности, остановился бы на постояломъ дворѣ, но я знаю, какъ это можетъ огорчить роднаго дядю, и внушила въѣхать прямо къ вамъ. То-то будетъ у васъ радости-то при свиданіи.

„Не оставьте его, любезный деверекъ, вашими совѣтами и возьмите на свое попеченіе; передаю его вамъ съ рукъ на руки.“

Петръ Иванычъ опять остановился.

„Вѣдь вы тамъ одинъ у него (читалъ онъ потомъ).

— „Присмотрите за нимъ, не балуйте ужъ слишкомъ-то, да и не взыскивайте очень строго: взыскать-то будетъ кому, взыщутъ и чужіе, а приласкать некому, кромѣ своего; онъ же самъ такой ласковый: вы только увидите его, такъ и не отойдете. И начальнику-то, у котораго онъ будетъ служить, скажите, чтобъ берегъ моего Сашеньку. и обращался бы съ нимъ понѣжнѣе пуще всего: онъ у меня былъ нѣжненькій. Остерегайте его отъ вина и отъ картъ. Ночью, — вѣдь вы, я чай, въ одной комнатѣ будете спать, — Сашенька привыкъ лежать на спинѣ; отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется; — вы тихонько разбудите его да перекрестите, сейчасъ и пройдетъ, а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его разѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро. Не оставьте его также въ случаѣ нужды и деньгами.“ —

Адуевъ нахмурился, но вскорѣ лицо его опять прояснилось, когда онъ прочелъ далѣе:

„А я вышлю, что понадобится, да и ему въ руки дала теперь 1000 рублей, только чтобъ онъ не тратилъ ихъ на пустяки, да чтобъ у него подлипалы не выманили, вѣдь тамъ у васъ въ столицѣ, слышь [8]), много мошенниковъ и всякихъ безсовѣстныхъ людей. А за тѣмъ, простите, дорогой деверь, — совсѣмъ отвыкла писать. Остаюсь душевно

почитающая васъ невѣстка

А. Адуева.

P. S. Посылаю при этомъ нашихъ деревенскихъ гостинцевъ — малинки изъ своего сада, бѣлаго медку — чистый, какъ слеза, — полотна голландскаго на двѣ дюжины рубашекъ, да домашняго вареньица. Кушайте и носите на здоровье, а выйдутъ — еще пришлю. Присмотрите и за Евсеемъ: онъ смирный и не пьющій, да пожалуй тамъ въ столицѣ избалуется, — тогда можно и посѣчь.“

Петръ Иванычъ медленно положилъ письмо на столъ, еще медленнѣе досталъ сигару, и, покатавъ ее въ рукахъ, началъ курить. Долго обдумывалъ онъ эту штуку, какъ онъ называлъ ее мысленно, которую сыграла съ нимъ его невѣстка. Онъ строго разобралъ въ

умѣ и то, что сдѣлали съ нимъ, и то, что надо было дѣлать ему самому. Вотъ на какія посылки разложилъ онъ весь этотъ случай. Племянника своего онъ не знаетъ, слѣдовательно не любитъ, а по этому сердце его не возлагаетъ на него никакихъ обязанностей: надо рѣшать дѣло по законамъ разсудка и справедливости.

Братъ его женился, наслаждался супружеской жизнію, — за что же онъ, Петръ Иванычъ, обременитъ себя заботливостію о братнемъ сынѣ, онъ, не наслаждавшійся выгодами супружества? Конечно, не за что. Но съ другой стороны, представлялось вотъ что: мать отправила сына прямо къ нему, на его руки, не зная, захочетъ ли онъ взять на себя эту обузу, даже не зная, живъ ли онъ и въ состояніи ли сдѣлать что-нибудь для племянника. Конечно, это глупо, но если дѣло уже сдѣлано, племянникъ въ Петербургѣ, безъ помощи, безъ знакомыхъ, даже безъ рекомендательныхъ писемъ, молодой безъ всякой опытности.... въ правѣ ли онъ оставить его на произволъ судьбы, бросить въ толпѣ, безъ наставленій, безъ совѣта, и если съ нимъ случится что-нибудь не доброе — не будетъ ли онъ отвѣчать передъ совѣстью?...

Тутъ кстати Адуевъ вспомнилъ, какъ, семнадцать лѣтъ назадъ, покойный братъ и даже Анна Павловна отправляли его самого. Они, конечно, не могли ничего сдѣлать для него въ Петербургѣ, онъ самъ нашелъ себѣ дорогу.... но онъ вспомнилъ ея слезы при прощаніи, ея благословенія, какъ матери, ея ласки, ея пироги и, наконецъ, ея послѣднія слова: „вотъ, когда выростетъ Сашенька, — тогда еще трехлѣтній ребенокъ, — можетъ быть и вы, братецъ, приласкаете его...“ Тутъ Петръ Иванычъ всталъ и скорыми шагами пошелъ въ переднюю....

— Василій, сказалъ онъ: — когда придетъ мой племянникъ, то не отказывай. Да поди узнай, занята ли здѣсь вверху комната, чтó отдавалась недавно, и если не занята, такъ скажи, что я оставляю ее за собой. А! это гостинцы! Ну, что мы станемъ съ ними дѣлать?

— Давича нашъ лавочникъ видѣлъ, какъ несли ихъ вверхъ; онъ спрашивалъ, не уступимъ ли мы ему медъ: — „Я, говоритъ, хорошую цѣну дамъ“, и малину беретъ....

Прекрасно! отдай ему. Ну, а полотно куда дѣвать? развѣ не годится на чехлы?... Такъ спрячь полотно, и варенье спрячь, — его можно ѣсть: кажется порядочное.

Только что Петръ Иванычъ расположился бриться, какъ явился Александръ Ѳедорычъ. Онъ было бросился на шею дядѣ, но тотъ, пожимая мощной рукой его нѣжную, юношескую руку, держалъ его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя, какъ будто для того, чтобы наглядѣться на него, а болѣе, кажется, для того, чтобы остановить этотъ порывъ и ограничиться пожатіемъ.

— Мать твоя правду пишетъ, сказалъ онъ: — ты живой портретъ покойнаго брата: я бы узналъ тебя на улицѣ. Но ты лучше его. Ну, я безъ церемоніи буду продолжать бриться, а ты садись вотъ сюда — напротивъ, чтобы я могъ видѣть тебя, и давай бесѣдовать.

За этимъ Петръ Иванычъ началъ дѣлать свое дѣло, какъ будто тутъ никого не было, и намыливалъ щоки, натягивая языкомъ то ту, то другую. Александръ былъ сконфуженъ этимъ пріемомъ и не зналъ, какъ начать разговоръ. Онъ приписалъ холодность дяди тому, что не остановился прямо у него.

— Ну, что твоя матушка? здорова ли? я думаю постарѣла? спросилъ дядя, дѣлая разныя гримасы передъ зеркаломъ.

— Маменька, слава Богу, здорова, кланяется вамъ и тетушка Марья Павловна тоже, сказалъ робко Александръ Ѳедорычъ. — Тетушка поручила мнѣ обнять васъ... И онъ всталъ и подошелъ къ дядѣ, чтобъ поцѣловать его въ щоку, или въ голову, или въ плечо, или, наконецъ, куда удастся.

— Тетушкѣ твоей пора бы съ лѣтами быть умнѣе, а она, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ....

Это озадачило Александра и онъ задомъ воротился на свое мѣсто.

— Вы получили, дядюшка, письмо?... сказалъ онъ.

— Да получилъ.

— Извините, дядюшка.... началъ онъ съ трепетомъ.

— Что?

— Извините, что я не пріѣхалъ прямо къ вамъ, а остановился въ конторѣ дилижансовъ.... Я не зналъ вашей квартиры.

— Въ чемъ тутъ извиняться? ты очень хорошо сдѣлалъ. Матушка твоя Богъ знаетъ что выдумала. Какъ бы ты ко мнѣ пріѣхалъ, не знавши, можно ли у меня остановиться или нѣтъ? Квартира у меня, какъ видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинетъ, еще рабочій кабинетъ, гардеробная да туалетная — лишней комнаты нѣтъ. Я бы стѣснилъ тебя, а ты меня.... А я нашелъ для тебя здѣсь же въ домѣ квартиру...

— Ахъ, дядюшка! сказалъ Александръ: — какъ мнѣ благодарить васъ за эту заботливость? И онъ опять вскочилъ съ мѣста, съ намѣреніемъ словомъ и дѣломъ доказать свою признательность.

— Тише, тише, не трогай, заговорилъ дядя: бритвы превострыя, того и гляди обрѣжешься самъ, и меня обрѣжешь.

Александръ увидѣлъ, что ему, не смотря на всѣ усилія, не удастся въ тотъ день ни разу обнять и прижать къ груди обожаемаго дядю, и отложилъ это намѣреніе до другаго раза.

— Комната превеселенькая, началъ Петръ Иванычъ: окнами не много въ стѣну приходится, да вѣдь ты не станешь все у окна сидѣть; если дома, такъ займешься чѣмъ-нибудь, а въ окна зѣвать

некогда. И не дорога — 40 рублей въ мѣсяцъ. Для человѣка есть передняя. Надо пріучаться тебѣ съ самаго начала жить одному, безъ няньки; завести свое маленькое хозяйство, т. е. имѣть дома свой столъ, чай, словомъ, свой уголъ — un chez soi, какъ говорятъ французы. Тамъ ты можешь свободно принимать, кого хочешь.... Впрочемъ когда я дома обѣдаю, то милости прошу и тебя, а въ другіе дни — здѣсь молодые люди обыкновенно обѣдаютъ въ трактирѣ, —но я совѣтую тебѣ посылать за своимъ обѣдомъ: дома и покойнѣе и не рискуешь столкнуться Богъ знаетъ съ кѣмъ. Такъ ли?

— Я, дядюшка, очень благодаренъ......

— Что за благодарность, — вѣдь ты мнѣ родня; я исполняю свой долгъ. Ну, я теперь одѣнусь и поѣду; у меня и служба и заводъ....

— Я не зналъ, дядюшка, что у васъ есть заводъ.

— Стекляный и фарфоровый, впрочемъ, я не одинъ: насъ трое компаніоновъ.

— Хорошо идетъ?

— Да, порядочно; сбываемъ больше во внутреннія губерніи на ярмарки. Послѣдніе два года — хоть куда! Если бъ еще этакъ лѣтъ пять, такъ и того.... Одинъ компаніонъ, правда, не очень надеженъ — все мотаетъ, да я умѣю держать его въ рукахъ. И, до свиданія. Ты теперь посмотри городъ, пофлянируй, пообѣдай гдѣ-нибудь, а вечеромъ приходи ко мнѣ пить чай, я дома буду, — тогда поговоримъ. Эй, Василій! ты покажешь ему комнату и поможешь имъ тамъ устроиться.

— Такъ вотъ какъ здѣсь въ Петербургѣ.... думалъ Александръ, сидя въ новомъ своемъ жилищѣ: — если родной дядя такъ, чтожъ прочіе?...... — Вечеромъ, въ 11 часовъ, дядя прислалъ звать его пить чай.

— Я только что изъ театра, сказалъ дядя, лежа на диванѣ.

— Какъ жаль, что вы не сказали мнѣ давича, дядюшка: я бы пошелъ вмѣстѣ съ вами.

— Я былъ въ креслахъ, куда-жъ ты, на колѣни бы ко мнѣ сѣлъ? сказалъ Петръ Иванычъ: — вотъ завтра поди себѣ одинъ.

— Одному грустно въ толпѣ, дядюшка; не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ....

— И не-зачѣмъ! надо умѣть и чувствовать и думать, словомъ, жить одному; со временемъ понадобится. Да еще тебѣ до театра надо одѣться прилично.

Александръ посмотрѣлъ на свое платье и удивился словамъ дяди. — Чѣмъ же я не прилично одѣтъ? думалъ онъ: — синій сюртукъ, зеленые панталоны.....

— У меня, дядюшка, много платья, сказалъ онъ: — шилъ Кёнигштейнъ; онъ у насъ на губернатора работаетъ.

— Нужды нѣтъ, все таки оно не годится; на дняхъ я завезу тебя къ своему портному; но это пустяки. Есть о чемъ важнѣе поговорить. Скажи-ка, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ.... жить.

— Жить? т. е. если ты разумѣешь подъ этимъ ѣсть, пить и спать, такъ не стоило труда ѣздить такъ далеко: тебѣ такъ не удастся ни поѣсть, ни поспать здѣсь, какъ тамъ у себя; а если ты думалъ что-нибудь другое, такъ объяснись.....

— Пользоваться жизнію, хотѣлъ я сказать, прибавилъ Александръ, весь покраснѣвъ: — мнѣ въ деревнѣ надоѣло — все одно и тоже....

— А! вотъ-что! Что-жъ, ты наймешь бельэтажъ на Невскомъ проспектѣ, заведешь карету, составишь большой кругъ знакомства, откроешь у себя дни?

— Вѣдь это очень дорого, замѣтилъ наивно Александръ.

— Мать пишетъ, что она дала тебѣ тысячу рублей, — этого мало, сказалъ Петръ Иванычъ. — Вотъ одинъ мой знакомый недавно пріѣхалъ сюда, ему тоже надоѣло въ деревнѣ; онъ хочетъ пользоваться жизнію, такъ тотъ привезъ пятьдесятъ тысячъ и ежегодно будетъ получать по стольку-же. Онъ точно будетъ пользоваться жизнію въ Петербургѣ, а ты — нѣтъ! ты не за тѣмъ пріѣхалъ.

— По словамъ вашимъ, дядюшка, выходитъ, что я какъ будто самъ не знаю, за чѣмъ я пріѣхалъ.

— Почти такъ; это лучше сказано: тутъ есть правда; только все еще не хорошо. Неужели ты, какъ сбирался сюда, не задалъ себѣ этого вопроса: зачѣмъ я ѣду? Это было бы не лишнее.

— Прежде, нежели я задалъ себѣ этотъ вопросъ, у меня уже былъ готовъ отвѣтъ, съ гордостію отвѣчалъ Александръ.

— Такъ что-же ты не говоришь? ну — за чѣмъ?

— Меня влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности, во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить........

Петръ Иванычъ приподнялся немного съ дивана, вынулъ изъ роту сигару и навострилъ уши.

— Осуществить тѣ надежды, которыя толпились....

— Не пишешь ли ты стиховъ? вдругъ спросилъ Петръ Иванычъ.

— И прозой, дядюшка; прикажете принести?

— Нѣтъ, нѣтъ!.... послѣ когда-нибудь; я такъ только спросилъ.

— А что-съ?

— Да ты такъ говоришь....

— Развѣ не хорошо?

— Нѣтъ, — можетъ быть, очень хорошо, да дико.

— У насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ и считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ! сказалъ смутившійся Александръ.

— О чемъ-же онъ такъ говорилъ?

— О своемъ предметѣ.

— А!

— Какъ же, дядюшка, мнѣ говорить?

— Попроще, какъ всѣ, а не какъ профессоръ эстетики. Впрочемъ, этого вдругъ растолковать нельзя; ты послѣ самъ увидишь. Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести твои слова, что ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну? Такъ ли?

— Да, дядюшка, карьеру.....

— И фортуну, прибавилъ Петръ Иванычъ: что-за карьера безъ фортуны? Мысль хороша — только... напрасно ты пріѣзжалъ.

— Отчего-же? Надѣюсь, вы не по собственному опыту говорите это? сказалъ онъ, глядя вокругъ себя.

— Дѣльно замѣчено. Точно, я хорошо обстановленъ и дѣла мои недурны, сказалъ дядя. Но сколько я посмотрю, такъ ты и я — большая разница.

— Я никакъ не смѣю сравнивать себя съ вами...

— Не въ томъ дѣло; ты, можетъ быть, вдесятеро умнѣе и лучше меня.... да у тебя, кажется, натура не такая, чтобъ поддалась новому порядку, а тамошній порядокъ — ой, ой! Ты вонъ, изнѣженъ и избалованъ матерью; гдѣ тебѣ выдержать все, что я выдержалъ? ты, должно быть, мечтатель, а мечтать здѣсь некогда; подобные намъ ѣздятъ сюда дѣло дѣлать.

— Можетъ быть, я въ состояніи что-нибудь сдѣлать, если вы не оставите меня вашими совѣтами и опытностію.

— Совѣтовать — боюсь. Я не ручаюсь за твою деревенскую натуру: выйдетъ вздоръ, — станешь пенять на меня, а мнѣніе свое сказать, изволь — не отказываюсь, ты слушай, или не слушай, какъ хочешь. Да нѣтъ! я не надѣюсь на удачу. У васъ тамъ свой взглядъ на жизнь: какъ переработаешь [1]) его? Вы помѣшались на любви, на дружбѣ, да на прелестяхъ жизни, на счастьи; думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ, ахъ, да охъ! плачутъ, хнычутъ да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ.... какъ я отучу тебя отъ всего этого? — мудрено!

— Я постараюсь, дядюшка, принаровиться къ современнымъ понятіямъ. Уже сегодня, глядя на эти огромныя зданія, на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ успѣхахъ современнаго человѣчества, я понялъ волненіе этой разумно-дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею....

Петръ Иванычъ, при этомъ монологѣ, значительно поднялъ брови и пристально посмотрѣлъ на племянника. Тотъ остановился.

— Дѣло, кажется, простое, сказалъ дядя: — а они, Богъ знаетъ

что заберутъ въ голову.... разумно-дѣятельная толпа!! Право, лучше бы тебѣ остаться [5]) тамъ. Прожилъ бы ты вѣкъ свой славно: былъ бы тамъ умнѣе всѣхъ, прослылъ бы сочинителемъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, вѣрилъ бы въ вѣчную и неизмѣнную дружбу и любовь, въ родство, счастіе, женился бы и незамѣтно дожилъ бы до старости и, въ самомъ дѣлѣ, былъ бы по-своему счастливъ, — а по-здѣшнему ты счастливъ не будешь: здѣсь всѣ эти понятія надо перевернуть вверхъ дномъ....

— Какъ, дядюшка, развѣ дружба и любовь — эти священныя и высокія чувства, упавшія какъ будто не нарочно съ неба въ земную грязь......

— Что, что? повтори-ка.

Александръ замолчалъ.

— Любовь и дружба въ грязь упали! Ну, какъ ты эдакъ здѣсь брякнешь?

— Развѣ онѣ не тѣ же и здѣсь, какъ тамъ, хочу я сказать.

— Есть и здѣсь любовь и дружба, — гдѣ нѣтъ этого добра? только не такая, какъ тамъ у васъ; со временемъ увидишь самъ.... Ты прежде всего забудь эти священныя и небесныя чувства, а приглядывайся къ дѣлу такъ, проще, какъ оно есть, право лучше, будешь и говорить проще. Впрочемъ, это не мое дѣло. Ты пріѣхалъ сюда, не ворочаться же назадъ: если не найдешь, чего искалъ, пеняй на себя. Я предупрежу тебя, что̀ хорошо, по моему мнѣнію, что̀ дурно, а тамъ, какъ хочешь.... Попробуемъ, можетъ быть, удастся что-нибудь изъ тебя сдѣлать. Да! матушка просила снабжать тебя деньгами.... знаешь, что я тебѣ скажу: не проси у меня ихъ; это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми. Впрочемъ, не думай, чтобъ я тебѣ отказывалъ: нѣтъ, если придется такъ, что другаго средства не будетъ, такъ ты, нечего дѣлать, обратись ко мнѣ.... Все у дяди лучше взять, чѣмъ у чужаго, по крайней мѣрѣ безъ процентовъ. Да чтобъ не прибѣгать къ этой крайности, я тебѣ поскорѣй найду мѣсто, чтобъ ты могъ доставать деньги. Ну, до свиданья, заходи поутру, мы переговоримъ, что̀ и какъ начать.

Александръ Ѳедорычъ пошелъ домой.

— Послушай, не хочешь ли ты поужинать? сказалъ Петръ Иванычъ ему въ слѣдъ.

— Да, дядюшка.... я бы пожалуй....

— У меня ничего нѣтъ.

Александръ молчалъ. Зачѣмъ же это обязательное предложеніе? думалъ онъ.

— Стола я дома не держу, а трактиры теперь заперты, продолжалъ дядя. — Вотъ тебѣ и уро́къ на первый случай, привыкай. У васъ встаютъ и ложатся по солнцу, ѣдятъ, пьютъ, когда велитъ

природа: холодно, такъ надѣнутъ себѣ шапку съ наушниками да и знать ничего не хотятъ; свѣтло — такъ день, темно — такъ ночь. У тебя вонъ слипаются глаза, а я еще за работу сяду: къ концу мѣсяца надо счеты свести. Дышете вы тамъ круглый годъ свѣжимъ воздухомъ, а здѣсь и это удовольствіе стоитъ денегъ, — и все такъ! совершенные антиподы! Здѣсь вотъ и не ужинаютъ особенно на свой счетъ, и на мой тоже. Это тебѣ даже полезно; не станешь стонать и метаться по ночамъ, а крестить мнѣ тебя некогда....

— Къ этому, дядюшка, легко привыкнуть....

— Хорошо, если такъ. А у васъ все еще по старому: можно притти въ гости ночью и сейчасъ ужинъ состряпаютъ?

— Чтожъ, дядюшка, надѣюсь этой черты порицать нельзя. Добродѣтель русскихъ....

— Полно! какая тутъ добродѣтель. Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады: — милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя; все таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ..“ Препротивная добродѣтель!

Такъ Александръ легъ спать и старался разгадать, что-за человѣкъ его дядя. Онъ припомнилъ весь разговоръ, многаго не понялъ, другому не совсѣмъ вѣрилъ.

— Не хорошо говорю! думалъ онъ: любовь и дружба не вѣчны? не смѣется ли надо мною дядюшка? Неужели здѣсь такой порядокъ? Что же Софьѣ и нравилось во мнѣ особенно, какъ не даръ слова? А любовь ея неужели не вѣчна?... И неужели здѣсь въ самомъ дѣлѣ не ужинаютъ? Онъ еще долго ворочался въ постели: голова, полная тревожныхъ мыслей [6]), и пустой желудокъ не давали ему спать.

Прошло недѣли двѣ.

Александръ долгомъ считалъ любить дядю, но никакъ не могъ привыкнуть къ его характеру. „Дядюшка у меня, кажется, добрый человѣкъ“, писалъ онъ въ одно утро въ провинцію, къ Поспѣлову: — „очень уменъ, только человѣкъ весьма прозаическій, вѣчно въ дѣлахъ, въ расчетахъ.... Духъ его будто прикованъ къ землѣ и никогда не возносится до чистаго, изолированнаго отъ земныхъ дрязгъ созерцанія явленій духовной природы человѣка. Небо у него неразрывно связано съ землею, и мы съ нимъ, кажется, никогда совершенно не сольемся душами.

Идучи сюда, я думалъ, что онъ, какъ дядя, дастъ мнѣ мѣсто въ сердцѣ, согрѣетъ меня въ здѣшней холодной толпѣ горячими объятіями дружбы, а дружба, ты знаешь, второе провидѣніе! Но и онъ есть ничто иное, какъ выраженіе этой толпы. Я думалъ дѣ-

лить съ нимъ вмѣстѣ время, не разставаться ни на минуту, дѣлить, какъ говоритъ Пушкинъ, трапезу, мысли и дѣла, но что встрѣтилъ? — холодные совѣты, которые онъ называетъ дѣльными; но пусть они лучше будутъ недѣльны, но полны теплаго, сердечнаго участія. Онъ гордъ не гордъ, но врагъ всякихъ искреннихъ изліяній; мы не обѣдаемъ, не ужинаемъ вмѣстѣ, никуда не ѣздимъ [7]). Пріѣхавши, онъ никогда не разскажетъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ, и никогда также не говоритъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ, кто у него знакомые, нравится ему что, нѣтъ ли, какъ онъ проводитъ время. Никогда не сердитъ особенно, ни ласковъ, ни печаленъ, ни веселъ. Сердцу его чужды всѣ порывы любви, дружбы, всѣ стремленія къ прекрасному. Часто говоришь, говоришь, и говоришь, какъ вдохновенный пророкъ, почти какъ нашъ великій, незабвенный Иванъ Семенычъ, когда онъ, помнишь, гремѣлъ съ каѳедры, а мы трепетали въ восторгѣ отъ его огненнаго взора и слова; а дядюшка? слушаетъ, поднявъ брови, и смотритъ престранно, или засмѣется какъ-то по-своему, такимъ смѣхомъ, который леденитъ у меня кровь, — и прощай вдохновеніе! Я иногда вижу въ немъ какъ будто пушкинскаго демона.... Не вѣритъ онъ любви и проч., говоритъ, что счастія нѣтъ, что его никто и не обѣщалъ, а что есть просто жизнь, раздѣляющаяся поровну на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и пр., что на все это надо смотрѣть просто, не забирать себѣ въ голову безполезныхъ, каково — безполезныхъ! вопросовъ о томъ, зачѣмъ мы созданы, да къ чему стремимся, — что это не наша забота, и что отъ этого мы не видимъ, что у насъ подъ носомъ, и не дѣлаемъ своего дѣла.... только и слышишь о дѣлѣ! Въ немъ не отличишь, находится ли онъ подъ вліяніемъ какого-нибудь наслажденія, или прозаическаго дѣла: и за счетами, и въ театрѣ, все одинаковъ; сильныхъ впечатлѣній не знаетъ и, кажется, не любитъ изящнаго: оно чуждо душѣ его; я думаю, онъ не читалъ даже Пушкина......"

Разъ утромъ Петръ Иванычъ неожиданно явился въ комнату племянника и засталъ его за письмомъ.

— Я пришелъ посмотрѣть, какъ ты тутъ устроился, сказалъ дядя: и поговорить о дѣлѣ.

Александръ вскочилъ и проворно что-то прикрылъ рукой.

— Спрячь, спрячь свой секретъ, сказалъ Петръ Иванычъ: — я отвернусь. Ну, спряталъ? А это что выпало? что это такое?

— Это, дядюшка, ничего.... началъ было Александръ, но смѣшался и замолчалъ.

— Кажется, волосы! Подлинно ничего! ужъ я видѣлъ одно, такъ покажи и то, что спряталъ въ рукѣ.

Александръ, точно уличенный школьникъ, невольно разжалъ руку и показалъ кольцо.

— Что это? откуда? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Это, дядюшка, вещественные знаки.... невещественныхъ отношеній....

— Что? что? дай сюда эти знаки.

— Это залоги.....

— Вѣрно изъ деревни привезъ?

— Отъ Софьи, дядюшка, на память.... при прощаньи....

— Такъ и есть. И это ты везъ за 1,500 верстъ?

Дядя покачалъ головой.

— Лучше бы ты привезъ еще мѣшокъ сушоной малины: ту, по крайней мѣрѣ, въ лавочку сбыли, а эти залоги...

Онъ разсматривалъ то волосы, то колечко; волосы понюхалъ, а колечко взвѣсилъ на рукѣ.

Потомъ взялъ бумажку со стола, завернулъ въ нее оба знака, сжалъ все это въ компактный комокъ и — бацъ въ окно.

— Дядюшка! неистово закричалъ Александръ, схвативъ его за руку, но поздно: комокъ перелетѣлъ черезъ уголъ сосѣдней крыши, упалъ въ каналъ, на край барки съ кирпичами, отскочилъ и прыгнулъ въ воду.

Александръ молча, съ выраженіемъ горькаго упрека, смотрѣлъ на дядю.

— Дядюшка! повторилъ онъ.

— Что?

— Какъ назвать вашъ поступокъ?

— Бросаньемъ изъ окна въ каналъ невещественныхъ знаковъ и всякой дряни и пустяковъ, чего не нужно держать въ комнатѣ.....

— Пустяковъ! это пустяки?

— А ты думалъ что? — половина твоего сердца.... Я пришелъ къ нему за дѣломъ, а онъ вонъ чѣмъ занимается — сидитъ да думаетъ надъ дрянью.

— Развѣ это мѣшаетъ дѣлу, дядюшка?

— Очень. Время проходитъ, а ты до сихъ поръ мнѣ еще и не помянулъ о своихъ намѣреніяхъ — хочешь ли ты служить, избралъ ли другое занятіе — ни слова! а все отъ того, что у тебя Софья да знаки на умѣ. Вонъ, ты, кажется, къ ней письмо пишешь? Такъ?

— Да.... я началъ было....

— А къ матери писалъ?

— Нѣтъ еще, я хотѣлъ завтра....

— Отъ чего же завтра? Къ матери завтра, а къ Софьѣ, которую черезъ мѣсяцъ надо забыть, сегодня....

— Софью? можно ли ее забыть?

— Должно. Не брось я твоихъ залоговъ, такъ пожалуй, чего добраго, ты помнилъ бы ее лишній мѣсяцъ. Я оказалъ тебѣ вдвойнѣ услугу. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти знаки напомнили бы тебѣ глупость, отъ которой бы ты краснѣлъ.

— Краснѣть отъ такого чистаго, святаго воспоминанія? это значитъ не признавать поэзіи....

— Я не понимаю, какая поэзія въ томъ, что глупо? Поэзія, напримѣръ, въ письмѣ твоей тетки! Желтый цвѣтокъ, озеро, какая-то тайна.,.. какъ я сталъ читать — мнѣ такъ стало нехорошо, что и сказать нельзя! чуть не покраснѣлъ, а ужъ я ли не отвыкъ краснѣть!

— Это ужасно, ужасно, дядюшка! стало быть вы никогда не любили?

— Знаковъ терпѣть не могъ.

— Это какая-то деревянная жизнь! сказалъ въ сильномъ волненіи Александръ: — прозябеніе, а не жизнь! быть, а не жить! и быть безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви....

— И безъ волосъ, прибавилъ дядя.

— Какъ вы, дядюшка, можете такъ холодно издѣваться надъ тѣмъ, что есть лучшаго на землѣ? вѣдь это преступленіе.... Любовь..... святыя волненія! О!

— Знаю я эту святую любовь: въ твои лѣта только увидятъ локонъ, башмакъ, подвязку, дотронуться до руки — такъ по всему тѣлу и побѣжитъ святая, возвышенная любовь, а дай-ка волю, такъ и того.... Твоя любовь, къ сожалѣнію, впереди; отъ этого никакъ не уйдешь, а дѣло уйдетъ отъ тебя, если не станешь имъ заниматься.

— Да развѣ любовь не дѣло?

— Кто говоритъ! Очень пріятное занятіе, только не нужно предаваться ему больше, нежели другимъ, а то выйдетъ вздоръ. Отъ этого я и боюсь за тебя. Ты, кажется, охъ! — Дядя покачалъ головой.

— Я почти нашелъ тебѣ мѣсто; ты вѣдь хочешь служить? сказалъ онъ.

— Ахъ, дядюшка, какъ я радъ.

Александръ бросился и поцѣловалъ дядю въ щоку.

— Нашелъ таки случай! сказалъ дядя, вытирая щоку: — какъ это я не остерегся! Ну такъ слушай-же. Скажи, что ты знаешь, къ чему чувствуешь себя способнымъ?

— Я знаю богословіе, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломацію, политическую экономію, философію, эстетику, археологію....

— Постой, постой, — а умѣешь ли ты порядочно писать порусски? Теперь пока это нужнѣе всего.

— Какой вопросъ, дядюшка: умѣю ли писать порусски? сказалъ Александръ и побѣжалъ къ комоду, изъ котораго началъ вынимать разныя бумаги, а дядя, между тѣмъ, взялъ со стола какое-то письмо и сталъ читать.

Александръ подошелъ съ бумагами къ столу и увидалъ, что дядя читаетъ письмо.

Бумаги у него выпали изъ рукъ.

— Что это вы читаете, дядюшка? сказалъ онъ, поблѣднѣвъ.

— А вотъ тутъ лежало письмо, къ другу должно быть. Извини — мнѣ хотѣлось взглянуть, какъ ты пишешь.

— И вы прочитали его?

— Да, почти — вотъ только двѣ строки осталось, — сейчасъ дочитаю, а что? вѣдь тутъ секретовъ нѣтъ, иначе бы оно не валялось такъ.....

— Что же вы теперь думаете обо мнѣ?....

— Думаю, что ты порядочно пишешь, правильно, гладко.....

— Стало быть, вы не прочли, что тутъ написано? съ живостью спросилъ Александръ.

— Нѣтъ, кажется, все, сказалъ Петръ Иванычъ, поглядѣвъ на обѣ страницы: — сначала описываешь Петербургъ, свои впечатлѣнія, а потомъ меня.

— Боже мой! воскликнулъ Александръ и закрылъ руками лицо.

— Да что ты? что съ тобой?

— И вы говорите это покойно? вы не сердитесь, не ненавидите меня?

— Нѣтъ! изъ чего мнѣ бѣсноваться?

— Повторите, успокойте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Мнѣ все не вѣрится: докажите, дядюшка....

— Чѣмъ прикажешь?

— Обнимите меня.

— Извини, не могу.

— Почему же?

— Потому — что въ этомъ поступкѣ разума т. е. смысла нѣтъ, или, говоря словами твоего профессора, сознаніе не побуждаетъ меня къ этому.

— Чувство, дядюшка, просится наружи, требуетъ порыва, изліянія....

— У меня не просится и не требуетъ, да еслибъ и просилось, такъ я бы воздержался — и тебѣ тоже совѣтую.

— За чѣмъ же?

— А за тѣмъ, чтобъ послѣ, когда разсмотришь поближе человѣка, котораго обнялъ, не краснѣть за свои объятія.

— Развѣ не случается, дядюшка, что оттолкнешь [8]) человѣка и послѣ раскаешься?

— Случается, отъ того я никогда никого и не отталкиваю.

— Вы и меня не оттолкнете за мой поступокъ, не назовете чудовищемъ?

— У тебя кто напишетъ вздоръ, тотъ и чудовище. Эдакъ бы ихъ развелось несмѣтное множество.

— Но читать про себя такія горькія истины — и отъ кого-же? отъ роднаго племянника!

— Ты воображаешь, что написалъ истину?...

— О, дядюшка!.... конечно, я ошибся.... я переправлю.... простите....

— Хочешь, я тебѣ продиктую истину?

— Сдѣлайте милость.

— Садись и пиши.

Александръ вынулъ листъ бумаги и взялъ перо, а Петръ Иванычъ, глядя на прочтенное имъ письмо, диктовалъ:

„Любезный другъ.

— Написалъ?

— Написалъ.

„Петербурга и впечатлѣній своихъ описывать тебѣ не стану.

— Не стану, сказалъ Александръ, написавъ.

„Петербургъ уже давно описанъ, а что не описано, то надо видѣть самому; впечатлѣнія мои тебѣ ни на что не годятся. Нечего попустому тратить время и бумагу. Лучше опишу моего дядю, потому что это относится лично до меня.

— Дядю, сказалъ Александръ.

— Ну, вотъ, ты пишешь, что я очень добръ и уменъ — можетъ быть это и правда, можетъ быть и нѣтъ; возьмемъ лучше середину, пиши.

„Дядя мой не глупъ и не золъ, мнѣ желаетъ добра....

— Дядюшка! я умѣю цѣнить и чувствовать..... сказалъ Александръ и потянулся поцѣловать его.

„Хотя и не вѣшается мнѣ на шею,“ продолжалъ диктовать Петръ Иванычъ. Александръ, не дотянувшись до него, поскорѣй сѣлъ на свое мѣсто.

„А желаетъ добра, потому что не имѣетъ причины и побужденія желать зла и потому что его просила обо мнѣ моя матушка, которая дѣлала нѣкогда и для него добро. Онъ говоритъ, что меня не любитъ — и весьма основательно: въ двѣ недѣли нельзя полюбить, и я еще не люблю его, хотя и увѣряю въ противномъ.

— Какъ это можно? сказалъ Александръ.

— Пиши, пиши:

„Но мы начинаемъ привыкать другъ къ другу. Онъ даже говоритъ, что можно и совсѣмъ обойтись безъ любви. Онъ не сидитъ со мной, обнявшись съ утра до вечера, потому что это вовсе не нужно, да ему и нѣкогда.

— „Врагъ искреннихъ изліяній“ — это можно оставить: это хорошо. Написалъ?

— Написалъ.

— Ну, что у тебя тутъ еще? „Прозаическій духъ, демонъ..“ Пиши.

Пока Александръ писалъ, Петръ Иванычъ взялъ со стола какую-то бумагу, свернулъ ее, досталъ огня и закурилъ сигару, а бумагу бросилъ и затопталъ.

„Дядя мой ни демонъ, ни ангелъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ, — диктовалъ онъ, — только не совсѣмъ похожъ на насъ съ тобой. Онъ думаетъ и чувствуетъ по земному, полагаетъ, что если мы живемъ на землѣ, такъ и не надо улетать съ нея на небо, гдѣ насъ теперь пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Отъ того онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла и между прочимъ въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ хотѣлось, вѣритъ въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное. Любви и дружбѣ тоже вѣритъ, только не думаетъ, что онѣ упали съ неба въ грязь, а полагаетъ, что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей, что ихъ такъ и надобно понимать и вообще разсматривать вещи пристально, съ ихъ настоящей стороны, а не заноситься, Богъ знаетъ, куда. Между честными людьми онъ допускаетъ возможность пріязни, которая отъ частныхъ сношеній и привычки обращается въ дружбу.

„Но онъ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга, и что это вовсе не преступленіе. По этому онъ увѣряетъ, что я тебя забуду, и ты меня. Это мнѣ, да и тебѣ вѣроятно, кажется, дико, — но онъ совѣтуетъ привыкнуть къ этой мысли, отъ чего мы оба не будемъ въ дуракахъ. О любви онъ того же мнѣнія, съ небольшими оттѣнками: не вѣритъ въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣритъ въ домовыхъ — и намъ не совѣтуетъ вѣрить.

„Впрочемъ объ этомъ онъ совѣтуетъ мнѣ думать, какъ можно меньше, и я тебѣ совѣтую. Это, говоритъ онъ, придетъ само собою — безъ зову; говоритъ, что жизнь не въ одномъ только этомъ состоитъ, что для этого, какъ и для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви — глупо. Тѣ, которые ищутъ ея и не могутъ ни минуты обойтись безъ нея — живутъ сердцемъ, и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ: — мы при-

надлежимъ къ обществу, говоритъ онъ, которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ. При томъ у него, можетъ быть, есть намѣренья, вслѣдствіе которыхъ вѣроятно не я буду его наслѣдникомъ. Дядя не всегда думаетъ о службѣ да о заводѣ, онъ знаетъ наизустъ не одного Пушкина....“

— Вы, дядюшка? сказалъ изумленный Александръ.

— Да, когда-нибудь увидишь. Пиши:

„Онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ занимательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ фламандской школы, — это его вкусъ, — часто бываетъ въ театрѣ, но не суетится, не мечется, не ахаетъ, не охаетъ, думая, что это ребячество, что надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому-что до нихъ никому нѣтъ надобности. Онъ также не говоритъ дикимъ языкомъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ. Прощай, пиши ко мнѣ порѣже и не теряй по пустому времени. Другъ твой такой-то. Ну, мѣсяцъ и число.“

— Какъ можно послать такое письмо? сказалъ Александръ: — „пиши порѣже“ — написать это человѣку, который нарочно на 160 верстъ пріѣхалъ, чтобы сказать послѣднее прости! „Совѣтую то, другое, третье....“ онъ не глупѣе меня: онъ вышелъ вторымъ кандидатомъ.

— Нужды нѣтъ, ты все-таки пошли: можетъ быть онъ поумнѣе станетъ; это наведетъ его на разныя новыя мысли; хоть вы кончили курсъ, а школа ваша только что начинается.

— Я не могу рѣшиться, дядюшка....

— Я никогда не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, но ты самъ просилъ что-нибудь для тебя сдѣлать; я стараюсь навести тебя на настоящую дорогу и облегчить тебѣ первый шагъ, а ты упрямишься; ну, какъ хочешь; я говорю только свое мнѣніе, а принуждать не стану; я тебѣ не нянька.

— Извините, дядюшка; я готовъ повиноваться, сказалъ Александръ — и тотчасъ запечаталъ письмо.

Запечатавъ одно, онъ сталъ искать другое, къ Софьѣ. Онъ поглядѣлъ на столъ — нѣтъ, подъ столомъ — тоже нѣтъ, въ ящикѣ — не бывало.

— Ты чего-то ищешь? сказалъ дядя.

— Я ищу другаго письма..... къ Софьѣ.

И дядя сталъ искать.

— Гдѣ же оно? говорилъ Петръ Иванычъ: — я право не бросалъ его за окно....

— Дядюшка! что вы надѣлали? вѣдь вы имъ закурили си-

гару! горестно сказалъ Александръ и поднялъ обгорѣлые остатки письма.

— Неужели? воскликнулъ дядя: — да какъ это я? и не замѣтилъ; смотри пожалуй, сжегъ такую драгоцѣнность.... А впрочемъ, знаешь что? оно даже съ одной стороны хорошо....

— Ахъ, дядюшка, ей Богу ни съ какой стороны не хорошо.... замѣтилъ Александръ въ отчаяніи.

— Право хорошо: съ нынѣшней почтой ты не успѣешь написать къ ней, а къ будущей ужъ вѣрно одумаешься, займешься службой: тебѣ будетъ не до того и, такимъ образомъ, сдѣлаешь одной глупостію меньше.

— Чтожъ она подумаетъ обо мнѣ?

— А что хочетъ. Да, я думаю, это полезно и ей. Вѣдь ты не женишься на ней? Она подумаетъ, что ты ее забылъ, забудетъ тебя сама и меньше будетъ краснѣть передъ будущимъ своимъ женихомъ, когда станетъ увѣрять его, что никого, кромѣ его, не любила.

— Вы, дядюшка, удивительный человѣкъ! для васъ не существуетъ постоянства, нѣтъ святости обѣщаній.... Жизнь такъ хороша, такъ полна прелести, нѣги: она, какъ гладкое, прекрасное озеро....

— На которомъ ростутъ желтые цвѣты, что ли? перебилъ дядя.

— Какъ озеро, продолжалъ Александръ: — она полна чего-то таинственнаго, заманчиваго, скрывающаго въ себѣ такъ много....

— Тины, лыбезный.

— Зачѣмъ же вы, дядюшка, черпаете тину, зачѣмъ такъ разрушаете и уничтожаете всѣ радости, надежды, блага.... смотрите съ черной стороны?

— Я смотрю съ настоящей — и тебѣ тоже совѣтую: въ дуракахъ не будешь. Съ твоими понятіями жизнь хороша тамъ, въ провинціи, гдѣ ея не вѣдаютъ, — тамъ и не люди живутъ, а ангелы: вотъ Заѣзжаловъ — святой человѣкъ, тетушка твоя — возвышенная, чувствительная душа, Софья, я думаю, такая же дура, какъ тетушка, да еще......

— Оканчивайте, дядюшка, сказалъ взбѣшенный Александръ.

— Да еще такіе мечтатели, какъ ты, водятъ носомъ по вѣтру, не пахнетъ ли откуда-нибудь неизмѣнной дружбой да любовью.... въ сотый разъ скажу: напрасно пріѣзжалъ!

— Станетъ она увѣрять жениха, что никого не любила! говорилъ почти самъ съ собою Александръ.

— А ты все свое!

— Нѣтъ, я увѣренъ, что она прямо, съ благородной откровенностію отдастъ ему мои письма и.....

— И знаки, сказалъ Петръ Иванычъ.

— Да, и залоги нашихъ отношеній.... и скажетъ: вотъ, вотъ кто первый пробудилъ струны моего сердца, вотъ при чьемъ имени заиграли онѣ впервые....

У дяди начали подниматься брови и расширяться глаза. Александръ замолчалъ.

— Чтожъ ты пересталъ играть на своихъ струнахъ? Ну, милый: и подлинно глупа твоя Софья, если сдѣлаетъ такую чепуху; надѣюсь, у нея есть мать, или кто-нибудь, кто бы могъ остановить ее?

— Вы, дядюшка, рѣшаетесь назвать глупостію этотъ святѣйшій порывъ души, это благородное изліяніе сердца; какъ прикажете думать объ васъ?

— Какъ тебѣ заблагоразсудится. Жениха своего она заставитъ подозрѣвать Богъ знаетъ что; пожалуй еще и свадьба разойдется, а отчего? оттого, что вы тамъ рвали вмѣстѣ какіе-нибудь желтые цвѣты... Нѣтъ, такъ дѣла не дѣлаются. Ну, такъ ты порусски писать можешь, — завтра поѣдемъ въ департаментъ; я ужъ говорилъ о тебѣ прежнему своему сослуживцу, начальнику отдѣленія; онъ сказалъ, что есть ваканція; терять времени нечего.... Это что-за кипу ты вытащилъ?

— А это мои университетскія записки. Вотъ позвольте прочесть нѣсколько страницъ изъ лекцій Ивана Семеныча объ искусствѣ въ Греціи....

Онъ ужъ началъ было проворно переворачивать страницы.

— Охъ, сдѣлай милость, уволь! сказалъ, сморщившись, Петръ Иванычъ: — а это что?

— А это мои диссертаціи. Я желалъ бы показать ихъ своему начальнику; особенно тутъ есть одинъ проэктъ, который я обработалъ....

— А! проэктъ! одинъ изъ тѣхъ проэктовъ, которые тысячу лѣтъ ужъ, какъ исполнены, или которыхъ нельзя и не нужно исполнять.

— Что вы, дядюшка! да этотъ проэктъ былъ представленъ одному значительному лицу, любителю просвѣщенія; за это однажды онъ пригласилъ меня съ ректоромъ обѣдать. Вотъ начало другаго проэкта.

— Отобѣдай у меня дважды, да только не дописывай другаго проэкта.

— Почему же?

— Да такъ, ты теперь хорошаго ничего не напишешь, а время уйдетъ.

— Какъ! слушавши лекціи....

— Онѣ пригодятся тебѣ со временемъ, а теперь смотри, читай, учись, да дѣлай, что заставятъ.

— Какъ же узнаетъ начальникъ о моихъ способностяхъ?

— Мигомъ узнаетъ: онъ мастеръ узнавать. Да ты какое же мѣсто хотѣлъ бы занять?

— Я не знаю, дядюшка, какое бы....

— Есть мѣста министровъ, говорилъ Петръ Иванычъ: — товарищей ихъ, директоровъ, вице-директоровъ, начальниковъ отдѣленій, столоначальниковъ, ихъ помощниковъ, чиновниковъ особыхъ порученій, мало ли?

Александръ задумался. Онъ растерялся и не зналъ, какое выбрать.

— Вотъ бы на первый разъ мѣсто столоначальника хорошо, сказалъ онъ.

— Да, хорошо! повторилъ Петръ Иванычъ.

— Я бы присмотрѣлся къ дѣлу, дядюшка, а тамъ мѣсяца черезъ два можно бы въ начальники отдѣленія....

Дядя навострилъ уши.

— Конечно, конечно, сказалъ онъ: потомъ черезъ три мѣсяца въ директоры, ну, а тамъ черезъ годъ и въ министры; такъ что ли?

Александръ покраснѣлъ и молчалъ.

— Не покажете ли вы чего-нибудь изъ моихъ сочиненій будущему моему начальнику, чтобъ дать понятіе?

— Нѣтъ, не нужно; если понадобится, ты и самъ разскажешь, а можетъ быть, и не понадобится. Подари-ка ты мнѣ свои проэкты и сочиненія?....

— Подарить? — извольте, дядюшка, сказалъ Александръ, которому польстило это требованіе дяди. — Не угодно ли, я вамъ сдѣлаю оглавленіе всѣхъ статей, въ хронологическомъ порядкѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не нужно.... Спасибо за подарокъ. Евсей! отнеси-ка эти бумаги къ Василью.

— Зачѣмъ же къ Василью? въ вашъ кабинетъ.

— Онъ просилъ у меня бумаги обклеить что-то.

— Какъ, дядюшка!.... въ ужасѣ спросилъ Александръ и схватилъ кипу назадъ.

— Вѣдь ты подарилъ, а тебѣ что-за дѣло, какое употребленіе я сдѣлаю изъ твоегѳ подарка?...

— Вы не щадите ничего.... ничего.... съ отчаяніемъ стоналъ онъ, прижимая бумаги обѣими руками къ груди.

— Александръ, послушайся меня, сказалъ дядя, вырывая у него бумаги: не будешь краснѣть послѣ и скажешь мнѣ спасибо.

Александръ выпустилъ бумаги изъ рукъ.

На, отнеси Евсей, сказалъ Петръ Иванычъ. —

Ну вотъ теперь у тебя въ комнатѣ чисто и хорошо. Пустяковъ нѣтъ; отъ тебя зависитъ наполнить ее соромъ или чѣмъ-нибудь

дѣльнымъ. Поѣдемъ на заводъ прогуляться, разсѣяться, подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть, какъ работаютъ. *Гончаровъ.*

[1]) Снт. III. § 50. 2). [2]) вм. конецъ; только въ русскомъ языкѣ встрѣчающееся фигуральное выраженіе. [3]) вм. какъ слышно, какъ говорятъ. [4]) Снт. III. §. 47. 4). а.) [5]) Снт. III. § 47. 5. а). Нкл. Снт. ст. 68. [6]) Снт. III. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [7]) Снт. III. § 50. 23). [8]) Снт. III. § 57. 1).

---

43. Бухгалтеръ.

Если вамъ когда-нибудь случалось взбираться по крутой и постоянно чѣмъ-то воняющей лѣстницѣ зданія присутственныхъ мѣстъ въ городѣ П—ѣ и тамъ, на самомъ верху, повернувъ на право, проникать сквозь неуклюжую и съ вѣчно надломленнымъ замкомъ дверь въ цѣлое отдѣленіе низенькихъ и сильно грязноватыхъ комнатъ, помѣщавшихъ въ себѣ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія; то вамъ конечно бросался въ глаза сидѣвшій у окна, передъ дубовой конторкой, чиновникъ, лѣтъ уже далеко за сорокъ съ крупными чертами лица, съ всклокоченными волосами и бакенбардами, широкоплечій, съ жилистыми руками и съ болѣе еще неуклюжими ногами. Это былъ бухгалтеръ приказа Іосафъ Іосафычъ Ферапонтовъ. На немъ, какъ и на прочей канцеляріи, былъ такой же истасканный вицмундиръ, такіе же уродливые съ сильно выдавшимся большимъ пальцемъ сапоги, такія же засаленныя брюки, съ слѣдами чернилъ и табаку на колѣняхъ, и только въ довольно мрачномъ выраженіи лица его какъ-то не было видно того желчнаго раздраженія отъ безпрестанно волнующейся мелкой мысли, которое, надобно сказать, было присуще почти всей остальной приказной братіи. Видимо, что бухгалтеръ думалъ и размышлялъ о болѣе возвышенныхъ и благородныхъ предметахъ, чѣмъ его подчиненные. Не смотря на это, кажется [1]) бы, преимущество съ его стороны, онъ собственно за свою наружность и былъ не совсѣмъ любимъ начальствомъ. Всѣ новые губернаторы, вступая въ должность и посѣщая въ первый разъ приказъ, получали объ немъ самое невыгодное мнѣніе, можетъ быть потому, что въ то время, какъ всѣ прочіе чиновники встрѣчали ихъ съ подобострастно веселымъ видомъ, одинъ только Іосафъ стоялъ у своей конторки, какъ медвѣдь, на котораго шли [2]) съ рогатиной.

— У васъ бухгалтеръ, должно быть, скотина, замѣчалъ обыкновенно губернаторъ члену приказа.

— Для службы-то, ваше превосходительство, очень ужъ полезенъ, отвѣчалъ тотъ на это тономъ глубокаго сожалѣнія: у насъ тоже дѣло денежное: вотъ, бывало, предмѣстникъ вашего превосхо-

дительства, какъ за каменной стѣной, за нимъ спокойно почивать изволили.

— Гм!... произносилъ глубокомысленно губернаторъ, и только этимъ бухгалтеръ спасался на своемъ мѣстѣ. Каждый день, съ восьми часовъ утра до двухъ часовъ по полудни, Ферапонтовъ сидѣлъ за своей конторкой, то просматривая съ большимъ вниманіемъ лежавшую передъ нимъ толстую книгу, то прочитывая какія-то бумаги, то, наконецъ, устремляя печальный взглядъ на довольно-продолжительное время въ окно, изъ котораго виднѣлась колокольня, нѣсколько домовыхъ крышъ и клочекъ неба. О чемъ бухгалтеръ думалъ въ это время, — сказать трудно; но по всему замѣтно было, что мысль его была шире того небольшаго пространства, въ которомъ являлся ему божій міръ сквозь канцелярское окно, шире и глубже даже тѣхъ мыслей, которыя заключались въ цифрахъ лежавшей передъ нимъ книги.

Часовъ съ одиннадцати обыкновенно въ приказъ начинала собираться публика, и первые являлись купцы съ вкладами. Случалось такъ, что какой-нибудь изъ нихъ, забѣжавъ на скоро въ приказъ, тяжело дыша и съ безпокойными глазами, прямо обращался къ бухгалтеру:

— Членъ здѣ-ся-тко-съ [3]), али нѣтъ?

— У губернатора, отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Эхма-тка! говорилъ купецъ, прищелкнувъ языкомъ и почесавъ въ затылкѣ: деньжонки бы внести надо... задержать, пожалуй!... а дѣловъ [4]) то... дѣловъ....

— Давайте, говорилъ ему на это лаконически Іосафъ, и купецъ, нимало не задумываясь, вытаскивалъ изъ кармана иногда тысячъ пять, шесть, десять серебромъ и отдавалъ ихъ ему на-руку, твердо увѣренный, что завтра же получитъ на нихъ билетъ.

Всѣ помѣщики, имѣнія которыхъ были заложены въ приказѣ, тоже знали Іосафа и тоже прямо обращались къ нему. Болѣе смирные изъ нихъ даже чувствовали къ нему нѣкоторый страхъ.

— Асафъ Асафычъ? а Асафъ Асафычъ? говорили они, подходя не безъ робости къ его конторкѣ. (Бухгалтеръ не любилъ на первый зовъ откликаться). А что имѣніе мое назначено въ продажу? заключалъ проситель уже жалобнымъ голосомъ.

Ферапонтовъ взглядывалъ на него. Имени онъ почти ни у кого не спрашивалъ и каждаго узнавалъ по лицу.

— Сахаровыхъ? произносилъ онъ, развертывая толстую книгу.

— Сахаровыхъ, отвѣчалъ робко помѣщикъ.

— 17 Апрѣля назначено въ продажу, отвѣчалъ Ферапонтовъ. Помѣщикъ окончательно терялся.

— Да какъ же это, ей-Богу, вотъ-те [5]) и разъ! произносилъ онъ почти со слезами на глазахъ.

Бухгалтеръ иногда, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанья, снова развертывалъ книгу и просмотрѣвъ ее внимательно, произносилъ:

— Перезаложите. Перезаложить можно...

— Можно? спрашивалъ помѣщикъ съ разцвѣтающимъ лицомъ.

— Можно. А вы и не знали того? говорилъ Іосафъ Іосафычъ: въ голосѣ его слышалась легкая насмѣшка.

Помѣщикъ отъ радости почти въ прискочку уходилъ изъ приказа.

— Предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя!... [6]) произносилъ ему въ слѣдъ столоначальникъ перваго стола, большой шутникъ и зубоскалъ. При этомъ молодые писцы самымъ искреннимъ образомъ фыркали себѣ подъ носъ, а которые постарше, улыбались и качали головами. Одинъ только Іосафъ, въ подобныхъ случаяхъ, хоть бы бровью поводилъ. Онъ вообще съ канцеляріей никогда не вступалъ ни въ какого рода посторонніе разговоры и былъ строгъ: въ особенности почти что гоненію съ его стороны подвергались молодые, недоучившіеся дворяне, поступившіе на службу такъ только, чтобы вилять отъ нея хвостомъ. Въ концѣ почти каждаго мѣсяца, онъ вдругъ входилъ въ присутственную комнату и начиналъ мрачно смотрѣть въ окно.

— Что вы тутъ: на что глядите? спрашивалъ его непремѣнный членъ.

— Такъ, ни на что-съ, отвѣчалъ Іосафъ, и потомъ, послѣ короткаго молчанія, прибавлялъ: Петрова бы, вотъ, надо совсѣмъ изъ службы выгнать.

— А что такое? спрашивалъ непремѣнный членъ съ нѣкоторымъ испугомъ. Петровъ былъ, какъ извѣстно, личнымъ протеже начальника губерніи.

— А то, что ужъ ружье завелъ, отвѣчалъ Ферапонтовъ.

— Скажите, пожалуйста! произносилъ непремѣнный членъ горестно-удивительнымъ тономъ и звонилъ.

— Позвать Петрова! говорилъ онъ, и Петровъ, очень еще молодой человѣкъ, съ вольнодумно-отпущенными усиками и съ какою-то необыкновенно-длинною шеей, въ тоненькомъ, легонькомъ галстукѣ и въ прюнелевыхъ ботинкахъ, вмѣсто сапогъ, являлся.

— Вы ужъ ружья завели? спрашивалъ его непремѣнный членъ.

Петровъ вспыхивалъ до самыхъ ушей.

— Я, помилуйте, Михайло Петровичъ, взялъ только у товарища на подержаніе... Помилуйте-съ! отвѣчалъ онъ прерывисто нетвердымъ голосомъ.

— На подержанье вы взяли!... возражалъ ему бухгалтеръ:

цѣлый день продуваете, да замокъ отвинчиваете.... Что-нибудь одно: либо за утичьими хвостами бѣгать, либо служить.

— Я служить стараюсь! говорилъ Петровъ, обращаясь болѣе къ непремѣнному члену.

— Кабы старались, такъ бы не то и было, возражалъ ему снова бухгалтеръ. Мать-то, этта [7]), прiѣзжала и почесть [8]) что въ ногахъ валялась и плакала: послѣднюю послѣ отца шубенку въ три листика проиграли!... Ещо дворянинъ! точно зараза какая..... только другихъ портите и развращаете.

— Что-жъ, маменька, конечно что вольна все говорить, отвѣчалъ Петровъ, опуская невиннѣйшимъ образомъ глаза въ землю.

— Всѣ на васъ говорятъ! произносилъ съ досадою Iосафъ и уходилъ изъ присутствiя. За такого рода суровость, а главное, я думаю, и за образъ своей жизни, онъ и прозванъ былъ отъ своихъ подчиненныхъ „отче Iосафiй." Но въ самомъ ли дѣлѣ этотъ человѣкъ былъ таковъ?...

Нѣтъ, и тысячи разъ нѣтъ!!! *Писемскій.*

[1]) Правильнѣе: казалось бы. [2]) Снт. III. § 47. 4). в). [3]) здѣсь-ли? [4]) Неправильно вм. далъ. [5]) Снт. III. § 29. 8. [6]) Изъ церковной пѣсни: Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ и проч. Поется веселымъ напѣвомъ въ праздникъ Пасхи. [7]) вм. это, то есть недавно, на этихъ дняхъ. [8]) вм. почти.

---

44. Ночное шествiе.

Царь Иванъ Васильевичъ (IV) молился. Уже потъ катился [1]) съ лица его; уже кровавые знаки, напечатлѣнные на высокомъ челѣ прежними земными поклонами, яснѣе обозначались отъ новыхъ поклоновъ; вдругъ шорохъ въ избѣ заставилъ его обернуться. Онъ увидѣлъ свою мамку, Онуфревну [2]).

Стара была его мамка. Взялъ ее въ Верхъ [3]) еще блаженной памяти великiй князь Василiй Iоанновичъ, служила она еще Еленѣ Глинской. Iоаннъ родился у нея на рукахъ; у нея же на рукахъ благословилъ его умирающiй отецъ. Говорили про Онуфревну, что многое ей извѣстно, о чемъ никто и не подозрѣваетъ. Въ малолѣтство царя Глинскiе боялись ея; Шуйскiе и Бѣльскiе старались всячески угождать ей.

Много сокрытаго узнавала Онуфревна посредствомъ гаданья и никогда не ошибалась. Въ самое величiе князя Телепнева — Iоанну тогда было четыре года — она предсказала князю, что онъ умретъ голодною смертью. Такъ и сбылось. Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, а еще свѣже было въ памяти стариковъ это предсказанье.

Теперь Онуфревнѣ добивалъ [4]) чуть ли не десятой десятокъ. Она согнулась почти вдвое; кожа на лицѣ ея такъ сморщилась, что стала походить на древесную кору, и какъ на старой корѣ пробивается мохъ, такъ на бородѣ Онуфревны пробивались волоса сѣдыми клочьями. Зубовъ у нея давно уже не было, глаза, казалось, не могли видѣть, голова судорожно шаталась.

Онуфревна опиралась костлявою рукой на клюку. Долго смотрѣла она на Іоанна, вбирая въ себя пожелтѣвшія губы, какъ будто-бы что-то жевала или бормотала.

— Чтó? сказала наконецъ мамка глухимъ, дребезжащимъ голосомъ, — молишься, батюшка? Молись, молись, Иванъ Васильевичъ! Много еще тебѣ отмаливаться! Еще бъ одни старые грѣхи лежали на душѣ твоей! Господь-то милостивъ; авось и простилъ бы! А то вѣдь у тебя чтó ни день [5]), то новый грѣхъ, а иной разъ и по два и по три на день придется!

— Полно, Онуфревна, сказалъ царь, вставая, — сама не знаешь, что говоришь!

— Не знаю, чтó говорю! Да развѣ я изъ ума выжила, чтó ли?

И безжизненные глаза старухи внезапно заблистали [6]).

— Да что ты сегодня за столомъ-то сдѣлалъ.. За чтó отравилъ боярина-то? Ты думалъ, я и не знаю! Что? чего брови-то хмуришь. Вотъ погоди, какъ пробьетъ твой смертный часъ; погоди только! Ужъ привяжутся къ тебѣ грѣхи твои, какъ тысячи тысячъ пудовъ; ужъ потянутъ тебя на дно адово! А дьяволы-то подскочатъ да и подхватятъ тебя на крючья!

Старуха опять принялась сердито жевать.

Усердная молитва приготовила царя къ набожнымъ мыслямъ. Раздражительное воображеніе не разъ уже представляло ему картину будущаго возмездія, но сила воли одолѣвала страхъ загробныхъ мученій. Іоаннъ увѣрялъ себя, что страхъ этотъ и даже угрызенія совѣсти возбуждаются въ немъ врагомъ рода человѣческаго, чтобъ отвлечь помазанника Божія отъ высокихъ его начинаній. Хитростямъ дьявола царь противуставилъ молитву: но часто изнемогалъ подъ жестокимъ напоромъ воображенія. Тогда отчаяніе схватывало его какъ желѣзными когтями. Неправость дѣлъ его являлась во всей наготѣ, и страшно зіяли передъ нимъ адскія бездны. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ Іоаннъ негодовалъ на свое малодушіе. Въ гнѣвѣ на самого себя и на духа тьмы, онъ опять, на зло аду и на перекоръ совѣсти, начиналъ дѣло великой крови и великаго поту, и никогда жестокость его не достигала такой степени, какъ послѣ невольнаго изнеможенья.

Теперь мысль объ адѣ, оживленная наступающею грозой и пророческимъ голосомъ Онуфревны, проняла его насквозь лихора-

дочною дрожью. Онъ сѣлъ на постель. Зубы его застучали одинъ о другой.

— Ну что́, батюшка? сказала Онуфревна, смягчая свой голосъ, — что́ съ тобой сталось? Захворалъ что́-ли? Такъ и есть, захворалъ! Напугала же я тебя! Да нужды нѣтъ, утѣшься, батюшка, хоть и велики грѣхи твои, а благость-то Божія еще больше! Только покайся, да впередъ не грѣши. Вотъ и я молюсь, молюсь о тебѣ, и денно и нощно, а теперь и того болѣ стану молиться. Что́ тутъ говорить? Ужъ лучше сама въ рай не попаду, да тебя отмолю!

Іоаннъ взглянулъ на свою мамку, — она какъ будто улыбалась, но не привѣтлива была улыбка на суровомъ лицѣ ея.

— Спасибо, Онуфревна, спасибо; мнѣ легче; ступай себѣ съ Богомъ!

— То-то легче! Какъ обнадежишь тебя, куда и страхъ дѣвался! ужъ и гнать меня вздумалъ! ступай-молъ съ Богомъ! А ты на долготерпѣніе-то Божіе слишкомъ не разсчитывай, батюшка. На тебя и у самого у Господа терпѣнія-то не станетъ. Отречется онъ отъ тебя, посмотри, а сатана-то обрадуется, да шархъ! и войдетъ въ тебя. Ну вотъ, опять дрожать началъ! Не худо-бъ тебѣ збитеньку испить. Испей збитеньку, батюшка! Бывало и родитель твой на ночь збитень пивалъ, царствіе ему небесное! И матушка твоя, упокой Господи душу ея, любила збитень. Въ збитнѣ-то и опоили ее проклятые Шуйскіе!

Старуха какъ будто забылась. Глаза ея померкли; она опять принялась жевать губами, безпрерывно шатая головой.

Вдругъ что-то застучало въ окно. Иванъ Васильевичъ вздрогнулъ.

Старуха перекрестилась дрожащею рукой.

— Вишь, сказала она, дождь полилъ! И молонья блистать начинаетъ! А вотъ и громъ, батюшка, помилуй насъ Господи!

Гроза усиливалась все болѣе, и скоро разыгралась по небу безпрерывными перекатами, безпрестанною молніей.

При каждомъ ударѣ грома Іоаннъ вздрагивалъ.

— Вишь, какой у тебя ознобъ, батюшка! Вотъ погоди маленько, я велю тебѣ збитеньку заварить.....

— Не надо, Онуфревна, я здоровъ....

— Здоровъ! Да на тебѣ лица не видать [7])! Ты-бъ на постелю-то легъ, одѣяломъ-то прикрылся-бы. И что-й [8])-то у тебя за постель право! Доски голыя. Охота тебѣ! Царское-ли это дѣло! Вѣдь это хорошо монаху, а ты не монахъ какой!

Іоаннъ не отвѣчалъ. Онъ къ чему-то прислушивался.

— Онуфревна, сказалъ онъ вдругъ съ испугомъ, — кто тамъ ходитъ въ сѣняхъ? Я слышу шаги чьи-то!

— Христосъ съ тобой, батюшка! кому теперь ходить. Послышалось тебѣ [9]).

— Идетъ, идетъ кто-то! Идетъ сюда! Посмотри, Онуфревна!

Старуха отворила дверь. Холодный вѣтеръ пахнулъ въ избу. За дверью показался Малюта.

— Кто это? спросилъ царь, вскакивая.

— Да твой рыжій песъ, батюшка, отвѣчала мамка, сердито глядя на Малюту, — Гришка Скуратовъ; вишь какъ напугалъ, проклятый!

— Лукьянычъ! сказалъ царь, обрадованный приходомъ любимца, — добро пожаловать; откуда?

— Изъ тюрьмы, государь; былъ у розыску, ключи принесъ! Малюта низко поклонился царю и покосился на мамку.

— Ключи! проворчала старуха: — ужъ припекутъ тебя на томъ свѣтѣ раскаленными ключами, сатана ты этакій! Ей Богу, сатана! И лицо-то дьявольское! Ужъ кому другому [10]), а тебѣ не миновать огня вѣчнаго! Будешь, Гришка, лизать сковороды горячія за всѣ клеветы свои! Будешь, проклятый, въ смолѣ кипѣть, помяни мое слово!

Молнія освѣтила грозящую старуху, и страшна была она съ подъятою клюкою, съ сверкающими глазами.

Самъ Малюта нѣсколько струсилъ; но Іоанна ободрило присутствіе любимца.

— Не слушай ея, Лукьянычъ, сказалъ онъ, — знай свое дѣло, не смотри на бабьи толки. А ты ступай себѣ, старая дура, оставь насъ!

Глаза Онуфревны снова засверкали.

— Старая дура? повторила она: — я старая дура? Вспомянете вы меня на томъ свѣтѣ, оба вспомянете! Всѣ твои поплечники [11]), Ваня, всѣ примутъ мзду свою, еще въ сей жизни примутъ, и Грязной, и Басмановъ, и Вяземскій; комуждо [12]) воздастся по дѣламъ его, а этотъ, продолжала она, указывая клюкою на Малюту, — этотъ не приметъ мзды своей: по его дѣламъ нѣтъ и муки на землѣ; его мука на днѣ адовомъ; тамъ ему и мѣсто готово, ждутъ его дьяволы и радуются ему! И тебѣ есть тамъ мѣсто, Ваня, великое, теплое мѣсто!

Старуха вышла, шаркая ногами и стуча клюкой.

Іоаннъ былъ блѣденъ. Малюта не говорилъ ни слова. Молчаніе продолжалось довольно долго.

— Чтó-жъ, Лукьянычъ, сказалъ наконецъ царь, — винятся Колычевы?

— Нѣтъ еще, государь. Да ужъ повинятся, у меня не откашляются!

Іоаннъ вошелъ въ подробности допроса. Разговоръ о Колычевыхъ далъ его мыслямъ другое направленіе.

Ему показалось, что онъ можетъ заснуть. Отославъ Малюту, онъ легъ на постель и забылся.

Его разбудилъ какъ будто внезапный толчокъ. Изба слабо освѣщалась образными лампадами. Лучъ мѣсяца, проникая сквозь низкое окно, игралъ на расписанныхъ изразцахъ лежанки. За лежанкой кричалъ сверчокъ. Мышь грызла гдѣ-то дерево.

Среди этой тишины Ивану Васильевичу опять сдѣлалось страшно.

Вдругъ ему почудилось, что приподымается половица, и смотритъ изъ-подъ нея отравленный бояринъ.

Такія видѣнія случались съ Іоанномъ нерѣдко. Онъ приписывалъ ихъ адскому мороченью. Чтобы прогнать призракъ, онъ перекрестился.

Но призракъ не исчезъ, какъ то случалось прежде. Мертвый бояринъ продолжалъ смотрѣть на него изъ-подлобья. Глаза старика были также на выкатѣ, лицо также сине, какъ за обѣдомъ, когда онъ выпилъ присланную Іоанномъ чашу.

„Опять навожденіе! подумалъ царь; но не поддамся я прелести сатанинской, сокрушу хитрость дьявольскую. Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его!“

Мертвецъ медленно вытянулся изъ-подъ полу и приблизился къ Іоанну.

Царь хотѣлъ закричать, но не могъ. Въ ушахъ его страшно звенѣло.

Мертвецъ наклонился передъ Іоанномъ.

— Здравъ буди, Иване! произнесъ глухой, нечеловѣческій голосъ, — се кланяюся тебѣ, иже [13]) погубилъ еси мя безвинно!

Слова эти отозвались въ самой глубинѣ души Іоанна. Онъ не зналъ, отъ призрака-ли ихъ слышитъ, или собственная его мысль выразилась ощутительнымъ для уха звукомъ.

Но вотъ приподнялась другая половица; изъ-подъ нея показалось лицо окольничаго Данилы Адашева, казненнаго Іоанномъ четыре года тому назадъ.

Адашевъ также вытянулся изъ-подъ полу, поклонился царю и сказалъ:

— Здравъ буди, Иване! се кланяюся тебѣ, иже казнилъ еси мя безвинно!

За Адашевымъ появилась боярыня Марія, казненная вмѣстѣ съ дѣтьми. Она поднялась изъ-подъ полу съ пятью сыновьями. Всѣ поклонились царю, и каждый сказалъ:

— Здравъ буди, Иване! се кланяюся тебѣ!

Потомъ показались князь Курлятевъ, князь Оболенскій, Никита Шереметевъ и другіе казненные, или убитые Іоанномъ.

Изба наполнилась мертвецами. Всѣ они низко кланялись царю, всѣ говорили:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване! се кланяемся тебѣ!

Вотъ поднялись монахи, старцы, инокини, всѣ въ черныхъ ризахъ, всѣ блѣдные и кровавые.

Вотъ показались воины, бывшіе съ царемъ подъ Казанью.

На нихъ зіяли страшныя раны, но не въ бою добытыя, а нанесенныя палачами.

Вотъ явились дѣвы въ растерзанной одеждѣ, и молодыя жены съ грудными младенцами. Дѣти протягивали къ Іоанну окровавленныя ручонки и лепетали:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване, иже погубилъ еси насъ безвинно!

Изба все болѣе наполнялась призраками. Царь не могъ уже различать воображенія отъ дѣйствительности. Слова призраковъ повторялись стократными отголосками. Отходныя молитвы и панихидное пѣніе въ то-же время раздавались надъ самыми ушами Іоанна. Волосы его стояли дыбомъ.

— Именемъ Бога живаго, произнесъ онъ, — если вы бѣсы, насланные вражьею силою — сгиньте! Если вы вправду души казненныхъ мною, — дожидайтесь страшнаго суда Божія! Господь меня съ вами разсудитъ!

Взвыли мертвецы и закружились вокругъ Іоанна, какъ осенніе листья, гонимые вихремъ. Жалобнѣе раздалось панихидное пѣніе, дождь опять застучалъ въ окно и среди шума вѣтра царю послышались какъ будто звуки трубъ и голосъ, взывающій:

— Иване, Иване! на судъ, на судъ!

Царь громко вскрикнулъ. Спальники вбѣжали изъ сосѣднихъ покоевъ въ опочивальню.

— Вставайте! закричалъ царь: — кто спитъ теперь! Настал҄ъ послѣдній день, настал҄ъ послѣдній часъ! Всѣ въ церковь, всѣ за мною!

Царедворцы засуетились. Раздался благовѣстъ. Только что уснувшіе опричники услышали знакомый звонъ, вскочили съ палатей и спѣшили одѣться.

Многіе изъ нихъ пировали у Вяземскаго. Они сидѣли за кубками и пѣли удалыя пѣсни; услышавъ звонъ, они вскочили и надѣли черныя рясы поверхъ богатыхъ кафтановъ, а головы накрыли высокими шлыками. Вся слобода пришла въ движеніе. Церковь Божіей Матери ярко освѣтилась. Встревоженные жители бросились къ воротамъ и увидѣли множество огней, блуждающихъ во дворцѣ изъ покоя въ покой. Потомъ огни образовали длинную цѣпь, и шествіе потянулось змѣею по наружнымъ переходамъ, соединявшимъ дворецъ со храмомъ Божіимъ.

Всѣ опричники, одѣтые одноличпо въ шлыки и черныя рясы, несли[14]) смоляные свѣточи. Блескъ ихъ чудно игралъ на рѣзныхъ столбахъ и на стѣнныхъ украшеніяхъ. Вѣтеръ раздувалъ рясы, а лунный свѣтъ вмѣстѣ съ огнемъ отражался на золотѣ, жемчугѣ и дорогихъ каменьяхъ. Впереди шелъ царь, одѣтый инокомъ, билъ себя въ грудь и взывалъ, громко рыдая:

— Боже, помилуй мя грѣшнаго! Помилуй мя смраднаго пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитыхъ мною безвинно!

У преддверія храма Іоаннъ упалъ въ изнеможеніи. Свѣточи озарили старуху, сидѣвшую на ступеняхъ. Она протянула къ царю дрожащую руку.

— Встань, батюшка! сказала Онуфревна: — я помогу тебѣ. Давно я жду тебя. Войдемъ, Ваня, помолимся вмѣстѣ! — Двое опричниковъ подняли царя подъ руки. Онъ вошелъ въ церковь.

Новыя шествія, также въ черныхъ рясахъ, также высокихъ шлыкахъ, спѣшили по улицамъ съ зажженными свѣточами. Храмовыя врата поглощали все новыхъ и новыхъ опричниковъ, и исполинскіе лики святыхъ смотрѣли на нихъ, негодуя, съ высоты стѣнъ и главъ церковныхъ.

Среди ночи, дотолѣ безмолвной, раздалось пѣніе нѣсколькихъ сотъ голосовъ, и далеко слышны были звонъ колокольный и протяжные псалмы.

Узники въ темницахъ вскочили, гремя цѣпями, и стали прислушиваться.

— Это царь заутреню служитъ! сказали они. — Умягчи, Боже, его сердце, вложи милость въ душу его! Маленькія дѣти въ слободскихъ домахъ, спавшія близъ матерей, проснулись въ испугѣ и подняли плачъ.

Иная мать долго не могла унять своего ребенка.

— Молчи! говорила она наконецъ: — молчи, не то Малюта услышитъ!

И при имени Малюты ребенокъ переставалъ плакать, въ испугѣ прижимался къ матери, и среди ночнаго безмолвія раздавались опять лишь псалмы опричниковъ, да безпрерывный звонъ колокольный.

Графъ Толстой.
(Изъ романа: Князь Серебряный).

[1]) Снт. Ш. § 50. 10). [2]) Вѣрнѣе: Онуфріевну. [3]) царскіе покои. [4]) вм. доходилъ или оканчивался. [5]) Снт. Ш. § 35. 1). г). [6]) Снт. Ш. § 56. 6). 2). [7]) вм. не видно, нельзя видѣть. [8]) вм. что это. [9]) Снт. Ш. § 47. 5). в). [10]) Эллиптическій оборотъ: Ужъ кому нибудь другому, можетъ быть, удастся миновать огня вѣчнаго, а тебѣ и проч. Снт. Ш. § 47. 5). а). Нкл. Снт. ст. 68. [11]) ровня, товарищъ. [12]) Вм. коемуждо. Ц. слав. = каждому. [13]) Слав. который. [14]) Снт. Ш. § 50. 16).

45. Раненые Севастопольцы у нѣмецкихъ колонистовъ на молочныхъ водахъ.

По берегáмъ рѣкѝ Молóчной въ Таврѝческой губéрніи, виднѣются красѝвыя деревéньки нѣмéцкихъ колонѝстовъ. Лѣтъ 50-тъ тому́ назáдъ никакóго жилья́ тамъ нé было [1]): въ тѣ пóры тóлько нá-лѣто ногáйскіе кочевы́е Татáры пригоня́ли свои̂ „отáры,“ то есть стадá барáновъ, на пáстбища по ширóкимъ лугáмъ, — и проживáвшіе въ рѣчны́хъ камышáхъ вóлки ждáли э́тихъ гостéй, голодáя и завывáя отъ óсени до лѣ́та.

Но когдá почтѝ во всей Нѣмéчинѣ не стáло покóю отъ войнъ, то нѣ́которые Нѣмцы просѝли нáше правѝтельство позвóлить имъ переселѝться въ Россíю: имъ назнáчили э́ти пусты́нныя и привóльныя мѣстá, пособѝли дéньгами — Нѣмцы пришлѝ, подѣлѝли промежъ собóй учáстки и поселѝлись по берегáмъ рѣкъ. Плóхо бы́ло сначáла: ни колá, ни дворá [2]), — жѝли въ земля́нкахъ. Вóлки навѣ́дывались къ нимъ частéнько: бывáло бáба вáритъ свой „*гáберъ-су́пъ*,“ а волкъ съ вéрху кры́ши земля́нки глядѝтъ въ отду́шину: „тáкъ-ли-молъ [3]) ты хозя́йничаешь?“ И не тóлько на домáшнюю скотѝну, а и на людéй нападáли середь бѣ́лаго дня э́ти разбóйники зубáтые. Но „терпѣ́нье и трудъ все перетру́тъ“ — пословица э́та еще попрéжде [4]) чѣ́мъ у насъ, у Нѣ́мцевъ есть: помáялись, побѣдовáли нóвые поселéнцы, да по немнóгу тáкъ обжѝлись, обзавелѝсь и разбогатѣ́ли, что тепéрь — тóлько кофеéкъ попивáютъ, да дéнежки считáютъ. А все — трудъ и рáзумъ.

Въ 1854 году́, когда началáсь въ Крыму́ войнá, э́ти сáмые колонѝсты-нѣмцы прислáли своѝхъ вы́борныхъ или стáростъ къ нáшему главнокомáндующему съ такóй прóсьбой: „по мѝлости Ру́сскихъ, нáши бѣ́дные отцы́ разбогатѣ́ли здѣ́сь, — тепéрь мы хотѝмъ отслужѝть вамъ въ благодáрность: примѝте отъ насъ хлѣ́бъ, картóфель, подвóды; и прóсимъ мы присылáть къ намъ на излѣчéніе вáшихъ рáненыхъ въ сражéніяхъ солдáтушекъ: — бу́демъ берéчь ихъ, какъ стáршихъ брáтьевъ нáшихъ.“ И остáвили Нѣ́мцы мнóго подвóдъ своѝхъ въ воéнное распоряжéніе. Поблагодарѝлъ ихъ главнокомáндующій; — „не тяжелó ли вамъ самѝмъ бу́детъ, не разстрóится ли вáше хозя́йство?“ спросѝлъ онъ Нѣ́мцевъ; а онѝ отвѣчáли: „ру́сская землѝ насъ обогатѝла — мы вáши должникѝ, бу́демъ дѣлѝться съ вáми до послѣ́дней крохѝ!“

— „А-коли-тáкъ — спасѝбо вамъ, хорóшіе лю́ди!“

И вотъ тóй-же óсенью [5]), 1854 гóда, въ ненáстный ноя́брскій день, въ однóй изъ нѣмéцкихъ колóній — и въ домáхъ, и на у́лицѣ замѣ́тно бы́ло суетлѝвое движéніе: съ сáмаго у́тра то на однóмъ, то на другóмъ крыльцѣ́ безпрестáнно появля́лись заботлѝвые Нѣ́мцы, за

ни́ми выска́кивали ребяти́шки; любопы́тно погля́дывали оні́ на доро́гу. Доро́га э́та, обса́женная деревца́ми у селе́нія, вила́сь черезъ по́ле и ни́вы, и подъ до́ждикомъ ло́снилась сплошно́ю гря́зью и лу́жами. Кого́-то жда́ли съ той стороны́. Около полу́дня прискака́лъ въ дере́вню молодо́й колони́стъ; на вопро́сы Нѣ́мцевъ онъ мимолётомъ отвѣча́лъ: „ѣ́дутъ! сей часъ бу́дутъ!“ и соскочи́лъ съ коня́ у воро́тъ ста́росты. — Вскорѣ́ примча́лась уста́лая тро́йка: офице́ръ и вое́нный до́кторъ, забры́зганные гря́зью, останови́лись у тѣ́хъ-же воро́тъ. За ни́ми пріѣ́халъ фе́льдшеръ съ свои́мъ апте́чнымъ я́щикомъ, — и не бо́льше какъ черезъ полчаса́, показа́лся вдали́ по доро́гѣ обо́зъ въ 30 или 40 нѣме́цкихъ фурго́новъ.

Все народонаселе́ніе дере́вни — и старъ и малъ, несмотря́ на до́ждикъ, вы́сыпало изъ домо́въ; старики́ и стару́шки вздыха́ли мо́лча, бѣ́ленькія Нѣ́мочки перешёптывались и во всѣ́ глаза́ глядѣ́ли на приближа́ющійся обо́зъ. Ребяти́шки пры́гали, лѣ́зли на пери́ла, и́згороди и дере́вья — крича́ли и шумѣ́ли безъ у́молку; собачо́нки, вертя́сь подъ нога́ми, помога́ли шу́му. — Сло́вомъ, въ ти́хой коло́ніи нѣме́цкой произошла́ небыва́лая сумато́ха; жда́ли госте́й, еще незнако́мыхъ, неви́данныхъ пре́жде.

Наконе́цъ обо́зъ, встрѣ́ченный офице́ромъ, до́кторомъ, фе́льдшеромъ и ста́ростами, въѣ́халъ въ дере́вню. Передъ ка́ждымъ до́момъ, по о́череди, остана́вливались подво́ды и ка́ждый хозя́инъ принима́лъ своего́ го́стя. Го́сти э́ти бы́ли — на́ши, ра́неные въ ра́зныхъ би́твахъ и сши́бкахъ, геро́и-защи́тники Кры́ма, солда́ты на́шей хра́брой а́рміи.

Всѣ́ они бы́ли промо́чены дождёмъ до нитки. Ины́е бо́дро выска́кивали изъ фурго́новъ, други́е истомлённые доро́гой, съ трудо́мъ слѣза́ли съ нихъ; а нѣ́которыхъ, обезси́ленныхъ кровото́комъ или горя́чкой, бе́режно снима́ли до́брые Нѣ́мцы и относи́ли на рука́хъ въ свои́ до́мы. — Покря́кивали да поо́хивали на́ши богатыри́ подби́тые, а гля́дя на нихъ, слеза́ми всплёкивали сердобо́льныя стару́шки-хозя́йки. Повя́занныя го́ловы, ру́ки, но́ги, мота́ющійся у ина́го пусто́й рука́въ, блѣ́дныя, истомлённыя ли́ца, у друга́го и совсѣ́мъ неоткрыва́ющіеся глаза́ — бы́ло надъ чѣ́мъ погорева́ть до́брому человѣ́ку. — Но земляки́ на́ши серде́чные не о́чень уныва́ли.

„Ну, до свида́нья, земля́къ!“ проговори́лъ това́рищу своему́ гео́ргіевскій кавале́ръ, выбира́ясь изъ фурго́нки; рукава́ и по́лы наки́нутой шине́ли его бы́ли пропи́таны кро́вью. Онъ слѣза́лъ съ фурго́нки какъ-то скользя́ съ нея́, а рука́ми не приде́рживался.

„До свида́нья! э́хъ-братъ, какъ ты осу́нулся.“ Земля́къ, блѣ́дный какъ полотно́, откры́лъ глаза́ на рѣ́чь кавале́ра, и сно́ва сомкну́лъ ихъ.

„Не вѣ́шай головы́, не печа́ль хозя́ина! увидимся, братъ!“ продолжа́лъ кавале́ръ.

Землякъ опять глянулъ на него и чуть кивнулъ ему головой; видно, было ему плохо.

„Миккель Бауеръ, это твой постоялецъ!“ кричалъ староста по-нѣмецки одному хозяину; и Миккель Бауеръ, колонистъ почтенной наружности, подошелъ къ кавалеру и хотѣлъ пособить ему взобраться на крыльцо. Но кавалеръ поблагодарилъ его: „не безпокойтесь молъ, влѣземъ сами! а фуражку, извините, снять трудненько, мое вамъ почтеніе, примите-хоть и въ шапкѣ!“ При этомъ кавалеръ показалъ Бауеру обѣ руки свои, перевязанныя отъ кистей до плечъ.

„*Ай, ай! мейнъ Готъ!*“ (Боже мой) во всей семьѣ хозяйской, стоявшей на крыльцѣ, раздались вздохи и восклицанія.

„Ужъ не побрезгуйте, почтенный хозяинъ“ — сказалъ кавалеръ, — „примите вотъ и этого камрада; хоть скотина, а добрый камрадъ: ей, Сибирлетка! на квартиру — маршъ!“

На голосъ кавалера вышелъ изъ-за колесъ отъѣзжающей фургонки, словно выкупанный въ грязи, песъ черной шерсти. Пока люди хлопотали, онъ ужъ успѣлъ облизаться маленько, не обращая вниманія на разныхъ обнюхивающихъ его собачонокъ.

„Отдохнемъ-же мы съ тобой, Сибирлетка!“ ласково говорилъ кавалеръ, подымаясь на крыльцо за хозяиномъ; — „экъ ты напомадился, сердечный.“

Песъ пошелъ за своимъ господиномъ, а обрадованные ребятишки и любопытныя собачонки вертѣлись за его хвостомъ.

Хозяинъ отворилъ настежь двери и попросилъ солдата войти: *„пошалуста каспадинъ кафалеръ!“* Изъ чистой и свѣтлой комнаты пахнуло теплотой и вкуснымъ запахомъ чего-то жаренаго. Солдатъ вошелъ, а Сибирлетка только облизался и со вздохомъ присѣлъ въ сѣняхъ на заднія лапки, двери захлопнулись.

„Здравія желаю всѣмъ господамъ!“ промолвилъ кавалеръ, и такъ-какъ не могъ онъ снять шапки своими переломанными руками, то тряхнулъ головой, ловко сбросилъ съ нея фуражку. Толстая хозяйка привѣтливо встрѣтила солдата, и вся семья разнаго вида и величины, — начиная отъ девяти-вершковаго парня до крохотнаго мальчишки, игравшаго съ кошкой на полу — всѣ устремили глаза на него.

Учтивый хозяинъ спросилъ о чинѣ и имени гостя.

„Егоръ Лаврентьевъ, десяточный ефрейторъ“, отвѣтилъ кавалеръ.

Хозяинъ повелъ гостя въ другую комнату и тамъ показалъ ему приготовленную въ углу постель; а у окна былъ уже накрытъ столикъ, уставленный хорошими вещами. Подымался паръ съ горячаго картофеля, чухонское масло сверкало на блюдечкѣ, и какая-то жирная нога торчала съ тарелки, какъ будто намекая: меня молъ можно ѣсть, если угодно. — Еще-бы неугодно!

Глянулъ на это кавалеръ и маленько призадумался: шестнадцать

мѣсяцевъ на Дунаѣ да подъ Севастополемъ — ѣлъ онъ русскій, прочный сухарь, изрѣдка огрѣвался матушкой-кашицей, аль батюшкой горохомъ и ай, ай, какъ давно, изъ памяти вонъ, когда онъ нюхалъ, не только ѣлъ такую замысловатую стряпню! — „Экій балъ! — думалъ онъ, да ещё въ одиночку! Кабы сюда товарища: ахти пошлибы разговоры, а все зубатые, только косточки трещали бы. Есть надъ чѣмъ посопѣть!“

„Посфоляетъ маленькой шнапсъ?“ отозвался понѣмецки съ боку его хозяинъ.

Кавалеръ оглянулся и понялъ рѣчь безъ переводчика: хозяинъ держалъ въ одной рукѣ какъ на смотръ вычищенный, хрустальный графинчикъ, а въ другой не хуже его — развалистый стаканчикъ, а изъ графинчика въ стаканчикъ цѣдилась, ещё почище ихъ обоихъ, струя весёлаго напитка.

„Вотъ это резонъ!“ промолвилъ кавалеръ, пошевеливая усами.

„Докторъ посфоляетъ?“ спросилъ Нѣмецъ, но кавалеръ на этотъ счетъ сказать не могъ ничего вѣрнаго.

„А докторъ ничего не сказалъ, молвилъ солдатъ, стало-быть — или можно, или онъ и самъ не знаетъ. Да впрочемъ, я вѣдь только по наружности ободранъ, то есть поверху порвало нѣкоторыя жилы и часть мелкихъ костей порасхрястало, а нутромъ — совсѣмъ здоровъ, ничего не попорчено. Я бы ничего, — да вотъ бѣда, чтобъ ему ни дна ни покрышки: одну самую нужную кость сломалъ, анаѳема!“ Солдатъ тряхнулъ повязанными руками: „а впрочемъ, говоритъ, — это отъ брюха далеко, стало-быть шнапсъ — можно!“

Нѣмецъ держалъ чарку передъ солдатомъ и самъ не зналъ, какъ препроводить ему шнапсъ — развѣ влить въ ротъ; но кавалеръ долго думать не заставилъ: нагнулся къ чаркѣ, охватилъ её губами, взмахнулъ головой — и только донышко сверкнуло. Затѣмъ было крякнуто такъ, что кошка стремглавъ шмыгнула за дверь со страху. „Сломалъ, шельма, боевую пружину — и весь замокъ дуракъ! вотъ-что главное!“ молвилъ кавалеръ, отирая усы о свои плечи; и сѣлъ за столъ.

Хозяева только дивились и подчивали гостя усердно; онъ сдѣлалъ честь хлѣбу-соли, картофелю, оторвалъ зубами кусокъ жирной ноги, и все это бралъ ртомъ прямо съ тарелки, отказываясь отъ предлагаемой помощи кормить его, — управимся и сами, пока зубы цѣлы!“

Порядочно и съ большимъ вкусомъ подзакусивъ, всталъ, поклонился онъ образу, потомъ хозяевамъ — и началъ поглядывать въ уголъ, гдѣ виднѣлась постель, — дѣло понятное!

Вся закуска и пиръ продолжались очень недолго; однако въ это время на кухнѣ у ребятишекъ успѣлъ произойти немаловажный по-

громъ, а въ сѣняхъ Сибирлётка уже выигралъ баталію. Дѣло было такъ: Миккель № 2, семилѣтній пузырь, баловень отца-хозяина, больше всѣхъ былъ обрадованъ новымъ гостемъ — Сибирлёткой, и тоже очень понравилась ему штука кавалера съ фуражкой, — какъ онъ сбросилъ её съ головы. Вотъ онъ набралъ полную шапку костей и хлѣбныхъ корокъ, отправился съ маленькими сестренками и братишками своими въ сѣни и вытряхнулъ эту провизію передъ голодной собакой. А самъ тутъ же надѣлъ шапку и началъ пробовать скидать её такимъ же способомъ, какъ скинулъ её кавалеръ; шапка слетала на-земь, ребятишки хохотали, а Сибирлётка уписывалъ подачку и, поворачивая маленько на-бокъ морду, въ дребезги сокрушалъ самыя твердыя и застарѣлыя кости.

Все шло хорошо, но непріятель приближался: съ одной стороны — огромная рыжая косматая собака подкрадывалась къ Сибирлёткѣ: а съ другой — дубовый дверной косякъ ребромъ своимъ угрожалъ головѣ прыгающаго въ шапкѣ мальчишки. И въ одно время — Сибирлётка, которому не понравилась непрошенная рекогносцировка — взрычалъ [6]), кинулся въ схватку и задалъ несказанную трепку рыжему герою; а шалунъ Миккель, хохоча и прыгая рѣзонулся самымъ лбомъ въ острый косякъ. Мальчишка разразился воплями и плачемъ, а рыжій рыцарь завизжалъ какъ подсвинокъ [7]), поджалъ хвостъ и отступилъ во всѣ лопатки „укоротя поводья" подъ старую борону, въ далекой уголъ задворка, и оттуда залился тѣмъ жалобнымъ воемъ разбитой скотины, который по-собачьи должно быть значитъ: „караулъ, рѣжутъ, давятъ, умираю и больше не буду!" а впрочемъ лѣшій его знаетъ, что такое кричитъ скотъ, когда зададутъ ему трепку.

Къ суматохѣ этой прибавилась ещё бѣда, какъ обыкновенно бываетъ при бѣгствѣ и ретирадѣ: ребятишки, бѣжавшіе на кухню, прихлопнули корзинкою крохотнаго нѣмца и попадали одинъ на другаго съ отчаяннымъ плачемъ; а на улицѣ рыжая собака, летя безъ памяти и безъ соображенія, врѣзалась въ стадо гусенятъ. Кавардакъ [8]) вышелъ на славу: точно турецкій лагерь, атакованный какими-нибудь неучтивыми мушкетерами, или жидовская свадьба на ярмаркѣ.

Наконецъ, когда буря прошла, когда вытащили изъ-подъ корзинки ребенка, и приложили грошъ къ волдырю на лбу шалуна Миккеля, хозяинъ пошелъ [9]) поглядѣть на свою любимую рыжую собаку, — что-то она выла очень неутѣшно. По инспекціи оказалось: одна нога не дѣйствуетъ, и ухо украсилось бахрамой малиноваго цвѣта.

„Ахметъ! мой храбрый Ахметъ!" утѣшалъ его хозяинъ, но храбрый Ахметъ продолжалъ заливаться самымъ подлымъ голосомъ пришибленнаго труса, съ ужасомъ поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ

его́ оттрепа́ли, и все глу́бже пря́тался подъ хламъ, прикры́тый бороно́й.

„Эте стра́нне!“ съ удивле́ніемъ говори́лъ хозя́инъ, верну́вшись въ ко́мнату, — *„ка́къ такъ фашъ заба́къ пълъ мой заба́къ? о́шенъ стра́нне!“*

Зате́мъ онъ восхваля́лъ хра́брость и си́лу своего́ Ахме́та и разсказа́лъ темнова́тую, впро́чемъ, исто́рію о то́мъ, *„какъ Ахме́тъ пълъ съ во́лкомъ и волкъ его́ не пълъ, а она́ укоди́лъ отъ волкъ, а волкъ укоди́лъ домо́й на лѣсъ!“* и чтобъ покрѣ́пче была́ вся исто́рія, хозя́инъ приба́вилъ, что Ахме́тъ былъ всегда́ *„пе́рфый заба́къ“* по всей коло́ніи.

— „Что́-ста́нешь дѣ́лать: тепе́рь бу́детъ — второ́й!“ отвѣча́лъ кавале́ръ, какъ-бу́дто жалѣ́ючи[10]), что обошли́ чи́номъ хра́браго Ахме́та. „И мой Сибирле́тка то́же дира́лся съ во́лкомъ — и волкъ, пра́вда, ушёлъ отъ него́, но должно́ быть поря́дкомъ жа́ловался въ лѣсу́. Одна́че[11]) на́до его́ поби́ть за дра́ку!“ — примо́лвилъ кавале́ръ.

Но Нѣ́мецъ на э́то ника́къ не согласи́лся, проси́лъ оста́вить э́то соба́чье дѣ́ло безъ разслѣ́дованія, а то́лько удивля́лся, ка́къ-такъ оплоша́лъ хра́брый Ахме́тъ, и захотѣ́лъ поглядѣ́ть побли́же на побѣди́теля его.

Солда́тъ отвори́лъ дверь: „Эй, разбо́йникъ Сибирле́тка, поди́-ка сюда́!“ — Побѣди́тель вошёлъ, опустя́ го́лову, и сми́рно присѣ́лъ на ко́рточки у двере́й. Тогда́ только пу́блика замѣ́тила его́ калѣ́чество: — *„Ай, ай, бѣдной заба́къ!“*

У Сибирле́тки по сре́дній суста́въ не́-было пере́дней ла́пы; въ густотѣ́ косма́той ше́рсти сперва́ э́того и не замѣ́тили Нѣ́мцы.

Всѣ́ окружи́ли хра́браго пса, и кавале́ръ объясни́лъ, что ла́пу потеря́лъ Сибирле́тка ещё въ Туре́чинѣ; неизвѣ́стно — пу́лей-ли, аль карте́чью её отхвати́ло, или отдави́ло како́е-нибудь колесо́ пу́шечное, или безогля́дный конь боево́й оттопта́лъ э́ту ла́пу — ничего́ неизвѣ́стно; ла́пы нѣ́тъ — да и то́лько, а впро́чемъ, Сибирле́тка хоро́шъ-молъ и безъ ла́пы.

Нѣ́мецъ осма́тривалъ его́ со всѣ́хъ сторо́нъ, спра́шивалъ, зачѣ́мъ зову́тъ его Сибирле́ткой, вѣ́рно-дескать онъ сиби́рской песъ, что ли? Но солда́тъ объясни́лъ, что онъ не сиби́рской, и что ро́дина его́ не да́льше какъ Глу́ховъ, го́родъ черни́говской губе́рніи. Нѣ́мецъ, какъ во́дится, ничего́ не по́нялъ, а всё-таки не могъ надиви́ться — отку́да берётся така́я си́ла въ тако́мъ неказистомъ звѣрѣ́.

— „А вотъ я вамъ всё покажу́“, — увѣря́лъ солда́тъ, — „изво́льте ви́дѣть“: и кавале́ръ не безъ труда́ лѣ́вой руко́й своеё, кото́рая хоть не сгиба́лась, но ко́й-какъ дѣ́йствовала, откры́лъ пасть Сибирле́тки. „Ви́дите, те́мное подне́бенье!“ Въ са́момъ дѣ́лѣ подне́бенье у соба́ки бы́ло кофе́йнаго цвѣ́та.

„А э́то вотъ — во́лчій зубъ!“ и то́ пра́вда: клыко́вые зу́бы бы́ли дли́нны и о́стры, а коренны́е и глазны́е торча́ли какъ зу́бья пилы́. „А ше́я и грудь — во́на кака́я!“ и то́чно — ше́я и грудь бы́ли поря́дочныя, крѣ́пкія.

„А остально́е все-дрянь.“ И то́ была́ пра́вда. „Онъ та́къ вотъ, пока не серди́тъ — ничего́ себѣ́, какъ есть дворняга!“ продолжа́лъ кавале́ръ, „а вотъ не хотите-ли, бу́детъ наступле́ніе!“

„Сибирле́тка! Сми́рно, слу́шать кома́нды: „тра́-та, тра́-та, тра́-та, тра́!“ — кавале́ръ пробараба́нилъ на язычо́къ *коло́нный маршъ* — и придержа́лъ пса за загри́вокъ. И вдругъ шерсть на собáкѣ́ подняла́сь вихра́ми и ощети́нилась, носъ смо́рщился какъ голенище, глаза́ засверка́ли отъ злости, и во́лчьи зу́бы его защо́лкали съ пресерди́тымъ ры́комъ, всхра́помъ и ворча́ньемъ.

— „*Дер-тейфель!* Дья́волъ!“ бормота́ли Нѣ́мцы, и поотступи́лись немно́жко. Нельзя́ бы́ло и узна́ть поко́рнаго пса: онъ глядѣ́лъ свирѣ́пымъ во́лкомъ и рыча́лъ все вре́мя, пока́ его держа́ли за загри́вокъ.

— „Отбо́й!“ скома́ндовалъ солда́тъ — и стра́хи пропа́ли: соба́ка, какъ соба́ка, только хвосто́мъ пома́хивала.

— „*Дер-тейфель! шортъ возми́, о́шенъ чуте́сны забакъ!*“ съ удово́льствіемъ говори́лъ хозя́инъ, поря́дочный, должно́-быть, соба́чникъ.

А кавале́ръ еще́ бо́льше поддержа́лъ честь Сибирле́тки: „Да, ништо́-таки! кло́чья полетя́тъ, весь изорве́тся въ тря́пку, а уже́ пардо́ну у него́ нѣ́тъ! Нату́ра у него — молодца́! да и раздобрѣ́йшій песъ, я вамъ скажу́: вся ро́та — ма́ло того — весь по́лкъ и во́тъ-какъ лю́битъ его́! сто́ющая тварь! А ужъ за дра́ку, не прогнѣ́вайтесь, хозя́инъ: онъ, то́же по солда́тскому обы́чаю, всегда́ ужъ лю́битъ съ ра́зу „*оказа́ться.*“ Нѣ́мецъ нисколько не гнѣ́вался за дра́ку, и разумѣ́ется, нискóлько не по́нялъ, что́ это за обы́чай тако́й — „оказа́ться.“

— „*Васисъ-дасъ: окаса́ця, зашемъ окаса́ця?*“ допра́шивалъ онъ, и солда́тъ повёлъ тако́е объясне́ніе:

„Вотъ изво́льте-молъ ви́дѣть: коли солда́тъ вновь поступа́етъ куда́-нибудь, въ ро́ту-ли другу́ю переведу́тъ его́, или въ друго́й полкъ, или про́сто на но́вую кварти́ру, — такъ вѣ́дь его́ тамъ никто́ не зна́етъ еще, что́ онъ за человѣ́къ, како́й онъ тако́й, до́брый или худо́й — понима́ете, хозя́инъ?“

„*Поймáю!*“ отвѣча́лъ хозя́инъ.

— „Ну́, такъ изво́льте ви́дѣть: хоро́шій и открове́нный солда́тъ, какъ то́лько посту́питъ куда́-нибудь вновь, такъ сейча́съ же и „ока́жется,“ то́ есть ока́жетъ себя́, како́й онъ тако́й; не ста́нетъ моро́чить людей да прики́дываться простото́й [12]), а дѣ́йствуетъ пря́мо, безъ хи́трости; наприме́ръ: испива́етъ онъ — ну сей ча́съ же, какъ поступи́лъ куда́ — возьме́тъ, да и *тринкъ!* и три́нкнетъ, вы́пьетъ, то есть, поря́дкомъ: зна́йте-молъ всѣ́ — я пью! а во-хмѣ́лю ка-

ко́въ — са́ми замѣча́йте, это не моѐ дѣло; я́ только вы́пью, а вы́ ужъ замѣча́йте. Понима́ете?"

„*Мино́шко поймо́ю!*" отвѣча́лъ Нѣмецъ, кивну́въ головой.

„То́же са́мое, если го́рдость человѣкъ имѣетъ или гру́бость, — такъ то́же не те́рпитъ до́лго, а при пе́рвой ока́зіи взя́лъ да и сгруби́лъ, кому́ слѣдуетъ. Или друга́я кака́я-нибудь худоба́ въ немъ есть — сей-ча́съ-же ее на́-голо и вы́ставитъ при слу́чаѣ! хоть бы и отстрада́ть пришло́сь за то, а всѐ-же лу́чше за́-время, чтобъ лю́ди зна́ли: во́тъ-молъ я како́й! Вѣдь извѣстно, и хоро́шій человѣкъ — не безъ грѣха́, да то́лько хоро́шій человѣкъ лицемѣрить не лю́битъ, не введе́тъ никого́ въ обма́нъ, а открове́нно вы́кажетъ себя́ съ ра́зу: хара́ктеръ у меня́ тако́й-то! у меня́ есть прорѣха, во́тъ-она, — гляди́! Я, говори́тъ, могу́ сдури́ть, а дурю́ я во́тъ-какъ, — гляди́! да и сдури́тъ ту́тъ-же, какъ съумѣетъ. Ну́ вотъ э́то и зна́читъ „ока-за́ться; — *ферште́й?*"

— „*О-о, я-а, ферште́й, ферште́й.*"

— „Ну то́-то-съ!"

Оправда́лъ кавале́ръ таки́мъ мане́ромъ бу́йный посту́покъ Сибирле́тки на новосе́льѣ — „что дѣлать-молъ, обы́чай тако́й?" и скома́ндовалъ „оказа́вшемуся" псу — ма́ршъ на мѣсто! — Сибирле́тка но́сомъ отвори́лъ две́рь, и въ сѣня́хъ, повертѣвшись въ уголку́, зале́гъ со вздо́хомъ, уткну́въ мо́рду себѣ подъ брю́хо. — А со двора́ всѐ еще слы́шалось испо́доволь жа́лующееся взвыва́нье ры́жаго пса.

Кавале́ръ то́же хотѣлъ отдохну́ть; хозя́ева вы́шли изъ ко́мнаты и притвори́ли дверь. Но любопы́тный мальчи́шка Ми́ккель все погля́дывалъ въ щѐлку и ви́дѣлъ, какъ кавале́ръ снима́лъ съ себя́ шине́ль, то́же по но́вому спо́собу — зуба́ми. Разумѣется, шалуну́ понра́вилось э́то, и разумѣется — быть ему́ съ друго́й ши́шкой на лбу!

Чтобы успоко́ить всѣхъ хра́брыхъ — поста́вили ми́ску чего́-то хоро́шаго и те́плаго Сибирле́ткѣ; ры́жему, во́ющему воево́дѣ то́же бро́сили кость — молчи́ только! И во́тъ, по немно́гу вездѣ ста́ло ти́хо.

До́брый, ста́рый хрычъ-сонъ, споко́нъ вѣка неви́димо спуска́ющійся въ тишинѣ ко всѣмъ истомлѐннымъ, посѣти́лъ и на́шихъ стра́нниковъ. Ти́хо, беззву́чно, какъ мать надъ спя́щимъ младе́нцемъ, сло́вно посыпа́я лѐгкими цвѣта́ми ма́ку и хмѣля, навѣва́лъ онъ сла́дкую дремо́ту; спи-молъ труди́щійся человѣкъ, забу́дь все — отдохни́!...

— И захрапѣлъ кавале́ръ разби́тый; да и Сибирле́тка почте́нный за́далъ по своему́ соба́чьему спо́собу то́же важнѣйшаго храпака́.

Крѣпко спалъ кавале́ръ. — Но, по времена́мъ, отры́висто взма́хивалъ онъ больны́ми рука́ми, хму́рилъ свои́ густы́я бро́ви и серди́то вздува́лъ щети́нистые усы́. Ви́дѣлось ему́ во снѣ, ста́ло быть что́-нибудь гнѣвное, зло́е: ломи́лъ Францу́зъ съ Англича́ниномъ впере́дъ во́стрыми штыка́ми — что-ли; аль каки́хъ-нибудь 15 ты́сячъ Ту́рокъ

съ ра́достнымъ стра́хомъ окружи́ли полкъ его́, — какъ э́то бы́ло, наприме́ръ, при Чета́ти, гдѣ устоя́ла горсть безстра́шныхъ: погиба́ла и не поги́бла, а штыко́мъ и гру́дью проби́лась сквозь всю, густо-осы́павшую её, магомета́нскую саранчу́. Почёмъ знать, что́ ви́дѣлось кавале́ру. Да и Сибирле́тка что́-то си́льно подёргивалъ во снѣ́ то то́й, то друго́й ного́й, и взла́ивалъ себѣ́ подъ брю́хо — сло́вно обру́гивая эти ты́сячи безсла́вныхъ тру́совъ, за сме́рть богатыре́й, кото́рымъ онъ служи́лъ по всей соба́чьей вѣ́рности и пре́данности. — Сло́вомъ, постоя́льцы на́ши спа́ли такъ сла́дко, какъ давно́ не приводи́лось сосну́ть имъ.

Между тѣ́мъ переста́лъ мороси́ть до́ждикъ; не́бо выя́снилось. Цѣ́лая кома́нда ребяти́шекъ ма́лъ-мала-ме́ньше, начиная отъ подро́стковъ и до ползуно́въ кро́хотныхъ, — собрала́сь на площа́дкѣ пере́дъ се́льской шко́лой и всѣ усѣ́лись, какъ воробьи́, на бре́вна. Ме́лкій наро́дъ собрался́ неда́ромъ: ихъ повы́гнали на прогу́лку до́брые хозя́ева изъ всѣ́хъ домо́въ, чтобы они́ не шумѣ́ли тамъ, и не мѣша́ли на́шимъ ра́неннымъ стра́нникамъ хороше́нько соснуть послѣ́ тру́дной доро́ги.

Не́чего сказа́ть, — глупова́та мелкота́ человѣ́чья, а всё таки съ хитреца́ми [13]) плути́шки: мно́го-ли, поду́маешь, смы́слитъ како́й-нибудь пузы́рь съ необтёртымъ но́сомъ, а поди́, послу́шай, тоже разсужда́ть ему́ хо́чется.

— „Ай-ай, какіе стра́шные ру́сскіе солда́ты!“ начала́ разгово́ръ одна́ кудря́венькая дѣвчо́ночка: „у на́шего постоя́льца только одна́ нога́, а самъ тако́й стра́шный, что у́жасъ!“

— „А у на́шего“ — отозвался́ быстроглазый мальчи́шка — „двѣ́ ноги́, а рука́ одна́, да за то кака́я больша́я: вотъ э́такой кула́къ!“ и ма́льчикъ раздви́нулъ о́бѣ свои ручо́нки на пол-арши́на. — „А у насъ,“ — пища́лъ друго́й бѣлоку́рый мальчу́га, — „солда́тъ совсѣ́мъ цѣ́лый, да то́лько головы́ нѣ́тъ, а все платки́, тря́пки, и носъ да усы́ торча́тъ; а бо́льше нѣ́тъ ничего́.“

Всѣ́ ребяти́шки удиви́лись. Оди́нъ даже сказа́лъ: „ка́жется, э́то непра́вда! вѣ́дь ты́, Фрицъ, о́чень ча́сто лжешь!“

Но Фрицъ побожи́лся и разсказа́лъ, какъ онъ, потихо́ньку отъ отца́, прокра́лся въ ко́мнату, гдѣ́ спалъ солда́тъ, загляну́лъ въ его сапоги́ — а тамъ пу́ля заряжо́нная виднѣ́ется; онъ испуга́лся, взглянулъ на солда́та, — весь солда́тъ лежи́тъ на посте́ли, а на поду́шкѣ только кра́сный воротни́къ, и изъ воротника́ торчи́тъ оди́нъ только носъ, да еще усы́, а головы́ совсѣ́мъ нѣ́тъ. „Я чуть не закрича́лъ со стра́ху,“ продолжа́лъ Фрицъ, — „да му́терхинъ подошла́ потихо́ньку, вы́вела меня́ за́-ухо, дала́ шлепка́ и толкну́ла на дворъ; а на дворѣ́ я взялъ да и запла́калъ: — вотъ ви́дите, что у солда́та головы́ нѣ́тъ!“ — Ребяти́шки, мо́жетъ быть, и не вѣ́рили, а слу́шали съ любопы́тствомъ.

— „А вотъ къ намъ принесли́“ — заговори́ла, то́чно запѣ́ла, хоро́шенькая дѣ́вочка — „такъ во́тъ удивле́ніе — только полови́ну солда́та; одна́ нога́, одна́ рука́, и три пу́говки, а другу́ю полови́ну увезли́ въ Ро́зенталь“ — (э́то назва́ніе друго́й коло́ніи). Коне́чно э́той пѣснѣ́ никто́-бы не повѣ́рилъ, но сми́рный и обстоя́тельный лѣтъ 9-ти мальчуга́нъ подтверди́лъ, что самъ ви́дѣлъ, какъ э́та полови́на солда́та проща́лась съ друго́й полови́ной: взяла́ ее за́ руку — проща́й-молъ бру́деръ, не забыва́й меня́. А друга́я полови́на ничего́ на э́то не сказа́ла, и то́лько кря́кнула — *зо!* и мальчи́шка кря́кнулъ. Ребяти́шки а́хали и диви́лись. „Да́,“ толкова́ли они́, „ру́сскіе солда́ты — стра́шный наро́дъ! оттого́-то на нихъ и не поше́лъ оди́нъ Ту́рокъ, а попроси́лъ еще со всего́ свѣ́та други́хъ и Францу́зовъ и Англича́нъ и еще́ ра́зныхъ.“ И повторя́ли дѣ́ти все, что удало́сь имъ подслу́шать отъ отце́въ свои́хъ, кове́ркая и перевира́я по своему́ уми́шку разу́мныя рѣ́чи ста́ршихъ.

Ту́тъ-же въ компа́ніи былъ и ма́ленькій знако́мецъ нашъ съ ши́шкой на лбу, шалу́нъ Ми́ккель. Онъ разсказа́лъ и про свои́хъ госте́й: .„къ намъ, говори́тъ, еще лу́чше — пріѣ́халъ са́мый ста́ршій солда́тъ и съ креста́ми, да не весь, а за то къ нему́ прибáвили три че́тверти соба́ки!“

„Лжетъ, лжетъ!“ возопи́ли дѣ́ти. — „Ми́ккель всегда́ лжетъ!“ Но Ми́ккель не сробѣ́лъ: онъ обруга́лъ всѣ́хъ больши́ми дурака́ми и разсказа́лъ, какъ онъ самъ корми́лъ э́тотъ кусо́къ соба́ки, и какъ э́тотъ кусо́къ за́далъ таку́ю тре́пку Ахме́ту, что и у Ахме́та тепе́рь нѣ́тъ цѣ́лаго куска́ у́ха; и что кусо́къ солда́тской соба́ки называ́ется Сибирле́йте — перевра́лъ пострѣ́лъ фами́лію, — и что э́тотъ Сибирле́йте о́чень до́брый и сми́рный, и никого́ не тро́гаетъ. Но е́сли самъ солда́тъ забараба́нитъ ему́, — такъ онъ та́къ разсе́рдится, что мо́жетъ съѣ́сть всю коло́нію, и не только большу́ю па́сторскую соба́ку, а даже и осла́, на кото́ромъ во́зятъ ему́ во́ду.

Одна́ко ребяти́шки продолжа́ли крича́ть, что Ми́ккель вретъ; и нашъ Ми́ккель, ви́дя, что ничего́ не помога́етъ, самъ закрича́лъ имъ: „Посто́йте! коли вы всѣ́ не дураки́, такъ ступа́йте за мной, — кто не трусъ, тотъ самъ увидитъ звѣ́ря Сибирле́йте. Я его́ вамъ покажу́, я его́ не бою́сь, онъ меня́ слу́шаетъ и не уку́ситъ, потому́ что я ему́ дава́лъ хлѣ́ба съ ма́сломъ!“

„Пойде́мъ!“ закрича́ли мальчи́шки, смѣ́льчаки́ вы́скочили впе́редъ, — за ни́ми подняла́сь и вся вата́га, даже всѣ́ дѣвчо́нки. Шле́пая по лу́жамъ, напра́вилась кома́нда къ до́му Ба́уера, пузы́рь Ми́ккель шелъ впереди́, подде́рживалъ свои́ штани́шки и крича́лъ: „Я вамъ покажу́, что я не лгу! уви́дите ру́сскую соба́ку, уви́дите!“

Шаго́въ за 50 отъ кварти́ры Сибирле́тки вся толпа́ останови́лась; только Фрицъ да еще два-три пострѣ́ла пошли́ въ слѣ́дъ за

Миккелемъ и остановились близъ крыльца. Миккель вошелъ въ сѣни и началъ звать Сибирлетку; песъ спалъ смачнымъ сномъ, но мальчуганъ разбудилъ его и разными хитростями и ласками таки вызвалъ изъ пригрѣтаго угла. Вся толпа дѣтей глядѣла во всѣ глаза на крыльцо, и съ трепетомъ ждала появленія звѣря. Ужъ нѣкоторые начали поговаривать, что собака не послушается такого сопляка, какъ Миккель, уже хотѣли подойти поближе....

Вдругъ на крыльцо высунулся съ Миккелемъ Сибирлетка: онъ поглядѣлъ на право, на лѣво, сѣлъ, почесалъ ногой ухо.

„Хотите, я забарабаню?“ закричалъ Миккель. Толпа маленько шелохнулась, а тутъ, какъ на грѣхъ, Сибирлетка, по собачьему обычаю, съ просонья потянулся, задралъ морду и громко зѣвнулъ, открывъ пасть такъ, что хоть считай всѣ его волчьи зубы. „Съѣстъ!“ крикнулъ какой-то сорванецъ — и вся ватага съ воплемъ и плачемъ ударилась въ ноги! Кто-то упалъ въ грязь, на него другой, на того третій и вдоль улицы поднялся такой плачъ, ревъ и тревога, что изъ многихъ домовъ повыскакали испуганныя нѣмки.

Въ одну минуту вѣсть о страшномъ русскомъ звѣрѣ — безногой собакѣ, разнеслась по всей колоніи, и даже взрослыя, хорошенькія нѣмочки распрашивали ребятишекъ: въ правду-ли звѣрь этотъ такъ страшенъ?

— Еще-бы не страшенъ! ай, ай!

А нашъ страшный колченогій звѣрь постоялъ, позѣвалъ, поковылялъ съ крыльца, и обнюхавши хорошенько воротной столбъ, повертѣлся около него маленько, — и опять отправился обратнымъ порядкомъ въ сѣни. Стало быть еще не доспалъ [14]), сердечный.

А. Погоскій.

[1]) Снт. Ш. § 47. 5. б). Нкл. Снт. ст. 73. [2]) Т. е. не было никакого хозяйственнаго заведенія. [3]) Снт. Ш. § 65. 8). Нкл. Снт. ст. 191. а). [4]) Правильнѣе: прежде. [5]) Снт. Ш. § 14. 2). Нкл. Снт. ст. 89. [6]) Снт. Ш. 56. 3). [7]) Поросенокъ-сосунъ. [8]) Горячій напитокъ, приготовляемый изъ разной смѣси. [9]) Снт. Ш. §. 56. 12). 2). [10]) Снт. Ш. § 69. 1). [11]) Прстр. вм. однако. [12]) Шуточно, вмѣсто: простакомъ. [13]) Прстр. вм. съ хитростью. [14]) Снт. Ш. § 56. 5).

---

46. Гриша старовѣръ.

„Вдова богатаго купца, Евпраксія Михайловна Гусятникова, поревновала страннолюбію [1]). Бывало, кто ни приди [2]) къ ея дому, кто ни помяни у воротъ имя Христово — всякому и хлѣбъ, и соль, и теплый уголъ. На краю обширной своей усадьбы, неподалеку отъ маленькой рѣчки, на самомъ на вспольѣ ставила [3]) сердобольная вдовица особую келью ради пристанища людей странныхъ, ради трудниковъ [4]) Христовыхъ, ради перехожихъ [5]) богомольцевъ. Много тутъ

странниковъ привитало [6]), много въ той келейкѣ страннаго [7]) народа спокоено было, много здѣсь къ Господу теплыхъ молитвъ пролито было за честную вдовицу Евпраксію.

Женскаго пола странніе люди у Евпраксіи Михайловны въ самомъ дому привитали; сама она съ дочками, покамѣстъ за-мужъ ихъ не повыдала, да съ невѣстками за странницами, ради Бога, ходила; а мужской полъ, по старому уставу, долженъ жить особо, и послужить старцу долженъ мужчина. Для того-то и строила Евпраксія Михайловна на усадѣ [8]) страннопріимную келью, а потомъ искала человѣка, чтобы смотрѣлъ онъ за келейкой денно-нощно, былъ бы при ней безъисходно, приносилъ бы старцамъ и перехожимъ богомольцамъ съ поварки горячую пищу; а служилъ бы не изъ платы, а по доброму своему хотѣнью, плоть да волю свою умерщвлялъ и дѣлалъ бы дѣло свое ради Бога.

Послѣ колгуевскаго мѣщанина Аверьяна Самохинскаго, горькаго пропойцы, что подлѣ кабака и жизнь кончилъ, оставался сынъ Григорій. Не было у него ни роду, ни племени; куда ни оглянись, со всякой стороны, какъ есть [9]) сирота круглый. Ужъ было ему лѣтъ тринадцать, а мальчишка все промежъ дворовъ мотался: гдѣ съѣстъ, гдѣ изопьетъ [10]), гдѣ въ банькѣ выпарится, а все именемъ Христовымъ. Только и праздникъ бывалъ Гришуткѣ, когда иной разъ какая-нибудь бабенка, сжалившись надъ горемычнымъ, обносокъ ему подастъ. И пойдетъ ему тотъ обносокъ за нову рубаху. Паренекъ былъ смирный, тихій, послушный: ну, извѣстное дѣло — нужда да сиротство чему не научатъ! И открылъ ему Господь разумъ. Выучился Гришутка грамотѣ самоучкой, и ходя по домамъ безграмотныхъ мѣщанъ, читалъ имъ псалтырь, да чети-минею [11]). И возлюбилъ Гриша божественныя книги, и ужъ такъ хорошо онъ пѣлъ духовныя пѣсни, что и такой человѣкъ, чтó въ суетѣ вѣкъ свой проводитъ, заслушается его бывало [12]) по неволѣ. А былъ онъ изъ раскольниковъ; изъ „записныхъ,“ — изъ самыхъ, значитъ, коренныхъ — дѣды его и прадѣды двойной окладъ платили, указное платье съ краснымъ козыремъ носили и браду свою пошлиной окупали. Это было тоже съ руки [13]) Евпраксіи Михайловнѣ, для того, что и сама она съ дѣтками тоже „по древлему благочестію“ пребывала, то есть пó-просту сказать, раскольничала. Только были Гусятниковы не злой какой-нибудь секты, не изувѣрной, а по бѣглому священству — по рогожскому, значитъ, кладбищу [14]). И взяла къ себѣ въ домъ Евпраксія Михайловна сироту Гришу. Обмыли его, одѣли, рекрутскую квитанцію за парня выправили, и по его доброй волѣ, по его благому хотѣнью, приставили къ богадѣльной кельѣ. Тамъ, за кафельной печкой-голанкой, устроили ему каморку. Въ этой каморкѣ, объ одномъ маломъ оконцѣ, сталъ жить и подвизаться мо-

лодой келейникъ, и въ свободное время, когда въ келейкѣ ни скитскихъ старцевъ, ни перехожихъ богомольцевъ не было, читалъ онъ все книги о житіи пустынниковъ и подвижниковъ Христовыхъ, что [15]) въ Палестинѣ, и во Египтѣ, и въ Ѳивадскихъ пустыняхъ труднымъ и добрымъ подвигомъ, ради Господа, подвизались.

Идетъ день за днемъ, идетъ годъ за годомъ — Гриша все живетъ у Евпраксіи Михайловны. Темнѣютъ бревенчатыя стѣны и тесовая крыша богадѣльной крыши, поднимаются, разрастаются вокругъ нея кудрявыя липки, рукой келейника посаженныя, а онъ все живетъ у Евпраксіи Михайловны. И самъ ужъ сдѣлался не таковъ, какимъ впервые пришелъ сюда — и ростомъ сталъ выше, и на видъ возмужалъ, и русая бородка обросла [16]) блѣдное, исхудалое лицо молодаго постника. Много всякаго народа перебывало у него на глазахъ во ввѣренной его надзору и попеченію кельѣ; всѣ раскольники, и ближніе и дальніе, и каждый трудникъ, каждый перехожій богомолецъ, идутъ бывало къ Евпраксіи Михайловнѣ въ домъ обо всякую пору, какъ подъ свою кровлю. Кто бывало ни брякнетъ кольцомъ о дубовую калитку страннолюбивой вдовицы, кто ни возвѣститъ о себѣ именемъ Христовымъ, всякому готовъ теплый уголъ, будь онъ раскольникъ поповщинскій или безпоповщинскій, будь единовѣрецъ или церковникъ — все равно, отказу никому не бывало. „Всѣ люди — Христовы человѣки,“ говаривала бывало Евпраксія Михайловна, когда скитскія матушки-келейницы или читавшія у ней въ дому неугасимую [17]) „каноницы“ изъ Керженца начнутъ ее началить [18]) за то, что она-де-сообщается со еретики, давая всякому у себя пристанище — и покрещеванцу, и никоніанину, и Богъ вѣсть какимъ еще сектамъ.

Много, много всякаго народа насмотрѣлся [19]) Гриша, но что-то не встрѣчалось ему такихъ подвижниковъ, о какихъ читывалъ онъ въ патерикѣ [20]) и прологахъ [21]). „Неужели,“ думаетъ бывало онъ: „неужели всѣхъ человѣковъ до единаго обуяла грѣховная, мірская суета? неужели всѣ люди работаютъ плоти своей? Что это за трудники, что это за подвижники? Я и младъ человѣкъ, и страстями водимъ, а правила постничества и молитвы не въ примѣръ тверже ихъ сохраняю.“

Поднимала такимъ помышленіемъ въ тайникѣ души его змѣиную свою голову гордость треклятая.

Рядомъ съ душевной гордыней росло въ немъ и сомнѣніе въ вѣрѣ. Надо правду сказать, что немногіе, и даже очень немногіе русскіе раскольники, особенно въ настоящее время, совершенно ясно понимаютъ, въ чемъ состоитъ разномысліе ихъ съ членами господствующей Церкви. „Держися книгъ филаретовскихъ да іосифовскихъ [22]), крестись въ два перста, молись съ лѣстовкой [23]), новымъ

иконамъ не покланяйся, бороды не брѣй, табаку не кури и не нюхай," — и вотъ все почти догматствованіе огромнаго большинства нашихъ раскольниковъ. А разномыслія разныхъ сектъ и начетники [24]) раскольничьи теперь не совсѣмъ ясно понимаютъ.

Но въ средѣ раскольниковъ, какъ и во всякой другой средѣ, есть фанатики. Ожесточенные враги господствующей Церкви, они тщательно „испытываютъ вѣры", то есть разномыслія многочисленныхъ раскольническихъ толковъ. Твердо увѣренные, что только принадлежа къ истинной старой вѣрѣ, можно получить спасеніе, и нигдѣ не находя этой старой вѣры въ полной чистотѣ, они съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе и болѣе восторженными фанатиками, особенно, если по какому-нибудь случаю подвергнутся преслѣдованію. Отъ такого фанатизма одинъ шагъ до страшной душевной болѣзни — mania religiosa, — которая нерѣдко влечетъ даже на добровольное самосожженіе.

Гриша, окруженный разнаго рода перехожими богомольцами, съ ранней молодости наслушался отъ нихъ о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ, о томъ, что воцарился злой антихристъ и великое нечестіе по всей землѣ распространилось: стали люди бороды брити, латинскую одежду носити, чай, проклятую траву, пити, табачное зеліе курити, паспорты съ антихристовою печатью писати.

Что же дѣлать? куда дѣваться отъ этого страшнаго врага? Смотритъ Гриша въ свои книги и находитъ, что отъ такой антихристовой злобы истинные рабы Христовы имутъ бѣжати [25]) въ горы и вертепы, хорониться въ пропасти земныя, а кто не побѣжитъ изъ многопрелестнаго міра, тотъ будетъ уловленъ антихристомъ въ бѣсовскія его сѣти и погибнетъ погибелью вѣчной. И ключемъ кипѣла горячая кровь юнаго фанатика — онъ только и держалъ то на умѣ, какъ бы найти искуснаго старца, строгаго подвижника, жителя пустыни, чтобы съ нимъ бѣжать отъ антихристовой власти въ дебри лѣсныя. И въ тоже время злобой распалялось сердце Гриши на всѣхъ, кого онъ считалъ антихристовыми слугами. Онъ взлелѣялъ въ душѣ своей извѣстное правило раскольничьихъ фанатиковъ: „съ табашникомъ, щепотникомъ [26]) и бритоусомъ и со всякимъ скобленнымъ рыломъ не молись, не дружись, не бранись," и дошелъ до сознанія, что „никоніанина пришибить — семь пятницъ молока не хлебать [27])." И врядъ ли бы дрогнула рука двадцатилѣтняго Гриши. еслибы выпалъ ему случай сотворить зло кому-нибудь изъ церковниковъ. Евпраксія Михайловна, какъ и всѣ живущіе въ мірѣ раскольники по рогожскому согласію [28]), не имѣла и тѣни такой нетерпимости, не разъ журила Гришу за вырывавшіяся у него подъ-часъ злобныя слова, но журьба доброй женщины не трогала его. Мрачно молчалъ онъ, слушая ея рѣчи, и душею болѣлъ за свою благодѣ-

тельницу, что вотъ, дескать, и добра и милостива, а вдалась же въ грѣховную суету и совсѣмъ „обміршилась [29]).“

Глядя на безчинство и безобразіе въ своей келейкѣ странних старцевъ и перехожихъ богомольцевъ, Гриша ужъ не думаетъ, что это бѣсы его смущаютъ; нѣтъ, гордыня совсѣмъ обуяла его. Уже безъ грусти, безъ истомы сердечной смотритъ, бывало, онъ въ щелочку изъ своей каморки, какъ честные отцы со штофами бесѣдуютъ, а иной разъ и курочкой жареной не брезгуютъ. Нѣтъ, безчинство старцевъ, ихъ разговоры о вещахъ непотребныхъ какъ-то особымъ образомъ радовали теперь нашего келейника. Досыта насмотрѣвшись на безчинныхъ, онъ становился на свои кремни и битое стекло босыми ногами, налагалъ на себя вериги и начиналъ класть земные поклоны сотню за сотней. И на устахъ его была кичливая молитва о прощеніи согрѣшеній безчинныхъ старцевъ, а въ душѣ то-и-дѣло твердилъ тайный голосъ: „Господи! да есть ли же гдѣ-нибудь человѣкъ праведенъ, паче меня [30])!“

Пересталъ Гриша выходить на рѣчку, пересталъ отъ зари до зари воспѣвать прекрасную мать-пустыню [31]), про сладкія слезы позабылъ, что, бывало, незамѣтно для него текли изъ глазъ, по цѣлымъ часамъ устремленныхъ на чернѣющую вдали полосу лѣса.

За то сильнѣе и сильнѣе мучилъ Гришу другой вопросъ. Многаго онъ начитался, многаго наслушался отъ привитавшихъ въ его кельѣ. Слыхалъ не разъ, какъ поповщинскіе раскольники промежъ себя спорили на счетъ новаго священства; слыхалъ, какъ поморцы [32]) хулятъ поповщину за поповъ, ѳедосѣевцы [33]) поморцевъ за браки, ѳилиповцы ѳедосѣевцевъ за то, что не по уставу кладутъ поклоны, а сопѣлковскіе бѣгуны [34]) всѣхъ проклинаютъ, кто у себя въ домѣ живетъ. И всѣ-то они другъ друга еретиками обзываютъ, всѣ-то чужому толку наносятъ укоры, всѣ-то хвалятъ одну свою вѣру. И день и ночь сталъ размышлять Гриша: „да гдѣ-же правая вѣра? да гдѣ-же истинное ученіе Христово?“. И молился Гриша со многимъ воздыханіемъ, и даже со слезами, да пошлетъ Господь къ нему человѣка, который бы указалъ ему правую вѣру.

Однажды, позднимъ вечеромъ [35]), раннею весною, звякнуло желѣзное кольцо калитки у дома Евпраксіи Михайловны, и тихимъ, слабымъ голосомъ проговорилъ кто-то молитву Іисусову [36]) за воротами. Привратникъ отдалъ обычный „аминь“ и отперъ калитку. Вошелъ древній старецъ высокаго роста [37]). Преклонныя лѣта и долгое подвижничество сгорбили станъ его; пожелтѣвшіе волоса его, неровными, всклокоченными прядями висѣли изъ-подъ шапочки; на старцѣ была дырявая лопатинка [38]), на ногахъ протоптанныя, корцовыя лапти, за плечами былъ невеликій пещуръ [39]).

— Что тебѣ, дѣдушка? спросилъ привратникъ.

— Охъ, родименькій! зашамкалъ старикъ, задыхаясь и тяжело опускаясь на прикалитную скамью: — указали мнѣ боголюбцы путь въ домъ сей ко благочестивой вдовицѣ, ко Евпраксіи Михайловнѣ.

Привратникъ, не впервые принимавшій странниковъ, впустилъ старца.

— Одинъ, что-ли, старче, али еще кто есть? спросилъ онъ его.

— Одинъ, одинъ, родимый ты мой.

— Пойдемъ, старче.

И повелъ его въ домъ. Евпраксія Михайловна еще правило вечернее [40]) съ канонницами справляла. Велѣла старца въ моленную ввести.

— Міръ дому сему, сказалъ онъ, уставно и истово [41]) помолясь предъ облитыми лампаднымъ свѣтомъ позлащенными иконами и кланяясь до земли хозяйкѣ.

— Садись-ка, старче божій, обогрѣйся. Вишь у тебя лопатинка-то ветхая какая. А на дворѣ-то морозно, время погодливое. Сядь вотъ здѣсь, старче; да велите, матери, кликнуть Гришу. Господь, молъ, гостя даровалъ. Сними пещуръ-то, старче, ишь [42]) какъ умаялся. Принесите-ка сюда горячаго кушанья, матери. Да топлена-ли у Гриши келейка-то? Что-то опустошничать [43]) началъ, Христосъ съ нимъ. Да и старцы-то давно не привитали — третья недѣля. Не диви — непогодь такая, распутица. Сними, а ты, старче божій, пещуръ-то.

И не дожидаясь отвѣта, сама стала снимать со старца ношу, но коснувшись плечъ его, отшатнулась и благоговѣйно прочитала молитву. Рука ея тронула плохо прикрытыя рубищемъ, вросшія въ тѣло старца желѣзныя вериги.

Старецъ снялъ пещуръ. Евпраксія Михайловна, бережно, творя молитву, поставила его подъ образа.

Вошелъ Гриша. Полузамерзшій старецъ маленько поотдохнулъ въ жарко-натопленной моленной.

— Господа ради, сокрый [44]) меня, грѣшнаго, на малое время въ стѣнахъ твоихъ, боголюбивая матушка, проговорилъ онъ тихо.

— Рада всей душой, старче. А можно ли святое имя твое узнать?

— Грѣшный инокъ Досифей.....

— Ахъ, батюшка, отецъ Досифей! Чтоже ты прежде не повѣдалъ намъ ангельскаго своего чина?

И творя „метанія [45])“ — какъ она, такъ и всѣ бывшія въ моленной, уставно кланялись старцу по дважды, приговаривая: „Прости, честный отче! благослови, честный отче!“

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, отвѣчалъ Досифей, и самъ сотворилъ всѣмъ „метанія.“

— Откуда грядешь, куда путь держишь? заговорила Евпраксія Михайловна, по совершеніи уставнаго обряда.

— Града настоящаго не имѣю, но грядущаго взыскую [46]), отвѣчалъ старецъ: — путь же душевный подобаетъ намъ, земнымъ, къ солнцу правды держати, аще [47]) тако Отецъ небесный устроитъ. Тѣлесный же путь кто исповѣсть?

„Бѣгунъ сопѣлковскій [48]),“ думаетъ про себя Гриша, давно наметавшійся середи перехожихъ богомольцевъ и съ разу узнававшій, мало что по рѣчамъ, но даже по самой одеждѣ, ихъ согласія.

— Праведны рѣчи твои, отче Досифей, праведны твои рѣчи, набожно, полушепотомъ говорила Евпраксія Михайловна.

Нѣсколько минутъ молчанія; старецъ сидитъ, тяжело опустившись; движеніемъ губъ онъ творитъ молитву, а словъ не слышно. Радостнымъ ликомъ, свѣтлыми очами глядитъ на прихожаго трудника вдовица, и тайно творитъ молитву. Безмолвно сидятъ келейницы и канонницы, истово перебирая лѣстовки; мѣрно чикаетъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, повѣшенныхъ у входа въ моленную.

— Въ пустыни жилъ я, матушка, заговорилъ тихой рѣчью старецъ: — въ пустыни я жилъ, неподалеку отсюда въ лѣсахъ поломскихъ. Не малое время провождалъ азъ, грѣшный, въ пустынѣ. Келейку своими руками построилъ, печку ради мраза зимняго, помышлялъ и жизнь тамо грѣшную покончить.... А нынче, двѣ недѣли тому — на самое сборное воскресенье [49]) попущеніе Божіе было. Отлучился азъ, грѣшный, ради тѣлесныя нужды дровишекъ изъ буреломника набрать. Подхожу къ своей келейкѣ — только дымокъ отъ головешекъ мало-мало курится. Сгорѣла!... Немалое время жилъ въ ней, матушка, сорокъ лѣтъ, и не было ко мнѣ ни ѣзду, ни ходу, сорокъ лѣтъ людей почти не видалъ. Сгорѣла!... Привыкъ я къ келейкѣ, матушка, чаялъ и помереть въ ней, и домовину [50]) выдолбилъ — думалъ лечь въ ней, въ келейкѣ она у меня стояла.... Сгорѣла!... Годы мои старые, матушка, годы большіе, и плоть немощна. Не снести мнѣ безъ келейки зимняго мразу — треба [51]) новую келейку поставить. Вотъ, слыша отъ боголюбцевъ про твои добродѣтели, прибрелъ я къ тебѣ, Евпраксія Михайловна, — дай мнѣ пережить до лѣта, не оставь меня, грѣшнаго, Христа ради. А лѣтомъ, Богу произволяющу, я бы опять побрелъ въ свою пустыньку, опять бы кельеночку поставилъ, домовинушку бы сдѣлалъ. Не оставь Христа ради!

И дряхлый Досифей упалъ въ ноги Евпраксіи Михайловны. А она поднимаетъ его, сама земное поклоненіе творитъ, а слезами такъ и обливается.

— Слышала я, говоритъ, старче, слышала про ваше несчастіе. Пала и намъ вѣсть, что исправникъ самъ въ поломскіе лѣса выѣзжалъ, чтобы старцевъ ловить да кеміи жечь. Экой злорадный, прости Господи!

— Не кори его, Евпраксія Михайловна, сказалъ на то Досифей. — Не моги [52]) корить. Развѣ не знаешь завѣта: „твори волю пославшаго?“ А послушаніе паче поста и молитвы. Не злорадство тутъ его, а воля Божія. Вѣдь безъ воли-то Господней и власъ съ главы человѣка не падетъ. Да и то памятовать надо, что житіе дано намъ тѣсное и путь узкій, терніемъ, волчцами покрытый. Терпѣть надо, матушка, терпѣть надо, Евпраксія Михайловна, — въ терпѣніи надо стяжать свою душу. Слава Христу, Царю небесному, что посѣтилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Вотъ что.

— Праведны рѣчи твои, старче, сказала Евпраксія Михайловна. — Правда въ устахъ твоихъ — что́ про то и говорить! Да за что-же это они на насъ такъ лютуютъ? Вѣдь и они во Христа вѣруютъ, и мы того же Христа исповѣдуемъ. За что-же?

— На то есть смотрѣніе Господне. Стало быть такъ надо. Не испытуй Сотворившаго, строго замѣтилъ старецъ.

Досифея напоили, накормили; Гриша проводилъ его въ келейку.

— Богъ спасетъ, родименькій, Богъ спасетъ, говорилъ старецъ на усердныя послуги Гриши, когда онъ, затепливъ передъ иконами лампадку, прибралъ къ мѣсту старцевъ пещуръ, закрылъ ставни, а потомъ съ обычными „метаніями“ по чину простился и благословился.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, отвѣчалъ Досифей.... Охъ, ты мой любезненькій. Спасибо тебѣ. Поди-ка и ты, малецъ, поди, рабъ божій, успокойся.

Ушелъ Гриша за печку-голанку въ свою каморку. И тотчасъ къ щелкѣ.

И видитъ онъ: старецъ, оставшись въ манатейкѣ [53]) и келейной камилавкѣ, хотя и былъ истомленъ труднымъ путемъ и непогодой, становился на великое правило ночное и сталъ читать положенныя по уставу молитвы. Часъ идетъ времени, другой, третій. Гришу сонъ сталъ клонить, а старецъ все молится. Заснулъ нашъ келейникъ, проснулся, къ щелкѣ тотчасъ — смотритъ, а старецъ все еще на правилѣ [54]) стоитъ.

Досифей дожилъ до той поры, какъ рѣки спали и можно стало лѣсомъ ходить. Онъ никуда не выходилъ и, кромѣ Евпраксіи Михайловны да сыновей ея, никого и не пускалъ къ себѣ. Не только въ Колгуевѣ, да и на усадѣ у Гусятниковыхъ мало кто и зналъ о прохожемъ старцѣ. Гриша былъ при немъ безотлучно.

Не видалъ еще онъ такихъ старцевъ и смирилъ въ себѣ гордыню, увидѣвъ, что Досифей не въ примѣръ строже его всѣ правила исполняетъ, съ молитвы почти не сходитъ, ѣстъ по сухарику въ день, а когда сномъ подкрѣпляетъ древнее свое тѣло — только одинъ Господь вѣдаетъ.

Собрался Досифей въ путь-дорогу. Евпраксія Михайловна денегъ давала — не беретъ; свиту новую, сапоги предлагала, — ничего не беретъ; взялъ только ладону горсточку, да пятокъ восковыхъ свѣчъ. Ночью, передъ отходомъ старца, Гриша сѣлъ при ногахъ его и просилъ поучить его словомъ. Въ шесть недѣль, проведенныхъ Досифеемъ въ кельѣ, не удалось Гришѣ выбрать часочка для бесѣды съ нимъ. То на правилѣ старецъ стоитъ, то „умную молитву“[55]) творитъ, то въ безмолвіи обрѣтается.

— Скажи мнѣ, отче — повѣдай рабу твоему, въ какой пустынѣ спасалъ ты свою душу, — гдѣ ты, отче, подвигомъ добрымъ подвизался? И меня влечетъ въ пустыню, и меня влечетъ безмолвное житіе...

Повѣдай же, отче, гдѣ такова пустыня?

— Нѣтъ моей красной пустыни. Нѣтъ ея больше! съ грустью отвѣчалъ старецъ. — Келейка моя сгорѣла и домовинушка сгорѣла.... Пришелъ, анъ только однѣ головешки.

— Слышалъ, отче, слышалъ такое твое озлобленіе.... Ироды! пилаты!

— Кто ироды? гдѣ пилаты? сказалъ строго, вставая съ лавки и выпрямляясь во весь ростъ, Досифей.

— А лиходѣи-то твои! никоніане[56]) то! Укажи мнѣ ихъ, отче, укажи мнѣ твоихъ злодѣевъ — я зубами черева изъ нихъ повытаскаю.

— А во Христа ты вѣруешь? спросилъ Гришу старецъ, пристально и строго глядя на него.

— Вѣрую, отче святой — по старинному вѣрую.

И перекрестился истово двуперстнымъ крестомъ.

— А слыхалъ ли ты, друже, какъ Христосъ-то на лобномъ мѣстѣ, на крестѣ за жидовъ молился?

— Читалъ, отче, Господь грамотѣ меня способилъ, самъ читалъ про это.

— А читалъ ли ты, чтó Онъ отъ нихъ вытерпѣлъ: и заушенія, и заплеванія, и по ланитамъ біеніе, и смерть крестную. А не было за нимъ ни единаго грѣха. А все-таки за мучителей своихъ молился... А намъ-то что повелѣлъ Онъ говорить? Самую-то главную заповѣдь, какую Онъ намъ далъ? Читалъ ли? Любить враговъ повелѣлъ.... Читалъ ли ты объ этомъ?

— Читалъ, отче.

— А читалъ ли, что всякая кровь на человѣкѣ взыщется?

— Читалъ. Да вѣдь ихъ же грѣхъ. Вѣдь они еретики, враги Божіи.

— Они люди, Гриша! А всякъ человѣкъ кровью Христовой искупленъ, и кто проливаетъ кровь за человѣка, тотъ Христову кровь проливаетъ и съ богоубійцами-жидами равную часть пріемлетъ.

Гриша быстро подскочилъ къ старцу. Смиренія въ немъ ужъ какъ и не бывало. Глаза фанатика горѣли, кулаки были стиснуты.

— Да ты какого согласу, батюшка, самъ-то будешь? спросилъ онъ Досифея нахальнымъ тономъ.

— Христіанинъ.

— Да нѣтъ, братъ, ты хвостомъ-то не виляй, не отлынивай. Ужъ не напоганилъ ли ты у меня своимъ духомъ келейку-то? ужъ самъ-то ты не по никоновой ли тропѣ [57]) гуляешь?

— Держуся книгъ филаретовскихъ и іосифовскихъ [58]).

— Такъ какъ-же ты это говоришь, что никоніанинъ такой-же человѣкъ, какъ и мы, крещеные старымъ крещеніемъ? По твоему чего добраго, и въ пищѣ и въ питіи съ еретиками общеніе можно имѣть.

— Можно, Гришенька, — да мало того что можно, и должно.

— Да ты въ своемъ ли умѣ, старина́ [59])?

— Да должно. Знай, что всякіе споры о вѣрѣ — грѣхи передъ Господомъ. Всѣ мы братья, всѣ единаго Христа исповѣдуемъ. А помнишь ли, что Господь то, ходивши по землѣ, и съ мытарями ѣлъ и съ язычниками общеніе имѣлъ — никого не гнушался? Какъ же мы-то дерзаемъ гнушаться? Святѣе, что-ли, мы Его?

— Да вѣдь они въ три перста, щепотью молятся.

— А сколькими перстами велѣлъ Господь самарянынѣ у кладезя молиться? Это ты читалъ, что надо кланяться духомъ и истиною? А два ли, три ли перста сложишь — это ужъ послѣднее дѣло....

— Уйди, уйди отъ меня, окаянный, закричалъ, отскакивая отъ старца, Гриша. — Исчезни!

„Это бѣсъ лукавый, это черный эѳіопъ пришелъ во образѣ старца меня смущати,“ подумалъ Гриша и, по часту ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, громко началъ творить молитву на отгнаніе злаго духа:

„Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, діаволе, не блазни [60]) мя мерзкими и лукавыми твоими мечтаніями, отступи отъ меня и отыди отъ меня, проклятая сила непріязни, отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто безплодно, въ мѣсто безводно, идѣ же огнь и жупелъ и червь неусыпающій....“

А старецъ въ ноги упалъ Гришѣ и, слезами обливаясь, молитъ его придти въ себя, не убивать души своей человѣконенавидѣніемъ. Долго молилъ его, наконецъ всталъ, и въ путь грядущіи положилъ семипоклонный началъ [61]).

— Да просвѣтитъ твой умъ и очиститъ сердце твое любовію самъ Господь, сказалъ онъ заклинающему бѣсовъ келейнику, и тихо вышелъ.

А. Печерскій.

[1]) Покровительствовала странникамъ. [2]) Сит. III. § 65. 3) Нкл Сит. ст 35.

3) поставила. 4) тружениковъ. 5) идущихъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. 6) останавливаться для отдыха. 7) странствующаго. 8) усадьбѣ. 9) совершенно. 10) напьется. 11) Собраніе жизнеописаній святыхъ людей, расположенное по числамъ каждаго мѣсяца. 12) Снт. III § 53. Прим. 2). 13) удобно, пріятно. 14) Въ Москвѣ, за рогожской заставой, при кладбищѣ основался притонъ старовѣровъ — Поповщины, признающей священниковъ, если они только отрекутся отъ общенія съ іерархіей. 15) которые. 16) окаймила, опушила. 17) т. е. читавшія каноны при неугасимой лампадѣ. 18) дѣлать выговоръ. 19) Снт. III. §. 56. 8) 2). 20) Патерикъ или отечникъ, т. е. описаніе жизни святыхъ отцевъ. 21) Почти тоже, что Четія Минеи, смот. выше прим. 11. 22) старопечатныхъ книгъ, т. е напечатанныхъ при патріархахъ московскихъ Филаретѣ и Іосифѣ. 23) кожаныя четки. 24) ученый, богословъ. 25) т. е. должны бѣжать. 26) Щепотникомъ раскольники называютъ православныхъ за то, что они изображаютъ на себѣ крестное знаменіе, слагая три первые пальца (щепоть). 27) То есть: вовсе не грѣхъ, потому что по пятницамъ и безъ того молока не ѣдятъ. 28) Секты на языкѣ старовѣровъ зовутся согласіями. 29) Вступила въ общеніе съ міромъ, съ нестаровѣрами. 30) Вм. праведнѣе меня. 31) Извѣстная пѣсня про радости пустыннаго житія. 32) Старовѣры, живущіе въ окрестностяхъ Бѣлаго моря. 33) Секта, не признающая нынѣшняго священства. 34) Секта, отрицающая осѣдлость. 35) Снт. III. § 14 2). Нкл. Снт. ст. 89. 36) „Господи, Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ.“ 37) Снт. III. § 11. 3). Нкл. Снт. ст. 47. 38) верхняя одежда. 39) дорожная сума. 40) вечернія молитвы. 41) какъ слѣдуетъ. 42) Вм. вишь, сокращ. видишь. 43) нерадѣть. 44) Црк. сл. вм. скрой, пріюти. 45) крестныя знаменія. 46) Црк. сл. — ищу. 47) если. 48) Приверженецъ одного изъ самыхъ извращенныхъ толковъ безпоповщины. 49) Первое воскресенье великаго поста. 50) гробъ. 51) нужно. 52) Нѣсколько учтивѣе чѣмъ: не смѣй. 53) мантія. 54) положенныя по правиламъ молитвы. 55) Т. е. умственную, мысленную, про себѣ. 56) Никоніанами зовутъ раскольники православныхъ, по Никону Патріарху, начавшему исправленіе церковныхъ книгъ. 57) молишься по книгамъ, исправленнымъ при патріархѣ Никонѣ. 58) Патріархи московскіе, предшественники Никона. 59) старикъ. 60) прельщай. 61) молитва.

---

c) Народная Словесность.

a) СКАЗАНІЯ.

47. Марѳа и Марія.

(Му́ромское сказа́ніе.)

Бы́ли двѣ́ сестры́, до́чери одного́ вельмо́жи.

Имя одно́й Марі́я, а друго́й Ма́рѳа. И вы́шла за́-мужъ Марі́я за нѣ́котораго Іоа́нна въ му́ромской о́бласти, а Ма́рѳа была́ вы́дана за Ло́гина въ рязанскую о́бласть. Былъ Іоа́ннъ по своему́ отечеству чѣ́стнаго ро́да, но имѣ́ніемъ пооскудѣ́лъ; а Ло́гинъ ро́домъ былъ ме́ньше Іоа́нна и его́ оте́чества, но имѣ́ніемъ о́чень бога́тъ.

И случи́лось имъ быть вмѣ́стѣ у те́стя своего́ и у те́щи на пиру́, и была́ у нихъ ра́спря о мѣ́ста́хъ: Іоа́ннъ хотѣ́лъ вы́ше сѣ́сть по оте́честву и по старѣ́йшинству, потому́ что былъ ста́ршій зять; а Ло́гинъ не дава́лъ ему́ мѣ́ста, ради своего́ бога́тства. И отъ вре́мени они мно́го лѣ́тъ между собо́ю не съѣзжа́лись са́ми, и женъ

свойхъ не пущали, ни письмами не ссылались до самой своей смерти.

По многихъ лѣтахъ умерли оний оба въ одинъ день, и жёны ихъ овдовѣли; но Марія не вѣдала о логиновой смерти, а Марѳа объ іоанновой смерти. И опечалились о томъ обѣ сестры. Тогда помыслила себѣ Марія, говоря:

„Поѣду къ зятю своему Логину въ Рязань и увижу сестру свою, и если оний полюбятъ меня, буду у нихъ жить; а если не возлюбятъ, прощусь съ сестрою и возвращусь домой.“ И Марѳа тоже самое помыслила себѣ, говоря: „Поѣду къ зятю своему Іоанну и къ сестрѣ своей, и увижу: если оний меня призрять, и я имѣніемъ своимъ обогащу ихъ и будутъ оний богаты, какъ былъ и мужъ мой, и славны по своему отечеству.“ И какъ помыслили, такъ и сдѣлали.

И въ одинъ и тотъ же день обѣ поѣхали изъ домовъ своихъ и встрѣтились на пути, и станы [1]) каждая особо сдѣлали, а не вмѣстѣ, потому что не знали, съ кѣмъ встрѣтились. И послала меньшая слугу своего спросить: „Кто тамъ стоитъ? И если то женскій полъ, то вмѣстѣ сойдемся въ одинъ станъ; а если мужскій полъ, то поѣдемъ дальше?“ И пришедши слуга вопросилъ и услышалъ, что ѣдетъ вдова отъ Мурома на Рязань къ сестрѣ своей. Слуга, воротившись, повѣдалъ то госпожѣ своей. Она же сказала: „Сойдемся вмѣстѣ.“ И сошлися, и поклонились между собою и не признали другъ друга, что родныя сестры, пока не спросили объ именахъ своихъ и отечествѣ [2]); потомъ уже признали себя сестрами и начали лобызаться со слезами и съ радостію и скорбѣть о мужьяхъ своихъ, что были между собою не въ любви до самой смерти; скорбѣли не столько о нихъ, сколько о себѣ, что столько лѣтъ не видались, ни письмами другъ о другѣ не извѣщались. Но о томъ радовались, что далъ имъ Богъ свидѣться на кончинѣ вѣка ихъ; и учредили трапезу, и ѣли и пили во славу Бога и веселились. Легли спать; но не спали совершенно, да и бодрствовать не могли. Во мгновеніе ока явился во снѣ ангелъ и далъ имъ злота и серебра; и повелѣлъ имъ сотворить — въ злотѣ животворящій крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ; — и повелѣлъ имъ то злото и серебро отдать первому человѣку, который по этому пути по-утру поѣдетъ. Онѣ же взявши во снѣ злото и серебро, завертѣли себѣ за рукава и проснулись. И говоритъ одна сестра другой: „Явился мнѣ во снѣ ангелъ Господень и далъ мнѣ злото говоря: Господь прислалъ къ тебѣ злато по твоей вѣрѣ, сотвори въ немъ крестъ;“ и поглядѣла у себя за рукавомъ, и тамъ дѣйствительно на яву было злото „и повелѣлъ мнѣ то злото отдать первому человѣку, который поутру поѣдетъ этимъ путемъ.“ И Марія сказала: „Также и мнѣ во снѣ приснился ангелъ Господень, далъ мнѣ серебро и повелѣлъ

мнѣ также отдать и сотворить животворящему кресту ковчегъ," — и поглядѣвъ, нашла у себя за рукавомъ серебро. И начали обѣ плакать со слезами и радостью, и потомъ Богу молились о томъ предивномъ чудѣ, что даровалъ имъ Господь Богъ такую благодать. И вдругъ увидѣли — что по дорогѣ идутъ трое монаховъ. Подозвали къ себѣ, повѣдали все случившееся, какъ явился имъ во снѣ ангелъ Господень и далъ имъ золота и серебра, — и отдавали то и другое монахамъ. И отвѣчали имъ монахи: „для того мы и пришли къ вамъ." Тогда сестры безъ всякаго сомнѣнія тотчасъ же отдали золото и серебро и велѣли въ золотѣ сотворить крестъ, въ серебрѣ же ковчегъ. Монахи взяли золото и серебро и отошли въ путь свой.

Сестры прибыли въ Муромъ къ своимъ сродникамъ и повѣдали имъ все бывшее на пути. Но сродники стали на нихъ роптать, зачѣмъ такую благодать отдали старцамъ: Развѣ здѣсь въ городѣ нѣтъ такихъ мастеровъ (хитрецовъ), кому въ золотѣ честный крестъ сотворить, а въ серебрѣ ковчегъ? И отвѣчали имъ сестры: Намъ такъ велѣно было сдѣлать.

И совѣщавшись, всѣ родственники поѣхали на то мѣсто и собралось къ нимъ множество народа и начали уговариваться, кому куда ѣхать путемъ вслѣдъ тѣхъ старцевъ, отыскивать золота и серебра. И урядили, кому куда ѣхать — не только по большимъ дорогамъ, но и по малымъ тропинкамъ. И вдругъ видятъ — идутъ трое старцевъ и несутъ животворящій крестъ, сдѣланный изъ золота и ковчегъ изъ серебра. И подступили было къ нимъ молодые люди; но монахи имъ говорили: „Ступайте туда, куда совѣщались идти." Тогда вельможи запретили юношамъ, чтобъ не оскорбляли монаховъ, а сами сошли съ коней, и съ честью ихъ принимали. Монахи же, подошедши къ двумъ сестрамъ, сказали: „Мареа и Марія! Въ томъ золотѣ и серебрѣ, которое явилось вамъ во снѣ, сотворилъ Господь Богъ животворящій крестъ и ковчегъ, вамъ на долголѣтіе, а міру на исцѣленіе."

И спрашивали ихъ: гдѣ они были? Они же отвѣтствовали: „Въ Царѣградѣ." И опять спрашивали: давно ли оттуда? — Третій часъ, отвѣчали они. — Тогда хотѣли угостить ихъ трапезою; но монахи сказали: „Мы не ядущіе [3]) — это вамъ повелѣлъ Господь пить и ѣсть." И сказавъ это, они исчезли. Послѣ этого обѣимъ сестрамъ явился во снѣ животворящій крестъ, да поставятъ его въ церкви архангела Михаила. Такъ онѣ и сдѣлали: поставили тотъ крестъ въ унженскомъ стану, на рѣкѣ Унжѣ, въ 25 поприщахъ отъ города Мурома.

[1]) т. е. остановки, стоянки. [2]) Вѣрнѣе: отчествъ [3]) Црк. сл. вм. ѣдящіе.

48. Ростовскіе волхвы.

Въ концѣ XI столѣтія, когда въ ростовской области сдѣлался голодъ, возстали два волхва изъ Ярославля и говорили: мы знаемъ, кто обиліе держитъ. Они пошли по Волгѣ и, куда ни приходили, указывали на лучшихъ женщинъ, присовокупляя: вотъ эти жито держатъ, эти медъ, эти рыбу, эти мѣха. Легковѣрные приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы, прорѣзывая несчастнымъ тѣло за плечами, повидимому, вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и удавили многихъ женъ, забирая себѣ ихъ имѣніе. Дошли волхвы до Бѣлоозера, имѣя уже съ собою шайку изъ 300 человѣкъ. Здѣсь прилучилось въ то время находиться Яну, сыну Вышатину, который былъ присланъ отъ князя Святослава для собиранія дани. Бѣлозерцы возвѣстили Яну о появленіи волхвовъ и о совершенныхъ ими злодѣйствахъ. Янъ, узнавъ, что эти волхвы суть смерды князя его Святослава, пошелъ сказать провожавшей ихъ толпѣ, чтобы злодѣи были выданы; толпа не послушалась. Тогда Янъ отправился самъ къ непокорнымъ, расположившимся около лѣса, взявъ съ собою двѣнадцать отроковъ и священника, и хотя при случившейся схваткѣ священникъ былъ убитъ, но мятежники бѣжали въ лѣсъ. Возвратившись въ городъ бѣлозерцевъ, Янъ потребовалъ, чтобы они сами схватили волхвовъ и представили ему, угрожая въ противномъ случаѣ прожить у нихъ цѣлое лѣто. Бѣлозерцы повиновались и представили ему волхвовъ. Янъ спросилъ ихъ: „за что вы погубили столько людей?“ — „За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ въ себѣ всякое обиліе; если истребимъ ихъ, будетъ во всемъ удовольство; хочешь, мы и предъ тобою вынемъ жито, или рыбу, или что другое.“ Янъ сказалъ: „По истинѣ, лжете; сотворилъ Богъ человѣка отъ земли; составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; ничего другаго въ немъ нѣтъ и онъ самъ не знаетъ; одинъ Богъ вѣсть.“ Волхвы отвѣчали: „мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ, — Богъ мылся въ мойницѣ и, вспотѣвъ, отерся ветошью, которую и сбросилъ съ неба на землю; за тѣмъ сатана вступилъ въ прю съ Богомъ, кому изъ этой ветоши сотворить человѣка, и сотворилъ сатана тѣло человѣка, а Богъ вдунулъ въ него душу; потому, по смерти человѣка, тѣло его возвращается въ землю, а душа къ Богу.“ Янъ сказалъ: „по истинѣ, прельстилъ васъ бѣсъ; какому Богу вы вѣруете?“ Волхвы отвѣчали: „антихристу, который сидитъ въ безднѣ.“ Янъ сказалъ: „что за Богъ, который сидитъ въ безднѣ? Это бѣсъ, а Богъ на небеси, возсѣдитъ на престолѣ славы, окруженный ангелами; антихристъ же, которому вы вѣруете, свергнутъ съ неба за гордость, и ожидаетъ въ безднѣ суднаго дня и огня вѣчнаго, уготованнаго ему и всѣмъ его послѣдователямъ. Что до васъ: вы здѣсь

пріемлете муку отъ меня, а тамъ по смерти.“ Волхвы замѣтили: „наши боги повѣдаютъ, что ты ничего не можешь сдѣлать...., намъ должно стать предъ самимъ княземъ Святославомъ.“ Янъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; потомъ привязавъ ихъ къ лодкѣ, отправился вслѣдъ за ними по Шекснѣ, къ ея устью; здѣсь предалъ ихъ въ руки лодочниковъ, у которыхъ волхвы прежде избили то мать, то сестру, то дочь, и лодочники повѣсили злодѣевъ на дубѣ, гдѣ въ слѣдующую ночь медвѣдь съѣлъ ихъ трупы.

---

49. Новогородскій волхвъ.

Около того-же времени явился волхвъ въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, сталъ проповѣдывать людямъ, выдавая себя за Бога, многихъ прельстилъ, едва не весь городъ. Онъ говорилъ: я все знаю, — хулилъ вѣру христіанскую, и хвалился, что предъ всѣми перейдетъ Волховъ, какъ по суху. Въ городѣ произошелъ мятежъ; всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить своего епископа (Θеодора). Тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ и, ставши, сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ за нимъ; а кто вѣритъ во Христа, тотъ да идетъ ко кресту.“ Новгородцы раздѣлились надвое: Князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а всѣ прочіе люди пошли вслѣдъ за волхвомъ, и былъ между ними большой мятежъ. Въ это время князь Глѣбъ, взявъ топоръ и скрывъ подъ полою, подошелъ къ волхву и сказалъ: „а знаешь ли, что будетъ завтра утромъ и что до вечера?“ Все знаю, отвѣчалъ волхвъ. „А знаешь ли, что будетъ нынче,“ спросилъ князь. Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сотворю великія чудеса. Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ, разрубилъ волхва, и онъ палъ мертвъ, а люди разошлись.

---

50. Ангелъ.

Родилá бáба двóйни. И посылáетъ Богъ áнгела вы́нуть изъ неé дýшу. Ангелъ прилетѣлъ къ бáбѣ; жáлко емý стáло двухъ мáлыхъ младéнцевъ, не вы́нулъ онъ душú изъ бáбы и полетѣлъ назáдъ къ Бóгу. „Что, вы́нулъ дýшу? спрáшиваетъ егó Госпóдь. — Нѣтъ, Гóсподи! „Чтóжъ-такъ?“ Ангелъ сказáлъ: „у той бáбы, Гóсподи, есть два мáлыхъ младéнца; чѣмъ-же онú стáнутъ питáться?“ Богъ взялъ жезлó, удáрилъ въ кáмень и разбúлъ егó нá-двое. „Полѣзáй тудá!“ сказáлъ Богъ áнгелу; áнгелъ полѣзъ въ трéщину. „Чтó вúдишь тамъ?“ спросúлъ Госпóдь. — Вúжу двухъ червячкóвъ. — „Кто питáетъ этихъ червячкóвъ, тотъ пропитáлъ бы и двухъ мáлыхъ младéнцевъ!“ И óтнялъ Богъ у áнгела кры́лья, и пустúлъ егó на зéмлю нá три гóда.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой; разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай [1]) бросать въ нее каменья, а самъ норовитъ, какъ-бы прямо въ крестъ попасть.

Народу собралось много-много, и принялись всѣ ругать его; чуть-чуть не прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. „Что-за болванъ такой!" говорятъ прохожіе; „на церковь каменья швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ!" А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дуритъ, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ попъ его допрашивать: „зачѣмъ-де ты на церковь каменья бросалъ, на кабакъ Богу молился?" Говоритъ ему батракъ: „не на церковь бросалъ я каменья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать [2]) въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смертной погибели." — А за что облаялъ убогаго? — „Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по-міру да сбираетъ милостыню: только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его попрошайкою."

Отжилъ батракъ свои три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: „нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня." Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они, шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на-небо. Тутъ-только узналъ попъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года.

[1]) Нкл. Снт. ст. 190. Снт. Ш. § 65. 6.) [2]) Неупотр. вм. бросать.

51. Волкъ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широкою; попадается на встрѣчу волкъ и говоритъ: „Господи! мнѣ ѣсть хочется!" — Поди, сказалъ ему Христосъ, съѣшь кобылу. Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и говоритъ: „кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть." Она отвѣчаетъ: „ну, нѣтъ!

менѧ́ не съѣшь, не позвóлено; у менѧ́ на то есть видъ (пáспортъ), только далекó забúтъ." — Ну, покажú! — „Подойдú поблúже къ зáднимъ ногáмъ." Волкъ подошóлъ; она какъ трéснетъ егó по зубáмъ зáдними копы́тами, áжно (такъ-что) волкъ нá-три сажéни назáдъ отлетѣ́лъ! А кобы́ла убѣжáла.

Пошóлъ волкъ съ жáлобой; прихóдитъ ко Христý и говорúтъ: „Гóсподи! кобы́ла чуть-чýть не убúла меня дó-смерти!"

— Ступáй, съѣшь барáна. Волкъ побѣжáлъ къ барáну; прибѣжáлъ и говорúтъ: „барáнъ! я тебя́ съѣмъ, Госпóдь приказáлъ." — Пожáлуй, съѣшь! да ты стань подъ горóю, да разúнь свою пасть, а я стáну на горѣ́, разбѣ́гусь, такъ прáмо къ тебѣ́ въ ротъ и вскочý! — Волкъ сталъ подъ горóю и разúнулъ пасть; а барáнъ какъ разбѣжúтся съ горы́, да какъ удáритъ егó своúмъ барáньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ вóлка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядúтъ на всѣ́ стóроны: нѣ́тъ барáна!

Опять отпрáвился съ жáлобой; прихóдитъ ко Христý и говорúтъ: „Гóсподи! и барáнъ меня́ обманýлъ; чуть-чуть совсѣ́мъ не убúлъ!" — Подú, сказáлъ Христóсъ; съѣшь портнáго. Побѣжáлъ волкъ, попадáется емý на встрѣ́чу портнóй. „Портнóй! я тебя́ съѣмъ, Госпóдь приказáлъ." — Погодú, дай хоть съ родны́ми проститься. „Нѣтъ, и съ родны́ми не дамъ простúться." Ну, что дѣ́лать! такъ и быть съѣшь. Дай тóлько, я тебя́ смѣ́ряю; влѣ́зу-ли еще въ тебя́-то? — „Смѣ́ряй!" говорúтъ волкъ. Портнóй зашелъ сзáди, схватúлъ вóлка за хвостъ, завúлъ хвостъ зá-руку, и давáй сѣ́раго утю́жить (бить). Волкъ бúлся-бúлся, рвáлся-рвáлся, оторвáлъ хвостъ, да давáй Богъ нóги. Бѣжúтъ чтó есть сúлы, а на встрѣ́чу емý семь волкóвъ.

„Постóй! говоря́тъ: чтó ты, сѣ́рой, безъ хвостá?" — Портнóй оторвáлъ. — „Гдѣ портнóй?" — Вóнъ идѐтъ по дорóгѣ. „Давáй [1]) нагоня́ть егó," и пустúлись за портны́мъ. Портнóй услы́шалъ погóню, вúдитъ, что дѣ́ло плóхо, взобрáлся поскорѣ́й на дѣ́рево, на сáмый верхъ, и сидúтъ. Вотъ вóлки прибѣжáли и говоря́тъ: „стáнемъ, брáтцы, доставáть портнáго; ты кургýзой (безхвóстый), ложúсь подъ-йсподъ, а мы на тебя́, да другъ на дрýжку устáвимся, — авóсь достáнемъ!" Кургýзой лёгъ нá-земъ, на негó сталъ волкъ, на тогó другóй, на другáго трéтій, все вы́ше и вы́ше: ужъ послѣ́дній взлѣзáетъ. Вúдитъ портнóй бѣ́дý неминýчую: вóтъ-вотъ достáнутъ! и закричáлъ свéрху: „ну, ужъ никомý такъ не достáнется, какъ кургýзому!" Кугрýзой какъ вы́скочитъ изъ-подъ нúзу, да бѣжáть! Всѣ́ сéмеро волкóвъ попáдали нá-земъ и нý [2]) рвать, только клóчья летя́тъ. А портнóй слѣ́зъ съ дѣ́рева и пошéлъ домóй. —

[1]) Снт. III. § 65. 6). Нкл. Снт. ст. 190. [2]) Нкл. Снт. ст. 189.

52. Егорій храбрый.

Не въ чу́ждомъ ца́рствѣ, а въ на́шемъ госуда́рствѣ бы́ло, роди́мый, вре́мячко — охъ-охъ-охъ! Въ то вре́мя бы́ло у насъ мно́го царе́й и князе́й, и Богъ-вѣсть кого́ слу́шаться; ссбрились они́ проме́жъ себя́, драли́сь, и кровь христіа́нскую да́ромъ пролива́ли. А тутъ набѣжа́лъ злой тата́ринъ, заполони́лъ всю зе́млю меще́рскую, вы́строилъ себѣ́ го́родъ Каси́мовъ, и на́чалъ онъ брать вью́ницъ (молоды́хъ же́нщинъ) и кра́сныхъ дѣ́вицъ себѣ́ въ прислу́гу, обраща́лъ ихъ въ свою́ вѣ́ру пога́ную и заставля́лъ ихъ ѣсть пи́щу нечи́стую (лошади́ное мя́со). Го́ре да-и-то́лько; слезъ-то, слезъ-то что́ бы́ло про́лито! всѣ правосла́вные по лѣса́мъ рязбѣжа́лисъ, подѣлали тамъ себѣ́ землянки и жи́ли съ волка́ми; хра́мы бо́жіи всѣ бы́ли разорены́, не́гдѣ было и Бо́гу помоли́ться.

И вотъ — жи́лъ былъ въ на́шей меще́рской сторонѣ́ до́брый мужичо́къ Анти́пъ, а жена́ его́ Ма́рья была́ така́я краса́вица, что́ ни перо́мъ написа́ть, только въ ска́зкѣ сказа́ть. Бы́ли Анти́пъ съ Ма́рьею лю́ди благочести́вые, ча́сто моли́лись Бо́гу, и далъ имъ Госпо́дь сы́на красоты́ невиданной. Назва́ли они́ сы́на Его́ріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часа́мъ; ра́зумъ-то у Его́рія былъ не младе́нческій: быва́ло, услы́шитъ каку́ю моли́тву — и пропое́тъ ее́, да таки́мъ го́лосомъ, что а́нгелы на небеси́ ра́дуются. Во́тъ услыха́лъ схи́мникъ Ермоге́нъ объ умѣ́-ра́зумѣ младе́нца Его́рія, вы́просилъ его́ у роди́телей учи́ть сло́ву бо́жьему. Попла́кали, погорева́ли оте́цъ съ ма́терью, помоли́лись и отпусти́ли Его́рья въ нау́ку.

А былъ въ то вре́мя въ Каси́мовѣ ханъ како́й-то Браги́мъ, и прозва́лъ его́ наро́дъ Змі́емъ-Горю́нычемъ: та́къ онъ былъ золъ и хите́ръ! про́сто правосла́внымъ житья́ отъ него́ не́-было. Быва́ло вы́ѣдетъ на охо́ту — ди́каго звѣ́ря трави́ть, никто́ не попада́йся, сейча́съ заколетъ; а молоди́цъ да кра́сныхъ дѣ́вицъ та́щитъ въ свой го́родъ Каси́мовъ. Встрѣ́тилъ разъ онъ Анти́па да Ма́рью, и бо́льно полюби́лась она ему́; сейча́съ велѣ́лъ ее́ схвати́ть и тащи́ть въ го́родъ Каси́мовъ, а Анти́па ту́тъ-же пре́далъ злой сме́рти. Какъ узна́лъ Его́рій о несча́стной до́лѣ роди́телей, го́рько запла́калъ и сталъ усе́рдно Бо́гу моли́ться за ма́ть за родну́ю, — и Госпо́дь услы́шалъ его́ моли́тву. Вотъ какъ подро́съ Его́рій, взду́малъ онъ пойти́ въ Каси́мовъ-градъ, чтобъ изба́вить мать свою́ отъ злой нево́ли; взялъ благослове́ніе отъ схи́мника и пусти́лся въ путь-доро́жку. До́лго ли, коротко́ ли шелъ онъ, то́лько прихо́дитъ въ пала́ты браги́мовы и ви́дитъ: стоя́тъ злы́е не́христы и неща́дно бьютъ мать его бѣ́дную. Повали́лся Его́рій самому́ ха́ну въ но́ги и сталъ проси́ть за мать за родну́ю; Браги́мъ гро́зный ханъ закипѣ́лъ на него́ гнѣ́вомъ, велѣ́лъ схвати́ть и преда́ть разли́чнымъ муче́ніямъ. Его́рій не устраши́лся, и сталъ возсыла́ть мольбы́ свои́ къ Бо́гу.

Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья посшибались, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески жёлтыя, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ — стоитъ осѣдланный конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ [1]), копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, пріуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ. А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскимъ* (рязанской губерніи.)

[1]) булатный, стальной мечъ.

---

53. Николай угодникъ.

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ богатый мужикъ; жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его; если кому и давалъ онъ въ-займы деньги, то всегда подъ закладъ и за большіе проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдный мужикъ; кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебивался онъ кое какъ и добывалъ себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время — хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ, и рѣшился пойти къ богатому мужику и попросить въ-займы денегъ.

„Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатый. Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!...“

— Будь милостивъ, выручи изъ бѣды; не дай помереть голодною смертію, по вѣкъ [1]) не забуду.... Заработаю — съ лихвою отдамъ.

„Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.“

— Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдный и показалъ на образъ Николы-угодника. Смиловался богатый, отсчиталъ ему двадцать рублевъ [2]), „смотри-же, говоритъ, непремѣнно въ срокъ заплати.“ Бѣднякъ взялъ деньги, пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки. „Что дѣлать?“

ду́маетъ онъ. „Пойду́, попрошу́ отсро́чки.“ Прихо́дитъ къ бога́тому, и ну́ кла́няться ему́ въ зе́млю: „обожди́, роди́мый, дай ещё вздохну́ть хоть ма́лое вре́мя.“ — Чего́ ждать-то? пришёлъ срокъ и подава́й де́нежки; небо́сь, умѣ́лъ брать! — „Радъ бы, оте́цъ родно́й, хоть сейча́съ заплати́ть, да вѣ́рь со́вѣсти — не́чѣмъ!“

— Ви́дно, съ тобо́ю, моше́нникомъ, хорошо́ не сдѣ́лаешься! сказа́лъ бога́тый мужи́къ; а на́до бу́детъ за пору́ку принима́ться. Пришёлъ домо́й, сталъ передъ о́бразомъ Нико́лы-уго́дника и говори́тъ: „что́жъ ты не отдаёшь за бѣ́днаго де́негъ? вѣдь ты за него́ поручи́лся.“ Ико́на ничего́ не отвѣча́етъ. „Что́ ты молчи́шь? У меня́ не отмолчи́шься: не отста́ну до тѣхъ поръ, пока́ не запла́тишь всѣ до еди́ной копѣ́йки.“ Снялъ о́бразъ со стѣны́, положи́лъ на пово́зку и вы́ѣхалъ со двора́; ло́шадь пусти́лъ впере́дъ, а самъ идётъ за пово́зкой сза́ди, и все по о́бразу кнуто́мъ стега́етъ да пригова́риваетъ: „отда́й мои́ де́ньги! отда́й мои́ де́ньги!“ Только ѣ́детъ онъ ми́мо гости́ннаго двора́, увида́лъ его́ купе́ческій сынъ и сталъ спра́шивать: что́ ты, безбо́жный, дѣ́лаешь? — А то, что давалъ я въ-займы́ одному́ мужику́ два́дцать рубле́въ, и э́тотъ о́бразъ былъ по немъ пору́кою; пришёлъ срокъ отдава́ть де́ньги — у мужика́ нѣтъ ни полу́шки; вотъ и принялся́ я за пору́ку! „На́, возьми́ свои́ два́дцать рубле́въ, только отда́й мнѣ о́бразъ.“ — Изво́ль, братъ! мнѣ ещё лу́чше безъ хлопо́тъ!

Взялъ купе́ческій сынъ о́бразъ, поста́вилъ въ ла́вкѣ и засвѣти́лъ передъ нимъ лампа́дку. На у́тро яви́лся къ нему́ сѣдо́й стари́къ и сталъ нанима́ться за мѣ́сто [3]) прика́щика; купе́ческій сынъ поду́малъ-поду́малъ и взялъ его́ въ ла́вку. Съ той са́мой поры́ пошла́ у него́ така́я торго́вля, что ника́къ това́ровъ не напасётся: покупщики́ такъ и валя́тъ въ ла́вку со всѣхъ сторо́нъ. Разбогатѣ́лъ купе́ческій сынъ; постро́илъ два корабля́, нагрузи́лъ ихъ ра́зными това́рами и поѣ́халъ съ старико́мъ въ друго́е госуда́рство торгъ вести́. А въ томъ госуда́рствѣ на ту́ пору бѣда́ приключи́лася: зла́я вѣ́дьма испо́ртила [4]) царе́вну — днемъ она́ лежи́тъ сло́вно ме́ртвая, а поноча́мъ встаётъ! Что́ тутъ дѣ́лать? положи́ли её въ гробъ, наби́ли свѐрху кры́шу, и вы́несли въ це́рковь. Царь повелѣ́лъ кли́кать кличъ по всему́ госуда́рству: не найдётся ли кто тако́й, чтобы могъ отчита́ть [5]) царе́вну? а кто её отчита́етъ, тотъ бу́детъ ца́рскимъ зятемъ и полу́читъ въ прида́ное полови́ну ца́рства. Кли́кнули кличъ; то́лько никто́ не вы́искался, никто́ не берётся за э́то дѣ́ло хи́трое. И говори́тъ стари́къ купе́ческому сы́ну: „ступа́й къ царю́ и скажи́, что ты мо́жешь отчита́ть царе́вну.“ —

— А какъ не съумѣ́ю? — „Не бо́йся! Богъ помо́жетъ и я научу́.“ Отпра́вился купе́ческій сынъ къ царю́, объяви́лъ о себѣ́; царь обра́довался и велѣ́лъ ему́ отчи́тывать. Въ то́тъ-же са́мый

день вечеромъ пошёлъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и отчертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу и приказываетъ: „становись въ этотъ кругъ и что бы ни-было, что бы тебѣ ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу.“ Сказалъ и ушёлъ; остался въ церкви одинъ купеческій сынъ, сталъ въ кругу передъ налоемъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаётъ и бросается прямо на купеческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни силится — никакъ не можетъ переступить проведённой черты. Бѣшено рвётся она впередъ, напущаетъ разные страхи и грозитъ бѣдою; но купеческій сынъ не ужасается, стоитъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать, запѣли пѣтухи — и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ — мертвою. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческій сынъ живъ, и не могутъ надивиться, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и разсказали обо всёмъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческій сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ ней вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за-руку, поцѣловала въ уста и сказала: „будь ты моимъ мужемъ, а я — твоей женою.“ На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно.

Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвѣнчать купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

[1]) Т. е. во всю жизнь, по гробъ жизни. [2]) Простор. вм. рублей. [3]) Простон. — вмѣсто. [4]) Вѣра въ порчу чрезъ нашёптываніе и разныя зелья была въ старину очень распространена на Руси. [5]) Т. е. облегчить положеніе посредствомъ чтенія псалтыри или молитвъ.

---

54. Мужикъ и смерть.

Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ.

— Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась — и стала изъ ней Смерть. Съ испугу онъ замахнулся на неё косою.

Постой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь; я тебя сдѣлаю лѣкаремъ; только смотри, берись лѣчить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылѣчивать непремѣнно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отказывайся. — Сказавъ это, Смерть

пропáла. Пошéлъ мужи́къ къ Москвý, и принялся́ лѣчи́ть: за когó ни возьмéтся, какъ рукóй болѣ́знь сни́метъ! Понеслáсь объ немъ слáва, отъ больны́хъ отбóю нѣтъ; разбогатѣ́лъ онъ и зáжилъ въ кáменномъ дóмѣ. Оди́нъ разъ зовýтъ егó къ богáтому купцý. Прихóдитъ онъ: ви́дитъ, что Смерть въ головáхъ, и не берéтся лѣчи́ть. — Сдѣ́лай ми́лость, полѣчи́! что хóчешь, возьми́... — Прáво не могý! — Вотъ тебѣ́ сейчáсъ пятьсóтъ рублéй, а вы́лѣчишь, дади́мъ пять ты́сячъ — вотъ и вéксель! — Пять ты́сячъ — дéньги! дýмаетъ мужи́къ; дай попытáюсь!.... Далъ своегó снáдобья и ушéлъ до зáвтра. Тóлько что при́нялъ больнóй лѣкáрство, какъ тутъ-же и духъ вонъ. На другóй день прихóдитъ мужи́къ къ купцý лѣчи́ть; только ужъ его самогó тамъ попóльзовали, да такъ лóвко, что къ вéчеру онъ слегъ въ постéлю. Огля́нется, а Смерть у негó въ головáхъ. Плóхо дѣ́ло! дýмаетъ мужи́къ; какъ быть? и говори́тъ свои́мъ: нелóвко чтó-то лежáть мнѣ; положи́те-ка меня́ къ изголóвью ногáми. Переложи́ли егó; гляди́тъ онъ: Смерть все въ головáхъ. — Охъ, все нелóвко! говори́тъ онъ; придви́ньте-ка плотнѣ́е кровáть къ стѣнѣ́, да положи́те меня́ поперéкъ. Повернýли егó и такъ; гляди́тъ, а Смерть все въ головáхъ и шéпчетъ емý нá-ухо: пóлно, братъ! не отверти́шься....

Черезъ день послѣ́ пóхоронъ купцá и мужикá снесли́ на кладби́ще. —

---

55. Чортъ у солдата на выучкѣ.

Въ стáрые гóды, когдá и чéрти не прочь бы́ли учи́ться [1]) по-солдáтски маршировáть и ружьéмъ выки́дывать, былъ-жилъ въ Пи́терѣ солдáтъ, смѣ́лый да бóйкій! Служи́лъ онъ ни хорошó, ни хýдо; на дѣ́ло не напрáшивался, отъ бездѣ́лья не откáзывался. Вотъ достáлось емý однáжды стоя́ть на часáхъ въ галéрномъ пóртѣ и какъ нарóчно въ сáмую пóлночь. Пошéлъ онъ съ Бóгомъ, перекрестя́сь, и смѣни́лъ товáрища; стои́тъ себѣ́, да отъ нéчего дѣ́лать выки́дываетъ ружьéмъ на-краýлъ. Глядь — идéтъ къ немý нечи́стый; солдáтъ не сробѣ́лъ, а хотя́ бъ и стрýсилъ, такъ чтожъ дѣ́лать? отъ чóрта не въ вóду! „Здорóво, слýжба!“ говори́тъ чортъ. „Здрáвія желáю!“ — Поучи́, пожáлуйста, меня́ на-краýлъ выки́дывать; дóлго пригля́дываюсь, а никáкъ поня́ть не смогý. „Прямóй ты чортъ! сказáлъ солдáтъ; да гдѣ́-же тебѣ́ поня́ть-то? Я вотъ дéсять лѣтъ служý, и наши́вку имѣ́ю — а все еще учýся [2]); ужъ и колотýшекъ перенéсъ не однý ты́сячу! А ты хóчешь однóй нагля́дкою взять. Нѣтъ, братъ, ужъ это бóльно-скóро да и дéшево!“ — Поучи́, служи́вый! — „Пожáлуй; тóлько за что самъ купи́лъ, за то и тебѣ́

продáмъ.“ Постáвилъ солдáтъ чóрта во фронтъ, и для почи́ну какъ свиснетъ [3]) егó во всю мочь приклáдомъ по заты́лку, áжно пошатну́лся нечи́стый. „А! такъ ты еще нагибáешься на фрóнтѣ!“ и давáй егó лупи́ть по чемъ попáло; отсчитáлъ удáровъ дéсять и ви́дитъ, что чортъ только нóжками подéргивается, а кричáть совсѣ́мъ перестáлъ.... „Ну́, говори́тъ, ступáй тепéрь! на пéрвый разъ довóльно бу́детъ. Хоть мнѣ́ жаль тебя́, да что дѣ́лать? безъ тогó нельзя́. Самъ вѣ́даешь, слу́жба всегó вы́ше, а во фрóнтѣ, братъ, нѣ́тъ родни́!“

Тошнéхонекъ пришéлся чóрту пéрвый урóкъ: но солдáтъ говори́тъ, что безъ му́ки не бывáетъ нау́ки; стáло быть — такъ нáдо: ему́ лу́чше знать! Поблагодари́лъ чортъ за учéнье, далъ солдáту дéсять золоты́хъ и ушéлъ. „Эка! ду́маетъ солдáтъ; жалко, что мáло билъ, кабы разóвъ двáдцать удáрилъ: гляди́шь, онъ бы двáдцать золоты́хъ далъ.

Рóвно черезъ недѣ́лю достáлось солдáту опя́ть стоя́ть на часáхъ и на томъ-же сáмомъ мѣ́стѣ. Стои́тъ онъ, вы́кидываетъ ружьéмъ рáзные пріéмы, а на умѣ́ дéржитъ: „ну, кóли тепéрь я́вится нечи́стый, ужъ я своé наверстáю!“ Въ пóлночь откýда ни взялся́ — прихóдитъ нечи́стый. „Здрáвствуй, слу́жба!“ — Здорóво, братъ! зачѣ́мъ пришéлъ? — „Какъ зачѣ́мъ? учи́ться.“ — Тó-то и есть! а то хотѣ́лъ съ рáзу все захвати́ть! Нѣ́тъ, дружи́ще, станови́сь во фронтъ! комáндуетъ солдáтъ; грудь вперéдъ, брю́хо подбери́, глазá въ начáльство устáвь! Дóлго вози́лся онъ съ чóртомъ, мнóго надавáлъ ему́ тузанóвъ и колоту́шекъ, и таки вы́училъ нечи́стаго дѣ́лать ружьéмъ: и на-плечó, и къ-ногѣ́, и на-крау́лъ. „Ну́, говори́тъ, тепéрь ты хоть къ самому́ сатанѣ́ на ординáрцы, такъ и то не удáришь лицóмъ въ грязь! только развѣ́ въ томъ мáленькая фальшь бу́детъ, что хвостъ у тебя́ назади́ вели́къ. Ну́-ка, поверни́сь налѣ́во кругóмъ!“

Нечи́стый поверну́лся, а солдáтъ вы́нулъ изъ кармáна шéйный крéстикъ, да потихóньку и нацѣ́пилъ на чóрта.

Какъ запры́гаетъ чортъ, какъ закричи́тъ благи́мъ мáтомъ! „А чтó, развѣ́ ѐто вамъ чертя́мъ не по-нутру́?“ спрáшиваетъ солдáтъ. Чортъ ви́дитъ, что въ просáкъ попáлся, давáй сули́ть солдáту и серебрá, и зóлота, и вся́каго богáтства. Солдáтъ не прочь [4]) отъ дéнегъ и велѣ́лъ притащи́ть ни мáло, ни мнóго — цѣ́лый возъ.

Въ мину́ту все бы́ло готóво: чортъ притащи́лъ цѣ́лый вóрохъ дéнегъ, солдáтъ спря́талъ ихъ въ оврáгѣ и закрести́лъ; „а то, говори́тъ, вы, бѣ́сóвская свóлочь! нáшего брáта правослáвнаго тóлько обмáнываете, вмѣ́сто зóлота у́голье насыпáете!“ — Чтó-жъ, служи́вый! мóлитъ бѣсъ, отпусти́ меня́, сними́ свой крéстикъ. „Нѣ́тъ, братъ, погоди́! Дéньги дéньгами, а ты сослужи́ мнѣ́ и другу́ю слу́жбу. Вотъ ужъ дéсять лѣ́тъ, какъ нé-былъ я дóма, а тамъ у меня́ женá

и дѣтки остáлись; смерть [5]) хóчется побывáть на рóдинѣ да на своúхъ посмотрѣть. Своза́-ка меня́ домóй; я, братъ, не изъ дáльнихъ — изъ иркýтской губéрніи. Какъ свóзишь, тогдá и крестъ снимý!"

Чортъ помóрщился — помóрщился и согласи́лся. На другóй день пошéлъ солдáтъ къ начáльству, отпроси́лся нá-два дня погулять (а бы́ли тогдá прáздники), и сейчáсъ-же къ нечи́стому; усѣлся на негó верхóмъ и крѣпко-крѣпко ухвати́лся за рогá. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесéтся — слóвно мóлнія! Солдáтъ тóлько посмáтриваетъ, какъ мелькáютъ передъ нимъ городá и сéла: „ай-да молодéцъ! люблю́ за прыть!" И не успѣлъ еще проговори́ть всегó, глядь — ужъ и пріѣхалъ. Слѣзъ солдáтъ съ чóрта: „спаси́бо, говори́тъ; вóтъ удружи́лъ, такъ удружи́лъ! Ступáй тепéрь, кудá знáешь, а зáвтра нá-ночь приходи́: назáдъ поѣдемъ." Прогости́лъ, пропировáлъ солдáтъ цѣлыхъ два дня, а къ нóчи попрощáлся съ родны́ми, и вороти́лся на чóртѣ въ Пи́теръ какъ разъ [6]) въ срокъ. И вѣдь какъ измýчилъ нечи́стаго! чуть-чуть рогъ емý не обломáлъ! Снялъ онъ съ негó крестъ и не успѣлъ егó въ кармáнъ спря́тать, глядь — а ужъ чóрта нѣтъ! и слѣдъ просты́лъ [7])! Съ той сáмой поры́ и не видáлъ солдáтъ чóрта; забрáлъ онъ бѣсóвскія дéньги и зáжилъ себѣ припѣвáючи.

[1]) Т. е. охóтно учи́лись. [2]) Между рýсскими солдáтами хóдитъ разсказъ о томъ, какъ Никóла угóдникъ прогнѣвался за чтó-то на нихъ и сказáлъ: вѣкъ вы бýдете учи́ться и не вы́учитесь; вѣкъ вы бýдете чи́ститься, и не вы́чиститесь! [3]) Въ смы́слѣ: ударить. [4]) въ смы́слѣ: не откáзывается. [5]) т. е. си́льно, весьмá. [6]) какъ разъ = совершéнно. [7]) = изчéзъ.

д) Сказки.

---

56. Воръ.

Жи́лъ-былъ стари́къ со старýхою; у нихъ былъ сынъ по и́мени Ивáнъ. Корми́ли они́ егó, покá большóй вы́росъ, а потóмъ и говоря́тъ: „ну, сынóкъ! досéлева [1]) мы тебя корми́ли, я ны́нче корми́ ты насъ до сáмой смéрти." Отвѣчáлъ имъ Ивáнъ: „когдá корми́ли меня́ до вóзраста лѣтъ, то корми́те и до усá." Вы́кормили егó до усá, и говоря́тъ: „ну, сынóкъ! мы корми́ли тебя́ до усá, тепéрь ты корми́ насъ до сáмой смéрти." — Эхъ, бáтюшка и ты мáтушка! отвѣчáетъ сынъ, когда корми́ли меня́ до усá, то корми́те и до бороды́. Нéчего дѣлать: корми́ли, пои́ли его стари́кú до бороды́, а пóслѣ и говоря́тъ: „ну, сынóкъ, мы корми́ли тебя́ до бороды́, ны́нче

ты насъ покормй до сáмой смéрти.“ — А коли кормили до бороды́, такъ кормите и до стáрости! Тутъ старикъ не вы́держалъ, пошéлъ къ бáрину бить челóмъ на сы́на. Призывáетъ господи́нъ Ивáна: „чтó-жъ-ты, дармоѣ́дъ, отцá съ мáтерью не кóрмишь.“ — Да чѣмъ корми́ть-то? развѣ́ воровáть прикáжете? рабóтать я не учи́лся, а тепéрь и учи́ться пóздно. — „А по мнѣ́ какъ знáешь! говори́тъ ему́ бáринъ; хоть воровствóмъ, да корми́ отцá съ мáтерью, чтобъ на тебя́ жáлобъ нéбыло!“ Тѣмъ врéменемъ доложи́ли бáрину, что бáня готóвá, и пошéлъ онъ пáриться; а дѣ́ло-то шло къ вéчеру. Вы́мылся бáринъ, вороти́лся назáдъ и сталъ спрáшивать: „эй, ктó-тамъ есть? подáть босовики́!“ А Ивáнъ тутъ какъ тутъ, стащи́лъ ему́ сапоги́ съ ногъ, пóдалъ босовики́; сапоги́ тóтчасъ подъ мы́шку и унéсъ домóй. „Нá, бáтюшка! говори́тъ отцу́, снимáй свои́ лáпти, обувáй госпóдскіе сапоги́.“ На у́тро хвати́лся бáринъ — нѣ́тъ сапогóвъ; послáлъ за Ивáномъ: „ты унéсъ мои́ сапоги́?“ — Знáть-незнáю, вѣ́дать-не-вѣ́даю, а дѣ́ло моé! — „Ахъ ты плутъ, мошéнникъ! кáкъ-же ты смѣ́лъ воровáть?“ — Да рáзвѣ ты, бáринъ, не самъ сказáлъ: хоть воровствóмъ, да корми́ отцá съ мáтерью? я твоегó госпóдскаго прикáзу не хотѣ́лъ ослу́шаться. — „Коли такъ, говори́тъ бáринъ, вóтъ-тебѣ́ мои́ прикáзъ: укрáдь у меня́ чéрнаго бы́кá изъподъ плу́га; увору́ешь — дáмъ-тебѣ́ сто рублéй, не увору́ешь — влѣплю́ сто плетéй.“ — Слу́шаю-съ! отвѣчáетъ Ивáнъ, тóтчасъ брóсился онъ на дерéвню, стащи́лъ гдѣ́-то пѣтухá, ощипáлъ ему́ пéрья, и скорѣ́й на пáшню; подпóлзъ къ крáйней бороздѣ́, приподня́лъ глы́бу земли́, подложи́лъ подъ неé пѣтухá, а самъ за кусты́ спря́тался. Стáли плугáтари [2]) вести́ нóвую бóрозду, зацѣ́пили ту глы́бу земли́ и вороти́ли нá-сторону: ощи́панный пѣту́хъ вы́скочилъ и чтó-силъ-было — побѣжáлъ по кóчкамъ, по ры́твинамъ. „Чтó за чу́до изъ земли́ вы́копали!“ закричáли плугáтари и пусти́лись въ догóнку за пѣтухóмъ. Ивáнъ увидáлъ, что они́ побѣжáли какъ угорѣ́лые, брóсился сейчáсъ къ плу́гу, отруби́лъ у одногó быкá хвостъ да воткну́лъ другóму въ ротъ, а трéтьяго отпрéгъ и увéлъ домóй. Плугáтари гоня́лись-гоня́лись за пѣтухóмъ, такъ и не поймáли, вороти́лись [3]) назáдъ: чéрнаго быкá нѣ́тъ, а пéстрый безъ хвостá. „Ну брáтцы! покá мы за чу́домъ бѣ́гали, быкъ быкá съѣ́лъ; чéрнаго-то совсѣ́мъ сожрáлъ, а пéстрому хвостъ откуси́лъ!“ Пошли́ къ бáрину съ пови́нною головóю: „поми́луй, отéцъ! быкъ быкá съѣ́лъ.“ — Ахъ, вы дурачьé безмóзглое! закричáлъ на нихъ бáринъ; ну гдѣ́-это ви́дано, гдѣ́-это слы́хано, чтобъ быкъ да быкá съѣ́лъ? Позвáть ко мнѣ́ Ивáна! — Позвáли. — „Ты быкá укрáлъ?“ — Я, бáринъ. — „Кудá-жъ ты дѣвáлъ его́?“ — Зарѣ́залъ; кóжу на базáръ снесъ, а мя́сомъ стáну отцá да мать корми́ть.“ — Молодéцъ! говори́тъ бáринъ; вóтъ-тебѣ́ сто рублéй. Ну, укрáдь же тепéрь моегó

любимаго жеребца́, что́ стои́тъ за тремя́ дверя́ми, за шестью́ замка́ми; уведёшь — плачу́ двѣсти рублей, не уведёшь — влѣплю́ двѣсти плетей?“ — Изво́ль, ба́ринъ! укра́ду. Ве́черомъ по́здно забра́лся Ива́нъ въ ба́рскій домъ; вхо́дитъ въ пере́днюю — нѣтъ ни души́, смо́тритъ — виси́тъ на вѣшалкѣ господская одёжда; взялъ ба́рскую шине́ль да фура́жку, надѣлъ на себя́, вы́скочилъ на крыльцо́ и закрича́лъ гро́мко кучера́мъ и ко́нюхамъ: „эй, ребя́та! осѣдла́ть поскорѣй моего́ люби́маго жеребца́ да пода́ть къ крыльцу́.“ Кучера́ и ко́нюхи призна́ли его за ба́рина, побѣжа́ли [4]) къ конюшнѣ, о́тперли шесть замко́въ, отвори́ли тро́е двере́й, въ мигъ все дѣло испра́вили и подвели́ къ крыльцу́ осёдланнаго жеребца́. Воръ сѣлъ на него́ верхо́мъ, уда́рилъ хлы́стикомъ — то́лько и ви́дѣли! На друго́й день спра́шиваетъ ба́ринъ: „ну, что мой люби́мый жеребе́цъ?“ а онъ ещё съ ве́чера вы́краденъ. Пришло́сь посыла́ть за Ива́номъ: „ты́ укралъ жеребца́?“ — Я, ба́ринъ. — „Гдѣ же онъ?“ — Купца́мъ про́далъ. — „Сча́стіе твое́, что я самъ укра́сть велѣлъ! Возьми́ свои двѣсти рубле́й. Ну, укра́дь же тепе́рь ке́рженскаго [5]) наста́вника.“ — А что́, ба́ринъ, за труды́ поло́жишь? — Хо́чешь три́ста рублей?“ — Изво́ль, укра́ду! — „А е́сли не укра́дешь?“ — Твоя́ во́ля! дѣлай, что са́мъ-знаешь.

Призва́лъ ба́ринъ наста́вника: „берегись, говори́тъ, стой на моли́твѣ всю ночь, спать не моги́ [6])! Ва́нька-воръ на тебя́ похваля́ется.“ Перепуга́лся ста́рецъ, не до спа́ ему, сиди́тъ въ ке́льѣ да моли́тву тверди́тъ. Въ са́мую по́лночь пришёлъ Ива́нъ-воръ съ ро́гозиннымъ кошелёмъ и стучи́тся въ окно́. „Кто́-ты, человѣче?“ — Ангелъ съ небеси́, по́сланъ за тобо́ю унести́ жива́го въ рай; полѣза́й въ коше́ль. Наста́вникъ съ ду́ру и влѣзъ въ коше́ль; воръ, завяза́въ его́, по́днялъ на́-спину и понёсъ на колоко́льню. Тащи́лъ-тащи́лъ, „ско́ро ли?“ спра́шиваетъ наста́вникъ. „А вотъ уви́дишь! Снача́ла доро́га хоть долга́, да гладка́, а подъ коне́цъ коротка́, да колотли́ва.“ Втащи́лъ его наве́рхъ, спусти́лъ внизъ по лѣстницѣ: бо́льно пришло́сь наста́внику, пересчита́лъ всѣ ступе́ньки! „Охъ, говори́тъ, пра́вду ска́зывалъ а́нгелъ: пере́дняя доро́га хоть долга́, да гладка́, а послѣдняя коротка́, да колотли́ва! И на томъ свѣтѣ тако́й бѣды́ не знава́лъ!“ — Терпи́, спасе́нъ бу́дешь! отвѣча́лъ Ива́нъ; по́днялъ коше́ль и повѣсилъ у воро́тъ на огра́ду, положи́лъ по́длѣ два берёзовыхъ прута́ толщино́ю въ па́лецъ и написа́лъ на воро́тахъ: „кто ми́мо пройдётъ, да не уда́ритъ по кошелю́ три ра́за, — да бу́детъ ана́ѳема-про́клятъ!“ Вотъ вся́кій, кто ни прохо́дитъ ми́мо — непремѣнно стегнётъ три ра́за. Идётъ ба́ринъ: „что́-за коше́ль виси́тъ?“ Приказа́лъ снять его́ и развяза́ть. Развяза́ли, а отту́да лѣзетъ ке́рженскій наста́вникъ. „Ты́ какъ сюда́ попа́лъ? вѣдь говори́лъ тебѣ: берегись, такъ нѣтъ! Не жа́лко мнѣ, что тебя

прýтьями би́ли, а жáлко мнѣ́, что изъ-за тебя́ три́ста рублéй дáромъ пропáли.“

[1]) простр. = до сихъ поръ. [2]) зажи́точный пахáрь. [3]) Снт. III. § 50. 8). [4]) Снт. III. § 56. 12. 2). [5]) Раскольничій. [6]) Снт. III. § 65. Прим. 4).

---

57. Господь далъ, или самъ заработалъ?

Въ нѣ́которомъ цáрствѣ жи́ли два крестья́нина Ивáнъ да Наýмъ. Назвали́сь они́ товáрищами и пошли́ вмѣ́стѣ на зáработки. Шлишли́, очути́лись въ богáтомъ селѣ́ и наняли́сь у рáзныхъ хозя́евъ; порабóтали однý недѣ́лю и сви́дѣлись въ воскрéсный день. „Ты, братъ, скóлько зарабóталъ?“ спроси́лъ Ивáнъ. — Мнѣ́ пять рублéвъ Госпóдь далъ. — „Госпóдь далъ! мнóго онъ дáстъ, коли самъ не зарабóтаешь?“ — Нѣ́тъ, братъ, безъ бóжіей пóмощи самъ ничегó не сдѣ́лаешь, ни грошá не полýчишь! Тутъ они́ крѣ́пко заспóрили и положи́ли на томъ: „пойдéмъ óба по дорóгѣ, и спрóсимъ у пéрваго встрѣ́чника: чья прáвда? Кто проигрáетъ, тотъ должóнъ [1]) отдáть всѣ́ свои́ зарабóтанныя дéньги.“ Вотъ и пошли́; сдѣ́лали шагóвъ съ двáдцать — попадáется имъ на встрѣ́чу нечи́стый духъ въ человѣ́ческомъ óбразѣ. Стáли егó спрáшивать, а онъ въ отвѣ́тъ: „чтó самъ зарабóтаешь, то и лáдно! на Бóга нéчего надѣ́яться, Онъ ни копѣ́йки не дастъ!“ Отдалъ Наýмъ всѣ́ свои́ дéньги Ивáну и вороти́лся къ хозя́ину съ пусты́ми рукáми. Прошлá ещé недѣ́ля; въ воскрéсный день рабóтники опя́ть сви́дѣлись и пóдняли тотъ же споръ. Наýмъ говори́тъ: „хоть на прóшлой недѣ́лѣ ты и зáбралъ мои́ дéньги, а мнѣ́ Госпóдь ещé бóльше далъ!“ — Ну, отвѣчáетъ Ивáнъ, если по-твóему тебѣ́ Богъ далъ, а не самъ ты зарабóталъ, то давáй опя́ть пойдéмъ до пéрвой встрѣ́чи и спрóсимъ; чья прáвда? Кто виновáтъ остáнется, у тогó отобрáть всѣ́ дéньги и отрѣ́зать прáвую рýку. Наýмъ согласи́лся. Пошли́ они по дорóгѣ; повстрѣчáлся имъ тóтъ-же нечи́стый и отвѣчáлъ, что и прéжде. Ивáнъ обобрáлъ у товáрища дéньги, отруби́лъ емý прáвую рýку и остáвилъ одногó. Дóлго дýмалъ Наýмъ, что тепéрь безъ руки́ дѣ́лать? ктó корми́ть-пои́ть стáнетъ? ну, да Богъ ми́лостивъ! Пошéлъ къ рѣкѣ́ и легъ на берегý подъ лóдку: „переночýю покá здѣ́сь, а ýтромъ увижу, что дѣ́лать; ýтро вéчера мудренѣ́е.“ Въ сáмую пóлночь собралóсь на э́ту лóдку мнóгое мнóжество нечи́стыхъ, и нáчали промéжъ себя́ разговáривать: кто какíя кóзни устрóилъ. Оди́нъ говори́тъ; „я между двухъ мужикóвъ споръ рѣши́лъ въ проти́вную стóрону, и у правди́ваго рýку отрѣ́зали.“ Другóй на то сказáлъ: „э́то пустóе! тóлько три рáза по росѣ́ покатáться — рукá снóва вы́ростетъ!“ — А я, нáчалъ хвáстаться трé-

тій, у такóго-то бáрина единственную дочь изсушилъ: чуть живá хóдитъ! — „Эка! отвѣчáлъ четвéртый, éсли кто пожалѣетъ бáрина, то непремѣнно вылѣчитъ дóчку. Срéдство простóе: взять такóй-то травы, сварить, да въ томъ отвáрѣ искупáть её — она и бýдетъ здорóва!“ — Въ однóмъ прудý, сталъ говорить пятый, мужикъ постáвилъ водянýю мéльницу, и ужъ мнóго лѣтъ хлопóчетъ, а все безъ пóльзы: тóлько что запрýдитъ плотину, а я прокопáю и выпущу вóду. „Дурáкъ же твой мужикъ! сказáлъ шестóй чортъ; онъ бы загатилъ полýчше плотину, а когда-бъ стáла водá прорывáться — брóсилъ бы тудá снопъ солóмы: тутъ бы ты и погибъ!“ Наумъ все это слышалъ, и на другóй день выростилъ свою прáвую рýку, потóмъ испрáвилъ у мужикá плотину и вылѣчилъ дочь у бáрина. Щéдро егó наградили и мужикъ и бáринъ, и зáжилъ онъ припѣвáючи. Разъ повстрѣчáлъ онъ своегó прéжняго товáрища; тотъ удивился, зáчалъ распрáшивать: кáкъ-де ты разбогатѣлъ и откýда рýку взялъ? Наýмъ емý все разсказáлъ, ничегó не утаилъ. Ивáнъ выслушалъ, и дýмаетъ: „постóй-же, и я такъ сдѣлаю, еще пýще егó разбогатѣю!“ Пошéлъ къ рѣкѣ и легъ на берегý подъ лóдку. Въ пóлночь собрались нечистые. „А чтó, брáтцы! говоритъ одинъ изъ нихъ; должнó быть ктó-нибудь насъ подслýшиваетъ. Вѣдь у мужикá рукá отрослá, боярская дочь выздоровѣла и плотина въ ходъ пошлá!“ Брóсились всѣ подъ лóдку смотрѣть; нашли Ивáна и разорвáли на мéлкіе кусóчки. Отлились вóлку корóвьи слéзы! [2])

[1]) Простон. вм. дóлженъ. [2]) То есть: заплáчено было вóлку за то, что обижáлъ корóву.

58. Война звѣрей съ птицами.

Посѣялъ мужикъ рожь, и уродилъ емý Госпóдь на диво: едвá могъ съ пóля собрáть! Вотъ перевéзъ онъ снопы домóй, смолотилъ и насыпалъ зернóмъ полнéхонекъ амбáръ; насыпалъ и дýмаетъ: „тепéрьто стáну жить, не тужить!“ И повáдились къ мужикý въ амбáръ мышь да воробéй; кáжпой [1]) бóжій день разъ по пяти слáзаютъ, наѣдятся — и назáдъ: мышь юркнéтъ въ свою канýрку, а воробéй улетитъ въ своé гнѣздó. Жили они вдвоéмъ тáкъ-то дрýжно цѣлые три гóда; все зернó пріѣли, остаéтся въ зáкромѣ сáмая мáлость, съ четверикъ — не бóльше. Видитъ мышь, что запáсъ къ концý подхóдитъ, и нý [2]) ухитряться, какъ-бы воробья обманýть, да всѣмъ добрóмъ одной завладáть! И-таки-ухитрилась: собралáсь тéмною нóчью, прогрызла въ полý большýщую [3]) дырý и спустила въ подпóлье всю рожь до единаго зéрнушка. Поутрý прилетáетъ воробéй въ амбáръ, захотѣлось [4]) емý позáвтракать; глянýлъ — нѣтъ ничегó! Вылетѣлъ

бѣдняжка голодный и думаетъ про себя: „обидѣла проклятая! Полечу-ка я, доброй молодецъ, къ ихнему [5]) царю ко [6]) льву, стану просить на мышь — пусть онъ насъ разсудитъ по правдѣ.“ Снялся и полетѣлъ ко льву. „Левъ, царь звѣриный! бьетъ ему челомъ [7]) воробей: жилъ я съ твоимъ звѣремъ, мышью зубастою; цѣлые три года кормились изъ одного закрома, и не было промежъ насъ никакой ссоры. А какъ сталъ запасъ къ концу подходить, пошла она на хитрости: прогрызла въ закромѣ дыру, спустила все зерно въ подполье къ себѣ, а меня бѣднаго голодать оставила. Разсуди насъ по правдѣ; не разсудишь — полечу искать суда-расправы у своего царя орла.“ — Ну и лети съ Богомъ! сказалъ левъ. Воробей бросился съ челобитьемъ къ орлу, разсказалъ ему всю свою обиду, какъ мышь своровала [8]), а левъ ей потатчикъ. Сильно разгнѣвался втѣпоры царь орелъ и сейчасъ-же отправилъ ко льву легкаго гонца: приходи завтра съ своимъ-де звѣринымъ воинствомъ на такое-то поле, а я соберу всѣхъ птицъ и дамъ тебѣ сраженіе. Нечего дѣлать, послалъ царь левъ кличъ кликать, на войну звѣрей созывать. Собралось ихъ видимо-невидимо [9]), и только пришли на чистое поле — летитъ [10]) на нихъ орелъ со всѣмъ своимъ крылатымъ воинствомъ, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минуточки! побѣдилъ царь орелъ, завалилъ все поле трупами звѣриными и распустилъ птицъ по домамъ, а самъ полетѣлъ въ дремучій лѣсъ, усѣлся [11]) на высокій дубъ — избитъ, израненъ [12]), и сталъ думать думу крѣпкую, какъ-бы назадъ воротить свою силу прежнюю.

Давно это было, а жилъ-былъ тогда купецъ съ купчихою одни-одинехоньки [13]), не-было у нихъ ни единаго дѣтища. Всталъ купецъ поутру и говоритъ женѣ: „не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся: навязалась будто къ намъ большая птица, жретъ заразъ [14]) по цѣлому быку, выпиваетъ по полному ушату; а нельзя отбыть, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я въ лѣсъ, авось поразгуляюся.“ Захватилъ ружье и пошелъ въ лѣсъ. Долго ли, коротко ли онъ бродилъ [15]) по-лѣсу, подошелъ наконецъ къ дубу, увидѣлъ орла, и хочетъ стрѣлять по нёмъ. „Не бей меня, добрый молодецъ! провѣщалъ ему орелъ человѣческимъ голосомъ. Убьешь — мало будетъ прибыли. Возьми лучше меня къ себѣ въ домъ да прокорми три года, три мѣсяца и три дня: я у тебя поправлюся, отрощу свои крылья, соберуся съ силами, и тебѣ добромъ заплачу.“ Какой заплаты отъ орла ожидать? думаетъ купецъ, и прицѣлился въ другой разъ. Орелъ провѣщалъ то-же самое. Прицѣлился купецъ въ третій разъ, и опять орелъ проситъ: „не бей меня, добрый молодецъ; прокорми меня три года, три мѣсяца и три дня; какъ поправлюся, отрощу свои крылья да соберуся съ силами — все тебѣ добромъ

заплачу!“ Сжáлился купéцъ, взялъ птúцу-орлá и понéсъ домóй. Тóтчасъ убúлъ быкá и налúлъ пóлный ушáтъ медóвой сыты́; нá-долго, дýмаетъ, хвáтитъ орлý кóрму; а орéлъ все зарáзъ прі́ѣлъ и вы́пилъ. Плóхо пришлóсь купцý отъ незвáнаго гóстя, совсѣ́мъ разорúлся; вúдитъ орéлъ, что купéцъ-то обѣ́днѣлъ, и говорúтъ емý: „послýшай, хозяинъ! поѣзжáй въ чúстое пóле; мнóго тамъ рáзныхъ звѣрéй побúтыхъ, порáненыхъ. Снимú съ нихъ дорогíе мѣхá и везú продавáть въ гóродъ; на тѣ дéньги и меня́, и себя́ прокóрмишь, еще про запáсъ остáнется.“ Поѣ́халъ купéцъ въ чúстое пóле; вú-дитъ, мнóго нá-полѣ лежúтъ звѣрéй побúтыхъ, порáненыхъ; поспи-мáлъ съ нихъ сáмые дорогíе мѣхá, повéзъ продавáть въ гóродъ и прóдалъ за большíя дéньги.

Прошéлъ годъ; велúтъ орéлъ хозяину везтú егó на то мѣ́сто, гдѣ высóкіе дýбы стоя́тъ. Заложúлъ купéцъ повóзку и привéзъ егó на то мѣ́сто. Орéлъ взвился́ за тýчи, и съ разлéту удáрилъ грýдью въ однó дéрево: дубъ расколóлся нáдвое. „Нý, купéцъ, дóбрый мó-лодецъ! говорúтъ орéлъ; не собрáлся я съ прéжнею сúлою, кормú меня́ ещé крýглый годъ.“ Прошéлъ и другóй годъ; опя́ть взвился́ орéлъ за тéмныя тýчи, разлетѣ́лся свéрху и удáрилъ грýдью дéрево: раскóлолся дубъ на мéлкія чáсти. „Прихóдится тебѣ́, купéцъ, дóбрый мóлодецъ, еще цѣ́лый годъ меня́ кормúть; не собрáлся я съ прéж-нею сúлою.“ Вóтъ какъ прошлó три гóда, три мѣ́сяца и три дня, говорúтъ орéлъ купцý: „везú меня́ опя́ть на тó-же мѣ́сто, къ высó-кимъ дубáмъ.“ Привéзъ егó купéцъ къ высóкимъ дубáмъ. Взвился́ орéлъ повы́ше прéжняго, сúльнымъ вúхремъ удáрилъ свéрху въ сá-мый большóй дубъ, разбúлъ его въ щéпки съ верхýшки до кóрня, áжно [16]) лѣ́съ кругóмъ зашатáлся. „Спасúбо тебѣ́, купéцъ, дóбрый мóлодецъ! сказáлъ орéлъ. Тепéрь вся моя́ стáрая сúла со мнóю. Бросáй-ка лóшадь да садúсь ко мнѣ́ на кры́лья: я понесý тебя́ на свою́ стóрону и расплачýсь съ тобóю за все добрó.“ Сѣ́лъ купéцъ орлý на кры́лья; понéсся орéлъ на сúнее мóре и поднялся высóко-высóко. „Посмотрú, говорúтъ, на синé мóре, великó ли?“ — Съ колесó, отвѣчáетъ купéцъ. Орéлъ встряхнýлъ кры́льями, и сбрóсилъ купцá внизъ, далъ емý спознáть смéртный страхъ и подхватúлъ, не допустя́ до воды́. Подхватúлъ и поднялся съ нимъ еще вы́ше. „Посмотрú на синé мóре, великó-ли?“ — Съ курúное яйцó. Встря-хнýлъ орéлъ кры́льями, сбрóсилъ купцá внизъ и опя́ть, не допустя́ до воды́, подхватúлъ егó и поднялся́ вверхъ повы́ше прéжняго. „По-смотрú на синé мóре, великó-ли?“ Съ мáковое зéрнышко! И въ трéтій разъ встряхнýлъ орéлъ кры́льями и сбрóсилъ купцá съ поднé-бесья, да опя́ть таки не допустúлъ его до воды́, подхватúлъ на кры́лья и спрáшиваетъ: „чтó купéцъ, дóбрый мóлодецъ, спознáлъ — каќовъ смéртный страхъ? — Спознáлъ, говорúтъ купéцъ; я дýмалъ,

совсѣмъ пропаду! „Да-вѣдь-и-я́ то́-же ду́малъ, какъ ты въ меня́ ружьёмъ цѣлилъ."

Полетѣлъ орёлъ съ купцо́мъ за́-море, пря́мо къ мѣдному ца́рству. „Вотъ-здѣсь живётъ моя́ ста́ршая сестра́; какъ бу́демъ у ней въ гостя́хъ, и ста́нетъ она́ дары́ подноси́ть, ты ничего́ не бери́, а проси́ себѣ мѣдный ла́рчикъ." Сказа́лъ та́къ-то орёлъ, уда́рился о сыру́ю зёмлю и обороти́лся до́брымъ мо́лодцемъ. Иду́тъ они́ широ́кимъ дворо́мъ. Увида́ла сестра́ и обра́довалась: „ахъ, бра́тецъ роди́мый! какъ тебя́ Богъ принёсъ? вѣдь бо́лѣ трехъ лѣтъ тебя́ не вида́ла; ду́мала — совсѣмъ пропа́лъ! Ну, чѣмъ-же тебя́ угоща́ть, чѣмъ по́дчивать?" — Не меня́ проси́, не меня́ угоща́й, роди́мая сестри́ца! я — свой человѣкъ; проси́-угоща́й вотъ э́того до́браго мо́лодца: онъ меня три го́да пои́лъ-корми́лъ, съ го́лоду не умори́лъ. Посади́ла она́ ихъ за столы́ дубо́вые, за ска́терти бра́ныя, угости́ла-упо́дчивала; повела́ пото́мъ въ кладовы́я, пока́зываетъ бога́тства несмѣтныя и говори́тъ купцу́, до́брому мо́лодцу: „вотъ зла́то и се́ребро и камёнья самоцвѣтныя, бери́ себѣ, что душа́ жела́етъ!" Отвѣча́етъ купе́цъ, до́брый мо́лодецъ: „не на́добно мнѣ ни зла́та, ни се́ребра, ни камёнья самоцвѣтнаго; подари́ мѣдный ла́рчикъ." Какъ-бы-не-та́къ! не то́тъ ты сапо́гъ, не на ту́ но́гу надѣва́ешь! Осе́рдился братъ на такія рѣчи сестри́цы, обороти́лся орло́мъ, пти́цей бы́строю, подхвати́лъ купца́ и полетѣлъ прочь. „Бра́тецъ роди́мый, вороти́ся! кричи́тъ сестра́; не постою и за ла́рчикъ!" — Опозда́ла, сестра́! Лети́тъ орёлъ по-поднёбссью. „Посмотри́, купе́цъ, до́брый мо́лодецъ! что́ назади́ и что́ впереди́ дѣется?" — Посморѣлъ купе́цъ и ска́зываетъ: „назади́ пожа́ръ виднѣется, впереди́ цвѣты́ цвѣту́тъ!" — То́ мѣдное ца́рство гори́тъ, а цвѣты́ цвѣту́тъ въ серёбряномъ ца́рствѣ у моёй серёдней сестры́. Какъ бу́демъ у ней въ гостя́хъ, и ста́нетъ она́ дары́ дари́ть, ты ничего́ не бери́, а проси́ серёбряный ла́рчикъ. Прилетѣлъ орёлъ, уда́рился о сыру́ю зёмлю и обороти́лся до́брымъ мо́лодцемъ. „Ахъ, бра́тецъ роди́мый! говори́тъ ему́ сестра́, отко́ль взялся́? гдѣ пропада́лъ? что́ такъ до́лго въ гостя́хъ не быва́лъ? Чѣмъ-же тебя́ дру́га по́дчивать?" — Не меня́ проси́, не меня́ угоща́й, роди́мая сестри́ца! я — свой человѣкъ; проси́-угоща́й вотъ до́браго мо́лодца, что́ [17]) меня́ три го́да и пои́лъ и корми́лъ, съ го́лоду не умори́лъ. Посади́ла она ихъ за столы́ дубо́вые, за ска́терти бра́ныя, угости́ла-упо́дчивала и повела́ въ кладовы́я: „вотъ зла́то и се́ребро и камёнья самоцвѣтныя; бери́, купе́цъ, что душа́ пожела́етъ!" — Не на́добно мнѣ ни зла́та, ни се́ребра, ни камёнья самоцвѣтнаго; подари́ оди́нъ серёбряный ла́рчикъ. „Нѣтъ, до́брый мо́лодецъ, не то́тъ кусо́къ хвата́ешь! не ровёнъ часъ — пода́вишься!" Осе́рдился братъ орёлъ, обороти́лся пти́цею, подхвати́лъ

купца́ и полетѣ́лъ прочь. — „Бра́тецъ роди́мый, вороти́ся! не постою́ и за ла́рчикъ!“ — Опозда́ла сестра́!

Опя́ть лети́тъ оре́лъ по поднебесью. „Посмотри́, купе́цъ, до́брый мо́лодецъ! что́ назади́ и что́ впереди́?“ „Назади́ пожа́ръ гори́тъ, впереди́ цвѣты́ цвѣту́тъ.“ То гори́тъ сере́бреное ца́рство, а цвѣты́ цвѣту́тъ — въ золото́мъ, у мое́й меньшо́й сестры́. Какъ бу́демъ у ней въ гостя́хъ и ста́нетъ она́ дары́ дари́ть, ты ничего́ не бери́, а проси́ золото́й ла́рчикъ.“ Прилетѣ́лъ оре́лъ къ золото́му ца́рству и оборотился мо́лодцемъ. „Ахъ, бра́тецъ ро́дьненкій! говори́тъ сестра́; отко́ль взялся́? гдѣ́ пропада́лъ? что́ такъ до́лго въ гостя́хъ не быва́лъ? Ну чѣ́мъ-же вели́шь себя́ по́дчивать?“ — Не меня́ проси́, не меня́ угоща́й, я — свой человѣ́къ; проси-угоща́й вотъ этого купц[illegible] до́браго мо́лодца: онъ меня́ три го́да корми́лъ и пои́лъ, съ го́ло[illegible] не умори́лъ. Посади́ла она ихъ за столы́ дубо́вые, за ска́терти б[illegible]ныя, угости́ла-упо́дчивала; повела́ купца́ въ кладовы́я дари́ть его́ [illegible] зла́томъ и се́ребромъ и ка́мнями самоцвѣ́тными. „Ничего́ мнѣ́ не на́добно; то́лько подари́ мнѣ́ золото́й ла́рчикъ.“

— Бери́ себѣ́ на сча́стіе! вѣ́дь ты бра́та моего́ три го́да пои́лъ и корми́лъ, съ го́лоду не умори́лъ; а ради бра́та ничего́ мнѣ́ не жа́лко! — Вотъ пожи́лъ, попирова́лъ купе́цъ въ золото́мъ ца́рствѣ; пришло́ вре́мя разстава́ться, въ путь доро́гу отправля́ться. „Проща́й, говори́тъ ему́ оре́лъ; не помина́й ли́хомъ, да смотри́ — не отмыка́й ла́рчика, пока домо́й не воро́тишься.“

Поше́лъ купе́цъ домо́й; до́лго-ли коротко́-ли шелъ онъ, пріуста́лъ и захотѣ́лось ему́ отдохну́ть. Остановился на чужо́мъ лугу́, на землѣ́ царя́ Некреще́наго Лба, смотрѣ́лъ-смотрѣ́лъ на золото́й ла́рчикъ, не вы́терпѣлъ и отомкну́лъ. То́лько о́тперъ — отку́да ни возьми́сь: раски́нулся передъ ни́мъ большо́й дворе́цъ, весь изукра́шенный; появи́лись слу́ги мно́гіе: „что уго́дно? чего́ на́добно?“ Купе́цъ, до́брый мо́лодецъ, нае́лся, напи́лся и спать повали́лся. Увида́лъ царь Некреще́ной Лобъ, что стои́тъ на его́ землѣ́ большо́й дворе́цъ, и посыла́етъ посло́въ: „подите, разузна́йте, что́-за невѣ́жа тако́й проявился, безъ спро́су на мое́й землѣ́ дворе́цъ вы́строилъ? Чтобъ сейча́съ убира́лся вонъ по добру́-по-здоро́ву!“ Какъ пришло́ къ купцу́ таково́ гро́зное сло́во, сталъ онъ ду́мать да гада́ть, ка́къ-бы собра́ть дворе́цъ въ ла́рчикъ по пре́жнему; ду́малъ-ду́малъ — нѣ́тъ ничего́ не подѣ́лаешь! „Ра́дъ бы убира́ться, говори́тъ онъ посла́мъ, да-ка́къ? — и са́мъ не приду́маю.“ Послы́ вороти́лись и донесли про все́ царю́ Некреще́ному Лбу. „Пусть отда́стъ мнѣ́ то́, чего́ до́ма не вѣ́даетъ; соберу́ ему́ дворе́цъ въ золото́й ла́рчикъ.“ Дѣ́лать не́чего, пообѣ́ща́лъ купе́цъ съ кля́твою отда́ть то, чего́ до́ма не вѣ́даетъ; а царь Некреще́ный Лобъ то́тчасъ собра́лъ дворе́цъ въ золото́й ла́рчикъ. Взялъ купе́цъ золото́й ла́рчикъ и пусти́лся въ доро́гу.

Дóлго-ли короткó-ли, прихóдитъ домóй; встрѣчáетъ егó купчи́ха: „здрáвствуй, свѣтъ! гдѣ былъ, пропадáлъ?“ — Ну — гдѣ бы́лъ — тамъ тепéрь меня́ нѣту! — „А намъ Госпóдь безъ тебя́ сынкá даровáлъ.“ — Вóтъ я чегó дóма не вѣдалъ! дýмаетъ купéцъ, и крѣпко пріуны́лъ, пригорю́нился. „Чтó съ тобóй? али [18]) дóму не рáдъ!“ пристаéтъ купчи́ха. — Не тó! говори́тъ купéцъ, и тутъ же разсказáлъ ей про всé, что съ нимъ бы́ло. Погоревáли [19]) они́, поплáкали; да не вѣкъ же и плáкать! Раскры́лъ купéцъ свой золотóй лáрчикъ, и раски́нулся передъ нимъ большóй дворéцъ, хи́тро изукрáшенный, и сталъ онъ съ женóю и сы́номъ жить въ немъ поживáть, добрá наживáть. Прошлó лѣтъ съ деся́токъ, и по-бóльше тогó; выросъ купéческій сынъ, поумнѣ́лъ, похорошѣ́лъ, и сталъ молодéцъ-молодцóмъ. Рáзъ поутрý всталъ онъ невéсело и говори́тъ отцý: Батюшка! снился мнѣ ны́нѣшней нóчью царь Некрещéный Лобъ, приказывалъ къ себѣ приходи́ть: давнó-де жду: порá и чéсть знать!“ Прослези́лись отéцъ съ мáтерью, дáли емý своé роди́тельское благословéніе и отпусти́ли на чужýю стóрону.

Идéтъ онъ дорóгою, идéтъ широ́кою; идéтъ поля́ми чи́стыми, степя́ми раздóльными, и прихóдитъ въ дремýчій лѣсъ. Пýсто кругóмъ, не видáть [20]) души́ человѣ́ческой: тóлько стои́тъ небольшáя избýшка однá-одинéхонька, къ лѣсу пéредомъ, къ Ивáну-гости́номусы́ну зáдомъ.

„Избýшка, избýшка! говори́тъ онъ, поверни́сь къ лѣсу зáдомъ, а ко мнѣ пéредомъ.“ Избýшка послýшалась и повернýлась къ лѣсу зáдомъ, къ немý пéредомъ. Вошéлъ въ избýшку Ивáнъ-гости́ный-сынъ, а тамъ лежи́тъ бáба-ягá и говори́тъ: „досéлева рýсскаго дýха слы́хомъ бы́ло не слыхáть [21]), ви́домъ не видáть, а ны́нѣ рýсскій духъ въ очью [22]) появляется! Откóль идéшь, дóбрый мóлодецъ? и кудá путь дéржишь?“ — Эхъ ты стáрая вѣ́дьма! не накорми́ла, не напои́ла прохóжаго человѣ́ка, да ужъ вѣстéй спрáшиваешь. Бáба-ягá постáвила на столъ напи́тки и наѣ́дки [23]) рáзные, накорми́ла егó, напои́ла, и спать уложи́ла, а поутрý ранéхонько бýдитъ, и давáй [24]) распрáшивать. Ивáнъ-гостéный-сынъ разсказáлъ ей всю подногóтную, и прóситъ: „научи́, бáбушка, какъ до царя́ Некрещéнаго Лба дойдти́.“ — Ну, хорошó, что ты ко мнѣ зашéлъ, а то не бывáть бы [25]) тебѣ живóму: царь Некрещéный Лобъ крѣпко на тебя́ серди́тъ, что дóлго къ немý не явля́лся [26]). Послýшай-же, ступáй по этой тропи́нкѣ, и дойдéшь до прудá, спря́чься за дéрево и выжидáй врéмя; прилетя́тъ тудá три голуби́цы-крáсныя дѣви́цы, дóчери цáрскія; отвя́жутъ свои́ кры́лушки, поснимáютъ плáтья и стáнутъ въ прудý плескáться. У однóй кры́лушки бýдутъ пéстренькія; вотъ ты улучи́ минýточку и захвати́ ихъ къ себѣ, и до-тѣхъ-поръ не отда-

домо́й, всѣхъ перецѣлова́лъ, на ра́достяхъ поцѣлова́лъ и кре́стную мать, да и забы́лъ про Васили́су Прему́друю. Стои́тъ она́ бѣ́дная на доро́гѣ, дожида́ется; ждала́-ждала́ — не идётъ за ней Ива́нъ-гости́ный-сынъ; пошла́ въ го́родъ и наняла́сь въ рабо́тницы къ одно́й стару́шкѣ. А Ива́нъ-гости́ный-сынъ заду́малъ жени́ться, сосва́талъ себѣ́ невѣ́сту и затѣ́ялъ пиръ на весь міръ. Васили́са Прему́драя узна́ла про то, наряди́лась ни́щенкой [43]) и пошла́ на купе́ческій дворъ проси́ть ми́лостинку. „Погоди́, говори́тъ купчи́ха, я тебѣ́ ма́ленькій пирожо́къ испеку́; отъ большаго рѣ́зать не ста́ну.“ — И за то спаси́бо, ма́тушка! То́лько большо́й пиро́гъ пригорѣ́лъ, а ма́ленькой хоро́шъ вы́шелъ. Купчи́ха отдала́ ей погорѣ́лый пиро́гъ, а ма́ленькій за столъ подала́. Разрѣ́зали тотъ пирожо́къ — и то́тчасъ вылет[ѣли] изъ него́ два го́лубя. „Поцѣлу́й меня́,“ говори́тъ гу́лубь голу́бкѣ, [—] „Нѣтъ ты меня́ позабу́дешь, какъ забы́лъ Ива́нъ гости́ный-[сынъ] Васили́су Прему́друю! И въ друго́й, и въ трé́тій разъ говори́тъ го́лубь голу́бкѣ: „поцѣлу́й меня́!“ — Нѣтъ ты меня́ позабу́дешь, какъ забы́лъ Ива́нъ-гости́ный-сынъ Васили́су Прему́друю. Опо́мнился Ива́нъ-гости́ный-сынъ, узна́лъ — кто така́я ни́щенка, и говори́тъ отцу́, ма́тери и гостя́мъ: „вотъ моя́ жена́!“ — Ну, коли у тебя́ жена́, такъ и живи́ съ не́ю! Но́вую невѣ́сту бога́то одари́ли и домо́й отпусти́ли; а Ива́нъ-гости́ный-сынъ съ Васили́сою Прему́дрою стали жить-пожива́ть, да добра́ нажива́ть, ли́ха избыва́ть.

[1]) Прстр. вм. ка́ждый. [2]) вм. начала́. [3]) Снт. III. §. 68. Прим. 5). [4]) Снт. III. § 47. в.) Нкл. Снт. ст. 24. Прим. III. [5]) Прстр. вм. ихъ. [6]) Повторе́ніе предло́говъ осо́бо предъ и́менемъ существи́тельнымъ и осо́бо предъ относя́щимся къ нему́ прилага́тельнымъ есть осо́бенность наро́дной рѣ́чи. [7]) Бить чело́мъ — стари́нное выраже́ніе; зна́читъ: проси́ть съ таки́мъ ни́зкимъ покло́номъ, что лбомъ (ударя́ются) объ зе́млю. [8]) Обмапу́ла. [9]) Прстр. — такъ мно́го, что нельзя́ гла́зомъ обня́ть. [10]) Снт. III. § 10. 14). [11]) Снт. III. § 56. 19). Прим. 3.) [12]) пра́вильнѣе: изби́тый. [13]) Снт. III. § 17. 8). [14]) — вдругъ, ра́зомъ. [15]) Снт. III. § 50. 1) [16]) Прстр. — такъ что. [17]) Снт. III. § 35. 2.) Прим. 2). Нкл. Снт. ст. 35. [18]) т. е. или. [19]) Снт. III. § 56. 12). 3.) [20]) Снт. III. § 66. 4) а). [21]) Снт. III. § 65. 4) б.) [22]) Стари́нный паде́жъ двойственнаго числа́, вмѣ́сто въ оча́хъ. [23]) ку́шанья. [24]) Снт. III. § 66. 6). [25]) Снт. III. § 66. 4) в). [26]) Снт. III. § 54. 19). [27]) Прстр. внима́тельно наблюда́етъ. [28]) Снт. III. § 41. 5. г.) Нкл. Снт. ст. 79. [29]) Снт. III. § 66. 7) б). [30]) По ви́димому есть эллипти́ческій оборо́тъ вмѣ́сто по́лнаго ничего́ не было тако́го, что́ бы помогло́. [31]) вм. мо́жетъ быть. [32]) въ продолже́ніи одно́й но́чи. [33]) Сказо́чный оборо́тъ: Вы́ше, чѣмъ какъ лѣсъ росте́тъ и лишь нѣ́сколько ни́же того́, какъ облака́ хо́дятъ. [34]) Снт. III. § 54. 15). [35]) Снт. III. § 54. 16). [36]) отъ вре́мени до вре́мени. [37]) соверше́нно похо́жія одна́ на другу́ю. [38]) вся до одного́ пера́ схо́дны. [39]) Снт. III. § 18. 2). Нкл. Снт. ст. 89. [40]) Снт. III. 50. 9). [41]) Прстр. вм. во́все, соверше́нно. [42]) Снт. III. § 50. 8). [43]) Снт. III, § 14. 4.)

59. Неумойка.

Отслужи́лъ солда́тъ свою́ слу́жбу, отпусти́ли его́ въ чи́стую [1]). Вотъ онъ вы́шелъ на доро́гу, шелъ-шелъ, пріуста́лъ, сѣлъ у о́зера; сиди́тъ да ду́му ду́маетъ: „что́-же мнѣ́ тепе́рь дѣ́лать? Къ чо́рту

что́-ли въ рабо́тники наня́ться!“ То́лько вы́молвилъ э́ти рѣ́чи, а черте́нокъ ту́тъ-какъ-ту́тъ [2]) стои́тъ предъ нимъ, кла́няется: „здоро́во, слу́жба!“ — Тебѣ́ что на́до? — „Да не самъ ли ты захотѣ́лъ къ намъ въ рабо́тники наня́ться? Что́-жъ, служи́вый, найми́сь! жа́лованье большо́е дади́мъ.“ — А какова́ рабо́та? — „Рабо́та лёгкая, то́лько пятна́дцать лѣтъ не бри́ться, не стри́чься, носъ не утира́ть и одёжи не перемѣня́ть!“ — Ла́дно, говори́тъ солда́тъ; я возьму́сь за э́ту рабо́ту, но съ тѣ́мъ угово́ромъ, чтобы все мнѣ́ бы́ло гото́во, чего́ душа́ пожела́етъ! — „Ужъ э́то какъ во́дится! будь споко́енъ, за на́ми помѣ́шки не бу́детъ.“ — Ну, такъ по рука́мъ! Сейча́съ же перенеси́ меня́ въ большо́й столи́чный го́родъ да ку́чу де́негъ притащи́; ты вѣдь самъ зна́ешь, что э́того добра́ у солда́тъ безъ ма́лаго ничего́! Черте́нокъ бро́сился въ о́зеро, притащи́лъ ку́чу де́негъ и ми́гомъ перене́съ солда́та въ большо́й го́родъ; перене́съ — и бы́лъ-таковъ! [3]) „Вотъ на дурака́ напа́лъ? говори́тъ солда́тъ; ещё не служи́лъ, не рабо́талъ, а де́ньги взялъ.“ На́нялъ себѣ́ кварти́ру, не стрижётся, не брѣ́ется, но́са не утира́етъ, одёжи не перемѣня́етъ, живётъ-богатѣ́етъ; до того́ разбогатѣ́лъ, что не́куда ста́ло де́негъ дѣва́ть. Что́ дѣ́лать съ серебро́мъ да съ зо́лотомъ? „Дай-ка, взду́малъ онъ, начну́ помога́ть бѣ́днымъ; пусть за мою́ ду́шу мо́лятся.“ На́чалъ солда́тъ раздава́ть де́ньги бѣ́днымъ, и на пра́во даётъ, и на лѣ́во даётъ — а де́негъ [4]) у него́ не то́лько не убыва́етъ, а ещё прибавля́ется. Пошла́ объ немъ сла́ва по всему́ ца́рству, по всѣ́мъ лю́дямъ. Вотъ та́къ-то жилъ солда́тъ лѣтъ четы́рнадцать; на пятна́дцатомъ году́ не хвата́ло у царя́ казны́; велѣ́лъ онъ позва́ть къ себѣ́ э́того солда́та. Прихо́дитъ къ нему́ солда́тъ небри́тый, немы́тый, нечёсаный, одёжа не перемѣнена́. „Здра́вія жела́ю, ва́ше вели́чество!“ — Послу́шай, служи́вый! ты, говоря́тъ, всѣ́мъ лю́дямъ добро́ дѣ́лаешь; дай мнѣ́ хоть въ займы́ де́негъ. У меня́ на жа́лованье войска́мъ не хвата́етъ. Если дашь, сейча́съ тебя́ генера́ломъ пожа́лую. — „Нѣ́тъ, ва́ше вели́чество! я генера́ломъ быть не жела́ю; а коли хо́чешь жа́ловать, отда́й за меня́ одну́ изъ свои́хъ дочере́й, и бери́ тогда́ казны́, ско́лько на́добно.“ Тутъ коро́ль призаду́мался: и дочере́й жа́лко, и безъ де́негъ обойти́сь нельзя́. „Ну, говори́тъ, хорошо́; прикажи́ списа́ть съ себя́ патре́тъ [5]), я его́ дочеря́мъ покажу́ — кото́рая за тебя́ пойдётъ?“ Солда́тъ поверну́лся, велѣ́лъ списа́ть съ себя́ патре́тъ — точь-въ-точь, какъ онъ есть, и посла́лъ его́ къ царю́. У того́ царя́ бы́ло три до́чери; призва́лъ ихъ отёцъ, пока́зываетъ солда́тскій патре́тъ ста́ршей: „пойдёшь ли за него́ за́мужъ? онъ меня́ съ [6]) вели́кой нужды́ вы́ведетъ.“ Царе́вна ви́дитъ, что нарисо́вано страши́лище, волоса́ всклоко́чены, но́гти не вы́стрижены! „Не хочу́! говори́тъ; я лу́чше за чо́рта пойду́!“ А чортъ отку́да взя́лся — стои́тъ позади́ съ перо́мъ да съ бума́гой; услыха́лъ э́то и записа́лъ ея́

ду́шу. Спра́шиваетъ оте́цъ сере́днюю дочь: „пойде́шь за солда́та за́мужъ?“ — Ка́къ-же! я лу́чше въ дѣвкахъ просижу́, лу́чше съ чо́ртомъ пова́жусь [7]), чѣмъ за него́ идти́! Чортъ записа́лъ и другу́ю ду́шу. Спра́шиваетъ оте́цъ у меньшо́й до́чери; она́ ему́ отвѣча́етъ: „ви́дно судьба́ моя́ такова́! иду́ за него́ за́мужъ, а тамъ что Богъ дастъ!“ Царь обра́довался, посла́лъ сказа́ть солда́ту, чтобъ къ вѣнцу́ гото́вился, и отпра́вилъ къ нему́ двѣна́дцать подво́дъ за зо́лотомъ. Солда́тъ потре́бовалъ къ себѣ́ черте́нка: „вотъ двѣна́дцать подво́дъ — чтобы сейча́съ всѣ бы́ли зо́лотомъ насы́паны!“ Черте́нокъ побѣжа́лъ въ о́зеро, и пошла́ у нечи́стыхъ рабо́та; кто мѣшо́къ та́щитъ, кто два, живо́й руко́й насы́пали воза́ и отпра́вили къ царю́ во дворе́цъ. Царь попра́вился и на́чалъ звать къ себѣ́ солда́та почита́й [8]) ка́ждый день, сажа́лъ съ собо́ю за еди́ный столъ, вмѣ́стѣ съ нимъ и пилъ и ѣлъ. Вотъ пока́ гото́вились они́ къ сва́дьбѣ, прошли́ какъ разъ пятна́дцать лѣтъ: ко́нчился срокъ солда́тской слу́жбы. Зове́тъ онъ черте́нка и говори́тъ: „ну, слу́жба моя́ поко́нчилась; сдѣлай тепе́рь меня́ молодцо́мъ.“ Черте́нокъ изруби́лъ его́ на ме́лкія ча́сти, бро́силъ въ коте́лъ, и дава́й вари́ть; свари́лъ, вы́нулъ и собра́лъ все во-еди́но, какъ слѣдуетъ: ко́сточка въ ко́сточку, суста́вчикъ въ суста́вчикъ, жи́лка въ жи́лку; пото́мъ взбры́знулъ мёртвой и живо́й водо́ю — и солда́тъ всталъ таки́мъ молодцо́мъ, что ни въ ска́зкѣ сказа́ть, ни перо́мъ написа́ть [9]). Обвѣнча́лся онъ съ мла́дшею царе́вною, и ста́ли они́ жить-пожива́ть, добра́ нажива́ть; я на сва́дьбѣ былъ, медъ-пи́во пилъ, бы́ло у нихъ вино́ — выпива́лъ его́ по са́мое дно!

Прибѣжа́лъ черте́нокъ въ о́зеро; потре́бовалъ его́ дѣ́душка къ отчёту; „что́, ка́къ солда́тъ?“ — Отслужи́лъ свой срокъ вѣ́рно и че́стно: ни ра́зу не бри́лся, не стри́гся, оде́жду не перемѣня́лъ. Рассе́рдился на него́ дѣ́душка: „въ пятна́дцать лѣтъ, говори́тъ, не могъ соблазни́ть ты солда́та! что́ да́ромъ де́негъ потра́чено! како́й же ты чортъ послѣ э́того?“ и приказа́лъ бро́сить его въ смолу́ кипу́чую. „Посто́й дѣ́душка! отвѣча́етъ вну́чекъ; за солда́тскую ду́шу у меня́ двѣ запи́саны.“ — Ка́къ такъ? — „Да вотъ та́къ: заду́малъ солда́тъ на царе́внѣ жени́ться, такъ ста́ршая да сере́дняя сказа́ли отцу́, что лу́чше за чо́рта пойду́тъ за́мужъ, чѣмъ за солда́та! Ста́ло быть онѣ́ — на́ши!“ Дѣ́душка опра́вилъ черте́нка и велѣ́лъ его́ отпусти́ть: зна́етъ-де своё дѣ́ло!

[1]) Т. е. отста́вку. [2]) „туть какъ тутъ“ выража́етъ, подо́бно друго́му оборо́ту „отку́да взялся́“, внеза́пность и нечая́нность появле́нія. [3]) Нкл. Снт. ст. 201. 11.) [4]) Снт. III. § 47. 5.) 6.) Нкл. Снт. ст. 73. [5]) портре́тъ. [6]) Простон. вм. низъ. [7]) въ смы́слѣ: сойду́сь. [8]) вм. почти́. [9]) Снт. III. § 66. 4).

60. Дочь пастуха.

Въ нѣкоторомъ ца́рствѣ, въ нѣкоторомъ госуда́рствѣ жи́лъ-былъ царь; наску́чило ему́ ходи́ть холосто́му [1]), и заду́малъ жени́ться; до́лго пригля́дывался, до́лго присма́тривался, и ника́къ не могъ найдти́ себѣ́ невѣ́сты по́-сердцу. Въ одно́ вре́мя поѣ́халъ онъ на охо́ту и увида́лъ на́-полѣ: пасе́тъ скоти́ну крестья́нская дочь — така́я краса́вица, что ни въ ска́зкѣ сказа́ть, ни перо́мъ написа́ть, а друго́й та́кой во всемъ свѣ́тѣ не ныска́ть [2]). Подъѣ́халъ царь къ ней и говори́тъ ла́сково: здра́вствуй, кра́сная дѣ́вица! — „Здра́вствуй, госуда́рь!“ — Кото́раго отца́ ты дочь? — „Мой оте́цъ — пасту́хъ, недале́че [3]) живе́тъ.“ Царь разспроси́лъ про все подро́бно: — ка́къ зову́тъ ея́ отца́ и ка́къ слыве́тъ ихъ дере́вня, распроща́лся и поѣ́халъ прочь. Немно́го погодя́, день или два, пріѣзжа́етъ царь къ пастуху́ въ домъ: „здра́вствуй, до́брый человѣ́къ! я хочу́ на твое́й до́чери жени́ться.“ — Твоя́ во́ля, госуда́рь! — „А ты, кра́сная дѣ́вица, пойде́шь за меня́?“ — Пойду́! говори́тъ. „Только я беру́ тебя́ съ тѣ́мъ угово́ромъ, чтобъ ни одни́мъ сло́вомъ мнѣ́ не попере́чила; а коли ска́жешь супроти́въ хоть еди́ное слове́чко — то мой ме́чъ, твоя́ голова́ съ пле́чъ!“ Она́ согласи́лась. Царь приказа́лъ ей гото́виться къ сва́дьбѣ, а самъ разосла́лъ по всѣ́мъ окре́стнымъ госуда́рствамъ послóвъ, чтобъ съѣзжа́лись къ нему ко́роли́ и короле́вичи на пиръ на весе́лье. Собрали́сь го́сти; царь вы́велъ къ нимъ свою́ невѣ́сту въ просто́мъ дереве́нскомъ пла́тьѣ: „что, любе́зные го́сти, нра́вится ли вамъ моя́ невѣ́ста?“ — Ва́ше вели́чество! сказа́ли го́сти; коли тебѣ́ нра́вится, а намъ и пода́вно [4]). Тогда́ велѣ́лъ ей наряди́ться въ ца́рскіе убо́ры, и поѣ́хали къ вѣ́нцу́. Извѣ́стное дѣ́ло: у царя́ не пи́во вари́ть, не вино́ кури́ть — всего́ вдо́воль! Перевѣ́нча́лись и подня́ли пиръ на весь міръ: пили-ѣ́ли, гуля́ли и потѣ́ша́лись. Отпирова́ли, и за́чалъ царь жить съ свое́й молодо́й цари́цею въ любви́ и согла́сіи. Черезъ го́дъ вре́мени родила́ цари́ца сы́на, и говори́тъ ей царь гро́зное сло́во: „твоего́ сы́на уби́ть надо, а то сосѣ́дскіе короли́ смѣ́яться бу́дутъ, что всѣ́мъ мои́мъ ца́рствомъ завладѣ́етъ послѣ́ меня́ мужи́цкій сынъ!“ — Твоя́ во́ля! не могу́ тебѣ́ попере́чить, отвѣча́етъ бѣ́дная цари́ца. Царь взялъ ребе́нка, унёсъ отъ ма́тери и та́йно велѣ́лъ отвезти́ его́ къ свое́й сестрѣ́, пусть у ней росте́тъ до поры́ до вре́мени. Проше́лъ еще́ годъ — цари́ца родила́ ему́ дочь; царь опя́ть говори́тъ ей гро́зное сло́во: „на́добно изгуби́ть твою́ дочь; а то сосѣ́дніе короли́ смѣ́яться бу́дутъ, что она́ не царе́вна, а мужи́цкая дочь!“ — Твоя́ во́ля! дѣ́лай, что́ зна́ешь, не могу́ тебѣ́ попере́чить. Царь взялъ дѣ́вочку, унёсъ отъ бѣ́дной ма́тери и отосла́лъ къ свое́й сестрѣ́. Мно́го лѣ́тъ прошло́, мно́го воды́ утекло́; царе́вичъ съ царе́вною вы́росли: онъ

хорóшъ, онá еще лýчше — другóй такóй красáвицы нигдѣ́ не найтѝ! Царь собрáлъ своѝхъ дýмныхъ людéй, призвáлъ женý и сталъ говорѝть: „не хочý съ тобóй бóльше жить; ты — мужѝчка, а я — царь! Снимáй цáрскіе убóры, надѣвáй крестьянское плáтье и ступáй къ своемý отцý.“ Ни слóва не сказáла царѝца, снялá съ себя́ богáтые убóры, надѣ́ла стáрое крестья́нское плáтье, воротѝлась [5]) къ отцý и по прéжнему началá въ пóле скотѝну гоня́ть [6]). А царь задýмалъ на инóй женѝться; óтдалъ прикáзъ, чтобы все бы́ло къ свáдьбѣ готóво, и призвáвъ свою́ прéжнюю женý, говорѝтъ ей: „хорошéнько приберѝ у меня́ въ кóмнатахъ; я сегóдня невѣ́сту привезý.“ Онá убралá кóмнаты, стоѝтъ — дожидáется. Вотъ привéзъ царь невѣ́сту, за нимъ слѣ́домъ наѣ́хало гостéй вѝдимо-невѝдимо; сѣ́ли за столъ, стáли ѣ́сть-пить, веселѝться. „Что, хорошá ли моя́ невѣ́ста?“ спрáшиваетъ царь у прéжней жены́. — Отвѣчáетъ онá: éсли тебѣ́ хорошá, такъ мнѣ́ и подáвно! „Ну, сказáлъ ей царь, надѣвáй опя́ть цáрскіе убóры и садѝсь со мной ря́домъ; былá ты и бýдешь моéй женóю. А э́та невѣ́ста — дочь твоя́, а э́то — сынъ твой!“ Съ э́тихъ поръ нáчалъ царь жить съ своéю царѝцею безъ вся́кой хѝтрости, перестáлъ ее́ испы́тывать и до концá своéй жѝзни вѣ́рилъ ей во вся́комъ слóвѣ.

¹) Нкл. Снт. ст. 68. ²) Снт. Ш. § 66. 4). ³) простон. вм. не далекó. ⁴) Снт. Нкл. ст. 202. 35. ⁵) Снт. Ш. § 50. 8). ⁶) Снт. Ш. § 50. 9).

---

61. Солдатъ и колдунъ мертвецъ.

Отпустѝли одногó солдáта въ побы́вку на рóдину; вотъ онъ шелъ-шелъ, дóлго-ли, короткó ли, и сталъ къ своемý селý приближáться. Не далекó отъ селá жилъ мéльникъ на мéльницѣ; въ бывáлое врéмя солдáтъ водѝлъ съ нимъ большóе знакóмство; отчегó не зайтѝ къ пріятелю? Зашéлъ; мéльникъ встрѣ́тилъ егó лáсково, сейчáсъ винцá принéсъ, стáли распивáть да про своé житьé-бытьé толковáть. Дѣ́ло бы́ло къ вéчеру, а какъ погостѝлъ солдáтъ у мéльника — такъ и вóвсе смéрклось. Собирáется солдáтъ идтѝ на селó; а хозя́инъ говорѝтъ: „служѝвый! ночýй у меня́; тепéрь ужъ пóздно, да пожáлуй отъ бѣды́ не уйдéшь!“ — Чтó-такъ? — „Богъ наказáлъ! пóмеръ у насъ стрáшный колдýнъ; по ночáмъ встаéтъ изъ могѝлы, брóдитъ по селý и то творѝтъ, что на сáмыхъ смѣ́лыхъ страхъ нагнáлъ! Кáкъ-бы онъ тебя́ не потревóжилъ!“ — Ничегó! солдáтъ — казéнный человѣ́къ, а казéнное ни въ водѣ́ не тóнетъ, ни въ огнѣ́ не горѝтъ; пойдý, бóльно хóчется съ родны́ми поскорѣ́й увидáться. Отпрáвился; дорóга шла мѝмо клáдбища. Вѝдитъ — на могѝлѣ огонéкъ свѣ́титъ; „чтó такóе? дай посмотрю́.“ Подхóдитъ, а вóзлѣ огня́

колду́нъ сиди́тъ да сапоги́ точа́етъ. „Здоро́во братъ!" кри́кнулъ ему́ служи́вый. Колду́нъ взгляну́лъ и спра́шиваетъ: „ты́ сюда зачѣ́мъ? — Да — захотѣ́лось посмотрѣ́ть, что́ ты дѣ́лаешь. Колду́нъ бро́силъ свою́ рабо́ту и зове́тъ солда́та на сва́дьбу! — „Пойде́мъ!" Пришли́ на сва́дьбу; на́чали ихъ пои́ть, угоща́ть вся́чески. Колду́нъ пи́лъ-пилъ, гуля́лъ-гуля́лъ, и осе́рдился; прогна́лъ изъ избы́ всѣ́хъ госте́й и семе́йныхъ, усыпи́лъ повѣ́нчанныхъ, вы́нулъ два пузырька́ и ши́льце, ра́нилъ ши́льцемъ ру́ки жениха́ и невѣ́сты и набра́лъ ихъ кро́ви. Сдѣ́лалъ э́то и говори́тъ солда́ту: „тепе́рь пойде́мъ отсю́да." Вотъ и пошли́. На доро́гѣ солда́тъ спра́шиваетъ: „скажи́, для чего́ набра́лъ ты въ пузырьки́ кро́ви?" Для того́, чтобъ жени́хъ съ невѣ́стою по́мерли; за́втра никто ихъ не добу́дится! То́лько оди́нъ я́ зна́ю, какъ ихъ оживи́ть. „А какъ?" — На́до разрѣ́зать у жениха́ и невѣ́сты пя́ты и въ тѣ́ ра́ны влить опя́ть кровь — ка́жному [1]) свою́: въ пра́вомъ карма́нѣ спря́тана у меня́ кровь жениховá, а въ лѣ́вомъ невѣ́стина. Солда́тъ вы́слушалъ, сло́ва не пророни́лъ; а колду́нъ все хва́лится: „я, говори́тъ, что́ захочу́, то и сдѣ́лаю!" — Бу́дто съ тобо́й и сла́дить нельзя́? — „Какъ нельзя́? вотъ е́сли бъ кто на́бралъ костёръ оси́новыхъ дровъ во́ сто возо́въ, да сжёгъ меня́ на э́томъ кострѣ́, такъ мо́жетъ — и сла́дилъ бы со мно́ю! То́лько жечь меня́ на́до умѣ́ючи: въ то вре́мя полѣ́зутъ изъ мое́й утро́бы змѣ́и, че́рви и ра́зные га́ды, полетя́тъ га́лки, соро́ки и воро́ны; ихъ на́до лови́ть да въ костёръ броса́ть: если хоть оди́нъ червя́къ уйде́тъ, тогда́ ничто́ не помо́жетъ! Въ томъ червякѣ́ я ускользну́!" Солда́тъ вы́слушалъ и запо́мнилъ. Говори́ли-говори́ли и дошли́ наконе́цъ до моги́лы. „Ну, братъ! сказа́лъ колду́нъ, тепе́рь я тебя́ разорву́; а то — ты все́ разска́жешь." — Что́ ты! образу́мься. Какъ меня́ рвать? я Бо́гу и госуда́рю служу́. Колду́нъ заскрипѣ́лъ зуба́ми, завы́лъ и бро́сился на солда́та, а тотъ вы́хватилъ са́блю и сталъ на́-отмашь бить. Драли́сь-драли́сь, солда́тъ почти́ изъ силъ вы́бился; эхъ, ду́маетъ, ни-за-грошъ пропа́лъ! Вдругъ запѣ́ли пѣтухи́ — колду́нъ упа́лъ бездыха́ненъ. Солда́тъ вы́нулъ изъ его́ карма́новъ пузырьки́ съ кро́вью и пошёлъ къ свои́мъ ро́дичамъ. Прихо́дитъ, поздоро́вался; родны́е спра́шиваютъ: не вида́лъ ли ты, служи́вый, како́й трево́ги?" — Нѣ́тъ, не вида́лъ. „То́-то! а у насъ на селѣ́ го́ре: колду́нъ ходи́ть пова́дился." Поговори́ли и легли́ спать; на у́тро просну́лся солда́тъ и на́чалъ спра́шивать: „говоря́тъ, у васъ сва́дьба гдѣ́-то справля́ется?" Родны́е въ отвѣ́тъ: „была́ сва́дьба у одного́ бога́таго мужика́, то́лько и жени́хъ и невѣ́ста ны́нѣшней но́чью по́мерли, а отчего́? — неизвѣ́стно." — А гдѣ́ живе́тъ э́тотъ мужи́къ? Указа́ли ему́ домъ; онъ, не говоря́ ни сло́ва, пошёлъ туда́; прихо́дитъ и застаётъ все семе́йство въ слеза́хъ. „О чемъ горю́ете?" — Та́къ и та́къ, служи́вый! — „Я могу́ оживи́ть ва́шихъ моло́дыхъ,

что́ дади́те?“ Да хоть полови́ну имѣ́нья бери́! Солда́тъ сдѣ́лалъ такъ, какъ научи́лъ его́ колду́нъ, и оживи́лъ молоды́хъ; вмѣ́сто пла́ча нача́ла́сь ра́дость, весе́лье; солда́та и угости́ли и награди́ли. Онъ налѣ́во круго́мъ и ма́ршъ къ ста́ростѣ, наказа́лъ ему́ собра́ть крестья́нъ и пригото́вить сто возо́въ оси́новыхъ дровъ. Вотъ привезли́ дрова́ на кла́дбище, свали́ли въ ку́чу, вы́тащили колдуна́ изъ моги́лы, положи́ли на костёръ и зажгли́; а круго́мъ наро́дъ обступи́лъ — всѣ съ мётлами, лопа́тами, кочерга́ми. Костёръ обли́лся пла́менемъ, на́чалъ и колду́нъ горѣ́ть; утро́ба его ло́пнула, и полѣ́зли отту́да змѣ́и, че́рви и ра́зные га́ды, и полетѣ́ли отту́да воро́ны, соро́ки и га́лки: мужики́ бьютъ ихъ да въ ого́нь броса́ютъ, ни одному́ червяку́ не́-дали ускользну́ть. Такъ колду́нъ и сгорѣ́лъ! Солда́тъ то́тчасъ собра́лъ его́ пе́пелъ и развѣ́ялъ по́-вѣ́тру. Съ того́ вре́мени ста́ла на селѣ́ тишина́; крестья́не отблагодари́ли солда́та всѣ́мъ мі́ромъ; онъ по́былъ на ро́динѣ, нагуля́лся до́сыта и вороти́лся на ца́рскую слу́жбу съ де́нежками. Отслужи́лъ свой срокъ, вы́шелъ въ отста́вку и сталъ жи́ть-пожива́ть, добра́ нажива́ть, ху́да избыва́ть.

[1]) Простон. вм. ка́ждому.

62. Доброе слово.

Жи́лъ-былъ купе́цъ, да по́меръ; остава́лся у него́ сынъ Ива́нъ Несча́стный — въ большо́й бѣ́дности прожива́лъ. Пришёлся онъ по мы́сли одно́й дѣ́вицѣ, до́чкѣ бога́таго купца́; собрала́сь идти́ за него́ за́мужъ. Оте́цъ на́чалъ её остана́вливать: что́ ты за тако́го за бѣ́днаго за́мужъ идёшь? я тебя́ лу́чше за бога́таго отда́мъ. Она́ говори́тъ: „я не хочу́ за бога́таго; отда́йте меня́ хоть за бѣ́днаго, да жела́ннаго.“ Отдали её за бѣ́днаго да жела́ннаго. Говори́тъ она́ ка́къ-то Ива́ну Несча́стному: „поди́ въ го́родъ, купи́ мнѣ́ оди́нъ золотни́къ шёлку.“ Онъ пошо́лъ и купи́лъ; принёсъ своей женѣ́ шёлку. Она́ вы́вязала ковёръ тако́й сла́вный, что ни взду́мать ни взгада́ть, то́лько въ ска́зкѣ сказа́ть [1])! и говори́тъ му́жу: „поди́, прода́й ковёръ.“ Ива́нъ Несча́стный понёсъ въ ла́вку и сталъ продава́ть старичку́; а стари́чо́къ нака́зываетъ: „вы́шей ты мнѣ́ ещё тако́й ковёръ; я тебѣ́ зара́зъ де́ньги отда́мъ.“ Ива́нъ Несча́стный пошёлъ домо́й; спра́шиваетъ у него́ жена́: „что́ же про́далъ ковёръ?“ Онъ говори́тъ: я его́ купцу́ отда́лъ, а де́ньги по́слѣ отда́стъ; велѣ́лъ ещё тако́й же вы́шить ковёръ. — Ну, хорошо́! поди́, купи́ два золотника́ шёлку. Онъ купи́лъ; жена́ его́ вы́шила друго́й ковёръ вдво́е лу́чше того́, и посыла́етъ Ива́на Несча́стнаго продава́ть. Онъ понёсъ ковёръ къ пре́жнему купцу́. Говори́тъ ему́ купе́цъ: „вы́шей ты мнѣ́ тре́тій ковёръ; я тогда́ за всѣ́ ра́зомъ де́ньги отда́мъ.“

Купе́ческій сынъ поше́лъ домо́й; жена́ его́ спра́шиваетъ: „что́-же ты про́далъ ковёръ?“ Онъ говори́тъ, что купе́цъ велѣ́лъ ещё тре́тій вы́шить. Жена́ посыла́етъ купи́ть три золотника́ ше́лку: онъ отпра́вился въ го́родъ и купи́лъ три золотника́ ше́лку; а она́ вы́шила тре́тій ковёръ ещё лу́чше. Посыла́етъ Ива́на Несча́стнаго продава́ть; онъ понёсъ ковёръ опя́ть къ тому́-же купцу́. Купе́цъ взялъ и тре́тій ковёръ и говори́тъ: „что́ тебѣ́ де́ньгами заплати́ть, или возьмёшь съ меня́ три до́брыя сло́ва?“ Ива́нъ Несча́стный поду́малъ про себя́: „вотъ у моего́ отца́ мно́го де́негъ бы́ло, а всѣ́ пра́хомъ пошли́, да́й-ка лу́чше три сло́ва возьму́.“ И сказа́лъ ему́ стари́къ: „при ра́дости не ра́дуйся; при стра́сти не страши́сь; подними́ да не опусти́!“ Ива́нъ Несча́стный взялъ э́ти три сло́ва и поше́лъ домо́й. Ско́лько за ковры́ получи́лъ? спра́шиваетъ жена́. — Три до́брыя сло́ва взялъ: при ра́дости не ра́дуйся; при стра́сти не страши́сь; подними́ да не опусти́!

Поше́лъ Ива́нъ Несча́стный на корабли́ нанима́ться, и нанялся́ въ прика́щики на три́дцать кораблёй. Поплы́ли по си́нему мо́рю; плы́ли-плы́ли, вдругъ ни съ того́, ни съ сего́ останови́лись всѣ́ э́ти корабли́ и не иду́тъ съ мѣ́ста. Хозя́инъ сталъ посыла́ть въ во́ду водола́зовъ: „кто полѣ́зетъ да дѣ́ло испра́витъ, тому́ (говори́тъ) три корабля́ подарю.“ Ива́нъ Несча́стный вспо́мнилъ, что ему́ стари́къ сказа́лъ: при стра́сти не страши́сь! и согласи́лся лѣ́зть въ во́ду. Опусти́ли его́ на цѣпи́; ви́дитъ онъ, стои́тъ подъ водо́ю домъ, въ томъ до́мѣ сидя́тъ стари́къ и дѣ́вица, передъ ни́ми лежи́тъ оси́новая пла́ха, въ пла́хѣ топо́ръ торчи́тъ; крѣ́пко спо́рятъ они́ межъ собо́ю; дѣ́вица говори́тъ, что бло́во доро́же; стари́къ, что ста́ль доро́же. — Ста́ли они спра́шивать у Ива́на Несча́стнаго; что́ доро́же — бло́во или ста́ль? Отвѣча́етъ онъ: „ста́ль доро́же.“ То́тчасъ стари́къ ухвати́лъ топо́ръ и отруби́лъ дѣ́вицѣ го́лову, а Ива́ну Несча́стному далъ три брилліа́нтовыхъ ка́мушка. Вы́шелъ Ива́нъ Несча́стный изъ-подъ воды́; сейча́съ корабли́ поплы́ли; хозя́инъ о́тдалъ ему́ три корабля́. Поспо́рилъ Ива́нъ Несча́стный съ хозя́иномъ: у кого́ бо́льше това́ру? Хозя́инъ говори́тъ: „у меня́ на двадцати́ семи́ корабля́хъ бо́льше!“ а Ива́нъ Несча́стный говори́тъ: „у меня́ на трехъ бо́льше!“ Спо́рили-спо́рили и рѣши́ли у кого́ това́ру бо́льше, тому́ отда́ть всѣ́ корабли́; ста́ли смотрѣ́ть и нашли́ у Ива́на Несча́стнаго три ка́мушка брилліа́нтовые — цѣны́ ка́мушкамъ нѣтъ! Забра́лъ Ива́нъ Несча́стный всѣ́ три́дцать кораблёй и поплы́лъ въ чужі́я зе́мли; приста́лъ къ большо́му го́роду, вы́кинулъ флагъ, и распро́далъ свой това́ръ на мно́го ты́сячъ. Вороти́лся въ свою́ ро́дину и сталъ на я́коряхъ; тутъ всѣ́ горожа́не удиви́лися: ка́къ-такъ былъ Ива́нъ Несча́стный ни при-че́мъ, жилъ бѣ́дно, а тепе́рь, ско́лько кораблёй пригна́лъ. Прихо́дитъ Ива́нъ Несча́стный въ свой домъ и ви́дитъ: жена́ его́ съ до́брымъ мо́лодцемъ цѣлу́ется:

поднялъ саблю и хотѣлъ зарубить ихъ, да вспомнилъ доброе слово: подними да не опусти! сталъ свою жену распрашивать и узналъ, что тотъ молодецъ его сынъ: когда Иванъ Несчастный поѣхалъ на корабляхъ, втѣпоры [2]) жена безъ него родила! Обрадовался онъ, поздоровался и начали-себѣ жить да богатѣть.

[1]) Сит. III. 66. 4). [2]) Простон. вм. въ ту пору, въ то время, тогда.

---

63. Три копѣечки.

Жилъ-былъ купецъ именитый (богатый); въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человѣкъ и нанимается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчету; тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копѣечку, идетъ [1]) съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ [2]) въ воду. „Если, говоритъ, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копѣйка не утонетъ!“ Копѣечка утонула. Онъ опять пошелъ къ тому-же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ [3]) ему денегъ, сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копѣечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копѣечка утонула. Пошелъ въ третій разъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ еще больше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копѣечку, идетъ съ нею къ рѣкѣ и бросаетъ ее въ воду; глядь [4]) — всѣ три копѣечки поверхъ воды. Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ — къ обѣднѣ ѣдетъ [5]), онъ даетъ тому купцу копѣечку и проситъ свѣчу образамъ поставить. Купецъ взошелъ въ церковь, даетъ изъ кармана своего денегъ на свѣчи, и какъ-то обронилъ ту копѣечку на-полъ. Вдругъ отъ той копѣечки огонь возгорѣлъ; люди въ церкви изумились, спрашиваютъ: кто копѣечку обронилъ? Купецъ говоритъ: „я обронилъ, а мнѣ ее далъ на свѣчу какой-то работникъ.“ Люди взяли по свѣчѣ и зажгли отъ той копѣечки. А работникъ тѣмъ временемъ продолжаетъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадается ему другой купецъ — на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ карману копѣечку, отдаетъ купцу и говоритъ: „купи мнѣ на эту копѣечку на ярмаркѣ товару.“ Купецъ взялъ, накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще искупить? и вспомнилъ про копѣечку. Вспомнилъ и не знаетъ, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчикъ, продаетъ кота, и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копѣечку; купецъ не нашелъ другаго товару и купилъ кота. Поплылъ онъ на корабляхъ въ иное государство торгъ [6])

торговáть; а на госудáрство напáлъ великíй гнусъ [7]). Стáли корабли́ въ при́стани; кóтикъ то и дѣ́ло изъ корабля́ выбѣгáетъ, гнусъ поѣдáетъ. Узнáлъ про то царь, спрáшиваетъ купцá: „дóрогъ ли э́тотъ звѣ́рь?“ Купéцъ говори́тъ: не мой э́то звѣ́рь, мнѣ́ велѣ́лъ его́ купи́ть оди́нъ молодéцъ — и нарóчно мóлвилъ, что стóитъ трехъ кораблéй. Царь óтдалъ три корабля́ купцу́, а кóтика себѣ́ взялъ. Вороти́лся купéцъ назáдъ, а рабóтникъ вы́шелъ на ры́нокъ, нашéлъ его́, и говори́тъ: купи́лъ ли ты мнѣ́ на копѣ́ечку товáру?“ Купéцъ отвѣчáетъ: „нельзя́ потаи́ть — купи́лъ три корабля́!“ Рабóтникъ взялъ три корабля́ и поплы́лъ пó-морю. Дóлго-ли коротко́-ли — приплы́лъ къ óстрову; на томъ óстровѣ стои́тъ дубъ; онъ взлѣ́зъ на него́ ночевáть и слы́шитъ: внизу́ подъ ду́бомъ хвáстается Ерáхта [8]) свои́мъ товáрищамъ, что вотъ зáвтра срéди бѣ́ла дня укрáдетъ онъ у царя́ дочь.

Товáрищи ему́ говоря́тъ: „если ты не утáщишь, то мы тебя́ всего́ желѣ́зными пру́тьями исхлéщемъ!“ Послѣ́ того́ разговóра они ушли́; рабóтникъ слѣ́зъ съ ду́ба и идéтъ къ царю́; пришéлъ въ палáты, вы́нулъ изъ кармáна послѣ́днюю копѣ́ечку и зажéгъ её. Ерáхта прибѣжáлъ къ царю́, и никáкъ не смóжетъ укрáсть его́ дóчери; вороти́лся ни съ чѣ́мъ къ брáтьямъ, а они́ давáй его́ хлестáть желѣ́зными пру́тьями: хлестáли-хлестáли и брóсили въ невѣ́домое мѣ́сто! А рабóтникъ жени́лся на царéвнѣ и сталъ себѣ́ жить-поживáть, добрá наживáть.

[1]) Снт. III. § 50. 22). [2]) Снт. III. § 54. 1). [3]) Снт. III. § 54. 2). [4]) Нкл. Снт. ст. 189. [5]) Снт. III. § 35. Прим. 4). [6]) Снт. III. § 42 1.) а). Нкл. Снт. ст. 51. Прим. II. [7]) мыши, крысы. [8]) чортъ.

64. Горе.

Въ однóй дереву́шкѣ жи́ли два мужикá [1]), два родны́е брáта: оди́нъ былъ бѣ́дный, другóй богáтый. Богáтый переѣ́халъ на житьё въ гóродъ, вы́строилъ себѣ́ большóй домъ и записáлся въ купцы́ [2]); а у бѣ́днаго инóй разъ нѣ́тъ ни кускá хлѣ́ба, а ребяти́шки — малъ-мáла-мéньше [3]) — плáчутъ да ѣ́сть прóсятъ. Съ утрá дó-вечера бьётся мужи́къ какъ ры́ба объ ледъ, а все ничего́ нѣ́тъ. Говори́тъ онъ однова́ [4]) своéй женѣ́: „дáйка [5]) пойду́ въ гóродъ, попрошу́ у брáта: не помóжетъ ли чѣ́мъ [6])?“ Пришéлъ къ богáтому: „ахъ, брáтецъ роди́мый! помоги́ скóлько-нибудь моему́ гóрю; женá и дѣ́ти безъ хлѣ́ба сидя́тъ, по цѣ́лымъ днямъ голодáютъ.“ — Порабóтай у меня́ э́ту недѣ́лю, тогдá и помогу́! Что дѣ́лать? приня́лся бѣ́дный за рабóту: и дворъ чи́ститъ, и лошадéй хóлитъ, и вóду вóзитъ, и дровá ру́битъ. Черезъ недѣ́лю даéтъ ему́ богáтый одну́ ковригу хлѣ́ба: „вотъ тебѣ́ за труды́!“ — И за тó спаси́бо! сказáлъ бѣ́дный,

поклонился и хотѣлъ-было [7]) домой идти. „Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра — мои имянины.“ — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ прійдутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ. — „Ничего приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.“ — Хорошо, братецъ! прійду. Воротился бѣдный домой, отдалъ женѣ коврнгу, и говоритъ: „слушай, жена! назавтра насъ съ тобой въ гости звали.“ — Какъ въ гости? кто звалъ? — „Братъ; онъ завтра имянинникъ.“ — Ну, что-жъ! пойдемъ. На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло, всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ — ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ и ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдный тоже — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые, шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; „давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!“ Эхъ ты дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? „Ну, все-таки у брата на имянинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно итти. Какъ я запою, такъ всякій подумаетъ, что и меня угостили...“ — Ну пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: „это ты мнѣ пособляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?“ — Что съ тобой? я вовсе и не думала. „Такъ кто-жъ?“ — Не знаю! сказала баба; а ну запой! Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: „это ты, Горе, отозвалось?“ — „Да хозяинъ! это я пособляю.“ — Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. „Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану.“ Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: „у меня денегъ нѣтъ!“ — Охъ ты мужичекъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по-боку.... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. „Денегъ нѣтъ!“ говоритъ мужикъ. „Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!“ Нечего [8]) дѣлать, не отбиться [9]) мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться: мужикъ пропилъ и борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже

и́збу свою́ сосе́ду заложи́лъ, а де́ньги въ каба́къ снесъ. Го́ре опя́ть пристае́тъ къ нему́: „пойде́мъ да пойде́мъ въ каба́къ!“ — Нѣтъ, Го́ре! во́ля твоя́, а бо́льше тащи́ть не́чего. „Какъ не́чего? у твое́й жены́ два сарафа́на: оди́нъ оста́вь, а друго́й пропи́ть на́добно.“ Мужи́къ взялъ сарафа́нъ, про́пилъ и ду́маетъ: „вотъ когда́ чистъ! ни кола́, ни двора́, ни на себѣ́, ни на женѣ́.“

Поутру́ просну́лось Го́ре, ви́дитъ, что у мужика́ не́чего бо́льше взять, и говори́тъ: „хозя́инъ!“ — Что, Го́ре? — „А вотъ-что: ступа́й къ сосе́ду, попроси́ у него́ па́ру воло́въ съ телѣ́гою.“ Поше́лъ мужи́къ къ сосе́ду: „дай, про́ситъ, на вре́мячко па́ру воло́въ съ телѣ́гою; я на тебя́ хоть недѣ́лю за то прорабо́таю.“ — На что тебѣ́? — „Въ лѣсъ за дрова́ми съѣ́здить.“ — Ну, возьми́; то́лько невели́къ возъ накла́дывай. — „И что ты, корми́лецъ!“ Приве́лъ па́ру воло́въ, сѣлъ вмѣ́стѣ съ Го́ремъ на телѣ́гу и поѣ́халъ въ чи́стое по́ле. „Хозя́инъ! спра́шиваетъ Го́ре, зна́ешь ли ты на э́томъ по́лѣ большо́й ка́мень?“ — Какъ не знать! — „А когда́ зна́ешь, поѣзжа́й пря́мо къ нему́.“ Пріѣ́хали они́ на то мѣ́сто, останови́лись и вы́лѣзли изъ телѣ́ги. Го́ре вели́тъ мужику́ поднима́ть ка́мень; мужи́къ поднима́етъ, Го́ре пособля́етъ; вотъ по́дняли, а подъ ка́мнемъ я́ма — полна́ зо́лотомъ насы́пана. „Ну что гляди́шь? ска́зываетъ Го́ре мужику́; таска́й [10]) скорѣ́й въ телѣ́гу.“ Мужи́къ принялся за рабо́ту и насы́палъ телѣ́гу зо́лотомъ, все изъ я́мы повы́бралъ [11]) до послѣ́дняго черво́нца; ви́дитъ, что ужъ бо́льше ничего́ не оста́лось, и говори́тъ: „посмотри́-ка, Го́ре, ника́къ, тамъ еще де́ньги оста́лись?“ Го́ре наклони́лось: „гдѣ́? я что́-то не ви́жу!“ — Да вонъ въ углу́ свѣ́тятся! „Нѣтъ, не ви́жу.“ — Полѣза́й въ я́му, такъ и уви́дишь. Го́ре полѣ́зло въ я́му; то́лько что опусти́лось туда́, а мужи́къ и накры́лъ его́ ка́мнемъ. Вотъ э́дакъ-то лу́чше бу́детъ! сказа́лъ мужи́къ; не то коли взять тебя́ съ собо́ю, такъ ты, Го́ре горемы́чное, хоть не ско́ро, а все́-же пропьёшь и э́ти де́ньги!“ Пріѣ́халъ мужи́къ домо́й, свали́лъ де́ньги въ подва́лъ, воло́въ отве́лъ къ сосе́ду, и сталъ ду́мать, какъ-бы себя́ устро́ить; купи́лъ лѣ́су, вы́строилъ больші́я хоро́мы и за́жилъ [12]) вдво́е бога́че своего́ бра́та. До́лго-ли, коротко́-ли поѣ́халъ онъ въ го́родъ, про́ситъ своего́ бра́та съ жено́й къ себѣ́ на имяни́ны. „Вотъ что вы́думалъ! сказа́лъ ему́ бога́тый братъ; у самого́ ѣсть не́чего, а ты еще имяни́ны справля́ешь!“ — Ну, когда́-то бы́ло не́чего ѣсть, а тепе́рь, сла́ва Бо́гу! имѣ́ю не ме́ньше твоего́; пріѣзжа́й — уви́дишь. — „Ла́дно, пріѣ́ду!“ На друго́й день бога́тый братъ собра́лся съ жено́ю и поѣ́хали на имяни́ны; смо́трятъ: а у бѣ́днаго-то голыша́ хоро́мы но́вые, высо́кіе; не у вся́каго купца́ такі́е есть! Мужи́къ угости́лъ ихъ, упо́дчивалъ вся́кими наѣ́дками, напои́лъ вся́кими меда́ми и ви́нами. Спра́шиваетъ бога́тый у бра́та: „скажи́, пожа́луй, каки́ми судьба́ми разбогатѣ́лъ ты?“

Мужи́къ разсказа́лъ ему́ по чи́стой со́вѣсти, какъ привяза́лось къ нему́ Го́ре горемы́чное, какъ про́пилъ онъ съ Го́ремъ въ кабакѣ́ все своё добро́ до послѣ́дней ни́тки: то́лько и оста́лось, что душа́ въ тѣ́лѣ! какъ Го́ре указа́ло ему́ кладъ въ чи́стомъ по́лѣ, какъ онъ забра́лъ э́тотъ кладъ, да отъ Го́ря изба́вился.

Зави́стно ста́ло бога́тому; дай, ду́маетъ, поѣ́ду въ чи́стос по́ле, подниму́ ка́мень да вы́пущу Го́ре, пусть оно́ до тла разори́тъ бра́та, чтобъ не смѣ́лъ передо мной свои́мъ бога́тствомъ чва́ниться! Отпусти́лъ свою́ жену́ домо́й, а самъ въ по́ле погна́лъ; подъѣ́халъ къ большо́му ка́мню, своротилъ его́ въ сто́рону и наклоня́ется посмотрѣ́ть, что́ тамъ подъ ка́мнемъ? Не успѣ́лъ поря́дкомъ головы́ нагну́ть — а ужъ Го́ре вы́скочило и усѣ́лось ему́ на ше́ю: „а! кричи́тъ, ты хотѣ́лъ меня́ здѣ́сь умори́ть! Нѣ́тъ, тепе́рь я отъ тебя́ ни за что не отста́ну.“ — Послу́шай, Го́ре! сказа́лъ купе́цъ; во́все не я засади́лъ тебя́ подъ ка́мень... „А кто́-же, какъ не ты?“ — Это мой братъ тебя́ засади́лъ, а я наро́чно пришёлъ, чтобъ тебя́ вы́пустить. — „Нѣ́тъ! врешь! оди́нъ разъ обману́лъ, въ друго́й не обма́нешь!“ Крѣ́пко насѣ́ло Го́ре бога́тому купцу́ на ше́ю, привёзъ онъ его́ домо́й, и пошло́ у него́ все хозя́йство вкривь да вкось. Го́ре ужъ съ утра́ за своё приинима́ется, ка́жной [13]) день зовётъ купца́ опохмѣли́ться; мно́го добра́ въ каба́къ ушло́! „Эдакъ несхо́дно жить! ду́маетъ про себя́ купе́оъ; кажи́сь [14]), дово́льно потѣ́шилъ я Го́ре; пора́-бъ и разста́ться съ нимъ, да какъ?“ Ду́малъ-ду́малъ, и вы́думалъ: пошёлъ на широ́кій дворъ, обтеса́лъ два дубо́выхъ клина, взялъ но́вое колесо́ и на́крѣпко вбилъ клинъ съ одного́ конца́ въ ту́лку. Прихо́дитъ къ Го́рю: „что ты Го́ре, все на боку́ лежи́шь?“ — А что-жъ мнѣ́ бо́льше дѣ́лать? — „Что дѣ́лать! пойдёмъ на дворъ въ гулю́чки [15]) игра́ть.“ А Го́ре и ра́до; вы́шли на дворъ. Сперва́ купе́цъ спря́тался — Го́ре сейча́съ его́ нашло́; послѣ́ того́ черёдъ Го́рю пря́таться: „ну, говори́тъ, меня́ не ско́ро найдёшь! я хоть въ каку́ю щель забью́сь!“ — Куда́ тебѣ́! отвѣча́етъ купе́цъ; ты въ это колесо́ не влѣ́зешь, а то — въ щель! — „Въ колесо́ не влѣ́зу? смотри́-ка, еще какъ спря́чусь!“ Влѣ́зло Го́ре въ колесо́; купе́цъ взялъ да и съ друга́го конца́ заби́лъ въ ту́лку дубо́вый клинъ, по́днялъ колесо́ и забро́силъ его́ вмѣ́стѣ съ Го́ремъ въ рѣ́ку. Го́ре потону́ло, а купе́цъ сталъ жить по ста́рому по пре́жнему.

[1]) Снт. III. § 28. 2). [2]) Нкл. Снт. ст. 59. [3]) Снт. III. § 17. 10). Прим. 5.) [4]) Прстр. вм. одна́жды. [5]) Снт. III. § 65. 1). [6]) Снт. III. § 38. 6). [7] Нкл. Снт. ст. 187. [8]) Снт. III. § 38. 9. Прим. I.) Нкл. Снт. ст. 34. Прим. II. [9]) Снт. III. 47. 5. а). Нкл. Снт. ст. 68. [10]) Снт. III- § 50. 21). [11]) Снт. III. § 56. 12. 1). [12]) Снт. III. § 56. 6. 2). [13]) Прстр. вм. ка́ждый. [14]) Прстр. вм. ка́жется. [15]) То́же, что въ пря́танье, въ пря́тки.

65. Солдатъ и черти.

Загна́ли солда́та на да́льнія грани́цы; прослужи́лъ онъ поло́женный срокъ, получи́лъ чи́стую отста́вку и поше́лъ на ро́дину. Шелъ онъ чрезъ мно́гія зе́мли, чрезъ ра́зныя госуда́рства; прихо́дитъ въ одну́ столи́цу и остана́вливается на кварти́рѣ у бѣ́дной стару́шки. На́чалъ её разспра́шивать; „какъ у васъ, ба́бушка, въ госуда́рствѣ — все́-ли здоро́во?“ — И-и, служи́вой! у на́шего царя́ есть дочь-краса́вица Ма́рѳа-царе́вна; сва́тался за нее́ чужестра́нный принцъ; царе́вна не захотѣ́ла за него́ идти́, а онъ напусти́лъ на нее́ нечи́стую си́лу. Вотъ ужъ тре́тій годъ немо́жетъ! Не дае́тъ ей нечи́стая си́ла по ноча́мъ споко́ю [1]; бье́тся серде́чная и кричи́тъ безъ па́мяти... Ужъ чего́ царь ни дѣ́лалъ: и колдуно́въ и знахаре́й приводи́лъ — никто́ не изба́вилъ! Вы́слушалъ э́то солда́тъ, и ду́маетъ самъ съ собо́й: „дай пойду, сча́стья попыта́ю; мо́жетъ, и изба́влю царе́вну! царь хоть что́-нибудь на доро́гу пожа́луетъ.“ Взялъ шинель, вы́чистилъ пу́говицы мѣ́ломъ, надѣ́лъ и маршъ во дворе́цъ. Увида́ла его́ придво́рная прислу́га, узна́ла — зачѣ́мъ иде́тъ, подхвати́ла по́дъ-руки и привела́ къ самому́ царю́. „Здра́вствуй, слу́жба! что хоро́шаго [2]) ска́жешь?“ говори́тъ царь.

— Здра́вія жела́ю, ва́ше ца́рское вели́чество! слы́шалъ я, что у васъ Ма́рѳа-царе́вна хвора́етъ; я могу́ её вы́лѣчить. — „Хорошо́, бра́тецъ! коли вы́лѣчишь, я тебя́ съ ногъ до головы́ зо́лотомъ осы́плю.“ — Только прикажи́те, ва́ше вели́чество, выдава́ть мнѣ все, что тре́бовать ста́ну. — „Говори́, что́ тебѣ́ на́добно?“ — Да вотъ да́йте мнѣ мѣ́ру чугу́нныхъ пуль, мѣ́ру гре́цкихъ орѣ́ховъ, фунтъ свѣче́й и двѣ коло́ды картъ, да изла́дьте мнѣ чугу́нный прутъ, чугу́нную цара́пку о пяти́ зу́бьяхъ да чугу́нное подо́біе человѣ́ка съ пружи́нами. „Ну, хорошо́: къ за́втраму [3]) все бу́детъ гото́во.“ Вотъ изгото́вили, что́ на́до; солда́тъ за́перъ во дворцѣ́ всѣ о́кна и двѣ́ри на́крѣпко и закрести́лъ ихъ правосла́внымъ кресто́мъ, только одну́ дверь оста́вилъ незаперто́й, и сталъ возлѣ́ нея́ на часа́хъ; ко́мнату освѣти́лъ свѣча́ми, на столъ положи́лъ ка́рты, а въ карма́ны насы́палъ чугу́нныхъ пуль да гре́цкихъ орѣ́ховъ. Упра́вился и ждетъ. Вдругъ въ са́мую по́лночь прилетѣ́лъ нечи́стый духъ: куда́ ни су́нется, не мо́жетъ войти́! Лета́лъ-лета́лъ круго́мъ дворца́, и увида́лъ наконе́цъ отворе́ну [4]) дверь; ски́нулся [5]) человѣ́комъ и хо́четъ войти́. „Кто́ иде́тъ?“ окли́кнулъ солда́тъ. — Пусти́, служи́вый! я придво́рный лаке́й. — „Гдѣ́-же ты, халде́йская ха́ря, до сихъ поръ таска́лся? [6]) — А гдѣ былъ, тамъ тепе́рь нѣ́ту! Дай-ка мнѣ орѣ́шковъ погры́зть? — „Мно́го васъ тутъ халде́евъ! всѣхъ по орѣ́ху одѣли́ть, самому́ ничего́ не оста́нется.“ — Дай пожа́луста! — „Ну, возьми́!“ и дае́тъ ему́ пу́лю. Чортъ взялъ въ ротъ пу́лю, дави́лъ-дави́лъ зуба́ми, въ ле-

пéшку её смялъ, а разгрызть — не разгрызъ. Покá онъ съ чугýнною пýлей возúлся, солдáтъ орѣховъ съ двáдцать разгрызъ да съѣлъ. „Эхъ, служúвый! говорúтъ чортъ; крѣпки у тебя зýбы!“— Плохъ ты я вúжу! отвѣчáлъ солдáтъ; вѣдь я двáдцать пять лѣтъ царю прослужúлъ, надъ сухарями зýбы притупúлъ, а ты-бъ посмотрѣлъ: какóвъ съ молодыхъ годóвъ я былъ! — „Давáй, служúвый, въ кáрты игрáть.“ — А на что игрáть-то стáнемъ? — „Извѣстно — на дéньги.“ — Ахъ ты халдéйская хáря! ну, какíя у солдáта дéньги? онъ всегó жáлованья — три дéнежки въ сýтки получáетъ, а нáдо емý и мыла и вáксы, и мѣлу и клéю купúть, и въ бáню сходúть. Хóчешь — на щелчкú игрáть. — „Пожáлуй!“ Нáчали на щелчкú игрáть. Чортъ наигрáлъ на солдáта три щелчкá: „давáй, говорúтъ, бить стáну!“ — Догоняй до десятку, тогдá и бей; изъ трехъ щелчкóвъ нéчего рукъ марáть! — „Лáдно!“ Стáли опять игрáть; пришéлъ солдáту крестóвый хлюстъ и нагнáлъ онъ на нечúстаго дéсять щелчкóвъ: „нý-ка, говорúтъ чóрту, подставляй свой лобъ; я покажý тебѣ, каковó съ нáшимъ брáтомъ на щелчкú игрáть! По-солдáтски урѣжу! И дрýгу, и нéдругу закáжешь!...“ Чортъ взмолúлся, прóситъ, чтобъ солдáтъ полéгче егó билъ. „Тó-то! съ вáми халдéями тóлько свяжúсь, самъ не радъ бýдешь; какъ дѣло къ расчéту — такъ сейчáсъ и отлынивать! А мнѣ никóимъ спóсобомъ нельзя тебя пощадúть: я — солдáтъ и давáлъ присягу завсегдá поступúть вѣрою и прáвдою.“ — Возьмú, служúвый, дéньгами! — „А на что мнѣ твой дéньги? я игрáлъ на щелчкú — щелчкáми и платú. Развѣ вóть-что: есть у меня меньшóй братъ, пойдéмъ-ка къ немý — онъ пробьéтъ тебѣ щелчкú потúше моегó; а если не хóчешь, давáй — я самъ стáну бить!“ — Нѣтъ, служúвый! ведú лýчше къ меньшóму брáту. Солдáтъ привéлъ нечúстаго къ чугýнному человѣку, трóнулъ за пружúну, да какъ щéлкнетъ чóрта по лбу — тотъ áжно [7]) въ другýю стѣну отлетѣлъ; а солдáтъ ухватúлъ егó зá-руку: „стой! ещé дéвять щелчкóвъ за тобóю.“ Трóнулъ въ другóй разъ пружúну да такъ урѣзалъ, что чортъ кýбаремъ покатúлся да чуть-чуть стѣны́ не пробúлъ! А въ трéтій разъ отбрóсило нечúстаго прямо въ окнó: вышибъ онъ рáму, выскочилъ вонъ и навострúлъ лыжи. Пóмни, проклятый! кричúтъ солдáтъ, за тобóй ещé семь щелчкóвъ остáлось! А чóртъ-то улепéтываетъ, ажъ [7]) пяткáми въ спúну достаéтъ. На ýтро спрáшиваетъ царь Мáрѳу-царéвну: „ну что — каковó ночь проводúла?“ — Спокóйно, госудáрь-бáтюшка!

На другýю ночь отрядúлъ сатанá во дворéцъ инóго чóрта; вишь, онú ходúли [8]) стращáть да мýчить царéвну по óчереди. Досталось и э́тому на орѣхи! Въ тринáдцать ночéй перебывáло у солдáта тринáдцать нечúстыхъ въ передѣлкѣ, и всѣмъ равнó тýго пришлóсь! Ни одúнъ въ другóй разъ идтú не хóчетъ. „Ну, внýчки!

говори́тъ имъ дѣ́душка-сатана́, я самъ тепе́рь пойду́.“ Пришёлъ сатана́ во дворе́цъ, и ну [9]) съ солда́томъ разгова́ривать: то-другóе, пя́тое-деся́тое, ста́ли въ ка́рты игра́ть; солда́тъ обыгра́лъ егó и повéлъ къ меньшóму бра́ту щелчка́ми угоща́ть. Привéлъ, подави́лъ пружи́ны, меньшóй братъ обхвати́лъ сатану́ чугу́нными рука́ми да та́къ-таки плóтно, что ему́ ни вза́дъ, ни вперéдъ нельзя́ пошевели́ться. Солда́тъ схвати́лъ чугу́нный прутъ и дава́й хлеста́ть; бьетъ сатану́ да пригова́риваетъ: „вотъ тебѣ́ въ ка́рты игра́ть! вотъ тебѣ́ Марѳу-царéвну му́чить!“ Исхлеста́лъ чугу́нный прутъ, и взялся́ цара́пкой строга́ть; сатана́ благи́мъ ма́томъ ревéтъ, а солда́тъ зна́й-себѣ́ дерéтъ, и такъ егó дóнялъ, что тотъ какъ вы́рвался — безъ огля́дки убѣжа́лъ! Верну́лся въ своé бóлото, óхаетъ: „ахъ, вну́чки! чуть было солда́тъ дó-смерти не уби́лъ!“ — Тó-то, дѣ́душка! вишь онъ какóй мудрéной! вотъ ужъ двѣ недѣ́ли, какъ я во дворцѣ́ былъ, а все голова́ трещи́тъ! да еще спаси́бо, что не самъ билъ, а меньша́го бра́та заставля́лъ!... Вотъ ста́ли чéрти приду́мывать, какъ-бы вы́жить имъ изъ дворца́ э́того солда́та. Ду́мали-ду́мали и рѣши́лись зóлотомъ откупи́ться. Прибѣжа́ли къ солда́ту ра́зомъ всѣ; тотъ увида́лъ, испуга́лся и закрича́лъ грóмкимъ гóлосомъ: „эй, братъ! ступа́й сюда́ скорѣ́е, должники́ пришли́, надо щелчки́ дава́ть.“ — Пóлно-пóлно, служи́вый! мы пришли́ къ тебѣ́ о дѣ́лѣ потолкова́ть; скóлько хóчешь, возьми́ съ насъ зóлота — только вы́йди изъ дворца́! — „Нѣтъ! что мнѣ́ зóлото! Ужъ коли хоти́те услужи́ть мнѣ́, такъ полѣза́йте всѣ въ ра́нецъ; я слыха́лъ, что нечи́стая си́ла бóльно хитра́ — хоть въ щель, и то влѣ́зетъ! Вотъ коли э́то сдѣ́лаете, пра́во уйду́ изъ дворца́!“ Чéрти обра́довались: „ну служи́вый! открыва́й свой ра́нецъ.“ Солда́тъ откры́лъ; они́ и полѣ́зли туда́ всѣ до еди́наго, сатана́ свéрху легъ. „Укла́дывайтесь плотнѣ́е, говори́тъ солда́тъ, чтобъ мóжно бы́ло на всѣ пря́жки застегну́ть.“ — Застéгивай, не твоя́ печа́ль! — „Сча́стье вамъ, коли застегну́, а не тó, не прогнѣ́вайтесь, ни-за́-что изъ дворца́ не вы́йду!“ Вотъ солда́тъ взялъ — застегну́лъ ра́нецъ на всѣ пря́жки, перекрести́лъ егó, надѣ́въ на себя́ и пошёлъ къ царю́: „ва́ше ца́рское вели́чество! прика́жите изготóвить три́дцать желѣ́зныхъ мóлотовъ, ка́ждый мóлотъ въ три пу́да.“ Царь óтдалъ прика́зъ: сейча́съ изготóвили три́дцать мóлотовъ. Солда́тъ принéсъ ра́нецъ въ ку́зницу, положи́лъ на на́ковальню и велѣ́лъ бить, какъ мóжно сильнѣ́е. Плóхо пришлóсь чертя́мъ, а вы́лѣзть ника́къ нельзя́! Угости́лъ ихъ солда́тъ на-сла́ву! „Тепéрь довóльно!“ Вски́нулъ ра́нецъ на́-плечи и яви́лся къ царю́ съ докла́домъ: „слу́жба-де моя́ кóнчена; бóльше нечи́стая си́ла не ста́нетъ царéвны тревóжить.“ Царь поблагодари́лъ егó: „молодéцъ служи́вый! ступа́й-гуля́й по всѣ́мъ кабака́мъ и тракти́рамъ, трéбуй что тóлько душѣ́ угóдно; ни въ чемъ тебѣ́ нѣ́тъ запрéту!“ И приста́вилъ къ нему

царь двухъ писаре́й, чтобы всю́ду за нимъ ходи́ли да запи́сывали на казе́нный счетъ, гдѣ ско́лько солда́тъ нагуля́етъ. Вотъ онъ гуля́лъ-гуля́лъ, цѣ́лый мѣ́сяцъ прогуля́лъ, и поше́лъ къ царю́. „Что́, слу́жба, нагуля́лся?“ — Нагуля́лся, ва́ше величестве! хочу́ домо́й идти́. — „Что́ ты! остава́йся-ка у насъ; я тебя́ пе́рвымъ человѣ́комъ сдѣ́лаю.“ — Нѣ́тъ, госуда́рь! хо́чется повида́ть свои́хъ сро́дниковъ. — „Ну, ступа́й съ Бо́гомъ!“ сказа́лъ царь, далъ ему́ пово́зку лошаде́й, и де́негъ сто́лько, что въ цѣ́лый вѣ́къ не прожи́ть.

Поѣ́халъ солда́тъ на ро́дину; приста́лъ доро́гою въ како́й-то дере́внѣ и увида́лъ знако́маго солда́та — въ одно́мъ полку́ служи́ли. „Здра́вствуй, братъ!“ — Здра́вствуй! Какъ пожива́ешь? — „Все по-ста́рому!“ — А мнѣ́ Госпо́дь сча́стье далъ: вдругъ разбогатѣ́лъ! На ра́достяхъ на́до бы вы́пить; сбѣ́гай-ка братъ, купи́ ведёрку [10]) вина́.“ — Радъ бы сбѣ́гать, да вишь у меня́ скоти́нка ещё не у́брана; потруди́сь, сходи́ самъ — каба́къ вотъ, недале́ча! [11]) — „Ла́дно, а ты возьми́ мой ра́нецъ, положи́ въ избѣ́, да накажи́ ба́бѣ, чтобъ не тро́гали!“ Отпра́вился нашъ солда́тъ за вино́мъ, а земля́къ его́ прине́съ ра́нецъ въ и́збу и говори́тъ ба́бѣ: „не тро́ньте!“ Пока́ убира́лъ онъ скоти́ну, ба́бамъ не те́рпится: „дай посмо́тримъ, что тако́е въ ра́нцѣ накла́дено?“ Приняли́сь разсте́гивать — какъ вы́скочатъ отту́да че́рти съ шу́момъ да съ тре́скомъ; две́ри съ крю́чьевъ посбива́ли и ну бѣжа́ть! А на встрѣ́чу имъ солда́тъ съ ведёркою: „ахъ, прокля́тые! кто васъ вы́пустилъ?“ Че́рти испуга́лись и бро́сились въ бу́ковище подъ ме́льницу, да тамъ навсегда́ и оста́лись. Солда́тъ прише́лъ въ и́збу, разбрани́лъ бабъ, и дава́й гуля́ть съ ста́рымъ това́рищемъ; а по́слѣ пріѣ́халъ на ро́дину и за́жилъ бога́то и счастли́во.

[1]) Прстр. вм. споко́йствія, поко́я. [2]) Снт. III. § 34. 2. Прим. 4). [3]) Прстр. вм. къ за́втрашнему дню. [4]) прстр. вм. отво́ренную. [5]) вм. прики́нулся, обороти́лся въ человѣ́ка. [6]) Снт. III. § 50. 21). [7]) такъ что. [8]) Снт. III. § 50. 22). [9]) на́чалъ. [10]) непра́вильно вм. ведёрца. [11]) прстр. вм. не далеко́.

---

66. Неосторожное слово.

Въ нѣ́которомъ селѣ́ жилъ стари́къ со стару́хою въ большо́й бѣ́дности; у нихъ былъ сынъ. Взоше́лъ сынъ въ соверше́нныя лѣта́ и ста́ла стару́ха говори́ть старику́: „пора́ намъ сы́на жени́ть!“ — Ну, ступа́й сва́тать! Пошла́ она́ къ сосѣ́ду сва́тать дочь за своего́ сы́на: сосѣ́дъ отказа́лъ. Пошла́ къ друго́му мужику́, и друго́й отказа́лъ, къ тре́тьему — и тотъ на воро́та указа́лъ; всю дере́вню обходи́ла — никто́ не отдаётъ. Верну́лась домо́й; „стари́къ! пропа́щій нашъ па́рень!“ — Что-такъ? — „По всѣ́мъ двора́мъ таска́лася [1]), никто́ за него́ не отдаётъ своеи́ до́чери.“ — Пло́хо дѣ́ло! говори́тъ

старикъ, скоро лѣто настанетъ, а у насъ работать некому [2]). Ступай, старуха, въ другую деревню; можетъ, тамъ высватаешь. Потащилась старуха въ другую деревню, съ краю до краю всѣ дворы обходила — а толку нѣтъ ни капли; куда ни сунется — вездѣ отказываютъ. Съ чѣмъ изъ-дому пошла, съ тѣмъ и домой пришла. „Нѣтъ, говоритъ, никто не хочетъ съ нами бѣдняками породниться.“ — Коли такъ, отвѣчаетъ старикъ, нечего и ногъ ломать, полѣзай на палати. Сынъ закручинился и сталъ проситься: „родимый мой батюшка и родимая матушка! благословите меня — я самъ пойду искать свою судьбу.“ — Да куда-жъ ты пойдешь? — „А куда глаза глядятъ!“ Они благословили его и отпустили на всѣ четыре стороны.

Вотъ вышелъ парень на большую дорогу, горько-горько заплакалъ, да идучи самъ съ собою говоритъ: „неужли-жъ я хуже всѣхъ на свѣтѣ зародился, что ни одна дѣвка не хочетъ за меня замужъ идти? Кажись [3]), еслибъ самъ чортъ далъ мнѣ невѣсту, я-бъ и тое [4]) взялъ!“ Вдругъ словно изъ земли выросъ — идетъ къ нему на встрѣчу старый старикъ: „здравствуй, добрый молодецъ!“ — „Здравствуй, старичекъ!“ — „Про что ты сейчасъ говорилъ?“ Парень испугался, не знаетъ, что и отвѣчать. „А ты меня не бойся! я тебѣ худаго ничего не сотворю, а можетъ еще — твоему горю пособлю. Говори смѣло!“ Парень разсказалъ ему все по правдѣ: „бѣдная моя головушка! ни одна-то дѣвка за меня замужъ не идетъ. Вотъ я идучи раскручинился, а съ той кручины вымолвилъ: хоть бы чортъ мнѣ невѣсту далъ, я-бъ и тое взялъ!“ Старикъ засмѣялся и сказалъ: „иди за мной; я тебѣ любую невѣсту на выборъ дамъ.“ Приходятъ они къ озеру. „Обернись-ка спиной къ озеру да ступай задомъ!“ приказываетъ парню старикъ. Только успѣлъ онъ оборотиться и ступить шагъ-другой, какъ очутился подъ водой въ бѣлокаменныхъ палатахъ; всѣ комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормилъ-напоилъ его старикъ, послѣ выводитъ двѣнадцать дѣвицъ — одна другой краше. — „Это дѣло хитрое! позволь, дѣдушка, до утра подумать.“ — „Ну, подумай!“ сказалъ старикъ и отвелъ его въ особую свѣтлицу. Парень легъ спать и думаетъ: „какую взять?“ Вдругъ дверь отворяется, входитъ къ нему красная дѣвица: „спишь-ли, добрый молодецъ, али нѣтъ?“ — Нѣтъ, красная дѣвица! и сонъ не беретъ, все думаю, какую невѣсту выбрать? — „Я нарочно къ тебѣ пришла посовѣтовать, вѣдь ты, добрый молодецъ, къ чорту попалъ въ гости! Слушай-же, если ты хочешь пожить еще на бѣломъ свѣтѣ, то дѣлай такъ, какъ я тебѣ велю; а не станешь по-моему дѣлать — отсюда живъ не уйдешь!“ — Научи, красная дѣвица! по вѣкъ [5]) не забуду — „Завтра выведетъ нечистый двѣнадцать дѣвицъ — всѣ одна въ одну [6]); а ты приглядывайся, да меня выбирай: на правомъ глазу у меня будетъ мошка

сидѣть — то тебѣ примѣта вѣрная!“ И разсказáла тутъ крáсная дѣвица про себя́, кто онá таковá. „Знáешь ли ты, говори́тъ, въ такóмъ-то селѣ попá? Я егó дочь — та сáмая, что девяти́ лѣтъ изъ-дому пропáла. Рáзъ кáкъ-то отéцъ на меня́ осерчáлъ да въ сердцáхъ [7]) слóво вы́молвилъ: чтобъ тебя́ чéрти побрáли! Я вы́шла на крыльцó, заплáкала — вдругъ подхвати́ли меня́ нечи́стые и принесли́ сюдá; вотъ и живý тепéрь съ ни́ми.“ Поутрý вы́велъ стари́къ двѣнáдцать дѣви́цъ — однá въ однý [8]), и прикáзываетъ дóброму мóлодцу выбирáть невѣсту. Онъ присмотрѣлся: у котóрой на прáвомъ глазý мóшка сидѣла, ту и вы́бралъ. Старикý жáлко её отдавáть, перемѣшáлъ крáсныхъ дѣвицъ, и вели́тъ выбирáть съизнова; дóбрый мóлодецъ указáлъ тý-же сáмую. Застáвилъ егó нечи́стый выбирáть ещё въ трéтій разъ — онъ опя́ть угадáлъ свою́ сýженую. „Ну, твоё счáстье! веди́ её домóй.“ Тóтчасъ очути́лся пáрень съ крáсной дѣвицей на берегý óзера, и покá на большýю дорóгу не вы́брались, шли они́ зáдомъ. Брóсились догоня́ть ихъ нечи́стые: „отобьёмъ, кричáтъ, нáшу дѣвицу!“ Смóтрятъ: нѣтъ слѣдóвъ отъ óзера, всѣ слѣды́ ведýтъ въ вóду! побѣгали, поискáли, да ни съ чѣмъ вороти́лись.

Вотъ привёлъ дóбрый мóлодецъ свою́ невѣсту на селó, и останови́лся противъ попóва дворá. Попъ увидáлъ, и вы́слалъ рабóтника: поди́, спроси́, чтó-за люди?“ — Мы — люди прохóжіе, пусти́те переночевáть. „У меня́ купцы́ въ гостя́хъ, говори́тъ попъ; и безъ нихъ въ избѣ тѣсно.“ — И, чтó ты, бáтюшка! говори́тъ оди́нъ купéцъ; прохóжаго человѣка завсегдá нáдо приня́ть; они́ намъ не помѣшáютъ. „Ну, пусть войдýтъ!“ Вошли́ они́, поздорóвались и сѣли [9]) на лáвочку въ зáднемъ углý. „Узнаёшь ли меня́, бáтюшка? спрáшиваетъ крáсная дѣвица; вѣдь я твоя́ роднáя дочь.“ Разсказáла все, какъ бы́ло; стáли они обнимáться, цѣловáться, рáдостныя слёзы проливáть. „А э́то кто?“

— А э́то мой нарѣчённый женихъ; онъ меня́ на бѣлый свѣтъ вы́велъ. Если бы не онъ, вѣчно бы тамъ остáлась! Послѣ тогó развязáла крáсная дѣвица свой ýзелъ, а въ томъ узлѣ былá золотáя да серéбряная посýда — у чертéй забралá. Купéцъ глянýлъ и говори́тъ: „ахъ! посýда-то моя́; пировáлъ я однáжды съ гостя́ми, съ пья́на осерчáлъ на женý — чортъ возьми́! говорю́, и давáй кидáть со столá что ни попáло за порóгъ; съ той поры́ и пропáла моя́ посýда!“ И взапрáвду такъ и бы́ло; какъ помянýлъ э́тотъ купéцъ чóрта, нечи́стый тóтчасъ яви́лся у порóга, сталъ заби́рать къ себѣ золотýю да серéбряную посýду, а замѣсто ея́ черепкóвъ накидáлъ.

Вотъ таки́мъ-то слýчаемъ дóбылъ себѣ пáрень слáвную невѣсту, жени́лся на ней и поѣхалъ къ свои́мъ роди́телямъ; они считáли егó ужъ на вѣки пропáщимъ — шýтка ли — бóльше трехъ лѣтъ дóма

не бывáлъ, а емý показáлось, что онъ всегó-то однѣ сýтки у чертéй прóжилъ!

[1]) Снт. III. § 50. 21). [2]) Снт. III. § 38 9). Прим. 1). Нкл. Снт. 34. Прим. II. [3]) Прстр. вм. кáжется. [4]) Прстр. вм. ту. [5]) Прстр. вм. никогдá. [6]) Т. е. совершéнно похóжія однá на другýю [7]) Сéрдце, если употребленó во мнóжест. числѣ и относится къ одномý лицý, означáетъ гнѣвъ. [8]) другими словáми: другъ на дрýга совершéнно похóжихъ. [9]) Снт. III. § 54. 15.)

---

67. Три вора.

Живáлъ-бывáлъ Наýмъ. Вздýмалъ Наýмъ воровáть идтй. Пошéлъ одйнъ; попáлся емý на встрѣчу Антóнъ. „Ты кудá, Наýмъ!“ — „Взбрелó мнѣ на умъ воровáть идтй; а ты кудá, Антóнъ?“ „Я самъ дýмаю о томъ!“ — Ну, такъ пойдёмъ вмѣстѣ. Вотъ и пошлй двóе; идётъ на встрѣчу Власъ, спрáшиваетъ ихъ: „ты кудá, Наýмъ?“ — Да взбрелó мнѣ на умъ воровáть идтй. „А ты, Антóнъ?“ — Я самъ дýмаю о томъ! Въ свой черёдъ и они спрáшиваютъ: „Ну, а ты кудá, Власъ?“ — Я давнó пожидáю васъ! Вотъ пошлй всѣ вмѣстѣ и дéржатъ такóй совѣтъ: „кудá-жъ намъ воровáть идтй? если къ попý, у попá дéньги трýдныя, если къ купцý — у купцá тóже сáмое; пойдéмте-ка къ судьѣ, у судьй дéньги нетрýдныя. Пришлй къ судьѣ; у негó ворóта зáперты, а собáки злющія [1]). „Нѣтъ, вйдно сюдá не проберéшься!“ [2]) стáли говорйть Антóнъ съ Влáсомъ. — Вóтъ-ещё! сказáлъ Наýмъ, притащйте солóмы, завернйте меня, да спустйте за оґрáду; я вамъ ворóта отопрý. Скáзано-сдѣлано. Завернýли Наýма въ солóму и перекйнули за оґрáду; онъ покатйлся прямо къ кладовóй, достáлъ оттýда мѣшóкъ мукй, насыпалъ въ корыто, развéлъ-замѣсилъ на крѣпкомъ винѣ и постáвилъ собáкамъ. Собáки брóсились [3]) на мѣсиво; до тогó нажрáлись [4]), что ни однá и съ мѣста не мóжетъ сойтй. Наýмъ взялъ [5]) -перевязáлъ всѣхъ собáкъ хвостáми по пáрѣ и повѣсилъ на оґрáдѣ, потóмъ отворйлъ ворóта, впустйлъ товáрищей, и пошлй онй замкй ломáть [6]) да анбáры обчищáть. Мнóго набрáли всякаго добрá. Стáли добычу дѣлйть; все подѣлйли, остаётся енóтовая шýба, кáкъ съ ней быть? Наýмъ говорйтъ: „шýба мнѣ слѣдуетъ; я вы́думалъ и собáкъ окормйть, и ворóта отворйть.“ — Нѣтъ, братъ, жирно бýдетъ! — „Коли тáкъ, я пойдý къ судьѣ; онъ горáздъ [7]) судйть и рядйть; пусть-ка насъ разсýдитъ!“ Вотъ пошéлъ Наýмъ въ кóмнаты, а Власъ да Антóнъ стáли подъ окнó слýшать. У судьй сóвѣсть-то нечистá, такъ нóчью не спйтся [8]). „Это ты, Ивáнъ?“ спрáшиваетъ судья. — Я, отвѣчáетъ воръ. „Разскажй-ка мнѣ скáзочку.“ — Пожáлуй, скажý: живáлъ-бывалъ Наýмъ, взбрелó емý на ýмъ воровáть идтй... и началъ разскáзывать все дѣло, какъ было; дошéлъ до тогó, какъ онй трóе

за шу́бу поспо́рили, и говори́тъ: „самъ разсуди́, кому́ шу́бу взять?“ — Кому́? да разумѣ́ется Нау́му. — „Мнѣ́ и самому́ тожъ ду́мается!“ — Что́-жъ да́льше-то бы́ло. — „А да́льше спать пора́!“ сказа́лъ Нау́мъ и ушёлъ изъ ко́мнаты. Прихо́дитъ къ свои́мъ това́рищамъ: „ну что́? чай [9]), са́ми слы́шали: кому́ шу́ба слѣ́дуетъ!“ — Мы и не стои́мъ тепе́рь за неё, возьми́ себѣ́ и владѣ́й на здоро́вье! отвѣча́ли Анто́нъ и Власъ. Послѣ́ того́ распроща́лись и пошли́ въ ра́зныя сто́роны, а судья́ съ пусты́ми анба́рами и безъ шу́бы.

[1]) Снт. Ш. § 68. 2.) Прим. 5). [2]) Снт. Ш. § 47. 4.) а). [3]) Снт Ш. § 54. 1). [4]) Снт. Ш. § 66. 8) 2). [5]) Снт. Ш. § 65. 6.) Прим. 7). [6]) Снт. Ш. §. 50. 15). [7]) иначе: онъ умѣ́етъ. [8]) Снт. Ш. § 47. 5) в). Нкл. Снт. ст. 24. Прим. Ш. [9]) т. е.: ду́маю, полага́ю.

68. Набитый дуракъ.

Жи́лъ-былъ стари́къ со стару́хою, имѣ́лъ при себѣ́ одного́ сы́на, и то дурака́. Говори́тъ ему́ мать: „ты бы, сыно́къ, пошёлъ около людёй — потёрся да ума́ набра́лся.“ — Посто́й, ма́ма, сейча́съ пойду́. Пошёлъ по дерёвнѣ, ви́дитъ — два мужика́ горо́хъ моло́тятъ, сейча́съ подбѣжа́лъ къ нимъ; то около одного́ потрётся, то о́коло друга́го. „Не дури́! говоря́тъ ему́ мужики́; ступа́й — отку́да пришёлъ!“ А онъ знай-себѣ́ потира́ется. Вотъ мужики́ озло́бились и приняли́сь его́ цѣпа́ми по́тчивать: такъ ошара́шили, что едва́ домо́й припо́лзъ. „Что́ ты, ди́тятко пла́чешь?“ спра́шиваетъ его́ стару́ха. Дура́къ разсказа́лъ ей своё го́ре. „Ахъ, сыно́къ, куда́ ты глупёшенекъ! Ты бы сказа́лъ имъ: Богъ по́мочь, до́брые лю́ди! носи́ть-бы вамъ [2]) — не переноси́ть; вози́ть-бы не — перевози́ть! Они́-бъ тебѣ́ да́ли горо́ху; во́тъ бы мы свари́ли да и ску́шали.“ На друго́й день идётъ дура́къ по дерёвнѣ, на встрѣ́чу несу́тъ [3]) упоко́йника. Увида́лъ и дава́й крича́ть: „Богъ по́мочь! носи́ть-бы [4]) вамъ — не переноси́ть, вози́ть-бы [5]) — не перевози́ть!“ Опя́ть его́ приби́ли; вороти́лся [6]) онъ домо́й и сталъ жа́ловаться: „вотъ, ма́ма, ты научи́ла, а меня́ приби́ли!“ — Ахъ ты ди́тятко! ты бы сказа́лъ: кану́нъ [7]) да свѣча́! — сня́лъ-бы ша́пку, — на́чалъ-бы слёзно пла́кать да покло́ны бить; они-бъ тебя́ накорми́ли-напои́ли до́сыта. Пошёлъ дура́къ по дерёвнѣ, слы́шитъ — въ одно́й избѣ́ шу́мъ-весёлье, сва́дьбу пра́зднуютъ; онъ снялъ ша́пку, а самъ такъ и разлива́ется: го́рько-го́рько пла́четъ. „Что́ это-за невѣ́жа пришёлъ! говоря́тъ пья́ные го́сти; мы всѣ́ гуля́емъ да веселимся, а онъ сло́вно по-мёртвомъ пла́четъ!“ Вы́скочили и поря́дкомъ бока́ ему помя́ли.

[1]) Въ иносказа́тельномъ смы́слѣ, вмѣсто: пообразова́лся бы въ ча́стомъ обраще́ніи съ людьми́. [2]) Снт. Ш. § 66. 6.) б.) [3]) Снт. Ш. § 50. 16). [4]) Снт. Ш. 50. 16). [5]) Снт. Ш. § 50. 5). [6]) Снт. Ш. § 50. 8). [7]) Кану́номъ называ́ется медъ, кото́рый ста́вится въ ча́шечкѣ на столѣ́, пе́редъ кото́рымъ пою́тъ панихи́ду. Къ ча́шечкѣ прикрапля́ется заже́нная восковая́ свѣча́.

69. Слѣпцы.

Въ Москвѣ бѣлокáменной жилъ одúнъ пáрень въ рабóтникахъ; вздýмалъ на лѣто въ дерéвню идтú и сталъ просúть у хозяина разсчéта [1]). Только не мнóго пришлóсь емý получáть дéнегъ, всего-нá-всего одúнъ полтúнникъ. Взялъ онъ э̀тотъ полтúнникъ и пошéлъ за калýжскую застáву; смóтритъ — сидúтъ на валý слѣпóй и прóситъ христóвымъ úменемъ подаянія. Мужúкъ подýмалъ-подýмалъ и сжáлился; пóдалъ емý полтúнникъ и скáзываетъ: „э̀то, старичóкъ, полтúнникъ; примú изъ негó Христá ради семúтку [2]), а сóрокъ вóсемь копѣекъ дай мнѣ сдáчи." Слѣпóй положúлъ полтúнникъ въ свою мошнý и снóва затянýлъ: „правослáвные христіáне, подáйте Христá ради слѣпóму-невидýщему!" — Чтó-жъ ты, старúкъ? подавáй мнѣ сдáчу. А онъ бýдто не слы̀шитъ: „ничегó, родúмый! ещé сóлнышко высóко, успѣю до дворá помалéньку добрестú." — Оглóхъ что ли? мнѣ самомý идтú дóбрыхъ [3]) сорокъ верстъ, дéньги въ дорóгѣ-то нáдобны! Взялó мужикá гóре пýще óстраго ножá [4]); „эй, говорúтъ, стáрый чортъ! подавáй сдáчу; не то я съ тобóй раздѣлаюсь посвóему!" И нáчалъ егó поворáчивать на всѣ стóроны. Слѣпóй во всю глóтку закричáлъ: „бáтюшки, грáбятъ! караýлъ, караýлъ!" Побоялся мужúкъ бѣды̀ нажúть, брóсилъ слѣпáго: лýчше, дýмаетъ про себя, отъ грѣхá уйтú; а то не ровéнъ часъ [5]) — прибѣгýтъ караýльные да ещé въ гóродъ поведýтъ! Отошéлъ шагóвъ съ десятокъ, али бóльше, остановился на дорóгѣ и все глядúтъ на нúщаго: жáлко, вишь, своúхъ трудовы̀хъ дéнегъ! А тотъ слѣпóй на двухъ костыляхъ ходúлъ, и óба костыля при немъ лежáли: одúнъ съ прáваго бóку, другóй съ лѣваго. Разгорѣлось у мужикá сéрдце, радъ всякое зло емý сдѣлать: „постóй-же, хоть косты̀ль унесý да посмотрю, кáкъ-то ты домóй поплетéшься!" Вотъ подобрáлся потихóньку и утащúлъ косты̀ль; а слѣпóй посидѣлъ немнóго врéмени, вы̀лупилъ свой бѣльмы [6]) на сóлнце и говорúтъ: „ну, сóлнышко не бóльно высóко; чай, врéмя и домóй собирáться. Эй вы, косты̀лики, мой бáтюшки! не порá ли ко дворý идтú?" Сталъ онъ шáрить съ обѣихъ сторóнъ: слѣва-то косты̀ль тутъ, а спрáва-то нѣту: „ужъ э̀тотъ мнѣ косты̀ль давнó опосты̀лъ! никогдá егó съ рáзу не ощýпаю." Пошáрилъ-пошáрилъ и говорúтъ самъ съ собóй: „знать, ктó-нибудь надо мнóю шýтку сшутúлъ! Да ничегó: и на однóмъ добредý." Всталъ и поплéлся на однóмъ костылѣ; слѣдомъ за нимъ пошéлъ и мужúкъ. Шли-шли; недалéча отъ дерéвни, у сáмаго таки перелѣска стоятъ двѣ стáрыхъ избýшки. Подошéлъ слѣпóй къ однóй избýшкѣ, распоясался, снялъ съ пóяса ключъ и óтперъ свою кéлью; тóлько онъ отворúлъ дверь нáстежъ — а мужúкъ поскорѣй тудá, забрáлся напередъ егó, сѣлъ на лáвку и духъ притаúлъ: посмотрю, дýмаетъ,

что да́льше бу́детъ? Вотъ слѣпо́й вошёлъ въ избу́шку, положи́лъ на дверь изнутри́ крючо́къ, оборoти́лся къ пере́днему углу́ и помоли́лся на святы́я ико́ны; опосля́ [7]) бро́силъ [8]) куша́къ съ ша́пкою на прила́вокъ и поле́зъ подъ пе́чку — такъ и загремѣ́ли сковоро́дки да ухва́ты. Мале́нько погодя́, та́щитъ [9]) отту́дова бочёнокъ; вы́тащилъ, поста́вилъ на столъ, и на́чалъ вытряха́ть изъ мошны́ на́бранныя де́ньги да въ бочёнокъ класть: у того бочёнка съ бо́ку го́рлышко бы́ло ма́лое — такъ, чтобы мѣ́дному пятаку́ проле́зть. Покида́лъ туда́ де́ньги, а самъ тако́во сло́во вы́молвилъ: „сла́ва Бо́гу! наси́лу пятьсо́тъ доровня́лъ; да спаси́бо и тому́ молодцу́, что полти́нникъ далъ; кабы не онъ по́дъ-руку попа́лся, ещё дня три проси́дѣлъ бы на доро́гѣ.“ Усмѣхну́лся слѣпо́й, сѣлъ на́-полъ, раскоря́чился и ну пока́тывать бочёнокъ съ де́ньгами: пока́титъ его́ отъ себя́, а онъ уда́рится объ стѣ́нку да наза́дъ къ нему́. „Дай [10]) подсоблю́ ему́! ду́маетъ мужи́къ; по́лно ему́ ста́рому чо́рту кура́житься!“ и то́тчасъ къ рука́мъ прибра́лъ бочёнокъ съ де́ньгами. „Ишь [11]), залѣпи́лъ за ла́вку!“ говори́тъ слѣпо́й и пошёлъ щу́пать; щу́палъ-щу́палъ — нѣтъ нигдѣ́; испуга́лся серде́чный, отвори́лъ немно́го дверь, просу́нулъ го́лову и закрича́лъ: „Пантеле́й, а Пантеле́й! по́дь-ка [12]) братъ, сюда́!“ Пришёлъ Пантеле́й — тако́й-же слѣпе́цъ; ря́домъ съ этимъ въ друго́й ке́льѣ жилъ. „Что́ тако́е?“ спра́шиваетъ онъ. — Да вишь кака́я при́тча вы́шла! Ката́лъ [13]) я по́полу бочёнокъ съ де́ньгами, а куда́ онъ тепе́рь дѣва́лся [14]) — самъ не вѣ́даю; шу́тка-ли? — пятьсо́тъ рубле́й де́негъ! ужъ не сти́брилъ-ли кто? [15]) Кажи́сь [16]), въ избѣ́ никого́ не́-было. — „По-дѣло́мъ [17]) во́ру и му́ка! сказа́лъ Пантеле́й. Ви́шь-ты ста́рый, совсѣ́мъ изъ ума́ вы́жилъ! сло́вно ма́лый ребёнокъ, заду́малъ де́ньгами игра́ть; вотъ тепе́рь и плачь отъ свое́й игры́! А ты бы сдѣ́лалъ по-мо́ему: у меня́ свои́хъ почита́й [18]) съ пятьсо́тъ рубле́й, вотъ я размѣня́лъ ихъ на ассигна́ціи и заши́лъ въ э́ту ста́рую шапчо́нку; небо́сь [19]) на неё никто́ не польсти́тся!“ Мужи́къ услыха́лъ э́ти рѣ́чи и ду́маетъ: ла́дно! вѣдь ша́пка у тебя́ къ головѣ́ не гвоздёмъ прибы́та. Сталъ Пантеле́й входи́ть въ и́збу, то́лько за поро́гъ переступи́лъ, а мужи́къ цапъ-цара́пъ съ него́ ша́пку да въ дверь, и побѣжа́лъ домо́й безъ огля́дки. А Пантеле́й поду́малъ, что ша́пку-то подцѣпи́лъ у него́ сосѣ́дъ, хвать [20]) его́ по ры́лу: „у насъ, братъ, такъ не дѣ́лаютъ! свой де́ньги потеря́лъ да на чужі́я за́ришься!“ Ухвати́ли другъ дру́га за честны́е во́лосы, и пошла́ у нихъ дра́ка вели́кая. Пока́ они драли́сь, мужи́къ далеко́ ушёлъ; на тѣ де́ньги онъ зна́тно попра́вился и за́жилъ себѣ́ припѣва́ючи.

[1]) Нкл. Снт. ст. 95. а). [2]) Двѣ копе́йки серебро́мъ, что равня́ется семи́ копе́йкамъ мѣ́дью; отсю́да назва́ніе э́той моне́ты семи́ткою. [3]) Т. е. по́лныхъ. [4]) Т. е. тако́е го́ре, будто о́стрый ножъ вонзи́лся въ се́рдце. [5]) Наро́дъ вѣ́ритъ въ существова́ніе роковы́хъ часо́въ, въ кото́рые вся́кое дѣ́ло ока́нчивается несча́стіемъ; потому́ благопожела́ніе вся́кому начина́нію выража́ютъ обыкнове́нно слова́ми: „въ часъ до́брый“. [6]) Руга́тельно, вм. глаза́.

[7]) Прстр. вмѣсто: пóслѣ. [8]) Снт. Ш. § 54. 1). [9]) Снт. Ш. § 50. 21). [10]) Снт. Ш. § 65. 6). [11]) Вм. вишь, сокращ. вйдишь. [12]) Прстр. вм. пойди. [13]) Снт. Ш. § 50. 10.) [14]) Снт. Ш. § 54. 3). [15]) Снт. Ш. § 38. 6). [16]) Прстр. вм. кáжется. [17]) Прстр. вм. по дѣлáмъ. [18]) Прстр. вм почтй. [19]) Снт. Ш. § 65. 8. в). [20]) вм. хватйлъ.

70. Смерть скупаго.

Жйлъ-былъ скупóй скрягa, старйкъ; имѣ́лъ двухъ сыновéй и мнóжество дéнегъ; послы́шалъ смерть, заперсй одйнъ въ избѣ́, сѣлъ на сундýкъ, нáчалъ глотáть золоты́я дéньги и ѣсть ассигнáціи, и такъ покóнчилъ свою́ жизнь. Пришлй сыновьй, положйли мéртваго подъ святы́я икóны и позвáли дьячкá читáть псалты́рь. Вдругъ въ сáмую пóлночь является въ óбразѣ человѣ́ка нечйстый, пóднялъ мéртваго старикá на плечó и сказáлъ: „держй, дьячéкъ, пóлу.“ И нáчалъ трусйть старикá: „дéньги твой, а мѣшóкъ мой!“ понéсъ его́, и невйдимъ сталъ.

71. Царевна Несмѣяна.

Какъ подýмаешь, кудá велйкъ бóжій свѣтъ! живýтъ въ немъ лю́ди богáтые и бѣ́дные, и всѣмъ имъ простóрно, и всѣхъ ихъ призирáетъ и разсужáетъ Госпóдь. Живýтъ роскóшные — и прáзднуютъ; живýтъ горемы́чные — и трудя́тся: кáждому своя́ дóля!

Въ цáрскихъ палáтахъ, въ кня́жьихъ чертóгахъ въ высóкомъ теремý красовáлась Царéвна-Несмѣ́яна. Какóе ей бы́ло житьé, какóе привóлье, какóе рóскошье! всегó мнóго, все есть, чегó душá хóчетъ; а никогдá онá не улыбáлась, никогдá не смѣ́ялась, слóвно сéрдце ея ничемý не рáдовалось.

Гóрько было царю́-отцý глядѣ́ть на печáльную дочь. Открывáетъ онъ свой цáрскія палáты для всѣхъ, кто пожелáетъ быть егó гóстемъ. „Ускáй, говорйтъ, пытáются развеселйть Царéвну-Несмѣ́яну; комý удáстся, томý онá бýдетъ женóю.“

Только э́то вы́молвилъ, какъ закипѣ́лъ нарóдъ у кня́жьихъ ворóтъ! со всѣхъ сторóнъ ѣ́дутъ [1]), йдутъ [2]) — и царéвичи и княжéвичи, и боя́ре и дворя́не, полковы́е и простые; начались пиры́, полились меды́ — царéвна все [3]) не смѣ́ется! — На другóмъ концѣ́, въ своéмъ уголкѣ́ жилъ чéстный работникъ; по утрáмъ онъ дворъ убирáлъ, вечерáми скотъ пасáлъ, въ безпрестáнныхъ былъ трудáхъ. Хозя́инъ егó — человѣ́къ богáтый, правдйвый, плáтою не обижáлъ. Только покóнчился годъ, онъ емý мѣшéкъ дéнегъ на столъ: „берй, говорйтъ, скóлько хóчешь!“ а самъ въ двéри и вы́шелъ вонъ. Рабóтникъ подошéлъ къ столý, и дýмаетъ: какъ-бы [4]) передъ Бóгомъ не согрѣшйть, за труды́ лйшняго не положйть? вы́бралъ однý только

дéнежку, зажáлъ её въ горсть да вздýмалъ водúцы напúться, нагнýлся въ колóдезь — дéнежка у негó вы́катилась и потонýла на дно. Остáлся бѣднякъ ни-причóмъ. Другóй бы на егó мѣстѣ заплáкалъ, затужúлъ и съ досáды-бъ рýки сложúлъ, а онъ нѣтъ: „все, говорúтъ, Богъ посылáетъ; Госпóдь знáетъ, комý чтó давáть, когó дéньгами надѣляетъ, у когó послѣднія отнимáетъ. Вúдно, я хýдо рачúлъ, мáло трудúлся, тепéрь стáну усéрднѣй!“ И снóва за рабóту — кáждое дѣло въ егó рукáхъ огнéмъ горúтъ! Кóнчился [5]) срокъ, минýлъ еще годъ, хозяинъ емý мѣшóкъ дéнегъ на столъ: „берú, говорúтъ, скóлько душá хóчетъ!“ а самъ въ двéри и вы́шелъ вонъ. Рабóтникъ опять дýмаетъ, чтóбъ Бóга не прогнѣвúть, за трудъ лúшняго не положúть; взялъ дéнежку, пошéлъ напúться и вы́пустилъ невзначáй изъ рукъ — дéнежка въ колóдезь и потонýла. Еще усéрднѣе принялся онъ за рабóту: ночь не досыпáетъ, день не доѣдáетъ. Поглядúшь: у когó хлѣбъ сóхнетъ, желтѣетъ, а въ (у) егó хозяина все бутѣетъ; чья [6]) скотúна нóги завивáетъ [7]), а егó по ýлицѣ брыкáетъ; чьихъ пóдъ-гору тáщатъ, а егó и въ поводý не сдержáть. Хозяинъ разумѣлъ, когó благодарúть, комý спасúбо говорúть. Кóнчился срокъ, миновáлъ трéтій годъ, онъ кýчу дéнегъ на столъ: „берú, рабóтничекъ, скóлько душá хóчетъ; твой трудъ, твоя и дéньга!“ а самъ вы́шелъ вонъ. Берéтъ рабóтникъ опять однý дéнежку, идéтъ къ колóдезю водý испúть — глядь [8]): послѣдняя дéньга цѣлá и прéжнія двѣ навéрхъ вы́плыли. Подобрáлъ онъ ихъ, догадáлся, что Богъ егó за трудú наградúлъ; обрáдовался и дýмаетъ: „порá мнѣ бѣлъ свѣтъ поглядѣть, людéй распознáть.“ Подýмалъ и пошéлъ, кудá глазá глядятъ. Идéтъ онъ пóлемъ, бѣжúтъ мышь: „ковалéкъ, дорогóй куманéкъ! дай дéнежку; я тебѣ самá пригожýсь!“ Далъ ей дéнежку. Идéтъ лѣсомъ, ползéтъ жукъ: „ковалéкъ, дорогóй куманéкъ! дай дéнежку, я тебѣ самъ пригожýсь!“ Далъ и емý дéнежку. Пóплылъ рѣкóй, встрѣтился сомъ: „ковалéкъ, дорогóй куманéкъ! дай дéнежку, я тебѣ самъ пригожýсь!“ Онъ и томý не отказáлъ, послѣднюю óтдалъ. Самъ пришéлъ въ гóродъ; тамъ людéй, тамъ дверéй [9])! Заглядѣлся, завертѣлся рабóтникъ на всѣ стóроны, кудá идтú не знáетъ. А передъ нимъ стоятъ цáрскія палáты, серебрóмъ-золотомъ ýбраны, у окнá Царéвна-Несмѣяна сидúтъ и прямо на негó глядúтъ. Кудá дѣвáться? затумáнилось у негó въ глазáхъ, нашéлъ на негó сонъ и упáлъ онъ прямо въ грязь. Откýда ни взялся сомъ съ большúмъ усóмъ, за нимъ жучóкъ-старичóкъ, мы́шка-стрúжка; всѣ прибѣжáли. Ухáживаютъ, ублáживаютъ: мы́шка плáтьице снимáетъ, жукъ сапóжки очищáетъ, сомъ мухъ отгоняетъ. Глядѣла-глядѣла на ихъ услýги Царéвна-Несмѣяна и засмѣялась. „Кто, кто развеселúлъ мою дочь?“ спрáшиваетъ царь. Тотъ говорúтъ: я; другóй: я. — Нѣтъ! сказáла Царéвна-Несмѣяна;

вотъ э́тотъ человѣкъ! и указа́ла на рабо́тника. То́тчасъ его́ во доре́цъ, и сталъ рабо́тникъ предъ ца́рскимъ лицо́мъ молоде́цъ-молодцо́мъ! Царь свое́ ца́рское сло́во сдержа́лъ: что обѣща́лъ, то и дарова́лъ. Я говорю́: не во снѣ-ли э́то рабо́тнику сни́лось? Завѣря́ютъ, что нѣтъ, и́стинная пра́вда была́ — такъ на́до вѣрить.

[1]) Снт. III. § 50. 23). [2]) Снт. III. § 50. 22). [3]) Снт. III. § 38. 1). Прим. 2. [4]) Снт. III. § 88. 6). [5]) Снт. III. § 54. 4). [6]) вм. чья́-нибудь. [7]) т. е. едва́ та́щитъ или едва́ переставля́етъ но́ги, такъ что одна́ нога́ заплета́ется за другу́ю. [8]) гляди́тъ. [9]) Опу́щено: мно́го.

72. Въ гостяхъ у мертвеца.

Въ старода́вніе го́ды жи́ли-бы́ли въ одно́й дере́внѣ два молоды́хъ [1]) па́рня: жи́ли они дру́жно, вмѣстѣ по бесѣдамъ ходи́ли [2]), другъ дру́га за родна́го бра́та почита́ли. Сдѣлали они́ между собо́й тако́й уговоръ: кто изъ нихъ ста́нетъ впередъ жени́ться, тому́ звать своего́ това́рища на сва́дьбу; живъ-ли онъ бу́детъ, помре́тъ-ли — все равно́. Черезъ го́дъ послѣ того́ заболѣлъ оди́нъ молоде́цъ и по́меръ; а спустя́ нѣсколько мѣсяцевъ заду́малъ его́ това́рищъ жени́ться. Собра́лся со всѣмъ сродство́мъ свои́мъ и поѣхалъ за невѣстою. Случи́лось имъ ѣхать мимо кла́дбища; вспо́мнилъ жени́хъ своего́ пріятеля, вспо́мнилъ ста́рый уговоръ и велѣлъ останови́ть лошаде́й: „я, говори́тъ, пойду́ къ своему́ това́рищу на моги́лу; попрошу́ его́ къ себѣ на сва́дьбу погуля́ть; онъ былъ мнѣ вѣрный другъ!"

Пошёлъ на моги́лу и сталъ звать: „любе́зный това́рищъ! прошу́ тебя́ на сва́дьбу ко мнѣ" Вдругъ моги́ла раствори́лась, поко́йникъ всталъ и вы́молвилъ: „спаси́бо тебѣ, братъ, что испо́лнилъ свое́ обѣща́ніе. На ра́достяхъ взойди́ ко мнѣ, вы́пьемъ съ тобо́й по стака́ну сла́дкаго вина́." — Зашёлъ бы, да по́ѣздъ стоитъ, наро́дъ дожида́ется. Поко́йникъ отвѣча́етъ: „эхъ, братъ! стака́нъ вѣдь недо́лго вы́пить." Жени́хъ спусти́лся въ моги́лу; поко́йникъ на́лилъ ему́ ча́шу вина́, онъ вы́пилъ — и прошло́ цѣлое [3]) сто лѣтъ. „Пей, ми́лый, еще ча́шу!" Вы́пилъ другу́ю — прошло́ двѣсти лѣтъ. „Ну, дружи́ще, вы́пей и тре́тью, да ступа́й съ Бо́гомъ, игра́й свою́ сва́дьбу!" Вы́пилъ тре́тью ча́шу — прошло́ три́ста лѣтъ. Поко́йникъ прости́лся съ свои́мъ това́рищемъ; гробъ закры́лся, моги́ла заровня́лась. Жени́хъ смо́тритъ: гдѣ было кладбище, тамъ ста́ла пу́стошь; нѣтъ ни доро́ги, ни сро́дниковъ, ни лошаде́й, вездѣ поросла́ крапи́ва да высо́кая трава́. Побѣжа́лъ въ дере́вню — и дере́вня ужъ не та: дома́ ины́е, лю́ди все незнако́мые. Пошёлъ къ свяще́ннику и свяще́нникъ не тотъ; разсказа́лъ ему́, какъ и что бы́ло. Свяще́нникъ на́чалъ по

книгамъ справля́ться, и нашёлъ, что три́ста лѣтъ тому́ наза́дъ былъ тако́й слу́чай: въ день сва́дьбы отпра́вился жени́хъ на кла́дбище и пропа́лъ, а невѣ́ста его́ вы́шла пото́мъ за́мужъ за друга́го.

[1]) Снт. III. § 28 2.) [2]) Снт. III. § 50. 22). [3]) Правильнѣе: цѣ́лыя, или цѣ́лыхъ. Снт. III. § 28. 3).

с) Пословицы.

73. О пословицахъ.

Пословица — коротенькая притча: сама же она говоритъ, что „голая рѣчь не пословица.“

Это — сужденіе, приговоръ, поученіе, высказанное обинякомъ и пущенное въ оборотъ, подъ чеканомъ народности. Пословица — обинякъ, съ приложеніемъ къ дѣлу, понятый и принятый всѣми. Но „одна рѣчь не пословица:“ какъ всякая притча, полная пословица состоитъ изъ двухъ частей: изъ обиняка, картины, общаго сужденія, и изъ приложенія, толкованія, поученія; не рѣдко однако же вторая часть опускается, предоставляется смѣтливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь отъ поговорки. Вотъ примѣры полныхъ пословицъ:

„Во времени́ пождать, у Бога есть что подать;“
„Всякая рыба хороша, коли на уду пошла;“
„Лазилъ чертъ за облаками, да оборвался;“
„Нѣтъ въ тебѣ, такъ не ищи на селѣ, и пр. . . .

„Отъ пословицы нѣтъ взносу,“ „ее обжаловать нельзя,“ приговоръ ея неотразимъ; всѣ крайности сходятся, и потому „На пословицу, что на дурака, и суда нѣтъ;“ „Отъ пословицы не уйдешь,“ „Пословица ведется, какъ изба вѣникомъ метется;“ „И на твою честь пословица есть,“ „И на нашу спѣсь пословица есть;“ но „Пень не околица, а глупая рѣчь не пословица;“ да и „Не всякая пословица при всякомъ молвится;“ „Иная пословица не для Ивана Петровича.“ Кто ее сочинилъ — не вѣдомо никому; но всѣ ее знаютъ и ей покоряются. Это сочиненіе и достояніе общее, какъ и самая радость и горе, какъ выстраданная цѣлымъ поколѣніемъ опытная мудрость, высказавшаяся такимъ приговоромъ. Сочиненная же тогда только становится пословицею, когда пошла въ ходъ, принята и усвоена всѣми.

Поговорка, по народному же опредѣленію, цвѣточекъ, а пословица ягодка; и это вѣрно. Поговорка — окольное выраженіе, переносная рѣчь, простое иносказаніе, обинякъ, способъ выраженія — но безъ притчи, безъ сужденія, заключенія, примѣненія; это одна

первая половина пословицы. Поговорка замѣняетъ только прямую рѣчь окольною, не договариваетъ, иногда и не называетъ вещи, но, условно, весьма ясно намекаетъ. Она не говоритъ: онъ пьянъ; а скажетъ: „у него на глазахъ двоится, онъ навеселѣ, языкъ лыка не вяжетъ, онъ не свиснетъ, онъ закатилъ за воротъ, онъ по одной половицѣ не пройдетъ, онъ мыслете пишетъ" и пр. Вмѣсто: онъ глупъ, она говоритъ: „трехъ не перечтетъ; подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не посѣяно" и пр. Замѣсто ровни, дружки, говоритъ она: „Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы" и пр. Выражая, напримѣръ, общее понятіе одиночества, поговорка различаетъ состояніе это, по всѣмъ его отношеніямъ: „одинъ, какъ верста въ полѣ; одинъ, какъ перстъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ" и пр., посему поговорка иногда весьма близка къ пословицѣ: стоитъ прибавить лишь одно словечко, или сдѣлать перестановку, и изъ поговорки вышла пословица. „Онъ сваливаетъ съ больной головы на здоровую," „Онъ чужими руками жаръ загребаетъ," поговорки; та и другая говоритъ только, что это самотникъ [1]), который заботится о себѣ, не щадя другихъ. Но скажите: „Чужими руками жаръ загребать легко;" „Сваливать съ больной головы на здоровую не накладно;" „Одного сукна епанча не рознится;" „Одной руки пальцы, и кость одна" и пр., и все это будутъ пословицы, заключая въ себѣ полную притчу.

Приговорка или *пустоговорка*, которую также зовутъ поговоркой, это изреченіе, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, безъ большаго толку и значенія, а по мѣстной или личной привычкѣ: говоритъ, взялъ, вемши, оченно хорошо, это самое дѣло, тово-воно какъ-оно; въ сказкахъ такихъ условныхъ приговорокъ много: „Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается;" „Близко-ли, далеко-ли, низко-ли, высоко-ли;" „За тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ" и пр. Какъ простыя, такъ и сказочныя пустоговорки иногда обращаются въ пословицу, заключая въ себѣ условный смыслъ; наприм.: „Я бы и того, да вишь, жена-то не того; ну, ужъ и я растого;" о пустомъ грозномъ начальникѣ: „Проскакалъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго;" о строгости и непотачкѣ кому: „Онъ тише воды, ниже травы сталъ, и пр. Съ другаго конца, переходя въ наборъ складныхъ словъ, приговорки сливаются съ *прибаутками*.

Присловье весьма близко къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ цѣлой мѣстности, коей жителей дразнятъ, бранятъ, или чествуютъ приложеннымъ къ нимъ присловьемъ. Оно иногда состоитъ въ одномъ только словѣ: „Рязанцы, синебрюхіе;" „Ярославцы, бѣлотѣльцы;" „Вятичи, слѣпороды;" иногда же въ цѣломъ изреченіи, прибауткѣ, прибасенкѣ; „Пензяне свою ворону въ Москвѣ узнали;"

„Ты чей, молодецъ? Зунчевскій купецъ. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ, по міру ходилъ.“ Послѣднее присловье уже весьма близко къ пословицѣ, а другимъ придано и вовсе пословичное значеніе: „Чухломскій рукосуй: рукавицы за-поясомъ, а другихъ ищетъ.“ Присловье: „Бѣжечане и колокольню рожкомъ подбили“, встряхивая объ нее мимоходомъ табакъ, иногда употребляется въ томъ же значеніи, какъ: „Капля камень долбитъ.“

Скороговорка, чистоговорка, слагается для упражненія въ скоромъ и чистомъ произношеніи, почему въ ней сталкиваются звуки, затрудняющіе быстрый говоръ; но многіе *чистобайки* заключаютъ въ себѣ также пословицу: „Нашего пономаря не перепономаривать стать“, „Рапорталъ, да не дорапортовалъ, а сталъ дорапортовывать, зарапортовался“, все невпопадъ, неудачно; „Стоитъ попъ на копнѣ, колпакъ на попѣ, копна подъ попомъ, попъ подъ колпакомъ“, т. е. все одно и тоже.

Прибаутка, пустобайка, не совсѣмъ ясно, или неодинаково опредѣляется; самое названіе пустобайка показываетъ, что она можетъ быть иногда и то-же, что пустоговорка, а объ острякѣ своего рода говорятъ, что онъ знаетъ много прибаутокъ. Иные называютъ такъ цѣлый рядъ поговорокъ и приговорокъ, сложенныхъ складно, безъ большаго смысла; сюда относятся ямскія прибаутки, также сбитенщиковъ, — коихъ теперь уже почти не стало, — пирожниковъ и проч. Эти прибаутки также не рѣдко переходятъ въ пословицы: „По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь: а кромѣ коренной, нѣтъ ни одной;“ „Лошади чужія, кнутъ не свой — погоняй не стой;“ „Ѣшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги;“ „Поливай, кубышка, не жалѣй хозяйскаго добришка“ и пр. Прибауткою жъ называютъ сказочныя прикрасы: „Не по днямъ, по часамъ растетъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ;“ Конь бѣжитъ, земля дрожитъ: полымя изъ ноздрей, хвостомъ слѣдъ устилаетъ, долы, рѣки промежъ ногъ пускаетъ“ и пр. И эта болтовня принимаетъ иногда пословичное значеніе, если примѣняется къ какому-либо извѣстному случаю. Прибаутками, байками, присказками называютъ и поговорки и пословицы, вовсе непонятныя, если не знаешь прибаски, отъ которой онѣ вышли; и эти-то прибаутки никакъ нельзя отдѣлить отъ пословицъ. Иныя понятны по себѣ: „Титъ, пойдемъ молотить! Брюхо болитъ. Титъ, поди кисель ѣсть! А гдѣ моя большая ложка?“ „Кто укралъ пирожекъ? Не я. А кому дать еще? Мнѣ.“ „Жена, а жена, любишь ли меня! Аль не любишь? Да. Что да! Ничего.“ Другія требуютъ объясненій: „Хорошо-то медъ съ калачемъ;“ къ этому прибавляютъ: „А ты ѣдалъ? Нѣтъ не ѣдалъ; да лѣтось братъ въ городѣ былъ, такъ видѣлъ, какъ люди ѣдятъ.“ „Знаешь толкъ какъ слѣпой въ молокѣ:“ во-

жакъ покинулъ на время слѣпаго; гдѣ былъ? Да вотъ, молока похлебалъ. А что такое молоко? Бѣлое, да сладкое. А какое такое бѣлое? Какъ гусь. А какой же гусь? Вожакъ согнулъ локоть и кисть клюкою, и далъ ему пощупать: вотъ какой. А знаю: и по этому слѣпой понялъ, какое бываетъ молоко. Сюда же относятся: „Такъ то такъ, да вонъ то какъ [2]);" „Попалъ, какъ чортъ въ рукомойникъ [3])" и пр. Къ прибауткамъ же можно причесть и поговорки, иногда пословичныя съ обоюднымъ смысломъ, игру словъ: „Я въ лѣсъ (влѣзъ), и онъ въ лѣсъ; я за вязъ (завязъ) и онъ за вязъ."

Въ пословицѣ можно различать одежду внутреннюю и внѣшнюю; первая относится къ риторикѣ, вторая до грамматики и просодіи. Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословицъ, но должна бы быть по нимъ, во многихъ частяхъ своихъ, вновь переверстана. Частое непониманіе нами пословицы основано именно на незнаніи языка, тѣхъ простыхъ, сильныхъ и краткихъ оборотовъ рѣчи, которые исподоволь утрачиваются и вытѣсняются изъ письменнаго языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводовъ, съ языками западными. Кто бы взялся разсмотрѣть пословицы и поговорки въ этомъ отношеніи, тотъ написалъ бы претолстую и преполезную книгу. —

Пословица большею частію является въ мѣрномъ и складномъ видѣ: рѣдко правильнымъ метрическимъ стихомъ, то есть, со счетомъ долгихъ и короткихъ слоговъ, потому что такой размѣръ народному языку чуждъ; еще рѣже, и кажется только случайно, найдется размѣръ силлабическій, т. е. простой счетъ слоговъ, дѣло, намъ вовсе чужое; но весьма часто въ русскомъ размѣрѣ, въ тоническомъ, какъ пѣсенномъ, съ извѣстнымъ числомъ протяжныхъ удареній въ стихѣ, такъ и сказочномъ, съ риѳмою или краснымъ складомъ. Есть даже очень много пословицъ въ размѣрѣ, богатомъ короткими слогами. Не утверждаю, чтобы тутъ былъ умыселъ, чтобы пословицы сознательно составлены были по довольно сложному метрическому размѣру; но чуткое и памятливое на пѣвучесть, складъ, удареніе и созвучіе ухо вылило ихъ въ этомъ пѣвучемъ видѣ и безсознательно соблюло правильную и точную мѣру. Упоминаю объ этомъ потому, какъ сейчасъ сказалъ, что языку нашему эти размѣры гораздо сподручнѣе, между тѣмъ какъ поэты небрегутъ такою особенностію языка, и ямбы съ хореями, всѣми натяжками и неправдами, остаются у насъ господствующими размѣрами. Говорю: съ натяжками и неправдами, потому что даже у первыхъ поэтовъ нашихъ натяжки эти попадаются сплошь и рядомъ, да онѣ и неизбѣжны, на языкѣ, въ которомъ короткій слогъ весьма рѣдко чередуется съ долгимъ чрезъ одинъ.

мешь. *Извращеніе*: Не похорошу милъ, а помилу хорошъ. Надъ грѣхомъ старосты нѣтъ, а живетъ грѣхъ и надъ старостой. *Двусмысліе:* Иная вода стóитъ крови (слезы). Смертью люди живутъ (гробовщики). *Олицетвореніе:* Авоська веревку вьетъ, Небоська петлю закидываетъ. Весна говоритъ: уклочу; осень говóритъ: а вотъ я еще погляжу. *Условность*: Либо коня добраго держи, либо кнутъ. Либо кланяться (просить), либо чваниться. *Опущеніе, недоговорка:* Матушка рожь кормитъ всѣхъ дураковъ сплошь, а пшеничка (кормитъ дураковъ) по выбору. Отъ старыхъ дураковъ молодымъ (дуракамъ) житья нѣтъ. *Даль.*

[1]) Употребительнѣе: себялюбъ, себялюбецъ. [2]) Мужикъ вязалъ борону въ погребѣ и спрашивалъ жену, такъ ли онъ дѣлаетъ; она ему въ отвѣтъ: такъ до такъ, да вонъ-то какъ (т. е. вытащить борону сквозь тѣсный люкъ). [3]) Извѣстная легенда, какъ одинъ святой заперъ чорта крестомъ въ рукомойникѣ. [4]) Прстр. вм. однако. [5]) Правильнѣе: вареное, говореное. [6]) Говорится какъ бы объ извѣстныхъ орудіяхъ наказанія дѣтей, и вмѣстѣ намекъ на положеніе Петра 1-го при р. Прутѣ. [7]) Прстр вм. застигла въ расплохъ.

74. Пословицы.

Божья вода по божьей землѣ бѣжитъ.
Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей.
Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ.
На Бога положишься, не обложишься [1]).
Человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ.
Богъ души не вынетъ, сама не выйдетъ.
Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а божьимъ судомъ.
Божьи невольники счастливы.
Умная голова, разбирай божьи дѣла.
Богъ старый чудотворецъ.
У Бога-свѣта сначала свѣта все доспѣто.
Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ.
Богъ не дастъ, негдѣ возьмешь.
Не скоръ Богъ, да мѣтокъ.
Богу молись, а въ дѣлахъ не плошись.
За добро Богъ плательщикъ.
Богу молиться впередъ пригодится.
Молитва мѣста не ищетъ.
Богъ дастъ совѣтъ, такъ и въ постъ мясоѣдъ.
Не всякій громъ бьетъ, а и бьетъ, да не по насъ.
Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ.
Счастье безъ ума — дырявая сума.
Рабочій конь на соломѣ, а пустоплясъ на овсѣ.
Дума за горами, а смерть за плечами.

Счастье ума прибавляетъ, несчастье послѣдній отнимаетъ.
Денежки — крылышки.
Слову вѣры, деньгамъ мѣры, хлѣбу счетъ.
Сытый голоднаго не разумѣетъ.
Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ.
Бѣдность крадетъ, а нужда лжетъ.
Съ сумой да съ тюрьмой не бранись.
И трава въ затѣньи желкнетъ.
Хлѣба съ душу, денегъ съ нужду, платья съ ношу.
Не тѣмъ богатъ, что есть, а тѣмъ богатъ, чѣмъ радъ.
Лучше свое поберечь, чѣмъ чужое прожить.
Изъ одного два сдѣлаешь — оба окоротаешь (бросишь).
Лѣсъ по лѣсу, что рубль по рублю не плачетъ (т. е. плакать придется хозяину неразсчетливому).
Запоръ да замокъ — святое дѣло (т. е. не вводитъ въ грѣхъ).
Оттерпимся, и мы люди будемъ.
Утро вечера мудренѣе.
Авось да живетъ [2]), къ добру не доведетъ.
Сѣренькое утро — красный денекъ.
Тяжело ждать, какъ ничего не видать.
Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.
Никакое худо до добра не доведетъ.
Чужой бѣдой сытъ не будешь.
Волкъ по утробѣ воръ, а человѣкъ по зависти.
Полынь послѣ меду горьче самой себя.
Учись доброму, худое на умъ не пойдетъ.
Всѣмъ добро, никому зло, то законное житье.
Сердце сердцу вѣсть подаетъ.
На ласковое слово не сдавайся, на противное не осержайся.
И у курицы сердце есть.
Господинъ гнѣву своему — господинъ всему.
Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.
По чужую голову идти, напередъ свою нести.
Пропади мой злодѣй, меня не избывъ, а избывши меня, хоть три вѣка живи.
Змѣя кусается не для сытости, а ради лихости.
Разорвись надвое, скажутъ: а что не начетверо.
Позабыли нѣмцы 12-й годъ.
Бѣды учатъ, побѣдки (слѣдствія бѣдъ) мучатъ.
Москва ни по комъ не плачетъ. Москвы не разжалобишь (не расквелишь).
По полугорю не плачутъ, а цѣлаго и плачь неймѣтъ.
У погоста живучи всѣхъ не оплачешь.

Вотъ горе, что горевать не по чемъ.
Крута гора да забывчива; а лиха бѣда, да сбывчива.
Подумаешь — горе, а раздумаешь — власть Господня!
Лежачаго не бьютъ.
Обиженнаго обижать — двойной грѣхъ.
Гдѣ наболѣло, тамъ не тронь (за болячку никого не хватай)!
Ни радости вѣчной, ни печали безконечной.
Побило градомъ хлѣбъ и у сосѣда; да тѣмъ мой не встанетъ.
Отъ добра добра не ищутъ.
Въ одинъ день по двѣ радости не живетъ (т. е. не бываетъ).
Бѣда бѣду родитъ.
Не ищи правды въ другихъ, коли ея въ тебѣ нѣтъ.
Трудовая копейка довѣку живетъ (идетъ въ прокъ).
Воръ слезливъ, а плутъ богомоленъ.
Голому разбой не страшенъ.
Гдѣ заборъ, тутъ и воръ.
И твоя правда и моя правда и вездѣ правда и нигдѣ ея нѣтъ.
Кто повинился, того суди Богъ.
Не умомъ грѣшатъ, а волей.
Не видишь, такъ и не бредишь.
Правда, что́ масло.
Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.
Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.
Попытка не шутка, а спросъ не бѣда.
Кого милуетъ Богъ, того жалуетъ царь.
На службу не напрашивайся, отъ службы не отпрашивайся.
Службу служить — другу не дружить.
Войну хорошо слышать, да тяжело видѣть.
На трусливаго много собакъ; на смѣлаго лаютъ, трусливаго рвутъ.
Умереть сегодня страшно, а когда-нибудь ничего.
Хорошо море съ берегу.
Кто жить не умѣлъ, того помирать не выучить.
Не тотъ живетъ больше, кто живетъ дольше.
Смерть недосуговъ не знаетъ.
Нежданная смерть — находка.
Умираетъ не старый, а поспѣлый.
Мірская молва — морская волна.
Тому тяжело, кто помнитъ зло.
Съ малинника лыки не велики, да ягоды сладки, а съ калинника лыкъ надерешь, да ягодъ въ ротъ не возьмешь.
Ни пьянаго молитва, ни хвораго постъ.
Что гдѣ родится, тамъ и пригодится.
Гдѣ сосна взросла, тамъ она и красна.

Всякій человѣкъ впередъ смотритъ.
Не загадывай въ годъ, а заглядывай въ ротъ.
Не плюй въ колодецъ; случится напиться.
Думай двояко, а дѣлай одинако.
Ты отъ дѣла на пядень, а оно отъ тебя на сажень.
Золото — не золото, не побывавъ подъ молотомъ.
Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.
Богъ далъ руки, а веревки самъ вей.
Много муки перенесетъ пшеница до калача.
На булатѣ ни написать, ни стереть.
Голова хвоста не ждетъ.
Не сиди сложа руки, такъ не будетъ и скуки.
На нѣтъ и суда нѣтъ.
Брюхо не зеркало: что попало въ него, то и чисто.
Наряди пень въ вешній день, и пень будетъ красавчикъ.
Всякому своя обида горька.
Пожалѣешь чужаго, Богъ дастъ свое.
Самолюбъ никому не любъ.
Слово не стрѣла, а пуще разитъ.
Вмѣстѣ потужимъ — спола [3]) горя.
Своего спасиба не жалѣй, а чужаго не жди.
И слѣпая лошадь везетъ, коли зрячій на возу сидитъ.
Назвался грибомъ, полѣзай въ кузовъ.
На правду да на смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь.
Не правъ медвѣдь, что корову съѣлъ; не права и корова, что въ лѣсъ зашла.
Знать бы гдѣ упасть, тамъ бы соломки подостлалъ.
Изъ пушки да по воробьямъ.
Помяни рѣпу, чтобъ дали капусты.
Работы безъ заботы нѣтъ, а забота безъ работы живетъ.
Плохо молиться, какъ на умѣ двоится.
Чаще счетъ, крѣпче дружба.
Коли надоѣлъ человѣкъ, такъ дай ему въ займы.
Свистанымъ вѣтромъ не вѣютъ, наказнымъ умомъ не живутъ [4]).
Былъ бы другъ, найдемъ и досугъ.
Положи Господь камешкомъ, подыми перышкомъ.
Какъ хлѣба край [5]), такъ и подъ елью рай.
Не только свѣту, что въ окнѣ.

[1]) Собственно значитъ, положить предметъ такъ, что онъ упадетъ. Снт. III. § 56. 10.) 2.) [2]) Въ смыслѣ: такъ и быть! имъ могло бы быть лучше, но пусть останется такъ какъ есть. [3]) половина. [4]) Смыслъ такой: какъ для вѣянья хлѣба (зерна требуется болѣе вѣтру, чѣмъ сколько можно его произвесть свистомъ, такъ и для жизни нужно больше ума, чѣмъ сколько можно его получить изъ чужихъ наставленій. [5]) Большой кусокъ.

III. РѢЧЬ ОПИСАТЕЛЬНАЯ.

75. Первая весна въ деревнѣ.

Въ серединѣ великаго поста, именно на середокрестной недѣлѣ [1]), наступила сильная оттепель. Снѣгъ быстро началъ таять и вездѣ показалась вода. Я чувствовалъ никогда не испытанное мною особаго рода волненіе. Много содѣйствовали тому разговоры съ отцемъ и Евсеичемъ, которые радовались веснѣ [2]), какъ охотники, какъ люди, выросшіе въ деревнѣ и страстно любившіе природу, хотя сами того хорошенько не понимали. Находя во мнѣ живое сочувствіе, они съ увлеченьемъ предавались удовольствію разсказывать мнѣ: какъ сначала обтаютъ горы, какъ побѣгутъ съ нихъ ручьи, какъ спустятъ прудъ, разольется полая вода, пойдетъ вверхъ по полоямъ [3]) рыба, какъ начнутъ ловить её: какъ прилетитъ лѣтняя птица, запоютъ жаворонки, проснутся сурки и начнутъ свистать [4]), сидя на заднихъ лапкахъ по своимъ сурчинамъ [5]); какъ зазеленѣютъ [6]) луга, одѣнется лѣсъ, кусты, и зальются, защелкаютъ въ нихъ соловьи.... Простыя, но горячія слова западали мнѣ глубоко въ душу, потрясали какія-то невѣдомыя струны и пробуждали какія-то неизвѣстныя, томительныя и сладкія чувства. Только намъ троимъ, отцу, мнѣ и Евсеичу, было не грустно и не скучно смотрѣть на почернѣвшія крыши и стѣны строеній и голыя сучья деревъ, на мокроть и слякоть, на грязные сугробы снѣга, на лужи мутной воды, на сѣрое небо, на туманъ сыраго воздуха, на снѣгъ и дождь, то вмѣстѣ, то попеременно падавшіе изъ потемнѣвшихъ, низкихъ облаковъ. Заключенный въ домѣ, потому что въ мокрую погоду меня и на крыльцо не выпускали, я тѣмъ не менѣе слѣдилъ за каждымъ шагомъ весны. Въ каждой комнатѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ, были у меня замѣчены особенные предметы или мѣста, по которымъ я производилъ мои наблюденія: изъ новой горницы, то есть, изъ нашей спальни, съ одной стороны виднѣлась челяевская гора, оголявшая постепенно свой крутой и круглый взлобокъ, съ другой — часть рѣки, давно растаявшаго Бугуруслана, съ противоположнымъ берегомъ; изъ гостиной чернѣлись проталины на кудринской горѣ, особенно около круглаго, родниковаго озера, въ которомъ мочили коноплю; изъ залы стекленѣлась лужа воды, подтоплявшая грачевую рощу; изъ бабушкиной и тетушкиной горницы видно было гумно на высокой горѣ и множество сурчинъ [7]) по ней, которыя съ каждымъ днемъ освобождались отъ снѣга. Шире, длиннѣе становились [8]) грязныя проталины, полнѣе наливалось озеро въ рощѣ, и, проходя

сквозь заборъ, уже показывалась вода между капустныхъградъ въ нашемъ огородѣ. Все замѣчалось [9]) мною точно и внимательно и каждый шагъ весны торжествовался, какъ побѣда. Съ утра до вечера бѣгалъ я изъ комнаты въ комнату, становясь на свои наблюдательныя, сторожевыя мѣста. Чтенье, письмо, игры съ сестрой, даже разговоры съ матерью — все вылетѣло у меня изъ головы. О томъ, чего не могъ видѣть своими глазами, получалъ я безпрестанныя извѣстія отъ отца, Евсеича, изъ дѣвичьей и лакейской: „Прудъ посинѣлъ и надулся; ѣздить по немъ опасно; мужикъ съ возомъ провалился; подпруда подошла подъ водяныя колеса; молоть уже нельзя, пора спускать воду; антошкинъ оврагъ ночью прошелъ, да и мордовскій напружился и почернѣлъ; скоро никуда нельзя будетъ проѣхать; дорожки начали проваливаться, въ кухню не пройдешь; Мазанъ провалился съ миской щей и щи пролилъ; мостки снесло, вода залила людскую баню“ — вотъ что слышалъ я безпрестанно, и не равнодушно принимались всѣ таковыя извѣстія. Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнѣзда въ грачевой рощѣ. Скворцы и жаворонки тоже прилетѣли; и вотъ стала появляться настоящая птица, *дичь*, по выраженію охотниковъ. Отецъ съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ лебедей такъ высоко летѣвшихъ, что онъ едва могъ разглядѣть ихъ, и что гуси потянулись большими станицами. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковныхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и пиголицъ около родниковъ... Сколько волненій, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили прудъ — и безъ меня. Погода была слишкомъ дурна, и я не смѣлъ даже проситься Разсказы отца отчасти удовлетворили моему любопытству. Съ каждымъ днемъ извѣстія становились чаще, важнѣе, возмутительнѣе. Наконецъ Евсеичъ съ азартомъ объявилъ, что „всякая птица валомъ [10]) валитъ [11]), безъ перемежки!“ Переполнилась мѣра моего терпѣнія. Невозможно стало для меня все это слышать и не видѣть, и съ помощью отца, слезъ и горячихъ убѣжденій, выпросилъ я позволенье у матери, одѣвшись тепло, потому что дулъ сырой и пронзительный вѣтеръ, — посидѣть на крылечкѣ, выходившемъ въ садъ, прямо надъ Бугурусланомъ. Внутренняя дверь еще не была откупорена; Евсеичъ обнесъ меня кругомъ дома на рукахъ, потому что вездѣ была вода и грязь. Въ самомъ дѣлѣ то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже не возможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю; потому что нѣтъ такого множества перелетной дичи. Рѣка выступила изъ береговъ, поняла урему [12]) на обѣихъ сторонахъ, и, захвативъ половину нашего сада, слилась съ озеромъ грачевой рощи. Всѣ берега полоевъ были

усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы; однѣ летѣли [13]) высоко, не останавливаясь, а другія низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто: крикъ, пискъ, свистъ наполнялъ воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ [14]) птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ или свиститъ, — я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ, отецъ и Евсеичъ, которые стояли возлѣ меня, сами находились въ большомъ волненіи. Они указывали другъ другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу, потому что только ближнюю можно было различить и узнать по перу. „Шилохвостя, шилохвостя-то сколько! говорилъ торопливо Евсеичъ. Эки стаи! а кряковныхъ-то! батюшки, видимо не видимо [15])!“ — „А слышишь ли, подхватывалъ мой отецъ: вѣдь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно [16]) высоко. А вотъ сивки играютъ надъ озимями точно... Веретенниковъ-то сколько! а турухтановъ-то — я уже и не видывалъ такихъ стай!“ — Я слушалъ, смотрѣлъ, и тогда ничего не понималъ, что вокругъ меня происходило; только сердце то замирало, то стучало какъ молоткомъ; но за то послѣ всё представлялось, даже теперь представляется мнѣ ясно и отчетливо, доставляло и доставляетъ неизъяснимое наслажденіе!... и все это понятно вполнѣ только однимъ охотникамъ! Я и въ ребячествѣ былъ уже въ душѣ охотникъ, и потому можно судить, что̀ я чувствовалъ, когда воротился въ домъ. Я казался, я долженъ былъ казаться какимъ то полоумнымъ, помѣшаннымъ: глаза у меня были дикіе, я ничего не видѣлъ [17]), ничего не слышалъ, что̀ со мной говорили. Я держался за руку отца, пристально смотрѣлъ ему̀ въ глаза и съ нимъ только могъ говорить, и только о томъ, что̀ мы сейчасъ видѣли. Мать сердилась и грозила, что не будетъ пускать меня, если я не образумлюсь и не выброшу сейчасъ изъ головы утокъ и куликовъ. Боже мой, да развѣ можно было это сдѣлать!... Вдругъ грянулъ выстрѣлъ подъ самыми окнами, я бросился [18]) къ окошку и увидѣлъ дымокъ, расходящійся въ воздухѣ, стоящаго съ ружьемъ Филиппа (старый сокольникъ) и пуделя Тритона, который, держа во рту за крылышко какую-то птицу, выходилъ изъ воды на берегъ. Скоро Филиппъ пришелъ съ своею добычей: это былъ кряковный селезень, какъ мнѣ сказали, до того красивый перомъ, что я долго любовался имъ, разсматривая его бархатную зеленую голову и шею, багряный зобъ и темнозеленыя косички въ хвостѣ.

Мало по малу привыкъ я къ наступившей веснѣ и къ ея раз-

нообразнымъ явленіямъ, всегда новымъ, потрясающимъ и восхитительнымъ; говорю, привыкъ, въ томъ смыслѣ, что уже не приходилъ отъ нихъ въ изступленіе. Погода становилась теплая; мать безъ затрудненія пускала меня на крылечко и позволяла бѣгать по высохшимъ мѣстамъ; даже сестрицу отпускала со мной. Всякій день кто-нибудь изъ охотниковъ убивалъ то утку, то кулика, а Мазанъ застрѣлилъ даже дикаго гуся и принесъ къ отцу съ большимъ торжествомъ, разсказывая подробно, какъ онъ подкрался камышами, въ водѣ по горлѣ, къ двумъ гусямъ, плававшимъ на материкѣ пруда, какъ прицѣлился въ одного изъ нихъ и заключилъ разсказъ словами: „какъ ударилъ, такъ и не ворохнулся!“ Всякій день также сталъ приносить старый грамотѣй Мысеичъ разную крупную рыбу: щукъ, язей, головлей, линей и окуней. Я любилъ тогда рыбу больше, чѣмъ птицъ, потому что зналъ и любилъ рыбную ловлю, то есть: уженье; каждаго большаго линя, язя или головля воображалъ я на удочкѣ, представляя себѣ, какъ бы онъ сталъ биться и метаться, и какъ было бы весело вытащить его на берегъ.

Несмотря однакоже на всѣ предосторожности, я какъ-то простудился, получилъ насморкъ и кашель, и, къ великому моему горю, долженъ былъ оставаться заключеннымъ въ комнатахъ, которыя казались мнѣ самою скучною тюрьмою, о какой я только читывалъ въ своихъ книжкахъ; а какъ я очень волновался разсказами Евсеича, то ему запретили доносить мнѣ о разныхъ новостяхъ, которыя весна безпрестанно приносила съ собой; къ тому же мать почти не отходила отъ меня. Она сама была не совсѣмъ здорова. Въ первый день напала на меня тоска, увеличившая мое лихорадочное состояніе, но я сталъ спокойнѣе и цѣлые дни игралъ, а иногда читалъ книжку съ сестрицей, безпрестанно подбѣгая хоть на минуту къ окнамъ, изъ которыхъ виденъ былъ весь разливъ полой воды, затопившей огородъ и половину сада. Можно было даже разглядѣть и птицу, но мнѣ не позволяли долго стоять у окошка. Въ страстную субботу мы уже гуляли съ сестрицей по высохшему двору. Въ этотъ день мой отецъ и тетушки, которыя на то время у насъ гостили, уѣхали ночевать въ Неклюдово, чтобы встрѣтить тамъ въ храмѣ божіемъ свѣтлое христово воскресенье. Проѣхать было очень трудно, потому что полая вода хотя и пошла на убыль, но все еще высоко стояла; они пробрались по плотинѣ въ крестьянскихъ телѣгахъ и съ полверсты ѣхали [19]) полями; вода хватала [20]) выше колесныхъ ступицъ. Съ четверга на страстной начали красить яица въ красномъ и синемъ сандалѣ, въ серпухѣ и луковыхъ перьяхъ; яица выходили красныя, синія, желтыя и блѣдно-розоваго цвѣта. Мы съ сестрицей [21]), съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ крашеньѣ. Но мать умѣла мастерски красить яица въ мраморный

цвѣтъ разными лоскутками и шемаханскимъ шелкомъ. Сверхъ того она съ необыкновеннымъ искусствомъ, простымъ перочиннымъ ножичкомъ выскабливала на красныхъ яицахъ чудесные узоры, цвѣты и слова: „Христосъ воскресъ!“ Она всѣмъ приготовила по такому яичку, и только я одинъ видѣлъ, какъ она надъ этимъ трудилась. Мое яичко было лучше всѣхъ и на немъ было написано: „Христосъ воскресъ, милый другъ Сережинька!“ Я заснулъ въ обыкновенное время; но вдругъ отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освѣщена; кивотъ съ образами растворенъ; передъ каждымъ образомъ, въ золоченой ризѣ, теплилась восковая свѣча, а мать, стоя на колѣняхъ, въ полголоса читала молитвенникъ, плакала и молилась. Я самъ почувствовалъ непреодолимое желанье помолиться вмѣстѣ съ маменькой и попросилъ ее объ этомъ. Мать удивилась моему голосу [22]) и даже смутилась, но позволила мнѣ встать. Я проворно вскочилъ съ постели, сталъ на колѣнки и началъ молиться съ неизвѣстнымъ мнѣ до тѣхъ поръ, особаго рода одушевленіемъ; но мать уже не становилась на колѣни и скоро сказала: „будетъ [23]), ложись спать.“ Я прочелъ на лицѣ ея, услышалъ въ голосѣ, что помѣшалъ ей молиться. Я изъ всѣхъ силъ старался поскорѣе заснуть, но не скоро утихло дѣтское мое волненье и непостижимое для меня чувство умиленья. Наконецъ мать, помолясь, погасила свѣчки и легла [24]) на свою постель. Яркій свѣтъ потухъ; теплилась только тусклая лампада; не знаю, кто изъ насъ заснулъ прежде. Къ большой моей досадѣ, я проснулся довольно поздно; мать была совсѣмъ одѣта; она обняла меня и, похристосовавшись заранѣе приготовленнымъ яичкомъ, ушла къ бабушкѣ. Вошелъ Евсеичъ, также похристосовался со мной, далъ мнѣ желтое яичко и сказалъ: „эхъ, соколикъ, проспалъ! Вѣдь я говорилъ тебѣ, что надо посмотрѣть, какъ солнышко на восходѣ играетъ и радуется христову воскресенью.“ Мнѣ самому было очень досадно; я поспѣшилъ одѣться, заглянулъ къ сестрицѣ и братцу, перецѣловалъ ихъ и побѣжалъ въ тетушкину комнату, изъ которой видно было солнце и хотя оно уже стояло высоко, принялся смотрѣть на него сквозь мои кулаки. Мнѣ показалось, что солнышко какъ будто прыгаетъ, и я громко закричалъ: „солнышко играетъ! Евсеичъ правду сказалъ.“ Мать вышла ко мнѣ изъ бабушкиной горницы, улыбнулась моему восторгу и повела меня христосоваться къ бабушкѣ.... Отецъ съ тетушками воротился еще до полуденъ [25]), когда насъ съ сестрицей только что выпустили погулять. Назадъ проѣхали они лучше, потому что воды въ ночь много убыло; они привезли съ собою пѣтыя [26]) пасхи, куличи, крутыя яица и четверговую [27]) соль. Въ залѣ былъ уже накрытъ столъ; мы всѣ собрались туда и разговѣлись. Черезъ часъ приказали подавать обѣдъ, а мнѣ съ сестрицей позволили еще побѣгать по

двору, потому что день былъ очень теплый, даже жаркій. Дворовые [28]) мальчики и дѣвочки, нѣсколько принаряженные, иные хоть тѣмъ, что были въ бѣлыхъ рубашкахъ, почище умыты и съ приглаженными волосами, всѣ весело бѣгали [29]) и начали уже катать [30]) яица, какъ вдругъ общее вниманіе привлечено было двумя какими-то пѣшеходами, которые, сойдя съ кудринской горы, шли въ бродъ по водѣ, прямо чрезъ затопленную урему. Въ одну минуту сбѣжалась вся дворня, и вскорѣ узнали въ этихъ пѣшеходахъ стараго мельника, Болтуненка, и дворового молодаго человѣка Василія Петрова, возвращающихся отъ обѣдни изъ того же села Неклюдова. По безразсудному намѣренію пробраться полоями къ лѣтней кухнѣ, которая соединялась высокими мостками съ высокимъ берегомъ нашего двора, всѣ угадали, что они были пьяны. Очевидно, что они хотѣли избѣжать длиннаго обхода на мельничную плотину. Конечно вода уже такъ сбыла, что въ обыкновенныхъ мѣстахъ доставала не выше колѣна, но за то во всѣхъ ямахъ, канавкахъ и старйцахъ [13]), которыя въ лѣтнее время высыхали и которыя окружали кухню, глубина была еще значительна. Сейчасъ начались опасенія, что эти люди могутъ утонуть, попавъ въ глубокое мѣсто, чтó могло бы случиться и съ трезвыми людьми; дали знать отцу. Онъ пришелъ, увидѣлъ опасность и приказалъ какъ можно скорѣе заложить лошадь въ роспуски и привезть лодку съ мельницы, на которой было бы нетрудно перевезти на берегъ этихъ безумцевъ. Бултуненокъ и Васька рыжій (какъ его обыкновенно звали), распѣвая громко пѣсни, то сходясь вмѣстѣ, то расходясь врозь, потому что одинъ хотѣлъ идти налѣво, а другой направо, — подвигались впередъ: голоса ихъ становились явственно слышны. Вся толпа дворовыхъ, къ которымъ безпрестанно присоединялись крестьянскіе парни и дѣвки, принимала самое живое участіе: шумѣла, смѣялась и спорила между собою. Одни говорили, что бѣды никакой не будетъ, что только выкупаются, что холодная вода выгонитъ хмѣль, что вездѣ мелко, что только около кухни въ старйцѣ будетъ по горло, но что они мастера плавать [32]); а другіе утверждали, что, стоя на берегу, хорошо растабарывать, что глубокихъ мѣстъ много, а въ старйцѣ и съ руками уйдешь, что одежа на нихъ намокла, что этакъ и трезвый не выплыветъ, а пьяные пойдутъ, какъ ключъ, ко дну. Забывая, что слышны были голоса, а словъ разобрать невозможно, всѣ принялись кричать и давать совѣты, махая изо всей мочи руками: „лѣвѣе, правѣе, сюда, туда, не туда“ и проч. Между тѣмъ пѣшеходы, попавъ нѣсколько разъ въ воду по поясъ, а иногда и глубже, въ самомъ дѣлѣ какъ будто отрезвились, перестали пѣть и кричать и, молча, шли прямо впередъ. Вдругъ почему-то они перемѣнили направленіе и стали подаваться влѣво, гдѣ текла скрытая подъ водою, такъ называемая новенькая, глубокая тогда, ка-

навка, которую можно было различить только по быстротѣ теченія. Вся толпа подняла громкій крикъ, крикъ, котораго нельзя было не слышать, но на который не обратили никакого вниманія, а можетъ быть и сочли одобрительнымъ знакомъ несчастные пѣшеходы. Подойдя близко къ канавѣ, они остановились, что-то говорили, махали руками, и видно было, что Василій указывалъ въ другую сторону. Наступила мертвая тишина: точно всѣ старались вслушаться, чтб они говорятъ... Слава Богу, они пошли внизъ по канавкѣ, но по самому ея краю. Въ эту минуту прискакалъ съ лодкой молодой мельникъ, сынъ стараго Болтуненка. Лодку подвезли къ берегу, спустили на воду; молодой мельникъ замахалъ весломъ, перебилъ материкъ Бугуруслана, вплылъ въ старйцу, какъ вдругъ старый Болтуненокъ исчезъ подъ водою.... Страшный вопль раздался вокругъ меня и вдругъ затихъ. Всѣ догадались, что старый Болтуненокъ оступился и попалъ въ канаву; всѣ ожидали, что онъ вынырнетъ, всплыветъ на верхъ, канавка была узенькая и сейчасъ можно было попасть на берегъ... но никто не показывался на водѣ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Многіе начали креститься, а другіе тихо шептали: „пропалъ, утонулъ"; женщины принялись плакать навзрыдъ. Насъ увели въ домъ. Я такъ былъ испуганъ, пораженъ всѣмъ видѣннымъ мною, что ничего не могъ разсказать матери и тетушкамъ, которыя принялись меня разспрашивать: „что такое случилось?" Вскорѣ прибѣжала глухая бабушкина Груша и сестрицына нянька Параша. Онѣ сказали намъ, что стараго мельника не могутъ найти, что много народа съ шестами и баграми переѣхало и перебралось кое-какъ черезъ старицу и что теперь хоть и найдутъ утопленника, да ужъ онъ давно захлебнулся." „Больно жалко смотрѣть, прибавила Параша, на ребятъ и на хворую жену стараго мельника; а ужъ ему такъ на роду написано."

Всѣ были очень огорчены, и свѣтлый, веселый праздникъ вдругъ сдѣлался печаленъ. Что же происходило со мной, трудно разсказать. Хотя я много читалъ и еще больше слыхалъ, что люди то и дѣло [33]) умираютъ, зналъ, что всѣ умрутъ, зналъ, что въ сраженіяхъ солдаты погибаютъ тысячами, очень живо помнилъ смерть дѣдушки, случившуюся возлѣ меня, въ другой комнатѣ того же дома; но смерть мельника Болтуненка, который передъ моими глазами шелъ, пѣлъ, говорилъ, и вдругъ пропалъ на всегда, — произвела на меня особенное, гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, и утонуть въ канавкѣ показалось мнѣ гораздо страшнѣе, чѣмъ погибнуть при какомъ либо кораблекрушеніи, на безпредѣльныхъ моряхъ, на бездонной глубинѣ (о кораблекрушеніяхъ я много читалъ). Мало по малу возвращалась наша прислуга. У всѣхъ былъ одинъ от-

вѣтъ: „не нашли Болтуненка." Давно уже прошло обычное время для обѣда, который бываетъ ранѣе въ день разговѣнья. Наконецъ накрыли столъ, подали кушать и послали за моимъ отцемъ. Онъ пришелъ огорченный и разстроенный. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ своихъ зналъ стáраго мельника Болтуненка и очень его любилъ. Обѣдъ прошелъ грустно, и какъ только встали изъ за стола, отецъ опять ушелъ. До самаго вечера искали тѣло несчастнаго мельника. Утомленные, передрогшіе отъ мокрети и голодные люди, не успѣвшіе даже хорошенько разговѣться, возвращались уже домой, какъ вдругъ крикъ молодаго Болтуненка: „нашелъ!" заставилъ всѣхъ воротиться. Сынъ зацѣпилъ багромъ за зипунъ утонувшаго отца, и при помощи другихъ, съ большимъ усиліемъ вытащилъ его трупъ. Оказалось, что утонувшій какъ то попалъ подъ оголившійся корень старой ольхи, ростущей на берегу, не новой канавки, а глубокой старíцы, огибавшей островъ, куда снесло тѣло быстротою воды. Какъ скоро вѣсть объ этомъ событіи дошла до насъ, опять на нѣсколько времени опустѣлъ нашъ домъ: всѣ сбѣгали [34]) посмотрѣть утопленника и всѣ воротились [35]) съ такими страшными и подробными разсказами, что я не спалъ почти всю ночь, воображая себѣ стараго мельника, дрожа и обливаясь холоднымъ потомъ. Но я имѣлъ твердость одолѣть мой ужасъ и не будить отца и матери. Прошла мучительная ночь, стало свѣтло, и на солнечномъ восходѣ затихло, улеглось мое воспаленное воображеніе — я сладко заснулъ.

Погода перемѣнилась и остальные дни святой недѣли были дождливы и холодны: Дождя выпало [36]) такъ много, что сбывавшая полая вода, подкрѣпленная дождями и такъ называемою *земляною водою*, вновь поднялась и простоявъ на прежней высотѣ однѣ сутки — вдругъ слила. Въ тоже время, также вдругъ наступила и лѣтняя теплота, чтó бываетъ часто въ апрѣлѣ. Въ концѣ ѳоминой недѣли началась та чудная пора, не всегда являющаяся дружно, когда природа, пробудясь [37]) отъ сна, начнетъ жить полною, молодою, торопливою жизнію; когда все переходитъ въ волненье, въ движенье, въ звукъ, въ цвѣтъ, въ запахъ. Ничего тогда не понимая, не разбирая, не оцѣнивая, никакими именами не называя, я самъ почуялъ въ себѣ новую жизнь, сдѣлался частью природы, и только въ зрѣломъ возрастѣ сознательныхъ воспоминаній объ этомъ времени, сознательно оцѣнилъ всю его очаровательную прелесть, всю поэтическую красоту.

Горестное событіе, смерть стараго мельника, скоро было забыто мною, подавлено, вытѣснено новыми, могучими впечатлѣніями. Умъ и душа стали чѣмъ- [38]) то полны, какое-то дѣло легло [39]) на плéча, озабочивало меня, какое-то стремленіе овладѣло мной, хотя въ дѣйствительности я ничѣмъ не занимался, никуда не стремился,

не читалъ и не писалъ. Но до чтенія ли, до письма ли [40]), когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда пучекъ на березахъ лопается, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ*, лиловаго, голубаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полѣзутъ вездѣ изъ земли свернутыя въ трубочки травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ; когда жаворонки съ утра до вечера висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаясь въ своихъ журчащихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали [41]) меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ, когда въ водѣ движенье, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ.... А сколько было мнѣ дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яицахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ, какъ поселяются зорки и малиновки въ смородиныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились; какъ муравьи показались сначала понемногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крыши строеній, въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними.... о, много было дѣла и заботы мнѣ! Я уже не бѣгалъ по двору, не каталъ яицъ, не качался на качеляхъ съ сестрицей, не игралъ съ Суркой, а ходилъ и чаще стоялъ на одномъ мѣстѣ, будто не веселый и безпокойный; ходилъ, глядѣлъ и молчалъ противъ моего обыкновенія. Обвѣтрилъ и загорѣлъ я, какъ цыганъ. Сестрица смѣялась надо мной. Евсеичъ не могъ надивиться, что я не гуляю, какъ слѣдуетъ, не играю, не прошусь на мельницу, а все хожу и стою на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. „Ну, чего, соколикъ, ты не видалъ [42]) тутъ?“ говорилъ онъ. Мать также не понимала моего состоянія и съ досадою на меня смотрѣла; отецъ сочувствовалъ мнѣ больше. Онъ ходилъ со мною подглядывать за птичками въ садовыхъ кустахъ и разсказывалъ, что они завиваютъ ужъ гнѣзда. Онъ ходилъ со мною и въ грачевую рощу и очень сердился на грачей, что они сушатъ вершины березъ, ломая вѣтви для устройства своихъ уродливыхъ гнѣздъ, даже грозился разорить ихъ. Какъ былъ отецъ доволенъ, увидя въ первый разъ медуницу! Онъ научилъ меня легонько выдергивать лиловые цвѣтки и сосать

бѣлые, сладкіе ихъ корешочки. И какъ онъ еще болѣе обрадовался, услыша издали, также въ первый разъ, пѣніе варакушки. „Ну, Сережа, сказалъ онъ мнѣ; теперь всѣ птички начнутъ пѣть: варакушка первая запѣваетъ.“ А вотъ, когда одѣнутся кусты, то запоютъ наши соловьи, и еще веселѣе будетъ въ Багровѣ!“ Наконецъ пришло и это время: зазеленѣла трава, распустились деревья, одѣлись кусты, запѣли соловьи — и пѣли, не уставая, и день и ночь. Днемъ ихъ пѣнье не производило па меня особеннаго впечатлѣнія; я даже говорилъ, что и жаворонки поютъ не хуже; но поздно вечеромъ или ночью, когда все вокругъ меня утихало, при свѣтѣ потухающей зари, при блескѣ звѣздъ, соловьиное пѣнье приводило меня въ волненіе, въ восторгъ, и сначала мѣшало спать. Соловьевъ было такъ много, и ночью они, казалось, подлетали такъ близко къ дому, что, при закрытыхъ ставнями окнахъ, свисты, раскаты и щелканье ихъ съ двухъ сторонъ врывались съ силою въ нашу закупоренную спальню, потому что она угломъ выходила на загибавшуюся рѣку, прямо въ кусты, полные соловьевъ. Мать посылала ночью пугать ихъ. И тутъ только повѣрилъ я словамъ тетушки, что соловьи не давали ей спать. Я не знаю, исполнились ли слова отца, стало ли веселѣе въ Багровѣ. Вообще я не умѣю сказать: было ли мнѣ тогда весело? Знаю только, что воспоминаніе объ этомъ времени во всю мою жизнь разливало тихую радость въ душѣ моей.

Наконецъ я сталъ спокойнѣе, присмотрѣлся, попривыкъ [43]) къ окружающимъ меня явленіямъ, или, вѣрнѣе сказать, чудесамъ природы, которая, достигнувъ полнаго своего великолѣпія [44]), сама какъ будто успокоилась.... Между тѣмъ какъ только слила полая вода и рѣка пришла въ свою лѣтнюю межень, даже прежде, чѣмъ вода совершенно прояснилась, всѣ дворовые начали уже удить. Я сказалъ всѣ, потому что тогда удилъ всякій, кто могъ держать въ рукѣ удилище, даже нѣкоторыя старухи: ибо только въ эту пору, то есть, съ весны, отъ цвѣта черемухи до окончанія цвѣта калины чудесно брала крупная рыба, язи, головли и лини. Стоило сбѣгать пораньше утромъ на одинъ часъ, чтобы принесть по крайней мѣрѣ пару большихъ язей, упустивъ столько же или больше, и вотъ у цѣлаго семейства была уха, жареное или пирогъ. Евсеичъ уже давно удилъ и, разсказывая мнѣ свои подвиги, обыкновенно говорилъ: „это, соколикъ, еще не твое уженье. Теперь еще вездѣ мокро и грязно; а вотъ недѣльки черезъ двѣ солнышко землю прогрѣетъ, земля повысохнетъ, — къ тѣмъ порамъ я тебѣ и удочки приготовлю.“

Пришла пора и моего уженья, какъ предсказывалъ Евсеичъ. Теплая погода, простоявъ нѣсколько дней, на ѳоминой недѣлѣ, еще разъ перемѣнилась на сырую и холодную, что однакожъ ничему не

мѣшало зеленѣть, рости и цвѣсти. Потомъ опять наступило теплое время и сдѣлалось уже постояннымъ. Солнце прогрѣло землю, высушило грязь и тину. Евсеичъ приготовилъ мнѣ три удочки: маленькую, среднюю и побольше, но не такую большую, которыя употреблялись для крупной рыбы; такую я и сдержать бы не могъ. Отецъ, который ни разу еще не ходилъ удить, можетъ быть потому, что матери это было непріятно, пошелъ со мною и повелъ меня на прудъ, который былъ спущенъ. Въ спущенномъ прудѣ удить и ловить рыбу запрещалось, а на рѣкѣ позволялось вездѣ и всѣмъ. Я видѣлъ, что мой отецъ сбирался удить съ большéй охотой. „Ну, что теперь дѣлать [45]), Сережа, на рѣкѣ?“ говорилъ онъ мнѣ, дорогой на меньницу, идя такъ скоро, что я едва поспѣвалъ за нимъ. „Кавацкій прудъ пронесло и его не скоро запрудятъ; рыбы теперь въ саду мало. А вотъ у насъ на пруду вся рыба свалилась въ материкъ [46]), въ трубу, и должна славно брать. Ты еще въ первый разъ будешь удить въ Бугурусланѣ, пожалуй, послѣ Сергѣевки, тебѣ покажется, что въ Багровѣ все лучше.“ Въ прошломъ лѣтѣ я не бралъ въ руки удочки, и хотя настоящая весна такъ сильно подѣйствовала на меня новыми и чудными своими явленіями: прилетомъ птицы и возрожденіемъ къ жизни всей природы, что я почти забывалъ объ уженьѣ, но тогда уже успокоенный отъ волненій, пресыщенный, такъ сказать, тревожными впечатлѣніями, я вспомнилъ и обратился съ новымъ жаромъ къ страстно любимой мною охотѣ и чѣмъ ближе подходилъ я къ пруду, тѣмъ нетерпѣливѣе хотѣлось мнѣ закинуть удочку. Спущенный прудъ грустно изумилъ меня. Обширное пространство, затопляемое обыкновенно водою, представляло теперь голое, нечистое, неровное дно, состоящее изъ тины и грязи, истрескавшейся отъ солнца, но еще не высохшей внутри: вездѣ валялись жерди, сучья и коряги, или торчали колья, воткнутые прошлаго года для встелей [47]). Прежде все это было затоплено и представляло свѣтлое, гладкое зеркало воды, лежащее въ зеленыхъ рамахъ и проросшее зеленымъ камышемъ. Молодые его побѣги еще были непримѣтны, а старыя гривы сухаго камыша, не скошеннаго въ прошедшую осень, непріятно желтѣли между зеленѣющихъ краевъ прудоваго разлива и, волнуемые вѣтромъ, еще непріятнѣе какъ-то безжизненно шумѣли. Надобно прибавить, что отъ высохшей тины и рыбы, погибшей въ камышахъ, пахло очень дурно. Но скоро прошло непріятное впечатлѣніе. Выбравъ мѣста посуше [48]), стали мы удить — и вполнѣ оправдались слова отца безпрестанно брали окуни, крупная плотва, средней величины язи и большіе лини. Крупная рыба попадалась все отцу, а иногда и Евсеичу, потому что удили на большія удочки; а у меня безпрестанно брала плотва, если Евсеичъ насаживалъ мнѣ

крючекъ хлѣбомъ, или окуни, если удочка насаживалась червякомъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы отецъ мой такъ горячился, и у меня мелькнула мысль, отъ чего онъ не ходитъ удить всякій день? Евсеичъ же, горячившійся всегда и прежде, самъ говорилъ, что не помнитъ себя въ такомъ *азартѣ*. Азартъ этотъ еще увеличился, когда отецъ вытащилъ огромнаго окуня и еще огромнѣйшаго линя, а у Евсеича сорвалась какая-то большая рыба и въ добавокъ щука оторвала удочку. Онъ такъ смѣшно хлопалъ себя по ногамъ ладонями и такъ жаловался на свое несчастье, что отецъ смѣялся, а за нимъ и я. Впрочемъ щука точно также и у отца перекусила лѣсу. Мнѣ тоже захотѣлось [49]) выудить что нибудь покрупнѣе, и хотя Евсеичъ увѣрялъ, что мнѣ хорошей рыбы не вытащить [50]), но я упросилъ его дать мнѣ удочку побольше и также насадить большой кусокъ. Онъ исполнилъ мою просьбу, но успѣха не было [51]), а вышло еще хуже, потому что перестала попадаться и мелкая рыба.

Мнѣ стало какъ-то скучно и захотѣлось домой, но отецъ и Евсеичъ и не думали возвращаться и конечно безъ меня остались бы на пруду до самаго обѣда. Пойманная рыба едва помѣщалась въ двухъ ведрахъ. Мы принесли ее прямо къ бабушкѣ и тетушкамъ. Онѣ не равнодушно приняли нашъ уловъ; онѣ ахали, разглядывали и хвалили рыбу, которую очень любили кушать; но мать махнула рукой и не стала смотрѣть на нашу добычу, говоря, что отъ нея воняетъ сыростью и гнилью; она даже увѣряла, что и отъ меня съ отцемъ пахнетъ прудовою тиной, чтб, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ было такъ.

Оставшись наединѣ съ матерью, я спросилъ ее: „отъ чего отецъ не ходитъ удить, хотя очень любитъ уженье?“ Матери моей были непріятны мои вопросы. Она отвѣчала, что не запрещаетъ ему удить; но въ тоже время презрительно отозвалась объ этой охотѣ, называя ее забавою людей праздныхъ и пустыхъ, не имѣющихъ лучшаго дѣла, забавою, приличною только дѣтскому возрасту, и мнѣ немножко стало стыдно, что я такъ люблю удить.

Какъ только провяла земля, начались полевыя работы, то есть посѣвъ яроваго хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ и только одинъ разъ отпустила меня мать. Видъ весеннихъ полей привлекъ мое вниманіе и радостное чувство овладѣло моей душой. Поднимаясь отъ гумна нá-гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочной травой, а гривы дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный, ароматическій запахъ. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація. Жаворонки тамъ и [52]) разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей, вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ, слы-

шался хриплый голосъ кречетовъ; стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота, и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху. Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростію, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ. Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ [53]) взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли [54]) три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы; но онѣ, не останавливаясь и безъ особеннаго усилія взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется, не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами. И весь этотъ, по видимому, тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную, но еще не заборонованную десятину, сталъ что-то мѣрять своей палочкой и считать; а я, оглянувшись вокругъ себя, и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались также мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ, — я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная, о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ же положеніи, спросилъ: „что ты, Сережа?“ Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. Слова его запали мнѣ въ сердце. Я сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили [55]) взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду — и мнѣ стало совѣстно, стыдно и рѣшился [56]) я просить отца и мать, чтобы меня заставили боронвать землю. Полный такихъ мыслей воротился я [57]) домой и принялся передавать матери мои впечатлѣнія и желаніе работать. Она смѣялась, а я горячился; наконецъ она съ важностію сказала мнѣ: „выкинь этотъ вздоръ изъ головы! Пашня и бороньба не твое дѣло. Впрочемъ если хочешь попробовать, я позволяю.“ Черезъ нѣсколько

времени дѣйствительно мнѣ позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, что я никуда не годенъ: не умѣю ходить по вспаханной землѣ, не умѣю держать возжи и править лошадью, не умѣю заставить ее слушаться. Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминалъ объ этомъ. *С. Аксаковъ.*

[1]) Такъ называется 4-я недѣля великаго поста, иначе крестопоклонною, потому что тогда поются пѣсни поклоненія кресту господню. [2]) Снт. Ш. § 44. 3). б.) [3]) По залитымъ водою низменнымъ мѣстамъ. [4]) Снт. Ш. § 51. 13). [5]) Снт. Ш. § 56. 2). [6]) Снт. Ш. 54. 9). [7]) Кочки, на краю норъ сурковъ, которыя они насыпаютъ выбираемою изнутри землею. [8]) Снт. Ш. § 54. 16). [9]) Снт. Ш. § 50. 14). [10]) Снт. Ш. § 14. 4). [11]) Снт. Ш § 50. 3). [12]) Поемная, поросшая кустами или лѣсомъ низменность по берегамъ рѣкъ. Отъ татарскаго слова *урманъ* лѣсъ. [13]) Снт. Ш. § 50. 14). [14]) Снт. Ш. § 50. 22). [15]) Нельзя обозрѣть глазомъ. [16]) Вмѣсто весьма, очень. [17]) Снт. Ш. § 51. 25). [18]) Снт. Ш. § 54. 1). [19]) Снт. Ш. § 50. 23). [20]) Снт. Ш. § 54. 18). [21]) Снт. Ш. § 29. 14). [22]) Снт. Ш. § 44. 3.) б). Нкл. Снт. ст. 70. д). [23]) Опущено: довольно. [24]) Снт. Ш. § 54. 6).) [25]) Вмѣсто: до полудня. [26]) Которыя, съ пѣніемъ окроплены святой водою. [27]) Соль, извѣстнымъ образомъ поджаренная въ великій четвергъ. [28]) Дворнею во время крѣпостнаго права назывались крестьяне, не имѣвшіе земельнаго надѣла, занимавшіеся личными услугами помѣщику, отъ котораго и содержимы были на всемъ готовомъ. [29]) Снт. Ш. § 50. 1). [30]) Снт. Ш. § 50. 10). [31]) Старая, не нужная и заросшая травой канава. [32]) Снт. Ш. § 50. 17). [33]) Очень часто, каждую минуту. [34]) Снт. Ш. 56. 18. Прим. 2). [35]) Снт. Ш. § 50. 8). [36]) Снт Ш. § 47. 6.) б). Нкл. Снт. ст. 73. [37]) Снт. Ш. § 69. 4). Прим. 2). [38]) Снт. Ш. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [39]) Снт. Ш. § 54. 6). [40]) Нкл. Снт. ст. 96. б). [41]) Снт. Ш. § 54. 18). [42]) Снт. Ш. § 51. 25). [43]) Снт. Ш. § 56. 12.) 3). [44]) Снт. Ш. § 42. 2). Нкл. Снт. ст. 79. [45]) Снт. Ш. § 66. 8.) 4). [46]) Въ русло, въ берега. [47]) Рыболовный снарядъ. [48]) Предлогъ *по* въ присоединеніи къ усѣченному окончанію сравнительной степени нѣсколько ограничиваетъ превосходство, подобно нѣмецкому etwas. [49]) Снт. Ш. § 47. 5.) в). Нкл. Снт. ст. 24. Прим. 3. [50]) Снт. Ш. § 47. 5.) а). Нкл. Снт. ст. 68. [51]) Снт. Ш. § 47. 5. б). Нкл. Снт. ст. 73. [52]) Снт. Ш. § 88. 28.) 3). [53]) Снт. Ш. § 50. 22). [54]) Снт. Ш. § 50. 22). [55]) Снт. Ш. § 50. 1.) [56]) Снт. Ш. § 54. 14.) [57]) Снт. Ш. § 50. 8).

---

76. Поединки и кровомщеніе въ Черногоріи.

Ча́сто поража́лъ меня́ стари́къ, дря́хлый, но всё ещё стро́йный, безъ руба́хи, едва́ прикры́тый ру́бищемъ, но го́рдаго, повели́тельнаго ви́да [1]), безъ приста́нища, но снискива́вшій везде́ кровъ и гостепріи́мство. Въ Черного́ріи, какъ и въ Евро́пѣ, бѣ́дность не поро́къ, но ху́же поро́ка: э́то я зналъ, и тѣмъ бо́лѣе удивля́лся старику́, пока́ не разгада́лась мнѣ та́йна. „Это сла́вный юна́къ (удале́цъ, богаты́рь) Янко: онъ отруби́лъ 12 туре́цкихъ голо́въ,“ — сказа́лъ съ уваже́ніемъ Ви́до и тутъ же разсказа́лъ мнѣ о его́ поеди́нкѣ съ други́мъ юна́комъ.

На́добно бы́ло васъ предупреди́ть, что здѣ́сь поеди́нки быва́ютъ ча́ще, не́жели гдѣ́-либо; хотя́ они́ преслѣ́дуются ны́нѣшнимъ влады́кой [2]) со все́ю стро́гостію, и убі́йца на поеди́нкѣ кара́ется сме́ртною ка́знію, одна́ко ста́рый обы́чай, пусти́вшій глубо́ко свои́ ко́рни, всё еще́ имѣ́етъ си́лу. Здѣ́сь бо́лѣе, чѣ́мъ гдѣ́-нибудь, кипя́тъ стра́сти и, переполни́въ бре́нный сосу́дъ человѣ́ка, си́лятся вы́рваться нару́жу;

Черногóрецъ не ждётъ, покá опадётъ пѣ́на ихъ, покá прáвый судъ разберётъ дѣ́ло; уздá закóна для негó новá и дерётъ чéлюсти вмѣ́сто тогó, чтóбы удéрживать тóлько усúленный поры́въ. Поедúнки бывáютъ одúнъ противъ одногó и плéмя противъ плéмени, при свидѣ́теляхъ и безъ нихъ. Предмéты ссóры — всегó чáще жéнщины и оскорблённое честолю́біе, иногдá крáжа корóвы или козы́. Именно послѣ́днее бы́ло пóводомъ поедúнка нáшего юнáка, Янко, съ другúмъ, по úмени Трúпо, а потомý неудивúтельно, что поедúнокъ былъ нáсмерть, какъ вóдится между юнáками, безъ свидѣ́телей: сóвѣсть кáждаго былá емý судьёю, и какъ увúдимъ, судьёю сáмымъ стрóгимъ. Поедúнокъ, столь необыкновéнный по лúцамъ состязáющимся, не могъ остáться тáйною, и толпá, всегдá жáдная подóбнаго рóда зрѣ́лищъ [3]), собралáсь близъ мѣ́ста рáтованія и притаúлась за взгóрьемъ. Врагú пришлú, сошлúсь, кое-о-чёмъ пошутúли, вы́пили рáкіи [4]), зарядúли свои длúнныя ру́жья и разошлúсь; ихъ хладнокрóвіе, слѣ́дствіе совершéннаго равнодýшія къ жúзни и смéрти, бы́ло слúшкомъ натурáльно, — э́то отличúтельная чертá черногóрскихъ поедúнковъ отъ нáшихъ — ихъ шýтки, какъ и лúца, не вытягивались въ „два аршúна съ половúною,“ и звѣнó мірскúхъ привя́занностей и рáдостей не тянýло назáдъ отъ барьéра. Поедúнщики стáли на услóвленномъ разстоя́ніи; вслѣ́дъ за тѣ́мъ раздáлся вы́стрѣлъ — и тóлько одúнъ; ружьё Трúпа дáло осѣ́чку. Пýля расшúбла емý лóкоть лѣ́вой рукú, поддéрживавшей ружьё, и засѣ́ла въ лѣ́вомъ бокý; онъ упáлъ безъ чувствъ, откúнувъ далекó отъ себя́ ружьё, но вскóрѣ, усúліями товáрища, былъ возвращёнъ на мигъ къ жúзни, и э́тимъ предсмéртнымъ мúгомъ поспѣ́шúлъ воспóльзоваться Янко; не смотря́ на то, что по закóну черногóрскихъ поедúнковъ, осѣ́чка, въ такóмъ слýчаѣ, почитáется прáвымъ судóмъ Бóжіимъ, онъ велѣ́лъ Трúпу стрѣля́ть въ себя́. „Не могý придвúнуть ружья́, не могý удержáть егó,“ произнёсъ тотъ умирáющимъ гóлосомъ. Янко пóдалъ емý ружьё, посадúлъ на зéмлю; но рýки Трúпа склоня́лись дóлу, тѣ́ло валúлось; Янко приподня́лъ егó прáвое колѣ́но, упёръ на негó ружьё и, склонúвъ егó колéблющуюся гóлову къ приклáду, сказáлъ: „я не хочý, чтобъ такóй юнáкъ отошёлъ на тотъ свѣтъ не отомщённымъ, а кто за тебя́ здѣ́сь отомстúтъ: у тебя́ ни брáта, ни дрýга, крýглый сиротúна,“ и сталъ въ двухъ шагáхъ протúвъ ружéйнаго дýла. Раздáлся вы́стрѣлъ, и благорóдный сопéрникъ зашатáлся. Сты́дно пáдать юнáку: крѣ́пко упершúсь однóю рукóю о кáмень, другóю о своё ружьё, онъ удержáлся на ногáхъ, и въ э́томъ положéніи, какъ наибó..ѣе прилúчномъ герóю, казáлось, рѣшúлся ожидáть смéрти; ни одúнъ стонъ, ни однó болѣ́зненное движéніе не обнарýжили егó мучéнія. Пришéдшая толпá нашлá Трúпо ужé мёртвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но искýсство здѣ́шнихъ доморóщенныхъ врачéй изцѣ-

ліло егб рáну, не смотря́ на всю опáсность ея́; э́то была́ двáдцать пéрвая.

Кстáти, здѣсь я разскажу́ вамъ поеди́нокъ цѣлаго плéмени противъ другáго: э́то бы́ло не такъ давнó. — Одна́ жéнщина, óтданная въ заму́жство въ другóе племя, наску́чивъ гру́бымъ обращéніемъ му́жа, брóсила егó и убѣжáла къ свои́мъ брáтьямъ; она́ разсказáла имъ во всей подрóбности прéжнюю, гóрькую жизнь свою́ и намѣреніе не возвращáться бóлѣе къ му́жу; но вмѣстѣ съ тѣмъ заклинáла не мстить ему́; напрáсно, — брáтья затрудня́лись тóлько въ томъ, кому́ изъ нихъ нанéсть удáръ: кáждый добивáлся э́той чéсти, и кóнчили тѣмъ, что отпрáвились всѣ трóе; ихъ рóдственники и друзья́ не хотѣли ихъ отпусти́ть одни́хъ, къ нимъ присоедини́лись другіе, на слу́чай отмщéнія или ми́ра, и вотъ всё плéмя подняло́сь противъ другáго плéмени. О ми́рѣ съ черногóрцемъ нéчего и говори́ть, пока́ у негó заряжены́ óба пистолéта и ружьё; э́то знáчитъ толковáть голóдному о воздéржности, когда́ передъ нимъ стои́тъ сы́тный обѣдъ. Раздали́сь вы́стрѣлы, сначáла рѣдко, потóмъ чáще, то удаля́ясь, то приближáясь, смотря́ по движéнію толпы́. Крики заглушáли вы́стрѣлы: „Эй! сóколы, сóколы! — Ви́до, Пéтро, юнáкъ! юнáкъ! на прáво, на лѣво, вперёдъ“ втóрилось повсю́ду. — Драли́сь бóльшею чáстію въ разсыпну́ю, то набѣгáя, то убѣгáя, замáнивая въ среди́ну удальцéвъ, и отрѣзывая ихъ отъ остальнóй толпы́, то скрывáясь за кáмнями, то покáзываясь нежда́нно на верши́нѣ, слóвомъ, употребля́ли всѣ хи́трости свои́хъ сни́бокъ, пока́ ожесточéніе не овладѣло и́ми, тогда́ они́ столпи́лись; нéкогда бы́ло ду́мать заряжáть ру́жья или пистолéты, — схвати́лись за ятагáны. Старѣ́йшины увидѣли, что сли́шкомъ ужé мнóго крóви проли́то для однóй жéнщины, и съ обѣихъ сторóнъ пóдняли шáпки на дли́нныхъ ру́жьяхъ свои́хъ, знáменіе переми́рія; бу́ря сти́хла и враги́ разошли́сь на прили́чное разстоя́ніе.

Но э́то бы́ло тóлько начáло. Слѣдовало изложéніе предмéта, для котóраго собрали́сь спóрящія стóроны: нáдобно бы́ло рѣши́ть, кто правъ — жена́ или мужъ? и въ пéрвомъ слу́чаѣ прину́дить му́жа взять обрáтно жену́, и поступáть съ нéю, „какъ слѣдуетъ.“ Начали́сь спóры и доказáтельства, кричáли пу́ще, чѣмъ при дракѣ, молоды́е горячи́лись, главари́ [5]) выслу́шивали терпѣли́во суждéнія кáждаго, иногда́ нѣсколькихъ вдругъ, и почёсывали заты́лки, какъ бу́дто тамъ и́менно былъ у нихъ наибóльшій запáсъ ума́; сердáрь [6]) тогó плéмени, отку́да была́ жена́, причи́на раздóра, готóвился ужé произнести́ приговóръ, какъ вдругъ, въ противополóжной сторонѣ, раздалóсь слóво „ложь.“ Послѣдній черногóрскій сѣромáхъ [7]) не стéрпитъ брáни, и слóво ложь въ э́томъ слу́чаѣ бы́ло тó-же, чтó и вы́стрѣлъ. Би́тва закипѣла сильнѣе прéжняго; отвáжнѣйшіе схвати-

лись въ рукопашную борьбу; тѣснили, давили другъ друга, бились камнями, бились чѣмъ ни попало; на крикъ, на выстрѣлы сбѣжались люди другихъ племёнъ: не успѣвъ примирить враждующихъ, они пристали къ нимъ, то подкрѣпляя слабѣйшую сторону, то, вмѣстѣ съ нею, уступая силѣ. Наконецъ главари, улучивъ минуту, когда обѣ стороны, утомлённыя и разрозненныя, тѣснили слабѣе другъ друга, крикомъ и выставленными шапками успѣли остановить кровопролитіе; сосчитали убитыхъ: со стороны супруга было десять, — раненные не идутъ въ счётъ — со стороны оскорблённой жены четыре. Эта сторона, повторёнными нѣсколько разъ выстрѣлами, провозгласила побѣду; побѣждённый остался, какъ водится, виноватымъ; уцѣлѣвшій мужъ долженъ былъ взять обратно жену и обязаться клятвою жить съ нею въ мирѣ и согласіи. Враждующія стороны примирились и разошлись.

Вотъ ещё одинъ поединокъ, который совершённо выходитъ изъ круга нашихъ понятій: онъ случился въ одномъ изъ смежныхъ Черногоріи племёнъ. — Два соперника, разлучённые въ теченіи двадцати лѣтъ обстоятельствами и людьми, наконецъ сошлись; потребовали по 25 человѣкъ и стали на выстрѣлъ, каждый мѣтою двадцати пяти ружей: дружно раздались два залпа, почти въ одно время. Какъ ни привычны были туземцы къ подобной мѣтѣ, однако рука, видно, не у одного дрогнула, потому что оба соперника были изранены, но ещё живы: надобно было прибѣгнуть къ ятаганамъ, чтобы кончить остальное.

Здѣсь же мѣсто разсказать объ ужасномъ кровомщеніи, совершившемся, правда не въ Черногоріи, но на ея границахъ, и въ ея духѣ. — Конечно не всѣмъ извѣстно, что Мирдитъ, одно изъ сильнѣйшихъ независимыхъ племёнъ въ Турціи, занимаетъ значительный участокъ земли въ верхней Албаніи и можетъ выставить до 10,000 оруженосцевъ, что стремнины и утёсы составляютъ его вѣрный оплотъ, а мѣткое ружьё и страсть къ независимости надёжную охрану противъ всѣхъ покушеній паши; что оно примыкаетъ къ границамъ черногорцевъ и слѣдственно находится во всегдашней съ нимъ враждѣ, питаемой неугасимымъ кровомщеніемъ, враждѣ, которую разность вѣроисповѣданія облекаетъ въ совершённую законность. Должно замѣтить, что племя Мирдитъ имѣетъ претензію на католическое вѣроисповѣданіе.

Дидо, достойный правитель этого племени, умеръ, оставивъ своего единственнаго сына преемникомъ власти; родной братъ Дидо убилъ наслѣдника, чтобы, въ свою очередь, сдѣлаться законнымъ правителемъ; мать убитаго отомстила смерть сына, умертвивъ своими руками убійцу; сынъ послѣдне-убитаго не могъ тѣмъ-же отплатить убійцѣ, потому что обычаи края, которые сильнѣе всякаго закона,

запрещáютъ совершáть мщéніе надъ жéнщинами; онъ дóлженъ былъ довóльствоваться тѣмъ, что убúлъ ея брáта, Вúко; сынъ Вúко застрѣлúлъ убійцу вóзлѣ сáмаго трýпа своегó отцá, ещё не остывшаго, ещё сохранúвшаго выражéніе угрóзы и мщéнія, послѣдняго, и, мóжетъ, едúнственнаго чýвства, съ котóрымъ онъ отошёлъ отъ землú, и палъ мёртвый на трупъ отцá отъ рукú одногó изъ рóдственниковъ убúтаго имъ. Мщéніе не замéдлило: опя́ть явúлась женá Дидó, и убійца палъ отъ ея рукú — другáя очистúтельная жéртва, котóрую онá принеслá своемý рóду.... Отъ всегó плéмени остáлся двухлѣтній младéнецъ и э́та ужáсная жéнщина. Совершúвъ вторóе убійство, онá явúлась въ Скутарú, не для оправдáнія, чегó такъ добивáлись турéцкія правúтельственныя лúца, желáя показáть своё влія́ніе на дѣлá Мирдúта, но казáлось, для тогó, чтобы щеголя́ть своúмъ пóдвигомъ. Это былá жéнщина лѣтъ 45, небольшáго рóста, съ выдавшимися скýлами на лицѣ, съ выражéніемъ угрóзы въ я́рко блéщущемъ взóрѣ и съ несмѣнною улыбкой презрѣнія на губáхъ, нѣкогда прекрáсныхъ. Всѣ ея движéнія были быстры и такъ сказáть сýдорожны; ея рѣчь, ея пóступь обнарýживали въ ней нервúческое сложéніе и кипя́щую страстя́ми кровь. *Ковалéвскій.*

[1]) Снт. III. § 11. 3.) Нкл. Снт. ст. 47. [2]) Такъ титуловáлся властúтель Черногóрскаго государства до послѣдняго врéмени, потомý что прéжде онъ былъ въ тоже врéмя и епúскопомъ. Тепéрешній не имѣетъ духóвнаго сáна и титулýется князь. [3]) Употребúтельнѣе съ предлóгомъ *до.* Снт. III. § 19. 3). [4]) хлѣбное винó. [5]) Тоже, что старшины́. [6]) начáльникъ. [7]) бадня́къ.

77. Мостъ черезъ Морачу въ Черногоріи.

Опя́ть нáдобно было переправля́ться черезъ Морáчу: мостъ черногóрскаго устрóйства, тóлько корóче нéжели мостъ въ Мáркахъ и нѣсколько шúре: úменно, въ бревнó длины́ и въ три ширины́: за то егó нáдобно было переходúть, а не переползáть. И тепéрь морóзная дрожь пробѣгáетъ по тѣлу при воспоминáніи, какъ скрыпѣлъ и шевелúлся онъ подъ моéй пятóй, и головá кружúтся отъ оглушáющаго шýма Морáчи. Къ одномý я никáкъ не могý привыкнуть въ Черногóріи, къ э́тимъ жúво-трепéщущимъ [1]) мостáмъ, мóжетъ потомý, что, къ счáстію, онú рѣдко встрѣчáются. А Черногóрецъ, навьюченный своéй тя́жестью, иногдá влачá за собóю барáна, котóрый упирáется и бодáетъ, идётъ такъ же лóвко и небрéжно, какъ бы по глáди [2]).

Вблизú мóста, гдѣ рѣкá Морáча образýетъ глубь, подъ утёсомъ, далёко выдавшимся и совершéнно навúсшимъ надъ нéю, говоря́тъ, живётъ въ сáмомъ óмутѣ человѣкъ, и нерѣдко выплывáетъ на повéрхность воды́; проводнúкъ нашъ вúдѣлъ, какъ э́тотъ жúтель пучúны

брбсился въ неё съ ужаснаго утёса и скрылся; другіе слышали егб гблосъ. — Нѣкоторые полагáютъ, что это не человѣкъ, а змій, — иные, что это духъ или дьяволъ. — Я держусь послѣдняго мнѣнія, потому что мѣсто чрезвычайно удббно и привбльно для врéменной квартиры дьявола, осббенно, éсли онъ романическаго расположéнія и плѣняется красотáми прирóды.

„Это ещё что такое?“ воскликнулъ я невбльно, указывая на нѣчто живое, движущееся, висящее между нéбомъ и быстриною рѣки. — „Ничтó,“ отвѣчáлъ равнодушно одинъ изъ Черногорцевъ. — „Кáкъ ничтó!“ воскликнулъ я, подходя ближе къ рѣкѣ и поражённый пуще прéжняго: „вѣдь это человѣкъ.“

„Долáзитъ [3]) на ту бáнду, перехбдитъ на ту стброну,“ отвѣчáлъ онъ, зѣвáя во весь ротъ. Пбдлинно „долáзитъ,“ подумалъ я, тóлько этого „лáзанія“ недоставáло мнѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣкá, стѣснённая крутыми берегáми, собралá вóды свои въ руслó, бóлѣе узкое, и тѣмъ быстрѣе, тѣмъ сердитѣе мчáла ихъ, въ томъ мѣстѣ были перекинуты съ одногó бéрега на другóй двѣ жéрди, въ два бревнá длинóю, поддéрживаемыя на серединѣ рѣки двумя высбкими стóйками, кое-кáкъ скрѣплёнными вверху, ещё хуже укрѣплёнными внизу, въ водѣ, между валунáми кáмней. — Брёвна были au naturel [4]), въ ихъ корѣ, съ выдавшимися выпуклостями и нерóвностями, а потому во мнбгихъ мѣстáхъ расходились, однó возвышáлось надъ другимъ, представляя такимъ óбразомъ лóманую линію. О перилахъ нé-было и помину. По этому-то фантастическому мóсту переходилъ, — нѣтъ, не переходилъ, я не умѣю опредѣлить этого движéнія человѣческаго тѣла, — переползáлъ человѣкъ, осѣдлáвъ верхóмъ óбѣ перекладины и замѣнивъ для своегó движéнія нóги рукáми. — Скорѣе переправлюсь я черезъ рѣку верхóмъ на дьяволѣ! воскликнулъ я, и, за неимѣніемъ на ту пóру въ наличности чóрта, ужé закинулъ нóгу черезъ перекладину, повинуясь необходимости. Дóбрый мой спутникъ снабдилъ меня нужными наставлéніями, отправляя въ это, нóваго рóда, путешéствіе: „Не гляди внизъ,“ говорилъ онъ, „не то закружится головá и найдётъ бдурь.“ У насъ на оборóтъ, подумалъ я, бдурь нахóдитъ на тѣхъ, котóрые глядятъ óчень высокó. — „Не орáчивайся назáдъ, не гляди по сторонáмъ, не гляди никудá, — зарябитъ въ глазáхъ.“ — Что жъ, зажмуриться, чтó-ли? спросилъ я егó. „О, сохрани Бóже,“ воскликнулъ онъ, испугáвшись сáмой мысли, „назовутъ трусомъ; нáдобно глядѣть вéсело, но ничегó не видѣть, ничегó не слышать, ни о чёмъ не думать.“ Бóлѣе всегó совѣтовалъ онъ мнѣ крѣпко держáться за перекладины и не ползти, потому что въ такóмъ случаѣ, притягивая своё тѣло къ тóчкѣ опóры рукъ, съ тѣмъ вмѣстѣ тянешь къ себѣ перекладины и легкó мóжешь ихъ сдвинуть, но дóлжно тóлько опирáться объ нихъ, и, приподы-

мáясь нѣсколько, такъ сказáть перескáкивать всё вперёдъ и вперёдъ. „Есть,“ произнёсъ я, скрѣпи́въ сéрдце и, благословя́сь внýтренно, отпрáвился въ путь скачкóмъ—ползкóмъ. Дорóгой я имѣлъ довóльно врéмени, чтобы разсуждáть о поря́дкѣ возникáющихъ искýсствъ, между котóрыми этотъ мостъ дóлжно было постáвить въ сáмой головѣ; но бы́ло не до разсуждéній. — Я однáко начинáлъ привыкáть къ своемý положéнію, какъ вдругъ, взглянýвъ нечáянно вперёдъ, остолбенѣлъ и остáлся недвижи́мъ. Однó изъ двухъ брёвенъ слѣдующей половины мóста вы́шло изъ своегó гнѣздá, и тѣмъ концóмъ, котóрый былъ обращёнъ ко мнѣ, слѣдовательно, находи́лся на сáмой среди́нѣ Морáчи, едвá касáлось подстáвокъ, едвá задѣвáло ихъ половинóй своéй оконéчности; казáлось, малѣйшее движéніе низвéргнетъ егó въ бéздну. По какóму-то инсти́нкту я обернýлся назáдъ: воздýшное пространство, óколо пяти́ саженéй за мнóю и передо мнóю, отдѣля́ло меня́ отъ земли́; потóмъ взглянýлъ нечáянно внизъ: бéздна былá подо мнóю, вóлны кипѣли и рвали́сь изъ ущéлья съ оглушáющимъ шýмомъ, бры́зги долетáли до меня́; я обрати́лъ взоръ свой къ нéбу — тщéтная надéжда. Головá закружи́лась, сéрдце сжáлось, я пошатнýлся и едвá не потеря́лъ равновѣсія; но э́то бы́ло оди́нъ мигъ. Разсýдокъ взялъ власть свою́. Легкó бы́ло убѣди́ться въ физи́ческой невозмóжности вернýться назáдъ: для э́того нýжно бы́ло сдѣлать надъ бéздною сáльто-мортáле, на котóрый у меня́ нéбыло ни искýсства, ни охóты; другáя, вспáвшая мнѣ мысль былá сползти́ внизъ по стóйкѣ, на котóрую опирáется мостъ; но éслибъ я и достигъ рѣки́, то кáкъ удержáться на стремни́нѣ, катя́щей валуны́ кáмнéй на пути́ своёмъ? — Я остáвилъ и э́ту мысль и, не колéблясь бóлѣе ни минýты, отпрáвился вперёдъ, не касáясь рукáми полуниспадáющей переклáдины, и éсли задѣвáлъ её ногóю, то тóлько для тогó, чтобы прижáть къ другóй. — Тщéтно уси́ліе; онá колебáлась подо мной при кáждомъ движéніи и тѣло моé, опирáясь всéю тя́жестью на однý зы́бкую переклáдину, съ трудóмъ сохраня́ло равновѣсіе. Обѣтовáнный бéрегъ былъ, однáко, бли́зокъ: измýченный безпрестáннымъ уси́ліемъ и желáніемъ дости́гнуть земли́, я забы́лъ благоразýміе и рѣши́лся соскочи́ть нá-берегъ съ мóста; упёршись объ негó всéю си́лою, я занёсъ однý нóгу въ вóздухъ, — вдругъ зы́бкая переклáдина полетѣла въ стремни́ну.... но я ужé стоя́лъ на землѣ, я ужé дышáлъ свобóдно. *Ковалéвскій.*

[1]) Сравнéніе взя́то отъ пóйманной ры́бы, котóрая си́льно мéчется, или трепéщется покá живá. [2]) глáдкое, рóвное мѣсто. [3]) Неупотр. вм. перелѣзáетъ, лѣзетъ. [4]) въ первобы́тномъ ви́дѣ.

78. Водопады Иматра и нарвскій.

Въ Иматрѣ ожидалъ я по описаніямъ видѣть другую Ніагару и удивился, когда подъ громкимъ именемъ водопада представились мнѣ одни пороги; — со всѣмъ тѣмъ они живописны.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своёмъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло, и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ болѣе пространнаго ложа. Утёсистые, зелёные берега его покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала виденъ вдали лѣсистый островъ, внизу же противъ поворота рѣки лежитъ на горѣ селеніе; — такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть, изъ нижней бесѣдки, на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ, одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ, съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плёски, какъ сѣдые локоны, которые рвётъ на себѣ терзаемый духъ этой бездны, и какъ наконецъ его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса, — она достигла цѣли [1]), и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ, и будто хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа, подъ печатію своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей сѣверной столицы, но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, и столько же скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обоихъ: но въ Нарвѣ — это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны; въ Иматрѣ — это вопль казни и мученія: всё пусто и уныло окрестъ нея, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги: рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ виденъ городъ съ его двумя замками.

Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени

положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозится на многобашенный Иванъ-городъ, поставленный гранію грознаго царя на рубежѣ меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несётся бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

[1]) Снт. III. § 42. 2.) Нкл. Снт ст. 79.

79. Ризница въ сергіевой троицкой лаврѣ.

Послѣ обѣдни намѣстникъ предложилъ мнѣ осмотрѣть ризницу, богатѣйшую во всей Россіи; мы вошли въ сіе священное хранилище даяній истинно царскихъ, расположенныхъ въ трёхъ палатахъ. Кругомъ по всѣмъ стѣнамъ огромные шкафы были наполнены великолѣпными утварями и облаченіями; глаза разбѣгались отъ несмѣтнаго числа камней и жемчуга, коимъ въ особенности богата лавра. Въ хронологическомъ порядкѣ висѣли ризы, пелены и плащаницы, начиная отъ времёнъ Донскаго, какъ драгоцѣнная лѣтопись, писанная усердіемъ князей: имя каждаго украшало его богатый вкладъ, и небыло ни одного опущенія въ длинномъ рядѣ властительскихъ имёнъ: столь твердое упованіе возлагали всѣ они на св. Сергія. Въ послѣдней палатѣ хранились драгоцѣнные сосуды, митры, кресты, харатейныя евангелія отдалённыхъ вѣковъ, въ златыхъ дскахъ, и наконецъ всё, чѣмъ только могли пожертвовать церкви пышность и усердіе, соединённыя вмѣстѣ. Архимандритъ увидѣлъ моё изумленіе и сказалъ:

Ты читаешь царственныя имена вкладчиковъ, ты дивишься богатству ихъ приношеній; знаю, что многіе дни можетъ провести испытующій археологъ посреди сихъ сокровищъ, и не выходя изъ ризницы написать цѣлую лѣтопись. И я бы могъ, указывая тебѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на драгоцѣнности наши, постепенно говорить: вотъ евангеліе Симеона Гордаго, XIV. вѣка, вотъ другое въ великолѣпномъ окладѣ царя Михаила Ѳеодоровича, въ коемъ виденъ даръ сердца, слову Божію подобающій; вотъ крестъ, присланный патріархомъ Ѳилоѳеемъ Сергію, вотъ яшмовая чаша Тёмнаго, вотъ тяжёлые сосуды Годунова, носящіе, какъ и всѣ древніе дары, отпечатокъ богатства натуральнаго, не поддѣльнаго [1]) утончённымъ искусствомъ, а сильнаго и величественнаго по внутреннему своему достоинству; но не съ сей исторической точки зрѣнія желалъ бы я тебѣ представить сіи сокровища. Нѣтъ, другую, болѣе краснорѣчивую лѣтопись сердца хотѣлось бы мнѣ раскрыть предъ тобою: тѣ

тайныя чувства, которыя возбуждали державныхъ жертвовать Сергію, и отличительный отпечатокъ характера каждаго изъ нихъ въ самомъ разнообразіи даровъ. Чувствомъ ли благодарности были они подвигнуты за исцѣленія, или побѣды, или радости семейныя, или ради памяти усопшихъ, или только изъ простодушнаго послушанія къ словамъ Писанія, чтобы не съ тщими руками приходить предъ Господа! Сюда излились и терзанія совѣсти Годунова вкладами, богатѣйшими противъ всѣхъ прочихъ, здѣсь и поминовенія грознаго Іоанна по своимъ безчисленнымъ жертвамъ!.... Посмотри, чрезъ сколько вѣковъ хранятся они здѣсь безмолвными обличителями тайныхъ потрясеній души, зерцаломъ минувшаго потомству! — Всѣ князья русскіе были данниками св. Сергія, избавившаго ихъ отъ работы татарскія [2])! Довольно ли насытилъ ты взоры симъ безпримѣрнымъ великолѣпіемъ? — теперь взгляни же на первѣйшее сокровище лавры, затмѣвающее всѣ прочія: этотъ посохъ, эта крашенинная риза, эти деревянные сосуды — сергіевы!“

Онъ умолкъ, и по истинѣ затмилась вся слава сокровищъ предъ симъ убожествомъ Сергія; она затмилась въ глазахъ моихъ слезами, невольно оросившими его нищую утварь.

„Теперь ты всё видѣлъ, сказалъ намѣстникъ: удалимся, время отдохнуть. Но если ещё жаждетъ душа высокихъ думъ, великихъ воспоминаній, иди подъ своды трапезной церкви на гробы подвижниковъ земли русской: тамъ отдыхаетъ отъ бѣдствій житейскихъ великій и несчастный защитникъ Смоленска, бояринъ Михаилъ Шеинъ, тамъ посреди знаменитыхъ родовъ княжескихъ лежитъ и славный освобожденіемъ Москвы Князь Димитрій Трубецкой и другіе, коихъ имена да будутъ вписаны въ книгу жизни! У насъ въ лаврѣ есть гдѣ предаться глубокимъ размышленіямъ о суетѣ временной, или бесѣдовать съ усопшими; мы свидимся предъ вечеромъ въ Виѳаніи.“

Я пошёлъ скитаться межъ гробовъ по каменнымъ скрижалямъ смерти и читалъ роковое: умре! на концѣ всѣхъ славныхъ дѣяній. Отверсты были врата лѣтняго успенскаго собора, напоминающаго московскій! И внутри его стояли четыре гроба, одинъ весьма недавній архіепископа Августина, другой гораздо древнѣе епископа вологодскаго Іосифа, который, будучи еще архимандритомъ лавры, отдалъ Никону, низложённому на судѣ патріаршемъ, свою шубу, когда въ жестокіе морозы отправили его въ заточеніе на Бѣлоозеро.

Въ двухъ остальныхъ гробахъ царственная мать и дочь, жертвы властолюбія Годунова, монастырскимъ заключеніемъ заплатившія за одинъ только призракъ имени царскаго. Тутъ погребена Марія Владиміровна, племянница Іоанна Грознаго, выданная имъ за Магнуса, единственнаго короля ливонскаго, никогда не царствовавшаго, и постриженная неволею за сей невольный бракъ, и съ нею рядомъ до

ея королевна, рано умершая, какъ полагаютъ, ради возможности царствовать. У сѣверныхъ же вратъ собора, подъ каменною тѣсною палаткой лежитъ и самъ Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ, какъ бы на стражѣ дѣлъ своихъ до страшнаго ихъ разсужденія; на сихъ вратахъ, какъ бы нарочно, имъ самимъ написанъ былъ, при царѣ Ѳеодорѣ, ангелъ страшнаго суда со скрижалями. Временщикъ, цареубійца, царь благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ престолу, поражённый со всѣмъ своимъ родомъ призракомъ поражённаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребённый, какъ бы для страшной памяти одного убійства! — сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ её ангелъ суда на свои срашные вѣсы, да свѣситъ съ димитріевой — и скажетъ разрѣшительное: довольно!

[1]) Правильнѣе: поддѣланнаго. [2]) Ц. слав. вм. татарской.

80. Виѳлеемъ.

Сколько радостныхъ, нѣжныхъ молитвъ вылетаетъ изъ устъ поклонника, какое торжество объемлетъ сердце христіанина при видѣ того великаго мѣста, гдѣ Создатель вселенной, самъ Богъ благоизволилъ соединить Себя узами неразрывными съ слабымъ, бреннымъ человѣчествомъ, облекшись въ его плоть! И мы ли не видимъ, какъ высоко наше предназначеніе! Какое высокое мѣсто занимаетъ наша планета въ цѣпи созданія!.... Передъ самымъ подъемомъ на-гору виѳлеемскую, мы оставили въ лѣвой сторонѣ гору давидову, гдѣ былъ его *домъ*. Въѣхавъ въ улицы виѳлеемскія, мы были приняты дружелюбнымъ привѣтствіемъ Арабовъ, которые почти всѣ христіане; мой драгоманъ Якубъ, родившійся въ Виѳлеемѣ, имѣлъ тутъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Нельзя не замѣтить, при первомъ взглядѣ, гордой осанки жителей Виѳлеема.

Вскорѣ мы были передъ высокими и твердыми стѣнами монастыря, который походитъ на укрѣпленіе. Я былъ встрѣченъ съ большимъ радушіемъ греческимъ настоятелемъ отцемъ Іоанникіемъ; принявъ первые привѣты гостепріимства, я поспѣшилъ къ святилищу.

Благовѣстная звѣзда нашего искупленія остановилась надъ тою священною точкою земнаго шара, которая накрыта этимъ зданіемъ, — такъ я думалъ, подходя съ волненіемъ въ душѣ къ храму виѳлеемскому. Мы вступили въ него чрезъ боковую дверь, и вошли прямо въ главный алтарь. Этотъ храмъ напоминаетъ римскія древнія соборныя церкви. Главный алтарь основанъ надъ самымъ вертепомъ рождества Христа Спасителя. Съ обѣихъ сторонъ алтаря сходятъ

по пятнадцати мраморнымъ ступенямъ въ подземную церковь. Можно ли объяснить сладостное чувство восторга и благоговѣнія, которымъ исполняется сердце при вступленіи въ таинственный сумракъ этого святилища? Прежде нежели я могъ что-нибудь разглядѣть, я палъ ницъ на мраморный помостъ, тамъ гдѣ серебреная звѣзда, освѣщенная лампадами, означаетъ мѣсто рожденія нашего Искупителя! Изливъ чувства умилительной благодарности Спасителю, за спасеніе всего человѣчества и моей души, я прочелъ латинскую надпись кругомъ звѣзды: HIC DE VIRGINE MARIA JESUS CHRISTUS NATUS EST. *„Здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи."* Что можно сказать болѣе? Это мѣсто находится въ полукружномъ нишѣ. — Помостъ вертепа рождества, образуя также полукругъ, обвѣшенъ шестнадцатью богатыми лампадами, надъ которыми мраморная доска служитъ престоломъ, гдѣ совершается литургія. Въ нишѣ, который надъ престоломъ, ставится попеременно Греками и Католиками престольный образъ Рождества христова; но первобытная стѣна вертепа украшена была мозаическими изображеніями. Слѣды мозаики уже едва видны; можно различить отъ надписи только слово Dominus.... Шесть небольшихъ образовъ византійской живописи вдѣланы въ рамки передъ простоломъ, въ прямую линію.

Отступя нѣсколько шаговъ отъ мѣста рождества Спасителя, вы видите на правой сторонѣ особливую пещеру, куда сходятъ по двумъ или тремъ ступенямъ; тамъ были ясли, гдѣ покоился тотъ Младенецъ, кому небо престолъ, земля же подножіе ногъ Его, и гдѣ впервые поклонились Ему волхвы и пастыри: мудрость и простота.

Ясли высѣчены въ природномъ камнѣ (ибо въ Іудеѣ лѣсъ довольно дорогъ), они имѣютъ видъ продолговатаго ящика, и обложены бѣлымъ мраморомъ. Это святое мѣсто, освѣщенное такъ же, какъ и вертепъ рождества, драгоцѣнными лампадами, служитъ престоломъ для совершенія литургій.....

Въ евангеліи отъ Св. Луки мы видимъ указаніе на скромное мѣсто рожденія Спасителя міра: въ то время вышло отъ кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ; стеченіе въ Виѳлеемѣ было необыкновенное; бѣдная гостинница приняла подъ свой кровъ матерь божію и ея святаго обручника. Въ бытность ихъ тамъ наступило время родить ей, и родила Сына своего первенца, и спеленала Его, и положила въ ясли; потому что не-было имъ мѣста въ гостинницѣ; одинъ вертепъ былъ первымъ на землѣ мѣстомъ, гдѣ видна была слава воплощеннаго Сына Божія, а другой вертепъ сдѣлался его тридневною гробницею. По всей Палестинѣ, по причинѣ каменистаго слоя земли, пещеры входили въ составъ зданій; сверхъ того, въ теченіе столькихъ вѣковъ, наносная земля углубила многіе памятники и зданія.

Многія другія пещеры прилегают къ вертепу рождества.....

Въ одной погребенъ блаженный Іеронимъ и двѣ ученицы его, Павлина съ дочерью своею Евстахіею. Рядомъ съ этимъ вертепомъ — другой, нѣсколько обширнѣе, куда падаетъ свѣтъ изъ одного окна: это келья блаженнаго Іеронима; здѣсь онъ перевелъ два раза ветхій завѣтъ на латинскій языкъ, сначала съ греческаго, а потомъ съ еврейскаго. Здѣсь напрестольная картина изображаетъ его, занятаго этимъ трудомъ.

Память блаженнаго Іеронима, жившаго спустя 400 лѣтъ по Р. Х., драгоцѣнна въ исторіи христіанской церкви. Озаренный лучемъ вѣры, онъ оставилъ богатства, почести и блескъ Рима для дикой пустыни въ Палестинѣ, и наконецъ утвердилъ обитель свою возлѣ вертепа рождества Спасителя міра....

Когда, по приглашенію Папы, онъ опять посѣтилъ Римъ, ничто не могло уже привлечь его сердца [1]) къ великолѣпной столицѣ, послѣ небесныхъ утѣшеній созерцательной жизни отшельника, — и онъ поспѣшилъ возвратиться къ спасительному для него вертепу. Связанныя съ нимъ узами святой дружбы, Римлянка Павлина и дочь ея Евстахія, принадлежавшія славнымъ домамъ Сципіоновъ и Гракховъ, отплыли вслѣдъ за нимъ въ Палестину, и соверша поклоненія святымъ мѣстамъ, заключились въ подземную обитель виѳлеемскую: тутъ обѣ употребили вмѣстѣ съ Іеронимомъ всѣ ихъ мірскія стяжанія на бѣдныхъ и отшельниковъ. Назидаемыя святымъ мужемъ, онѣ перешли въ вѣчность; трогательная картина усопшихъ, матери и дочери, видна надъ ихъ общею гробницею. Самъ Іеронимъ начерталъ надгробную надъ ихъ прахомъ, и тутъ же опочилъ на 82-мъ году отъ рожденія. Дѣло блаженнаго Іеронима было въ послѣдствіи перенесено въ Римъ. Безпрестанная борьба его съ мірскими воспоминаніями поразительно выражена въ одномъ изъ его посланій. Самымъ труднымъ его подвигомъ было побѣдить страсть свою къ древнимъ классикамъ, твореніями которыхъ онъ услаждался почти съ дѣтства. Его назидательныя признанія утѣшительны для человѣка, обуреваемаго соблазнами.

Я разскажу тебѣ о моихъ несчастіяхъ, пишетъ онъ къ Евстахіи: когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я разстался съ родительскимъ домомъ, съ родными, съ друзьями, и что еще труднѣе, съ роскошью жизни — для благъ небесныхъ, и безпрестанно борясь, достигъ Іерусалима [2]), я не могъ разстаться съ моею библіотекою, которую я пріобрѣлъ бóльшими стараніями и трудами. И такъ я несчастный послѣ чтенія Цицерона постился. Послѣ ночи, проведенной безъ сна, послѣ слёзъ, которыя вырывались изъ глубины сердца моего отъ воспоминанія прошедшихъ грѣховъ моихъ, я бралъ въ руки Плавта. Когда же, пришедъ въ себя, я начиналъ читать

Пророковъ, то слогъ ихъ мнѣ казался грубъ и непріятенъ, и хотя отъ слѣпоты глазъ моихъ я не видѣлъ свѣта, я осуждалъ не глаза мои, — а солнце. Между тѣмъ какъ древній змій такимъ образомъ надо мной издѣвался, — въ половинѣ четыредесятницы, жестокая лихорадка проникла въ составъ моего изнеможеннаго тѣла; лишась совершенно покоя, я такъ изнемогъ, что кожа едва облекала мои кости. Я видѣлъ уже близость моей кончины; почти все тѣло мое охладѣло, и жизненный жаръ трепеталъ только въ груди моей...... Вдругъ я перенесенъ былъ духомъ передъ судилище судій, гдѣ былъ такой свѣтъ и такой блескъ отъ всего окружающаго, что я, упавъ ницъ на землю, не смѣлъ взглянуть. На вопросъ: кто я? — отвѣтствовалъ, что я христіанинъ. „Лжешь," возразилъ тотъ, кто предсѣдалъ въ судѣ, „ты *цицеронянинъ,* а не *христіанинъ:* гдѣ сокровище твое, тамъ и сердце твое!" Тутъ я обомлѣлъ, и посреди жестокихъ ударовъ совѣсти, мучительнѣйшихъ пламени огненнаго, я страдалъ, припоминая самъ въ себѣ этотъ стихъ: „Во адѣ, кто исповѣстся тебѣ." И я началъ восклицать: „Помилуй мя, Боже! Помилуй мя!" — Послѣ этого видѣнія Іеронимъ отрекся отъ всего мірскаго и предался изученію святой библіи.

[1]) Снт. Ш. § 41. 6.) Нкл. Снт. ст. 73. [2]) Снт. Ш. § 42. 2.) Нкл. Снт. ст. 79.

81. Городъ Мезень и тамошняя ярмарка.

Въ 1780 году двѣ слободы, Кузнецова и Окладникова на рѣкѣ Мезени, по указу Императрицы Екатерины 2-й названы городомъ Мезенью и получили въ гербъ красную лисицу въ серебряномъ полѣ; а въ 1808 году жители вновь-нареченнаго города потерпѣли новое бѣдствіе отъ сильнаго разлитія рѣки и разбрелись бы по сосѣднимъ селеніямъ, если бы правительство не выдавало имъ пособія въ 10,000 руб. асс. Бѣглыми изъ Сибири и остроговъ преступниками и московскими и другими раскольниками населились ближайшіе къ Мезени лѣса и селенія, и стоитъ теперь уѣздный городъ Мезень, обложившись множествомъ большихъ и малыхъ деревень и неудобною къ обитанію тундрою, съ своимъ уѣздомъ, больше котораго по пространству и меньше по населенности нѣтъ уже другаго уѣзда на всемъ громадномъ протяженіи Великой Россіи.

Вотъ такимъ образомъ все бѣдное событіями прошедшее города Мезени, который мрачно глядитъ теперь своими полуразрушенными домами, своими полусгившими, непочиненными церквами. Ряды домовъ, брошенныхъ безъ всякой симметріи и порядка, наводятъ тоску; всѣ почти дома пошатнулись нá-сторону и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже надломились по серединѣ и покосились въ противоположныя

стороны; съѣзды, выходящіе, по обыкновенію всѣхъ русскихъ деревень, на улицу, здѣсь обломились и погнили; ворота, которыя давно когда-то, можетъ-быть, выпускали на эти съѣзды бойкую лошадку изъ (уничтожившейся уже въ настоящее время) породы мезенокъ, какъ-то глупо, безцѣльно торчатъ высоко подъ крышей и наглухо заколочены; навѣсы надъ длинными задворьями обломились и самыя стѣны этихъ дворовъ рухнули, сгнили, а можетъ-быть, и истреблены въ топливѣ. Мостки подлѣ домовъ также погнили и, непоправленные, провалились; мосты по улицамъ тоже не менѣе тоскливаго вида и безцѣльнаго существованія. Банями глядятъ домá бѣдняковъ, остатками мамаева разгрома — дома болѣе достаточныхъ; но три кабака новенькихъ; но казначейство, на этотъ разъ выстроенное зá-городомъ, непремѣнно каменное, и два-три дома, вѣроятно, туземныхъ монополистовъ, съ расписанными ставнями, съ тесовой обшивкой, съ длиннымъ и крытымъ дворомъ позади. По улицамъ бродятъ съ саночками самоѣдки, съ дѣтьми въ рваныхъ малицахъ [1]), вышедшія отъ крайней скудости на ѣдому [2]); изъ туземцевъ не видать ни души: можетъ-быть, холодъ, закрутившій 28 градусами, тому причиной; можетъ-быть, нѣтъ никого дома и всѣ на промыслахъ....

Но говорунья старушка-хозяйка, явившаяси въ дирявомъ крашенинномъ сарафанѣ и доставшая мнѣ самоваръ у сосѣдей, говоритъ, что промысламъ теперь быть не время: еще-де Никола [3]) не пришелъ.

— Гдѣ же большаки ваши, мѣщане мезенскіе?

— Да вишь у насъ теперь ярмарка....

— Гдѣ же она? не видать [4]) ни народу, не слыхать ни шуму, ни крику. Это что ли, бабушка, торговцы-то?

Въ окно видны бѣгущіе по улицѣ цѣлые аргиши: множество оленьихъ санокъ, однѣ за другими, нагруженныя обледѣнѣлыми бочками.

— Это пустозёра [5]), отвѣчаетъ хозяйка: — на Никольску [6]) на Волокъ (въ Пинегу) ладятся.... съ рыбой и со всячиной. Эти у насъ и возовъ не развязываютъ [7]).

— Гдѣ же ваша-то ярмарка?

— А нашей не видать: по домамъ торгуютъ; кое [8]) свои же, кто съ достаткомъ, кое съ Волока наѣзжаютъ. Человѣкъ съ пятокъ есть ли только всѣхъ-то торговыхъ.

— А народъ-отъ [9]) гдѣ, бабушка? никого не видать.

— Повремени: можетъ, кто и пройдетъ.

— Нѣтъ, бабушка, скученъ вашъ городъ, бѣденъ....

— Да ужъ и захотѣлъ ты отъ нашей слободы!

— Хуже, хозяюшка, я и городовъ не видывалъ, а проѣхалъ на вѣку своемъ больше сотни.

— Задвённая [10]) сторона наша, задвённая, желанной! Къ морю сѣли близко, хлѣбушко не родится; что въ морѣ упромыслилъ, то и

наше; времена-то вишь нонѣ крѣпко-тугія. Эдакихъ, кажись, никогда не бывало.

— Отчего же такъ, бабушка?

— Да вишь аглечьной [11]) въ лѣтошный [12]) годъ приходилъ — баловалъ шибко; много онъ на насъ напустилъ напастей всякихъ.....

— А вѣдь онъ къ Мезени вашей не подходилъ....

— Не подходить-то не подходилъ: это слово твое вѣрно. Въ губѣ вишь онъ стоялъ: рѣка знать его наша не подпустила. Мелководна вѣдь она у насъ, пройдти-то ему знать не подъ силу было. А все же-таки, родимой мой....

Старуха замолчала и подперлась локоткомъ.

— Чего, бабушка? — подстрекнулъ я.

— Не пускалъ онъ, родимой, въ море-то не пускалъ: промысла-то и затянулись, да, года на два промысла-то [13]) наши затянулись! Стоитъ онъ — рожонъ ему вострой! — а прибыли намъ отъ того никакой нѣту: ну, и исхудали, измаялись временемъ тѣмъ.

— Чѣмъ же жили-то вы, старушка, во все это время, питались чѣмъ?

— Да семушку въ рѣкѣ, навагу опять ловили, тѣмъ и питались. Рыбинка-то его тоже не слушалась; ее-то ему не пропустить и нельзя было. Противъ божьяго соизволенія не пойдемъ. Рыбинку-то онъ и пропустилъ къ намъ, стрѣлье [14]) бы ему въ бока его басурманскіе! — право! окаянному!...

— Не хочешь ли вотъ лучше чайку, бабушка? что браниться-то: прошлаго вѣдь — сказано — не воротишь.

— Правда, твоя, батюшка, правда! А на [15]) чайку на твоемъ благодарствую.

— Что же такъ, хозяюшка?

— Да я вѣдь изъ мірскихъ-то чашекъ не пью [16]). Велишь, по свою сбѣгаю внизъ?

— Сдѣлай милость. Посидимъ — потолкуемъ! И эта хозяйка, какъ и много другихъ на лѣтнемъ пути моемъ, оказалась чашницей [17]).

— Не пью я съ мірскими-то [18]), говорила она мнѣ, вернувшись: — по родительскому по завѣту, какъ вотъ себя не помню. Такъ и малолѣткой учили. Я вѣдь и все остальное — правдой тебѣ говорить надо — по старинѣ правлю.

— Что-же еще-то такое ты по старинѣ правишь?

— А вотъ старымъ крестомъ крещусь.... экимъ.

И старуха сложила на перстахъ аввакумовскій доннконовскій крестъ.

— Ну, а еще-то что же, бабушка?

— А еще-то? да что тебѣ еще-то? Ну, по старымъ книгамъ молитвы творю, по утрамъ и по вечерамъ ста по три началъ кладу....

— Ну, а дальше?

— Чего тебѣ еще дальше-то? все тутъ! Дальше тебѣ и сказывать нечего — по старой вѣрѣ, на старомъ крестѣ живу — вотъ тебѣ и все тутъ! Только мы живемъ-то ужъ очень нужно: наготы да босоты изувѣшаны шесты.... [19]).

— Аглечьной-то насъ очень обидѣлъ: старуха тебѣ правду сказываетъ! — перебилъ ее явившійся къ нашему чаю хозяинъ, съ поразительно-болѣзненнымъ лицомъ, худой и словно убитый тяжелымъ горемъ.

— Отъ чего ты такой блѣдный, хозяинъ?

— А все немогу [20]), икота долитъ.

— И у васъ она водится, какъ и въ Пинегѣ?

— Въ какомъ мѣстѣ злаго человѣка нѣту? самъ разсуди! Нагонитъ онъ тебѣ по злости скорбь какую, и вѣдайся съ ней, и долитъ она тебя, мучаетъ. Вотъ подойдетъ и у меня къ сердечушку-то и начнетъ глодать его, что и свѣтъ-отъ въ очахъ помутится....

— Ругаешься на ту пору самыми такими неладными словами, что въ явѣ-то и на умъ не взойдетъ, перебила хозяйка. Начнешь ты: охъ-охъ! да ой-ой! и всякими такими звѣриными голосами заговоритъ въ тебѣ нечистый. Отъ него вѣдь это сердечушку-то больно-надрывно! За душу-то, одначе [21]), не трогаетъ, не смѣетъ-стало....

— У меня такъ и за душу беретъ, беретъ окаянный! — перебилъ рѣчь старухи, въ свою очередь, хозяинъ.

— У тебя вѣдь съ вѣтру, сынокъ! это ты не сумлевайся [22]): я ужъ тебѣ давно это сказывала.

— Да вотъ такъ и гляди по вѣтру! а по мнѣ, по слѣду [23]), по слѣду оно и есть, отвѣтилъ хозяинъ на замѣчаніе матери. Но эта не слушала его и продолжала свое:

У иныхъ такъ, слышь, и на человѣка-то на того по молитвѣ [24]) указываетъ, который порчу-то напустилъ по наукѣ, али по злобѣ. По имени и человѣка-то того называетъ и деревню сказываетъ. Рѣдко же, однако, эдакъ, больше все втай, потому какъ дѣло оно отъ лукаваго не чисто и есть оно отнынѣ и до вѣка!...

— Аминь! матушка, закончилъ хозяинъ. — Гостю-то вѣдь и отдохнуть надо послѣ дороги.

Поизморился-же чай, поизмялся: дороги-то вѣдь наши тотъ-же нечистый прокладывалъ. Пойдемъ-ко!

[1]) одежда. [2]) На покормленіе. [3]) Праздникъ Николая Чудотворца, 6-го декабря. [4]) Снт. III. § 66. 4). [5]) жители той мѣстности. [6]) на никольскую ярмарку. [7]) т. е. не показываютъ товаровъ. [8]) Здѣсь въ смыслѣ: частію — частію. Снт. III § 35. Прим. 3. [9]) Снт. III. § 36. 9.) [10]) т. е. далеко за рѣкою Двиною лежащая, по мѣстнымъ понятіямъ далеко отъ бойкихъ мѣстъ промышленныхъ и торговыхъ. [11]) Англичане. [12]) т. е. прошедшій, прошлый. [13]) прстр. вм. промыслы. [14]) колотье. [15]) вм. за чай твой. [16]) На-

которые изъ старообрядцевъ ѣдятъ и пьютъ каждый изъ своей особенной чашки, не мiршатся, и называются чашниками. [17]) староверка, которая ѣстъ и пьетъ только изъ своей чашки. [18]) мiрскiе или мiряне (отсюда „обмiриться“, т. е. сойтись съ такими людьми), это не старообрядцы. [19]) Богатые люди въ клѣтяхъ своихъ вѣшаютъ на шестахъ запасную одежду и обувь. [20]) немочь — быть больнымъ, долитъ — одолѣваетъ. [21]) Прстр. вм. однако. [22]) Прстр. вм. сомнѣвайся. [23]) По народному повѣрью, злой человѣкъ можетъ напустить на кого либо болѣзнь, посылая наговоръ свой (порчу) съ вѣтромъ или заговаривая свѣжiе слѣды того человѣка. [24]) по прочтенiи извѣстной молитвы.

---

82. Зимнiй промыселъ на тюленей и нерьпу.

„Подходило дѣло это къ стрѣтеньему дню [1]), прошелъ этотъ праздникъ, мы долго не думаемъ на ту пору, сейчасъ на Кеды съ ружьями,“ — разсказывали мнѣ промышленники мезенскiе. „Тысячи до полторы народу на это время сбирается. Знаемъ ужъ мы это достаточно, что наметали утельги бѣльковъ своихъ бѣленькихъ, словно серебряныхъ, черноглазенькихъ такихъ, чистенькихъ да гладенькихъ. Съ берега мы прямо на льдины идемъ и все свое богатство тащимъ: и лодку, и ружья, и котелки, и пищу — все до послѣдней крохи, потому-что ужъ намъ на то время нѣтъ нужды въ промысловыхъ избахъ. На льдинахъ мы и огонекъ раскладываемъ и кашицу тутъ себѣ варимъ, и спать тутъ ложимся, развѣ, который ужъ боярской кости, такъ тотъ подъ лодку прячется. И ничего, благодаря Бога! — живы бываемъ: въ морѣ-то вѣдь потеплѣй на ту пору бываетъ; на горѣ забористѣй. Такъ-вотъ ладно же: постой! Выйдемъ на льдину, смекаемъ: коли звѣрь этотъ на глазъ чутокъ и на носъ свой тоже, что коли-молъ онъ духу человѣчьяго не терпитъ и видъ ему человѣка противенъ, мы его облукавимъ: на что и царь въ головѣ сидитъ, коли не на это; ладно:

— Надѣвай-молъ [2]), ребята, бѣлые совики, а у кого нѣтъ, такъ на малицы бѣлыя рубахи напяливай. Съ тѣмъ-молъ подобiемъ снѣгу и дѣло дѣлать будемъ.

— Что-же-молъ лукавый хозяинъ, ползти къ нимъ на колѣнкахъ придется?

— Да ужъ это-молъ такъ, какъ и быть тому слѣдно.

— Ладно, сказываютъ, пополземъ. Дай-де только крестомъ осѣниться!

— Валяй-молъ!

— И пополземъ подъ звѣря, по душу его морскую. Кто ледяную доску противъ рожи-то своей на ту пору держитъ, кто черную свою шапку за спиной прячетъ, кто за ропаками да стамухами (намерзшими стойкомъ льдинами) прячется. У всѣхъ въ рукахъ палки, у всѣхъ по ружью, у всѣхъ и колѣнки болятъ, и спину ломитъ. На это не гнѣваемся, а то и на промыселъ ходить не-зачѣмъ. Пол-

земъ [3]), значитъ, и ни единымъ словомъ не щолкнемъ, не перекипемся промежду себя, полземъ — знай все дальше да ближе: и звѣря видимъ, на носу виситъ.... подлѣ ногъ лежитъ и отдушинку подъ собой продуваетъ.... И духъ они отъ себя даютъ тогда такой нехорошій.

Тутъ его по шаболѣ-то рѣзнешь, да къ другому идешь; первый готовъ да и этотъ тоже. Большая залежка — другихъ рѣшаешь; ребята твои тамъ тоже смертоубивства творятъ. Хорошо это и сердцу весело! Одно не ладно, что большаго тутъ звѣря мало живетъ; весь, почитай, онъ на то время въ воду уходитъ, а лежитъ больше мелкота, бѣлёчки [4]). Этого мы звѣря и не облукавливаемъ, и хохлушъ [5]) не обманываемъ, потому этотъ звѣрь отъ тебя никуда не уйдетъ. Плавать малый не умѣетъ; другая матка и спихнетъ котораго въ воду, а онъ все гляди [6]) на льдину лѣзетъ; старики въ прорубь мечутся, а бѣлекъ отъ нея дальше, на ледъ бы, на матерое мѣсто! И лежитъ онъ передъ тобой въ полномъ ликѣ, не трогается, и словно бы что-то глупое, неподходящее думаетъ! То ли онъ матку выжидаетъ тутъ, чтобы пришла да покормила, то ли онъ человѣчій-то образъ любитъ, не спозналъ еще нашего брата за барышнаго человѣка. Господь его вѣдаетъ! Только мы этихъ бѣльковъ на Кедахъ много наколачиваемъ. А вотъ, какъ устанетъ рука, а звѣря много, мы изъ ружей бьемъ; а коли дошли до того, что звѣрь лежитъ весь полѣньями, а который на утекъ пошелъ — мы и баста! Сейчасъ ножи изъ поясовъ — свѣжуемъ. Строгаемъ сало въ лодку, шкурки почесть и не беремъ съ собою. Этотъ вѣдь промыселъ сальной, сказывать надо, не харавинной [7]). Такой-то промыселъ у насъ на устьи бываетъ до Конюшина мыса, устинскимъ зовемъ. Этотъ промыселъ большой, трудной; на этомъ промыслѣ не одинъ человѣкъ и головушкой своей рѣшалъ; тутъ не зѣвай; тутъ ты будь на вѣки умной человѣкъ, коли вернулся домой живымъ, не помятымъ. На этомъ промыслу хорошо, коли сильные вѣтры сопрутъ льдины на берегу. Звѣрю тутъ выходу не бываетъ; бѣжать ему некуда, воды кругомъ нѣту. Тутъ ужъ мы за ружья и не беремся, хвостяги въ дѣло пускаемъ. А хвостяга — это палка черемховая, длиной сажень съ локтемъ, а одинъ конецъ у ней толстой съ шишкой, а на другомъ багоръ съ крючкомъ да шиломъ. Когда набѣжимъ мы на стадо да увидимъ перваго звѣря на глазахъ — хвостягой этой въ морду усноравливаемъ, а то, не попадешь — руки береги: зубы у нихъ превострые, да и щетинятся шибко, пугаютъ, хоть и рѣдки случаи такіе, чтобы укусили кого. А попадешь ты палкой звѣрю въ морду, то ладно — смерти онъ подъ твоей же рукой не минуетъ; хлипокъ же звѣрь этотъ, до того слышь хлипокъ, что одинъ выстанетъ и полѣзетъ къ тебѣ, такъ только по щекѣ дай разá по-

шибче — приляжетъ и морду воткнетъ въ снѣгъ — приколи его только. Другой, пожалуй, и тутъ лукавитъ, притворяется мертвымъ, а потомъ и побѣжитъ, да не шибко, такъ мы въ задъ его прикалываемъ. Съ тѣмъ и конецъ. Дѣла́ на этомъ устинскомъ промыслу, такія еще хитрыя дѣла бываютъ, только вотъ слушай:

— Звѣря-то этакъ окружимъ со всѣхъ сторонъ, льды морскіе въ этомъ дѣлѣ помогутъ намъ, сопретъ ихъ вѣтрами — стадо видитъ: дѣло пропащее, сейчасъ на хитрость. Одинъ взреветъ чисто, тонко, звонко; другой пристанетъ, третій, всѣ заголосятъ; этимъ ревомъ они словно вотъ что сказываютъ: „собирайся-де, други милые, въ одну кучу, съобща поведемъ защиту; полѣзай ты на меня, ты на меня; навалимъ большую кучу, да и понатужимся — можетъ, и проломимъ ледъ-отъ.“ Ну и лѣзутъ другъ на дружку, большія груды дѣлаютъ и пыхтятъ на ту пору, крѣпко пыхтятъ; слышимъ, силу-то свою останную собираютъ, значитъ. Тутъ не зѣвай: коли ихъ, въ кучѣ сподручнѣе, а то не уснаровишься — проломятъ ледъ: бывало этакъ-то! И бей ты ихъ тутъ прямо въ голову, а сдѣлалъ которому шавуй (шавуйный ударъ — въ шею значитъ), замечется звѣрь и всѣхъ прочь разгонитъ. И тутъ ты ихъ никоими силами не остановишь: начнутъ забирать передомъ да похватывать задними ластами [8]), что угорѣлые и прямо къ морю, въ воду. А ластами они своими круто же забираютъ: человѣку, хоть скороходъ онъ будь, не догнать. На этихъ, на устинскихъ промыслахъ, когда много народу, совсѣмъ война идетъ; кричимъ, ругаемся, деремся и всѣ наровятъ какъ бы впередъ попасть поскорѣй да подальше. Большое тутъ дѣло бываетъ, самое спѣшное: однажды въ сутки ѣдимъ, да и полуфунта хлѣба не съѣдаемъ: слегка, значитъ, да по немногу. Тяжелѣе этого загребнаго нѣтъ; недѣли по три, по четыре земли не видишь, какая такая есть она! Боевой промыселъ, смертельный, трудной промыселъ — вѣрь ты Богу!...

— Набьемъ мы этакъ-то ихъ, наколотимъ: на мѣстѣ же тутъ и свѣжуемъ [9]).

— Конченное, значитъ, это дѣло: счастливъ человѣкъ, коли живъ па берегъ вышелъ, и много денегъ тому архангельскіе купцы и за харавину и за сало дадутъ; только ты имъ сало на дому вытопи: безъ того не берутъ.“

Дѣйствительно опасенъ этотъ устинской или выволочной промыселъ (выволочной потому, что ледъ въ это время по большей части выволакивается вѣтрами изъ Бѣлаго моря въ океанъ); не пройдетъ года, чтобы не погибало два-три человѣка изъ смѣлыхъ, дѣйствующихъ сломя-голову и на свое русское авось мезенскихъ промышленниковъ: то льдины рушатся отъ столкновенія съ другими, то окажется, что нѣтъ пищи ни на льдинѣ, ни за пазухой; ламбы (водя-

ныя лыжи) на полой (открытой отъ льду) водѣ не помогаютъ; присутствіе духа не сберешь въ теченіе двухъ-трехъ дней безцѣльнаго плаванія; смерть, во всякомъ случаѣ, неизбѣжная, хотя и горькая посѣтительница. И счастливъ (какъ никогда въ жизни въ другой разъ!) тотъ охотникъ, котораго судьба примкнетъ съ роковой его льдиной на берегъ, особенно же вблизи жилья, хотя даже и близъ лопарскихъ погостовъ. Этихъ спасенныхъ отъ смерти ловцовъ нѣкоторыхъ можно видѣть, нѣсколько лѣтъ послѣ того (смотря по личному ихъ обѣту), въ Соловецкомъ монастырѣ исполняющими самыя трудныя, ломовыя монастырскія работы. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что у мезенцевъ есть обычай и даже, можно сказать, страсть, ходить въ-одиночку на тотъ-же самый опасный промыселъ, выволочной; страсть эта тѣмъ опаснѣе, что тутъ уже помочь некому, и притомъ некому въ трудную минуту выплакать свое горе. Мезенцы, съ незапамятныхъ временъ пребыванія своего на берегахъ Бѣлаго моря, знаютъ (и никогда не ошибаются въ подобныхъ случаяхъ), что когда на Канинскомъ или Тиманскомъ берегу много корму, т.-е когда у береговъ этихъ появляется въ значительномъ количествѣ мелкая рыба сайка — родъ наваги съ синимъ и жидкимъ тѣломъ, и потому негодная къ употребленію въ пищу — навѣрно, въ тѣхъ мѣстахъ должны быть всѣ три породы этого тюленьяго рода, которыя любятъ гоняться за рыбой сайкой и употреблять ее въ пищу. Только этими обстоятельствами и положительными видомостями соблазняются мезенцы на дальный стрѣлецкій канинскій промыселъ, но и то самые бѣднѣйшіе изъ нихъ, въ которыхъ нужда породила и храбрость и страсть дѣйствовать на авось, буквально — очертя голову.

Зная, что рыбка сайка преимущественно является въ тѣхъ мѣстахъ въ концѣ ноября и живетъ тамъ во весь декабрь, что особенно любятъ жрать эту рыбку барышныя нерьпы и что, потому, онѣ являются туда въ огромномъ количествѣ (продувая льдину, назначенную себѣ для залежки, нерьпы выползаютъ черезъ эту прорубь на поверхность льдины и лежатъ тутъ съ осторожностью, имѣя всегда эту прорубь какъ прибѣжище, какъ ближайшее и легчайшее средство къ спасенію въ случаѣ опасности), зная все это, бѣднякъ изъ мезенцевъ долго не задумывается. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна; семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ, а умираютъ люди одинъ только разъ на вѣку — думаетъ какой-нибудь бобыль-одиночка или крутой смѣльчакъ, и дѣла не кладетъ въ долгій и темный ящикъ. Не обидѣла его судьба и самопроизвольная лѣнь возможностью запастись круто-испеченнымъ съ солью хлѣбомъ, горстями десятью соли и крупы (въ малицѣ, бахилахъ, шапкѣ, камусахъ или рукавицахъ и подъ одѣяломъ онъ всю зиму бѣдуетъ: безъ этого только самые

плохіе и пьющіе хозяева живутъ на свѣтѣ), смѣльчакъ не думаетъ долго и не задумывается. Осѣнится онъ аввакумовскимъ крестомъ (если старой вѣры держится), чмокнетъ въ уста того да другую (если найдутся у нето въ семьѣ таковыя) и, вскинувъ котомку съ съѣстными припасами за плечи, взявъ въ руки ружье да дубину (пѣшню или посохъ съ желѣзнымъ оконечникомъ), ламбы [10]) подъ мышку, лыжи на ноги, вскинетъ крестное знаменіе на лобъ, обовьется длиннымъ ремнемъ и побѣжитъ искать счастья и удачи вдали, верстъ за 300 отъ роднаго крова.

— Да тяжело вѣдь это для васъ, скучно, думаю, такъ, какъ нигдѣ и никогда, замѣчалъ я тѣмъ поморамъ, которые ежегодно бѣгали на Канинъ.

— Скучно, говорятъ, ваша милость, у чертей въ котлѣ сидѣть на томъ свѣтѣ, да вотъ твоему благородью въ сторонѣ нашей задвѐнной. А намъ ничего, ничѣмъ-ничего, хоть лопни глаза мои! — отвѣчали мнѣ почти всѣ они въ одно слово.

— Надо тебѣ прежде сказать, что нерьпа лукавый звѣрь, особо та, которая около жила шатается. Съ этой по-христіански-то, по-православному не сладишь. Не чутка она на носъ, за то далеко беретъ глазомъ; это не моржъ. Заприметитъ человѣчье тѣло версты за двѣ — сейчасъ въ воду; а тамъ лови ты ее, когда семи пядей во лбу. Бродитъ эта нерьпа около припаевъ ледяныхъ, и мѣста-то мы эти знаемъ ужъ по своей по старой вѣрѣ, по старымъ примѣтамъ. И то мы знаемъ, что человѣка она къ себѣ близко не подпускаетъ. Вотъ тутъ и хитритъ человѣкъ-божье-рожденье, и хитритъ-то онъ вотъ какъ.... Да постой!... Лежитъ звѣрь на гладухѣ (по зимамъ), на коргахъ, лудахъ (по лѣтамъ)... больше его на гладухахъ — торосы такіе ледяные по зимамъ живутъ — лежатъ эти нерьпы. Тутъ мы ихъ больше и беремъ... Вотъ нерьпа лежитъ — вижу, окомъ своимъ вижу и себѣ вѣрю, что Богу — и лежитъ она не одна, а много (а изъ одной и рукъ марать нечего). Я сейчасъ на раздумье и сейчасъ къ дѣлу. На плечи напялю черный совикъ, на голову — бѣлую шапку безпремѣнно, за спину вскину ружье, противъ себя доску держу, и водой я эту доску оболью и заморожу, и по доскѣ по этой петничекъ (деревянныхъ гвоздочковъ) насажаю пропасть, чтобы снѣгъ держался, и поползу на колѣнкахъ на льдину на ту. Нерьпа видитъ доску мою, льдиной-стамухой почитаетъ; лежитъ и глядитъ на доску на эту зорко, во всѣ глаза. Надулъ, думаю; стой теперь: я еще тебѣ штуку подпущу, знай ты меня! И сейчасъ кричать, сейчасъ стучать, какъ смогу и съумѣю, и опять однимъ глазкомъ своимъ накинусь на звѣря. Вижу, мечется онъ, по сторонамъ бросается, въ прорубь сунется, опять выскочитъ, ухо прилаживаетъ, прислушивается къ проруби-то, не тамъ

ли молъ шумитъ кто; опять у проруби мечется, долго, круто мечется. Думаю: забрало! пошла битка въ конъ!... гуляй молодецъ — твоя недѣля. Онъ мечется! а я ему: „ого-го!“ свое; онъ-то пляшетъ да скачетъ, а я свое дѣло правлю: ружье налаживаю, да пулей ему прямо въ морду! — такъ такъ и уткнется, такъ и придернетъ его всего крѣпкой судорогой. Ей Богу! это дѣло — ладное дѣло! На берегъ выйдешь, не прохохочешься. Эко, молъ, ты человѣкъ дикой да глупой, хуже, молъ, ты самоѣда нашего! право!... Этакъ-то мы по веснамъ больше. Такъ же и заячей ловимъ....

— А есть у насъ, твое благородье, и такіе смѣльчаки (про себя только боюсь тебѣ сказывать), что облукавливаютъ звѣря всякаго: и нерьпу, и тевяка, и заячей. И облукавливаютъ они его вотъ какъ, и это труднѣе того, что разсказано. Доски́ на этотъ разъ не берутъ; тутъ человѣкъ самъ за себя отвѣчай, за свой умъ, за все свое. Человѣкъ этотъ выходитъ на льдину весь бѣлой, ворочается: нерьпу раздразнитъ, разшевелитъ. Она свое дѣлаетъ и онъ по ее: она въ одну сторону дернетъ и головушкой тряхнетъ — и онъ также; она ухомъ къ проруби своей приложится — и онъ свое ухо на ледъ. Такъ и надуетъ! Такъ и облукавитъ! Звѣрь помечется, нобѣсится; видитъ — человѣкъ, что нерьпа, свой братъ; возьметъ, да и ляжетъ, успокоится и отворотится. Тутъ ей и пуля горячая!...

— Мы вѣдь, ваша милость, изъ своихъ изъ плохихъ винтовокъ на 50 саженъ хватаемъ, и прямо въ морду. И до того глупа на тотъ часъ нерьпа бываетъ, что щелкаешь ты выстрѣлами однѣхъ — другія не шелохнутся! Выстрѣлы-то эти, надо быть, за трескъ торосьевъ почитаютъ. Облукавленный звѣрь — пропащій звѣрь, какъ передъ Богомъ!... — По берегу-то по Канинскому теперь избы настроили, хоть и не больно часто; у иной и часовня есть, и образъ есть — да вѣдь въ наледномъ-то промыслу, что въ этихъ избахъ. Тутъ вонъ со звѣремъ-то ломаешься, хитришь, бьешь его: умъ теряешь и смѣтку всякую, а на ту пору, глядишь, вѣтеръ оторвалъ твою льдину отъ припая, да и понесъ въ голомя [11]). Съ горяча-то, это тебѣ не въ примѣту, а очнешься — руками махнешь, крестное знаменіе на лобъ положишь, родителей, коли есть, вспомянешь, знако́мые какіе на умъ взбредутъ, сердцемъ опять надорвешься, глаза зажмуришь, и поплывешь на удачу, куда вѣтеръ несетъ. На этотъ случай намъ островъ Моржовецъ подспорье хорошее: все больше на него попадаемъ. Такъ вотъ и со мной разъ было дѣло. А то уноситъ въ океанъ, такъ тамъ и погибаютъ.

— Вотъ оттого-то безразсуднѣе, безчеловѣчнѣе вашихъ тюленьихъ промысловъ другихъ больше и на свѣтѣ нѣтъ.

— Это ты тамъ какъ хочешь.... а и на дому-то потомъ не больно же много напастей послѣ смерти твоей бываетъ.

— Да правда ли полно все то, что ты сказалъ теперь?

— Истинная, сущая. Бобыль ты человѣкъ — по тебѣ за то и собака не взвоетъ; семья у тебя есть — ну, извѣстно, заревутъ бабы, шибко заревутъ. Опять-таки и онѣ: поревутъ, поревутъ — перестанутъ. Это ужъ дѣло такое! Нѣтъ того на свѣтѣ горя, въ которомъ бы человѣкъ утѣшенія себѣ получить не могъ....

— Нѣтъ! какъ, братъ, ты хочешь, какъ ты тутъ ни вертись, а ужъ если народъ о человѣкѣ плачетъ, стало-быть человѣкъ этотъ дорогъ, стало-быть въ человѣкѣ этомъ міръ лишился товарища, и семья кормильца. Какъ ты себѣ ни ворочай дальше, а промысла ваши глупо ведутся: попусту народъ теряется изъ-за лишняго пуда сала; у васъ семга есть, навага, звѣрь на Кедахъ, на припаяхъ лежитъ, добывать его въ это время безопасно....

— Да вѣдь звѣрь-отъ лежитъ мелкота больше. А что ты больно смерть-то охаялъ? Гдѣ она тебѣ, сказано въ писаніи, написана, то мѣсто ты и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь: вѣрно такъ!

Почти также разсуждаютъ и всѣ другіе поморы, которые, какъ и всѣ простые русскіе люди, соберутся міромъ на улицѣ, въ кабакѣ, услышатъ нерадостную вѣсть о погибели товарища, покачаютъ головами, покрутятъ плечами, перекрестятся, потолкуютъ:

— Вишь-ты, братцы, грѣхъ какой, божеское наказаніе!

— Жаль, парня-то, крѣпко жаль. Ну-ко поди!

— Хорошій былъ, хорошій, — это что говорить. Жаль парня, жаль!

— И что его, братцы, угодило такъ то?

— Да вотъ поди ты — угодило!

— Пошли-жъ ему, Господи, царство небесное!

И опять весь міръ деревенскій перекрестится, опять всѣ закачаютъ головами, опять начнутъ толковать о бездольи погибшаго парня, о тяжеломъ житьѣ у моря и на морскихъ промыслахъ и обо всемъ другомъ многомъ, да тутъ же и опросятъ, пожалуй, другъ друга:

— А кто изъ васъ, братцы, на стрѣльню-то нонѣ сбирается?

— Да вотъ дядя Никифоръ, дядя Михѣй, Кузька, Селифантій!...

— А когда, братцы, налаживаться-то станете?

— Да завтра-чай, что волочить [6]) дѣло попустому! — отвѣтятъ въ одно слово и дядя Никифоръ, и дядя Михѣй, и Кузька, и Селифантій.

[1]) Т. е. ко дню праздника Срѣтенія Господня. [2]) Сит. III. § 65. 8.) Икл. Сит. ст. 121. Прим. II. [3]) Сит. III. § 50. 18). [4]) тюленій щенокъ, сосунъ, до отлучки отъ

матери; на немъ бѣлесоватая шерсть. [5]) недѣльный тюлень. [6]) т. е. глядитъ, какъ бы ему на льдину вылѣзть. [7]) Харавина — шкура убитыхъ звѣрей, идетъ въ продажу за границу и въ Россію для ранцевъ, для обивки дорожныхъ погребковъ. Здѣсь ее стелютъ нерѣдко на оленьихъ санкахъ. [8]) лапа тюленья. [9]) снимать шкуру, потрошить. [10]) Все нехитрое устройство ламбъ основывается на томъ, что рѣдкіе изъ торосовъ не сопровождаются измельченнымъ льдомъ, называемымъ шугою. Если отъ давленія ноги мелкія льдинки, плавающія по водѣ, тонутъ, то достаточно-размѣренная быстрота передвиженія ламбъ широкихъ и плоскихъ задерживаетъ скорость погруженія. Конечно, при этомъ необходимы крайняя опытность, главное — смѣлость, а еще болѣе огромное присутствіе духа. Часто слегка нарушенный балансъ при самомъ первомъ скачкѣ на шугу, ламбу задѣваютъ за льдину, и тогда смерть неизбѣжна: несчастный смѣльчакъ прямо падаетъ въ воду и затирается ближайшимъ льдомъ на вѣки вѣчные. [11]) открытое море. [12]) Снт. III. § 50. 6).

---

83. Ловля бѣлуги въ Бѣломъ морѣ.

Какъ теперь, вижу передъ собой хозяина моей отводной квартиры, явившагося съ слѣдующимъ интереснымъ извѣстіемъ и запросомъ:

— Бѣлуга подошла — рыбку обижаетъ; неводъ наладили, къ утру ѣдемъ: не желаешь ли?

— Боюсь, не покусалъ бы звѣрь?

Хозяинъ на эти слова чуть не расхохотался.

— Нашелъ ты звѣря злаго! Нако поди: да смирнѣе звѣря этого и въ поднебесной нѣту; даромъ, что съ корову ростомъ, а разумомъ-то да смирнотой своей и теленка не осилитъ. Поѣдемъ, знай! Посмотри каково тебѣ смѣшно и любопытно будетъ! Я, вѣдь, къ тебѣ не врать пришелъ, а дѣло сказывать. Собирайся.

— Теперь, вишь, у насъ время такое стоитъ, что трава не дошла: страду затѣвать еще рано, о жнивѣ и думать не моги [2])! только вотъ и можно бѣлугу ловить. Она, на тотъ разъ словно угорѣлая, только, кажись [3]), на наши берега и лѣзетъ [4]), удержу нѣтъ. Извѣстно, тутъ только подавай Боже, а мы четыреста рублевъ на серебро за свой неводъ потратили, да вотъ рублей по пятидесяти (тоже на серебро) ежегодь на починку изводимъ. Потому-что этотъ неводъ намъ собственной.

А видалъ ли ты неводъ бѣлужій?

— Нѣтъ еще не случалось....

— Сами плетемъ, а которые и соловецкимъ монахамъ заказываютъ (да берутъ они дорого). Сѣти мы эти плетемъ изъ бичевокъ голанскихъ, сколько можно толстыхъ; ячеи въ этой сѣти по шести верховъ (вершковъ) въ поперечникѣ, затѣмъ, что на рыбу тутъ не надѣешься; рыба тутъ самая большая проскочитъ; а бѣлуга звѣрь такой, что хоть ты въ сажень ячею-то дѣлай, не проскочитъ. Неводъ этотъ на саду сидитъ саженъ съ тысячу, да веревокъ однѣхъ у него съ цѣлую версту. Такъ вотъ, смотри, какой большой неводъ этотъ. А затѣмъ и бѣлуга — сальной звѣрь, а не кожной,

какъ бы лысунъ, али нерьпа, заячь. И тѣхъ къ намъ много приходитъ; да ладно! съ тѣмъ и прощай!... ложись отдыхать и я тоже, потому карбасъ-отъ [5]) ужъ налаженъ и про твою милость....

Рано утромъ разбудилъ онъ меня еще въ сумерки, или въ тотъ полусвѣтъ, который держался въ это время съ часъ между вечерней зарей и утренней, такъ что ночи, въ собственномъ смыслѣ, рѣшительно не было. На корбасъ свой онъ поставилъ кадушку съ просоленой треской, бросилъ мѣшечекъ съ ржанымъ хлѣбомъ и житникомъ — небольшимъ караваемъ ячменнаго хлѣба, который можно употреблять въ пищу только въ тотъ день, когда онъ испеченъ, и который, за ночь, до слѣдующаго дня такъ черствѣетъ и портится, что положительно становится негоднымъ къ ѣдѣ, окаменѣлымъ.

Три пѣшни и три кутила лежали тутъ же, подлѣ насъ въ карбасѣ. Мы отправились.

— Ишь времячко-то теперь какое красивое стоитъ — любо да два! говорилъ хозяинъ мой, не одинъ разъ любуясь погодой. Дѣйствительно во всей своей необъятной красѣ, какъ огненный шаръ безъ лучей, выплывало изъ-за дальняго края моря лѣтнее солнце. Пронизавши воду своимъ пурпуровымъ отцвѣтомъ, солнце выглянуло изъ-за воды сначала краемъ, который постепенно и замѣтно увеличивался и золотилъ воду. Вотъ наконецъ, и все солнце, весь этотъ огненный шаръ на нашихъ глазахъ; кругомъ его заклубился словно паръ, отливавшій потомъ какъ будто дальними, свивавшимися клубомъ облаками. Ближніе къ солнцу края облаковъ этихъ желтѣли, дальніе еще отливали пепельнымъ цвѣтомъ: но солнечныхъ лучей не видать было часъ, не видать другой. Солнце замѣтно, почти на нашихъ глазахъ, отмѣряло пространство и скоро взбиралось по небу.

Долго мы ѣхали греблей; долго впивалъ я дыханіемъ своимъ безконечно чистый, нѣсколько свѣжій морской воздухъ; долго любовался и на безграничный глубокій-глубокій сводъ неба, нависшій надъ нами съ его солнцемъ, съ его свѣтлой, нѣжной лазурью. Наслажденіемъ подобнаго рода можно упиваться, но трудно передавать послѣ всего того, что уже давно было не одинъ разъ сказано и поэтами и живописцами. Солнце успѣло уже озолотить берегъ и тотчасъ же, скорѣе чѣмъ въ мгновеніе ока, освѣтить и насъ, и наше море на всю его безконечную даль отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу.

Мы были уже почти подлѣ цѣли.

Съ десятокъ карбасовъ плыли въ дальнихъ отъ насъ мѣстахъ Онежской губы: нѣсколько изъ нихъ передъ нашими же глазами, повернули отъ сосѣдней къ нимъ луды и, какъ видно, гребли усиленно въ нашу сторону. Быстро отдѣлялись эти карбасы отъ ту-

манной луды; быстро перебирали лодочники руками; въ свѣжемъ воздухѣ моря доносились до насъ рѣзкіе, дальн'е крики. На крики эти хозяинъ мой замѣтилъ только одно:

— Чуть не запоздали! обметываютъ ужъ!

И тотчасъ-же повернулъ руль влѣво, и нашъ карбасъ направился прямо къ берегу, въ сторону отъ тѣхъ карбасовъ, съ которыхъ, повидимому, раздавались крики. У берега чернѣлось еще нѣсколько карбасовъ, и, какъ видно, безъ всякаго дѣла. Вѣроятно, и наше мѣсто было тамъ же. Впереди прямо противъ берега, къ сторонѣ, затянутой въ туманную хмару луды, бѣлѣлись, словно большіе клочья морской пѣны, спины бѣлугъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ мѣстъ повторялось это явленіе: лёщились[6]) себѣ бѣлуги, выставляя изжелта-серебристыя спины на морской поверхности, и потомъ быстро опрокидывались головами въ морскую глубь, хватая въ ней спопутную рыбу. Одна зашипѣла почти подлѣ самаго нашего карбаса и успѣла обнаружить и горбатую спину, и какую-то диру на ней, откуда вылетѣли фонтаномъ не высокіе, но быстро вымоченные брызги воды, серебрившіеся па лучахъ солнца.

— Пошла оттыскать пробку, свинья морская! постой, будетъ тебѣ ужо на орѣхи, чуть не спѣхнула, проклятая! быстро замѣтилъ хозяинъ.

— А развѣ бываетъ этакъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ не бываетъ, никогда не бываетъ! [illegible] сами спѣхнемъ ее, а ей, проклятой, насъ не опружить, — отвѣтилъ онъ мнѣ неохотно, какимъ-то сердитымъ голосомъ. И сильно прикрикнулъ мой хозяинъ на работниковъ, чтобы тѣ греби сильнѣе и круче [illegible] налегали на весла.

Послышались съ его стороны ру[illegible]
его начались судорожныя, нетерпѣл[illegible]
теперь-то наступала для него сама[illegible]
къ тому-же, какъ я замѣтилъ, [illegible]
отвалили и плыли по направленію [illegible]
луды ладились къ берегу, и [illegible]
сѣть, безпрестанно путаясь [illegible]
оттуда сильныя, громкія руга[illegible]
разслышать цѣликомъ, ког[illegible]
же мѣсту, дальше отъ бер[illegible]
няго карбаса и на наш[illegible]
выбирать въ то врем[illegible]
карбасъ. Долго, до [illegible]
веревки и перебрас[illegible]
бросали всю, пока [illegible]
и сильно опускав[illegible]

мы не очутились, въ свою очередь, крайними. Видно, поспѣли во время! Быстро гребли мы веслами и бѣжали за веревкой; быстро закручивалась эта веревка уже прямо противъ насъ. Думаю, часъ цѣлый выжидали, когда, наконецъ, попадетъ эта веревка въ наши руки, послѣ того, какъ обойдетъ сѣть меньшій кругъ. Бѣлуги между тѣмъ продолжали лёщиться и кувыркаться, разгребая ластами воду на двѣ струи, но уже не въ разброску одна отъ другой, а почти всѣ около одного мѣста, ближе къ серединѣ того круга, который описывалъ вымеченный неводъ. Звѣрь выстаетъ замѣтно чаще и какъ будто сердится, у него захватываетъ съ натуги и отъ гнѣва дыханіе и онъ спѣшитъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и, если уже возможно это, такъ въ послѣдній разъ передъ смертію, которая виситъ на носу.

Между тѣмъ крики со всѣхъ карбасовъ, съѣхавшихся теперь на близкое другъ отъ друга разстояніе, превратились въ громкій, базарный гулъ: всѣ невѣроятно спѣшили, всѣ какъ будто обижены были тѣмъ, что не по ихъ желанію начали, не по ихъ волѣ продолжаютъ и, стало-быть, неудачно окончатъ. Вдругъ раздался сильный плескъ въ водѣ веревки, сопровождаемый сильнымъ, громовымъ эхомъ въ горахъ. Раздалась опять сильная, громкая брань и въ мгновеніе ока, нѣсколько карбасовъ, въ томъ числѣ и нашъ, юркнули черезъ эту веревку въ середину того завѣтнаго круга, который описалъ неводъ, и гдѣ, на этотъ разъ, уже рѣже выставали бѣлуги, вѣроятно, утомленныя. Быстро хваталъ хозяинъ мой кутило [8]) и бросилъ его выстававшему звѣрю, сколько можно было замѣтить это при скорости удара, прямо въ дыхало (въ диру, пускавшую фонтанъ); съ быстротой молніи выхватывалъ онъ изъ кутила палку, бросая ее прочь, въ лодку, и въ тоже время съ поразительной ловкостью выбрасывалъ въ воду и всю веревку, привязанную къ кутилу. Другой конецъ этой веревки онъ задерживалъ за карбасъ, и опять-таки, ни минуты не медля, хватался за новое кутило; нѣкоторое время спѣшливо, внимательно высматривалъ онъ на водѣ выстававшаго звѣря, держа настороженнымъ оружіе смерти. Веревку, сколько я могъ замѣтить, крѣпко держалъ онъ у ратовища (палки), съ тою цѣлію, чтобы не спрыгнуло съ него кутило, и быстро выхватывалъ палку ратовища, и ослаблялъ и кидалъ всю веревку до дальняго конца въ то время, когда замѣчалъ сначала спину, а потомъ и дыхало звѣря, какъ черное пятно, зіявшее мгновенно тотчасъ же. Такимъ-образомъ выметалъ онъ всѣ свои три кутила (въ карбасѣ лежали только пѣшни) въ то время, когда, опомнившись — онъ отъ тяжелыхъ трудовъ, я отъ внимательнаго выслѣживанья за его движеніями и движеніями людей сосѣднихъ карбасовъ — мы замѣтили себя у самаго берега, на который первые выскочившіе изъ лодокъ

съ уханьемъ и той же бранью тащили сѣть. Тоже сдѣлали и мы. Впрочемъ, нѣсколько карбасовъ еще ѣздили кругомъ сѣти, болтавшейся въ водѣ, и съ нихъ, время отъ времени, еще выметывали кутила, но вѣроятно, уже послѣднія. Нѣкоторое время слышалась эта буркотня, но и она вскорѣ смолкла. Чайки, все время кружившіяся надъ бѣлужьимъ юривомъ и спѣшно выхватывавшія изъ рта звѣря рыбу, въ несмѣтномъ количествѣ кружились теперь надъ нами и густой темной тучей надъ неводомъ. Визгливый, разноголосый крикъ ихъ возмущалъ душу; но всѣмъ было не до нихъ. Начиналась самая трудная, самая спѣшная пора работы, хотя и со всѣхъ уже потъ лилъ градомъ, хотя весьма многіе съ трудомъ переводили дыханіе. Крики и брань прекратились. Стадо пойманныхъ, застигнутыхъ въ расплохъ бѣлугъ на прибрежныхъ кошкахъ обмелѣло: нѣкоторыя изъ нихъ выставили на показъ всю свою огромную тушу, богатую саломъ. Видна была гладкая, безъ шерсти кожа, изжелтабѣлая, у нѣкоторыхъ съ мертвою просинью; на одномъ концѣ туловища видѣлась голова, въ зашейкѣ которой чернѣло дыхало величиною около полувершка въ діаметрѣ, на другомъ концѣ хвостъ длиною съ поларшина, толщиною пальца въ три, обтянутый бѣлою кожицею, отливавшею по краямъ пепельнымъ цвѣтомъ. На плечахъ видѣлись ласты-крылья (какъ называли промышленники), имѣющіе нѣкоторое сходство съ небольшими свиными окороками, четвероугольной, продолговатой фигуры. Задніе ласты, лафтаки, не были больше сажени, и весь звѣрь, длиною аршинъ семь, растянувшійся по землѣ, со своею горбатою спиной, головой небольшою, сравнительно съ остальнымъ туловищемъ, глядѣлъ рѣшительнымъ подобіемъ небольшаго кита, къ породѣ которыхъ, вѣроятно, и принадлежитъ бѣлуга эта (Phiseter Kotodon) [9].

Пока я занимался разсматриваньемъ фигуры невиданнаго мною, безобразнаго звѣря, промышленники кротили, т. е. пришибали пѣшней въ дыхало тѣхъ звѣрей, которые шевелились еще и грозили, при малѣйшемъ невниманіи и оплошности, опрокинуться въ воду и уйдти отъ нихъ въ руки другихъ счастливцевъ, на берегъ къ которымъ ихъ можетъ выкинуть морская волна. Промышленники наши, перекротивши всѣхъ звѣрей поочередно и немного отдохнувши и заправившись пищей, начали свѣжить добычу. Для этого они сначала отрубали голову, хвостъ и четыре ласта, затѣмъ сдирали шкуру съ саломъ вмѣстѣ и не буксировали его на карбасы затѣмъ только, что были на берегу, но мясо бросили тутъ же, предоставляя его на съѣденіе собакамъ, которыя стадами прибѣгутъ сюда не только изъ ближней, но и изъ дальнихъ деревень.

— Куда же пойдетъ кожа звѣриная, если сало въ продажу? спросилъ я хозяина, неотстававшаго отъ другихъ и молчаливаго во

все время работы. Въ отвѣтъ на это онъ только приподнялъ ногу, показалъ подошву и пощелкалъ въ нее пальцемъ.

— На это идетъ, да на другую кою [10]) мелочь — отвѣчалъ мнѣ за него уже другой сосѣдній мужикъ. Кожа бѣлужья — не кон кладъ, эта не нерьпичья кожа: та лучше, та барышнѣе.

Затѣмъ опять слѣдовало молчаніе; видимо, всѣ со средоточеннымъ вниманіемъ занялись работой своей. Съ трудомъ, послѣ долгаго ожиданія съ моей стороны, нашелся еще одинъ словоохотный. Онъ говорилъ мнѣ:

— Вотъ все, что ты теперь видѣлъ, баринъ, дѣло хорошее. Промыселъ нашъ на твой счастливый пріѣздъ ловкой задался.

— А какъ приблизительно?

— Да коли ста два звѣрей попало, рублевъ на большую тысячу будетъ; ста по два рублевъ [11]) на ассигнаціи придется на брата. На это и сѣти поправимъ; порвала же, чай, звѣрина, не безъ того: бѣсится и она — какъ вишь, не смирна теперь; мечется же, шибко мечется, животъ-отъ свой горемышной жалѣючи.

[1]) Снт. III. § 50. 23). [2]) Снт. III. § 65. 2.) Прим. 4.) [3]) Вмѣсто: кажется. [4]) Снт. III. § 50. 13.) [5]) Снт. III. § 36. 2). [6]) плескались. [7]) потопить. [8]) родъ дротика или метательнаго копья. [9]) Соименная звѣрю волжская рыба бѣлуга наз. Нимо. [10]) Прстр. вм. какую нибудь. [11]) Прстр. вм. рублей.

---

84. Вѣтры на Бѣломъ морѣ.

Гдѣ опаснѣе взводень [1]), спросилъ я Егора, управлявшаго лодкой, здѣсь ли въ морѣ или тамъ па Мурманѣ — въ океанѣ?

— Взводень нигдѣ не страшенъ: умѣй только паруса обладить, да не зѣвай по времени, — не опружитъ [2]); опять же мѣста знай: гдѣ мель, гдѣ корга; и становища, якорныя мѣста опять знай. умѣй во время спрятаться. — А который взводень сильнѣе?

— Да. Океянской матерущой взводень живетъ; этотъ и званія передъ тѣмъ не стоитъ, таке.... дрябь, зыбь и ничего.... тьфу!...

Разскащикъ присвиснулъ.

— На Мурманѣ во — какія волны!

Разскащикъ засучилъ рукава и приподнялся.

— Палъ тамъ вотъ этакій-то чертовикъ полунощникъ, да сдуру и начнетъ пылить по океяну-то. Ну.... большія волны живутъ....

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто.

— А какъ же велики?

— Да чуть тебѣ съ колокольню не посулилъ.... Прислушивавшіеся работники захохотали; самъ разскащикъ скрылъ улыбку и продолжалъ самоувѣреннымъ тономъ и еще круче засучивая рукава.

Онъ опять приподнялся.

— Идетъ тебѣ устрѣчу волна, что домъ городской; подойдетъ это тебѣ подъ низъ, взберетъ на себя все выше да выше на самой хребетъ, вздынетъ, покачнетъ этакъ разъ-другой-третій, потѣшитъ это душеньку то, значитъ, свою, да и пуститъ легонько внизъ, что по маслу, любо!...

Разскащикъ покрутилъ головой.

— Спустила это она внизъ; ничего не видно и духу съ-разу не соберешь. Глянь, анъ другая тебѣ лѣзетъ, еще больше той, и та съ тобой поиграетъ, да этакъ-то вонъ съ-одново по цѣлымъ суткамъ и тѣшатся, и любо и имъ и тебѣ. На попутной идетъ — шагаешь это все впередъ да впередъ и пбрато [3]) бойко; а на устретной — знамо бѣги въ становище — осилитъ, не справишься.

Онъ помолчалъ.

— И сколь велики эти волны — такъ вотъ теперь съ ладьей ты идешь рядомъ, да furthermore

— Волна эта мелкая, бойкая, съ ней опасливо: того-гляди, подсѣчетъ и опружитъ; волна эта не много отъ рѣчной отстала. Та какъ вотъ совсѣмъ обижаетъ, особѣ на сувояхъ: тамъ это, гдѣ вотъ палая бы вода съ прибылой встрѣтится, тутъ ужъ рулевой не зѣвай.

— Ну, а какъ же это, дядя Егоръ, на Мурманѣ-то лонись [4]) десятковъ семь ребятъ погибло; такія бури стояли, что отродясь не запомнятъ?

— Что же? на то власть Божья; знамо, все отъ Его произволенія; тутъ намъ съ тобой, дядя Степанъ, дѣлать нечего! вѣрно ли я говорю?

Дядя Степанъ глубокомысленно кивнулъ головой.

— Въ ѳкеянѣ взводень укладывается не больно же скоро: и вѣтеръ перестанетъ, и другой завяжется, а взводень все рыдаетъ, все гуляетъ.... Въ морѣ не такъ, въ морѣ взводень въ полчаса угомонится, а и раньше, коли на морской вѣтеръ набѣжитъ какой ни есть горній.

Поощряемый этими разспросами и общимъ вниманіемъ, хозяинъ, привыкшій, приглядѣвшійся къ морю и капризамъ вѣтровъ, продолжалъ разсказывать слѣдующее:

— Про вѣтры нешто сказать тебѣ заразъ, что бы зналъ ты и напредки, коли въ Колу и на Мурманъ ѣдешь, всѣ ихъ обыки [5]), всякій норовъ, значитъ. Взять бы встокъ-морской, голомянный [6]) вѣтеръ — боекъ и разгуливается скоро, глазомъ почесть мигнуть не

успѣешь, и крутитъ иной разъ по морю завсегда цѣлый день; а пошло этакъ солнце на вѣтеръ....

— Что же это значитъ?

— Стало этакъ солнце, значитъ, на востокѣ, въ сторонѣ этой на небѣ-то.... отишетъ [7]) вѣтеръ и отстанетъ, и взводня не пущаетъ больше, и знай: пересталъ вѣтеръ, такъ либо ничего, либо другой падетъ, а ужъ тотъ старой.... никогда почесть не ворочается. не играетъ ужъ.... По ночамъ послѣ встока больше шалоникъ (SW) ходитъ....

— Ну, а этотъ каковъ?

— Совсѣмъ негодяй; пылитъ, словно угорѣлый, рветъ все у тебя, ровно благуетъ [8]) и почесть не даетъ никакого взводня. Совсѣмъ взбалмашной вѣтеръ; задулъ, закрутилъ, оборвалъ бичеву, пѣну пустилъ, — думаешь, и несосвѣтимую погоду завяжетъ и нивѣсть куда унесетъ тебя, коли попутной. Глядишь, поигралъ часъ-другой-третій, попылилъ и опѣшилъ — и приругаешь дурака и наплюешь въ глаза. Такой!... Вонъ полуношникъ (NO), сѣверъ, западъ — теплой вѣтеръ, тѣ молодцы, съ тѣми можно дѣло имѣть, потому благородно и необидно.... сѣверъ только некруто взводень пущаетъ, развѣ ужъ крѣпко расходится и тянетъ долго....

— Лѣтній каковъ? спросилъ я, стараясь воспользоваться словоохотливостью Егора, не всегда разговаривающаго, по большей части замкнутаго и сосредоточеннаго въ себѣ.

— То есть горніе?

— Да.

— Про какой спросилъ-то: про лѣтній?

— Про лѣтній.

— Это вѣдь бѣлоручка, дворянской сынъ. Подъ него спать на палубѣ ловко, щекотитъ это по рожѣ-то теплынью, умирать не надо. Таково любо!...

Такъ ли я, старина, говорю?

Старикъ опять молча кивнулъ головой и опять усмѣхнулся; даже на всегда мрачномъ лицѣ хозяйскаго брата проскользнулъ родъ какой-то усмѣшки и онъ переступилъ съ ноги на ногу. Это замѣчено было Егоромъ.

— Вонъ Петрухѣ-то какой не завязывайся вѣтеръ, все ладно: полуношникъ хоть всѣ трубы открой, не пройметъ, моржовистъ.

Хозяинъ замолчалъ, но вскорѣ счелъ за нужное прибавить еще слѣдующее:

— Гагара кричитъ — на море безпремѣнно падетъ [9]) сильной вѣтеръ.

— Темень подняло; дождя, знать будетъ; а не надо-бы намака [10])! послышался голосъ хозяина.

— Зорокъ же, братъ, ты и догадливъ!

— Намъ нельзя безъ того, слѣпымъ-то у насъ и на печи мѣста много. Близорукъ въ морѣ будешь, такъ и носъ разшибешь, наше море не такое, чтобы корчъ этихъ, кошекъ, голышей не было, не такое!...

Предсказаніе хозяина сбылось; изъ теменцы — дальняго облака — сдѣлалась вскорѣ надъ нашими головами цѣлая и густая туча, обсыпавшая насъ бойкимъ, но скоро переставшимъ дождемъ, вызвавшимъ новое замѣчаніе Егора:

— Въ морѣ встанетъ темень — жди дождя; въ горахъ (въ береговой сторонѣ) завязалась она и кажетъ словно молочная, да зачернѣло отъ туда море синей полосой, быть [11]) вѣтру, и крѣпкому вѣтру; такъ и завсегда вотъ, такъ и теперь!

И это предсказаніе сбылось какъ нельзя вѣрнѣе и лучше; дождь загналъ меня въ каюту, куда послышались вскорѣ съ палубы новые крики и опять начались возня и брань. Слышится задыхающійся голосъ Егора:

— Къ снастямъ, ребятушки, къ снастямъ, други, милые, человѣки земнородные! постарайся, други, золотомъ озолочу и по всему свѣту пущу славу — вотъ такъ, упрись, вотъ такъ, серебреные, милые!... А чтобъ тебѣ, старому чорту, ежа противъ шерсти родить, что кливеръ-то опустилъ? анаѳема.... не задорься, крѣпись на рулѣ-то, лупоглазой! рочи живѣй, одеръ необычной!... начну вотъ кроить шестомъ-то, скажешь, которое мѣсто чешется!... окаянные!... держи вѣтеръ-отъ такъ, желанные мои, такъ... вѣрно, такъ! спасибо на доброй подмогѣ! Ишь какъ знатно пошло прописывать; молодцы ребята, тысячи рублевъ за васъ не деньги!... вотъ лихо!... вотъ лихо!... знатно!... шевелись, старикъ, шевелись, перекидывайся, шевелись покрѣпче — погуще поѣшь; ладно! Вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ разъ!...

И за послѣдними словами въ каюту донеслись новые звуки хозяйскаго свиста; я вышелъ на палубу, стоитъ онъ, разставивъ ноги и разведя руками лицомъ къ вѣтру, и опять снялъ шапку, и опять машетъ ею противъ вѣтра,

— Что Егоръ?

— Да вишь окаянной какой!...

— Что же обидѣлъ?

— Попугалъ только, проклятой: на то и шаловникъ, разбойникъ, чтобъ ему пусто было!... Рони [12]) паруса, братцы, да крути якорь: надо опять полой [13]) дожидаться!... Вотъ и горюй тутъ.

[1]) качка, волненіе. [2]) т. е. неопрокинетъ. [3]) Порато есть областное слово и значитъ очень. [4]) Областное слово; значитъ намедни. [5]) Областное слово; значитъ обычаи. [6]) Областное слово; значитъ съ открытаго моря. [7]) Стихнетъ. [8]) Шалитъ, дурачится. [9]) Сит. III. § 54. 9). [10]) намъ. [11]) Сит. III. § 66. 4). [12]) Сит. III. § 50. 19). [13]) полой воды — прилива.

85. Возвращеніе мурманскихъ промышленниковъ домой.

Всѣмъ въ Архангельскѣ угодили мурманскіе рыбные промышленники; угодятъ еще больше и дальнимъ городамъ, когда олонецкая шунгская ярмарка отправитъ сушеную треску цѣлыми вереницами возовъ по тремъ смежнымъ губерніямъ; пройдетъ эта треска и въ Петербургъ, и на сѣнной площади этого люднаго города накормитъ дешево и сердито [1]) цѣлыя сотни толкученскихъ [2]) бѣдняковъ изъ сѣраго, простаго, добраго народа русскаго.

Пока такимъ-образомъ поморы, облегчившіе свои ладьи отъ мурманской клади, разгуливаютъ покойно по городскому рынку, покупая для себя, кто сапоги смазные, кто сибирки, кто новыя городскія шапки и перчатки, кто платки и ситцы на обновы домашнимъ, или весело пропиваютъ залишекъ въ спопутныхъ [3]) кабакахъ, которыхъ такъ много въ Архангельскѣ — дома, въ родныхъ семьяхъ ихъ, съ послѣдними числами сентября, начинаются всѣ припадки нетерпѣливыхъ ожиданій большаковъ. Всякое судно, издалека еще показавшее свой бѣлый парусокъ, приводитъ въ волненіе цѣлое селеніе; по мачтѣ, по окраскѣ судна, по мельчайшимъ, тончайшимъ, едва примѣтнымъ для привычнаго глаза признакамъ узнаютъ мѣстное ли то судно, или ближней деревни, и какого хозяина. Живы ли всѣ, благополучно ли было плаванье въ городъ: писемъ получить не съ кѣмъ; послѣднія вѣсти шли еще съ Мурмана отъ хозяевъ и случайно отъ проѣзжавшаго разсыльнаго земскаго суда. А между тѣмъ море бурлитъ уже по осеннему, холода стоятъ сильные и бури вздымаютъ море съ самаго дна; разъ начавшійся крутой морской вѣтеръ тянетъ трои, четверы сутки безъ перемежекъ, безъ устали. Того и гляди, при упорномъ сѣверѣ и полуношникѣ (N O), закуетъ рѣченки и губы, а тамъ ужъ недалеки и береговые припаи; въ самомъ морѣ вѣтры все противняками смотрятъ, и вотъ почти не видать совсѣмъ никакого судна, не только своего, вожделѣннаго. И поютъ бабы, и плачутся другъ-другу на крутыя, тяжелыя времена:

— Чтой-то жонки [4]), словно и не бывало такого горя: такая-то дурь, не глядѣла бы!...

— И не говори, желанная, словно на зло намъ и погоды-то такія дались. Не наговорилъ ли кто? .

— А и то, дѣвонька, не пустилъ-ли кто съ Корелы на насъ этакое несхожее [5]) попущеніе. Дѣлаютъ, вѣдь...

— Дѣлаютъ, богоданная, ангельская душа твоя, дѣлаютъ! Есть тамъ такіе: вонъ стрѣлья пущаютъ же!

— Пущаютъ, кормилка, пущаютъ, желанная моя!

— Экой грѣхъ! экое горе!

— И не говори, дѣвонка; такой-то неизбывной грѣхъ, такое-то злоключеніе! Ой, Господи, ой, соловецкіе святые угодники!...

— Да помолиться нешто [6]), жонки! Варлаамію-то Керетскому: даетъ, вѣдь, повѣтерье-то, посылаетъ!

— И то, разумницы, помолиться: легче станетъ на душѣ, рай разцвѣтетъ.

— Разцвѣтетъ, кормилицы, разцвѣтетъ и.., полегшѣетъ.

И молятся бабы о спопутныхъ погодахъ, и цѣлымъ селеніемъ, и каждая порознь — въ одиночку, всякая о своемъ сердобольномъ, и цѣлымъ селеніемъ ходятъ къ морю дразнить вѣтеръ, чтобъ не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ лѣтнякамъ. Для этого онѣ предварительно молятся всѣмъ спопутнымъ крестамъ, которыми тамъ богаты всѣ бѣломорскія прибрежья, гдѣ на рѣдкомъ десяткѣ верстъ не встрѣтишь двухъ-трехъ деревянныхъ крестовъ. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгарку, чтобы тянула повѣтерье, и тутъ же стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать-семь плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго земляка, дѣлаютъ рубежекъ на лучинкѣ углемъ или ножемъ; произнеся имя послѣдняго, двадцать-седьмаго, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваютъ сколь возможно громко слѣдующій припѣвокъ:

Встокъ да обѣдникъ [7])
Пора потянуть!
Западъ да шалоникъ [8])
Пора покидать!
Тридевять [9]) плѣшей
Всѣ сосчитанныя,
Пересчитанныя;
Встокова плѣшь
Напередъ пошла.

Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ слѣдующее:

Встоку да обѣднику
Каши наварю
И блиновъ напеку;
А западу, шалонику,
Спину оголю.

У встока да обѣдника
Жена хороша,
А у запада, шалоника,
Жена померла!

Съ окончаніемъ послѣдняго припѣвка обыкновенно спѣшатъ посмотрѣть на кинутую лучинку: въ которую сторону легла она крестомъ, съ той стороны и надо ожидать вѣтеръ. Но если опять провозвѣститъ она вѣтеръ неблагопріятный, прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣстному отъ старины средству: сажаютъ на щепку таракана и спускаютъ его въ воду приговаривая: „поди тараканъ на воду, подними тараканъ сѣвера."

Но вотъ съ колокольни, откуда уже цѣлый день не сходятъ ребятишки, несутся ихъ радостные, веселые крики: „Чабъ, чабъ-чебанятъ, матушки-лодейки, наши деревенски!" Вся деревня цѣлымъ своимъ населеніемъ бѣжитъ на пристань, къ которой легонько подвигается то безобразное судно, которое и на ходу тяжело, и въ бурю опасно, но почему-то, до сихъ еще поръ, любимо поморскимъ народомъ и называется ладьею. Сходятъ, наконецъ, на берегъ и мурманщики, цвѣтущіе еще большимъ здоровьемъ и крѣпостью, чѣмъ были передъ походомъ въ дальную сторону. Полнота и завидная свѣжесть лицъ не мало свидѣтельствуетъ о томъ, что свѣжій, чистый морской воздухъ, которымъ довелось имъ питаться въ самую лучшую часть года, постоянныя, ломовыя работы, такъ благодѣтельно укрѣпляющія мышцы и весь составъ человѣка, чарка, употребленная во-время и въ-мѣру и, наконецъ, тресковое сало, топленое изъ максы (печенки) и служившее, вмѣсто чаю, по утрамъ и на ночь, возъимѣли на тѣлосложеніе хотя и не ладно кроенаго, но крѣпко шитаго русскаго человѣка все свое спасительное, благодѣтельно-укрѣпляющее вліяніе.

Красавицы вы наши, благодѣтели, радости вы наши небесныя! Разнесло-[10]) то васъ, разкрасавило! жилось безъ васъ, тужилось, а теперь вотъ и счастье наше приключилось! Не ждали васъ, не гадали нонѣ, а сталось такъ, что по вашему, а не по нашему; свѣты вы наши красные, радѣльники! — причитываютъ обрадованныя до послѣдняго нельзя бабы и будутъ еще нѣсколько дней вычитывать всѣ ласкательные приговоры и прозвища, какія только есть въ ихъ нарѣчіи, вообще богатомъ и, до сихъ еще поръ, сохранившемъ въ неприкосвенной цѣлости слѣды славянскаго (новгородскаго) элемента.

Между-тѣмъ, на первыхъ же дняхъ пріѣзда, покрученики получаютъ отъ хозяевъ разсчетъ; болѣе радѣющіе о себѣ успѣваютъ получить наличными; забравшіеся и неумѣющіе сводить концы съ концами, естественно, очищаютъ только нѣкоторое количество долгу и почти всегда тутъ же должаютъ и на будущія весны. И если ни

одна заработанная копѣйка, полученная гуртомъ и всегда въ часъ доброй, не обходится безъ вспрысковъ вездѣ, во всѣхъ концахъ громадной отчизны нашей, то и здѣсь точно также кабакъ, а за нимъ и винный откупъ получаютъ огромный процентъ въ общей складчинѣ трудовыхъ, кровныхъ денегъ, отъ которыхъ тяжело и весело и легко и грустно, пожалуй, тому же самому помору. Въ глухую осень и холодную зиму успѣваетъ онъ отлежаться и отдышаться до того, что съ первыми признаками весны его опять тянетъ въ море, которое, по морскому же присловью, хотя и горе, а безъ него ему вдвое; море, говоритъ поморы, наше поле: дастъ Богъ рыбу — дастъ Богъ и хлѣбъ. *С. Максимовъ.*

[1]) Прстр. забористо; здѣсь въ смыслѣ питательно. [2]) отъ толкучаго рынка. [3]) встрѣчающійся по пути. [4]) т. е. что это за жёны. [5]) гибельное. [6]) Нкл. Снт. III. § 128. Прим. I. [7]) восточный и юговосточный вѣтеръ. [8]) западный вѣтеръ. [9]) т. е. 27. [10]) т. е. какъ вы пополнѣли! Снт. III. § 47. 5.) г.) Нкл. Снт. ст. 23. б).

86. Севастополь въ декабрѣ 1854 года.

Вамъ непремѣ́нно предстои́тъ разочарова́ніе, если вы въ пе́рвый разъ въѣзжа́ете въ Севасто́поль. Напра́сно вы бу́дете иска́ть хоть на одно́мъ лицѣ́ слѣдо́въ суетли́вости, растѐрянности или даже энтузіа́зма, гото́вности къ сме́рти, рѣши́мости: ничего́ э́того нѣтъ — вы ви́дите бу́дничныхъ людѐй, споко́йно за́нятыхъ бу́дничнымъ дѣ́ломъ, та́къ что, мо́жетъ быть, вы упрекнѐте себя́ въ изли́шней восто́рженности, усомни́тесь немно́го въ справедли́вости поня́тія о геро́йствѣ защи́тниковъ Севасто́поля, кото́рое соста́вилось въ васъ по разска́замъ, описа́ніямъ и ви́да и звуко́въ съ сѣ́верной стороны́. Но, пре́жде чѣмъ сомнѣва́ться, сходи́те на бастіо́ны, посмотри́те защи́тниковъ Севасто́поля на са́момъ мѣ́стѣ защи́ты.

Недалѐкій свистъ ядра́ или бо́мбы, въ то са́мое вре́мя, какъ вы ста́нете поднима́ться на́-гору, непрія́тно порази́тъ васъ. Вы вдругъ пойме́те, и совсѣ́мъ и́наче, чѣмъ понима́ли прежде, значе́ніе тѣхъ звуко́въ вы́стрѣловъ, кото́рые вы слу́шали въ го́родѣ. Како́е нибудь тихоотра́дное воспомина́ніе вдругъ блеснѐтъ въ ва́шемъ воображе́ніи; со́бственная ва́ша ли́чность начнѐтъ занима́ть васъ бо́льше, чѣмъ наблюде́нія; у васъ ста́нетъ ме́ньше внима́нія ко всему́ окружа́ющему, и како́е-то непрія́тное чу́вство нерѣши́мости вдругъ овладѣ́етъ [1]) ва́ми. Не смотря́ на э́тотъ по́дленькій го́лосъ при ви́дѣ опа́сности, вдругъ заговори́вшій внутри́ васъ, вы, осо́бенно взгляну́въ на солда́та, кото́рый разма́хивая рука́ми и осклиза́ясь по́дъ-гору по жи́дкой гря́зи, ры́сью, со смѣ́хомъ бѣжи́тъ мимо васъ, — вы заставля́ете молча́ть э́тотъ го́лосъ, нево́льно выпрямля́ете грудь, поднима́ете вы́ше го́лову и кара́бкаетесь вверхъ на ско́льзкую гли́-

нистую гору. Только что вы немного выбрались въ гору, справа и слѣва васъ, начинаютъ жужжать штуцерныя пули, и вы, можетъ быть, призадумаетесь, не итти ли вамъ по траншеѣ, которая ведетъ параллельно съ дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, желтой, вонючей грязью, выше колѣна, что вы непремѣнно выберете дорогу по горѣ, тѣмъ болѣе, что вы видите, *всѣ идутъ по дорогѣ*. Пройдя шаговъ двѣсти, вы входите въ изрытое, грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагороженнымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ на батареѣ сидитъ кучка матросовъ, гдѣ по срединѣ площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка, гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій черезъ батареи и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Но вездѣ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ, видите черепки, неразорванныя бомбы, ядра, слѣды лагеря, и все это затопленное въ жидкой, вязкой грязи. Какъ вамъ кажется, недалеко отъ себя вы слышите ударъ ядра, со всѣхъ сторонъ, кажется, слышите различные звуки пуль — жужжащіе, какъ пчела, свистящіе, быстрые или визжащіе, какъ струна, — слышите ужасный гулъ выстрѣла, потрясающій всѣхъ васъ и который вамъ кажется чѣмъ-то ужасно страшнымъ.

„Такъ вотъ онъ, 4-й бастіонъ, вотъ оно, это страшное, дѣйствительно, ужасное мѣсто!“ думаете вы себѣ, испытывая маленькое чувство подавленнаго страха. Но разочаруйтесь: это ещё не 5-й бастіонъ. Это Язоновскій редутъ — мѣсто, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы итти на 4-й бастіонъ, возьмите на-право, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводники минъ, землянки, въ грязи которыхъ, согнувшись, могутъ влѣзать только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ черноморскихъ батальоновъ, которые тамъ перебуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ туже вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя ещё шаговъ триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и земляными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карсы подъ брустверомъ, и морскаго офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ своё хозяйство и все, что для васъ можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу

изъ жёлтой бумáги, сíдя на орýдіи, такъ спокóйно прохáживается отъ однóй амбразýры къ другóй, такъ спокóйно, безъ малѣйшей афектáціи говорúтъ съ вáми, что, не смотря на пýли, котóрыя чáще, чѣмъ прéжде, жужжáтъ надъ вáми, вы сáми станóвитесь хладнокрóвны и внимáтельно распрáшиваете и слýшаете разскáзы офицéра. Офицéръ этотъ разскáжетъ вамъ — но тóлько, éжели вы его распрóсите — про бомбардировáнье 5 числá, разскáжетъ, какъ на егó батарéѣ только однó орýдіе моглó дѣйствовать и изъ всей прислýги остáлось 8 человѣкъ, и какъ всé-таки на другóе ýтро, 6-аго, онъ *палúлъ* изъ всѣхъ орýдій; разскáжетъ вамъ, какъ 5-го попáла бóмба въ матрóсскую землянку и положúла одúннадцать человѣкъ; покáжетъ вамъ изъ амбразýры батарéи и траншéи непріятельскія, котóрыя не дáльше здѣсь, какъ въ 30, 40 саженяхъ. Одногó я боюсь, что, подъ вліяніемъ жужжáнія пуль, высóвываясь изъ амбразýры, чтобы посмотрѣть непріятеля, вы ничегó не увúдите, а ежели увидите, то óчень удивитесь, что этотъ бѣлый каменистый валъ, котóрый такъ блúзко отъ васъ и на котóромъ вспыхиваютъ бѣлые дымкú, этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель — *онъ*, какъ говорятъ солдáты и матрóсы.

Дáже óчень мóжетъ быть, что морскóй офицéръ, изъ тщеслáвія или прóсто такъ, чтобы достáвить себѣ удовóльствіе, захóчетъ при васъ пострѣлять немнóго. „Послáть комéндора и прислýгу къ пýшкѣ,“ и человѣкъ четырнадцать матрóсовъ живо, вéсело, кто засóвывая въ кармáнъ трýбку, кто дожéвывая сухáрь, постýкивая подкóванными сапогáми по платфóрмѣ, подойдýтъ къ пýшкѣ, и зарядятъ её. Вглядúтесь въ лúца, въ осáнки и въ движéнія этихъ людéй; въ кáждой морщúнѣ этого загорѣлаго, скулáстаго лицá, въ кáждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обýтыхъ въ громáдные сапогú, въ кáждомъ движéніи, спокóйномъ, твéрдомъ, неторопливомъ, видны эти глáвныя черты, составляющія сúлу рýсскаго — простоты и упрямства; но здѣсь на кáждомъ лицѣ кáжется вамъ, что опáсность, злóба и страдáнія войны, кромѣ этихъ глáвныхъ прúзнаковъ, проложúли ещé слѣды сознáнія своегó достóинства и высóкой мысли и чýвства.

Вдругъ ужáснѣйшій, потрясáющій не однú ушные óрганы, но все существó вáше гулъ поражáетъ васъ тáкъ, что вы вздрáгиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густóй пороховóй дымъ застилáетъ васъ, платфóрму и чéрныя фигýры движущихся по ней матрóсовъ. По слýчаю этого нáшего выстрѣла вы услышите различные тóлки матрóсовъ и увúдите ихъ одушевлéніе и проявлéніе чýвства, котóраго вы не ожидáли вúдѣть, мóжетъ быть, — это чýвство злóбы, мщéнія врагý, котóрое тáится въ душѣ кáждаго. Въ сáмую *амбразýру* попáло [2];

кажи́сь [3]), уби́ло двухъ.... вонъ понесли́," услы́шите вы ра́достныя восклица́нія. „А во́тъ онъ разсерча́етъ: сейча́съ пу́ститъ сюда́," ска́жетъ кто́-нибудь, и, дѣйствительно, ско́ро вслѣдъ за э́тимъ вы уви́дите впереди́ себя́ мо́лнію, дымъ; часово́й, стоя́щій на бру́стверѣ, кри́кнетъ: „Пу́-у-шка!" И вслѣдъ за э́тимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро́, шлёпнется въ зе́млю и воро́нкой взбро́ситъ вкругъ себя́ бры́зги и ка́мни. Батаре́йный команди́ръ разсе́рдится за э́то ядро́, прика́жетъ заряди́ть друго́е и тре́тье ору́дія, непрія́тель то́же ста́нетъ отвѣча́ть намъ, и вы испыта́ете интере́сныя чу́вства, услы́шите и уви́дите интере́сныя ве́щи. Часово́й опя́ть закричи́тъ: „пу́шка!" и вы услы́шите то́тъ-же звукъ и уда́ръ, или закричи́тъ: „марке́ла [4])," и вы услы́шите равномѣ́рное дово́льно прія́тное и тако́е, съ кото́рымъ съ трудо́мъ соединяется мысль объ ужа́сномъ, посви́стываніе бо́мбы, услы́шите приближа́ющееся къ вамъ и ускоря́ющееся э́то посви́стываніе, пото́мъ уви́дите чёрный шаръ, уда́ръ о зе́млю, ощути́тельный, звеня́щій разры́въ бо́мбы. Со свистомъ и ви́згомъ разлета́тся пото́мъ оско́лки, зашурша́тъ въ во́здухѣ ка́мни, и забры́згаетъ васъ гря́зью. При э́тихъ зву́кахъ вы испыта́ете стра́нное чу́вство наслажде́нія и стра́ха. Въ ту мину́ту, какъ снаря́дъ, вы зна́ете, лети́тъ на васъ, вамъ непремѣ́нно придётъ въ го́лову, что снаря́дъ э́тотъ убьётъ васъ; но чу́вство самолю́біе подде́рживаетъ васъ, и никто́ не замѣча́етъ ножа́, кото́рый рѣ́жетъ вамъ се́рдце. Но зато́, когда снаря́дъ пролетѣ́лъ не задѣ́въ васъ, вы оживаете, и како́е-то отра́дное, невырази́мо-прія́тное чу́вство, но то́лько на мгнове́ніе, овладѣва́етъ ва́ми, та́къ что вы нахо́дите каку́ю-то осо́бенную пре́лесть въ опа́сности, въ э́той игрѣ́ жизнью и сме́ртью, вамъ хо́чется, чтобы ещё и ещё побли́же упа́ли около васъ ядро́ или бо́мба. Но во́тъ ещё часово́й прокрича́лъ, свои́мъ гро́мкимъ, густы́мъ го́лосомъ: „марке́ла!" ещё посви́стыванье, уда́ръ и разры́въ бо́мбы; но вмѣ́стѣ съ э́тимъ зву́комъ васъ поража́етъ стонъ человѣ́ка. Вы подхо́дите къ ра́неному, кото́рый, въ крови́ и грязи́, имѣетъ како́й-то стра́нный, не человѣ́ческій видъ, въ одно́ вре́мя съ носи́лками. У матро́са вы́рвана часть груди́. Въ пе́рвыя мину́ты на забры́зганномъ гря́зью лицѣ́ его́ ви́дны оди́нъ испу́гъ и како́е-то притво́рное преждевре́менное выраже́ніе страда́нія, сво́йственное человѣ́ку въ тако́мъ положе́ніи; но въ то вре́мя, какъ ему прино́сятъ носи́лки и онъ самъ на здоро́вый бокъ ложи́тся на нихъ, вы замѣча́ете, что выраже́ніе это смѣня́ется выраже́ніемъ како́й-то восто́рженности и высо́кой невы́сказанной мы́сли: глаза́ горя́тъ я́рче, зу́бы сжима́ются, голова́ съ уси́ліемъ поднима́ется вы́ше, и въ то вре́мя, какъ его́ поднима́ютъ, онъ остана́вливаетъ носи́лки и съ трудо́мъ, дрожа́щимъ го́лосомъ говори́тъ това́рищамъ: „прости́те, бра́тцы!" ещё хо́четъ сказа́ть что́-то, и ви́дно, что хо́четъ сказа́ть что́-то тро́гательное,

но повторяетъ только ещё разъ: „простите, братцы!“ Въ это время товарищъ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на-голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно размахивая руками, возвращается къ своему орудію. „Это каждый день этакъ человѣкъ семь и восемь,“ говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса, выражающагося на вашемъ лицѣ, зѣвая и свертывая папиросу изъ жолтой бумаги. . . .

. . . .

Итакъ, вы видѣли защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты и идете назадъ, почему-то, не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушеннаго театра, — идете съ спокойнымъ, возвысившимся духомъ. Главное отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли — это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, – и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитросплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли, но видѣли её въ глазахъ, рѣчахъ, пріемахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя, То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что, вы убѣждены, они еще могутъ сдѣлать во-сто разъ больше.... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, также спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ угрозы не могутъ принять люди эти ужасныя условія; должна быть другая, высокая, побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго — любовь въ родинѣ. Только теперь разсказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не-было укрѣпленій, не-было войскъ, не-было физической возможности удержать его и все-таки не-было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю, — времена, когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя,“ и наши русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: „умремъ! ура!“ — только теперь разсказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностью фактовъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ мы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвы-

ша́лись ду́хомъ, и съ наслажде́ніемъ гото́вились къ сме́рти, не за го́родъ, а за ро́дину. Надо́лго оста́витъ въ Россі́и вели́кіе слѣды э́та эпопе́я Севасто́поля, кото́рой геро́емъ былъ наро́дъ ру́сскій....

[1]) Снт. III. § 42. 4.) Нкл. Снт. ст. 84. [2]), Снт. III. § 47. 5.) г.) Нкл. Снт. ст. 23. б). [3]) Вм. кажется. [4]) мортира.

---

87. Севастополь въ августѣ 1855.

Пе́редъ са́мымъ конце́мъ обѣ́да старичё́къ батаре́йный пи́сарь вошё́лъ въ ко́мнату съ тремя́ запеча́танными конве́ртами и по́далъ ихъ батаре́йному команди́ру. „Вотъ э́тотъ весьма́ ну́жный, сейча́съ каза́къ приве́зъ отъ нача́льника артилле́ріи.“ Всѣ офице́ры съ нетерпѣли́вымъ ожида́ніемъ смотрѣ́ли на о́пытные въ э́томъ дѣ́лѣ па́льцы батаре́йнаго команди́ра, сла́мывавшіе печа́ть конве́рта и достава́вшіе *весьма́ ну́жную* бума́гу. „Что́ э́то могло́ быть?“ дѣ́лалъ себѣ́ вопро́съ ка́ждый. Могло́ быть совсѣ́мъ выступле́ніе на о́тдыхъ изъ Севасто́поля, могло́ быть назначе́ніе всей батаре́и на бастіо́ны.

— Опя́ть! сказа́лъ батаре́йный команди́ръ, серди́то швырну́въ на столъ бума́гу.

— О чемъ, Аполло́нъ Сергѣ́ичъ? спроси́лъ ста́ршій офице́ръ.

Тре́буютъ офице́ра съ прислу́гой на какую-то тамъ морти́рную батаре́ю. У меня́ и та́къ всего́ четы́ре человѣ́ка офице́ровъ и прислу́ги по́лной въ строй не выхо́дитъ, ворча́лъ батаре́йный команди́ръ: — а тутъ тре́буютъ ещё́.

— Одна́ко, на́до кому́-нибудь итти́, господа́, сказа́лъ онъ, помолча́въ немно́го: прика́зано въ семь часо́въ быть на рога́ткѣ.... фельдфе́беля! Кому́ же итти́, господа́? рѣша́йте, повтори́лъ онъ.

— Да вотъ они́ ещё нигдѣ́ не́были, сказа́лъ Черне́цкій, ука́зывая на Воло́дю (пра́порщика, то́лько что пріѣ́хавшаго изъ Петербу́рга, по вы́ пускѣ изъ артиллері́йской шко́лы).

— Да́, я жела́лъ бы, сказа́лъ Воло́дя, чу́вствуя, какъ холо́дный потъ выступа́лъ у него́ на спинѣ́ и шеѣ́.

— Нѣ́тъ, зачѣ́мъ! переби́лъ капита́нъ. — Разумѣ́ется, никто́ не отка́жется, но и напра́шиваться неслѣ́дъ; а коли Аполло́нъ Сергѣ́ичъ предоставля́етъ э́то намъ, то ки́нуть жре́бій, какъ и то́тъ-разъ дѣ́лали.

Всѣ согласи́лись. Кра́утъ нарѣ́залъ бума́жекъ, ската́лъ ихъ и насы́палъ въ фура́жку. Капита́нъ шути́лъ и даже рѣши́лся при э́томъ слу́чаѣ проси́ть вина́ у полко́вника, для хра́брости, какъ онъ сказа́лъ. Дя́денко сидѣ́лъ мра́чный, Воло́дя улыба́лся чему́-то. Черновицкій увѣря́лъ, что непремѣ́нно ему́ доста́нется, Кра́утъ былъ соверше́нно споко́енъ.

Воло́дѣ пе́рвому да́ли выбира́ть. Онъ взялъ одну бума́жку, ко-

тбрая была подлиннѣе, но тутъ же ему пришлб въ
нить, — взялъ другую, помѣньше и тбньше, и
на ней: „итти.“

— Мнѣ, сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Ну, и съ Бгомъ. Вотъ вы и
батарейный, съ доброй улыбкой глядя на
щика: — только поскорѣй собирайтесь. А
Влангъ пойдетъ съ вами за орудійнаго

Влангъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ
побѣжалъ собираться, и одѣтый,
уговаривалъ его взять съ собой и койку, и
чественныя записки,“ и кофейникъ
вещи. Капитанъ посовѣтовалъ Володѣ
вбдству [1]) о стрѣльбѣ изъ мортиръ и
таблицы. Володя тотъ-часъ же
и радости своей, замѣтилъ, что хотя
еще бол ѣе того, что онъ будетъ трусомъ
но далеко не въ такой степени, какъ
причиной тому было вліяніе дня и
то, что страхъ, какъ и каждое
степени продолжаться долго.
ребояться. Часовъ въ семь,
за Николаевской казармой,
что люди готовы и дожидаются.

Человѣкъ двадцать
принадлежности, стояли за
ромъ подошли къ нимъ.
просто сказать: „здорово,
онъ. — „Да-и-отчего-жъ
даже!“ И онъ
рбво, ребята!“
пріятно прозвучалъ въ
солдатъ, и хотя
бѣжалъ во-весь-духъ
и лицо веселое.
маясь на-гору,
отъ него и
нился и
часто свистѣли
солдатиковъ
ражалось
окончательно
Малахова

нѣе! И я́ могу́ итти́, не кла́няясь я́драмъ, и тру́шу даже гора́здо ме́ньше други́хъ! Такъ я не трусъ?“ поду́малъ онъ съ наслажде́ніемъ и даже нѣкоторымъ восто́ргомъ самодово́льства.

Одна́ко, это чу́вство было ско́ро поколе́блено зрѣлищемъ, на кото́рое онъ наткну́лся въ су́меркахъ на Корни́ловской батарéѣ, отъи́скивая нача́льника батальо́на. Четы́ре человѣка матро́совъ, около бру́ствера, за́-ноги и за́-руки держа́ли окрова́вленный трупъ како́го-то человѣка безъ сапого́въ и шине́ли и раска́чивали, желáя переки́нуть черезъ бру́стверъ. (На второ́й день бомбардирова́нія не вездѣ успѣва́ли убира́ть тѣла́ на бастіо́нахъ и выки́дывали ихъ въ ровъ, чтобы они́ не мѣша́ли на батаре́яхъ.) Воло́дя съ мину́ту остолбенѣлъ, увида́въ, какъ трупъ уда́рился на верши́ну бру́ствера и пото́мъ скати́лся отту́да въ кана́ву; но, на его́ сча́стіе, тутъ же нача́льникъ бастіо́на встрѣтился ему́, о́тдалъ приказа́нія и далъ проводника́ на батаре́ю и въ блинда́жъ, назна́ченный для прислу́ги. Не бу́демъ разска́зывать ско́лько опа́сностей, разочарова́ній испыта́лъ нашъ геро́й въ тотъ ве́черъ; какъ вмѣсто тако́й стрѣльбы́, которую онъ ви́дѣлъ на Во́лковомъ по́лѣ, при всѣхъ усло́віяхъ то́чности и поря́дка, кото́рые онъ надѣялся найти́ здѣсь, онъ нашёлъ двѣ разби́тыя морти́рки, изъ кото́рыхъ одна́ была́ смя́та ядро́мъ въ ду́лѣ, а друга́я стоя́ла на щéпкахъ разби́той платфо́рмы, ка́къ онъ не могъ до утра́ доби́ться рабо́чихъ, чтобъ почини́ть платфо́рму, какъ ни оди́нъ заря́дъ не́-былъ того́ вѣса, кото́рый озна́ченъ былъ въ „Руково́дствѣ“, какъ ра́нили двухъ солда́тъ его́ кома́нды и какъ два́дцать разъ онъ былъ на волоскѣ отъ сме́рти. По сча́стію, въ по́мощь ему́ назна́ченъ былъ огро́мнаго ро́ста коме́ндоръ, моря́къ, снача́ла оса́ды бы́вшій при морти́рахъ и убѣди́вшій его́ въ возмо́жности дѣйствовать изъ нихъ, съ фонаре́мъ води́вшій его́ но́чью по всему́ бастіо́ну, точно какъ по своему́ огоро́ду, и обѣща́вшій къ за́втрему все устро́ить. Блинда́жъ, къ кото́рому провёлъ его́ проводни́къ, была́ вы́рытая въ ка́менномъ гру́нтѣ, въ двѣ куби́ческія саже́ни, продолгова́тая я́ма, накры́тая арши́нными ду́бовыми брёвнами. Въ не́й-то онъ помѣсти́лся со всѣми свои́ми солда́тами. Влангъ пе́рвый, какъ то́лько увида́лъ въ арши́нъ ни́зенькую дверь блинда́жа, о́прометью, прежде всѣхъ, вбѣжа́лъ въ неё и, чуть не разби́вшись о ка́менный полъ, забился въ у́голъ, изъ кото́раго уже́ не выходи́лъ бо́льше. Воло́дя же, когда всѣ солда́ты помѣсти́лись вдоль стѣнъ, на полу́, и нѣкоторые закури́ли тру́бочки, разби́лъ свою́ крова́ть въ углу́, зажёгъ свѣчку и, закури́въ папиро́ску, легъ на ко́йку. — На друго́й день, 27-го числа́ послѣ десятичасова́го сна, Воло́дя, свѣжій, бо́дрый, ра́но у́тромъ вы́шелъ на поро́гъ блинда́жа. Влангъ то́же было-вы́лѣзъ вмѣстѣ съ нимъ, но при пе́рвомъ звукѣ пу́ли, стремгла́въ, пробива́я себѣ голово́й доро́гу, бро́сился наза́дъ въ отве́рстіе блинда́жа, при о́бщемъ хо́хотѣ то́же бо́льшею

ча́стію повы́шедшихъ на во́здухъ солда́тиковъ. Только Вланга, старика́ фейерверкеръ и не́сколько други́хъ выходи́ли ре́дко въ траншею; остальны́хъ нельзя́ было удержа́ть: всѣ они́ повы́сыпали на свѣжій у́тренній во́здухъ изъ смра́днаго блинда́жа и, несмотря́ на столь же си́льное, какъ и накану́нѣ, бомбардирова́ніе, расположи́лись около порога, кто́ подъ бру́стверомъ. Ме́льниковъ уже съ са́мой зо́рьки прогу́ливался по батаре́ямъ, равноду́шно погля́дывая вверхъ.

Около поро́га сидѣли два ста́рыхъ и одинъ молодо́й, курча́вый солда́тъ, изъ жидо́въ, прикомандиро́ванный изъ пѣхо́ты. Солда́тъ э́тотъ, подня́въ одну́ изъ валя́вшихся пуль и черепко́мъ расплю́снувъ ее о ка́мень, ножо́мъ вы́рѣзалъ изъ нея́ крестъ наманéръ георгіевскаго; другіе, разгова́ривая, смотрѣли на его́ рабо́ту. Крестъ дѣйстви́тельно выходи́лъ о́чень краси́въ.

— А что́, какъ ещё́ постои́мъ здѣсь, говори́лъ оди́нъ изъ нихъ: — такъ по замире́ніи всѣмъ въ отста́вку срокъ вы́йдетъ.

— Ка́кже! мнѣ и то́ всего́ четы́ре го́да до отста́вки остава́лось, а тепе́рь пять мѣ́сяцевъ простоя́лъ въ Севасто́полѣ.

— Къ отста́вкѣ не счита́ется, слышь, сказа́лъ друго́й.

Въ э́то вре́мя ядро́ просвистѣ́ло надъ голова́ми говори́вшихъ и въ арши́нъ уда́рилось отъ Ме́льникова, подходи́вшаго къ нимъ по транше́ѣ.

— Чуть не уби́ло Ме́льникова, сказа́лъ оди́нъ.

— Не убье́тъ, отвѣча́лъ Ме́льниковъ.

— Вотъ на́ же тебѣ крестъ за хра́брость, сказа́лъ молодо́й солда́тъ, дѣ́лавшій крестъ и отдава́я его Ме́льникову.

— Нѣтъ, братъ, тутъ, зна́читъ, мѣ́сяцъ за годъ ко всему́ счита́ется — на то прика́зъ былъ.

— Какъ ни суди́, безпремѣ́нно, по замире́ніи, сдѣ́лаютъ смотръ ца́рскій въ Орша́вѣ [3]) и коли не отста́вка, такъ въ безсро́чные вы́пустятъ.

Въ э́то вре́мя, визгли́вая, зацѣпи́вшаяся пу́лька пролетѣ́ла надъ са́мыми голова́ми разгова́ривающихъ и уда́рилась о ка́мень.

— Смотри́, еще до́ вечера въ *чи́стую* вы́йдешь, сказа́лъ оди́нъ изъ солда́тъ.

Всѣ засмѣ́ялись.

И не то́лько до́ вечера, но черезъ два часа́ уже дво́е изъ нихъ получи́ли чи́стую, а пять бы́ли ра́нены; но остальны́е шути́ли то́чно та́кже. Дѣйствительно, къ у́тру двѣ морти́рки бы́ли приведены́ въ тако́е положе́ніе, что мо́жно бы́ло стрѣля́ть изъ нихъ. Часу́ въ деся́томъ, по получе́нному приказа́нію отъ нача́льника басті́она, Воло́дя вы́звалъ свою́ кома́нду и съ не́ю вмѣ́стѣ поше́лъ на батаре́ю.

Въ лю́дяхъ незамѣ́тно бы́ло и ка́пли того́ чу́вства боя́зни, кото́рое выража́лось вчера́, какъ ско́ро они́ приняли́сь за дѣ́ло. Только

Влангъ не могъ преодолѣть себя́: пря́тался и гну́лся все та́кже, и Ва́синъ потеря́лъ нѣ́сколько своѐ спокóйствіе, суети́лся и присѣда́лъ безпреста́нно. Волóдя же былъ въ чрезвыча́йномъ востóргѣ; ему́ не приходи́ла и мысль объ опа́сности. Ра́дость, что онъ исполня́етъ свою́ обя́занность, что онъ не тóлько не трусъ, но да́же храбръ, чу́вство кома́ндованія и прису́тствіе двадцати́ человѣ́къ, котóрые, онъ зналъ, съ любопы́тствомъ смотрѣ́ли на негó, сдѣ́лали изъ негó совершéннаго молодца́. Онъ да́же тщесла́вился своéй хра́бростью, франти́лъ передъ солда́тами, вылѣза́лъ на банкéтъ и нарóчно растегну́лъ шинéль, чтóбы егó замѣ́тнѣе бы́ло. Нача́льникъ бастіóна, обходи́вшій въ э́то врéмя своѐ хозя́йство, какъ онъ выража́лся, какъ ни привы́къ въ вóсемь мѣ́сяцевъ ко всѣ́мъ рода́мъ хра́брости, не могъ не полюбова́ться на э́того хорóшенькаго ма́льчика, въ растéгнутой шинéли, изъ-подъ котóрой видна́ была́ кра́сная руба́шка, обхва́тывающая бѣ́лую, нѣ́жную шéю, съ разгорѣ́вшимся лицóмъ и глаза́ми, похлóпывающаго рука́ми и звóнкимъ голоскóмъ кома́ндующаго: „Пéрвое, вторóе!“ и вéсело вбѣга́ющаго на бру́стверъ, чтóбы посмотрѣ́ть, куда́ па́даетъ егó бóмба. Въ полови́нѣ двѣна́дцатаго стрѣльба́ съ обѣ́ихъ сторóнъ зати́хла, а рóвно въ двѣна́дцать часóвъ начался́ штурмъ Мала́хова курга́на, 2, 3 и 5-го бастіóна.

Волóдя слу́шалъ ска́зку, котóрую разска́зывалъ ему́ Ва́синъ, когда закрича́ли: „францу́зы и́дутъ!“ Кровь прили́ла мгновéнно къ сéрдцу Волóди, и онъ почу́вствовалъ, какъ похолодѣ́ли и поблѣднѣ́ли егó щéки. Съ секу́нду онъ остава́лся недвижи́мъ; но, взгляну́въ кругóмъ, онъ уви́дѣлъ, что солда́ты довóльно спокóйно застéгивали шинéли и вылѣза́ли оди́нъ за други́мъ, — оди́нъ даже — ка́жется Мéльниковъ, — шутли́во сказа́лъ:

— Выходи́ съ хлѣ́бомъ-сóлью, ребя́та!

Волóдя вмѣ́стѣ съ Вла́нгомъ, котóрый ни на шагъ не отстава́лъ отъ негó, вы́лѣзъ изъ блинда́жа и побѣжа́лъ на батарéю. Артиллерíйской стрѣльбы́ ни съ той, ни съ другóй сторонь́ы совершéнно нé было. Не стóлько видъ спокóйствія солда́тъ, сколько жа́лкой, не скрыва́емой тру́сости юнкера возбуди́лъ егó. „Неужéли я могу́ быть похóжъ на негó?“ поду́малъ онъ и вéсело подбѣжа́лъ къ бру́стверу, около котóраго стоя́ли егó морти́ры. Ему́ я́сно бы́ло ви́дно, какъ францу́зы бѣжа́ли пря́мо на негó по чи́стому мѣ́сту и какъ толпы́ ихъ, съ блестя́щими на сóлнце штыка́ми, шевели́лись въ ближа́йшихъ траншéяхъ. Оди́нъ, ма́ленькій, широкоплéчій, въ зуавскомъ мунди́рѣ и со шпа́гой, бѣжа́лъ впереди́ и перепры́гивалъ черезъ я́мы. „Стрѣля́ть картéчью!“ кри́кнулъ Волóдя, сбѣга́я съ банкéта; но уже солда́ты распоряди́лись безъ негó, и металли́ческій звукъ вы́пущенной картéчи просвиста́лъ надъ егó головóй, снача́ла изъ однóй, потóмъ изъ другóй морти́ры. „Пéрвая, вторáя!“ кома́ндовалъ Волóдя, пере-

бѣгáя въ длину́ отъ однóй мортúры къ другóй и совершéнно забы́въ объ опáсности. Съ бóку слы́шались блúзкая трескотня́ ру́жей нá-шего прикры́тія и суетлúвые крúки. Вдругъ поразúтельный крикъ отчáянія, повторéнный нѣ́сколькими голосáми, послы́шался слѣ́ва: „Обхóдятъ! обхóдятъ!" Волóдя оглянýлся на крикъ. Человѣ́къ двáдцать фуанцу́зовъ показáлись сзáди. Одúнъ изъ нихъ, съ чёрной бородóй, красúвый мужчúна, былъ вперéди всѣхъ, но, добѣжáвъ ша-гóвъ нá-десять отъ батарéи, остановúлся и вы́стрѣлилъ пря́мо въ Волóдю и потóмъ снóва побѣжáлъ къ нему́. Съ секу́нду Волóдя стоя́лъ, какъ окаменѣ́лый, и не вѣ́рилъ глазáмъ своúмъ. Когда онъ опóмнился и оглянýлся, вперéди егó на бру́стверѣ бы́ли сúніе мун-дúры; дáже два францу́за въ десятú шагáхъ отъ негó заклёпывали пу́шку. Кругóмъ негó, кромѣ́ Мéльникова, убúтаго пу́лею ря́домъ съ нимъ, и Влáнга, схватúвшаго въ ру́ки хáндшпугъ и, съ я́ростнымъ выражéніемъ лицá, опущéнными зрачкáми, брóсившагося вперёдъ, никогó нé-было. „За мнóю, Владúміръ Семéнычъ! за мнóй!" кри-чáлъ отчáянный гóлосъ Влáнга, хáндшпугомъ махáвшаго на францу́-зовъ, зашéдшихъ сзáди. Я́ростная фигу́ра ю́нкера озадáчила ихъ. Одногó, перéдняго, онъ удáрилъ по головѣ́, другíе невóльно пріоста-новúлись, и Влангъ продолжáлъ оглядываться и отчáянно кричáть: „За мной, Владúміръ Семéнычъ! чтó вы стóите? бѣгúте!" подбѣ-жáлъ къ траншéѣ, въ котóрой лежáла нáша пѣхóта, стрѣля́я по францу́замъ. Вскочúвъ въ траншéю, онъ снóва вы́сунулся изъ нея́, чтобы посмотрѣ́ть, чтó дѣ́лаетъ егó обожáемый прáпорщикъ. Чтó-то въ шинéли ничкóмъ лежáло на томъ мѣ́стѣ, гдѣ стоя́лъ Волóдя, и все э́то мѣ́сто бы́ло напóлнено францу́зами, стрѣля́вшими въ нáшихъ....

Влангъ нашёлъ свою́ батарéю на 2-й оборонúтельной лúніи. Изъ числá двадцатú солдáтъ, бы́вшихъ на мортúрной батарéѣ, спаслóсь тóлько вóсемь.

Въ девя́томъ часу́ вéчера Влангъ съ батарéей, на пароходѣ́, на-пóлненномъ солдáтами и пу́шками, лошадьмú, рáнеными, перепра-вля́лся на Сѣ́верную. Вы́стрѣловъ нигдѣ́ нé-было. Звѣ́зды также, какъ и прóшлую ночь, я́рко блестѣ́ли нá-небѣ; но сúльный вѣ́теръ колыхáлъ мóре. На 1-мъ и 2-мъ бастіóнахъ вспы́хивали по землѣ́ мóлніи; взры́вы потрясáли вóздухъ и освѣщáли вокру́гъ себя́ какіе-то чóрные, стрáнные предмéты и кáмни, взлетáвшіе на вóздухъ. Чтó-то гóрѣло óколо дóковъ, и крáсное плáмя отражáлось въ водѣ́. Мостъ, напóлненный нарóдомъ, освѣщáлся огнёмъ съ николáевской батарéи. Большóе плáмя стоя́ло, казáлось, надъ водóй на далёкомъ мыску́ александровской батарéи и освѣщáло низъ óблака ды́ма, стоя́вшаго надъ нимъ, и тѣ́же, какъ и вчерá, спокóйные, дéрзкіе, далёкіе огнú блестѣ́ли въ мóрѣ на непріятельскомъ флóтѣ. Свѣ́жій вѣ́теръ колы-хáлъ бу́хту. При свѣ́тѣ зáрева пожáровъ вúдны бы́ли мáчты нá-

шихъ утопáющихъ кораблéй, котóрые мéдленно глýбже и глýбже уходи́ли въ вóду. Гóвора не слы́шно бы́ло на пáлубѣ; только изъ-за равномѣрнаго звýка разрѣзанныхъ волнъ и пáра слы́шно бы́ло, какъ лóшади фы́ркали и тóпали ногáми на шалáндѣ, слы́шны бы́ли командныя словá капитáна и стóны рáненыхъ. Влангъ, не ѣвшій цѣлый день, достáлъ кусóкъ хлѣба изъ кармáна и нáчалъ жевáть, но вдругъ, вспóмнивъ о Володѣ, заплáкалъ такъ грóмко, что солдáты, бы́вшіе около негó, услыхáли.

— Ви́шь, самъ хлѣбъ ѣстъ, а самъ плáчетъ, Влáнга-то нашъ, сказáлъ Вáсинъ.

— Чýдно! сказáлъ другóй.

— Вишь, и нáши казáрмы позажгли́, продолжáлъ онъ вздыхáя: — и скóлько тамъ нáшего брáта пропáло, а ни за чтó францýзу достáлось!

— По крáйности сáми живы́е вы́шли: и то слáва те, Гóсподи. сказáлъ Вáсинъ.

— А все оби́дно!

— Да чтó оби́дно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется? Кáкже! гляди́, нáши опя́ть отберýтъ. Ужъ скóлько-бъ нáшего брáта ни пропáло, а, какъ Богъ святъ, вели́тъ Императоръ — и отберýтъ. Развѣ нáши такъ остáвятъ емý? Кáкже! нá вотъ тебѣ гóлыя стѣны: а шáнцы то всѣ повзорвáли.... Небóсь свой значéкъ на кургáнѣ постáвилъ, а въ гóродъ не суéтся.

— Погоди́, еще разсчéтъ бýдетъ съ тобóй настоя́щій — дай срокъ, заключи́лъ онъ, обращáясь къ францýзамъ.

— Извѣстно, бýдетъ! сказáлъ другóй съ убѣждéніемъ.

По всей ли́ніи севастóпольскихъ бастіóновъ, стóлько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновéнной энерги́ческой жи́знью, стóлько мѣсяцевъ ви́дѣвшихъ смѣня́емыхъ смéртью, однихъ за други́ми умирáющихъ герóевъ, и стóлько мѣсяцевъ возбуждáвшихъ страхъ, нéнависть и наконéцъ восхищéніе врагóвъ, на севастóпольскихъ бастіóнахъ уже нигдѣ никогó нé-было. Все бы́ло мéртво, ди́ко, ужáсно, — но не ти́хо: все еще разрушáлось. По изры́той, свѣжими взры́вами обсы́павшейся землѣ вездѣ валя́лись исковéрканные лафéты, придави́вшіе человѣческіе рýсскіе и врáжскіе трýпы, тяжéлыя, замóлкнувшія навсегдá чугýнныя пýшки, стрáшной си́лой сбрóшенныя въ я́мы и до половины засы́панныя землéй, бóмбы, я́дра, опя́ть трýпы, я́мы, оскóлки брéвенъ, блиндáжей и опя́ть молчали́вые трýпы въ сѣрыхъ и си́нихъ шинéляхъ. Все это чáсто содрогáлось еще и освѣщáлось багрóвымъ плáменемъ взры́вовъ, продолжáвшихъ потрясáть вóздухъ.

Враги́ ви́дѣли, что чтó-то непоня́тное твори́лось въ грóзномъ

Севастóполѣ. Взрывы эти и мéртвое молчáніе на бастіóнахъ заставляли ихъ содрогáться; но онй не смѣли вѣрить еще подъ вліяніемъ сйльнаго спокóйнаго отпóра дня, чтобъ исчéзъ ихъ непоколебймый врагъ, и, мóлча, не шевелясь, съ трéпетомъ, ожидáли концá мрáчной нóчи.

Севастóпольское вóйско, какъ мóре въ зыблйвую мрáчную ночь сливáясь, развивáясь и тревóжно трепещá всей своéй мáссой, колыхáясь у бýхты пó мосту, и на сѣверной, мéдленно двйгалось въ непроницáемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на котóромъ стóлько онó остáвило хрáбрыхъ брáтьевъ, — отъ мѣста, всегó облйтаго егó крóвью, — отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстáиваемаго отъ вдвóе сильнѣйшаго врагá и котóрое тепéрь вѣлѣно было остáвить безъ бóя.

Выходя на ту стóрону мóста, почти кáждый солдáтъ снимáлъ шáпку и крестйлся. Но за этимъ чýвствомъ было другóе, тяжéлое, сосýщее и бóлѣе глубóкое чýвство: это было чýвство, какъ бýдто похóжее на раскáяніе, стыдъ и злóбу. Почтй кáждый солдáтъ, взглянýвъ съ сѣверной стороны на остáвленный Севастóполь, съ невыразймой гóречью въ сéрдцѣ вздыхáлъ и грозйлся врагáмъ.

Графъ Толстóй.

[1]) „Руковóдство для артиллерійскихъ офицéровъ," йзданное Безакóвымъ. [2]) Снт. III. § 50. 14). [3]) вм. Варшáвѣ.

---

88. Шанхай.

Извѣстно, что Китайцы, ужасные педанты, не признають городомъ того, который не огороженъ; оттого у нихъ каждый городъ окруженъ стѣной, между прочимъ и Шанхай. Но какая картина представилась намъ! Еще издали мы слышали смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ и не могли понять, что это такое. Теперь поняли. Насъ отъ стѣнъ раздѣлялъ ровъ; по ту сторону рва, у самыхъ стѣнъ толпилось болѣе тысячи человѣкъ народу и горланили на всю мочь; на стѣнѣ, облѣпивъ ее, какъ мухи, горланила другая тысяча человѣкъ, инсургентовъ. Внизу были разносчики. Они принесли изъ города все, что только можно принести, притащить, привести и приволочь. Живность, зелень, фрукты, дрова, цѣлыя бревна медленно ползли по стѣнамъ вверхъ. Стѣны изъ сѣраго кирпича, очень высоки, на глазомѣръ саженъ въ шесть вышиною, и претолстыя. Осажденные во все горло требовали — одинъ свинью, другой капусты, третій курицу, торговались, торговались, бранились, наконецъ условливались; сверху спускалась по веревкѣ корзина съ деньгами и поднималась съ курами, съ апельсинами, съ платьемъ; тамъ тащили доски, тамъ бранились. Кутерьма ужасная! Посторон-

нимъ ничего нельзя было разобрать. Я убѣдился только, что продавцы осаждаютъ городъ гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе имперіялистовъ. Тамъ слышны лѣнивые выстрѣлы: тѣ осаждаютъ, чтобъ истребить осажденныхъ, а эти, чтобъ продлить ихъ существованіе. Наши проникли-таки въ лагерь съ англійскими офицерами и видѣли груду жареныхъ свиней, куръ, лепешекъ и т. п., принесенныхъ въ жертву пушкамъ и разставленныхъ у жерлъ. Осаждающіе могли бы, конечно, помѣшать снабженію города съѣстными припасами, еслибъ сами имѣли больше свободы, нежели осажденные, но они не смѣютъ почти показываться изъ лагеря, тогда какъ мы видѣли ежедневно инсургентовъ, свободно разгуливающихъ по европейскому городу. У нихъ и костюмъ другой; лба уже они не брѣютъ, какъ унизительнаго, введеннаго Маньчоурами обычая. Но и тѣхъ и другихъ Англичане и Американцы держатъ въ рукахъ. П—тъ видѣлъ, какъ два всадника возвращались изъ города въ лагерь, проѣхали по землѣ, отведенной для прогулокъ Англичанамъ, и какъ англійскій офицеръ съ корабля Спартана поколотилъ ихъ обоихъ палкою за это, такъ что одинъ свалился съ лошади. Ровъ и стѣна, гдѣ торгуютъ, обращены къ городу, и еслибы ядро попало въ Европейскій кварталъ, тогда и осажденные и осаждающіе не раздѣлались бы съ консулами. Одно и такъ попало нечаянно въ колесо французскаго парохода: командиръ хотѣлъ открыть огонь по городу. Не знаю какъ уладили дѣло.

Вообще обращеніе Англичанъ съ Китайцами да и съ другими, особенно подвластными имъ народами, не то чтобъ было жестоко, а повелительно, грубо, или холодно-презрительно, такъ что смотрѣть больно. Они не признаютъ эти народы за людей, а за какой-то рабочій скотъ, который они, пожалуй, не бьютъ, даже холятъ т. е. хорошо кормятъ, исправно и щедро платятъ имъ, но не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Къ намъ повадился ходить въ отель офицеръ, не флотскій, а морскихъ войскъ, съ Спартана [1]), молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, кажется, тоже не прочь отъ приключеній. Его звали Стоксъ; онъ безпрестанно ходилъ и въ осажденный городъ и въ лагерь. Мы съ нимъ гуляли по улицамъ, и если впереди насъ шелъ Китаецъ, и, не замѣчая насъ, долго не сторонился съ дороги, Стоксъ безъ церемоніи бралъ его за косу и оттаскивалъ въ сторону. Китаецъ сначала оторопѣетъ, потомъ съ улыбкой подавленнаго негодованія посмотритъ въ слѣдъ. А нѣтъ, конечно, народа смирнѣе, покорнѣе и учтивѣе Китайца, исключая кантонскихъ: тѣ, какъ и всякая чернь въ большихъ городахъ, грубы и бурливы. А здѣсь я не видалъ насмѣшливаго взгляда, который бы Китаецъ кинулъ на Европейца; на лицахъ видно почтительное вниманіе. Англичане вотъ какъ платятъ за это: на ихъ же счетъ обогащаются, отравляютъ

ихъ, да еще и презираютъ свои жертвы! Нашъ хозяинъ, Дональдъ — конечно плюгавѣйшій изъ Англичанъ, вѣроятно, нищій въ Англіи, иначе какъ рѣшиться отправиться на чужую почву заводить трактиръ безъ видовъ на успѣхъ — и этотъ Дональдъ, сказывалъ Т., такъ билъ одного изъ Китайцевъ, слугъ своего трактира, что „меня даже жалость взяла,“ прибавилъ добрый П. А. Не знаю, кто изъ нихъ кого могъ бы цивилизовать: не Китайцы ли Англичанъ своею вѣжливостью, кротостью, да и умѣньемъ торговать тоже.

Полюбовавшись на осаду продавцевъ, мы пошли по берегу рва искать домъ французскаго консула и французскій магазинъ. Утромъ шелъ дождь и ноги наши вязли въ клейкой грязи. Мы кое-какъ выбрались къ мостику, видѣли вѣющій надъ кучей кровель французскій флагъ и все не знали, какъ попасть къ нему. Мы остановились въ нерѣшительности у мостика, подлѣ большаго каменнаго европейскаго дома. Я вошелъ на дворъ, отворилъ дверь въ домъ и очутился въ свѣтломъ, чистомъ, прекрасномъ магазинѣ, похожемъ на всѣ европейскіе столичные магазины. „Гдѣ это я?“ спросилъ я вслухъ. — „Во французскомъ магазинѣ Реми,“ отвѣчалъ забравшійся прежде насъ Г. Ко мнѣ подошелъ пожилой, невысокій брюнетъ и заговорилъ пофранцузски. „Посмотрите-ка на хозяина,“ сказалъ мнѣ Г. порусски. Я посмотрѣлъ. — „А что?“ — „Развѣ не видите?“ — „Вижу.... Да что такое?“ — „Жидъ,“ отвѣчалъ онъ.

Изъ этого очерка одного изъ пяти открытыхъ Англичанамъ портовъ вы никакъ не заключите, какую блистательную роль играетъ теперь и будетъ играть еще со временемъ Шанхай! И въ настоящее время онъ въ здѣшнихъ моряхъ затмилъ, колоссальными цифрами своихъ торговыхъ оборотовъ, Гон-Конгъ, Кантонъ, Сидней, и занялъ первое мѣсто послѣ Калкутты, или „Калькатты,“ какъ ее называютъ Англичане. А все опіумъ! за него Китайцы отдаютъ свой чай, шелкъ, металлы, лѣкарственныя, красильныя вещества, потъ, кровь, энергію, умъ, всю жизнь. Англичане и Американцы хладнокровно берутъ все это, обращаютъ въ деньги и такъ-же хладнокровно переносятъ старый, даже заглохнувшій упрекъ за опіумъ. Они, не краснѣя, слушаютъ его и ссылаются одни на другихъ. Англійское правительство молчитъ, — одно, что остается ему дѣлать, потому что многія стоящія во главѣ правленія лица сами разводятъ макъ на индѣйскихъ своихъ плантаціяхъ, сами снаряжаютъ корабли и шлютъ въ Янсекіянъ. За 16 миль до Шанхая, въ Вуссунѣ, стоитъ цѣлый флотъ, такъ называемыхъ, опіумныхъ судовъ. Тамъ складочное мѣсто отравы. Другія суда привозятъ и сгружаютъ, а эти только сбываютъ грузъ. Торгъ этотъ запрещенъ, проклятъ китайскимъ правительствомъ: но что толку въ проклятіи безъ силы? Въ таможню опіума, разумѣется, не повезутъ, потому что за привозъ контрабанды виновный

подвергается строгому взысканію и судно его конфискуется. Но если кто провезетъ тайкомъ, тому кромѣ огромныхъ барышей ничего не достается. Мало толку правительству и отъ здѣшней таможни, даромъ что таможенные чиновники засѣдаютъ въ томъ же зданіи, гдѣ засѣдалъ прежде Будда, т. е. въ кумирнѣ. Китайцы съ жадностью кидаются на опіумъ и быстро сбываютъ товаръ внутрь. Китайское правительство имѣетъ право осматривать товаръ только тогда, когда увѣрено, что найдетъ его тамъ. А оно никогда не найдетъ, потому что подкупленные агенты всегда успѣютъ заблаговременно предупредить хозяина и грузъ бросятъ въ рѣку или свезутъ: тогда правительство за фальшивое подозрѣніе не раздѣлается съ иностранцами, и отъ того осмотра никогда не бываетъ. Англійское правительство оправдывается тѣмъ, что оно не властно запретить сѣять въ Индіи макъ, а присматривать-де за неводвореніемъ опіума въ Китаѣ не его дѣло, а обязанность китайскаго правительства. Это говоритъ то-же самое правительство, которое участвуетъ въ святомъ союзѣ противъ вывоза негровъ. Но что понапрасну бросать еще одинъ слабый камень въ зло, въ которое брошено безполезно тысяча? Не странно ли: дѣло такъ ясно, что и спору не подлежитъ; обвиняемая сторона молчитъ, сознавая преступленіе, и судъ изреченъ, а приговора исполнить некому! Безстыдство этого скотолюбиваго народа доходитъ до какого-то героизма, чуть дѣло коснется до сбыта товара, какой бы онъ ни былъ, хоть ядъ. Другой примѣръ меркантильности Англичанъ еще разительнѣе: не будь у Каффровъ ружей и пороха, Англичане одною войною навсегда положили бы предѣлъ ихъ грабежамъ и возмущеніямъ. Поэтому и запрещено, подъ смертною казнью, привозить имъ порохъ; между тѣмъ Каффры продолжали дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Долго не подозрѣвали, откуда они берутъ военные припасы; да однажды на пути отъ одного изъ портовъ, взорвало нѣсколько ящиковъ съ порохомъ, который везли вмѣстѣ съ прочими товарами къ Каффрамъ — съ Англійскихъ же судовъ! Они возили это угощеніе для своихъ же соотечественниковъ: это ужъ изъ рукъ вонъ торговая нація!

Страшно и сказать вамъ итогъ здѣшней торговли. Тридцать-пять лѣтъ назадъ, въ цѣлый Китай привозилось Европейцами товаровъ всего на сумму около пятнадцати милліоновъ серебромъ. Изъ этого опіумъ составлялъ немного болѣе четвертой части. Лѣтъ двадцать назадъ, еще до китайской войны, привозъ увеличился вдвое, т. е. болѣе чѣмъ на сумму тридцати милліоновъ серебромъ, и привозъ опіума составлялъ уже четыре пятыхъ и только одну пятую другихъ товаровъ. Это въ цѣломъ Китаѣ. Теперь гораздо больше привозится въ Шанхай. *Гончаровъ.*

[1]) Названіе корабля.

89. О соловьяхъ.

Лучшими соловьями всегда считались курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить въ началѣ мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ, и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ ростетъ; болотные соловьи самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до Егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ; иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ: ночью сдѣлался морозъ — и къ утру въ блинъ на льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохинькій, только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся, кафтанъ снялъ, голову закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтанъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное; нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится: а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку пришпорить, за обѣ ножки привязать — а самому спрятаться да присвистывать дудочкой — такая дудочка дѣлается, въ родѣ пищика. А тайничекъ небольшой изъ сѣтки дѣлается — съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ приспособить надо, а другую только приткнуть -- и бичевку къ ней привязать: соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ — тутъ и дернуть за бичевку — тайничекъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку, — а другой остороженъ: сперва пониже спустится, да разглядываетъ, его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется саженъ въ пять; осыплешь ею кустъ или сухой дромъ — и осыпать надо слабо: какъ только спустится соловей — встанешь и погонишь его въ сѣть, онъ все низомъ летитъ — ну, и повиснетъ въ петелькахъ. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску — такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравлиными яйцами — понемножку и почаще; они скоро привыкаютъ и принимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотной соловей не знаетъ муравлиныхъ яицъ — не видалъ никогда — ну, а какъ муравьи станутъ таскать яйца — въ задоръ войдетъ — станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь [1]) дрянные, поютъ дурно, понять ничего нельзя, — всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ еще

у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ этакъ ту-ӯ и вдругъ ви! — эдакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна, — а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: Пульканье — этакъ: пуль, пуль, пуль, пуль....

Второе: Клыканье — клы, клы, клы, какъ желнá.

Третье: Дробь — выходитъ примѣрно, какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: Раскатъ — тррррррр...

Пятое: Пленканіе — почти понять можно: плень, плень, плень.....

Шестое: Лѣшева дудка — этакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: ту!

Седьмое: Кукушкинъ перелетъ. Самое рѣдкое колѣно: я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: Гусачекъ, га-га-га-га... У малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: Юлиная стукотня. Какъ юла, — есть птица на жаворонка похожая — или какъ вотъ органчики бываютъ, — этакой круглый свистъ: фюіюію-іюію....

Десятое: Починъ — этакъ: тийвить, нѣжно, малиновкой. Это по настоящему не колѣно — а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, охотнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ: — начнетъ: тийвить — а тамъ: тукъ! — Это оттолчкой называется. Потомъ опять — тий-вить... тукъ! тукъ! Два раза оттолчка — и въ полъ-удара, этакъ лучше; въ третій разъ тий-вить — да какъ разсыплетъ, вдругъ дробью или раскатомъ — едва на ногахъ стоишь — обозжетъ! Этакой соловей называется съ ударомъ или съ оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ, сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое и — смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій — нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать, — не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно, дробь, что-ли сперва будто къ низу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ — надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у мценскаго купца Ш—ва— вотъ былъ соловей. Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаньямъ, хорошаго соловья отъ дурнаго съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодаго отъ стараго отличить

можно. У молодаго, когда растопыришь ему крылья, есть на перушкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а старый — сѣрѣе.

Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш....въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ. — Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравлиными яйцами; только яйца надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, — а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловьевъ не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было небко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная эта болѣзнь. Какой и переживетъ — на другую зиму навѣрное околѣетъ. Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать — хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ рождества — и ближе, сперва потихоньку; — съ великаго поста, съ марта мѣсяца настоящимъ голосомъ, — а къ петрову дню перестаютъ. — Начинаютъ они обыкновенно съ пленканія... такъ жалобно, нѣжно: плень.... плень.... Не громко — а по всей комнатѣ слышно. — Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки — душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу — всякой разъ тронетъ — по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаютъ. Сейчасъ слезы — и вотъ онѣ. — Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ петровки. Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ, три, четыре часа — полъ-дня просижу — а ужъ замѣчу мѣсто. Гнѣздо они вьютъ на землѣ — изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываютъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь да посадишь въ западню — сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь всю семейку въ куролеску, да муравлиныхъ яицъ насыплешь и живыхъ муравьевъ напустишь. — Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ петровки изъ гнѣзда вынешь, живучѣе и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. — На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывелъ, а о петровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо — и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы

учились. — Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ — изъ того выйдетъ прокъ — въ двѣ недѣли, пожалуй готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же въ слѣдъ за старикомъ бурлитъ — тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ — да и то сомнительно. Иные охотники секретно въ шляпахъ приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ, гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. Отъ того лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ — купцы — тысячи рублей не жалѣютъ. Мнѣ бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища — и лошадь была ихняя. Посылали меня къ Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные — хоть пятьдесятъ паръ — въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ, — часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ — много ему это мѣшало. — Разъ подъ Лебедянью выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ, — разсказываетъ — такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить — а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ. Вотъ однако спустился — погналъ его товарищъ въ сѣть — и повисъ. Сталъ его товарищъ брать — знать руки у него дрожали — соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ — свиснулъ, запѣлъ и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувствовалъ, какъ кто-то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Чтожъ! Всяко бываетъ.

Принялся онъ опять манить его — нѣтъ! не тутъ-то было! — Оробѣлъ, знать; смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете! Соловей хоть бы чукнулъ — такъ и пропалъ. — А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку б-земь грянетъ, да какъ начнетъ себя кулакомъ пб лбу бить.... А то вдругъ остановится и закричитъ: „раскапывайте землю — въ землю уйти хочу, — туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому...." Вотъ какъ оно бываетъ чувствительно.

Случается, что другъ у друга норовятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На все нужно умѣнье — да и безъ счастья тоже нельзя. Случается тоже, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого — молитва. Разъ я таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ — а ночь такая, темная, претемная...

И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужъ это не по соловьиному

что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ... Жутко мнѣ стало, такъ что сказать нельзя... вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики тѣ не мѣшаютъ; тѣмъ все равно; еще смѣются, пожалуй. — Мужикъ грубъ; ему что соловей, что зябликъ — все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло — пахать, да на печи лежать. А я вамъ теперь все разсказалъ. *И. Тургеневъ.*

[1]) Во Мценскомъ, Чернскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ.

---

90. Изъ письма объ Англіи.

Былъ теплый іюльскій вечеръ. Послѣ чаю пошелъ я гулять по городу. Часовъ въ 10 зашелъ въ кофейную и вижу, что въ 12 часовъ ночи отходитъ въ Англію Тритонъ, лучшій изъ пароходовъ, содержащихъ прямое ссобщеніе Остенда съ Лондономъ. Я поспѣшилъ домой, сообщилъ это извѣстіе моей компаніи, и послѣ очень короткаго совѣщанья рѣшено было ѣхать. Полчаса сборовъ, да полчаса ужина, — и въ половинѣ 12-го отправились мы, большіе и малые, на пристань. Гоголь насъ проводилъ до пристани и пожалъ намъ руку на прощанье. Безъ четверти въ 12 мы были на пароходѣ; въ 12 часовъ заворчалъ котелъ, завертѣлись колеса, и мы пошли.

Едва тронулись мы съ мѣста, какъ отъ колесъ парохода, и отъ его боковъ и позади его, побѣжали огненныя струи. Это была игра морской фосфорности. Она уже была мнѣ извѣстна по другимъ морямъ и не разъ веселила меня въ Остендѣ во время ночнаго прибоя, но никогда не видалъ я ее въ такомъ блескѣ: матросы говорили, что намъ особенное счастіе. Длинныя волны яркаго свѣта, то бѣлаго, то блѣдно-голубаго, окружали нашъ пароходъ и отъ него бѣжали въ даль, казалось, на полверсты или на версту. Одна волна гасла, другая загоралась; свѣтъ брызгалъ отъ колесъ; свѣтлой змѣей бѣжалъ нашъ слѣдъ по морю и глаза наши не могли нарадоваться [1]) на огненную прихоть воды. Фосфоричность продолжалась около часу, слабѣя по мѣрѣ нашего удаленія отъ береговъ; черезъ часъ она прекратилась совершенно. Кругомъ насъ была темная синева моря, надъ нами безоблачная синева неба! Мало по малу ушли всѣ пассажиры съ палубы; я остался одинъ, но не рѣшился сойти въ каюту. Ночь была теплая, тишина совершенная; ни одной волны на морѣ; множество свѣтлыхъ звѣздъ на небѣ: пароходъ бѣжалъ какъ лихой рысакъ по 15-ти узловъ (около 23-хъ верстъ) въ часъ; машина его играла вѣрно и ровно, какъ бой часовъ; земля, мнѣ незнакомая, становилась все ближе и ближе: тутъ было не до каюты. То ходилъ я по палубѣ, то ложился [2])

отдыхать на лавкѣ, то заговаривалъ [8]) съ рулевымъ, который мнѣ отвѣчалъ, не смотря на запрещеніе, писанное крупными буквами: да вѣдь ихъ ночью не видать. Онъ спросилъ у меня, бывалъ-ли я когда-нибудь въ Англіи, и когда я сказалъ, что не бывалъ, онъ прибавилъ съ улыбкою добродушной увѣренности: „О! вы полюбите нашу старую Англію (oh Sir! you'll like our old England).“ — Посмотримъ, сбудется ли предсказаніе?

Разсвѣло. Утро было также тихо и безоблачно, какъ и ночь: только легкая рябь пробѣгала по морю, горя и сверкая отъ солнечныхъ лучей: мало по малу вдали на западѣ сталъ подниматься надъ водою бѣлый гребень англійскаго берега. Впереди насъ, потомъ и въ право и въ лѣво, стали показываться паруса разной величины, потомъ десятки парусовъ, потомъ сотни; между ними тамъ и сямъ чернѣли дымныя полосы пароходовъ. Мы приближались къ устью рѣки Темзы: берега Англіи стали ниже и зеленѣе: кругомъ насъ было множество отмелей. Входъ въ устье Темзы не безопасенъ даже для дружескаго корабля; онъ былъ бы еще опаснѣе для недруга: а входилъ же въ него смѣлый Голландецъ съ помеломъ на мачтѣ. Правда, съ того времени прошло два вѣка и теперешняя Англія не Англія Стюартовъ; но много могутъ сила и воля человѣка. Мы вошли въ Темзу, остановились у таможни, пересѣли на мелкой пароходъ, также необыкновенно скорый на ходу, и пошли далѣе. Справа, слѣва, впереди насъ — сотни, кажется тысячи мачтъ: сильнѣе, живѣе торговая жизнь. Надъ водою и на небѣ легкій туманъ: въ туманѣ довольно высокій берегъ, надъ нимъ страшная громада строеній, надъ ними башни-колокольни, огромный куполъ; еще далѣе верхи колоннъ, стрѣлки готическихъ колоколенъ, — городъ безконечный, невообразимый. Это Лондонъ. По Темзѣ, которой ширина немного уступаетъ ширинѣ Невы, тѣснятся корабли, пароходы и лодки. Чрезъ нее, одинъ за однимъ, одинъ другаго смѣлѣе и величественнѣе, перегибаются каменные мосты! Мы стояли на пароходѣ, не отводя глазъ отъ того чуднаго зрѣлища, въ какомъ-то полувеселомъ, полуиспуганномъ изумленіи. Пароходъ шелъ быстро противъ теченія, минуя башни и мосты, дворцы и куполы, наконецъ онъ причалилъ къ пристани у цѣпнаго моста. Въ одно время съ нами причаливали къ ней и отчаливали отъ нея 9 пароходовъ, и всѣ полны. „Что это? Какой-нибудь праздникъ?“ Нѣтъ; здѣсь почти всегда тоже. На пристани толпа непроходимая; по высокой лѣстницѣ поднялись мы на берегъ, таже толпа на берегу; пошли по улицамъ, таже толпа на улицахъ. Мы добрались до трактира (йорскій отель, который всѣмъ рекомендую), утомленные не путемъ, а впечатлѣніями. Едва ли кто-нибудь можетъ забыть въѣздъ въ Лондонъ по Темзѣ. Вечеромъ и на другой день бро-

дили мы по городу; вездѣ такое-же многолюдіе, такое-же движеніе. Нигдѣ художественной красоты, но вездѣ огромные размѣры и удивительное разнообразіе. Скоро узналъ я Лондонъ довольно коротко, мнѣ стало уютно и какъ будто дома. Я видѣлъ башню лондонскую съ ея вѣковыми твердынями, видѣлъ вестминстерское аббатство съ его сотнями гробницъ, которыхъ малая часть была бы достаточна для славы цѣлаго народа, и видѣлъ, какъ благоговѣютъ Англичане передъ величіемъ своей старины; я видѣлъ гошпиталь Христа, въ которомъ ученики ходятъ еще и теперь въ странномъ нарядѣ тудорскихъ временъ; и Лондонъ сталъ мнѣ понятенъ: тутъ вершины, да за то тутъ и корни.

Не въ первый разъ, да и не мало бродилъ я по Европѣ, не мало видѣлъ я городовъ и столицъ. Всѣ они ничто передъ Лондономъ, потому что всѣ они кажутся только слабымъ подражаніемъ Лондону. Кто видѣлъ Лондонъ, тому въ Европѣ изъ живыхъ городовъ (объ мертвыхъ я не говорю) остается только видѣть Москву. Лондонъ громаднѣе, величественнѣе, люднѣе, Москва живописнѣе, разнообразнѣе, богаче воздушными линіями, веселѣе на видъ. Въ обоихъ жизнь историческая еще цѣла и крѣпка. Житель Москвы можетъ восхищаться Лондономъ и не страдать въ своемъ самолюбіи. Для обоихъ еще много впереди.

Два дня сряду ходили мы по Лондону и все то-же движеніе, то-же кипѣніе жизни. На третій день пошли мы къ обѣднѣ въ церковь нашего посольства. Улицы были почти пусты; кое-гдѣ по тротуарамъ торопливо пробѣгали люди, опоздавшіе къ церковной службѣ. Чрезъ два часа пошли мы назадъ. На улицахъ движенія не было: только по тротуарамъ шли толпы людей, которыхъ лица выражали тихую задумчивость: они возвращались домой отъ службы церковной. Та-же тишина продолжалась цѣлый день. Таково воскресенье въ Лондонѣ. Страненъ видъ этой пустоты, странно безмолвіе въ этомъ громадномъ, шумномъ, вѣчно кипучемъ городѣ: но зато едва ли можно себѣ представить что-нибудь величественнѣе этой неожиданной тишины. Мгновенно замолкли заботы торговой жизни, исчезли заманки роскоши, закрылись эти цѣльныя двухъярусныя стекла, изъ-за которыхъ выглядываютъ, кажется, всѣ сокровища міра; закрылись мастерскія, въ которыхъ неутомимый трудъ едва можетъ снискать себѣ насущный хлѣбъ, успокоилась всякая суета: два милліона людей самыхъ промышленныхъ, самыхъ дѣятельныхъ въ цѣломъ свѣтѣ, остановили свои занятія, перервали свои забавы, и все это изъ покорности одной высокой мысли. Мнѣ было отрадно это видѣть: мнѣ было весело за нравственность воли народной, за благородство души человѣческой. Странное дѣло, что есть на свѣтѣ люди, которые не понимаютъ и не любятъ воскресной

тишины въ Англіи: въ этой непонятливости видна какая-то мелкость ума и скудость души. Конечно не всѣ, далеко не всѣ Англичане празднуютъ воскресенье духовно такъ, какъ они соблюдаютъ его наружную святость: конечно, между тѣмъ какъ на улицахъ видно вездѣ благоговѣйное спокойствіе, во многихъ домахъ, иногда самыхъ аристократическихъ, идутъ дѣла порока и разврата. „Чтожъ? Люди фарисействуютъ и лицемѣрятъ" — скажешь ты: это правда, но не фарисействуетъ и не лицемѣритъ народъ. Слабость и порокъ принадлежатъ отдѣльному человѣку, но народъ признаетъ надъ собою высшій нравственный законъ, повинуется ему и налагаетъ это повиновеніе на своихъ членовъ. Пусть Нѣмецъ и особенно Французъ этого не понимаютъ; въ нихъ непонятливость извинительна; но досадно, когда слышимъ Русскихъ, или людей, которые должны бы быть Русскими, вторящихъ слова Французовъ и Нѣмцевъ. Развѣ первый день пасхи въ Россіи не соблюдается такъ-же строго, какъ воскресенье въ Англіи? Развѣ во время великаго поста пляшутъ хороводы, или раздаются пѣсни въ русскихъ деревняхъ? Развѣ есть какія-нибудь общественныя увеселенія даже въ большей части городовъ? Конечно, въ большихъ городахъ представляются исключенія; но надобно понять эти исключенія и ихъ причины. Въ Россіи высшее общество такъ просвѣщено и проникнуто такою духовною религіозностью, что оно не видитъ нужды во внѣшностяхъ народнаго обычая. Англія не имѣетъ этого счастія, и по этому строже соблюдаетъ общій обрядъ. Но, скажешь ты, если я магометанинъ, я праздную пятницу; если я жидъ, я праздную субботу: въ обоихъ случаяхъ какое мнѣ дѣло до англійскаго воскресенья? Правда: но въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, а народъ англійскій полагаетъ, что онъ въ Англіи дома.

Я не стану тебѣ разсказывать о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Лондонѣ, о своихъ поѣздкахъ въ Оксфордъ или Гамптонъ, о паркахъ, замкахъ и садахъ, которымъ вся Европа подражаетъ и подражать не умѣетъ, объ изумрудной зелени луговъ, о красотѣ вѣковыхъ деревьевъ и особенно дубовъ, которымъ ничего подобнаго я въ Европѣ не видалъ, не смотря на то что я видалъ не мало лѣсовъ, въ которыхъ, можетъ быть, никогда не стучалъ топоръ дровосѣка: все это останется для нашихъ вечернихъ бесѣдъ и разсказовъ. Я скажу тебѣ только вкратцѣ про впечатлѣніе, произведенное на меня Англіею, и про понятіе, которое я изъ нея вывезъ.

Я убѣжденъ, что, за исключеніемъ Россіи, нѣтъ въ Европѣ земли, которая бы такъ мало была извѣстна, какъ Англія. Ты назовешь это парадоксомъ; пожалуй, ты и посмѣешься надъ моимъ убѣжденіемъ: я на это согласенъ. Сперва посмѣйся, а потомъ подумай, и тогда ты повѣришь возможности этого страннаго факта.

Извѣстіе объ Англіи получаемъ мы или отъ Англичанъ, или отъ иностранныхъ путешественниковъ. Нельзя полагаться ни па тѣхъ, ни на другихъ. Народъ, точно такъ-же какъ человѣкъ, рѣдко имѣетъ ясное сознаніе о себѣ: это сознаніе тѣмъ труднѣе, чѣмъ самобытнѣе образованіе народа, или человѣка (разумѣется, что я говорю о сознаніи чисто логическомъ). Къ тому же должно прибавить, что изъ всѣхъ земель просвѣщенной Европы, Англія наименѣе развила въ себѣ философскій анализъ. Она умѣетъ выразиться цѣлою жизнью своею, дѣлами и художественнымъ словомъ, но она не умѣетъ отдать отчетъ о себѣ. Иностранные путешественники могли бы сдѣлать то, что невозможно Англичанамъ; но и тутъ встрѣчается важное затрудненіе. Англія, почти во всемъ самобытная, сдѣлалась предметомъ постояннаго подражанія, а неразумѣніе есть всегдашнее условіе подражанія. Человѣкъ ли обезьяничаетъ человѣку, или народъ ломается, чтобы сдѣлаться сколкомъ другаго народа, въ обоихъ случаяхъ человѣкъ или народъ не понимаютъ своего оригинала: они не понимаютъ того цѣльнаго духа жизни, изъ котораго самобытно истекаютъ внѣшнія формы, иначе бы они и не вздумали подражать, а таково отношеніе остальныхъ народовъ къ Англіи. Вотъ простыя причины, почему жизнь ея и ея живыя силы остаются неизвѣстными, не смотря на множество описаній, и почему всѣ разсказы объ ней наполнены ложными мыслями, которыя, посредствомъ повторенія, обратились почти въ повѣрье.

„Англичане не гостепріимны, не любятъ иностранцевъ, даже до такой степени, что не позволяютъ у себя иностраннаго наряда.“ Это мы слышимъ отъ многихъ путешественниковъ, даже отъ Русскихъ. По собственному опыту я могу сказать, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды, и убѣжденъ, что всѣ Русскіе, которые бывали въ Англіи, согласятся со мной. Нигдѣ не встрѣчалъ я больше радушія, нигдѣ такого дружескаго, искренняго пріема. Конечно, нѣтъ въ Англіи того безразборчиваго растворенія дверей передъ всякимъ пришлымъ, которое кое-гдѣ считается гостепріимствомъ; быть можетъ даже, англійская дверь растворяется тугонько: но за то, кто въ англійскій домъ взошелъ, тотъ ужъ не чужой. Англичанинъ не совсѣмъ легко принимаетъ гостя, но это потому, что, принявши его, онъ будетъ его уважать. Такое понятіе, конечно, не показываетъ недостатка въ гостепріимствѣ.

Мои знакомые въ Лондонѣ не жалѣли никакихъ хлопотъ, чтобы доставить мнѣ возможность видѣть все, что мнѣ видѣть хотѣлось, а въ Оксфордѣ они нарушали даже свои собственные обычаи, для того, чтобы угостить меня по обычаямъ русскимъ. Тоже самое испыталъ и другой русскій путешественникъ, посѣтившій Англію за годъ до меня. Иностранцы обвинили Англію въ негостепріимности, потому

что не поняли истиннаго англійскаго понятія о гостѣ, а Англичане не умѣютъ себя оправдать, потому. что предполагаютъ свои понятія въ другихъ народахъ. — „Англичане не любятъ иностранцевъ и даже не терпятъ иностраннаго наряда.“ Конечно, нельзя сказать, чтобы Англичане оказывали большую любовь иностранцамъ; да я не слишкомъ ясно понимаю, за что какой бы то ни былъ народъ долженъ бы особенно любить иностранцевъ. Иная земля любитъ ихъ, какъ своихъ образованныхъ учителей; Нѣмецъ любитъ ихъ какъ своихъ учениковъ; Французъ любитъ ихъ какъ зрителей, которымъ онъ можетъ самъ себя показывать. Англичанину они не нужны, и поэтому онъ остается къ нимъ довольно равнодушнымъ: это очень естественно. Но если Англичанинъ узнаетъ въ иностранцѣ не праздно-шатающагося бездомника, не разгулявшагося трутня, а человѣка искренно и добросовѣстно трудящагося на поприщѣ всемірнаго общенія, дѣло перемѣняется, и радушный дружескій пріемъ доказываетъ иностранцу глубокое сочувствіе англійскаго народа. Съ другой стороны предубѣжденіе, будто бы въ Англіи даже нарядъ иностранный не терпимъ, совершенно несправедливо. Я это видѣлъ и испыталъ. Рѣшившись, не смотря на предостереженіе знакомыхъ, нисколько не перемѣнять своей обыкновенный одежды, ходилъ я въ Англіи, какъ и вездѣ, въ бородѣ (а бородъ въ Англіи не видать), въ мурмолкѣ и простомъ русскомъ зипунѣ, былъ на гуляньяхъ, въ многочисленныхъ собраніяхъ народа, бродилъ [4]) по глухимъ но многолюднымъ и, какъ говорятъ, полудикимъ закоулкамъ Лондона, и нигдѣ не встрѣчалъ ни малѣйшей непріятности. Въ тоже самое время Французы жаловались на непріятности, не смотря на то, что ихъ платья были, по видимому, гораздо ближе къ англійскому. Отчего такая разница? Причина очень проста. Я, какъ Русскій, ходилъ въ одеждѣ. Французы ходили въ нарядѣ; а Англичане не любятъ очень видныхъ притязаній. Эта черта народнаго характера, которую можно хулить, или одабривать, но которая ничего не имѣетъ общаго съ непріязнію къ иностранцамъ. Вообще, я думаю, что Англія равнодушна къ иностранцамъ и этого осуждать не могу; но привѣтъ и ласки, съ которыми на улицахъ, на пароходахъ и въ лавкахъ встрѣчали Англичане русскихъ дѣтей въ ихъ русскомъ платьѣ, заставляютъ меня даже предполагать, что это равнодушіе нѣсколько смѣшано съ дружелюбіемъ.

Говорятъ еще: „Англичане народъ чепорный и церемонный.“ Опять ложное мнѣніе. Правда, Англичанинъ очень любитъ бѣлый галстукъ и едва-ли не съ постели наряжается въ фракъ; правда, онъ рѣдко заговариваетъ [5]) съ незнакомымъ и не любитъ, чтобъ незнакомый съ нимъ заговаривалъ: онъ представляетъ, наконецъ, какую-то чинность въ обхожденіи, нѣсколько похожую на чепорность. Но

опять это должно понять, и обвиненіе исчезнетъ. Англичанинъ любитъ бѣлый галстукъ, какъ онъ любитъ вообще опрятность и все то, что свидѣтельствуетъ объ ней. Въ бѣдности, въ состояніи, близкомъ къ нищетѣ, онъ употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобъ сохранить чистоту; и коммисары правительства, въ своихъ розысканіяхъ о страданіи низшихъ классовъ, совершенно правы, когда разсказываютъ о нечистотѣ жилищъ, какъ о несомнѣнной примѣтѣ глубочайшей нищеты. Потому бѣлый галстукъ не то для Англичанъ, что для другихъ народовъ. Тоже самое скажу я и объ фракѣ. Это не нарядъ для Англичанина, а одежда, и одежда народная. Кучеръ на козлахъ сидитъ во фракѣ; работникъ во фракѣ идетъ за плугомъ. Можно удивляться тому [6]), что самая уродливая и нелѣпая изъ человѣческихъ одеждъ сдѣлалась народною; но что-жъ дѣлать? Таковъ вкусъ народный. Еще страннѣе и удивительнѣе видѣть, что люди изъ другаго народа бросаютъ свое прекрасное, свое удобное, народное платье, и перенимаютъ чужое уродство: я говорю это мимоходомъ. Во всякомъ случаѣ должно признать, что фракъ чепоренъ у другихъ и нисколько не чепоренъ у Англичанъ, хотя онъ одинаково безтолковъ вездѣ. Нельзя не признаться, что отношеніе Англичанина къ незнакомому нѣсколько странно: онъ не охотно вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Конечно, и эта черта очень преувеличена въ разсказахъ путешественниковъ-анекдотистовъ; по крайней мѣрѣ ни во время путешествія по Европѣ, ни въ Англіи я не былъ пораженъ ею, вступалъ съ островитянами въ разговоръ безъ затрудненія и находилъ иногда болѣе труда развязать языкъ иному Нѣмцу, особенно графскаго достоинства, чѣмъ англійскимъ лордамъ; за всѣмъ тѣмъ я не спорю въ томъ, что они менѣе приступны, чѣмъ наши добродушные земляки или говорливые Французы. Трудно судить о народѣ по одной какой-нибудь чертѣ. Англичанинъ, выходя изъ кареты, въ которой онъ размѣнялся двумя-тремя словами, очень важно вамъ подастъ свой пальто съ тѣмъ, чтобы вы помогли ему облачиться. Вамъ это покажется крайней грубостью; но онъ ту-же услугу окажетъ и вамъ. Таковъ обычай. Англичанинъ не охотно вступаетъ съ вами въ разговоръ. Вамъ это кажется неприступностью: но во многомъ онъ скорѣе другихъ готовъ дружиться съ незнакомымъ и вѣрить новому знакомому. Такъ напримѣръ: весьма небогатый Англичанинъ, съ которымъ я два дня таскался по горамъ швейцарскимъ, встрѣтивъ меня въ Вѣнѣ въ совершенномъ безденежьѣ, почти заставилъ меня принять отъ него деньги на возвратный путь, и на силу согласился взять отъ меня росписку; а должно замѣтить, что все богатство, которое онъ могъ при мнѣ замѣтить, состояло въ старомъ сюртукѣ и чемоданѣ величиной съ солдатскій ранецъ. Англичанинъ вообще не очень разговорчивъ, онъ и подавно не разговорчивъ съ иностран-

цемъ: это не чепорность и не церемонность. Смѣшно бы было брать на себя разгадку всякой особенности въ какомъ бы то ни было народѣ, и я не берусь объяснить эту черту въ Англичанахъ: но можетъ быть объясненіе ея состоитъ въ томъ, что слово въ Англіи цѣнится нѣсколько подороже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; что о пустякахъ говорить не для чего, а о чемъ-нибудь подѣльнѣе — говорить съ незнакомымъ дѣйствительно неловко въ землѣ, въ которой разница мнѣній очень сильна и часто принимаетъ характеръ партія. Я не берусь доказывать, чтобы Англія ни въ чемъ не имѣла лишней чепорности: это остатокъ очень недавней старины. Тому лѣтъ сорокъ общество во всей Европѣ было чепорно, а Англія мѣняется медленнѣе другихъ земель: но на этомъ останавливаться не для чего, и мнѣ кажутся рѣшительно слѣпцами тѣ, которые не замѣчаютъ во многомъ гораздо болѣе простоты у Англичанъ, чѣмъ гдѣлибо. Пойдите по лондонскимъ паркамъ, даже по сентъ-джемскому, взгляните на игры дѣтей и на ихъ свободу; на группы взрослыхъ, которые останавливаются подлѣ незнакомыхъ дѣтей и слѣдятъ за ихъ играми съ дѣтскимъ участіемъ. Васъ поразитъ эта простота жизни. Пойдите въ Гайдъ-паркъ. Вотъ несется цвѣтъ общества на этихъ легкихъ статныхъ лошадяхъ, все блещетъ красотою и изяществомъ: чтожъ? между этими великолѣпными явленіями аристократическаго совершенства являются цѣлыя кучки людей на какихъ-то пѣгихъ и соловыхъ кляченкахъ, которыя точно также важно разгуливаютъ по главнымъ дорогамъ, какъ и чисто-кровные лорды на своихъ чистокровныхъ скакунахъ. Это горожане, богатые, иногда милліонные горожане. Что имъ до того, что ихъ лошади плохи и что сами они плохіе ѣздоки! Они гуляютъ для себя, а не для васъ, для своего удовольствія, а не для показа. Это простота, которую не позволитъ себѣ ни Французъ, ни Нѣмецъ, ни ихъ архи-чепорные подражатели въ иныхъ земляхъ. — Поѣзжайте въ Ричмондъ, въ этотъ чудный паркъ, котораго красота совершенно англійская, великолѣпная растительность и безконечная, богатая, пестрая даль, полусогрѣтая, полусокрытая какимъ-то свѣтлымъ, голубымъ туманомъ, поражаетъ глаза, привыкшіе даже къ берегамъ Рейна и къ прекрасной природѣ юга. Тысячи экипажей ждутъ у рѣшетки, тысячи людей гуляютъ по всѣмъ дорожкамъ; на горѣ, по широкому лугу мелькаютъ кучи играющихъ дѣтей, хохотъ, веселый говоръ несется издали. Поглядите: все ли это дѣти? совсѣмъ нѣтъ. Между дѣтьми и съ ними и отдѣльно отъ нихъ играютъ и бѣгаютъ взрослыя дѣвушки съ своими ровесниками, также весело и безцеремонно, какъ будто дѣти: и они принадлежатъ если не къ высокому, то весьма образованному обществу. Они словно дома, и имъ опять, какъ ѣздокамъ въ Гайдъ-паркѣ, нѣтъ никакого дѣла до васъ. Я это видѣлъ, и не разъ. А гдѣ еще увидите вы

это въ Европѣ? и развѣ это не простота нравовъ? Сравните словесность англійскую съ другими словесностями, и то-же опять поразитъ васъ; сравните пухлую, фразистую, цвѣтистую и кудрявую рѣчь французскаго депутата съ простымъ, нѣсколько сухимъ, но энергическимъ и рѣзкимъ словомъ англійскаго парламента. Вслушайтесь въ эти шутливыя выходки, въ этотъ потокъ ѣдкой ироніи, и въ громкій, непритворный смѣхъ слушателей, и скажите потомъ, гдѣ простота? а Англія считается чопорною, а вѣчноактерствующая Франція простою. Отъ словъ перейдите къ дѣлу. Гдѣ дѣлается оно простѣе и гдѣ такія малосложныя средства даютъ такіе огромные результаты? гдѣ умъ идетъ къ цѣли такъ прямо? Человѣкъ триста собрались въ большой комнатѣ въ вѣчныхъ своихъ черныхъ фракахъ, сидятъ кто какъ попалъ, почти въ безпорядкѣ; иной полулежитъ, иной дремлетъ, одинъ какой-нибудь изъ присутствующихъ говоритъ съ своего мѣста: это парламентъ, величайшій двигатель новой исторіи. Человѣкъ пять-шесть съѣхались за-просто, повидимому для того, чтобы истребить нѣсколько дюжинъ устрицъ: это директоры остъ-индской компаніи, и за устрицами рѣшаются вопросы, отъ которыхъ будетъ зависѣть судьба двухъ сотъ милліоновъ людей, дѣла Индіи и Китая.

Другіе народы лѣзутъ [7]) на ходули, красуются, актерствуютъ или путаются въ многосложности хитрѣйшихъ устройствъ, и слывутъ простыми. Англія вездѣ идетъ просто, а слыветъ чопорною и искусственною потому, что имѣетъ кое какіе обычаи странные и непонятные для путешественниковъ: это безсмысленное и смѣшное повѣрье. Простота общественная не можетъ быть безъ простоты частной жизни.

Говорятъ: „Англичане не веселы, страдаютъ вѣчною скукою и наводятъ скуку на всѣхъ.“ Странное дѣло! эта вѣчно-скучающая страна изстари себя называетъ веселою, old England (старая, веселая Англія). Должно быть она не догадывается и не замѣчаетъ, что ей скучно, а кому же бы лучше ея про это знать? Такое прозвище трудно приписать самолюбію. Самолюбіе можетъ увѣрить народъ, что онъ красивъ, силенъ, нравственнен и такъ далѣе, едва ли оно можетъ, едва ли оно даже станетъ увѣрять его, что онъ веселъ. Конечно можно предположить, что это старая поговорка, утратившая свой смыслъ; но и такая догадка была-бы крайне произвольна. Гдѣ живѣе и многочисленнѣе народныя игры? гдѣ такое огромное стеченіе жителей на всякую общественную забаву отъ благородной скачки конской, въ которой участвуетъ вся гордость аристократіи, и отъ живописныхъ регаттъ [8]) по Темзѣ, въ которыхъ спорятъ между собою университеты и города, до кулачнаго боя, въ которомъ выражается вся упрямая энергія народа, и до пѣтушинаго и собачьяго боя, въ которомъ Англичане радуются тому, что умѣли пе-

редать животнымъ качества, давшія имъ самимъ такой великій перевѣсъ въ ихъ долгихъ борьбахъ съ другими народами? Но веселость веселости рознь. Сдержанное чувство Англичанина не для всѣхъ понятно, и чѣмъ пустѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе способенъ онъ понимать истинную и глубокую веселость, какъ и всякое искреннее и глубокое чувство. Конечно, много страданій и заботъ прибыло съ вѣками: много подлилось желчи къ крови Англичанъ, и много врѣзалось морщинъ на челѣ веселой Англіи; но прежній характеръ еще не совсѣмъ измѣнился! Не всѣ умѣютъ отличить смѣхъ, крикъ, пляску, отъ веселости истинной. Вѣчное зубоскаленіе пустой головы идетъ также за веселость. Иному кажутся веселыми утомительная ничтожность французскаго водевиля и эти мелкія шутки, которыя никогда ни въ комъ не возбуждали прочнаго, здороваго, истинно веселаго смѣха; иной не умѣетъ различить Сервантеса и Гоголя отъ Поль-де-Кока. Что съ этимъ дѣлать? Человѣкъ на человѣка не похожъ; и только крѣпкая и серьёзная природа можетъ сочувствовать истинной веселости. Въ салонѣ отъ-роду никому никогда весело не бывало. Человѣкъ со смысломъ пойметъ, что въ Шекспирѣ во сто разъ болѣе веселости, чѣмъ въ Мольерѣ; и тотъ, для кого изъ романовъ Диккенса и особенно изъ его сценъ домашней жизни свѣтитъ теплое солнышко сердечной радости, не повѣритъ обвиненію Англіи въ скукѣ. Вмѣсто того, чтобъ сказать, что Англія не весела, я бы сказалъ, что Англія не забавна, и слава Богу! знаешь ли ты, что веселость не забавна?

Говорятъ еще: „Англія — земля разсчетовъ и промышленности; Англичанинъ живетъ для денегъ и власти, и только что для денегъ и власти. Это полный, воплощенный, торжествующій матеріализмъ.“ И такая нелѣпость сдѣлалась тоже повѣріемъ. Недавно Кобденъ и товарищи его, послѣ десяти-лѣтней борьбы, уничтожили систему пошлинъ на хлѣбъ. Правда: и за это да будетъ имъ честь и слава, хотя цѣль ихъ была чисто промышленная, не безъ примѣси однако лучшаго чувства, состраданія къ рабочему классу. Вотъ энергическая упорность промышленниковъ: но изъ-за нея не слѣдуетъ забывать тридцатилѣтнюю борьбу Вильберфорса и его друзей, посвятившихъ всю жизнь свою и невѣроятные труды на освобожденіе Негровъ, дорого стоившее и ничѣмъ еще не окупившееся для Англіи. Ему, подвижнику человѣческаго и христіанскаго чувства, да будетъ большая слава, и съ нимъ вмѣстѣ Англіи, его родинѣ! — Аркрайтъ прилагаетъ паровыя машины къ бумагопряденью въ большомъ видѣ: онъ обѣщаетъ милліоны отечественной промышленности. Ему не вѣрятъ, на него нападаютъ тѣ, которыхъ онъ долженъ обогатить; ломаютъ его машины, разбиваютъ его фабрики; онъ принужденъ оставить Ланкастеръ и уходитъ въ Ланаркъ, говоря: „вамъ на зло

обогащу васъ.“ И англійская торговля обогащается сотнями милліоновъ. Это славное проявленіе человѣческой силы; но развѣ менѣе силы въ борьбѣ, долго волновавшей шотландскую церковь, и въ безкорыстныхъ пресвитерахъ, оторвавшихся недавно отъ шотландскаго учрежденія? Развѣ не болѣе еще силы въ бѣдныхъ священникахъ, которые, не зная ни покоя ни отдыха, въ продолженіи двадцати или тридцати лѣтъ, ежедневно борются съ волнами и метелями для того, чтобы носить утѣшеніе слова Божьяго полуодичавшимъ колонистамъ Канады? Виднѣе для всѣхъ усилія героевъ промышленности или политическихъ партій. За ними слѣдитъ съ жадностью подражательная Европа; но величественнѣе и болѣе достойна удивленія энергія духовныхъ началъ, мало замѣчаемая остальнымъ міромъ, который не думаетъ имъ подражать и даже не способенъ понимать ихъ достоинство.

Десятки милліоновъ, употребляемыхъ безпрестанно на безвозвратный расходъ религіозныхъ ученій, пуританцевъ въ бѣдной Шотландіи, католиковъ и англикановъ въ Англіи (хоть напр. въ Лондонѣ, гдѣ около семи милліоновъ асс. собрано въ теченіи четырехъ лѣтъ на построеніе церквей), всѣхъ сектъ и миссіонерскихъ обществъ, трудящихся по земному шару, десятки милліоновъ, употребляемыхъ на благотворительность общественную и на благотворительность частную, въ которой Англія уступаетъ можетъ быть одной Россіи, — вотъ что принадлежитъ собственно характеристикѣ Англіи, а объ этомъ-то и забываютъ. Духовныя силы скрываются за силами вещественными. — Англія не жалѣетъ денегъ для высокихъ цѣлей и для общей пользы: но въ этой землѣ корысти и расчета люди не жалѣютъ даже денегъ для своего удовольствія, и общество не жалѣетъ ихъ для удовольствія общественнаго. Напримѣръ въ Лондонѣ, гдѣ такъ дорогъ каждый клочекъ земли, изъ самаго центра города тянутся одинъ за однимъ великолѣпные парки сентъ-джемской, Грихъ и Гайдъ-паркъ, и гуляющій народъ можетъ итти слишкомъ семь верстъ по зеленому лугу подъ тѣнью старыхъ деревъ, не сворачивая ни въ право, ни въ лѣво. Съ другой стороны почти въ такихъ же размѣрахъ тянется прелестный паркъ регента; далѣе на восточномъ концѣ, собственно для бѣдныхъ его жителей, городъ разводитъ новый паркъ Викторіи, величиною въ нѣсколько сотъ десятинъ. Наконецъ безчисленные скверы [9]) и парки лондонскіе, взятые вмѣстѣ, занимаютъ пространство болѣе иной знаменитой столицы. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Потомъ поглядите на парки, на сады и дорогія заведенія у землевладѣльцевъ большихъ и малыхъ, на домики, которые такъ мило выглядываютъ изъ зелени, на всю роскошную уютность жизни, и вы догадаетесь что деньги и расчетъ не все для Англичанъ. Я знаю, что и другіе народы стали

съ недавняго времени перенимать у нихъ и парки и сады; но далеко, далеко подражателямъ до оригинала своего, и знаешь ли почему? По весьма простой причинѣ. Зелень и лѣсъ давнишняя любовь англійскаго народа. Жизнь историческая заключила его въ большіе города; но въ душѣ онъ и теперь житель села и страстный любитель древесныхъ тѣней. Какъ русскій человѣкъ поетъ чистое поле и мураву шелковую (Ахъ ты поле, поле чистое!), такъ англійская пѣснь теперь говоритъ: какъ весело, весело въ тихомъ зеленомъ лѣсу (T'is merry, t'is merry in good green wood). За то и деревья, которыя полюбилъ англичанинъ, полюбили его, разрослись у него великолѣпными парками и рощами, дали ему густую тѣнь, и наслали чудныя вдохновенія на его поэтовъ, отъ старика Шекспира до нашихъ дней. Говорятъ [10]): сила Англіи въ промышленности и торговлѣ. Тутъ есть доля правды: но Англія не была торговою стороною, когда въ средніе вѣка она наступала на горло Франціи и вѣнчала своего короля на французскій престолъ; она не была землею торговою тогда, когда боролась съ Испаніею, грозою всей Европы; когда при Кромвелѣ она предписывала законы всѣмъ державамъ запада, или когда клала непреодолимыя преграды силѣ властолюбиваго Людовика. Въ наше время она обратилась къ промышленности подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ законовъ; но царствуетъ она въ промышленности въ силу той внутренней энергіи. которая поставила ее такъ высоко въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Уатсъ былъ только однимъ изъ лучей нютонова свѣтила. Струя поэзіи, такъ великолѣпно излившаяся въ Шекспирѣ, не изсякла и бьетъ еще богато изъ англійской земли въ Байронахъ, Скоттахъ и Диккенсахъ. Практическая сила Нельсоновъ, Куковъ и Клайвовъ, торговая смѣлость Аркрайтовъ ростутъ на той же почвѣ, на которой воспитываются Вильберфорсы, Говарды, Матносы и тысячи миссіонеровъ. Оттого-то громадная фабрика, грустное явленіе въ цѣломъ мірѣ, представляетъ въ Англіи какой-то характеръ смѣлой поэзіи. Для самой Англіи денежный вопросъ важенъ только по необходимости, а всякій духовный вопросъ важенъ по сочувствію.

Кажется правъ былъ рулевой на Тритонѣ. Я полюбилъ [11]) его старую Англію, да видно я любилъ ее и прежде

Но что-же Англія? Мой отвѣтъ будетъ: это земля, въ которой борятся тори съ вигами. По видимому опредѣленіе мое не ново и не полно; но дѣло въ томъ, что виги и тори, о которыхъ такъ много говорятъ и пишутъ, совсѣмъ еще не опредѣлены и не имѣютъ ничего общаго съ тѣми мыслями, которыя мы привыкли съ ними связывать. — „Вигъ — либералъ, другъ человѣчества, свободы и успѣха, врагъ налоговъ и привиллегій. Тори — консерваторъ, врагъ

всякаго движенія впередъ, всякой свободы, всякаго усовершенствованія, защитникъ всякой стѣснительной привиллегіи и всѣхъ налоговъ, падающихъ на большинство народа,“ и тому подобное. Такія понятія просты, удовлетворительны, даютъ право понимать газеты, говорить объ Англіи, и даже, смотря по вкусамъ или выгодамъ, полюбить ту или другую партію, того или другаго дѣятеля. Вообще такія понятія удобны. Жаль только, что они не даютъ нисколько возможности понимать дѣла и жизни [12]) Англіи, и совсѣмъ не похожи на дѣйствительность. Вигъ, другъ свободы, тянется изо всѣхъ силъ уничтожить свободу преподаванія, которую отстаиваетъ тори, какъ извѣстно всѣмъ тѣмъ, кто слѣдитъ за споромъ, поднятымъ во время мельбурнова управленія. Тори нападаетъ на налогъ въ пользу колоній и на привиллегіи колоніальной торговли: а за нихъ вступаются виги, и т. п.

Всякое общество находится въ постоянномъ движеніи; иногда это движеніе быстро и поражаетъ даже глаза неслишкомъ опытнаго наблюдателя, иногда крайне медленно и едва уловимо самымъ внимательнымъ наблюденіемъ. Полный застой невозможенъ; движеніе необходимо; но когда оно не есть успѣхъ, оно есть паденіе. Таковъ всеобщій законъ. Правильное и успѣшное движеніе разумнаго общества состоитъ изъ двухъ разнородныхъ, но стройныхъ и согласныхъ силъ. Одна изъ нихъ основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой исторіи общества, есть сила жизни, самобытно развивающаяся изъ своихъ началъ, изъ своихъ органическихъ основъ: другая, разумная сила личностей, основанная на силѣ общественной, живая только ея жизнью, есть сила никогда ничего не созидающая и не стремящаяся что-нибудь созидать, но постоянно присущая труду общаго развитія, не позволяющая ему перейти въ слѣпоту мертвеннаго инстинкта или вдаваться въ безразсудную односторонность. Обѣ силы необходимы, но вторая, сознательная и разсудочная, должна быть связана живою и любящею вѣрою съ первою, силою жизни и творчества. Если прервана связь вѣры и любви, наступаетъ раздоръ и борьба. Англія была землею христіански-религіозною; но односторонность западнаго католицизма, восторжествовавшаго вполнѣ, обусловливала и вызывала протестантство. Оно родилось въ Германіи, перешло въ Англію и было принято ею: но Англія, принимая протестанство, не познало его характера. Память о нѣкогда свободной церкви и о недавнихъ борьбахъ для сохраненія этой свободы, обманывала Англичанъ: они увѣряли себя, что они сохраняли неизмѣнность, когда они явно измѣнились или реформировались, отстраняя или отвергая то, что въ продолженіи долгихъ лѣтъ считали истиннымъ, святымъ и несомнѣннымъ; они вѣрили въ свой католицизмъ, даже когда были протестантами. Таково англиканство.

Другія секты яснѣе сознали, глубже приняли, строже развили свободу протестантскаго скептицизма. Это религіозное движеніе обратилось немедленно въ движеніе общественное. Разрознились и вступили въ борьбу двѣ разумныя силы народа. Одна, органическая, живая, историческая, ослабленная уже упадкомъ сельскаго общиннаго быта и безсознательно допущеннымъ скептицизмомъ протестанства, составила торизмъ. Другая, личная и аналитическая, не вѣрящая своему прошедшему, приготовленная уже издавна тѣмъ же упадкомъ общиннаго быта и усиленная всею разлагающею силою протестанства, составила вигизмъ. Вотъ, любезный другъ, опредѣленіе этихъ двухъ словъ, такъ часто употребленныхъ и такъ мало понятыхъ: въ нихъ, какъ ты видишь, заключается смыслъ не политическій, а соціальный; въ нихъ опредѣленіе самой жизни англійскаго народа.

Теперь тебѣ понятно будетъ, почему торизмъ, обезсиленный и уже не увѣренный самъ въ себѣ, принималъ такъ часто характеръ мертваго и коснаго консерваторства, даже тогда, когда онъ дѣйствительно стѣсняетъ жизнь. Это обманъ, но обманъ неизбѣжный при жалкомъ состояніи общественной науки. Для наблюдателя, болѣе просвѣщеннаго и безпристрастнаго, для человѣка русскаго, мертвящая сухость вигизма, когда онъ разрушаетъ прошедшее, и его безплодность и, такъ сказать, бездушіе, когда онъ думаетъ созидать, слишкомъ явны. На днѣ его лежатъ скептицизмъ, не вѣрящій въ исторію и не любящій ея, раціонализмъ, не признающій законности въ чувствахъ естественныхъ и простыхъ, не имѣющихъ прямологической основы, разъединяющій эгоизмъ личности. Отъ этого первый его взглядъ (впрочемъ это отчасти и его достоинство) обращается всегда на вещественную сторону всякаго вопроса, отъ этого у него порою прорывается дикій эгоизмъ, отъ этого просвѣщеніе духовное онъ старается замѣнить просвѣщеніемъ внѣшнимъ и чисто матеріальнымъ; отъ этого, не любя множества центровъ общественныхъ, данныхъ органическимъ развитіемъ исторіи, онъ старается отрывать отъ нихъ человѣка и привязывать его прямо къ математическому закону центра политическаго; отъ этого, разрывая связи естественныя, онъ старается ихъ замѣнить связями, по видимому менѣе строгими, но дѣйствительно менѣе свободными, именно потому, что онѣ условны; отъ этого простоту совѣсти духа любитъ онъ замѣнять разсчетливою полиціею формы, и т. д. Таковъ вигъ въ его логической крайности, т. е. въ радикалѣ. Но этотъ судъ слишкомъ строгъ въ отношеніи къ вигу вообще. По большей части вигъ все-таки немножко тори, потому что онъ Англичанинъ.

Дѣйствительно всякой Англичанинъ тори въ душѣ. Могутъ быть разницы въ силѣ убѣжденій, въ направленіи ума; но внутреннее чувство одинаково у всѣхъ. Исключенія рѣдки и вообще принадле-

жать людямъ, или совершенно увлеченнымъ систематизмомъ мысли, или людямъ, убитымъ нищетою и развращеннымъ жизнію большихъ городовъ. Исторія Англіи не есть дѣло прошедшее для современнаго Англичанина: она живетъ во всей его жизни, во всѣхъ его обычаяхъ, почти во всѣхъ подробностяхъ его быта. А стихія историческая, это торизмъ. Англичанинъ глядитъ съ дружелюбною улыбкою на широкоплечихъ сторожей тоуера, съ ихъ пестрою и странною одеждою; онъ разсказываетъ съ торжественнымъ удовольствіемъ, что вотъ эти сухія желтыя сливы, которыя онъ вамъ продаетъ, точно такъ сушились тому двѣсти пятьдесятъ лѣтъ; онъ радуется на мальчиковъ христова гошпиталя, которые носятъ и теперь, какъ я ужъ сказалъ, синій балахонъ временъ Эдуарда VI-аго. Онъ ходитъ [13]) по длиннымъ галлереямъ вестминстерскаго аббатства, не съ хвастливою гордостію Француза, не съ антикварскимъ наслажденіемъ Нѣмца; нѣтъ, онъ ходитъ съ глубокою, искреннею, облагораживающею любовію. Эти гроба — это его семья, его великая семья; и это я говорю не объ лордѣ, не о профессорѣ, а объ ремесленникѣ, объ извощикѣ, который цѣлый день махаетъ кнутикомъ по всѣмъ улицамъ лондонскимъ. Торизма столько же въ простомъ народѣ, сколько и въ высшихъ рядахъ общества. Правда, этотъ купецъ, или ремесленникъ дастъ свой голосъ вигамъ: таково его убѣжденіе о пользѣ общей, или своей выгодѣ вещественной: но въ душѣ-то онъ любитъ торіевъ. Онъ поддержитъ Русселя, или Кобдена: но сочувствіе свое дастъ онъ старику Веллингтону, или Бентинку. Вигизмъ — это насущный хлѣбъ; торизмъ — это всякая жизненная радость, кромѣ разврата кабачнаго, или еще худшаго разврата воксаловъ; это скачка и бой, это игра въ мячъ и пляска около майскаго столба, или рождественское полѣно, и веселыя, святочныя игры, это тишина и улыбающаяся святыня домашняго круга, это вся поэзія, все благоуханіе жизни. Въ Англіи тори — всякой старый дубъ, съ его длинными вѣтвями; всякая древняя колокольня, которая вдали вырѣзывается на небѣ. Подъ этимъ дубомъ много веселилось, въ той древней церкви много молилось поколѣній минувшихъ.

То, что существуетъ въ Англіи, то, что иностранцы называютъ учрежденіями, не является торизму Англичанина въ видѣ учрежденій. Это просто часть его самого, олицетвореніе его внутренней жизни, прошедшей или настоящей. Таково, во первыхъ, его отношеніе къ монархіи. Англійская гувернантка, послѣ тридцати-лѣтняго отсутствія изъ Англіи, не могла слышать пѣсни: God save the king (Боже царя храни) безъ того, чтобы не снять шапокъ съ головы своихъ воспитанниковъ, и она дѣлала это совершенно безсознательно. Таково же отношеніе Англичанина къ закону: онъ безпредѣльно уважаетъ законъ: но почему? потому что всякой законъ англійскій —

есть англійскій вполнѣ. Точно также и аристократія англійская не является Англичанину чѣмъ-то отдѣльнымъ, или самостоятельнымъ: нѣтъ, это только часть, оттѣнокъ общаго торизма. Имена Тальботъ. или Перси, или Бедфордъ не представляютъ идеи привиллегій, или административной формы; нѣтъ, въ этихъ звукахъ — Кресси и Пуатье, борьба бароновъ, давшая силу народу, народную жизнь и народныя забавы, въ которыхъ всегда участвовалъ и предсѣдательствовалъ лордъ, но болѣе всего централизація самой деревенской жизни, разорванной послѣ упадка общинъ и отчасти возстановленной силою землевладѣльческой аристократіи. Оттого-то бѣдный селянинъ спрашиваетъ у васъ съ гордостью: „А видѣли вы паркъ лорда Мальбору?" какъ будто бы это его собственной паркъ: оттого малолюдство селъ до сихъ поръ въ Англіи имѣетъ перевѣсъ надъ многолюдствомъ городовъ, между тѣмъ какъ вездѣ въ Европѣ городъ подавилъ деревни. Но какъ я уже сказалъ, аристократія является не учрежденіемъ, а произведеніемъ почвы и исторіи, частью торизма, а не самобытною и отдѣльною силою. Какъ учрежденіе Англичанинъ не понялъ или отвергъ бы ее. Это для меня ясно изъ разговора, въ которомъ я былъ только слушателемъ. Сцена была паркъ съ вѣковыми дубами. Оба разговаривающіе страстные тори. Предметъ разговора — учрежденіе аристократіи въ другихъ краяхъ, и по преимуществу въ такой землѣ, гдѣ она не имѣетъ основы ни въ исторіи, ни въ чувствѣ народномъ Одинъ изъ спорящихъ хвалилъ такое учрежденіе, основываясь на крѣпости самаго начала. Другой, соглашаясь въ этомъ, спросилъ: „что крѣпче? желѣзо или дерево?" — „Желѣзо," отвѣчалъ первый. — „Ну, а укрѣплю ли я это дерево, когда вколочу въ него желѣзный колъ?" Таковъ взглядъ Англичанина. И онъ справедливъ. Гдѣ аристократія не въ общемъ духѣ, тамъ она раздваиваетъ общество и вызываетъ демократію.

Наука цвѣтетъ свободно въ Англіи, но она не ведетъ къ раздору съ жизнію. Рано начинается воспитаніе въ домашнемъ кругу, или въ народныхъ училищахъ. Ребенка вводитъ въ науки разнообразная и богатая словесность, полная вѣры, полная старыхъ сказаній и любви къ старинѣ, и въ тоже время не чуждая никакимъ новѣйшимъ открытіямъ. Это богатство и живость дѣтской словесности происходятъ не отъ системы, но отъ той глубокой и трогательной любви къ дѣтскому возрасту, которая вездѣ поражаетъ путешественника въ Англіи и сама имѣетъ корнемъ чистоту быта домашняго. Мало-по-малу крѣпчающій умъ доходитъ до высшихъ коллегій, до коллегій университета. Я не стану тебѣ разсказывать о планѣ преподаванія: онъ не важенъ: важенъ общій характеръ самыхъ коллегій и университетовъ. Сперва поражаетъ тебя величіе и архитектурная роскошь этихъ заведеній, особенно въ Кембриджѣ; потомъ

ихъ древность, потомъ та глубокая тишина, которая ихъ окружаетъ. Много говорятъ о шумѣ и движеніи въ Англіи, они дѣйствительно изумительны; да гдѣ же въ наше время не шумятъ и не движутся? Ничего не говорятъ о тишинѣ англійской, а она изумительнѣе англійскаго шума. Въ самой серединѣ Лондона, въ десяти шагахъ отъ вѣчныхъ базаровъ гольборнской улицы или Странда, поразило меня пустынное безмолвіе христова гошпиталя, въ которомъ тысяча четыреста учениковъ, или Линкольнъ-инъ-филдсъ, огромнаго квартала, жилища адвокатовъ и ученыхъ; но ничто не можетъ сравниться съ величавою тишиною университетскихъ городовъ. Въ тихій лѣтній вечеръ, когда садящееся солнце освѣщаетъ румянымъ свѣтомъ всѣ двадцать двѣ коллегіи стараго Оксфорда съ ихъ готическими стрѣлками, съ ихъ стрѣльчатыми окнами и прозрачными аркадами, когда длинныя тѣни старыхъ дубовъ и каштановъ ложатся на зеленыя лужайки, парки, и стада оленей рѣзвятся по освѣщенному лугу и по тѣнямъ, и сами мелькаютъ какъ тѣни и довѣрчиво подбѣгаютъ къ университетскимъ зданіямъ, и къ келліямъ студентовъ, — тогда, повѣрь мнѣ, — Оксфордъ волшебнѣе самой Венеціи. Въ Венеціи роскошь и нѣга: надъ Оксфордомъ носится какая-то строгая и свѣтлая дума. Верхъ дерева шумитъ и качается: въ тишинѣ и безмолвіи ростутъ и крѣпнутъ его вѣковые корни. Дисциплина университетская похожа на монастырскую, игры учениковъ имѣютъ еще весь характеръ дѣтскихъ забавъ; но за то это долгое дѣтство приготовляетъ здоровую и разумную возмужалость, за то изъ строгой тишины монастырской выходятъ тѣ могучіе и смѣлые умы, которые развиваютъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ духовную и вещественную силу Англіи и правятъ ею сквозь шумъ и бурю торговой и политической жизни; за то Англіи не извѣстны эти цѣлыя поколѣнія, которыя въ иныхъ земляхъ являются съ такимъ полнымъ безсиліемъ на поприще дѣятельности, какъ мальчишки, безвременно убѣжавшіе изъ родительскаго дома, въ слишкомъ раннихъ галстукахъ и фракахъ, съ модными бадинками въ рукѣ, съ полнымъ незнаніемъ своей земли, съ самодовольною пустотою въ головѣ, съ неспособностью къ мысли самобытной и съ хвастливою готовностью вѣкъ свой насвистывать чужую пѣсню, воображая, что она сложена ими самими. Рѣдкій Англичанинъ спроситъ у васъ, видѣли-ли вы Ливерпуль или Бирмингхамъ; всякой спроситъ, видѣли-ли вы Оксфордъ и Кембриджъ.

Впрочемъ главною основою [14]) англійской жизни есть безпорно жизнь религіозная. Сотни миссіонеровъ, разносящихъ слово божіе по всему земному шару, и проповѣдниковъ, борющихся съ невѣріемъ поверхностной философіи, суть только проявленіе общаго духа и общаго стремленія. Я видѣлъ церкви, наполненныя благоговѣй-

ными слушателями. Я видѣлъ на улицахъ толпы простаго народа, слушающія проповѣдь бѣднаго старика, толкующаго (можетъ быть и криво) тексты священнаго писанія; я видѣлъ кучки работниковъ, занимающихся богословскими спорами во время воскреснаго отдыха, и это напомнило мнѣ нашу святую, богомольную Русь. Направленіе ума народнаго отзывается въ направленіи избранныхъ его дѣятелей. Въ старину великій Ньютонъ кончалъ поприще свое толкованіемъ апокалипсиса: въ наше время поэты Соути, Кольриджъ, Вордсвортъ были двигателями вопросовъ религіозныхъ; блистательный умъ Арнольда, такъ рано развившагося (онъ семи лѣтъ писалъ уже драму), посвящалъ себя богословскимъ наукамъ (къ несчастію въ крайне-протестантскомъ духѣ), и почти ни одинъ изъ великихъ дѣятелей въ Англіи не оставался чуждымъ положительнымъ вопросамъ Религіи. Вотъ чего, кромѣ Англіи, нѣтъ уже нигдѣ.

Крѣпокъ-ли англійскій торизмъ? ровенъ ли бой его съ вигами? Нѣтъ. Торизмъ, изначала запечатлѣнный излишнею личностью (это замѣтно въ аристократизмѣ), носитъ въ себѣ постоянно характеръ вигизма и всеразрушающей личности, логически развивающейся изъ протестантства; а протестантство неизбѣжно. Тори чувствуетъ опасность свою, и многіе знаютъ ея источникъ. Духовное лице въ Оксфордѣ спрашивало у меня: „чѣмъ можно остановить гибельныя послѣдствія протестантства?“ Я отвѣчалъ: „откиньте римскій католицизмъ?“ Торизмъ англійскій, не вѣрный самому себѣ, живетъ только чувствомъ: за вигизмъ стоитъ разсудокъ и его логическая послѣдовательность. Будущее принадлежитъ ему.

[1]) Снт. Ш. § 56. 8.) 2). [2]) Снт. Ш. 54. 6). [3]) Снт. Ш. § 56. 6.) 2). [4]) Снт. Ш. § 50. 1). [5]) Снт. Ш. § 56 6.) 2). [6]) Снт. Ш. § 47. 3. б.) Нкл. Снт. ст. 70. д). [7]) Снт. Ш. § 50. 13). [8]) Такъ называется состязаніе лодокъ. [9]) Площади съ садами. [10]) Снт. Ш. § 47. 4.) в). Нкл. Снт. ст. 23. а). [11]) Снт. Ш. § 56. 12). [12]) Правильные жизнь. Снт. Ш. § 41. 6.) Нкл. Снт. ст. 73. [13]) Снт. Ш. § 50. 22). [14]) Снт. Ш. § 42. 4) Нкл. Снт. ст. 29. Прим. I.

---

91. Дагестанскіе татары въ острогѣ въ Сибири.

Дагестанскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ съ мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ тоже время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другаго кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна;

большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю, не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ было у него пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Всю милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія; онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъбудто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда бывало выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: дотого доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его въ послѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ [1]) и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ

мальчикомъ [2]), чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще скажу заранѣе: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?....

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работящій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый, прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ: но взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мірѣ.

— Что, Алей, ты вѣрно сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно тамъ хорошо?

— Да, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли. — А почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать? что, тамъ лучше чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно-быть теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!...

— О-охъ, и не говори лучше. — Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ?

— Должно-быть она красавица, если на тебя похожа.

— Чтó на меня? она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она вѣрно умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила.... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ — никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я распрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ чѣмъ могъ въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, точалъ сапоги и, впослѣдствіи, выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучился читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь въ Сибири, впослѣдствіи?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ новаго завѣта, — книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ-будто съ особеннымъ чувствомъ. Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицо.

— Ахъ, да! отвѣчалъ онъ, — да, Иса святой пророкъ, Иса божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Чтожъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, то есть чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили: что Иса былъ божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее и она полетѣла.... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе. Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они на-перерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть такъ-же, какъ и братьевъ.

Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. „Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ,“ — говорилъ онъ, — „что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду....“

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь мой добрый, милый, милый Алей!...

Достоевскій.

[1]) Снт. III. § 42. 2). [2]) Снт. III. § 44. 1.) Нкл. Снт. ст. 29.

IV. ПИСЬМА.

Къ П. А. Словцову.

1808 г. 2. іюля.

92. Письмо ваше, любезный Петръ Андреевичъ, изъ Казани я получилъ. Кто взялъ на себя крестъ и положилъ руку на рало [1]): тотъ не долженъ уже озираться вспять, и чтó впрочемъ, озираясь, онъ увидитъ? Мечты и привидѣнія, всё похоть очесъ [2]) и гордость житейскую. Великая разность, другъ мой, итти путемъ умозрѣнія и путемъ дѣйствительнаго терпѣнія. Мы умствуемъ, а тебѣ милосер-

дое Провидѣніе назначило дѣйствовать: будь же Его орудіемъ вѣрнымъ и неразногласнымъ. Человѣкъ съ той минуты пріобщается точно и истинно Сыну божію, вездѣ присутствующему и вседѣйствующему, и раздѣляетъ честь Божества, когда онъ прилагается волѣ божіей покорностію своей воли. Въ семъ состоитъ то *единое на потребу* [3]), коего требуетъ любовь и безъ коего не можетъ быть истиннаго соединенія. Впрочемъ царствіе божіе близъ есть [4]). Въ милліонѣ вѣковъ, кои намъ прожить остается, дѣйствительно настоящая жизнь есть мгновеніе: какъ же тутъ различить годы, мѣсяцы, дни? Какъ найти въ сей безднѣ разстояніе Сибири отъ Петербурга? Какъ опредѣлить положеніе и предѣлъ различныхъ мельканій, чтó мы называемъ участію и происшествіями нашей жизни.

Не соблазняйся однакоже, другъ мой, приливомъ разныхъ суетныхъ помысловъ — вспомни нашего добраго Ѳому Кемпійскаго. Сего утра я читаю: tant, que vous vivrez, vous serez sujet au changement. . . .

Не удивитесь, что вмѣсто Петербургскихъ новостей пишу вамъ вещи, такъ мало къ Петербургу принадлежащія. Сія бесѣда есть единственно для меня и для васъ интересная. Прочее всё пусть идётъ, какъ можетъ: мы знаемъ, что какъ бы колесо ни вертѣлось, а съ оси Провидѣнія не спадетъ и съ пути своего не совратится. Впрочемъ Учитель нашъ сказалъ: Царство мое несть [5]) отъ міра сего; а слѣдовательно и новости его къ намъ не принадлежатъ; вообще же сказать, старое идётъ по старому. Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю, божію благословенію васъ поручаю. Не забывайте меня въ вашихъ утреннихъ размышленіяхъ.

[1]) Ц. слав. соха. [2]) Ц. слав. очей. [3]) Ц. слав. одно, что нужно. [4]) близко. [5]) Ц. слав не есть.

С.-Петербургъ, 3 октября 1829.

93. Давно, любезный Петръ Андреевичъ, собирался я къ вамъ писать, но все отлагалъ до того времени, какъ могу вамъ сказать что-нибудь пріятное и рѣшительное. Третьяго дня наконецъ К. Ливенъ мнѣ объявилъ, что желаніе ваше и мое сбылось: Государь пожаловалъ вамъ полный пенсіонъ. Зная, сколько вамъ нужна была сія милость къ устроенію и успокоенію вашему, отъ всего сердца васъ съ нею поздравляю.

Прослуживъ съ честію и пользою государству, вамъ остается теперь дослуживать одну службу великую, но не тяжкую, нести иго благое и бремя легкое Господа Спасителя. Сколь часто, среди дѣлъ и суетъ, меня обуревающихъ, думая о васъ, наслаждаюсь я мысленно вашимъ положеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Ир-

кутскѣ, мысли мои, слава Богу, ни въ чемъ не измѣнились: и мысль, когда прійду и явлюся лицу божію — вездѣ и всегда со мною.

Поручаю себя вашимъ добрымъ воспоминаніямъ и молитвамъ — и точно молитвамъ: ибо я въ глубинѣ души увѣренъ въ дѣйствіи молитвы не только за себя, но и за другихъ. Господь да будетъ съ вами.

Сперанскій.

P. S. Для чегобы вамъ, хотя изрѣдка, при большомъ вашемъ досугѣ, не написать ко мнѣ строчку, сказать слово утѣшенія — это было бы сущая милосыня нищему, даръ безкорыстный: ибо отвѣчать вамъ я не въ силахъ: но каждую почту радъ читать ваши письма не о Сибири и дѣлахъ ея, но о васъ самихъ и дѣлѣ божіемъ.

Къ друзьямъ!

94. Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствованіями; а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ, ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ нравственный составъ бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои, на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце, — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные, — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ[1] прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами[2]), но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями, и въ самое то время, какъ былъ разнѣженъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращусь. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ. — Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое

такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать? Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысяча пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь! ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Еслибы человѣку, человѣку самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи, въ Твери, грусть моя такъ усилилась, что я хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое. Тамъ-то все, оставленное мною, явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства.

[1]) Снт. Ш. §. 42. 4.) Нкл. Снт. ст. 29. [2]) Снт. Ш. § 22. 1.)

---

95. Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе.... Я въ Парижѣ! говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ тюильери въ поля елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на домъ, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами; веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.

Пять дней прошли для меня, какъ пять часовъ, въ шумѣ, въ многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ пале-рояль. Душа моя наполнилась живыми впечатлѣніями, но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета [1]), и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ.

Пусть любопытство мое насыщается, а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать. Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа; отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ

и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; ловятъ, хватаютъ мысли, угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность, напримѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А парижскій житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

[1]) Снт. III. 41. 6.) Нкл. Снт. ст. 73.

---

96. Парижъ и Лондонъ — два первые города въ Европѣ, были двумя фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Если великолѣпіе состоитъ въ огромности зданій, которыя подобно гранитнымъ утесамъ гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни одного огромнаго дома. Но длинныя, широкія, гладко вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади, гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ бѣдные люди въ разодранныхъ рубищахъ, здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ здоровье и довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ бодрыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко, вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство. Кто скажетъ вамъ: *шумный Лондонъ!* тотъ, будьте увѣ-

рены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности и спѣшатъ отдыхать. Если бъ отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бъ вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные дома; двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, и хорошо, если въ десять минутъ услышите два слова — какія же? *ваше здоровье!* Мудрено ли, что ораторы ихъ въ Парламентѣ, заговоривъ, не умѣютъ кончить? Имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружностію предметовъ, особенно лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши: одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ граціями. Онѣ ходятъ, какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Англичанки по большей части бѣлокуры, но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ. Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ мнѣ не случалось видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. *Карамзинъ.*

Къ С. С. У.

Неаполь, мая 1819.

97. Спѣшу загладить мою вину, если можно молчаніе назвать виною. Часто принимался я за перо, и самъ не знаю, почему отлагалъ. Но вчерашній день пробудилъ во мнѣ голосъ совѣсти и обезоружилъ лѣнь мою, которая готова была защищаться передъ вами ложью и дурными силлогизмами. Когда лучше и подробнѣе узнаю Неаполь, тогда увѣдомлю васъ, какъ идетъ здѣсь университетъ и ученіе вообще. Но могу смѣло сказать, что искусства пошли назадъ, и даже самая музыка. Огромный, величественный С. Карло, говорятъ знатоки, гробъ хорошей музыки. Здѣсь и дурную и хорошую начинаютъ слушать съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ. Какая земля! Вѣрьте, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ исторію, природу и поэзію. Но умъ, требующій пищи въ настоящемъ, умъ дѣятельный, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ. Сердце, живущее дружбой, замретъ. Общество безплодно, пусто. Найдете домы такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ; но живости, любезности

французской не требуйте. Едва, едва найдешь человѣка, съ которымъ обмѣняешься мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями и стѣною китайскою. — M-me Staël сказала справедливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, особенно между адвокатами, ученыхъ; но они безъ каѳедры нѣмы, иностранцевъ не любятъ и, можетъ быть, справедливо. Въ общества я заглядываю какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книгами, посѣщаю Помпею и берега залива, наставительные, какъ книги; страшусь только забыть русскую грамоту. — Поздравляю любителей поэзіи, слѣдственно и васъ, съ прекрасными стихами Жуковскаго на смерть королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, однимъ словомъ, достойны сей славной женщины, столь рано у насъ похищенной; достойны Жуковскаго и могутъ стать на ряду съ его лучшими произведеніями. Желаю вамъ счастія и семейству вашему.

Батюшковъ.

Къ редактору журнала министерства народнаго просвѣщенія.

98. Письмо, сообщаемое мною вамъ, достойно того, чтобъ знали о немъ всѣ, коимъ драгоцѣнна память Карамзина: выражая прекрасную душу его, оно короче познакомитъ съ нимъ самимъ всѣхъ тѣхъ, кои знали его по однимъ сочиненіямъ; въ тѣхъ же, кои имѣли счастіе знать его самого, оно пробудитъ трогательное, сладостное воспоминаніе. Въ концѣ этого письма онъ съ безпокойствомъ, но и съ надеждою говоритъ о болѣзни государя Александра Павловича въ Таганрогѣ и мимоходомъ упоминаетъ о печали императрицы Елисаветы Алексѣевны по случаю смерти короля баварскаго.... а въ эту минуту и государя, столь ему любезнаго, уже не было на свѣтѣ, и смертельное горе уже стремило ко гробу овдовѣвшую императрицу, и въ немъ самомъ уже начиналась та болѣзнь, которая чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была положить его въ могилу. Первое извѣстіе о кончинѣ государя принесено было ему мною; услышавъ о ней, онъ сталъ на колѣна, поднялъ глаза къ небу, молчалъ, молился мыслію, потомъ горько заплакалъ. Но онъ и самъ уже былъ на краю гроба, когда ему сказали, что и государыня Елисавета Алексѣевна скончалась. Я желалъ бы, но не умѣю описать его въ эту минуту; желалъ бы найти выраженіе для наименованія того набожнаго (уже потухающаго) взгляда, который онъ, не сказавъ ни слова, поднялъ къ небу, какъ будто провожая туда милую душу, и того движенія руки, которымъ онъ какъ будто передавалъ её Всевышнему. Въ это время онъ находился въ таврическомъ дворцѣ, куда переселили его въ началѣ весны, дабы онъ могъ свободнѣе пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Было рѣшено, что онъ отправится

въ южную Францію; былъ готовъ фрегатъ для перевезенія его въ Марсель. И онъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобъ смерть его была такъ близка; онъ занимался настоящимъ, думалъ о будущемъ, думалъ о довершеніи великаго труда своего. Благодаря отеческой заботливости государя Николая Павловича, который, какъ истинный представитель своего народа, изъявилъ Карамзину, въ достойной его наградѣ, благодарность свою и Россіи, онъ былъ избавленъ отъ всякаго безпокойства о судьбѣ своего семейства. Съ какою-то младенческою ясностію души онъ дѣлалъ планы для своей заграничной жизни. „Теперь я богатъ,“ говорилъ онъ: „могу завести себѣ верховую лошадь, постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановить свое здоровье.“ Но было опредѣлено иначе; онъ не пережилъ мая. Принужденный также по причинѣ болѣзни покинуть въ началѣ сего мѣсяца Россію, я не имѣлъ отрады быть при немъ въ послѣднюю его минуту; но я съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ его приближающагося къ сей минутѣ; я видѣлъ умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о концѣ такого человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у *Отца обителей много*, всѣ наши понятія о жизни, смерти и безсмертіи преображаются для насъ во что то свѣтло-очевидное. Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина, кто зналъ, какъ онъ всегда былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были, по какому-то естественному сродству, согласны съ правилами строгаго разума, какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, какой онъ былъ (при сей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія его радости и печали и соединяя все его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы на вѣки продолжаться въ мірѣ иномъ, словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина, для того зрѣлище смерти его было освященіемъ того, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ. На камнѣ, покрывающемъ остатки Карамзина, вырѣзаны слова Спасителя: *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* *А. Жуковскій.*

Рейнскій водопадъ.

99. Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ [1]), какъ нѣкоторые другіе Швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. — Если

смотрѣть на него какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, такъ невысокій, водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько уступовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлереи, построенной на берегу, у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ; лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму: но безъ лучей всё теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу, и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги, — словомъ, картина неописанная. — На галлереѣ стоятъ безъ малѣйшей опасности; но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Рейнскій водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ; со временемъ они исчезнутъ. Одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и полвѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура, она была выкрашена, но краску смыло водою, осталась одна надпись: Deus mea spes — Богъ моя надежда! Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ каммеробскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе; вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтръ разноситъ брызги, и слышный невдали шумъ довершаетъ очарованіе. *А. Жуковскій.*

[1]) Сит. III. § 54. 8).

Защита Смоленска.

4-го августа 1812.

100. Въ сіи минуты, какъ пишу къ тебѣ дрожащею рукой, рѣшается судьба Смоленска. Непріятель, сосредоточивъ гдѣ-то великія силы, ворвался вчера въ Красное, — и между тѣмъ, какъ наши смотрѣли на Рудню, онъ полетѣлъ къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ внезапно. Дивизія Невѣровскаго принесла сегодня Французовъ на плечахъ; а храбрый генералъ Раевскій встрѣтилъ ихъ

съ гордостію войскъ и не впустилъ въ городъ. Сегодня всѣ обыватели высланы, баттареи выставлены. Непріятель съ двумя стами тысячъ наступаетъ на Смоленскъ, защищаемый 150,000 нашихъ. Покровская гора еще въ нашихъ рукахъ. Теперь сраженіе горитъ подъ самыми стѣнами. Когда получишь сіи строки, то знай, что чей-нибудь жребій уже рѣшился: или отбитъ Наполеонъ, или дверь въ Россію отперта.

Я сейчасъ иду помолиться въ послѣдній разъ на гробахъ родителей, и ѣду къ старшему брату моему Василью; отъ него видно сраженіе. Прощай.

8-го августа 1812.

101. Я видѣлъ ужаснѣйшую картину, — я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе; 4-го числа непріятель устремился къ Смоленску и встрѣченъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5-го числа съ ранней зари до поздняго вечера, 12 часовъ, продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста, дрались какъ львы. Французы, или лучше сказать Поляки, въ бѣшеномъ изступленіи, лѣзли [1]) на стѣны, ломились [2]) въ ворота, бросались [3]) на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города, по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствіемъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. *Злодѣи* тотчасъ исполнили приказъ *изверга*. Тучи бомбъ, гранатъ, огненныхъ ядеръ полетѣли на дома, башни, магазейны, церкви. — И дома, и церкви, и башни обнялись пламенемъ, и все, что можетъ горѣть, запылало! Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя зари, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣна, съ воздѣтыми къ небу руками, — вотъ, что представлялось глазамъ нашимъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце!... Толпы жителей бѣжали [4]) изъ огня, полки Русскіе шли [5]) въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли [6]) ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ ранеными.

Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе, блескъ пожаровъ освѣщалъ оное. Между тѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку и ужасъ къ ужасу, — Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ

взятъ былъ непремѣнно 5-го числа; однакожъ Русскіе отстояли его грудью, и 5-го числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано, — о превратность судьбы!... то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно.... Главнокомандующій имѣлъ на то причины. Теперь Смоленскъ есть огромная груда пепла; огрестности его суть окрестности Везувія послѣ изверженія. Наши поспѣшно отступаютъ къ Дорогобужу; но въ сей часъ, то есть, 8-го числа къ вечеру, пріостановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, сегодня дерутся и завтра будутъ драться! Злодѣи берутъ однимъ *многолюдствомъ.* Вооружайтесь всѣ, вооружайся всякъ, кто только можетъ, гласитъ наконецъ главнокомандующій въ послѣдней прокламаціи своей. И *такъ — народная война!*

Его императорское высочество Константинъ Павловичъ, усердно раздѣляющій съ войскомъ труды и опасности сего бурнаго времени, былъ свидѣтелемъ этого кровопролитнаго боя и страшнаго пожара смоленскаго. Съ душевнымъ прискорбіемъ взиралъ онъ на разрушеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ своего отечества. Жители Смоленска неутѣшны. Несчастія ихъ неописанны. О, мой другъ! сердце твое облилось бы кровію, еслибъ ты увидѣлъ злополучіе моей родины. Но судьбы Вышняго неиспытанны: пусть разрушаются грады, пылаютъ села, истребляются домы, исчезаетъ спокойствіе мирныхъ дней; но пусть сія жертва крови и слезъ, сіи стоны народа, текущіе въ облака вмѣстѣ съ куреніемъ пожаровъ, умилостивятъ наконецъ разгнѣванныя Небеса! Пусть постраждутъ области, но спасется отечество! Вотъ общій голосъ душъ, вотъ искренняя молитва всѣхъ русскихъ сердецъ. *Ѳ. Глинка.*

[1]) Снт. III. § 50. 13). [2]) Снт. III. § 50. 15). [3]) Снт. III. § 54 1). [4]) Снт. III. § 50. 2). [5]) Снт. III. § 50. 22). [6]) Снт. III. § 50. 16).

О смерти Дельвига.

102. Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все и не имѣлъ духу. Вчера я получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ [1]) чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду; около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? ты я. Б...ый, вотъ и все. Вчера провелъ я день съ Н***, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называли его

покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ! — быть такъ! В....ый боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ, и постараемся быть живы.

А. Пушкинъ.

[1]) Сит. III. § 19. Прим. 2.) Нкл. Сит. ст. 75·

Къ В. С......

103. Другъ мой В. С.! Не пеняйте на долгое мое молчаніе, милый другъ! Видите ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. — Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ. 100 лошадей и муловъ; ночуемъ подъ шатрами на высотѣ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нина моя не жалуется, всѣмъ довольна и весела: для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ и смѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, куда вовсе намъ быть не хотѣлось. Нынѣ насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ съ крестами, иконами и хоругвями, пѣніемъ и проч., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью. — Какъ это все случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Простительно ли мнѣ, послѣ стольких размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей, и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка? А независимость, которой я также былъ страстный любитель? Исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ воздушнымъ созданіемъ; но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Всегда ли такъ будетъ? Бросьте вашего Троспера и Куперову Prairie! Мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожій на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ ни думалъ, ни гадалъ.

Грибоѣдовъ.

Терекъ.

104. Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ дарьэльскомъ ущеліи. Тамъ, какъ геній, черпая силы изъ небесъ, борется онъ съ природою. Индѣ свѣтелъ и прямъ какъ мечъ, разсѣкшій гранитную скалу, сверкаетъ онъ между утесами. Индѣ, чернѣя отъ гнѣва,

реветъ и рвется, какъ лютый звѣрь, подъ вѣковыя громады, отрываетъ, рушитъ, катитъ вдаль ихъ обломки.

Въ бурную ночь, когда запоздалый всадникъ, завернувшись въ косматую бурку, озираясь, ѣдетъ по забрежью, висящему надъ пучиною Терека, всѣ ужасы, какіе только породить можетъ досужее воображеніе, ничто въ сравненіи съ истинными, его одолѣвающими. Съ глухимъ шумомъ крутятся дождевые потоки подъ ногами, падаютъ на голову со скалъ, нахмуренныхъ надъ нею и каждый мигъ грозящихъ подавленіемъ. Вдругъ, какъ лава, прорывается молнія, — и вы съ ужасомъ видите только черную, расторгнутую тучу надъ собою, а подъ собой зіяющую бездну, утесы по сторонамъ, а навстрѣчу вамъ съ крутизны ревущій, прыщущій Терекъ, осыпанный огненною пѣной. — На одинъ мигъ видите вы, какъ мутныя, буйныя волны его, словно адскіе духи, скачутъ, прядаютъ, мечутся въ бездну со стономъ, пораженные мечемъ архангеловъ. Вслѣдъ за ними съ грохотомъ катятся [1]) огромные камни. И вдругъ, послѣ ослѣпительнаго озаренія молніею, вы опять погружены въ черное море ночи; и вдругъ за тѣмъ раздается выстрѣлъ грома, зыблющій основаніе скалъ, будто тысячи горъ рушатся [2]) другъ на друга: такъ вторятъ отголоски удару небесъ. Потомъ долгій, протяжный гулъ, будто стонъ сорванныхъ съ корней дубовъ, или звукъ сокрушенныхъ скалъ, или вой раздавленныхъ въ безднѣ великановъ, сливается съ шумомъ вѣтра, и вѣтеръ превращается въ ураганъ, и дождь низвергается ливнемъ. И снова молнія слѣпитъ васъ, и снова громъ, на который отвѣчаетъ вдали рокотъ обваловъ, оглушаетъ... Камни сыплются мимо, и звучно падаютъ въ воду. И конь упирается, садится назадъ, фыркаетъ, трепещетъ, грива его хлещетъ въ глаза всадника, и всадникъ творитъ невольную молитву. *Марлинскій.*

[1]) Синт. III. § 50. 10). [2]) Синт. III. § 54. 13).

Утро въ Пятигорскѣ.

105. Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука; во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавный Бэшту синѣетъ, какъ послѣдняя туча разсѣянной бури; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть

небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амѳитеатромъ громоздятся горы, все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ. Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; сонце ярко, небо сине, — чего бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія? Однако пора. Пойду къ елисаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество. *Лермонтовъ.*

Украинская ночь.

106. Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги [1]), и движетъ океанъ благоуханій! Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все живо, все торжественно на душѣ, и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательнач ночь! И вдругъ — все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба. Какъ очаровательно дремлетъ на возвышеніи село.....

Еще болѣе, еще лучше блестятъ [2]) при мѣсяцѣ толпы хатъ, еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны.

Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ. *Гоголь.*

[1]) Снт. III. § 19. Нкл. Снт. ст. 75. [2]) Снт. III. § 51. 26. 2).

Къ другу.

107. Съ искреннимъ участіемъ пишу тебѣ, любезный другъ, потому что болѣзнь души твоей отозвалась душѣ моей, и я, видя причину сей болѣзни, не хочу оставаться равнодушнымъ, хотя, быть можетъ, не мнѣ поручена такая забота; по крайней мѣрѣ исполню

долгъ пріязни, сколько мнѣ позволятъ мои слабыя средства, и указавъ тебѣ на врачеваніе, помолюсь врачу душъ и тѣлесъ о совершенномъ исцѣленіи.

Болѣзнь твоя, прости мнѣ мою смѣлость и докучливость, болѣзнь твоя есть недостатокъ вѣры, и она тѣмъ опаснѣе, что ты ее самъ не чувствуешь, потому что главный ея источникъ есть незнаніе того, что необходимо для нашего спасенія. Незнаніе гибельное, которое, облекая сердце какъ-бы нѣкою корою, дѣлаетъ его неприступнымъ всякой истинѣ и обращаетъ непримѣтно первоначальное равнодушіе къ вѣрѣ въ ожесточеніе противъ нея; а такое ожесточеніе будетъ крайнею степенью болѣзни.

Вижу отселѣ, ты улыбаешься, читая сіи строки; во всемъ цвѣтѣ молодости, бодрый силами, свѣжій умомъ, ты не можешь повѣрить, чтобъ столь крѣпкое тѣло нашло въ себѣ больную душу, и скорѣе припишешь моему странному образу мыслей такой необычайный взглядъ на внутреннее расположеніе человѣка, весьма обыкновенное по твоимъ понятіямъ и даже отчасти сходное въ понятіями вѣка. Но есть болѣзни душевныя, въ сравненіи съ коими ничего не значатъ тѣлесные недуги; развиваясь мало по малу и съ тою же постепенностію, онѣ достигаютъ, наконецъ, до такой закоснѣлости, что уже зараженная ими душа не въ силахъ бываетъ одолѣть ихъ, и что весьма замѣчательно: часто чѣмъ здоровѣе тѣло, тѣмъ душа больнѣе, потому-что грубыя впечатлѣнія внѣшнія не даютъ ей воспрянуть отъ грѣховнаго сна.

Начало столь бѣдственнаго состоянія въ человѣкѣ будетъ первымъ предметомъ нашей бесѣды, и мы въ послѣдствіи увидимъ, какое чрезвычайное средство даровано намъ для благовременнаго исцѣленія. Но прежде прошу тебя, ради той любви, которая внушаетъ мнѣ слова, быть можетъ, горькія твоему сердцу, забыть во мнѣ человѣка, исполненнаго всякихъ недостатковъ, чтобъ видѣть только одну любовь сію, источникъ коей есть живое соболѣзнованіе, основанное на опытѣ собственныхъ болѣзней. Я прошу не одного снисхожденія, но и взаимности, потому-что ты можешь сильно содѣйствовать къ собственному моему исцѣленію, если только, чрезъ мое посредство, дашь проникнуть истинѣ въ твое сердце; ибо свят. писаніе говоритъ для ободренія грѣшниковъ: „что обратившій брата съ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покроетъ множество грѣховъ.“ (Іак. V, 20.) Видишь ли, какое обиліе милости въ рукахъ твоихъ? Неужели откажешь излить ее на грѣхи мои? Неужели будешь равнодушенъ къ спасенію друга? — Братъ мой, блуждающій по темнымъ стезямъ міра, вотъ истинный путь предъ тобою, и не только путь, но и жизнь! — Пойдемъ и спасемъ другъ друга.

А. Муравьевъ.

С.-Петербургъ, 12. января 1830 г.

108. Я пріѣхалъ въ Петербургъ вчера въ два часа. Въ конторѣ дилижансовъ меня ждали уже два письма: одно отъ А. П., другое отъ Жуковскаго. — Первая пріискала для меня квартиру, а Василій Андреевичъ звалъ переѣхать прямо къ нему. Я такъ и сдѣлалъ. Жуковскій обрадовался мнѣ очень и провелъ со мною весь вечеръ, разспрашивалъ обо всѣхъ васъ, радовался моему намѣренію ѣхать учиться и совѣтовалъ ѣхать въ Берлинъ, хотя на мѣсяцъ. „Тамъ на мѣстѣ ты лучше увидишь, что тебѣ дѣлать: оставаться въ Берлинѣ, или ѣхать въ Парижъ.“ Послѣднее, однако, кажется, ему не нравится. Я послушаюсь его, поѣду въ Берлинъ, проведу тамъ мѣсяцъ, буду ходить на всѣ лекціи, которыя меня будутъ интересовать, познакомлюсь со всѣми учеными и примѣчательными людьми, и если увижу, что берлинская жизнь полезнѣе, то останусь тамъ и больше.... Разговоръ Жуковскаго я въ связи не припомню. Вотъ вамъ нѣкоторыя отрывочныя слова, которыя остались у меня въ памяти; вообще каждое его слово, какъ прежде было, носитъ въ себѣ душу, чувство, поэзію. Я мало съ нимъ разговаривалъ, потому что больше слушалъ, и старался удержать въ памяти все хорошо сказанное, т. е. все похожее на него; а хорошо сказано и похоже на него было каждое слово. При немъ невольно теплѣешь душею, и его присутствіе даетъ самой прозаической головѣ способность понимать поэзію. Каждая мысль его — ландшафтъ съ безконечною перспективою. Вотъ что я запомнилъ изъ его разговора: „Изо всѣхъ насъ твоя мать перемѣнилась меньше всѣхъ. Она все таже, по крайней мѣрѣ такъ кажется изъ ея писемъ. Все кажется, она пишетъ одно письмо. — Ты будешь со временемъ писателемъ, когда поучишься хорошенько. Теперь объ этомъ еще и думать рано. У тебя въ слогѣ, сколько я читалъ твои сочиненія, есть свой характеръ; — виденъ человѣкъ мыслящій, но еще молодой, который кладетъ свои мысли на прокрустову постель. Но со временемъ это качество можетъ быть полезно, ибо это доказываетъ привычку думать. Теперь тебѣ надо наблюдать просто, безкорыстно. Теоріи только вредны, когда мало фактовъ. Замѣчай самъ все, и не старайся подвести подъ систему твои наблюденія, бойся вытянуть карлу и обрубить ноги великану. Впрочемъ, слогъ твой мнѣ нравится. Знаешь ли, у кого ты выучился писать? у твоей матери. Я не знаю никого, кто бы писалъ лучше ея. Ея письма совсѣмъ она. Она, М. А. и А. А. — вотъ три. А. А. писала прекрасно, il y avait du génie dans son style.“ Тутъ пріѣхалъ Г. П. Опухтинъ, и я ушелъ въ ту комнату, которую Жуковскій отвелъ для меня. Когда Опухтинъ уѣхалъ, я опять пришелъ къ Ж. Ему принесли Сѣверную Пчелу и разговоръ сдѣлался литературный. Про Булгарина онъ го-

воритъ, что у него есть что-то похожее на слогъ и однако нѣтъ слога; есть что-то похожее и на талантъ, хотя и нѣтъ таланта: есть что-то похожее на свѣдѣнія, но свѣдѣній нѣтъ; однимъ словомъ, это какой-то восковой человѣкъ, на котораго разныя обстоятельства жизни положили нѣсколько разныхъ печатей, разныхъ гербовъ, и онъ носится съ ними, не имѣя ничего своего.

Выжигинъ ему крѣпко не нравится, также и Самозванецъ [1]; онъ говоритъ это самому Булгарину, который за то на него сердится. Юрій Милославскій ему понравился очень. Я показывалъ ему дѣтскій журналъ и сочиненія. Онъ прочелъ все съ большимъ удовольствіемъ, смѣялся и радовался повѣстью, которую хвалилъ на каждомъ почти словѣ. Разспрашивалъ объ нашемъ житьѣ-бытьѣ, взялъ мою статью нá-ночь и улегся спать. На другой день говорилъ, что она ему не понравилась. Опять прокрустова постель, говоритъ онъ. Гдѣ нашелъ ты литературу? Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ нѣмцахъ, французахъ и проч.

Я былъ вчера въ казанскомъ соборѣ и слушалъ евангеліе, загадавши, но не разслушалъ ни одного слова, кромѣ послѣдняго:

„И возвратися въ домъ свой.“

Прощайте, пора на почту.

[1] Названіе романовъ, написанныхъ Булгаринымъ.

---

27. января, воскресенье, Рига, 1830.

109. „Вотъ я, въ Ригѣ. Вчера въ вечеру пріѣхалъ и вчера же отправился съ письмомъ отъ Жук. къ прокурору Петерсону, которымъ studiosus Петерсонъ стращалъ станціонныхъ смотрителей. Этотъ прокуроръ Петерсонъ припялъ меня какъ роднаго, какъ друга. Но въ будущемъ письмѣ я опишу это подробно. Сегодня цѣлый день провелъ я въ расхаживаньѣ, въ разъѣздѣ по городу, котораго достопримѣчательности показывалъ мнѣ этотъ милый толстый прокуроръ. Сейчасъ изъ муссы, гдѣ видѣлъ Нѣмцевъ, которые еще Borschmack тѣхъ Нѣмцевъ, къ которымъ ѣду. Въ Дерптѣ я не былъ у бабушки, потому что проѣзжалъ въ 2 часа ночи: но видѣлъ ихъ домъ и отсюда пошлю ваше письмо вмѣстѣ съ своимъ и съ вашимъ образомъ. Прощайте, уже 1 часъ, а завтра мнѣ надо вставать въ 6, мѣнять деньги, пить кофе у Петерсона и перемѣнить паспортъ, который оказался недѣйствительнымъ, ибо по новому постановленію онъ живетъ только три недѣли. Найду ли я на почтѣ письмо отъ васъ? Я оставлю здѣсь у Петерсона подробное описаніе моего отъѣзда изъ Петербурга сюда, до послѣдняго часа отсюда въ Кенигсбергъ. Петерсонъ отправитъ это на слѣдующей почтѣ.

Рига, 27. января 1830.

110. „Я ошибся вчера числомъ и вмѣсто 26 поставилъ 27. Сегодня, т. е. въ понедѣльникъ, я послѣдній день въ Ригѣ, и завтра вмѣстѣ со свѣтомъ выѣзжаю въ Кенигсбергъ, куда нанялъ извощика за 40 руб. сер. Это очень дешево по мнѣнію цѣлой Риги, потому что я познакомился почти съ цѣлой Ригой у милаго, почтеннаго, толстаго, добраго Петерсона, который совершенно плѣнилъ меня своимъ добродушіемъ, добротою, готовностью къ добру и умѣньемъ его дѣлать. Весело видѣть человѣка, котораго почти каждая минута посвящена пользѣ и добру. Онъ пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ и заслуживаетъ его болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой. Das Rechte — вотъ его цѣль, его любовь, его божество. Въ два или три дня, которые я пробылъ здѣсь, я успѣлъ уже узнать его такъ хорошо, что готовъ отвѣчать головою за каждый его поступокъ. Право, онъ успѣлъ уже сдѣлать столько хорошаго, показать столько доброты, сколько у другаго частнаго человѣка растянется на всю жизнь. Въ исполненіи своей должности онъ отличается какимъ-то рыцарствомъ законности, независимостью отъ постороннихъ [illegible]ъ и частныхъ волей (какъ вы говорите), самостоятельност[illegible]ра, твердостью, прямотою, и необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и людей. Вотъ общая молва объ немъ всего города. Комната его съ утра до вечера набита людьми, изъ которыхъ одни приходятъ просить у него совѣта [1]), другіе помощи, третьи услуги, четвертые приходятъ толковать о городскихъ новостяхъ, пятые ничего не дѣлать, и для всѣхъ для нихъ достанетъ у него времени, охоты и веселости. Теперь особенно домъ его набитъ народомъ, потому что все почетное дворянство остзейскихъ провинцій съѣхалось сюда провожать маркиза Паулучи, который черезъ недѣлю ѣдетъ въ Италію, оставляя свое мѣсто графу Палену. Со мной Петерсонъ обошелся такъ, какъ обходятся съ 20-лѣтнимъ другомъ. Но я разскажу вамъ все подробно: изъ Петербурга выѣхалъ я 22-го. Жуковскій, Мальцевъ, Титовъ и Кошелевъ провожали меня въ контору дилижансовъ. Всѣ провожавшіе меня обѣщались въ тотъ же день писать къ вамъ. Напишите, кто сдержитъ слово. Дорога была довольно безпокойна, потому что дилижансы изъ Петербурга въ Ригу устроены скверно. Черезъ Дерптъ я проѣхалъ въ два часа ночи и не видалъ никого и ничего. Но только дышать дерптскимъ воздухомъ и знать, что здѣсь университетъ, здѣсь Ласточка, и проч. — все это такъ живо напоминаетъ нашего Петерсона и Языкова, что мнѣ было въ Дерптѣ и весело и скучно. Въ Ригу я пріѣхалъ 25-го въ 12 часовъ, остановился въ трактирѣ Петербургъ, напился кофе, выбрился, разложился; между тѣмъ пришло время обѣда, послѣ котораго я улегся спать и въ осьмомъ часу отправился къ прокурору Петерсону. У него я засталъ

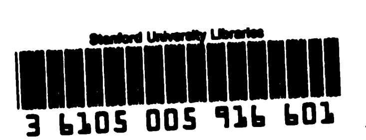
большое общество и музыку. Онъ самъ маленькій, толстый, плѣшивый, въ тепломъ пестромъ халатѣ, сидитъ важно посреди комнаты въ большихъ креслахъ, которыя едва вмѣщаютъ его персону. Когда я отдалъ ему письмо отъ Жуковскаго и назвалъ свое имя, онъ вскочилъ, бросился обнимать меня и пришелъ въ совершенный восторгъ. Когда первый порывъ его кончился, прерванная музыка доигралась, то онъ повелъ меня въ другую комнату, прочелъ письмо Жуковскаго, говорилъ много объ немъ въ Дерптѣ, съ большимъ чувствомъ, съ большою душою и растроганный разговоромъ и воспоминаніемъ досталъ кошелекъ, который подарила ему А. А. В. при прощаніи и поцѣловалъ его со слезами, говоря, что это лучшее сокровище, которое онъ имѣетъ. На другой день этотъ кошелекъ отдавалъ мнѣ на память. — Нужно ли еще разсказывать вамъ, какъ онъ обходился со мною? Интереснаго я въ Ригѣ видѣлъ: 1) die Domkirche, гдѣ недавно отвалился камень и открылся замуравленный человѣкъ: это былъ рыцарь, заколовшій епископа, въ этой же церкви. Вотъ повѣсть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, внутри в[illegible] я [illegible]крашено, выбѣлено и — чисто. 2) Домъ Шварцгейптеровъ, da[illegible], [illegible]upterhaus, котораго зала превращена въ новую, но изъ-по[illegible] новаго можно отгадать и весело отгадывать бывшее старое. Я многое осматривалъ, но интереснаго, кромѣ этого, не видалъ; былъ однако въ муссѣ, смотрѣлъ водопроводъ и безпрестанно гляжу на памятникъ 12-го года, который стоитъ передъ моими окнами. Это такая-же холодная металлическая слава, какая стоитъ у насъ на красныхъ воротахъ, только вмѣсто красныхъ воротъ узенькая колонна, вмѣсто Москвы Рига, вмѣсто — и проч. Забылъ еще интересное: постыдный столбъ, къ которому привязывали преступниковъ. — Довольны ли вы моею аккуратностію? Чего я не разсказалъ вамъ, то вы можете легко отгадать. Отъ васъ-же писемъ здѣсь нѣтъ и Богъ знаетъ будутъ ли?“ *И. Кирѣевскій.*

[1]) Свт. Ш. § 41. б.) г.) Нкл. Свт. ст. 95. а).

*PB-43693-SB
5-07
CC
B/T

PG
2117
S5
v.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

